

ПУТЬ В НАУКУ

Образование.
Педагогика

Выпуск 58(128)

Текстовое электронное
издание

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»

ПУТЬ В НАУКУ

Образование. Педагогика

Электронный сборник научных трудов

Выпуск 58(128)

Текстовое электронное издание

Новополоцк
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой
2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:
доц., к.физ.-мат.н. Ю. Я. Романовский

Заместитель председателя:
к.пед.н. И. В. Бурая

Председатель ред. совета доц., к.и.н. А. Л. Радюк
Зам. председателя ред. совета к.и.н. Е. Н. Борун

История. Философия. Политология:
доц., к.и.н. Н. В. Довгяло
доц., к.и.н. А. И. Корсак
доц., к.и.н. Е. В. Сумко
доц., к.и.н. С. О. Шидловский

**Педагогика, методика, психология.
Физкультура и спорт, здоровый образ жизни:**
проф., д.психол.н. И. Н. Андреева
доц., к.пед.н. Н. И. Антипин
доц., к.пед.н. В. Н. Лухверчик

Теория и практика коммуникаций:
доц., к.филол.н. Е. В. Лушневская
доц., к.и.н. С. О. Шидловский

Лингвистика. Литературоведение:
доц., к.филол.н. Т. М. Гордеёнок
доц., к.филол.н. М. Д. Путрова
доц., д.филол.н. З. И. Третьяк

**ПУТЬ В НАУКУ. ОБРАЗОВАНИЕ. ПЕДАГОГИКА [Электронный ресурс] : электрон.
сб. науч. тр. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2025. –
Вып. 58(128). – URL: https://journals.psu.by/specialists_education_pedagogy.**

Издаётся с 2014 года (в печатном виде – с 2004 г.). Обновляется 1 раз в год.
Переименован с 2024 г. (прежнее название «Электронный сборник трудов молодых
специалистов Полоцкого государственного университета. Образование. Педагогика»).

В сборнике представлены работы студентов и магистрантов Полоцкого государственного
университета имени Евфросинии Полоцкой по направлениям гуманитарных исследований,
проводимых в университете: история, педагогика, методика, психология, физкультура и спорт,
здоровый образ жизни, лингвистика, литературоведение.

Предназначен для работников науки, образования и производства, будет полезен
студентам, магистрантам и аспирантам университетов гуманитарных специальностей.

Сборник включен в Государственный регистр информационного ресурса.
Регистрационное свидетельство № 3671404561 от 30.11.2014 г.

Учредитель: учреждение образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»
211440, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, Беларусь
тел. 8 (0214) 59 95 44, e-mail: vestnik@psu.by

Техническое редактирование, компьютерная верстка Т. А. Дарьяновой.
Компьютерный дизайн обложки: Отдел по связям с общественностью.

Подписано к использованию 05.11.2025. Объем издания: 4,20 Мб. Заказ 448.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014.
ЛП № 02330/278 от 27.05.2004.

№ госрегистрации 3671404561
ISBN 978-985-531-922-2

© Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой, 2025

ИСТОРИЯ

УДК 94 (476)

КАРАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ НАЦИСТОВ В ОТНОШЕНИИ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД С ИЮНЯ 1941 – ПО МАЙ 1942 ГГ.

Я. И. АНИСИМОВА*(Представлено: канд. ист. наук, доц. А. И. КОРСАК)*

В данной статье рассматриваются особенности и результаты проведения карательных операций нацистов на территории Беларуси в период с июня 1941 – май 1942 года. В частности, особое внимание уделено анализу причин, целей, методов, а также определенной территории, на которых были осуществлены нацистские карательные операции в указанный период. На основе выборки опубликованных данных проведенный автором их анализ позволяет ввести в научный оборот количественные показатели касавшие жертв карательных операций среди гражданского населения в июне 1941 г. – мае 1942 г.

22 июня 1941 года нацистская Германия и ее пособники без объявления войны напали на Советский Союз. В начале войны нацистами была определена цель – создание базы для осуществления политики целенаправленного геноцида против населения Советского Союза, в частности и против белорусского народа. Принципиальные моменты были выстроены 16 июля 1941 года, во время совещания в ставке Гитлера, где им прямо было указано то, что под видом борьбы с партизанским движением необходимо осуществлять повсеместные карательные операции [2, с.17].

При детальном изучении данных о карательных операциях, основанных на опубликованных Национальным архивом Республики Беларусь источниках [1; 3; 4], было выделено три этапа проведения нацистами карательных операций на территории Беларуси. Первый этап датируется июнем 1941 года по май 1942 годом, второй этап июнь 1942 по январь 1943 года и третий этап имеет периодизацию с февраля 1943 по 1944 год. Выбор данных промежутков обуславливается характером, целями, методами проведения карательных операций на оккупируемой территории Беларуси, которые в каждый из периодов имеют свои отличия.

Первый этап карательных операций начался в июне 1941 года, когда силами специального 322-ого батальона была осуществлена карательная операция «Припятские болота» на территории Брестской, Пинской, Полесской и Минской областей с 19 июля по 31 августа 1941 года. Данная операция проводилась с целью подавления или уничтожения подразделений Красной Армии, которые были окружены и затем вышли из окружения, а также партизанских формирований и гражданского населения [2, с.38].

В ней были задействованные силы 162-ой и 252-ой пехотной дивизии и 1-я кавалерийская бригада СС. «Особый приказ» рейхсфюрера СС Гимmlера от 28 июля 1941 года давал карателям указание применять авиацию для полного разрушения любых поселений на Полесье, где будет обнаружено сопротивление [2, с.38-39]. При этом предписывалось физическое уничтожение всех советских людей, считавшихся «неполноценными» с точки зрения расы, национальности или физического состояния, а также всех, кого подозревали в связях с партизанами. Женщин и детей предполагалось депортировать в Германию для принудительного труда, а сельскохозяйственные продукты и скот – конфисковать в пользу армии [2, с.39].

При изучении данных о сожженных населенных пунктах и массовые расстрелы, зафиксированные в таких деревнях, как Мотуль (815 человек) и Осташково (515 человек), подчеркивают целенаправленное уничтожение не только людей, но и культурного наследия [3, с.18]. Упоминание о множестве деревень, таких как Хотыничи, Озераны, Запесочье и другие, показывает, что карательные действия охватывали обширные территории, что указывает на количественный подход к исполнению карательной операции и жестокому подавлению местного населения.

Из воспоминаний жительницы деревни Озарены: «Немцы разбирали людей на расстрел. Уже солнце светило, и каратели начали расстреливать, всех соседей, всех детей, женщин и стариков расстреляли, уже через полчаса на центральной улице лежало более десятка мертвых тел» [3, с.36].

Данные о количестве жертв в различных населенных пунктах также демонстрируют, что нацисты подходили к данной операции с особой жестокостью, что может быть связано с различными факторами, включая уровень сопротивления местного населения и стратегические цели нацистов. Однако само по себе убийство стариков, женщин и детей может указывать лишь на бесчеловечное и целенаправленное действие по уничтожению белорусского населения в годы оккупации.

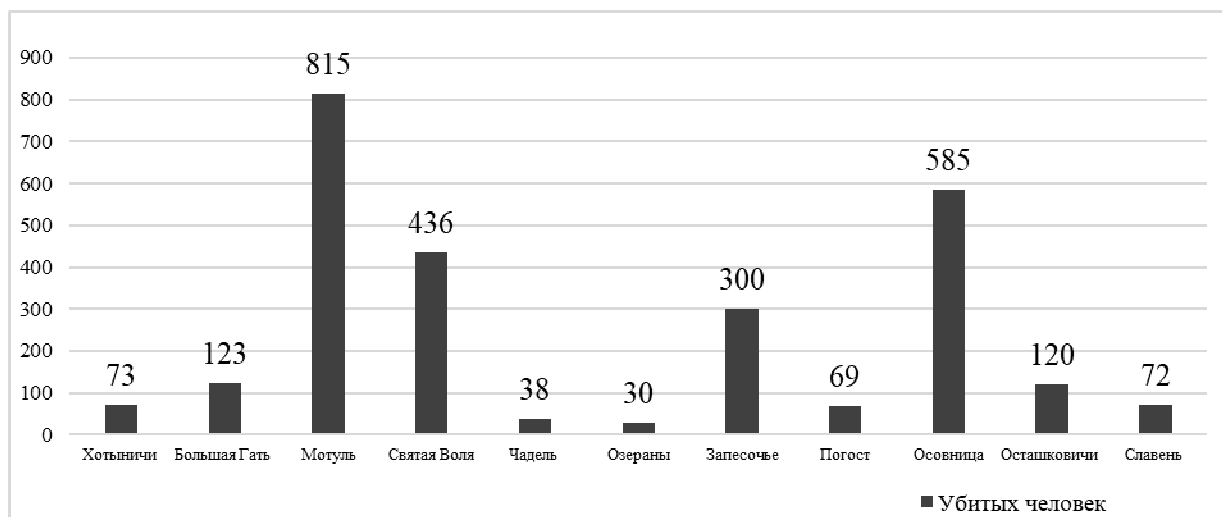

Диаграмма 1. – Населенные пункты, пострадавшие в ходе карательной операции «Припятские болота»

Выборка осуществлена автором на основе: дневника боевых действий 322-го полицейского батальона с 21 июля по 5 августа 1941 г. [4, с. 17-23]

21 августа 1941 года была проведена карательная операция «Туров» («Turów»). Немецкие войска во время того, как заняли м. Туров произвели погром магазинов, складов, забрали все ценное, у населения. В актах ЧГК отмечено следующее, что при занятии м. Туров карательный отряд сжег цент района, убил – расстрелял 13 евреев, часть забрал с собой и отступил в деревню Вересницы, которая в 7 километрах от Турова, где начали погром еврейских домов: собрали несколько еврейских семей, закрыл в сарае и зажгли. В деревне Погост Туровского р-на согнали к реке Ствиго около 50 человек, детей и женщин – всех расстреляли из пулемета. В районе Давид-Городка из числа дезертиров немцами создана вооруженная банда в количестве 200-300 человек, которая проводит налеты на деревни, грабит население, убивает евреев, партизан, членов семей актива, коммунистов, уничтожают портреты вождей, лозунги, библиотеки и др. [2, с.21-25].

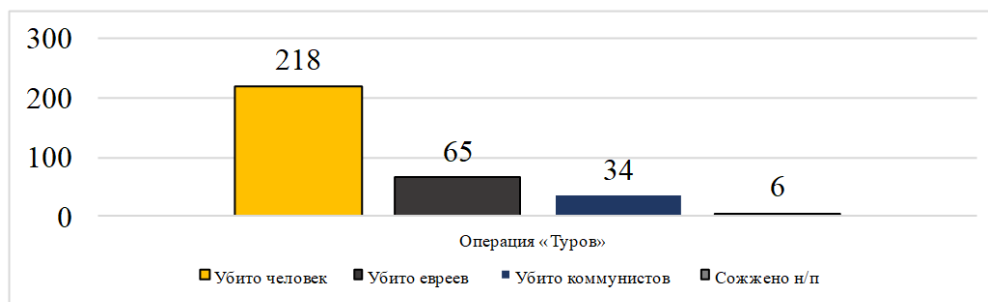

Диаграмма 2. – Итоги карательной операции «Туров»

Выборка осуществлена автором на основе: информации заместителя начальника УНКВД Могилевской области Крымова о преступлениях, совершенных немецкими войсками на оккупированной территории Беларуси от 30.09.1941 г. [3, с. 25-26]

Таким образом, операция, длившаяся всего один день (21 августа), отличалась исключительной жестокостью и высокой эффективностью с точки зрения оккупантов. За столь короткий срок было уничтожено значительное количество людей (218 человек) и разрушены населенные пункты. Это подчеркивает высокую степень организованности и безжалостности исполнителей. Хотя официальной целью, помимо «умирения», был «поиск лиц, лояльных партизанам», данные показывают, что операция выходила далеко за рамки этой задачи. Значительное количество жертв наблюдалось среди евреев (34 человека) и коммунистов (65 человек), что указывает на целенаправленное уничтожение определенных групп населения, которые рассматривались как потенциальные или реальные противники. И можно сделать вывод, сожжение 6 населенных пунктов, уничтожение домов «актива» и «партизан», а также культурных объектов (библиотеки, символика) имели целью не только физическое уничтожение, но и моральное подавление населения и стирание следов советской власти.

Осенью 1941 года карательные действия значительно усилились, что было связано с поступлением на оккупированные территории указаний от нацистского руководства и германского военного командования, которые требовали подавить «коммунистическое повстанческое движение» и давали конкретные инструкции по «усмирению» гражданского населения [2, с.46-50]. Гитлеровское руководство настаивало на проведении жестоких акций против мирных жителей, вывозе их на принудительные работы в Германию, а также на захвате продовольственных ресурсов и других материальных ценностей.

С сентября по ноябрь 1941 года на территории Пинской, Витебской, Гомельской, Минской, Могилёвской и Полесской областей произошли вылазки карательных подразделений. При анализе количественных данных, в этих операциях оккупанты убили более 7 тысяч человек [1, с.31-35].

Из протокола допроса от 29 февраля 1944 года «О зверствах немецких захватчиков в Ружанском, Косовском, Березовском, Пружанском, Порозовском, Шерешевском и Каменецком районах», указывалось, что на данной территории нацисты ставили перед собой цель массово уничтожить гражданское население, которое оказывает поддержку партизанам, Красной армии, а также против населения, которое собственными силами пытается бороться с оккупантами.

В декабре 1941 – январе 1942 годов началась активная работа по созданию Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД). Подбирались руководящие кадры и специалисты, обсуждались основные задачи штаба, его штатное расписание и структура республиканских и областных подразделений, а также направления их деятельности. В ответ на это немецкое командование начало разрабатывать стратегические планы, которые направлены на подавление партизанской борьбы.

В конце февраля 1942 года немецкие военные начальники начали разрабатывать и готовить карательную операцию под кодовым названием «Бамберг». Проводилась в районе Глуск-Паричи-Октябрьский из-за развернутого партизанского отряда «Красный октябрь», возглавляемый Героем Советского Союза Ф.И. Павловским. Для выполнения операции было принято решение привлечь подразделения 707-й стрелковой дивизии, ранее участвовавшей в карательных действиях против гражданского населения, а также части 102-го словацкого полка, несколько полицейских батальонов, кавалерийский эскадрон и одну авиаэскадрилью 51-й бомбардировочной эскадры «Эдельвейс» [2, с.66-67].

Анализируя данную карательную операцию, можно сделать вывод, что официальной датой проведения было с 20 марта, Операция завершилась 4 апреля 1942 года, а уничтожение населенных пунктов и массовые убийства гражданского населения продолжились. Уже 8 апреля того же года нацисты уничтожили деревню Карпиловка, где собирали группы из десяти человек и запирали их в сарае и расстреляли. После того как сарай заполнялся телами, его поджигали. В итоге, в данной деревне было убито 326 человек. В общей сложности за время карательной операции оккупанты сожгли около 80 деревень. Жертвами действий нацистов стали около 5600 мирных советских граждан [1, с.144-155].

21 марта 1942 года была проведена карательная операция «Теплый ветер», на территории Клецкого района Минской области, Ганцевичского, Лунинецкого, Ляховичского района Брестской области. В мае была проведена операция «Рига» на территории Пуховичского района Минской области, её итогами стало убийство гражданского населения в дер. Воевичи – со 120 чел., дер. Суша – 80 чел., дер. Усакино – 120 чел., 12. 05.1942 года на деревню Суша в результате бомбового удара, примерно – 200 чел. Было убито и насмерть замучены нацистами [3, с.30-38].

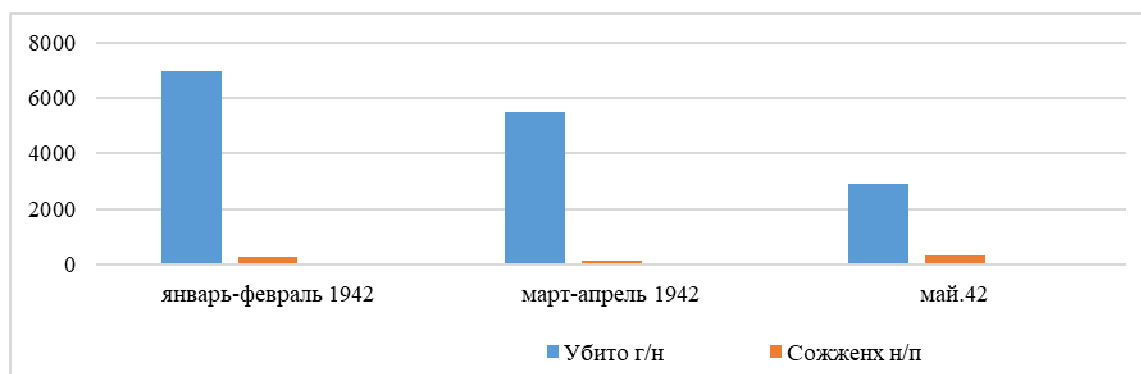

Диаграмма 3. – Карательные операции с января по май 1942 года.

Выборка осуществлена автором на основе: Справки ЦК КП(б)Б о разрушении городов и сел и уничтожении мирного населения от июня 1942 года. [4, с. 33-40]

Таким образом, с января по май 1942 года на территории Беларуси нацистские оккупационные власти проводили карательные операции, направленные на подавление партизанского движения и установление

жесткого контроля над населением. Основной особенностью карательных операций в этот период стало их целенаправленность на жестокость. Немецкое командование поставило цель на уничтожение и ликвидацию всех вылазок партизанского движения. За связь с партизанами и коммунистами каратели сжигали всю деревню. С весны 1942 г. оккупанты перешли к проведению крупных карательных операций против быстро расширяющегося движения сопротивления и к массовому уничтожению гражданского населения, которое могло оказать помощь партизанам.

Немецкие войска применяли массовые казни мирного населения, уничтожали деревни, подозреваемые в поддержке партизан, и использовали тактику «выжженной земли». Эксперименты с местными коллаборационистами также стали обычным явлением – они служили связующим звеном между оккупантами и населением, а также легитимизировали действия немецких войск. Анализ архивных материалов фондов службы порядка Борисова, Борисовского и Смоленского районов показывает, что до апреля 1942 года местная полиция занималась, в основном, мелкими криминальными и бытовыми делами и охраной порядка. С мая 1942 года местная полиция перешла к помощи в проведении карательных операций [2, с. 112]

Исходя из данных, можно сделать вывод о том, что уже в первые дни войны нацисты развернули массовые карательные операции на территории Беларуси. Можно отметить, что нацистские карательные операции в начале Великой Отечественной войны представляли собой не просто реакцию на сопротивление местного населения, но и целенаправленную политику геноцида, которая ставила задачу – это подавление и уничтожение не только гражданского населения, но и культурного наследия оккупированных территорий. Первый этап таких операций, начиная с июня 1941 года, ознаменовался массовыми расстрелами и сожжением населённых пунктов, что подтверждается печальной статистикой жертв в различных деревнях. В связи с активизацией партизанского движения и созданием Центрального штаба партизанского движения, немецкое командование разработало стратегические планы для подавления этой борьбы, что стало ключевой точкой в проведении карательной операции «Бамберг» в марте-апреле 1942 года.

Эта операция, хотя и была формально завершена 4 апреля, сопровождалась дальнейшими массовыми убийствами – например, в деревне Карпиловка, где было убито 326 человек. Всего за время данной операции оккупанты сожгли около 80 деревень и убили порядка 5600 мирных граждан [4, с.159-165]. В результате, можно сделать вывод, что действия немецких войск не только носили жестокий характер, но и были направлены на физическое уничтожение местного населения, поддерживавшего партизанское движение, что отражает стратегию геноцида в условиях войны. Эта страница истории представляет собой трагическую веху, напоминающую о последствиях войны и необходимости сохранения памяти о жертвах.

Одна из характерных особенностей карательных операций заключалась в целенаправленном уничтожении еврейского населения. На территории Беларуси находилось множество еврейских общин, и с приходом немецких войск началась их систематическая ликвидация. Жертвами геноцида стали десятки тысяч людей, которых расстреливали, гнали в гетто или отправляли в концлагеря.

В ответ на оккупацию и античеловеческие действия активно стало развиваться партизанское движение, а в ответ на действия партизан и активной поддержки партизанского движения местным населением оккупанты проводили карательные операции, где они отличались особой жестокостью: деревни, у которых обнаруживались связи с партизанами, сжигались, а население уничтожалось.

Также стоит сделать акцент на том, что первый этап проведения карательных операций на территории Беларуси описывается в очень малом количестве источников, по данному периоду имеется меньшее их количество в отличие от других изучаемых этапов.

Что касается данного периода он отличается от всех последующих в том, что нацисты ставили перед собой цель быстрый захват территории и продвижение по Беларуси. Операции имели целью устрашение населения, подавление сопротивления, уничтожение потенциальных участников партизанской борьбы. В течение этого времени происходили локальные, зачастую быстрые и жестокие акции, направленные на установление контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Без срока давности. Беларусь. Минская область. Сборник архивных документов и материалов // Сост. А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев и др. Минск: Национальный архив РБ; М.: Фонд «Историческая память», 2022. 784 с.
2. Геноцид белорусского народа. Карательные операции. В двух частях/ Генеральная прокуратура Республики Беларусь: под общей редакцией А. И. Шведа. – Минск, 2023. - 311 с
3. Сожженные деревни Белоруссии, 1941–1944: Документы и материалы / Сост. Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменова и др. М., 2017. 512 с.
4. Трагедия белорусских деревень, 1941-1944: Документы и материалы /Сост. Н..В. Кириллова, В.Д. Селеменев и др.; Редкол.В.И. Адамушко и др. М.: Фонд «Историческая память», 2011 – 536 с.: ил.

УДК 94(476)

НАЦИСТСКИЕ КАРАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД С ИЮНЯ 1942 ПО ЯНВАРЬ 1943 ГОДА: ОСОБЕННОСТИ И МЕТОДЫ

Я. И. АНИСИМОВА*(Представлено: канд. ист. наук, доц. А. И. КОРСАК)*

В статье анализируются особенности и методы нацистских карательных операций на территории Беларуси в июне 1942 – январе 1943 годов. Рассматриваются причины, география проведения, масштабы и их последствия.

В июне 1942 года командование группы армий «Центр» разработало план, включающий 16 карательных операций в тылу. Нацистские оккупанты развернули более 30 карательных операций на территории Беларуси в период с июня по август 1942 года [3, с. 218]. Эти операции были проведены на территории Витебской, Могилёвской, Гомельской, Минской, Полесской, Барановичской областей. Основной удар наносился по партизанам и мирному населению в тыловом районе группы армий «Центр». Главной целью оккупантов был разгром партизанских зон на территории Россонского, Освейского, Чечерского, Оршанского, Сенненского, Лепельского, Бегомльского и других районов.

За период лета 1942 года, из общего числа карательных операций, было проведено 15 крупных. При анализе карательных операций под кодовыми названиями «Орёл», «Майский жук», «Гриф» или № 30 было установлено, что они ставили перед собой цели ликвидировать партизанские зоны. Главной задачей операции «Орёл», проводимой с 20 июля по 10 августа 1942 года было окружить и ликвидировать партизанские группы в районе Березино – Белыничи – Свислочь – Быхов, расправиться с населением, а также заполучить и вывезти продовольственные запасы, зерно и скот. С 30 июня по 10 августа в ходе карательных операций «Майский жук» и «Орёл» были убиты более 1,5 тысяч мирных жителей. Было захвачено свыше 3 тысяч голов скота и сожжено 31 деревня. Среди уничтоженных населенных пунктов в т. ч. деревни Дубно (уничтожили 120 человек), Вязень, Гонча, Лазьё, Межное, Ольховка, Остаповка, Подстружье и Полосы (всего 57 человек), Рубеж и Усакино (85 человек), Селец Кличевского района; Береснёвка (22 человека), Гоголь (22 человека), Костричи (51 человек), Немки (36 человек), Новый Городок (27 человек), Селиба (13 человек), Чигиринка (14 человек) Кировского района; Красница 1-я (696 человек), Ляженка (15 человек) Быховского района и др. [2, с. 118-119].

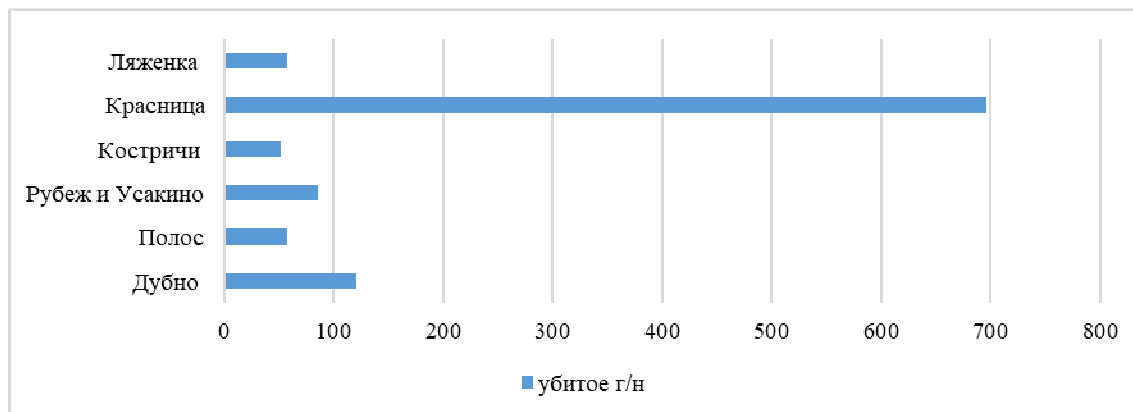

Диаграмма 1. – Жертвы карательной операции «Майский жук» и «Орёл»

Выборка осуществлена автором на основе [5, с. 36-55]

Такие действия свидетельствуют о целенаправленной политике террора и геноцида, направленной на подавление сопротивления и уничтожение мирного населения. Анализ этих событий позволяет сделать вывод о жестоком и целенаправленном характере политики геноцида, осуществляемой нацистов, а также о масштабах насилия и уничтожения гражданского населения в оккупированной Беларуси во время Великой Отечественной войны.

Операция под кодовым названием «Гриф» № 30 была направлена против партизан и местного населения в районах Орши, Богушевска и Сенно в Витебской области с 16 по 30 августа 1942 года. Эта

операция была частью стратегии оккупантов, ориентированной на «очистку и подавление» обширной территории, состоящей из лесов и болот, расположенной рядом с ключевыми шоссе и железнодорожным узлом, в треугольнике Витебск – Орша – Смоленск [3, с. 218-220]. До 30 августа 1942 года каратели устраивали массовые чистки от партизан в Оршанском и Богусhevском районах. В результате этих действий нацистами было убито около 900 мирных жителей, включая стариков, женщин и детей, 910 человек были насильно депортированы в Германию, что дает также ясно понять о истинных целях нацистской политики геноцида.

Следующим этапом нацистов стало проведение карательной операции «Болотная лихорадка». С 27 августа по 6 сентября 1942 года каратели провели четыре жестокие операции под общим названием «Болотная лихорадка». Они включали: «Север Баркхольт» (к северо-западу от Логойска), «Север Троефельд II» (районы Логойска, Смолевичей и устье Цны), «Север Троефельд III» (Узденский район Минской области, между трассой Минск – Слуцк и озером Синее) и «Запад» (Столбцовский район Барановичской области, Налибокская пуща) [2, с. 225]. Масштабная седьмая операция «Болотная лихорадка – Юг – Запад» охватила значительную лесисто-болотистую местность. Она проводилась в Бытенском районе (Барановичская область), Коссовском районе (Брестская область), а также в Ганцевичском и Телеханском районах (Пинская область). Операция распространялась на территорию к северу и югу от железнодорожной линии Береза – Барановичи, между реками Щара и Гривда, а также в районе озер Выгоношанское и Бобровицкое [5, с. 314].

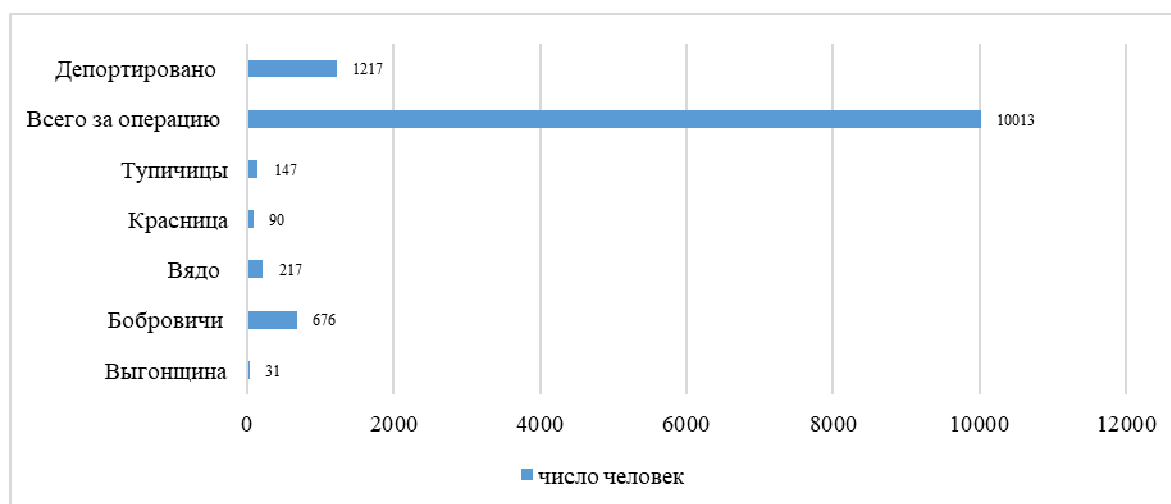

Диаграмма 2. – Количество убитого и вывезенного гражданского населения за период проведения карательной операции «Болотная лихорадка»

Выборка осуществлена автором на основе: Дневник № 1 боевых действий высшего начальника СС и полиции по «Остланду» об итогах операции «Болотная лихорадка» («Зумпффибер») 18 с 22 августа по 21 сентября 1942 г. [5, с. 55-67]

Анализ представленных данных свидетельствует о масштабных преступлениях нацистских оккупантов в рамках операции «Болотная лихорадка». Массовые убийства, приведшие к гибели более 10 тысяч человек, и насильственные депортации свыше тысячи жителей в Германию для принудительного труда отражают системный характер действий нацистов на оккупированных территориях. Особая жестокость, проявленная в отношении жителей деревни Бобровичи, где было уничтожено 676 человек, Вядо 217 человек и Тупичицы 147 человек, указывает на целенаправленное применение жестоких методов с целью уничтожения и подавления местного сопротивления. Кроме того, значительные потери понесли и другие населённые пункты региона, что свидетельствует о масштабном охвате данной операции.

Нацистские каратели в ходе операции «Болотная лихорадка» совершили массовые убийства, в результате которых погибло более 10 013 человек. Кроме того, 1 217 человек были насильно депортированы в Германию для принудительного труда. Особо жестокие меры были применены к жителям деревни Бобровичи, где было убито 676 человек [5, с.304-310]. Также пострадали жители Выгоношей (31 человек), Вяды, Красницы и Тупичицы (на территории Телеханского района, ныне входящего в Ивацевичский район Брестской области), и других населенных пунктов.

Выборка осуществлена автором на основе: [5, с.70-81].

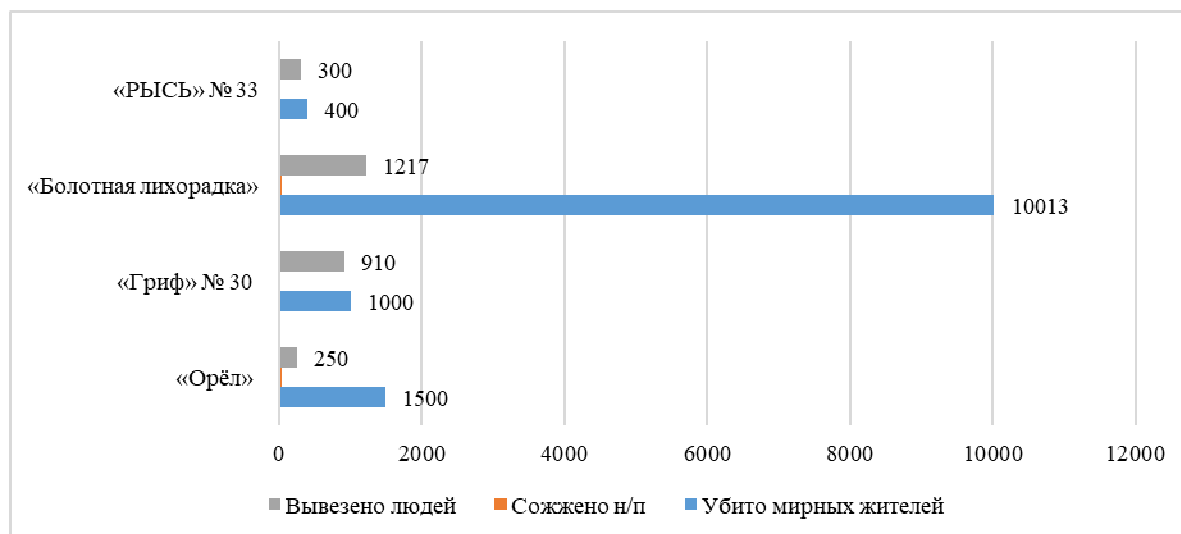

Диаграмма 3. – Карательные операции с мая по сентябрь 1942 года

Операции, проводимые с сентября по ноябрь 1942 года, имели точечный характер, к ним можно отнести: «Рысь» № 33, «Бреслау», «Сова» №38, «Треугольник», «Молния», «Карлсбад», «Хотемля – Аргуны». Основная их цель была ликвидация партизанских зон, за сопротивление или неподчинение каратели наказывали деревни. Так, во время проведения карательной операции «Карлсбад» с 10 по 23 октября 1942 года. Каратели, не сумев уничтожить партизанские зоны, обрушили свою жестокость на гражданское население. В деревнях Падар (Падарь), Волковщина, Задний Бор и Козёл были убиты 1 051 человек, среди которых преобладали женщины, дети и пожилые люди. Деревни Гоенка и Полежаевка Круглянского района были полностью уничтожены огнем [2, с. 218].

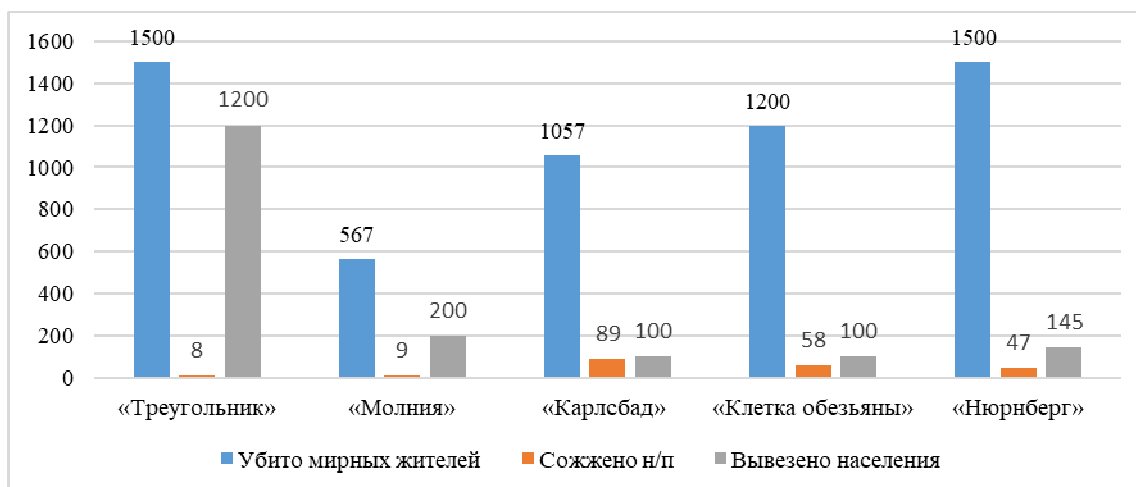

Диаграмма 4. – Карательные операции с октября - ноябрь 1942 года

Выборка осуществлена автором на основе: [5, с. 85-140].

С декабря 1942 года по январь 1943 года, карательные операции осуществлялись с целью уничтожить партизан и мирных жителей на территории замкнутого треугольника Витебск — Полоцк — Невель. Такими методами нацисты стремились подавить народный энтузиазм и это отразилось на политике «выжигания земель» и проведением массовых расправ над мирным населением Беларуси [4, с. 48].

При проведении карательной операции «Клетка обезьяны» против партизан и гражданского населения, которые своими действиями к западу от дороги Витебск - Невель создавали множество проблем. Нацисты, не достигнув своих целей, начали грабить и разрушать деревни, а также расправлялись со стариками, женщинами и маленькими детьми, оставшимися на месте. За пять дней они расстреляли более 1 200 человек и уничтожили 58 деревень, среди которых были Ахрамеево, Устье, Гумничино, Петрачиха, Подранда, Рудиха, Яново и другие, которые так и не восстановились после войны. Следующей похожей

операцией стала «Нюрнберг». Она была направлена против партизанского отряда «Спартак», а также частично против партизанской бригады «Неуловимые», бригады имени К. Е. Ворошилова, и затронула местное население в Браславском, Поставском и Шарковщинском районах Вилейской области (между озёрами Богинское и Дрывяты) с 22 по 28 ноября 1942 года. Как итог каратели не смогли окружить и уничтожить партизан, однако убили около 3 тысяч мирных жителей, захватили скот, разграбили имущество населения и сожгли более 30 деревень. Среди них были Боровые (196 убитых), Плетарово (90 убитых), Прудники (46 убитых), Стайки (127 убитых) в Видзовском районе, Дуниловичи (829 убитых) в Дуниловичском районе, а также Белково (13 убитых), Вязовец (44 убитых), Журавовщина (11 убитых), Игнацево, Куштали (48 убитых), Степаниха (18 убитых), Строна (8 убитых), Сухоборец (29 убитых), Селибка (3 убитых), Трабовщина (192 убитых) в Шарковщинском районе и другие [4, с. 50-56].

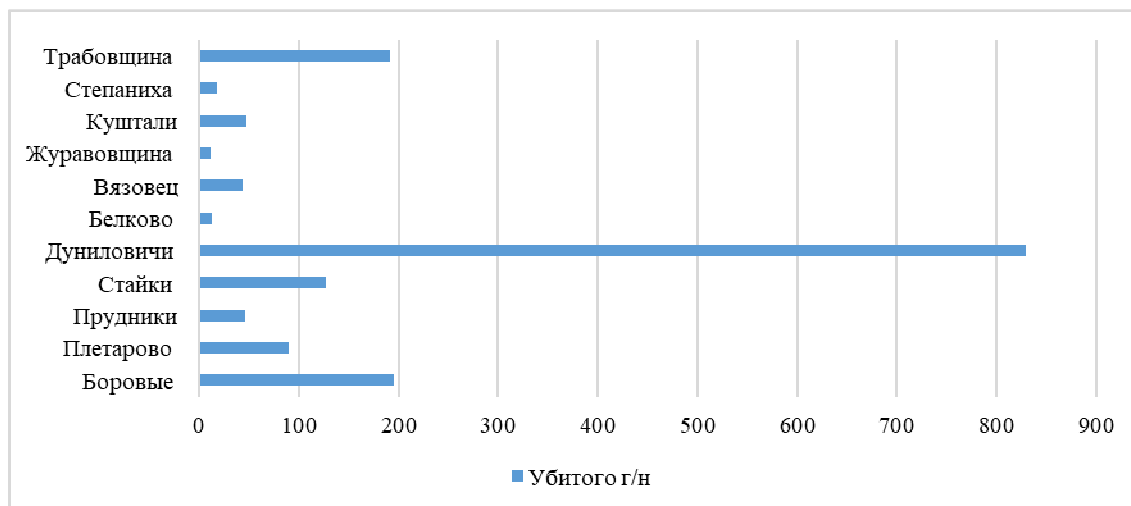

Диаграмма 5. – Жертвы карательной операции «Клетка обезьяны»

Выборка осуществлена автором на основе: Приказ начальника оперативного штаба полиции безопасности и СД рейхскомиссариата Остланд об организации борьбы с партизанами в Генеральном комиссариате Белоруссии от 18.11.1942 [5, с. 81-85].

Таким образом, анализируя данную картину можно сделать вывод о том, что стратегия нацистских карательных операций, основанная на жестоких методах проведения, была обусловлена необходимостью подавить партизанское движение и обеспечить контроль над территорией. Однако, эти меры не достигли своих целей полностью, а лишь усилили страдания гражданского населения, что в долгосрочной перспективе способствовало росту сопротивления и укреплению партизанского движения. Таким образом, чрезмерная жестокость и разрушения привели не к стабилизации ситуации, а к усугублению конфликта и увеличению числа жертв среди мирных жителей.

При проведении карательной операции «Гамбург» в декабре 1942 года перед началом операции нацистами была проведена тщательная агентурная, авиационная и военная разведка района боевых действий. План операции предусматривал наступление мобильных сил с востока и севера, чтобы прижать партизан и местных жителей, которые отходили вместе с ними, к заградительной линии у слияния рек Щара и Неман и уничтожить их [3, с. 255-256]. В конце декабря 1942 года Г. Гиммлер представил отчет А. Гитлеру: «Операция «Гамбург», возглавляемая бригадефюрером СС фон Готтбергом, завершена... Потери противника составили 5 172 человека убитыми, из которых 1 674 погибли в бою, 1 510 были расстреляны по подозрению в бандитизме, а 2 988 человек расстреляны как пособники...» Среди жертв оказались женщины, пожилые люди и дети из деревень Великая Воля (364 убитых), Городки (336 убитых), Трохимовичи (142 убитых) Дятловского района; Бояры (50 убитых), Задворье (260 убитых), Щара (35 убитых) Мостовского района; Василевичи (270 убитых), Верболоты (40 убитых), Низ (296 убитых), Павловичи (276 убитых) Слонимского района и других населенных пунктов [3, с. 259].

Операция «Зимний лес», которая была проведена с 27 декабря 1942 года по 25 января 1943 года. Для укрепления обороны вдоль железнодорожной ветки Витебск – Невель были привлечены 381-я учебно-полевая дивизия и «боевая группа Шевелеры». Операция «Зимний лес» была логическим продолжением операции «Клетка обезьяны». Её целью было создание «зоны выжженной земли» в тылу левого

фланга группы армий «Центр», что подразумевало полное уничтожение всего, что могло бы быть полезным противнику [3, с. 312].

В ходе операции нацистские захватчики убили 1 627 местных жителей, а 2 041 человек был насильно вывезен на работы в Германию. Полностью были сожжены деревни Аржеухово, Белое (Полоцкий район) и Чербомысло, где погибли большинство жителей.

Таким образом, карательные операции проводимые с июня 1942 по январь 1943 года, характеризовались увеличением территории проведения их, в отличии от предыдущего периода.

Оккупация и жестокость нацистов вызвали широкое распространение партизанского движения на территории Беларуси. В ответ на это, нацистские силы поставили своей целью массовое уничтожение мирного населения. По данным, полученным в результате исследования на декабрь 1942 году, было уничтожено 470 деревень, более 25780 человек было убито. Самой крупной операцией по количеству убитых людей была «Болотная лихорадка», где было убито более 10000 человек. Операции включали сожжение деревень, расстрелы, депортации, конфискацию имущества и уничтожение сельскохозяйственных запасов. Эти меры направлены на подавление сопротивления, уничтожение партизанских движений и запугивание населения.

Отличительной чертой изучаемого периода являются методы борьбы с партизанами, которые включали: массовые депортации и уничтожение деревень, использование разведки и диверсионных групп, расстрелы и публичные казни, а также создание охранных отрядов и засад для подавления партизанского движения. Витебская область, за период с июня 1942 по январь 1943 года больше всего пострадала от рук нацистов. Это можно объяснить деятельностью большого количества партизанских бригад и борьбой за железнодорожные и шоссейные узлы, которые имели важное стратегическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Без срока давности. Беларусь. Минская область. Сборник архивных документов и материалов // Сост. А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев и др. Минск: Национальный архив РБ; М.: Фонд «Историческая память», 2022. 784 с.
2. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.] Минск -Москва, 2020. – С. 233.
3. Геноцид белорусского народа. Карательные операции. В двух ч. Ч.1 / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2023. – 311 с
4. Геноцид белорусского народа. Карательные операции. В двух ч. Ч.2 / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2024. – 270 с
5. Сожженные деревни Белоруссии, 1941–1944: Документы и материалы / Сост. Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменова и др. М., 2017. 512 с.

УДК 94(476)

КАРАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ НАЦИСТОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД С ФЕВРАЛЯ 1943–1944 ГГ.: ТАКТИКА, МАСШТАБЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Я. И. АНИСИМОВА

(Представлено: канд. ист. наук, доц. А. И. КОРСАК)

Рассмотрены карательные операции на территории Беларуси, которые проводились с февраля 1943 по 1944 год. Основное внимание уделяется тактике проведения, масштабам и последствиями карательных операций в изучаемый период. Также стоит упомянуть, что под масштабом понимается территория проведения карательных операций, которая в период освобождения Беларуси уменьшается.

Начиная с февраля 1943 года на территории Беларуси было очень сложное положение. Установленный нацистами в 1941 году оккупационный режим достигает максимальной жестокости и бесчеловечности по отношению к гражданскому населению в сравнении с другими годами. Это объясняется положением советской армии на фронте. В 1943 году приток боеспособного населения в партизаны значительно увеличился. В связи с этим немецкое командование разрабатывало новые планы для обеспечения нацистской армии продовольствием и по борьбе с населением Беларуси.

В январе 1943 года захватчики перешли к проведению крупномасштабных карательных операций с использованием моторизованных формирований, танков и авиации и провели 60 крупных карательных операций: в Витебской области (январь – март, май – июнь, октябрь – ноябрь, декабрь); в Вилейской (октябрь); Гомельской (октябрь); Минской (май – июнь, август); Могилёвской (апрель, август, октябрь); Полесской (январь, июль – август); Барановичской (август), Пинской (июль – август), Брестской (сентябрь – октябрь) [2, с. 289].

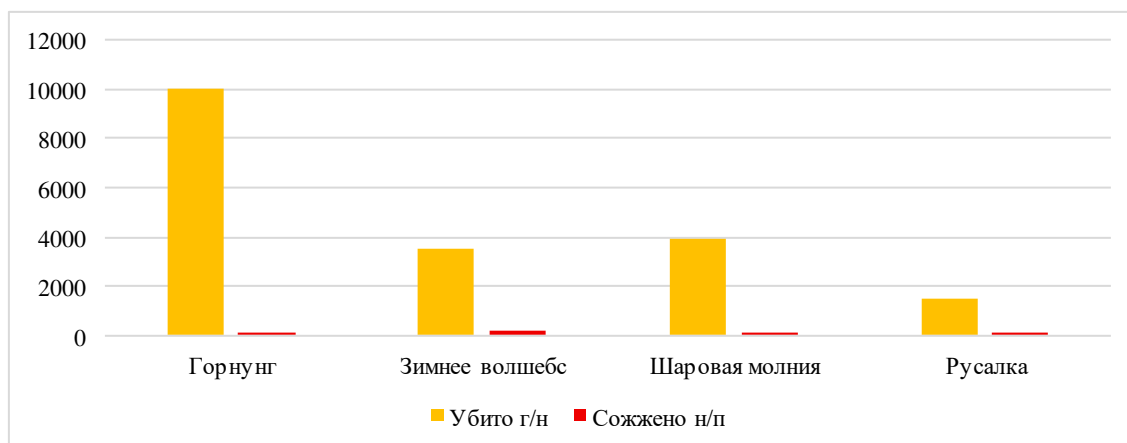

Диаграмма 1. – Карательные операции с февраля по март 1943 гг.

Выборка осуществлена автором на основе: [4, с. 210-220]

За период февраля-марта 1943 года было проведено четыре крупные карательные операции: «Горнунг», «Зимнее волшебство», «Шаровая молния», «Русалка». В ходе этих операций нацистами было убито и сожжено заживо более 15 000 человек. По различным оценкам, было разрушено и сожжено более 500 населенных пунктов. Отмечается, что только в Полоцком районе в январе 1943 года карателями была сожжена 21 деревня. В рамках операции «Шаровая молния» было проверено 169 деревень, захвачено 3583 человека. Женщины и дети, пытавшиеся укрыться в землянках, были уничтожены гранатами. Захваченные в лесу мирные жители были помещены в уцелевшие постройки и сожжены заживо [3, с. 112-115].

С апреля по май 1943 года карательные операции проходили преимущественно на территории Витебской области. Нацисты за этот период уничтожили более 60 населенных пунктов и было убито более 3000 мирных жителей [4, с. 218]. В ходе карательной операции «Дирлевангер» нацистских захватчиков против партизан и гражданского населения в Смолевичском и Логойском районах Минской области во 2-й декаде марта 1943 г. Батальоном Дирлевангера 22 марта 1943 года была сожжена д. Хатынь вместе с жителями.

Карательная операция «Коттбус», где каратели планировали уничтожение экономических ресурсов региона таким образом лишая партизан народной поддержки, чтобы в будущем исключить возможность

возрождения сопротивления. Для принудительного вывоза рабочей силы и реквизиции сельскохозяйственной продукции был создан особый штаб и три специализированные группы, которым были поручены подразделения вспомогательной полиции. Из анализа особой директивы: «Проводить полную реквизицию всех сельскохозяйственных продуктов в тех округах, где крестьяне подобны бандитам. Тоже самое осуществлять в полностью заболоченной местности и там, где сельское хозяйство незначительно. Трудоспособное население забирать для обеспечения потребности рейха в рабочей силе за счет гражданского населения» [4, с. 260-261].

В период проведения карательной операции «Коттбус» оккупантами и их пособниками были совершены многочисленные преступления против мирного населения. Только в Бегомльском районе гитлеровцы сожгли и убили 4007 мирных жителей, 3051 человека угнали на принудительные работы в Германию, уничтожили 4056 жилых домов. Всего в ходе операции каратели сожгли полностью или частично 221 населенный пункт [1, с. 314-320].

Из акта о преступлениях, совершенных немецкими оккупантами в деревнях Бегомльского, Борисовского, Плещеницкого и Холопеницкого районов во время карательной операции «Коттбус» с 20 мая по 20 июня 1943 г. была составлена диаграмма, которая показывает, что нацисты ставили перед собой цель зачистить население путем целенаправленного убийства [1, с. 329].

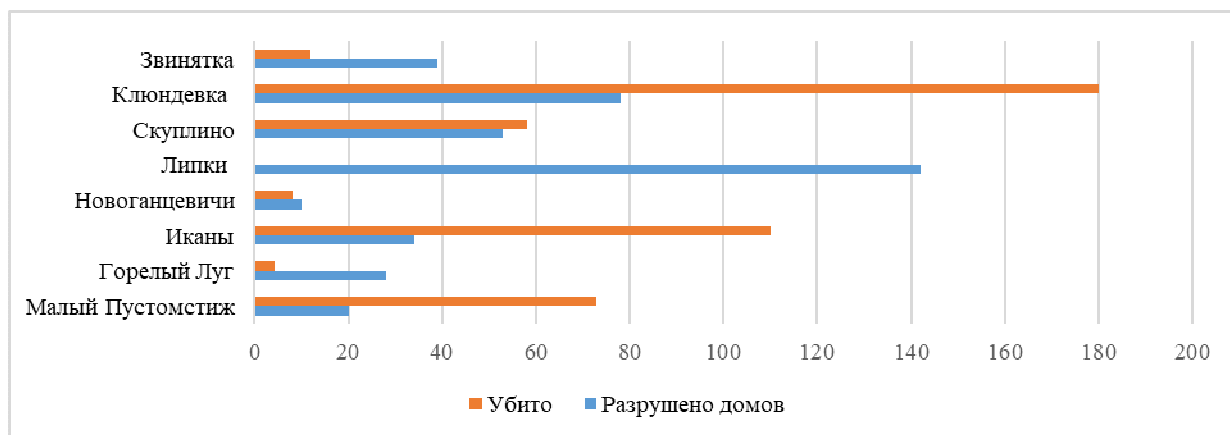

Диаграмма 2. – Пострадавшие населенные пункты в ходе карательной операции «Коттбус»

Выборка осуществлена автором на основе: [4, с. 240-259]

Анализируя данные диаграммы 3, можно сказать, что в период с февраля по май 1943 года карательные операции сохраняли тенденцию к доминированию методов физического уничтожения населения, хотя разрыв между количеством убитых и вывезенных людей стал менее значительным. Так, во время операции «Зимний лес» число вывезенных граждан превысило количество убитых – 2000 против 1672 – что свидетельствует о некотором сдвиге в тактике. Кроме того, за этот период было уничтожено в общей сложности 327 населённых пунктов, что подчеркивает продолжение политики массовых разрушений.

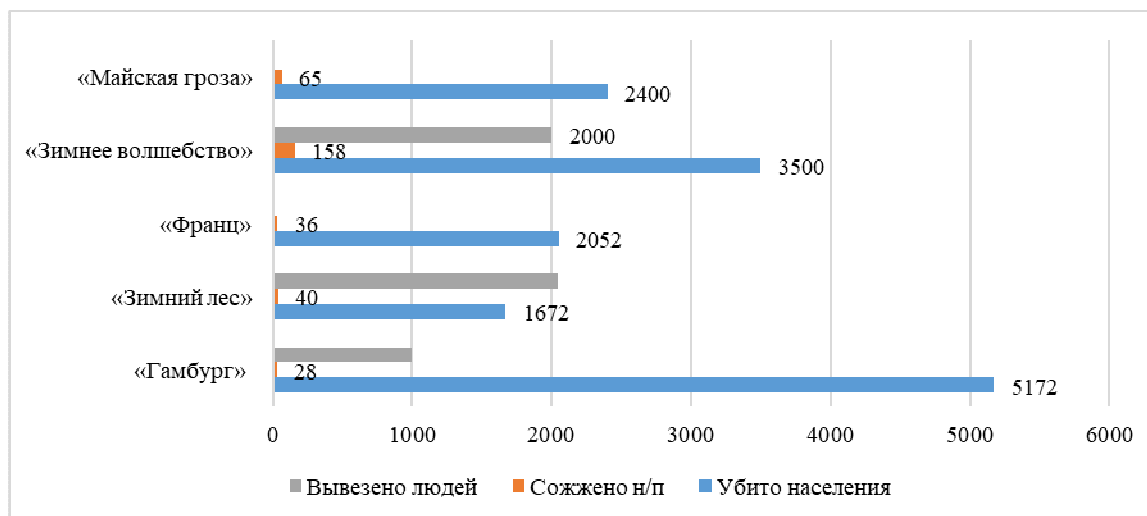

Диаграмма 3. – Карательные операции с февраля по март 1943 года

Выборка осуществлена автором на основе [4, с. 260-280]

С июня по август 1943 года начался новый этап проведения карательных операций, где одним из самых распространенных методов было избегание партизан и уничтожение мирного населения, которое может проявить «сочувствие» партизанам. Также преобладающей тактикой для проведения карательных операций стал вывоз мирного населения на каторжные работы в Германию.

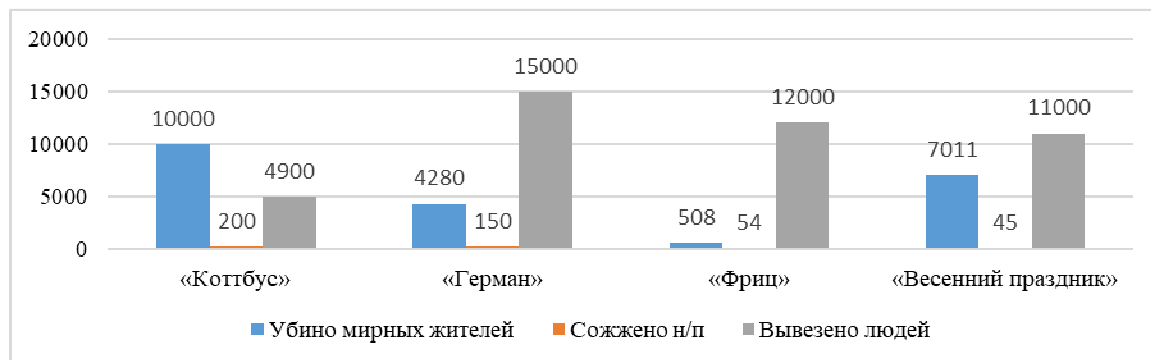

Диаграмма 4. – Карательные операции с марта 1943 по 1944 года.

Выборка осуществлена автором на основе: [4, с. 285-300]

Из воспоминаний очевидцев во время карательной операции «Гюнтер» за нацистами сохранились жестокие методы их проведения: «приезжая в деревню Доры Воложинского района Минской области, каратели, называемые «бандеровцами», собирали людей и взрослых, и детей. Их сгоняли все в церковь, там было около 120 человек. Как только согнали всех людей зазвонили колокола, затем бросили две гранаты, в результате чего произошел взрыв, затем церковь начали бомбить из пулеметов, после чего она вспыхнула. Людей, которые не поместились в церковь поставили в ряд и начали расстреливать. Те, кто выжил согнали в дом и подожгли. Удалось выжить лишь одному человеку Денисику Василию Андреевичу. Отмечалось, что из церкви слышались крики, плач и стоны людей. После карателей немцы много раз приходили в деревню, но никого уже не трогали» [3, с. 215-216]. Данный факт показывает, что нацисты целенаправленно убивали гражданское население, женщин и детей.

Неудачи на фронте стали отражаться и оккупационной политике нацистов, 23 сентября 1943 года был освобожден Комарин, тем самым началось освобождение Беларуси. В связи с этим нацистская политика стала более жестокой. Отходя, они сжигали деревни с целыми семьями, проводили массовые расправы над гражданским населением и массовые расстрелы с целью сокрытия своих бесчеловечных действий.

В сентябре-ноябре 1943 года в разных районах Беларуси оккупанты провели карательные операции «Фриц», «Хубертус», «Освещение храма», «Барбара», «Осенняя охота», «Танец», «Охота на зайцев», «Охота на уток», «Генрих».

Ярким примером стала карательная операция «Фриц», где в ходе операции, согласно неполным данным, каратели убили 509 местных жителей и вывезли в Германию на каторгу 12 тысяч человек, среди которых было 1 708 детей. Они сожгли 87 деревень, включая Бобыли (где погибли 25 человек), Браславскую Луку (17 человек), Быковщину (29 человек), Гайлешу (24 человека), Гробишки (11 человек), Дегтяры (12 человек), Заборье (12 человек), Рудава (12 человек), Стайки (59 человек) в Браславском районе, Кевличу (28 человек), Стаховские (49 человек) в Поставском районе, Суховержье (60 человек) в Миорском районе, Иоды (510 человек). Из воспоминаний очевидцев данных событий ими подчеркивалось, что инвалиды, старики, дети – все, кто не мог спастись бегством, были обречены на уничтожение [3, с. 226].

В октябре 1943 года каратели совершили зверства в Жлобинском и Витебском районах, уничтожив деревни Братки, Октябрь, Грушка, Залесье, Залужье и Дубовицы, убив мирных жителей и сжигая их дома. Эти трагические события навсегда запечатлены в «Хатыни». В период с 31 октября по 9 ноября гитлеровцы предприняли карательную операцию «Генрих» против Россонско-Освейской партизанской зоны, а также территорий Калининской области и Латвии. Несмотря на то, что врагу удалось рассеять партизанскую зону и уничтожить около 20 деревень, благодаря активной помощи Красной Армии, включая авиацию, партизаны смогли прорвать вражеское кольцо и нанести контрудар, разбив ряд карательных подразделений.

С ноября 1943 по май 1944 года карательные операции стали точечными и ставили целью уничтожить партизанские отряды на территории их проведения, но все они не добились своих целей. С этого периода наиболее активно применялась тактика «выжженной земли».

Весной 1944 года немецкие войска провели три масштабные карательные операции под кодовыми названиями «Моросящий дождь», «Ливень» и «Весенний праздник». В этих операциях были задействованы значительные силы, включая 12 полков СС и полиции, части пяти пехотных дивизий, авиаполевую дивизию, три охранные дивизии, а также боевая группа Курта фон Готтберга.

В июне 1944 года была проведена карательная операция под кодовым названием «Пион», на территории Пуховичского, Стародорожского района Минской области, а также в Осиповичском районе Могилевской области и Брестского района. Целью этой операции было захвата рабочей силы, скота и имущества. Каратели в ходе операции расстреляли 499 советских граждан, захватили для вывоза в Германию 2 344 человека, сожгли деревни Зелёная Дуброва (Стародорожский район), Остров (Пуховичский район), Репище (Осиповичский район, ныне Пуховичский), Омельно, Любячка, Клешишин (Клешишино) Пуховичского района и другие. По данным командования 2-й Минской партизанской бригады, гитлеровцы потеряли 65 человек убитыми и ранеными [4, с. 448-].

Таким образом, с конца 1943 по начало 1944 года, когда происходит освобождение Беларуси, нацистами массово использовалась тактика «выжженной земли». К проведению карательных операций стали широко привлекаться армейские подразделения, в которых создавались специальные команды поджигателей (факельщиков). Эти спецгруппы должны были при отступлении германских войск осуществлять полное опустошение населённых пунктов. Пик проведения карательных операций приходится на апрель 1944 года, это объясняется отступлением немецких оккупантов и уничтожением следов бесчеловечных действий в отношении белорусского населения в период нацистской оккупации. В течение первой половины 1944 года оккупационная политика геноцида и «выжженной земли» на территории Беларуси достигла своей наивысшей точки.

Особенностью изучаемого периода также является территория проведения карательных операций. В период с начала освобождения Беларуси, территория с каждым днем уменьшалась, однако этого не наблюдалось в количестве пострадавшего гражданского населения и видна обратно пропорциональная зависимость: территория уменьшается – количество жертв увеличивается. За период с февраля 1943 по март 1944 год территория Витебской, Могилевской, Гомельской и Минской области стали наиболее пострадавшими от рук карателей. С апреля по июль 1944 года от карателей пострадала Брестская, Гродненская, Минская и Витебская область.

Стоит сделать акцент, на том, что в изучаемый период больше всего пострадали национальности такие как евреи и цыгане. Оккупанты, отступая брали в плен их и вывозили за территорию Беларуси.

Чудовищные злодеяния совершили нацисты в сотнях населённых пунктов Беларуси. Так, в деревне Ола Паричского района 14 января 1944 года карательный отряд согнал в дома из семи окрестных населённых пунктов. Гитлеровцы расстреляли и сожгли 1758 человек, в т.ч. 950 детей и 508 женщин. Во второй половине 1944 года территория Беларуси была освобождена от нацистских захватчиков, в июне была проведена последняя карательная операция, которая также оставила след в истории нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Без срока давности. Беларусь. Минская область. Сборник архивных документов и материалов // Сост. А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев и др. Минск: Национальный архив РБ; М.: Фонд «Историческая память», 2022. 784 с.
2. Геноцид белорусского народа. Карательные операции. В двух ч. Ч.1 / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2023. – 311 с
3. Геноцид белорусского народа. Карательные операции. В двух ч. Ч.2 / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2024. – 270 с
4. Трагедия белорусских деревень, 1941-1944: Документы и материалы /Сост. Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменев и др.; Редкол.В.И. Адамушко и др. М.: Фонд «Историческая память», 2011 – 536 с.: ил.

УДК 39

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ВИТЕБЩИНЫ В 1920-1939 ГГ.

Н. А. ВЛАДИМИРОВ

(Представлено: канд. ист. наук, доц. В. Е. ОВСЕЙЧИК)

В статье на основании исследований на тему статистики, динамики населения и массива статистических источников приводится обновленный взгляд на вопрос статистической характеристики еврейского населения Восточной Витебщины в 1920-1939 гг. Автор уделяет особое внимание на ранее не задействованную перепись 1920 г. и изменение вывода об оценке динамики еврейского населения.

В историографии на тему статистической характеристики существует видимый пробел в отсутствии при оценке характера проживания еврейского населения на территории Беларуси, а именно Витебской губернии, такого важного источника, как Всеобщая перепись населения 1920 г.

Работы исследователей чаще всего ссылаются на общеизвестные и с открытым доступом переписи 1926 и 1939 годов, упуская две довольно важные переписи в этом вопросе – 1920 и 1937 годов. Примером является статья по данной теме В. М. Зайцава «Яўрэі ўсходняй Віцебшчыны ў 1920-1930-х гг.: статыстычна-дэмаграфічная характарыстыка» [5].

Важно изучить доступные нам данные ранее не освещаемой переписи 1920 года потому, что разрыв между переписями 1897 и 1926 года в 29 лет, за которые произойдут очень важные события для истории Восточной Европы и истории евреев в её контексте.

Декретом Совета Народных Комиссаров 23 апреля 1920 года «в целях выяснения численности населения РСФСР, его рабочего состава и наличности экономических сил страны» производится в 1920 году перепись населения-демографическо-профессионально-сельскохозяйственная с учетом промышленных предприятий [1, с. 2].

Данная перепись даёт довольно интересные данные об составе населения в момент гражданской войны в России. Хотя она и затрагивает не всё население из-за продолжающихся военных действий на территории бывшей Российской империи, но территории Восточной Витебщины были переписаны.

Из данных, находящихся в «Государственном архиве Витебской области», мы имеем (Таблица 1):

Таблица 1. – Перепись населения 1920 г. с распределением по национальности [9, л. 1, 4-5об.]

Название уезда	Белорусы	Великорусы (русские)	Евреи	Поляки	Итого по уезду
Сенненский	114760	31699	8211	1655	157519
Суражский	10823	10797	1000	26	22943
Полоцкий	103334	21582	8619	2421	137885
Дриссенский	13840	7696	1429	234	23304
Лепельский	110232	15068	9742	980	136811
Витебский	145053	84717	44455	5274	289670
Городокский	88631	20315	4458	171	114391
Оршанский	80101	44735	11841	2225	140084

Так, из приведённой таблицы видно, что по количеству проживающих евреев первое место занимает Витебский уезд (44455 чел.), на втором месте – Оршанский (11841 чел.), на третьем – Лепельский (9742 чел.). Далее идут Полоцкий и Сенненский уезд (8619 и 8211 чел.). Закрывают данный список Городокский уезд (4458 чел.) и самый малый из всех представленных уездов – Суражский (1000 чел.) [9, л. 1, 4-5об.].

Из документов переписи стоит выделить такую важную информацию, что «1) г. Дрисса и м-ки Кохановичи, Освей, Придурыйск и Россица в 1920 г. не переписаны, т. к. отошедшие к Латвии. 2) По Дриссенскому уезду переписаны в 1920 г. волости: Дзерновическая, Зябкинская, Каменская, Филипповская, и Юховическая; по остальным 9 волостям (котор. не были переписаны) цифровые данные исчислены по переписи 1917 г. 3) Данные приведены без м-к Ветрино и Ореховно, которые не были переписаны в 1920 г., т. к. вошедшие в нейтральную зону». Таким образом данные не полные по Дриссенскому уезду в связи с Польско-Советской войной. Определить более точно, где находился фронт на период проведения переписи трудно, но благодаря данным из «Количество насел. Витебской губ. по переписи 1920 г.» мы хотя-бы знаем, где точно не была проведена перепись [9, л. 42].

По переписи можно сделать выводы, что большинство еврейского населения проживало в местечках и городах. Примером этого послужит город Витебск с пригородами, в котором проживало 36198 (45,2% от всего населения) евреев из 44455 по всему Витебскому уезду. В местечках Сиротино – 735 (60,8%), Шумилино – 501 (55,2%), Яновичи – 1666 (67,8%) евреев [9, л. 1, 4-5об., 37].

Для большей объективности стоит сказать также о количестве евреев в уездных городах и местечках. Так, в Городке проживало 3304 (50,4%) еврея, в Орше – 6510 (41,5%), в Лепеле – 1180 (26,8%), в Полоцке – 6324 (42,5%). Из чего можно сделать вывод, что средний процент еврейского населения по центрам уездов составляет 34,7% [9, л. 1, 4-5об.].

В местечках Сенненского уезда: Лукомолье 791 еврей (44,1%), Сенно 2372 (53,7%). В местечках Полоцкого уезда: Экимань и Заскорна 35 (14,5%) и 55 (49,1), Гомель 224 (84,8%), Ворониги 134 (34,8%). В местечках Лепельского уезда: Бешенковичи 2087 (64,4%), Бобынич 294 (80,7%), Бочейково 153 (23,3%), Камень 483 (68,8%), Кубличи 784 (74,1%), Улла 1122 (57,6%), Чашники 1831 (77,2%). В местечках Оршанского уезда: Обольцы 309 (51%), Смольяны 984 (62,5%), Толочин 1964 (61,2%) [9, л. 1, 4-5об.].

Ранее приведённые данные показательно говорят об перевесе еврейского населения на востоке губернии. Связано это с размещением губернского центра – города Витебска. Его географическое положение – это самый близкий город к границе черты еврейской оседлости, который связан был со столицей Российской империи, а также то, что во время Первой Мировой Войны население западных уездов эвакуировалось на территории Центральной России, но некоторые оставались на промежуточных в маршруте точках, которым был Витебск [8, с. 32]. Важно затронуть вопрос репатриации беженцев из-за того, что Всеобщая перепись 1920 г. проходила в августе, когда был заключен мир с Латвией.

Процессы переселения с территорий Витебской губернии начнутся из-за заключённого 11 августа 1920 г. мирного договора с Латвийской Демократической Республикой и РСФСР. По данному договору РСФСР признавала независимость Латвийского государства, и из состава Витебской губернии РСФСР Латвии была передана территория Латгалии (Двинский, Люцинский и Режицкий уезды) [7, с. 179].

Основной причиной выезда из РСФСР в Латвию и присоединённую к ней Латгалию в первой половине 1920-х гг. было возвращение беженцев: 98,2% мигрантов в своих анкетах указали, что хотели бы вернуться на родину или прежнее место жительства. Только за период со 2 февраля 1922 г. по 13 октября 1923 г. заявления о признании их гражданами Латвии подали 530 жителей Витебской губернии, из которых 91 (или 17%) являлись евреями [7, с. 181].

Для большей объективности стоит представить рост еврейского населения с раннего периода по упущенную перепись. Так, мы имеем количество евреев за 1862 год – 31479 чел., за 1884 г. – 56301 чел., за 1897 г. – 70747 чел., 1902 г. – 66131 чел., за 1920 г. – 68172 человек [10, с. 202-204; 11; 13, с. 84-111; 12; 9, л. 1, 4-5об.].

Таким образом видно, что происходила внутренняя миграция и внешняя по данным за период с 1897 по 1902 год. С 1897 года по 1917 год из Беларуси в США их выехало 317 тысяч человек (из Витебской – 47 тысяч) [5, с. 36]. Однако у нас нет данных на предвоенный период.

Из вышеперечисленного мы можем увидеть рост еврейского населения на 1920 год, когда уже прошла Первая Мировая Война, идёт Польско-Советской и Гражданской войн в России. Не стоит забывать, что перепись 1920 г. проводилась в сложной ситуации и не на всех территориях. Важнее всего обстановка проведения переписи, из-за которой могли быть совершены ошибки. Кроме этого, отсутствие данных за 1912-1914 гг. усугубляет ситуацию. Так в прошлых исследованиях делается упор на эмиграцию и потери населения в ходе войн в период 1914-1921 гг. Но как мы видим, еврейское население не опустилось ниже данных 1902 года, а даже выросло.

По данным переписи 1926 г. в Витебском округе по переписи 1926 г. по народности проживало 53428 человек. Из них в городских поселениях – 49758 (23218 муж. и 26540 жен.). В сельских местностях – 3706 (1843 муж. и 1863 жен.). В Полоцком округе проживало 17334. Из них в городских поселениях – 13552 (6316 муж. и 7236 жен.). В сельских местностях – 3782 (1913 муж. и 1869 жен.) [3].

К 1926 году наибольшая концентрация евреев в городах отмечалась в Минском (92,8%), Витебском (93,1%) и Гомельском (93,6%) округах. В остальных округах республики этот показатель был ниже среднего. Однако по сравнению с 1897 годом удельный вес евреев в городах уменьшился [14, с. 4].

Таким образом, в 1926 в Витебском и Полоцком округе проживало 70 762 еврея. В сравнении с 1920 г. (68172 чел.) за период в 6 лет население выросло. Наиболее важным событием, которое повлияло на это, являлось то, что происходила стабилизация экономического положения в государстве. Советский Союз постепенно восстанавливался, пока партия большевиков всё больше укреплялась. В связи с оживлением экономической жизни и разочарованием евреев в идее переселения на Святую Землю (на тот момент там была ужасная засуха), многие евреи отказались от идеи уезжать, а ранее отбывшие начали возвращаться в СССР. При этом отток населения всё также продолжался по причине внутреннего переселения в Крым и Еврейскую автономную область (Биробиджан) как основные пропагандируемые

советской властью места. Кроме этого, сама молодёжь, стремясь получить образование, не собиралась оставаться в сельских местностях.

После переписи 1926 года, следующей была перепись 1937 года, которая была объявлена дефектной и её итоги не были опубликованы. На данный момент существуют исследования, относящиеся к переписи 1937 года, но в них пока не имеется информации по национальному составу республик, а не всего СССР или РСФСР [4, с. 3, 85-86, 91-92.]. Исходя из этого, следующей будет перепись в 1939 г. и при её рассмотрении стоит учитывать её недостаточную надёжность. Так, по мнению ряда исследователей, она была сфальсифицирована. Но это не отменяет того, что в 30-е годы численность евреев значительно сократилась. Это объясняется не только выездом их за пределы республики, но и репрессиями, а также ассимиляционными процессами [14, с. 5].

Всего по переписи 1939 г. на территории СССР проживало 3028538 евреев. Как ранее уже было сказано, в БССР – 375,1 тысячи. В Витебской области проживало 77173 (6% от всего населения) из которых 68950 чел. в городах и 8223 чел. в сельских местностях. И все же, несмотря на убыль (период 1926-1939), БССР продолжала занимать третью позицию среди союзных республик по этому показателю, хотя доля белорусских евреев уменьшилась с 15,2% (1926 год) до 12,4% (1939 год) [2, с. 57, 70; 14, с. 5].

Теперь, имея данные по всем переписям населения за период с 1920 по 1939, можно представить итоговые цифры. Так, за 1920 г. – 68172 чел., за 1926 г. – 70762 чел., за 1939 г. – 77173. Из чего мы видим, что еврейское население постепенно росло на территориях Восточной Витебщины. Стоит подчеркнуть, что в перепись 1939 дается информация об Витебской области, которая была больше Витебского и Полоцкого округа на момент 1926, куда не входили Лепельский и Оршанский районы. Поэтому мы можем видеть рост населения не только за счёт миграции и внутреннего прироста, но и за счёт присоединения новых территорий.

Таким образом, еврейское население, несмотря на снятые ограничения Российской империи и войны, затронувшие территории Беларуси, продолжило свой количественный рост, что можно увидеть в Рис. 1. Важным является и то, что точно сказать о достоверности данных по переписи 1920 нельзя из-за момента проведения переписи и того, что её нельзя более точно проверить данными довоенного периода 1912-1914 годов. Проблемным местом является и то, что в переписи нахватает данных по некоторым территориям, что были уже захвачены или вошли в нейтральную зону в период Польско-Советской войны. Но даже имея все недостатки можно говорить о том, что данная перепись с наибольшей вероятностью верна, ибо не видно резкого положительного или отрицательного скачка. На данный момент не имеется большего количества данных, дабы доказать её несостоятельность. Что же касается всего периода с 1862 года по 1939 год, то мы видим постепенный рост еврейского населения, который не прекратился даже по причине войн 1914-1921 гг., кроме периода с 1897 года по 1902 год, когда произошёл спад. Данный рост был заторможен повальной эмиграцией населения, событиями войн и восстановления государства.

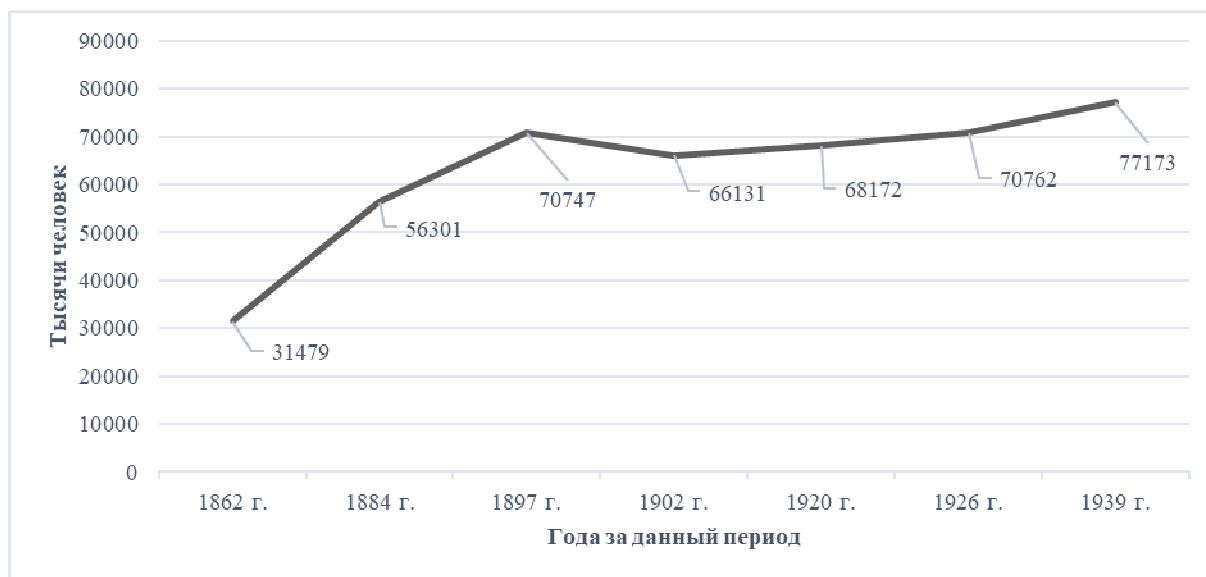

Рисунок 1. – Динамика численности еврейского населения на территории Восточной Витебщины за период с 1862 по 1939 год.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая перепись 1920 года, демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная, с учетом промышленных предприятий / РСФСР. Центр. стат. упр. – М. : 4-я Гос. тип., 1920. – 63 с. ; 23 см. – Без тит. л. и обл.
2. Всесоюзная перепись населения 1939 года : Основные итоги / РАН, Науч. Совет по ист. демографии и ист. географии и др.; [отв. ред.: Поляков Ю.А.] – М. : Наука, 1992. – 254 с.
3. Всесоюзная перепись населения от 17 декабря 1926 г. [Электронный ресурс] // Internet Archive. – Режим доступа: <https://archive.org/details/vyp4nariridmova/mode/1up?view=theater>. – Дата доступа: 14.03.2025.
4. Жиромская, В.Б., Киселев, И.Н., Поляков, Ю.А. Полвека под грифом "секретно": Всесоюзная перепись населения 1937 года / В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А. Поляков. – М. : Наука, 1996. – 152 с.
5. Зайцава, В. М. Яўрэй ўсходняй Віцебшчыны ў 1920-1930-х гг.:статыстычна-дэмаграфічная характарыстыка / В. М. Зайцава // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой – Новополоцк : ПГУ, 2023. – Вып. 48 (118): Образование. Педагогика. – С. 36-38.
6. Зельцер, А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917-1941. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 478 с., илл.
7. Карпекин, К. Г. Внешняя миграция еврейского населения Витебской губернии РСФСР и Латвии в первой половине 1920-х гг // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. – 2016. – С. 179-196.
8. Кузнецова, С. А. Еврейские общины Беларуси в конце XVIII – начале XX века/ С. А. Кузнецова. – Минск : РИП «Петит», 1998. – 34 с.
9. Население по переписи 1920 г. по национ. // Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО) Фонд 476 Оп.1 Д.28.
10. Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год : с тринадцатью политипажами в тексте и с портретом архиепископа Полотского и Витебского Василия / издана Витебским губернским статистическим комитетом под редакцию А. М. Семеновского, секретаря комитета, императорских обществ Русского географического и Вольного экономического члена-сотрудника. – СПб. : тип. К. Вульфа, 1864. – VIII, 415 с.: ил.
11. Памятная книжка Витебской губернии на 1886 г. / издание Витебского губернского статистического комитета. – Витебск : тип. губ. правл., 1886.
12. Памятная книжка Витебской губернии на 1904 год / издание Витебского губернского статистического комитета. — Витебск : губ. типо-литогр., 1903.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. V. Витебская губерния. Тетрадь 3. С. 283.
14. Розенблат, Е. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке / Е. Розенблат, И. Еленская // “Диаспоры”. – 2002. - №4. – С. 27-52.

УДК 39

**ЧИСЛЕННОСТЬ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ВИТЕБЩИНЫ
В 1862-1939 ГГ.:
ИСТОРИОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Н. А. ВЛАДИМИРОВ

(Представлено: канд. ист. наук, доц. В. Е. ОВСЕЙЧИК)

В статье проводится анализ работ на тему статистической характеристики еврейского населения на территории Восточной Витебщины с последующим сравнением подходов в работе со статистическими источниками. Особое внимание автор уделяет проблеме исследований на данную тему и предлагает варианты решения проблем: разработка недостающего массива данных или исключение его из общих данных за весь период.

В рамках вопроса статистической характеристики проживания евреев на территории Севера Беларуси есть разные подходы к работе с данными, которые приводят к определённым выводам. Классическим решением при написании работы на тему статистической или статистически-демографической характеристики является использование официальных источников информации об количестве населения на данной территории. Для периода Российской Империи второй половины XIX – начала XX вв. набор источников по статистике – это памятные книжки и Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Для периода между мировыми войнами применяются две важные переписи: Всесоюзная перепись населения от 17 декабря 1926 г. и Всесоюзная перепись населения 1939 года. Стоит отметить, что на данный период выпали и две ранее не затрагиваемые переписи: Всеобщая перепись 1920 года и Всесоюзная перепись населения от 6 января 1937 года.

Рассмотрение итогов переписи даёт нам представление об изменении количества населения, отношения населения одной национальности от общего числа населения, половозрастную и характера рабочей деятельности информацию в определённой административной единице. Но при этом не всегда получается отследить по каждому конкретному городу и местечку. Существуют исследования, которые направлены на рассмотрение еврейского населения определённых городов и местечек. Таким является исследование Аркадия Зельцера, где даётся информация об численности и процентном отношении ко всему населению. Таблица 1 и 2.

Таблица 1. – Еврейское население городов и местечек, 1897 – 1939 гг. (численность и процент ко всему населению) [6, с. 418-419].

	1897		1923		1926		1939		1923 в % к 1897	1926 в % к 1923	1939 в % к 1926
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%			
Витебск	34440	52,2	39714	43,7	37013	37,5	37095	22,2	115,3	91,1	100,2
Полоцк	12481	61,5	7463	38,6	8186	31,7	6464	21,8	59,8	109,7	79,0
Городок	3413	67,9	3138	48,6	2660	48,3	1584	21,7	91,9	84,8	59,9
Сенно	2471	60,3	2160	50,8	1847	52,9	1056	24,5	87,4	85,5	57,2
Чашники	3480	75,8	1834	75,5	1646	55,4	1109	31,6	52,7	89,8	67,4
Лепель	3379	53,8	1678	40,0	1923	28,9	1919	13,9	49,7	114,6	99,8
Дрисса	2856	67,4	1552	55,2	1265	49,6	825	30,1	54,3	81,5	65,2
Лиозно	1665	67,3	1417	55,7	1204	46,3	711	17,3	85,1	85,0	59,1
Яновичи	1702	72,1	1320	59,9	1345	62,4	709	34,8	77,6	101,9	52,7
Бешенковичи	3182	71,9	1158	53,5	1487	55,3	1119	26,3	36,4	128,4	75,3
Улла	1539	62,0	1068	54,2	1119	51,2	516	20,4	69,4	104,8	46,1
Кольшкы	1127	71,9	1047	75,6	1006	73,2	464	67,4	92,9	96,1	46,1
Ушачи	1129	77,3	861	63,7	807	64,6	487	23,8	76,3	93,7	60,3
Сураж	1246	45,6	833	35,7	669	31,8	461	15,4	66,9	80,3	68,9
Всего по 14 пунктам	74110	57,9	65243	45,2	62177	38,8	54519	22,1	88,0	95,3	87,7
Освья	1660	58,7	762	44,4	700	39,5	350	15,1	45,9	91,9	50,0
Кубличи	935	72,4	728	71,3	546	58,8	...	...	77,7	75,0	...
Сиротино	1766	88,4	660	57,4	398	47,9	...	...	37,4	60,3	...
Камень	826	77,5	487	67,4	426	80,0	...	...	59,0	87,5	...
Шумилино	...	...	445	52,6	483	46,3	376	16,4	...	108,5	77,8
Всего по 19 пунктам	...	...	68325	45,6	64730	39,5	...	...	...	94,7	...

Таблица 2. – Еврейское население Дриссы, Освеи, Сенно, Чашников, 1923 – 1939 гг. (численность и процент ко всему населению) [6, с. 420]

	1923		1926		1931		1935		1939		1926 в	1931 в	1935 в	1939 в
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	% к 1923	% к 1926	% к 1931	% к 1935
Сенно	2160	50,8	1847	52,9	1182	45,3	1174	33,5	1056	24,5	85,5	64,0	99,3	89,9
Чашники	1834	75,5	1646	55,4	...	...	1025	43,0	1109	31,6	89,8	...	...	108,2
Дрисса	1552	55,2	1265	49,6	710	51,8	922	43,9	825	30,1	81,5	56,1	129,9	89,5
Освея	762	44,4	700	39,5	398	36,4	397	24,3	350	51,1	91,9	56,9	52,1	88,2
Всего	6308	56,3	5458	50,6	...	...	3518	36,6	3340	30,0	86,5	...	...	94,9

Из таблиц 1-2 видно, что еврейское население сокращалось практически везде. Итоговые значения по всем пунктам так же на это указывают. Однако данные значения учитывают отдельно взятые населённые пункты, не учитывая всю территорию Витебщины.

Исследования Зайцевой, О. Н «Еврейская этническая общность Витебщины во второй половине XIX – начале XX вв.» и «Яўрэі ўсходняй Віцебшчыны ў 1920-1930-х гг.: статыстычна-дэмаграфічная характарыстыка» дают более обширную картину изменения количества населения по всей территории, а не отдельным населённым пунктам. Таблица 3.

Таблица 3. – Численность еврейского населения Витебщины по данным Памятных книжек Витебской губернии и Всесоюзной российской переписи 1897 года [6, с. 23].

	Год							
	1862 (кн. 1864)		1884 (кн. 1886)		1897		1902 (кн. 1904)	
	Город	Уезд	Город	Уезд	Город	Уезд	Город	Уезд
Витебск	15011	157	31687	3808	33455	6076	28915	3535
Полоцк	7880	1080	10032	3321	12450	4690	12888	4700
Динабург (Двинск)	5543	5594	26427	13475	32064	15422	21408	15334
Городок	2408	327	2884	1518	3411	1836	3775	1484
Велиж	3685	693	4566	2397	5984	3825	5645	1695
Невель	2907	485	3854	1149	5831	2392	8703	291
Режица	1153	896	7335	3333	6442	3672	7251	3983
Люцин	2407	653	2551	2151	2801	3450	2791	3142
Себеж	577	928	2436	665	2564	938	1623	727
Лепель	972	5241	3299	12061	3379	14729	4609	19204
Дрисса	1255	1798	1771	4752	2852	5977	3266	6291
Сураж	780	783	1528	-	1247	-	1277	-
Всего	44578	18635	98370	48630	112480	63007	102151	60386
	63213		147000		175487		162537	

В работе Аркадия Зельцера можно проследить спад еврейского населения на территориях Витебщины, когда как в исследовании Зайцевой на таблице 3 можно увидеть до какого года шёл рост и уже от него проследить уменьшение количества населения в XX веке.

Сравнивая данные за перепись 1897 года, можно заметить, что итоговые значения местами отличаются, однако не столь значительно. Также в таблице 3 есть два расхождения с итоговыми значениями в источниках. Так, указано, что в Витебске на 1884 находилось 31687 евреев, хотя в Памятной книжке Витебской губернии на 1886 г. выходит 26687 евреев. В графе Витебский уезд по переписи 1897 г. указано значение 6076, когда как в источнике информация об 4829 [11; 13, с. 87]. Однако данное исправление касается только городов и уездов белорусских, что же касается Динабурга, Велижа, Невеля, Режицы, Люцина и Себежа, то они не были отдельно проверены.

Однако, даже если убрать завышенные данные (6247), то можно увидеть, что еврейское население после переписи 1897 года сокращается. Так, взяв период 1862-1939, можно проследить, как это происходило: за 1862 год (восточные белорусские уезды Витебской губернии) – 37746 чел.; за 1884 (восточные белорусские уезды Витебской губернии) – 76661 (71661 с исправлением) чел.; за 1897 (восточные белорусские уезды Витебской губернии) – 90102 (88855 с исправлением) чел.; за 1902 (восточные белорусские уезды Витебской губернии) – 89944 чел.; 1926 (Витебский и Полоцкий округ) – 70 762 чел.; 1939 (Витебская область) – 77 173 человек [5, с. 37].

Важной проблемой вышеперечисленных данных является то, что при их составлении не учитывали территориальные изменения. За период с 1919 по 1939 территории бывшей Витебской губернии зна-

чительно видоизменялись. Некоторые уезды выходили из состава губернии, некоторые меняли свои границы. После губерния и вовсе прекратит своё существование в 1924 году [1, с. 19]. Также проблема кроется в переписи 1926 г., которая затрагивает Полоцкий и Витебский округа, куда ни в одну из них не входил Лепель. Лепельский район войдёт в состав Полоцкого округа Постановлением ЦИК и СНК БССР «О распределении территорий Борисовского, Слуцкого, Калининского и Речицкого округов между другими округами БССР» от 9 июня 1927 года [15, с. 7]. Из таблицы 1 можно сделать вывод, что это не значительная проблема, ведь население Лепеля на 1926 г. составляло 1923 человек. Однако стоит учитывать, что из таблицы 3 видно, что население Лепельского уезда больше, чем в самом городе и оно стабильно росло до 1902 года (в уезде – 19204, когда в городе – 4609). Из этого можно сделать вывод, что при учёте данных нужно либо исключить Лепель для более корректных выводов за период 1862-1926 гг., либо отдельно заняться вопросом количества еврейского населения на территории Лепельского района.

Для примера, убрав из выводов за период 1862-1926 гг., значения Лепельского уезда, мы можем более корректно оценить количественные изменения. Количество еврейского населения за 1862 год – 31479 чел.; за 1884 год – 56301 чел.; за 1897 год – 70747 чел.; за 1902 год – 66131 чел.; за 1926 год – 70762 человека [10, с. 202-204; 11; 13, с. 84-111; 12; 3; 2, с. 70]. Тут стоит заранее отметить, что перепись 1939 не учитывается из-за того, что в состав Витебской области войдёт Лепельский округ. Таким образом видно, что еврейское население не сократилось, а осталось на том же уровне, что и при переписи 1897 года.

Кроме исследований, направленных сугубо на территорию Витебщины, некоторые исследования, занимающиеся жизнью евреев на территории Беларуси, нам предоставляют информацию не только в общем по БССР, но и по отдельным округам и областям.

Так, исследование Эммануила Иоффе «Страницы истории евреев Беларуси: Краткий научно-популярный очерк» [8], кроме общей информации по всей республике, предоставляет данные ЦСУ в 1924 г. (в последующем будет исправлено на 1923 в работе: «Евреи. По страницам истории» [4]) на территории БССР жило 447667 евреев в том числе в Витебском округе в окружном городе – 39714, в местечках – 15386, а в сельской местности – 11776. Соответственно в Полоцком округе – 7463, 6219 и 16687 [8, с. 86-87; 4, с. 249]. Эти данные подтверждают информацию за 1923 год Аркадия Зельцера в таблице 1, потому как идут из одного источника. Последующая информация в исследовании дублирует статистику переписей 1926 и 1939 по всему БССР, что свойственно общим работам.

При рассмотрении демографии и статистики евреев Беларуси и отдельных регионов нельзя не упомянуть исследования Розенблат Е., Еленская И. «Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке» [14] и «Евреи Белоруссии: основные тенденции демографических изменений в XX в.» [13]. Данные исследования в рамках статистики еврейского населения с 1897 по 1939 дают информацию по всей Беларуси, а именно её крупным административным единицам, которые часто менялись в данный период.

Так, информация из переписей 1897, 1926 и 1939 по территориям Витебской губернии, Витебского округа, Витебской области совпадает во всех ранее описанных работах. При этом, данные исследования представляют собой фундамент анализа информации об количестве еврейского населения на территории всей Беларуси в целом за период с 1897 по 1999.

В рамках темы данного исследования новшеством является информация «Статистических материалов о национальной структуре населения белорусских земель, подготовленные Варшавским статистическим комитетом в 1909 году». Из данных материалов нам теперь известно, что в 1909 г. в Витебской губернии проживало 97,1 тысяча евреев (9,9% от всего еврейского населения Беларуси) [14, с. 28]. Однако данные значения касаются всей губернии, а не отдельно самой Витебщины.

Таким образом, по вопросу статистической характеристики еврейского населения на территории Восточной Витебщины есть целый ряд исследований, которые на прямую или косвенно затрагивают данный вопрос. Исследования, что затрагивают данный вопрос косвенно, имеют обычно общие источники в связующих эти исследования точках (1897, 1926, 1939). Потому говорить об новых открытиях на обозначенной территории не приходится. Из исследования в исследование переходит общая информация. При этом, среди исследований, что направлены на данный вопрос, существует два варианта составления статистики, которые имеют общий вывод – сокращение еврейского населения. Однако в варианте Аркадия Зельцера приводятся только отдельные населённые пункты, которые не дают всей картины происходящего, а только по каждому отдельному пункту. Исследования Зайцевой О. Н. является самыми последними и охватывают большой объём статистических источников, затрагивая крупные административные единицы. Это приводит к большей точности в выводах об количестве еврейского населения. Однако в данном исследовании видны ошибки в расчётах, а также упущение в вопросе территориального устройства рассматриваемых территорий. В свою очередь, это привело к искаженным выводам, которые не демонстриру-

ет полной картины и введут в заблуждение. Также, учитывая вышеописанные факты, появляется новое направление в вопросе статистической характеристики еврейского населения на территории Восточной Витебщины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бараноўскі, А. В. Тэрытарыяльнае ўладкаванне Віцебскай губерні ў студзені 1919 г. – сакавіку 1924 г. / А. В. Бараноўскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2019. – № 3. – С. 19-26.
2. Всесоюзная перепись населения 1939 года : Основные итоги / РАН, Науч. Совет по ист. демографии и ист. географии и др.; [отв. ред.: Поляков Ю.А.] – М. : Наука, 1992. – 254 с.
3. Всесоюзная перепись населения от 17 декабря 1926 г. [Электронный ресурс] // Internet Archive. – Режим доступа: <https://archive.org/details/vyp4nariridmova/mode/1up?view=theater>. – Дата доступа: 14.03.2025.
4. Евреи. По страницам истории / Сост. С. Асиновский, Э. Иоффе. – Мн.: ООО “Завигар”, 1997. – 320 с.
5. Зайцава, В. М. Яўрэй ўсходняй Віцебшчыны ў 1920-1930-х гг.:статыстычна-дэмаграфічная характарыстыка / В. М. Зайцава // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой – Новополоцк : ПГУ, 2023. – Вып. 48 (118): Образование. Педагогика. – С. 36-38.
6. Зайцева, О. Н. Еврейская этническая общность Витебщины во второй половине XIX – начале XX вв.: особенности расселения и демографическая характеристика / О. Н. Зайцева // Труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой. – Новополоцк: ПГУ, 2022. – Вып. 43 (113): Образование. Педагогика – С. 22-24.
7. Зельцер, А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917-1941. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 478 с., илл.
8. Иоффе, Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси: Краткий научно-популярный очерк. – Мн. : “АРТИ-ФЕКС”, 1996. – 292 с.
9. Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год : с тринадцатью политипажами в тексте и с портретом архиепископа Полотского и Витебского Василия / издана Витебским губернским статистическим комитетом под редакцией А. М. Сементовского, секретаря комитета, императорских обществ Русского географического и Вольного экономического члена-сотрудника. – СПб. : тип. К. Вульфа, 1864. – VIII, 415 с.: ил.
10. Памятная книжка Витебской губернии на 1886 г. / издание Витебского губернского статистического комитета. – Витебск : тип. губ. правл., 1886.
11. Памятная книжка Витебской губернии на 1904 год / издание Витебского губернского статистического комитета. — Витебск : губ. типо-литогр., 1903.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. V. Витебская губерния. Тетрадь 3. С. 283.
13. Розенблат Е., Еленская И. Евреи Белоруссии: основные тенденции демографических изменений в XX в. – 2004.
14. Розенблат, Е. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке / Е. Розенблат, И. Еленская // “Дiasпоры”. – 2002. - №4. – С. 27-52.
15. Сцяпан Цемушаў, Сяргей Александровіч. Змены ў адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзеле БССР у 1919-1941 гг. / Сцяпан Цемушаў, Сяргей Александровіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2023. – № 6. – С. 3-12.

УДК 94"15/18"

**«КЛЮЧ ЦАРСТВА НЕБЕСНОГО» КАК ОТРАЖЕНИЕ
РЕЛИГИОЗНО-ПОЛЕМИЧЕСКОГО КРИЗИСА КОНЦА XVI В. – НАЧАЛА XVII В.****Н. А. ВЛАДИМИРОВ***(Представлено: канд. ист. наук, доц. А. Л. РАДЮК)*

В статье анализируется «Посвятительное предисловие князю А. К. Острожскому» Герасима Смотрицкого в сборнике «Ключ царства небесного». Рассматриваются его религиозно-нравственные идеи, политический подтекст и значение в условиях Контрреформации на землях Речи Посполитой для защиты православия.

Вторая половина XVI в. – первая половина XVII в. стала периодом активного развития Реформации, которая повлияла на религиозную карту Европы, а также способствовала формированию нового мировоззрения. Наука высвобождается от религиозных догматов, а на смену схоластическим моделям познания приходит геометрико-механистическая картина мира. Накопленные за прошлый период научные знания систематизировались, а идеал философского познания был заменён практической эффективностью знания. В рамках религии, на фоне нарастающих проблем в Католической церкви, появляется новое религиозное течение христианства – протестантизм.

Земли Великого Княжества Литовского попали под общеевропейские изменения, имея толерантное общество, где на территории государства проживали разные этнические группы, исповедующие различные верования: католицизм, православие, ислам, иудаизм. Данный аспект способствовал формированию веротерпимости и толерантности в обществе, что в свою очередь благоприятно сказалось на укоренении Протестантизма в княжестве.

Однако данная ситуация изменилась после образования Речи Посполитой в 1569 году. По приглашению Стефана Батория на территории новообразованного государства появляются иезуиты, которые через активную проповедническую деятельность в католических и протестантских странах и миссии вне Европы продвигали католицизм. Также, они вели борьбу с Реформацией по всей Европе.

Цели Контрреформации на территории Речи Посполитой включали возврат протестантов и православных в лоно Католической церкви, укрепление позиций Римско-католической церкви путем вытеснения еретических конфессий из интеллектуальной, образовательной и духовной жизни государства.

В последующем будет заключена Брестская уния, которая объединяла две религии (православие и католицизм) в виде униатства, подчинённого Папе Римскому. Однако острая полемика, которая развернулась в кругу представителей клира двух церквей перед заключением унии, не утихла, а стала ещё более острой.

В контексте вопроса религиозной полемики, что развернулась на территориях Речи Посполитой, важно рассмотреть самый ранний текст религиозной полемики конца XVI – начала XVII века – «Ключ царства небесного» авторства Герасима Смотрицкого [3, с. 212-213]. Данная книга является сборником произведений, в который на момент 1587 г. входят: До народовъ русскихъ, короткая а пилная предмовка; Каленьдарь римски новы. Это что входило в подлинник, но в Памятниках литературной полемики православных южно-русцев с протестантами и латино-униатами было добавлено: «Посвятительное предисловие князю А. К. Острожскому» [1].

«Ключ царства небесного» является родоначальником новой печатной литературы православных в Восточной Европе и является ранним примером заимствования методов аргументации и формальных средств реформационной и контрреформационной публицистики [7, с. 29].

К сожалению, в историографии данный сборник не нашёл полного отражения. Так, в работе «„Nie potrzebuje zdrowy lekarstwa, rzecz dobra zaś – naprawy”. Pamflet Herasyma Smotryckiego Kalendarz rzymski nowy («Здоровому лекарства не нужно, а хорошее дело – исправления». Pamflet Герасима Смотрицкого «Новый римский календарь»)» [7] рассмотрена была лишь часть «Ключ царства небесного» под название «Новый римский календарь». Слабо затронутыми остаются «До народовъ русскихъ, короткая а пилная предмовка» и позже добавленное Киевской археографической комиссией «Посвятительное предисловие князю А. К. Острожскому».

Герасим Смотрицкий был православным полемистом, первым ректором Острожской академии. Сам он из дробной шляхты, и обучал его отец Данил Смотрицкий, который был переписчиком. При этом удивительно, что он с таким образованием смог составить Острожскую Библию вместе с кругом ученых академии. Поэтому есть предположение, что он прошёл начальное обучение в местных училищах [4, с. 3]. Что было вполне свойственно для дробной шляхты XVI в., особенно православной, для которой в это время формируются братские школы по западноевропейскому образцу, где преподавались «семь во-

ных искусств» – грамматика, риторика, логика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка, а также языки – церковнославянский, греческий, польский, латынь, старорусский – изучались на примере религиозных, юридических и литературных памятников [2, с. 3].

Известно, что Герасим Смотрицкий служил писарем в Каменец-Подольском старостве, прежде чем в 1576 году был приглашен князем Константином Острожским в Острог, где стал один из передовых деятелей ученого острожского кружка. С 1580 года он являлся первым ректором Острожской академии.

Его сборник начинается с «Посвятительное предисловие князю А. К. Острожскому», где Герасим Смотрицкий обращается к Александру Константиновичу Острожскому, который нам может быть известен как Александр Васильевич Острожский. Как раз Александр Васильевич остался единственным православным сыном у Константина Острожского [5] и «Божью милостию княжати Острожскому, воеводичови киевскому» [1] ему и было подготовлено наставление Смотрицким.

Учитывая вышеописанное, уже заранее выстраивается картина того, с какой целью было данное предисловие. Духовное наставление одного из наследников княжеского рода для поддержания им академии в Остроге и православия на своих землях.

Вводная часть, используя библейские отсылки, описывает круговорот всего существования и свойственную временность всему сущему: «Ижъ мало не всѣ рѣчи створенные отъ початьку свѣта, за предивнымъ устроениемъ ихъ Творца, преходити едины по другихъ и прменятися и гинути мусять» [1]. Учитывая контекст времени написания и авторства, не удивительно увидеть эсхатологическую мысль в данных словах, ведь всё рано или поздно умрёт по замыслу Творца. Данная мысль продолжается свойственным выводом для философии Средних веков: «Ачъ естество или натура ихъ не гинеть. кгдажъ прошлому подобное вырастаетъ и родится едино зъ другого» [1]. Можно заметить, что Смотрицкий отделяет гибель формы от гибели естества (сущности). Выходит так, что смерть – не конец пути, а лишь начало или же продолжение цикла смены одного поколения форм на другое без потери в данном случае божественного замысла.

Такая же и человек «которому всѣ тые рѣчи суть подручн» стремится прожить свою жизнь, а в конце «до общей матере своея ворочаются а иные на мѣстца ихъ наступать, и такъ в томъ воля Божіа» [1]. И тут же, в продолжении показывается главный смысл данного послания: ведь человек может иметь другую, посмертную судьбу: «А ведъже вѣрные а добро дѣльные, толко смертъю зъ дочасного на вѣчное премѣняются» [1]. Таким образом, Смотрицкий наставляет юного князя христианской мыслью, что истинная жизнь не здесь, а в вечности, и только тот, кто добровольно следует Богу, тот и заслуживает этого перехода. Для тех, кто лишен этого прозрения, жизнь обрывается без духовного продолжения. Тут же в тексте отмечается и наследие в преемственности: «родивый чада не умераетъ, кгдажъ собѣ подобнаго отъ сѣмени и церкви своей наслѣдникомъ, то есть дѣдичемъ по собѣ оставляетъ» [1]. Здесь закладывается довольно важная мысль в контексте религиозного обострения в Речи Посполитой, которая должна помочь в деле защиты прав и свобод православного населения. Истинное бессмертие не просто в продолжении рода, а в сохранении традиций и веры отцов. Если дети становятся чужаками по вере, то и наследие предков пропадает. В рамках наставления это довольно важная мысль, учитывая то, что у Константина Острожского двое сыновей станут католиками, а обращение идёт к его третьему сыну, который остался православным. Учитывая напор на православную шляхту с целью их перехода в католичество, то предисловие к «Ключу царства небесного» продолжает линию основного сборника: отвечать на нападки со стороны Рима и воспитывать своих детей в отцовской вере.

Продолжая мысль преемственности, Смотрицкий Старший выводит довольно лестную мысль о том, что князь Александр Острожский является преемником церкви и рода Владимира Крестителя: «Таковымъ благословениемъ почтить и увелбилъ Богъ оного великого Владимира, преславно, и много чудно крестившаго землю рускую. которого церкви и роду, зацная линѣя и донинѣ неустала. въ нейже истинный наслѣдникъ, и властный потомокъ, ваша княж: милость» [1]. В данных словах можно заметить идею священной преемственности, где власть – не просто институт, но и духовное продолжение, заложенное Богом. При этом власть – дар и обязанность перед богом: «... и прошлымъ, и настоящимъ рѣчамъ с пилностью присмотруватися, ваша княж: милость маєшь беручи за початокъ всякой мудрости страхъ Божій ...», «Ревнуй же прилѣжно сему и ваша княж: милость, а послѣдуй неизмѣнно святому прикладу у свѣтлоцвитующей молодости своей и справуй храмъ свой телесный яко бы былъ прибыткомъ Духу Святому» [1].

Для того чтобы справиться со своими обязанностями, которые князь получил по Божественному замыслу, ему нужно «мѣти всегдашнее пилное бачене на зацный станъ, и на новый вѣкъ свой, въ которомъ не толко часу якого долгого, але и дня и години единое стравити дармо, а безпотребне шкода. Кгдажъ и телесные силы и душевные также смыслы въ таковомъ юнотскомъ возрѣстѣ, што далей то болше растутъ множаться ...» [1]. Наградой как раз и будет богатство духовной жизни: «и якъ хто въ таковыхъ лѣтѣхъ управитъ, а накеруетъ тую свыше спряженую колесницу свою, котораа никгда не стоитъ, але до кресу назначеного точитсе. на которой и самъ Богъ рад пребываетъ, хто ему годѣе ее устро-

ить, также и на дальшіе часы трѣваеъ, и поступаеъ, и до вѣчныхъ прибытковъ, которыхъ око, ухо, и сердце челоуѣчее дознати не можетъ, вѣжджчаеъ. Чого и вашу княж: мил: Господи получити сподоби» [1]. Данные мысли схожи с античным мышлением Аристотеля об добродетельном развитии юношей. Однако учитывая, что тут также ставится важным вопрос духовного развития и попытки достичь Бога, то это мысли Фомы Аквинского, которые передаются молодому князю.

В познании Бога формируются душевные качества ребенка, а душевные способности необходимо не только воспитывать, но и направлять к достижению истинных, высших целей, суть которых заключается в воспитании добродетели. В основу воспитания он закладывал этику добродетелей. Ведь Бог – первопричина всех вещей, он является результатом и целью человеческих устремлений. Он подчеркивает, что каждый орган человеческого тела существует для высшей функции: глаз – для зрения, ухо – для слуха и так далее [6, с. 257]. Можно заметить, как сильно это перекликается с наставлениями Герасима Смотрицкого, который напрямую использует описанные Фомой идеалы духовного и земного воспитания.

Его последующий призыв не шутить с Богом в выборе веры из-за того, что это плохо, ведь путь был выбран правоверными родителями, имеет глубокий смысл. Для начала «отъ родичовъ правоуѣрныхъ избранъ, въ томъ по апостолу нехай и пребываеъ» [1] показывает всю консервативность взглядов православных священнослужителей. Это прямая попытка сохранить свою власть над людьми. Если человек сменит веру, то слушать он будет других священнослужителей. Поэтому данная мысль вредна и её пытаются выбить из ума юного князя, дабы тот оставался, как и его отец, православным и продолжал поддерживать церковь. При вышеописанной ситуации наступления католиков на православных вполне ясно, для чего делается данное наставление. Однако, кроме вполне себе материальной мысли, что православные священнослужители пытаются сохранить академию в Остроге и своё положение на территории Речи Посполитой, возможно, что Герасим Смотрицкий, получивший весьма скромное образование, и вправду беспокоится о судьбе князя Александра.

Продолжая мысль автора, можно увидеть, что далее он, ссылаясь на апостольское учение «вся искушаю ще добрее содержати» обосновывает необходимость благоразумия – одной из главных семи добродетелей христианства. Человек, стремящийся к правде, должен не просто слушать обе стороны, но и с мудростью и «боячогося Бога» подходить к решению вопроса. Получается так, что справедливость духовна и требует внутренней чистоты и восприятия истины как абсолюта: «не обзираючися на зацность, можность, и телееную мудрость того свѣта, але на самую истинную правду Божию ...». Герасима Смотрицкий здесь выступает как защитник своей веры, утверждая церковную истину главной: «лѣпше, коли бы тымъ не всѣ што не кождому належитъ шафовали, толко с тымъ што церковь святаа духовно уставила законно утвердила, и неотмѣнно держитъ переставали ...» [1].

Данная ситуация доказательства Божественной истины как раз и проявляется в ситуациях кризиса веры, религиозных и политических конфликтов, которые выпадут на Речь Посполитую в период в. п. XVI – п. п. XVII века. Данный кризис как раз и подчеркивается автором, который подмечает, что «але ижъ теперъ свѣтъ на томъ, радися пытають а иные и отменяють, в новые або перемѣнные вѣры». Это и есть проявление кризиса веры и распространения новых идей на территории Восточной Европы. Религиозная устойчивость и толерантность всё дальше уходит на второй план, а религиозный релятивизм выходит на первый план. Однако это лишь мнимая свобода, которая ведёт в заблуждение и грехопадение. Истинная свобода – это внутренняя, что переплетена с церковной истиной, которую нужно держать, не смотря на новые идеи [1].

Герасима Смотрицкий проходится и по такому новому явлению, как интерес женщин к богословскому познанию. Новые идеи приводит к конфликту с консерваторами. Консервативный автор иронично подмечает: «бѣлыхъ головъ ... которымъ призоишша бы куделя з веретеномъ, а нижли .тое што писано перомъ». Данный взгляд отражает реальность того времени и является моралистическим предостережением, ведь: «лихитые змѣе образные шепталци, которымъ наши Евъвы волно нахилиють ухо». Показывая им «сличные в поставкахъ и словькахъ яблущка», данные шептуньи ведут на отступничество после и Адамов [1].

Вышеописанная критика выступает против поверхностного интереса к истине, лишённого духовной подготовки. Главный акцент критики – на внутреннем состоянии личности, которая способна либо к добродетели, либо к искушению. Половая принадлежность играет лишь вторую роль, хотя также имеет место.

В конце наставления Герасим Смотрицкий проговаривает, что ввиду необходимости правильного наставления, направляет ему данный сборник: «бо хто не хочеть похлѣбовати, тому годится правду указовати», надеясь, что молодой князь прочтёт не только наставление, но и последующие тексты, что вошли в сборник. Ведь церковь православная надеется за него: «все церковное отвсюду на младый возрастъ вашее княж: мил. умилено зрить око, слезы испущаючи, всѣхъ Творцу молячися, да не до конца лишена будетъ началника своего наслѣдіа. у православи пресвѣтло сіающаго». Данное изречение выделяет сакральности власти князя, что является отражением духовного центра. Также в этом можно усмотреть вполне справедливо хитросплетённую политическую риторику. Указывается, что мудрость присуща не

только старым, но и молодым, что вполне себе может быть лестью по отношению к юному князю: «Остатокъ и початокъ ачъ младому але мудрому баченю вашей княж: милости поручается, кгдажъ за сѣдины мудрость, а за лѣта старости животь побожный Соломонъ положиль» [1].

В заключении даётся цитата греческого философа Плутарха: «Такіе нехай у тебе мѣстце мѣваторъ. Которые не ради на все зезволяютъ. А которымъ милша роскошь нижъ цнота. Предъ такими кажи замыкать ворота».

Таким образом, «Ключ царства небесного» начинается с важного предисловия, которое отражает реальность того времени. Герасим Смотрицкий, ректор Острожской академии, пытается наставить на путь истинный юного князя Александра Васильевича/Константиновича Острожского. Учитывая характер сборника как первого полемического ответа православного духовенства на претензии католического клира, данное предисловие носит политический характер. Герасим Смотрицкий, ввиду сложной ситуации Контрреформации на территории Речи Посполитой, пытается не потерять возможного будущего спонсора Острожской академии и защитника Православной церкви от нападок католического короля. Само наставление глубоко нравственное и затрагивает самые болезненные моменты религиозного кризиса периода второй половины XVI – первой половины XVII века. Его цель, через полемические приёмы Средних веков, правильно наставить возможного наследника Константина Константиновича Острожского на путь истинный, то есть православие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Юго-Западной России: Ч. 1. Т. 7: Памятники литературной полемики православных южнорусцев с протестантами и латино-униатами [Электронный ресурс] // Internet Archive. – Режим доступа: https://archive.org/details/arhuzr_1_7/page/232/mode/1up. – Дата доступа: 24.07.2025.
2. Барсук, Е. Е. Формирование православной традиции в историографии XVII – XVIII веков // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2016. – №. 9. – С. 2-6.
3. Білоус, П. В. Історія української літератури XI – XVIII ст.: навчальний посібник / П. В. Білоус. Рецензенти: док. філ. наук, проф. М.П. Корпанюк, док. філ. наук, чл.-кор. НАН України М.М. Сулима. – К.; ВЦ «Академія», 2009. – 424 с.
4. Жуковский В. М., Махлюк В. М. Організаційно-педагогічна діяльність ректора Острозької академії (1576-1636 рр.) Герасима Смотрицького // Scientific review. – 2016. – №. 22. – С. 1-11.
5. Константинъ Константиновичъ [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XVI (31). Конкорд-Коялович – Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book10162/#page/80/mode/1up>. – Дата доступа: 25.07.2025
6. Цицикашвили, К. П. Идеал духовного и земного в идеях Фомы Аквинского о воспитании / К. П. Цицикашвили // XV Неделя науки молодежи северо-восточного административного округа города Москвы, 20-30 апреля 2020 года – Москва: издательство «Стратагема - Т». – С. 256-258.
7. Hodana T. „Nie potrzebuje zdrowy lekarstwa, rzecz dobra zaś–naprawy”. Pamflet Herasyma Smotryckiego Kalendarz rzymski nowy (1587) // Roczniki Humanistyczne. – 2022. – T. 70. – №. 7. – С. 29-43.

УДК 94 (47+57) "1917/1991"

**ПОЛИТИКА ЛИКВИДАЦИИ БЕЗГРАМОТНОСТИ В ПОЛОЦКОМ ОКРУГЕ (1924-1930 ГГ.):
ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ПОЛОЦКИЙ ПАХАРЬ»****А. В. КАРАВАЕВ***(Представлено: канд. ист. наук, доц. Е.В. СУМКО)*

В статье на основе материалов главной окружной газеты «Полоцкий пахарь» рассматривается реализация политики советской власти по ликвидации безграмотности в Полоцком округе с 1924 по 1930 год. На страницах издания нашли отражение ключевые проблемы реализации ликбеза — от кадрового дефицита и нехватки ресурсов до сопротивления части населения, — что позволяет на его основе детально изучить специфику этого процесса в регионе.

В центре данного исследования — комплексный анализ материалов окружной газеты «Полоцкий пахарь» как ценного исторического источника для изучения кампании по ликвидации безграмотности в Полоцком округе (1924–1930 гг.). Хронологические рамки исследования ограничены периодом 1924–1930 гг., нижней точкой которого выступает создание Полоцкого округа 17 июля 1924 г., а верхней — ликвидация Полоцкого округа 26 июля 1930 г.

Проблема ликвидации безграмотности в ранний советский период получила определённое освещение в историографии. Общесоюзный контекст кампании раскрыт в работе И.В. Глущенко, анализирующей ликбез как масштабный просветительский проект 1920–1930-х годов [2]. Эволюцию политических подходов к данному вопросу в 1920-е гг. исследовал И.А. Панкрат, представивший её как динамично развивавшееся направление внутренней политики [5]. Применительно к Беларуси фундаментальным является исследование Е.Н. Бусел-Кучинской, посвящённое реализации политики ликвидации безграмотности на территории Витебской губернии в 1917–1922 гг. [1]. Вместе с тем, последующий период (1924–1930 гг.) в рамках такого административно-территориального образования, как Полоцкий округ, остаётся недостаточно изученным, что обуславливает необходимость его специального исследования на основе системного анализа региональных материалов.

Одним из приоритетных направлений в культурно-просветительской и образовательной деятельности в БССР был курс на ликвидацию безграмотности среди населения республики. Он был установлен ещё декретом СНК Советской России от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» [3], который распространился и на территорию БССР. В свою очередь газета «Полоцкий пахарь» являлась главным окружным периодическим изданием, которое было создано для информирования населения о проведении данной политики, потому в данном исследовании на основании информации, размещённой на страницах газет, будет исследована тема проведения кампании по ликвидации безграмотности в Полоцком округе.

Возложенная на районный отдел народного образования (далее — районо) задача по ликвидации безграмотности уже на старте натолкнулась на серьёзные материальные препятствия.

Показателен пример Дретуньского района, описанный в газете «Полоцкий пахарь» от 14 марта 1925 г.: «Глухой и бедный Дретуньский район. Эта бедность особенно чувствуется в ветви просветительской работы. Школы отремонтированы плохо, учебников, тетрадей, карандашей и других принадлежностей не хватает... не достаёт материальной базы» [6, с. 2]. Ситуация в Дретуньском районе была типичной: хронический дефицит ресурсов подрывал саму возможность эффективного функционирования школ ликбеза, становясь системным ограничителем всей образовательной кампании.

Школьных учреждений, которые занимались ликвидацией безграмотности, было недостаточно. Больше половины детей школьного возраста не могли позволить себе даже начальное образование. Так, рассматривая ещё один пример, стоит сказать, что в подробном образовательном обзоре округа, в котором был представлен осмотр состояния культурно-просветительской работы, касательно ликвидации безграмотности упоминалось: «Культурное обслуживание нужд населения со стороны советских партийных и профессиональных органов совершенно ничтожно. Для этой цели нет достаточных средств». Так, на примере Краснопольского района, указано: «На территории Краснопольского района в прошлом 1924-1925 учебном году было школ всего 25. Детей по району школьного возраста 2699 человек. Из них обучалось в школе 1205 человек, а находилось вне школы 1494 человека» [4, л. 60]. Таким образом, мы можем наблюдать, что в этот период культурно-просветительская работа была в кризисном состоянии по всему округу и не могла выполнить всех поставленных перед ней задач, из-за недостатка материального обеспечения и количества культурно-просветительских, а также образовательных учреждений.

Значительным препятствием была неподготовленность педагогических кадров. Окружная печать прямо указывала на то, что многие учителя с трудом осваивали новые методики. Яркой иллюстрацией

служит отчет с Дретуньской районной конференции (14 марта 1925 г.), в котором автор жаловался, что учителя «не совсем представляют себе новые методы» и «пользуются материалами, которые не имеют никакого отношения к теме» [6, с. 2]. Подобные критические публикации демонстрируют осознание властями того, что успех ликбеза зависел не только от финансирования, но и от преодоления методической отсталости учителей.

Несмотря на материальные трудности, сеть образовательных и просветительских учреждений в Полоцком округе постепенно расширялась. Ярким примером служит инициатива жителей деревни Шаврино (Ульский район), которые в 1925 г., как сообщала газета, «несмотря на значительную нехватку средств, ...смогли организовать избу-читальню», самостоятельно добыли литературу и привлекли постоянную аудиторию [7, с. 3]. Подобные публикации свидетельствуют, что, несмотря на дефицит ресурсов, на местах наблюдалась активность, а создаваемые учреждения ликбеза становились реальными центрами притяжения для местного населения.

В противовес многочисленным сообщениям о проблемах, газета изредка приводила и примеры успешной работы школ, представляя их как образец для подражания. Так, в заметке от 21 марта 1925 г. описывалась Москалевщинская школа в Ветринском районе, где не только действовал пункт ликбеза на 35 человек, но и была организована ленинская библиотека [7, с. 3]. Подобные публикации, хоть и единичные, выполняли важную функцию, демонстрируя реальную возможность корректной организации учебного процесса и культурно-просветительской работы даже в сложных условиях.

Помимо внутренних проблем системы образования, серьёзным препятствием становилось скептическое отношение части населения. Яркой иллюстрацией этого является ситуация в Освейском районе. Несмотря на образцовую организацию Кахановичской школы, где был сделан ремонт, существовал ученический кооператив, издавалась настенная газета и были организованы пионерские отряды, «селяне многих окружных деревень... не пускают детей в школу» [9, с. 4]. Автор публикации объяснял это сопротивление сохранявшимся сильным влиянием религии на местное население [9, с. 4]. Данное замечание не только конкретизирует причины саботажа образовательных инициатив, но и маркирует ранние предпосылки для последующей активной антирелигиозной кампании в округе.

Проблемы реализации образовательной политики не ограничивались сопротивлением части населения. Низкая инициатива и слабая организация на местах наблюдались и среди самих исполнителей, что хорошо иллюстрирует судьба низовой печати. Как отмечалось в заметке от 25 марта 1925 г., настенная газета «Новая деревня» при Бельской избе-читальне, выпустив один номер, прекратила существование, хотя по плану должна была выходить дважды в месяц [8, с. 3]. Данный случай демонстрирует, что срыв инициатив происходил не только по вине местных жителей, но и вследствие пассивности или некомпетентности партийных и государственных работников, в чьи обязанности входила организация подобной работы.

19 января 1926 г. в газете «Полоцкий пахарь» были опубликованы итоги окружного съезда «Общества долой неграмотность» (далее сокр. – ОДН), где обсуждались основные действия, необходимые для проведения работниками просветительской политики. На нем было принято решение о необходимости постоянной пропаганды для вовлечения в ОДН крестьян. Помимо этого, было отмечено, чтобы через окружную печать велась агитационная деятельность для того, чтобы ОДН стало важнейшей общественной организацией в сельской местности [10, с. 3]. Такие меры еще раз подтверждают, что ликвидация безграмотности была одной из приоритетных направлений в политике советской власти в данный период.

В 1926 г. актуальной проблемой являлось отсутствие необходимой литературы в отдельных учебных заведениях. Так, например, в одной из заметок упоминалось: «в Ушацком районе 25 декабря отмечается, что в Больше-Далецкой избе-читальне почти не появляется новая литература, вместо этого валяются только несколько агиток 1917-1918 годов» [11, с. 3]. Исходя из этой информации стоит сделать вывод, что в это время еще не была налажена работа в данном направлении и 1926 г. тоже проходил в состоянии материальных трудностей, несмотря на принятые ОДН меры.

В период с 1924 по 1926 г. можно судить о материальных трудностях в обеспечении школ. Здесь также стоит упомянуть ситуацию, о которой писал один из корреспондентов в Волынецком районе, которая заключалась в том, что на собрании актива сельсовета по поводу материального положения докладывала молодая учительница: «Нашла 6 сломанных лавок и одну серую доску. Детей сначала пришло 8 человек. Начала искать кругом закрытые школы, откуда можно было что-нибудь взять. Ходила 10-15 вёрст в день и случайно в соседнем сельсовете нашла школьный инвентарь. Перетянула все это в свою школу. На ремонт с района давали только 5 рублей, доложила со своей пенсией. Организовала «комитет помощи», который привез дров и книги с района» [6, с. 2]. Анализируя данную ситуацию, можно отметить, что в Волынецком районе Полоцкого округа также недостаточно внимания уделялось обеспечению образовательных учреждений и учителя сами искали выход из положения.

В 1927 г. большинство сведения о реализации культурно-просветительской работы пропадают. В основном источнике информации, газете «Чырвоная Полаччына» в этот период исчезает раздел «на культпросвет фронте», который предоставлял большинство сведений о действиях властей в этом направ-

лении и реакцию на них. Таким образом, проследить реализацию политики ликвидации безграмотности в полном объеме не предоставляется возможным.

В 1928 г. начинается переломный момент, когда на политику ликвидации безграмотности обратили особое внимание, выявив недостатки с помощью статистических данных. Так, в одном из номеров газеты «Чырвоная Полаччына» 20 октября 1928 года было отмечено: «По нашей Полоцкой округе имеется еще 81 766 неписанных мужчин и 136 501 неписанная женщина. В среднем в округе неписьменность доходит до 60%» [12, с. 2]. Эти сведения говорят о том, что мер, которые были приняты в период с 1924 по 1927 год, было недостаточно, чтобы полностью избавить население от неграмотности. Однако в газете отмечалось, что данную проблему необходимо было решить, начиная с этого года [12, с. 2].

Стоит упомянуть что в газете «Чырвоная Полаччына» размещались и сведения о выполнении поставленных задач. 31 октября 1928 г. была размещена публикация, в которой указывалось: «В этом году приняты все действия к полному охвату неписанных. Радиус посещения ликпунктов должен быть не больше 3-4 км. В этом году должно быть охвачено ликпунктами 100% неписанных.» [14, с. 3]. Такой новый подход к проведению политики ликвидации говорит о том, что как раз в 1928 году произошел переломный момент, который привел к успеху в достижении целей ликвидации безграмотности.

В 1928 г. помощь в реализации политики по ликвидации безграмотности стали оказывать общественные организации, в частности, пионеры. В одном из номеров за 1928 г., по поводу Ульской семигодки в это время отмечали: «Есть культурный форпост, который своим авторитетом агитировал на культурную работу 30 человек, что является очень сильным результатом. При этом один из пионеров даже выезжал в другую деревню, выписал там газеты и распространял среди учеников. Был также сделан акцент на том, что пионеры принимают активное участие в культурной революции. Дети учат своих родителей письменности, а также работают на культурных мероприятиях» [15, с. 6]. С этого момента в периодической печати прослеживается активное участие молодежных организаций в образовательной работе.

Одним из явных направлений в культурной политике советской власти с 1928 года, влияющих на ликвидацию безграмотности, стала борьба с религией. В одном из выпусков от 4 января 1928 г. указывается: «В Россонском районе есть ряд деревень, а именно Горбачевского сельсовета – Горелая Яма, Заболотники и Липняки, в которых до сих пор слабо влияние советской власти. Люди слушают священников и проводят религиозные праздники, пьянствуют и не умеют писать» [13, с. 2]. В качестве основной проблемы, которая «не давала выбраться деревням в свет», в газете указывалось «трехполье и черезполосица» [13, с. 2]. Такое мнение в периодической печати продвигалось в связи с проведением политики коллективизации. Один из корреспондентов газеты при этом писал: «требую укрепить работу культурных органов, чтобы вывести из этих сёл все религиозное влияние» [13, с. 2]. С этого момента, антирелигиозные высказывания привели к корректировке тактики борьбы с безграмотностью и создали тенденцию в периодической печати на противостояние влиянию религиозных организаций на население Полоцкого округа.

Грамотная политика привела к тому, что уже в 1929 г. стали появляться многочисленные публикации о большом количестве выпускников пунктов по ликвидации безграмотности (далее сокр. – ликпункт). Так, например, 22 мая 1929 г. «В этом учебном году по Мозырскому сельсовету работало 4 ликпункта: Бельский, Сухопаровский, Козынский и Замшанский. В общем этими ликпунктами выпущено 125 человек взрослых – до этого не писанных. С общего количества слушателей – 75 процентов женщин» [16, с. 2]. С этого времени можно отметить новый период, который характеризовался наиболее продуктивными действиями в области ликвидации безграмотности среди населения.

В 1929 г. молодежные организации были активно вовлечены в реализацию политики ликвидации безграмотности. Так, в одной из публикаций, отмечалось: «Старинским ликпунктом руководил молодой парень Драгун Трахим, который очень ответственно относился к своим обязанностям. Работа ликпункта сразу же была поставлена на соответствующую высоту» [16, с. 2]. Далее упоминалось: «26 апреля произошел выпуск в ликпункте. Из 35 слушателей выпустили 25. Последние очень хорошо научились чтению и письму» [16, с. 2]. Таких новостей в данный период было гораздо больше, чем в предыдущие годы и связаны они были с участием молодежи из ВЛКСМ в культурно-просветительских мероприятиях. На указанном примере одного из члена этой организации мы можем увидеть эффективность данного взаимодействия.

В 1930 г. дома зажиточных крестьян передавались под образовательные учреждения. Так, в одном из номеров газеты «Чырвоная Полаччына» упоминался случай, когда в Булавском сельсовете все еще не было школы [17, с. 4]. Главной проблемой здесь было то, что план уже был намечен, с материальным обеспечением трудностей не возникало, был даже выделен дом бывшего «кулака», однако, как упоминалось в газете: «сельсовет оппортунистически отнесся к этому важному делу» [17, с. 4]. Под этим заявлением понималось некомпетентное выполнение обязанностей со стороны работников сельсовета и невыполнение обязанностей в должном объеме. Таким образом несмотря на всю проводимую политику советской власти в данный период, работа в этом направлении все еще была необходима, а ликвидация безграмотности все еще должна была оставаться приоритетной политикой и в последующем.

Проведение политики ликвидации безграмотности в Полоцком округе в 1924–1930 гг. носило этапный характер, что было обусловлено как общими тенденциями в БССР, так и спецификой региона. На основе анализа материалов газеты «Полоцкий пахарь» можно выделить два основных периода.

Первый период (1924–1927 гг.) характеризовался системными трудностями. Он был отмечен хроническим дефицитом финансирования, что выражалось в плохом состоянии школ и нехватке элементарных пособий. Одновременно наблюдались кадровые проблемы — недостаточная квалификация части учителей и низкая административная инициатива на местах, приводившая к срыву даже одобренных проектов, таких как выпуск стенгазет. Наряду с этим, политике ликбеза противодействовала часть населения, что в публикациях объяснялось влиянием религиозных представлений.

Второй период (1928–1930 гг.) стал переломным. В это время происходит ужесточение и централизация кампании, а также антирелигиозная пропаганда начинает прослеживаться как неотъемлемая составляющая просветительской работы, что знаменует собой интеграцию ликбеза в общий идеологический курс советской власти.

Таким образом, эволюция политики ликбеза в Полоцком округе демонстрирует переход от хаотичных и ресурсно ограниченных попыток к более системной, но и идеологически ориентированной кампании, эффективность которой на каждом этапе определялась сложным взаимодействием государственных усилий, потенциала местных кадров и реакции населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусел-Кучинская Е.Н. Ликвидация безграмотности на территории Витебской губернии в первую пятилетку советской власти / Е.Н. Бусел-Кучинская // Вестн. Полоц. гос. ун-та. – 2019. – № 15. – С. 2–6.
2. Глуценко И.В. Советский просветительский проект: ликвидация неграмотности среди взрослых в 1920–1930-е годы / И.В. Глуценко // Вопросы образования. – 2015. – № 3. – С. 246–282.
3. Декрет СНК о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР 26 декабря 1919 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/16651-26-dekabrya-dekret-snk-o-likvidatsii-bezgramotnosti-sredi-naseleniya-rsfsr#mode/inspect/page/1/zoom/4> Дата доступа: 22.02.2025.
4. Зональный государственный архив в г. Полоцке. Ф. 112. ОП.1. Д. 37.
5. Панкрат И.А. Особенности внутренней эволюции политики ликвидации безграмотности в 1920-е годы / И.А. Панкрат // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2022. – № 1 (65). – С. 349–358.
6. Полоцкий пахарь. – 1925. – 14 март.
7. Полоцкий пахарь. – 1925. – 21 март.
8. Полоцкий пахарь. – 1925. – 25 март.
9. Полоцкий пахарь. – 1925. – 1 апр.
10. Полоцкий пахарь. – 1926. – 19 янв.
11. Чырвоная Полаччына. – 1926. – 25 дек.
12. Чырвоная Полаччына. – 1928. – 20 окт.
13. Чырвоная Полаччына. – 1928. – 4 янв.
14. Чырвоная Полаччына. – 1928. – 31 окт.
15. Чырвоная Полаччына. – 1928. – 25 дек.
16. Чырвоная Полаччына. – 1929. – 22 мая
17. Чырвоная Полаччына. – 1930. – 21 дек.

УДК 94 (47+57) "1917/1991"

**СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛОЦКОГО ОКРУЖНОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ
С 1925 ПО 1930 ГОД****А. В. КАРАВАЕВ***(Представлено: канд. ист. наук, доц. Е.В. СУМКО)*

В статье рассматривается вопрос создания и деятельности Полоцкого окружного общества краеведения с 1925 по 1930 год. Основной базой источников в работе являются документы из Зонального государственного архива в г. Полоцк (Зонального государственного архива в г. Полоцке). В процессе работы была исследована организационная структура общества, а также источники финансирования и основные мероприятия, в которых оно принимало участие.

Несмотря на участие Полоцкого окружного общества краеведения в инициативах Инбелкульта и его потенциальное влияние на научно-культурную жизнь БССР, деятельность данной организации остается изученной фрагментарно и не получила комплексной оценки в историографии. Восполнение этой лакуны является целью настоящего исследования, основанного на анализе документов Зонального государственного архива в г. Полоцке.

Историография краеведческого движения в БССР включает работы, затрагивающие различные аспекты данной темы. Так, исследование К.А. Листопад [9], посвященное развитию краеведческих организаций в СССР, представляет структуру Курского общества краеведения, имевшего множество общих черт с Полоцким. В свою очередь, И.В. Коледа в рамках темы национально-культурного возрождения в БССР в 1920-е гг. [7] приводит ценные статистические данные о количестве краеведческих обществ республики. Более общий контекст развития краеведения в Беларуси в межвоенный период, включая основные направления деятельности организаций, представлен в работе В.И. Сaitовой [10]. Что касается непосредственно Полоцкого окружного общества краеведения, то его деятельность в общих чертах была рассмотрена в статье И.П. Водневой [1], где дан очерк деятельности общества с 1924 по 1930 год и упомянуты некоторые его деятели.

Для понимания условий возникновения и задач Полоцкого окружного общества краеведения необходимо обратиться к общественно-политическому контексту середины 1920-х годов. Важным событием в этом отношении стало образование 17 июля 1924 г. в составе БССР Полоцкого округа. Создание новой территориальной единицы вызвало потребность в ее комплексном изучении. Еще в 1923 г. при Инбелкульте было образовано Центральное бюро краеведения, основная задача которого заключалась в координации краеведческой работы в республике. Политика этой организации способствовала созданию множества окружных и районных краеведческих обществ. Таким образом, в конце 1924 г. в Полоцком округе была учреждена одна из таких организаций – Полоцкое общество краеведения, призванное осуществлять систематическое изучение региона.

Конкретная деятельность Полоцкого общества краеведения определялась его уставными целями. Анализ архивных материалов, в частности доклада о его работе свидетельствует о комплексности подхода: «Полоцкое общество краеведения имеет целью всестороннее изучение Полоцкого округа в историческом, экономическом, этнографическом, геологическом и прочих отношениях, а также научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам общества в общественной среде» [2, л. 203]. На основе приведенной цитаты можно заключить, что заявленные цели включали как фундаментальный компонент (научное изучение и разработку), так и просветительскую функцию (распространение сведений и пробуждение интереса), что задавало широкие рамки для его практической работы.

Архивные документы позволяют реконструировать и конкретный инструментарий, который Общество планировало использовать для достижения уставных целей. В частности, в докладе указывалось, что: «общество: а) заслушивает и обсуждает доклады по своей специальности, б) устраивает публичные чтения, диспуты и т.п.». Кроме того, отмечалось, что общество: «устраивает лаборатории, обсерватории, опытные станции, наблюдательные пункты, музеи, постоянные периодические выставки и т.д. Организует наблюдения, сбор коллекций и материалов, поездки и экскурсии. Создает библиотеки по своей специальности. Присуждает премии за предоставленную в общество работу. Печатает свои труды. Организует съезды по своей специальности. Открывает филиальные отделения в др. пунктах. Общество имеет печать со своим наименованием.» [2, л. 203]. Представленный перечень мероприятий и проектов демонстрирует, что Общество создавалось как научно-просветительский центр, призванный осуществлять комплексное изучение региона, реализуемого в рамках государственной политики того периода.

Состав общества предусматривал довольно разветвленную систему членства. Так, исходя из доклада о работе общества мы можем сказать, что оно состояло из членов действительных, почетных и сотрудников, а также корреспондентов и соревнователей. Действительными членами общества могли быть все лица, работающие в данной области, а также ими являлись члены-учредители общества и вновь вступающие действительные члены, которые принимались на коллективных собраниях общества [2, л. 203]. Почетными же членами общества могли быть лица, приобретшие известность своими трудами в данной области, или имеющие существенные заслуги перед обществом. Почетные члены также избирались на общих собраниях. Членами сотрудниками, корреспондентами, соревнователями, могли быть лица, «желающие оказывать обществу содействие в его работах» [2, л. 203], что фактически означало прием любого желающего исследователя. Члены сотрудники зачислялись правлением общества согласно их письменным заявлениям. В собрании общества они пользовались правом совещательного голоса, но не могли быть избраны в состав должностных лиц [2, л. 203 об]. Таким образом мы можем выделить, что общество имело развитую систему иерархии, которая помогала заинтересовывать различные группы исследователей в зависимости от их целей в обществе. Соответственно, разные члены общества, имели свои преимущества. Почетные и действительные члены общества могли избираться в правление, а остальные же были заняты в основном в исследовательской работе. Стоит также сказать, что в отчете упоминалось: «Списки членов общества ежегодно предоставляются в орган НКВД, зарегистрировавший общество в 2-х экземплярах» [2, л. 203 об].

Стоит также отметить, что и в самом уставе общества имелись сведения о контроле органов НКВД за процессами, происходящими в организации. Так, в документе отмечалось: «О составе избранного правления и о всех происходящих в нем изменениях, сообщается соответствующему органу НКВД. Правление общества составляет отчет о ежегодной деятельности общества и публикует таковой. В случае не опубликования обществом отчета о его годичной деятельности в 6-ти месячный срок, по истечению такового общество считается прекратившим свое существование» [2, л. 204]. Такие введенные требования фактически ставили общество в зависимость от советских органов НКВД, ведь они непосредственно получали всю информацию о существенных изменениях в организации и имели право распустить общество, при отсутствии таковой отчетности. Также, отмечалось, что работа общества была подчинена органам управления Наркомата просвещения (далее сокр. – Наркомпрос) и наиболее важные решения, принимаемые обществом, должны были осуществляться только с согласия вышестоящего руководства. Так, например, в одном из отчетов упоминалось: «Курсы учебного характера открываются с предварительного разрешения соответствующих органов управления Наркомпроса» [2, л. 203].

Таким образом, анализ уставных документов позволяет выявить механизмы взаимодействия Общества с государственными институтами. Деятельность краеведов протекала в рамках общей для того времени системы двойного подчинения: методическое руководство осуществлял Наркомпрос, в то время как органы НКВД выполняли функции административного учета и регистрационного контроля. Необходимость согласования ключевых кадровых и отчетных документов с органами власти была типичной практикой для общественных объединений периода 1920-х годов.

Одним из немаловажных аспектов является финансирование краеведческого общества. В одном из документов говорится: «Средства общества составляются из а) субсидии правительственных и общественных учреждений, б) членских взносов в размере 5-ти коп. в месяц и пожертвованиями, в) доходов от продажи изданий, сбора за вход на лекции, выставки, собрания и др. поступлений» [2, л. 203 об]. Анализ приведенного перечня позволяет сделать вывод о смешанном характере финансовой модели Общества. Несмотря на наличие государственных субсидий как одной из статей дохода, определенная часть финансирования формировалась за счет внутренних ресурсов — членских взносов, а также доходов от предпринимательской и просветительской деятельности. Это свидетельствует о определенной степени финансовой автономии и самодостаточности организации.

Что касается структуры управления обществом, то в одном из отчетов отмечалось: «Правление (совет) общества является его исполнительным органом и состоит из председателя общества, его заместителя, казначея и членов Правления, избираемых общим собранием на 1 год и в числе, установленном общим собранием» [2, л. 204]. Структура представляла собой классическую модель управления, в которой присутствует руководитель, его заместитель, а также человек, ответственный за финансы и определенный коллегиальный орган, принимающий важнейшие решения.

Рассматривая вопрос о деятельности Полоцкого общества, стоит сказать, что в Зональном государственном архиве в г. Полоцк, сохранилась зимняя программа экономического, социально-исторического и этнографического исследования деревни в 1925 г. В ней были запланировано затронуть 65 аспектов, среди которых были экономический, природный, демографический, исторический, этнографический, религиозный и т.д. [3, л. 2]. В зимний период было решено, что изучение природы и климата в регионе должны отойти на второй план, а основное внимание сосредоточить на изучении следующих аспектов: «а) описание местности, б) Статистические сведения о регионе, в) исторические сведения»,

г) бытовой уклад, д) религиозно-обрядовая жизнь» [3, л. 18]. Такая программа была принята по той причине, что в зимний период было гораздо более удобно заниматься систематизацией и обобщением собранного материала, нежели организовывать новые экспедиции.

Стоит также сказать, что программа работы на зимний период была сконцентрирована на еще одном, дополнительном аспекте, который был отражен в примечании. Так, в нем было отмечено: «В деревнях небольшого размера желательно проследить хозяйственную историю и генеалогию всех дворов. Рассказы и воспоминания о бытовой стороне революционной эпохи 1905 г., 1917-1923 гг.. В масштабе нашего деревенского района. Борьба революции с контр-революцией в нашей деревне, белые, бандитизм. Влияние этой борьбы на крестьянское хозяйство. Отражение войны и революции в частушках, известных в деревнях округа. Деятельность комсомольских организаций. История этих организаций и их связь с партийными организациями ближайших центров» [3, л. 4]. Данное приложение говорит о том, что в рамках исследований Полоцкое общество краеведения должно было следовать определенным идеологическим паттернам и обслуживать конкретные запросы советской власти. Связаны они были в первую очередь с изучением тех периодов, которые могли использоваться для советской пропаганды, такие как революция 1905 г., октябрьская революция 1917 г. и гражданская война 1917-1923 гг..

Главным событием, в котором проявило себя общество краеведения в 1925 г., стало участие в юбилее, посвященному 400-летию белорусского книгопечатания [4, л. 28 об]. В постановлении центрального исполнительного комитета и совета народных комиссаров БССР было отмечено: «Для проведения празднования на местах организовать окружные и районные комиссии в составе: Окружные – по одному представителю от Окружного Отдела Народного просвещения, от Общества краеведения. Районные – Заведующий районным отделом народного просвещения ... и представитель районного общества краеведения, или лица, принимающего активное участие в культурно-просветительской работе района» [4, л. 28 об]. Стоит сказать, что создание окружных и районных комиссий является важным событием, которое свидетельствует о системном подходе к организации празднования и вовлечению местных краеведческих сообществ в культурные инициативы. Полоцкому окружному обществу краеведения была поставлена задача «Поставить в г. Полоцке памятник в ознаменование 400-х летия книгопечатания в Белоруссии» [4, л. 28 об]. Поставленная задача по установке памятника в Полоцке также подчеркивает серьезное влияние Полоцкого краеведческого общества в сохранении и передаче исторического и культурного наследия в округе.

Важным направлением деятельности Общества стало участие в мемориализации Франциска Скорины. В декабре 1925 года правление краеведческого общества совместно с окружной комиссией постановило о ряде мер, направленных на увековечивание его памяти: «Дать название имени Скорины Полоцкой типографии. Просить окружной исполком об открытии краеведческого музея имени Скорины. На Софийской горке создать сквер, давши ему имя Скорины. Считать необходимым открытие памятника...» [4, л. 32]. Данная инициатива демонстрирует, как краеведы активно участвовали в процессе конструирования новой историко-культурной парадигмы в БССР. Фигура Скорины, переосмысленная в контексте развития национального скориноведения, была легитимирована в качестве ключевого символа белорусской культуры, а ее мемориализация стала инструментом формирования актуальной исторической памяти и культурного ландшафта региона.

Также обществу предоставлялся план проведения праздника в техникумах. В нем отмечалось: «С 22 по 30 декабря 1925 г., преподаватели языка и литературы, должны познакомить студентов с жизнью, литературной деятельностью и значением Ф. Скорины в белорусской культуре. В настенных газетах разместить статьи, посвященные Ф. Скорине. 29-го наладить торжественное заседание со студенческими организациями и в общем со всем студенчеством, посвященное памяти Скорины, на котором сделать соответствующие доклады. После официальной части должен быть хор и декламация. 30-го выслать делегацию студентов по 2 человека с каждого курса на торжественное заседание, которое пройдет в Гортеатре. В школах 29, или 30-го наладить вечера, посвященные Скорине. Поручить тов. Мелешко с филиала Молодняка написать соответствующие статьи. Просить инбелкульт отпустить необходимые средства для проведения Скорининского праздника» [4, л. 32]. Такое количество разнообразных мер по укреплению положительного образа Франциска Скорины в массовом сознании показывают, насколько сильно проявлялось активное сотрудничество Полоцкого общества краеведения с учреждениями образования в рамках осуществления культурно-просветительской работы.

В 1926 г. основная деятельность общества была направлена на создание краеведческого музея. В состав правления обществом в конце 1925 г. вошли Пётр и Иван Дейнисы, Иван Лубовский, Пётр Кривицкий, Виктор Санкевич и др.. Осенью к обществу краеведения также присоединился Сергей Мелешко, который делал попытки вывести общество краеведения в Полоцке на новый уровень. Именно в результате совместной работы этих деятелей культуры, в декабре 1926 г. в Полоцке был открыт краеведческий музей [6]. Располагался музей в здании Софийского собора. Известный краевед Иван Дейнис сделал

много для расширения его коллекции. Работая в 1-й советской школе города Полоцка и педтехникуме он активно собирал экспонаты, проводил обзорные экскурсии по Полоцку [5]. В экспозиции музея были древние рукописи, коллекции оружия, старопечатные книги, археологические находки и этнографические материалы [8].

Показателем общественной активности и влияния организации является ее способность привлекать значительное число сторонников. Согласно материалам местной периодической печати (осень 1927 г.), один из членов-корреспондентов общества, Сергей Миронович Мелешко, сообщал, что в краеведческих кружках Полотчины насчитывалось около 450 участников [1]. Данный количественный показатель свидетельствует о достаточно развитой сети краеведческого движения в округе, что создавало необходимый человеческий ресурс для реализации как уставных задач Общества (всестороннее изучение региона), так и для оказания содействия другим учреждениям в их просветительских и исследовательских инициатив.

Ярким примером такого профессионального взаимодействия стало участие членов Полоцкого краеведческого общества в июле 1928 г. в работе специальной комиссии Инбелкульта по исследованию памятников архитектуры. Главной целью ученых из Минска было всестороннее изучение древних фресок, сохранившихся на фрагментах стен Борисоглебского монастыря XII в. Местные краеведы оказали значительную помощь и в проведении археологических раскопок, и в последующих научных исследованиях [1].

В начале 1930 г. из Софийского собора окружной краеведческий музей был переведен в здание бывшей лютеранской кирхи на Нижне-Покровской улице [8].

Подводя итоги, стоит выделить несколько основных моментов в устройстве и деятельности общества краеведения:

1. Организация включала в себя разветвленную и продуманную систему членства, которая позволяла повышать активность членов общества и заинтересовывать различные группы исследователей в зависимости от их целей.

2. Несмотря на наличие государственных субсидий как одной из статей дохода, определенная часть финансирования формировалась за счет внутренних ресурсов — членских взносов, а также доходов от предпринимательской и просветительской деятельности. Это свидетельствует о определенной степени финансовой автономии и самодостаточности организации.

3. В 1925 году общество составило масштабный план проведения комплексного исследования деревни зимой: изучение природных условий, хозяйственной истории, генеалогии дворов, воспоминаний о революционных событиях 1905-1923 годов, деятельности комсомольских организаций. Эти исследования должны были иметь идеологическую направленность — освещать революционные события и борьбу с контрреволюцией. Особое значение имели мероприятия по празднованию 400-летия белорусского книгопечатания (1925 г.), включая организацию окружных и районных комиссий для проведения праздника, установку памятника Франциску Скорине в Полоцке, создание музея имени Скорины на Софийской горке и проведение тематических мероприятий в учебных заведениях (творческие вечера, статьи в газетах). Эти инициативы способствовали популяризации белорусской культуры и укреплению национальной идентичности.

4. С 1926 по 1930 год важным стало также создание и функционирование Полоцкого окружного музея краеведения. Это достижение стало возможно благодаря деятельности ведущих Полоцких краеведов: Петра и Ивана Дейнисов, Ивана Лубовского, Петра Кривицкого, Виктора Санкевича и др.. Кроме того, общество участвовало в инициативах Инбелкульта и активно принимало участие в исследованиях.

Проведенное исследование позволяет выделить ключевые аспекты в устройстве и деятельности Полоцкого окружного общества краеведения. Стоит начать с того, что общество обладало продуманной структурой членства, что позволяло привлекать различные категории исследователей и обеспечивало высокий уровень активности его участников. Организация демонстрировала смешанный принцип финансирования. Наряду с государственными субсидиями, значительную роль играли внутренние источники — членские взносы, а также доходы от предпринимательской и просветительской деятельности, что свидетельствует о значительной степени финансовой автономии.

В практической работе общества сочетались академические задачи и цели государственной культурной политики. Это наглядно проявилось в масштабной программе изучения деревни, имевшей выраженную идеологическую составляющую, а также в активной роли по мемориализации Франциска Скорины, что способствовало консолидации национальной идентичности в рамках официального дискурса. Важнейшим материальным достижением общества стало создание и развитие Полоцкого окружного музея краеведения, осуществленное усилиями ведущих местных краеведов. Партнерское участие в проектах Инбелкульта (например, в исследовании памятников архитектуры) подчеркивает интеграцию общества в общесоюзную научную среду.

Таким образом, Полоцкое окружное общество краеведения выполнило роль системообразующего центра, который координировал изучение, сохранение и популяризацию историко-культурного наследия региона в 1920-е годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воднева И.П. Чем занималось Полоцкое окружное краеведческое общество? / И.В. Воднева // Полацкі веснік. – 2025. – 25 мая. – С. 1 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pvestnik.by/chem-zanimalos-polockoe-okruchnoe-kraevedcheskoe-obshhestvo>. – Дата доступа: 06.09.2025.
2. Зональный государственный архив в г. Полоцке (далее – ЗГА в г. Полоцк). – Ф. 104. Оп. 1. Д. 51.
3. ЗГА в г. Полоцк. – Ф. 112. Оп. 1. Д. 70.
4. ЗГА в г. Полоцк. – Ф. 112. Оп. 1. Д. 77.
5. Иван Петрович Дейнис [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://local.polotsk.museum.by/node/22715>. – Дата доступа: 10.05.2025.
6. К 100-летию Полоцкого краеведческого общества [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://musmilglorygomel.museum.by/node/80816>. – Дата доступа: 10.05.2025.
7. Коледа, И. В. Национально-культурное возрождение в БССР в 1920-е годы / И. В. Коледа // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений : материалы IX Международной научно-практической конференции, Краснодар, 7 декабря 2023 г. / Издательство ОК ПРЕСС ; редкол.: Т.А. Хагуров (гл. ред.) [и др.]. – Краснодар, 2023. – С. 116–124.
8. Краткий экскурс в историю Полоцка [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://local.polotsk.museum.by/node/3313>. – Дата доступа: 10.05.2025.
9. Листопад К. А. Проблемы развития краеведческих организаций в СССР в 1920-е гг. (на примере Курского общества краеведства) / К.А. Листопад // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – № 3 (55). – С. 254–261.
10. Саітова В. І. Развіццё краянаўства ў Беларусі ў міжваенны перыяд / В.І. Саітова // Краязнаўчая газета. — Мінск. — 2013. — № 30. — С. 38.

УДК 394.25

ПРАЗДНОВАНИЕ 1100-ЛЕТИЯ ГОРОДА ПОЛОЦКА

И. И. КАРТАШОВ

(Представлено: канд. ист. наук, доц. А. Л. РАДЮК)

В статье рассматривается учреждение и проведение первого дня города Полоцка в 1962 году. Основное внимание уделяется двойственной цели мероприятия: с одной стороны, продемонстрировать древнюю историю города, а с другой — представить Полоцк как современный индустриальный центр. Несмотря на попытки краеведческого музея создать исторический нарратив через выставки и публикации, идеологический акцент был сделан на демонстрации успехов советской промышленности. Делается вывод, что первый День города Полоцка стал платформой для демонстрации достижений Советской власти. Несмотря на декларируемое уважение к истории, праздник в первую очередь выполнял утилитарную и идеологическую функции.

Вопрос о проведении праздника дня города Полоцка, которому в 1962 году исполнялось 1100 лет., рассмотрели в марте 1961 г. городской исполнительный комитет и городской комитет Коммунистической партии Белоруссии. За год основания города Полоцка использовали первое летописное упоминание города в “Повести временных лет” за 862 год [6]. До 1962 года День города Полоцка никогда не праздновался, это был первый подобный опыт с такой идеей празднования. Городской исполнительный комитет города Полоцка и городской комитет Коммунистической партии Белоруссии решили, с одной стороны, сделать акцент на долгой истории города, а с другой преобразить город и продемонстрировать достижения народного хозяйства и промышленности.

На 1961 Полоцк является большим промышленным центром с заводами нефтепереработки и стекловолокном. Город общей протяжённостью в 135,3 км., включая территорию посёлка Полоцкий, который только в 1963 получит статус города и станет Новополоцком. С 296 улицами и с общей площадью около 2 тыс. гектаров, где проживает почти 50 тыс. жителей [1, с. 262].

В марте 1961 г. городской исполнительный комитет и городской комитет Коммунистической партии Белоруссии рассмотрели предложения городской комиссии, составленные на основе материалов комиссий по районам города и утвердили мероприятия по подготовке к 1100-летию города Полоцка по строительству, благоустройству, озеленению и наведению санитарного порядка.

В основу мероприятий положено следующее:

1) обеспечение досрочного выполнения государственных заданий по строительству и благоустройству города.

2) широкое участие коллективов предприятий и организаций в благоустройстве, озеленении и наведении санитарного порядка в городе.

3) активное участие всех жителей города в подготовке к 1100-летию.

В тот же месяц, 30 марта 1961 года состоялось собрание, на котором было объявлено о планах подготовки к данному мероприятию. С самого начала собрания было объявлено направление и общий курс мероприятия. А именно “В год своего 1100-летия древний город Полоцк родился как город большой химии, один из крупнейших индустриальных центров нашей страны [8]. Этот курс был хорошо проиллюстрирован в эмблеме праздника, где акцент делался на строительство.

В данном случае праздник выполнял роль катализатора или внешнего стимула. Идея заключалась в том, чтобы использовать предстоящее юбилейное событие как мощный мотивационный инструмент для мобилизации ресурсов и горожан на масштабные работы по благоустройству. Таким образом, День города стал поводом преобразить Полоцк, сделав ему тем самым коллективный «подарок» к юбилею. [7, с. 29].

С другой стороны оставался запрос на демонстрацию культурно-исторической части праздника. Над идейным наполнением исторической части праздника больше всего работал краеведческий музей, были выставлены панно на темы из истории г. Полоцка. Интересным является то, что на этих панно были представлены персоналии города Полоцка Василь Тяпинский и Франциск Скорина [5]. Также была сделана тематическая обзорная экскурсия по экспозиции “Наши знатные земляки”, разработана карта “Исторические и памятные места Полотчины”. Была выпущена книга-очерк о Полоцке, под издательством Академии наук БССР. Кроме того, в музее нашли отражение религиозные храмы и реликвии (Софийский собор, Церковь Спаса в бывшем женском монастыре, крест Лазаря Богши). Подкрепляли исторический дискурс и находки, найденные на раскопках на территории Верхнего замка. Однако в культурной организации праздника имелись значительные пробелы. Например, городской комитет Коммунистической партии Белоруссии, сообщает, что культурно-массовая работа по юбилейной тематике в кинотеатрах города не организована. А имеющаяся наглядная агитация в учреждениях культуры

устарела и не обновляется [2]. Таким образом можно сделать вывод, что организация имела ряд недостатков. В планах была всесторонняя демонстрация культурно-исторической значимости города. Но на практике организаторы не всегда качественно справлялись со своими задачами. Это было связано с недостаточным опытом в проведении подобного рода мероприятий и пробелами в понимании историко-культурного контекста города.

Рисунок 1. – Эмблема праздника 1100-летию города Полоцка

Другим важным аспектом подготовки к празднику являлось благоустройство города, которое предполагало наведение порядка на тротуарах, ремонт улиц и озеленение города. Всего в период с марта 1961 по август 1962 года 87 коллективов и организаций города занимались обустройством и озеленением города. Однако не все они справились с поставленными задачами. По разным причинам, 11 организаций не успели сдать свои задачи в срок [3].

Несмотря на это к началу августа организационно-подготовительные работы были преимущественно выполнены. Основное празднование планировалась на 19 августа, но из-за плохой погоды, его перенесли на 26 августа. Предполагалось организация мероприятий художественной самодеятельности, разделённых на разные секции в разных частях города: на площади Свободы, на стадионе Локомотив, в парке 40-летия комсомола. На Площади Свободы с 12:00 по 14:00 проводилось выступление коллективов художественной самодеятельности Полоцкого района, с 14:00 по 18:00 Концерт артистов Станиславского театра, с 18:00 по 20:00 проводилось выступление художественной самодеятельности коллектива стройтреста №5 г. Минска, с 20:00 выступали коллективы художественной самодеятельности г. Полоцка, с программой народных гуляний, танцев, играл духовой оркестр.

На Стадионе Локомотив программа была следующая: С 12:00 по 17:00 Праздник, посвященный 1100-летию города, на который можно было попасть только по билетам. С 17:00 по 19:00 Спортивные соревнования за призы. С 19:00 проводились футбольные матчи между командами Полоцка и Гомеля

В Парке 40-летия комсомола с 12:00 работали аттракционы и каждый желающий мог на них прокатиться. С 18:00 начинался концерт художественной самодеятельности Латвийской ССР. С 20:00 по 24:00 Балкарнавал.

В Доме культуры в 20:00 начинался спектакль “Красная Линия” в постановке Народного театра, Железная дорога.

Так же празднование происходило и на улицах посёлка Полоцкий (который в 1963 получит статус города и станет Новополоцком), там с 12:00 по 14:00 выступал коллектив художественной самодеятельности стройтреста №5 г. Минска, а с 21:00 происходили массовые гуляния и танцы.

В Конце дня, в 21:00 возле реки Западная Двина праздничным салютом окончилось празднование дня города [4].

Программа юбилея отличалась разделением на секции и одновременными выступлениями, тем самым создав препятствие для просмотра всех концертов художественной самодеятельности. Тем не менее юбилей представлял собой классический для советской эпохи образец массового, хорошо организованного торжества, сочетавшего идеологический подтекст с развлекательными и культурными элементами для разновозрастной публики.

Итогом первой годовщины города Полоцка стало успешное выполнение большей части плана по подготовке к юбилею города, и успешному празднованию дня города, несмотря на перенос праздника

из-за непогоды. Однако, хочется отметить, что в празднике превалировала промышленная составляющей над культурной. Это было связано как с отсутствием подобного опыта, так и с тем, что советская праздничная культура была в основном сфокусированная на событиях недавнего политического прошлого и оставляла мало места для иной исторической тематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравченко, И. С. Полоцк исторический очерк / И. С. Кравченко, Н. В. Каменской. – Минск: АН БССР, 1962 г. – 297 с.
2. Отчет Горком КПБ // Зональный государственный архив г. Полоцка (ЗГАП). – Фонд 700. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 91.
3. Планы организациям и коллективам города Полоцка по обустройству города к празднику юбилея города Полоцка // ЗГАП. – Фонд 658. – Оп. 1. – Д. 256. – Л. 61 – 89.
4. Плакат с планом празднования 1100-летия города Полоцка // Национальный Полоцкий Историко-культурный музей заповедник (НПИКМЗ). – Фонд КП. – Оп. КП – Д. 002449/18
5. Панно с изображением В. Тяпинского и Ф. Скорины на проспекте Карла Маркса. // НПИКМЗ. Фонд КП. – Оп. КП. – Д. 038997
6. Повесть временных лет, Перевод Д. С. Лихачева [Электронный ресурс]. – 1996. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/4339/p.1/index.html>. – Дата доступа: 16.05.2025
7. Панкова, Ю. В. Образы «праздника» как концепта и события / Ю. В. Панкова // Праздник в пространстве современной городской культуры: материалы Всероссийской конференции с элементами научной школы для молодежи, Екатеринбург, 26–28 ноября 2009 г. / Уральский государственный университет им. А. М. Горького ; редкол.: Л. С. Лихачева [и др.]. – Екатеринбург, 2009. – с. 345.
8. Собрание горисполкома и горкома КПБ (1961 г.) // ЗГАП. – Фонд 658. – Оп. 1. – Д. 256. – Л. 10.

УДК 394.25

ПРАЗДНОВАНИЕ 1125-ЛЕТИЯ ГОРОДА ПОЛОЦКА

И. И. КАРТАШОВ

(Представлено: канд. ист. наук, доц. А. Л. РАДЮК)

В статье рассматривается возрождение празднования Дня города Полоцка в 1987 году после 25-летнего перерыва. Анализируются ключевые отличия второго праздника (1125-летия) от первого (1100-летия). Делается вывод, что праздник 1125-летия Полоцка в 1987 году стал ярким событием в жизни города. Вместе с этим он хорошо показывает возрождение местной исторической и культурной идентичности, через публичную демонстрацию национальных и религиозных символов. Несмотря на сохранение некоторых традиционных советских форм, обновленный День города заложил основу для нового подхода к городским праздникам, ориентированного на туризм, культуру и живое участие горожан.

Празднование второго дня города Полоцка прошло в 1987 году, спустя 25 лет после празднования первого дня города в 1961 году, тогда городу исполнялось 1100-лет. Причина такой паузы состоит в том, что праздник не удалось вписать в коммунистический нарратив, само заявление о своей самоидентичности, как жителей города шло в разрез с политическими установками на объединение общества в один большой пролетариат и советских людей. Во второй половине 1980-х начала проводиться политика “гласности”, которая была направлена на ослабление цензуры и снятие в советском обществе раннее существовавших запретов, в том числе и на народные праздники. С первыми народными гуляниями сначала в Полоцком районе на берегу реки Ушачи в 1986 [1], а потом и в самом городе в 1987 г. [3], в жизнь полочан постепенно начали возвращаться раннее забытые праздники. Одним из таких забытых праздников был и День города.

Были проведены работы над ошибками и в этот раз акцент был смещен на культурную часть. Была выдвинута идея превращения Полоцка в культурно-туристический центр республики. Было запланировано открыть Музей белорусского книгопечатания, начать строительство драматического театра и реставрировать кинотеатр “Родина” и Дом культуры. Для восстановления памятников архитектуры предусматривалось создание в Полоцке объединения “Белреставрация”. Полоцкому городскому исполнительному комитету были выделены 100 тыс. рублей на подготовку к юбилею города [6]. Были обновлены туристические и культурные объекты города, так в парке 50-летия Советской власти установили колесо обозрения и построили танцевально-спортивный зал, в парке 40-летия комсомола реконструировали танцевальную площадку, в краеведческом музее провели капитальный ремонт, а также построили и открыли памятник 23-м гвардейцам [5]. Работы по облагораживанию города проводились, но уже не в таком масштабе как во время подготовки к 1100-летию города, и с направленностью на культурно-развлекательную часть.

Были изготовлены сувениры в виде значков с ярким изображением собора Святой Софии. Сам факт, того, что Софийский собор стал использоваться, как символ мероприятия говорит о больших изменениях в советском обществе.

Все мероприятия планировалось провести в начале сентября, что отличало его от летнего 1100-летия. Изменились и места проведения. Было решено провести основные мероприятия в центре города и не делить праздник на секции, как это было на празднике 1100-летия. Все мероприятия шли один за одним и почти не пересекались. Не маловажным является и то, что юбилей дня города совпал с 70-летием Октябрьской революции и Скориновским праздником книги, и мероприятия к нему приуроченные, частично дополнили праздник 1125-летия города. Отдельно были вынесены мероприятия XIV городского Скориновского праздника книги “Часу рака не знясе тваіх спраў”. Которое шло параллельно мероприятиям основного праздника 6 сентября, и даже где-то дополняло его, как мероприятие - “Открытия праздника книги” [4].

Осталась неизменна форма проведения торжества: торжественное вручение наград в городском доме культуры, митинги, шествия, спортивные мероприятия. Эти устоявшиеся формы, были несложно реализуемы, а потому удобны. Однако стоит заметить, что они подверглись небольшим вкраплениям исторического контекста, так появились кирмаши и торговые лавки, национальные строи, и в Софийском соборе заиграла органная музыка. Так как праздник проходил осенью, то к формам праздника была добавлена цветочная тематика, с выставками цветов в художественной галереи и на площади Скорины.

Праздник рассчитывали провести с 3 по 10 сентября. Открыл праздник музыкальный фестиваль в Софийском соборе 3 сентября. 4 сентября, вечером прошло торжественное вручение наград лучшим работникам в доме культуры “Стекловолокно”.

Основной план мероприятий выпадал на два выходных дня (суббота, воскресенье). В первый день (5 сентября) провели кirmаш, парад оркестра от площади Карла Маркса по ул. Юбилейной до стадиона Спартак. Потом на самом стадионе провели театрализованный праздник и закончили день карнавалом и фейерверком на площади Ф.Скорины и в парке 40-летия комсомола.

На следующий день провели цветочные выставки в картинной галерее и на площади Скорины. После этого в 14:00 начиналось торжественное открытие праздника книги, с выступлением известных белорусских писателей и гостей праздника, а также театрализованным представлением. Вечером прошел концерт органной музыки в Софийском соборе, а закончился праздник факельным шествием и митингом молодежи на площади Ленина [2].

Оставшиеся 4 дня проходили спортивные мероприятия, одним из них был футбольный турнир за кубок 1125-летия Полоцка на стадионе Локомотив, победителем которого стала команда Торпедо (авторемонтный завод) [7].

Праздник 1125-летия Полоцка, после большого перерыва претерпел ряд изменений. В первую очередь в культурно-развлекательной части. Стало больше театральных и музыкальных выступлений по сравнению с 1100-летием. Также был сделан упор на историческую составляющую. Большая часть праздника отводилась демонстрации исторической персоналии, которая стала ассоциироваться с Полоцком, речь идет о Франциске Скорине. Безусловно, форма праздника во многом осталась прежней с митингами, шествиями, вручением наград, но нельзя не отметить, что второе празднование дня города Полоцка было более масштабным и системным, чем празднование в 1962 году. Особенно это касается культурной-исторической составляющей. Таким образом второй праздник дня города Полоцка претерпел ряд улучшений и проработал недочеты первого празднования юбилея города Полоцка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жители поселка Гарчаки. Святкавалі купалле / Жители поселка Гарчаки // Сцяг Камунізму – 1986. – 18 июл. – С. 4.
2. Запрашаем на свята! // Сцяг Камунізму. – 1987. – 4 сен. – С. 4.
3. Папирович, Л. Запрашаем на Купалле! / Л. Папирович // Сцяг Камунізму – 1987. – 1 июл. – С. 4.
4. Програма "Часу рака не знясе тваіх спраў". (1987 г.) // Национальный Полоцкий Историко-культурный музей заповедник (НПИКМЗ). – Фонд КП. – Оп. КП – Д. 002703/06.
5. План обустройства города к 1125-летию города (1987 г.) // Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАП). – Фонд. 1152. – Оп. 4. – Д. 373. – л. 9.
6. Совет Министров Белорусской ССР (постановление от 20 июня 1987 г.) // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд. 7. – Оп. 10. – Д. 625. – Л. 77–78.
7. Шэйндлин, Н. Тарпеда - Пераможца / Н. Шэйндлин // Сцяг Камунізму – 1987. – 8 окт. – С. 2.

УДК 94(47+57) «1917/1991»

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1944 ГГ.)****К. М. СЕЛИВОНЧИК***(Представлено: канд. ист. наук, доц. А. И. КОРСАК)*

В данной работе приведена оценка и дана общая характеристика партизанским формированиям за период с 1941 по 1944 год. Рассмотрены основные этапы партизанского движения, процессы их развития от разрозненных отрядов до централизованных формирований, что действовали в тылу врага.

После захвата всей территории Беларуси, оккупационные войска столкнулись с рядом проблем, где во многих районах республики началась борьба местного населения против захватчиков. Проявлялось это разными способами, начиная от неподчинения новым правилам, которые устанавливались на оккупированной территории, заканчивая вооружёнными конфронтациями между жителями захваченных регионов и силами врага. Справедливой представляется оценка бывшего начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко: «По своим масштабам, политическим и военным результатам борьба в тылу немецко-фашистских армий приобрела стратегическое значение и превратилась в один из важных факторов разгрома врага» [11, с. 26].

При более детальном рассмотрении вопроса о становлении и развитии партизанского движения на территории Беларуси в годы войны можно выделить три основных этапа.

Первый этап приходится на июнь 1941 – сентябрь 1942 гг., когда происходило становление партизанского движения как такового. Связано это с тем, что вся территория Беларуси была захвачена врагом. В этот период формируются первые партизанские отряды, которые не могли существенно повлиять на планы группы армии «Центр». Партизанское движение в данный период характеризовалось отсутствием хорошо налаженной связи между формированиями, а большая часть отрядов действовали самостоятельно, из-за чего преследовали разные цели. Также в эти месяцы партизанское движение не было многочисленно и лишь к концу периода происходит формирование полноценных бригад. Несмотря на это, партизанское движение охватило все оккупированные регионы СССР и для того, чтобы контролировать большое количество образовавшихся отрядов необходимо было создать единый центр, который будет руководить и направлять все эти формирования. Поэтому 30 мая 1942 года выходит постановление государственного комитета обороны СССР № ГОКО-1837сс, где отмечаются основные задачи – в целях объединения руководства партизанскими движениями в тылу противника и для дальнейшего развития этого движения создать при ставке верховного главного командования центральный штаб партизанского движения [12]. В данном постановлении регламентируется создание региональных штабов партизанского движения, на которые возлагалось руководство деятельностью «народных мстителей» на различных оккупированных территориях СССР. Кроме того, документом утверждался персональный состав командования, сформированный из числа партизан, которые смогли проявить себя в различных ситуациях. В число назначенных командиров вошли такие партизаны, как: Пономаренко, Калинин, Никитин, Раценко и другие.

Для улучшения связи с партизанскими формированиями на территории Беларуси и повышения их уровня организованности, необходимо было решить вопрос об едином центре, откуда будут поступать точные задачи и указания. Так, 9 сентября 1942 года выходит «Постановление ГКО СССР №2285сс о создании Белорусского штаба партизанского движения», где выделялись три основные задачи: «В целях усиления связи и руководства партизанскими отрядами в Белоруссии и дальнейшего развития образовывать Белорусский штаб партизанского движения; Белорусский штаб партизанского движения подчинить Центральному штабу партизанского движения; назначить начальником Белорусского штаба партизанского движения тов. Калинина» [13]. Данное событие ознаменовало кардинальное изменение роли партизанских отрядов в период Великой Отечественной войны, поскольку до момента создания Белорусского штаба партизанского движения «народные мстители» действовали в полной дезорганизованности и вели свою деятельность против оккупантов разрозненно, т.е. каждый партизанский отряд до момента создания БШПД преследовал свои цели, зачастую ограничиваясь лишь областью своей активности. В свою очередь создание как ЦШПД, так и БШПД решили данную проблему и после этого партизанские отряды и бригады стали действовать сообща, что повысило эффективность партизанской борьбы на оккупированных территориях.

Этот период характерен созданием первых партизанских отрядов и подпольных организаций, таких как «Красный октябрь», отряд Василия Коржа на Пинщине, и подпольной молодёжной организации «Смугнар» (смерть угнетателям народа, а её участники назывались «смугнаровцы»). Первые парти-

занские отряды зачастую назывались по месту своей активности, псевдониму или фамилии командира, а со временем им присваивались имена известных, политических, военных деятелей, полководцев, погибших партизан или участников Гражданской войны. Основные задачи партизан на данном этапе заключались в ведении диверсионной и разведывательной деятельности, а также сбор разведывательных данных, которые передавались Красной Армии.

Отряды, созданные в начале войны, были сравнительно небольшими, насчитывали по несколько десятков человек, сведённых в две-три группы (отделения). Во главе его стояли командир, комиссар, иногда и начальник штаба. Вооружён такой отряд был лёгким стрелковым или даже охотничьим оружием. Подобная боевая единица могла решать сравнительно ограниченные задачи. Тем не менее уже первые бои показали, что именно отряд является наиболее целесообразной, основной организационной и боевой единицей партизанских сил. Важную роль в развёртывании партизанского движения сыграли военнослужащие Красной Армии, по разным причинам оказавшиеся во вражеском тылу. Они с помощью местных жителей собирали вокруг себя патриотические силы, добывали оружие и при первой возможности создавали группы и отряды. Военнослужащие передавали партизанам свои знания и боевой опыт, разрабатывали и осуществляли операции, прививали штабную культуру, налаживали планирование, учёт и отчётность, крепили дисциплину и организованность [10, с. 5-6].

Второй этап развития партизанского движения приходится на период с сентября 1942 по август 1943 года. В это время партизанское движение получило более широкое распространение среди населения оккупированной территории. Отличительной особенностью этого периода стало создание партизанских зон в различных районах Беларуси. Среди таких можно выделить Полоцко-Лепельскую, Борисовско-Бегомльскую, Суражскую, Россонско-Освейскую и другие. Они преследовали определённые цели, среди которых ведение активной партизанской борьбы против оккупантов, мероприятия по восстановлению советской власти, сбор информации, ведению агитационной политики среди местного населения и многое другое.

За данный отрезок времени «народные мстители» стали действовать более организованно и сплочённо, а их количество существенно увеличилось [1]. Они начали преследовать одну общую задачу – освобождение территории Беларуси и помощь Красной Армии в сокрушении общего врага. Это не осталось незамеченным со стороны вооружённых сил Германии и для того, чтоб уменьшить создаваемые проблемы на оккупированной территории группа армии «Центр» принялась за активное уничтожение партизанских бригад. Так, за это время было проведено более 75 [2-7] карательных операций, целью которых было уничтожение как определённых партизанских бригад, так и различных партизанских зон. Если рассматривать территориально, то больше всего карательных мероприятий пришлось на Минскую и Витебскую области (24 и 22 карательные экспедиции соответственно) [6, с. 475-478; 3, с. 344-346]. На территории остальных областей их было заметно меньше: Брестская область – 10 [2, с. 320-321], Гомельская – 4 [4, с. 319-320], Гродненская – 4 [5, с. 181], Могилёвская – 11 [7, с. 373-374]. Исходя из приведённых количественных данных можно сделать заключение, что партизанское движение в этот период было широко распространено именно в Витебской и Минской областях, где были как крупные партизанские зоны, такие как Борисовско-Бегомльская и Полоцко-Лепельская партизанские зоны, так и огромное количество партизанских бригад и отдельных отрядов. Примечательно ещё и то, что в этот период возникают разные формирования со стороны немецких оккупантов, таких как отряды «Дирлевангера», основной целью которых является поиск и уничтожение партизанских отрядов [14].

Отличительной особенностью второго этапа является то, что советское руководство в полной мере осознало роль партизанского движения в оказании помощи Красной Армии. В связи с этим 2 февраля выходит указ об учреждении медали «Партизану Отечественной войны» I и II степени, где Президиум Верховного совета дал точные критерии для получения соответствующих медалей [8]. Так, например в октябре 1942 г. по представлению БШПД Военным Советом Западного фронта были присвоены воинские звания первой группе командиров партизанских бригад и отрядов в количестве 108 человек [9, с. 44].

Во время второго этапа началось проведение крупных стратегических операций против Вермахта. Ключевой из них явилась операция «Рельсовая война», инициированная по решению Ставки Верховного Главнокомандования от 14 июля 1943 года. Её реализация началась в августе 1943 года, и ознаменовало переход к третьему заключительному этапу партизанского движения.

Третий этап приходится на период с августа 1943 по июнь 1944 годов. Это время является пиком развития партизанского движения. Одной из причин этого являлось то, что вражеская армия несёт огромные потери на фронте. Вызвано и тем, что советские партизаны создавали проблемы в тылу, а также неспособностью Вермахта одновременно вести активные боевые действия как на фронте, так и за его пределами. Ещё это связано с наличием проигранных компаний против других стран мира в рамках Второй Мировой войны. Проблемы наблюдались и в кадровом составе войск Германии, где военнослужащие

начинали отказываться от выполнения приказов, активно покидать оккупированные территории и сдаваться в советский плен.

С 19 сентября 1943 года, началась самая крупная в Великой Отечественной войне операция советских партизан под кодовым названием «Концерт», продолжавшаяся полтора месяца. За этот срок партизаны осуществили ряд диверсионных мероприятий на различных логистических путях (железнодорожных, автотранспортных, водных, воздушных и т.д.). Итоги данной операции заключаются в ухудшение пропускной способности армии Вермахта, неспособностью осуществить переброску войск для уничтожения партизанских отрядов, уничтожение логистических узлов, вывод из строя линий связи и различные мероприятия, из-за которых советские партизаны концентрировали внимание немецких солдат на себе.

К концу 1943 г. народные мстители удерживали и контролировали около 60% оккупированной территории республики. Это был своеобразный тыл партизанской армии. Здесь располагались базы, склады, госпитали, аэродромы. Под охраной партизан находилась значительная часть населения Беларуси [10, с. 12]. В этот период партизанское движение приобрело наиболее выраженный патриотический характер, что отличает его от предыдущих этапов. Массовый народный патриотизм стал ключевым фактором, проявившимся в добровольном вступлении местных жителей в партизанские отряды, активной поддержке населением деятельности народных мстителей и осознанном участии в сопротивлении силам Германии. Такой высокий патриотизм среди населения был связан с успехами Красной Армии при наступлении на территорию Беларуси и приближением долгожданного освобождения. В сентябре успешно освобождён первый населённый пункт – Комарин, а в ноябре 1943 года первый районный центр – Гомель. Все эти факторы обусловили рост патриотизма местного населения, что поспособствовало большей инициативности к вступлению в ряды «народных мстителей». В этот хронологический период карательные операции приобретают крупномасштабный характер. Среди таких можно выделить «Баклан» [6, с. 478], «Весенний праздник», «Ливень» [2, с. 347], что проходили одновременно в нескольких районах.

Уникальностью данного периода может выступать то, что кроме присвоения наград за выдающиеся заслуги среди партизан, они стали активно вливаться в ряды Красной Армии. На момент освобождения территории Беларуси от захватчиков, в рядах партизан насчитывалось 373 тысячи 942 человека, из которых 194 708 соединились с частями Красной Армии [1]. Из этого можно прийти к заключению, что партизанское движение носило крупномасштабный характер. Оно смогло развиваться от стихийного периода, когда каждый преследовал свои цели до организованной боевой силы, что помогало Красной Армии. В ряды «народных мстителей» активно вступало местное население, которое не было согласно мириться с политикой оккупационных властей, а сами партизаны в заключительный период войны активно вливались в ряды Красной Армии. Благодаря знаниям, полученным за период ведения подпольной борьбы в тылу врага, партизаны внесли существенный вклад в разгром врага, а процесс освобождения территории Беларуси был значительно ускорен благодаря полученным сведениям от партизан.

За время партизанской борьбы были применены различные методы действий в тылу врага. Основная задача заключалась в нарушении логистического обеспечения противника на железнодорожных путях. Основным методом оставался подрыв рельс, который массово использовался в ходе рельсовой войны. Происходило также минирование составов. Во время его выполнения партизаны устанавливали взрывные устройства в подвижном составе для уничтожения эшелонов с техникой и живой силой противника. Присутствовало также и разрушение мостов, где главная цель заключалась в уничтожении ключевых объектов инфраструктуры для долгосрочного нарушения работы транспортных коммуникаций, а также происходили частые нападения на охрану.

В заключении стоит отметить, что партизанское движение развивалось поэтапно, демонстрируя три основных этапа, каждый из которых имел свои уникальные черты и внёс значительный вклад в общую борьбу против оккупантов.

Первый этап приходится на июнь 1941 - сентябрь 1942 годов и представляет из себя стихийное возникновение и развитие партизанского движения. Несмотря на быстрое распространение сопротивления во всех регионах оккупированной Беларуси, оно характеризовалось разрозненностью действий, отсутствием единого руководства и слабой связью между отрядами. Партизанские формирования были немногочисленны, слабо вооружены и не могли существенно влиять на планы Вермахта, из-за чего ограничивались лишь малой диверсионной и разведывательной деятельностью. Стоит отметить, что почти сразу же возникают партизанские отряды, которые начинают оказывать сопротивление врагу. Ключевым итогом стало создание советским руководством центральный штаб и белорусский штаб партизанского движения (30 мая 1942 и 9 сентября 1942 года соответственно). Данные события положило конец дезорганизации и заложило основу для превращения разрозненных отрядов в единую силу с общими целями и поставленными задачами.

Второй этап партизанского движения пришёлся на период с сентября 1942 по август 1943 годов. Этот отрезок времени ознаменовался качественным ростом и переходом к чётким задачам под руководством БШПД. Партизанское движение приобрело массовый характер, что выразилось в создании обшир-

ных партизанских зон, где предпринимались попытки восстановления советской власти. Возросшая мощь и координированные действия «народных мстителей» начали оказывать серьёзное влияние на тыл врага, что вызвало ответную реакцию в виде многочисленных крупных карательных операций. Важным признаком развития партизанского движения стало учреждение государственных наград и присвоение воинских званий командирам. Этап завершился началом проведения крупных операций советских партизан, таких как «Рельсовая война» и другие.

Период с августа 1943 по июнь 1944 годов или же третий этап развития партизанского движения выделяется как самый масштабный период в истории партизанского движения на территории Беларуси в годы войны. Оно достигло своего пика, а под контролем партизан было 60% оккупированной территории республики. Действия отрядов были скоординированы с регулярными частями Красной Армии, а патриотизм населения достиг высшей точки. В этот отрезок времени партизанские отряды оказали существенную помощь Красной Армии, когда она начала продвигаться на запад Беларуси. На фоне прихода Красной Армии возрос и патриотизм граждан, которые вступали в отряды для того, чтоб внести собственный вклад в победу над врагом. Во время заключительного этапа партизаны активно вливались в ряды Красной Армии, что положительно сказывалось в разгроме врага.

Каждый из этих этапов не только отражал развитие разных форм и методов партизанской борьбы, но и демонстрировал рост её масштабов и стратегической значимости в общем ходе Великой Отечественной войны.

На постепенное изменение и совершенствование организации партизан, а также тактики их борьбы оказывали влияние различные факторы, отличающиеся в зависимости от периода. К таковым можно отнести политику советского руководства в отношении партизанского движения, положение дел на фронте, восприятие партизан и их деятельности местным населением и др. Всё это привело к тому, что сопротивление оккупантам на территории Беларуси превратилось в хорошо организованную систему, способную оказывать существенное влияние на происходящие события. Эта сила стала способна не только наносить значительный урон коммуникациям и живой силе Вермахта, но и контролировать обширные территории, проводя мероприятия по восстановлению советской власти и оказывая существенное влияние на ход боевых действий на Восточном фронте в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. База данных «Партизаны Беларуси» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://partizany.by>. – Дата доступа: 10.04.2025.
2. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Брестская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.] Минск-Москва, 2022. – 483 с.
3. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.] Минск-Москва, 2020. – 930 с.
4. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.] Минск-Москва, 2021. – 574 с.
5. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гродненская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.] Минск-Москва, 2021. – 267 с.
6. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Минская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.] Минск-Москва, 2022. – 783 с.
7. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Могилёвская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.] Минск-Москва, 2021. – 519 с.
8. Об учреждении медали «Партизану Отечественной войны» I и II степени (Указ от 2 февраля 1943 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131222>. – Дата доступа: 29.04.2025.

9. Павлова, Е. Я. Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны: (1941-1944 гг.) : источники и методы анализа : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 : 00.00.2003 / Е. Я. Павлова ; Белорус. гос. ун-т. Мн., 2003. – 181 с.
10. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / Манаенков А.Л., Горелик Е.П., Маркова А.Ф. – Минск, 1983. С. 765.
11. Пономаренко, К. П. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944 / К. П. Пономаренко. – М.: Наука, 1986. – 438 с.
12. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР «Вопросы партизанского движения». 30 мая 1942 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/310198>. – Дата доступа: 23.04.2025.
13. Постановление ГКО СССР № 2285 о создании Белорусского штаба партизанского движения. 9 сентября 1942 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/300508>. – Дата доступа: 23.04.2025.
14. Сайт Axis History. Waffen-Grenadier-Division der SS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.webcitation.org/6D7AMwkyx?url=http://www.axishistory.com/index.php?id=766>. – Дата доступа: 30.04.2025.

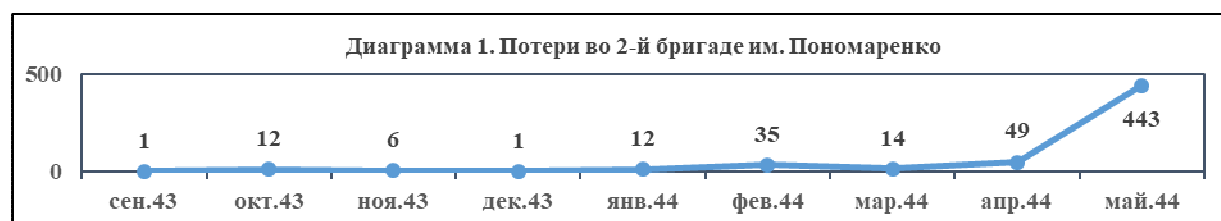
УДК 94(47+57) «1917/1991»

**ПОТЕРИ ПАРТИЗАН ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
ЗА СЕНТЯБРЬ 1943 – МАЙ 1944 ГГ.****К. М. СЕЛИВОНЧИК***(Представлено: канд. ист. наук, доц. А. И. КОРСАК)*

В исследовании анализируются потери партизанских формирований с сентября 1943 по май 1944 гг. Рассмотрены ключевые аспекты, влиявшие на динамику потерь среди партизан. Работа основана на списках потерь пяти партизанских бригад.

Потери партизан при освобождении Беларуси будут рассмотрены на примерах бригад, что действовали непосредственно рядом с фронтом на территории Полесской, Витебской и Могилёвской областях. В качестве рассмотренных бригад выступают 2-я Ушачская бригада им. Пономаренко [11], бригада «Чекист» [8], партизанская бригада №99 «Калинковичская» [7], 125-я Копаткевичская бригада [10] и дополнение к бригаде №13 т. Мазура, что была рассмотрена в работе Трубило М. Л. [9; 12].

Из приведённых формирований заметно выделяется бригада им. Пономаренко, действовавшая в Ушачском и Лепельском районах [1].

[Источник: 11]

По данным диаграммы, динамика потерь в бригаде остаётся относительно стабильной практически за весь рассматриваемый период, за исключением мая 1944 года.

Основной причиной потерь отрядов до апреля является смертность в ходе освобождения населённых пунктов. При отсутствии взаимодействия с оккупантами смертность бригады минимальна. Так, в сентябре погибший партизан и ружейный мастер Мицкеви А. С. погиб при взрыве корпуса гранаты [11]. Вероятнее всего, это является несчастным случаем. В декабре у стрелка Басова Д. П. в графе «причина смерти» прописано, что «умер». По каким причинам остаётся неизвестно, поскольку никаких мероприятий по освобождению населённых пунктов или карательных операций в зоне активности бригады не происходило.

В апреле рост смертности растёт и достигает пиковой точки в мае. Связано это с началом проведения карательной операции «Весенний праздник», включавшую в себя вспомогательную операцию «Морозящий дождь» (в некоторых документах - «Ливень») [3, с. 346-347] и направленную против Полоцко-Лепельской партизанской зоны. Проанализировав список потерь можно отметить, что огромное число партизан погибло непосредственно при прямом взаимодействии с немецкими формированиями в рамках карательной операции. За этот временной промежуток количество выбывших составило 84% или 413 [11] человек от общего числа потерь. Списки также показывают, что в это время огромное число лиц пропали без вести. Вероятнее всего, данный фактор непосредственно связан с деятельностью карателей. Также существенная часть пропавших без вести относится ко времени, когда действия оккупантов были завершены. Однако некоторые силы армии Вермахта могли оставаться в зоне проведения операции для окончательной зачистки территории от партизан, что могло повлечь за собой сохранение динамики потерь, сложившиеся в ходе карательной экспедиции.

Бригада соединилась с частями Красной Армии в июле 1944 г. общей численностью 1033 партизана [1]. В процентном соотношении потери за рассматриваемый период составили 35% от общего количества членов бригады, что является самым большим показателем по количеству выбывших среди рассмотренных в данном исследовании.

Определённый интерес в вопросе динамики потерь среди партизанских бригад представляет бригада «Чекист» [8]. Особенностью этой бригады заключается в том, что в августе 1943 года она была сформирована в связи с организацией Шкловской военно-оперативной группы на базе отрядов расформированной бригады «Чекист» [1] и не смотря на это в списках потерь бригады она продолжает именоваться

ся как «Чекист». Даже в оперативных сводках бригада фиксируется таким образом вплоть до соединения с Красной Армией [6].

Особенностью данного формирования является также и то, что по спискам потерь указаны самые точные данные по причинам убийства из бригады. Если обычно встречаются формулировки «убит», «умер» или «убит в бою», то в списках бригады «Чекист» такие причины встречаются реже.

[Источник: 8]

Несмотря на факт того, что на территории непосредственного места деятельности бригады были проведены 3 карательные операции [5, с. 274] в октябре и ноябре, потери в этот отрезок времени составляют самое низкое значение. Отсюда можно сделать вывод, что карательные экспедиции не принесли необходимых результатов и были провалены. Далее подобных мероприятий со стороны Вермахта не проводилось.

Зимой количество потерь растёт, а в марте достигает высшего значения и до конца рассматриваемого отрезка времени спад динамики не наблюдается. Основной причиной является смерть от врага. При этом формулировка прописана иная, но смысл остаётся таким же. Как пример, в списках встречаются следующие причины смерти: «погиб в бою», «погиб», «убит из засады», «умер от ранения», «умер от ранения в голову», «погиб во время блокировки». От рук немцев погибло 113 партизан, что составляет 66% потерь среди всех причин гибели в бригаде. В списках потерь бригады большинство составляет смерть в ходе боя или из засады. В остальных причинах разница особо не отличается. У 11 человек в графе «причина смерти» данных нет. 6 человек погибло во время блокировки, 13 человек пропали без вести, 5 человек умерли после получения ранения, 4 партизана умерли из-за болезни. 2 партизана погибли в разведке, а при выполнении различных заданий потери составили 11 человек. К несчастным случаям отнесено 3 партизана, где каждый из них умер по различным причинам. Так Исаев И. Ф. подорвался при минировании на железной дороге, Руцкий Р. С. погиб при неосторожном обращении с гранатой, а Бобков Ф. М. утонул при выполнении специального задания. В списке также имеется фиксация самоубийства – Клименков В. Е. застрелился при окружении немцами [8].

В конечном итоге бригада соединилась с частями Красной Армии 29 июня 1944 г. в составе 7 отрядов партизан численностью 2617 партизан [1], а потери составили 6,5 %.

В качестве дополнения к рассмотрению деятельности партизанской бригады №13 им. т. Мазура в работе Трубило М. Л. необходимо проанализировать численность её потерь не только за сентябрь, но и за август 1943 года [12, с. 61]. Согласно данным, представленным в исследовании, за последний месяц лета бригада понесла потери в количестве 8 человек. При этом в списках потерь самой бригады указано только 7 партизан [9]. Из них один числится пропавшим без вести, шесть погибли при выполнении боевого задания на железной дороге, а партизан Сераков И. И. лишился жизни в связи с тем, что представители партизанского отряда №42 по ошибке приняли его за врага [9]. Такая смерть является редким задокументированным случаем в списках бригад.

В итоговых данных в работе Трубило М. Л. по потерям за сентябрь указано, что общее число погибших партизан составило 43 человека. Списки самой бригады фиксируют меньшую цифру – 37 человек [9]. Общее значение за два месяца составляет 44 человека по данным бригады. Откуда возникли дополнительные лица, что выбыли за август и сентябрь 1943 года остаётся неизвестным. С высокой вероятностью можно предположить, что данные были заимствованы из списков погибших и пропавших без вести БШПД, которые неоднократно упоминаются в работе. Также, по всей видимости, в этих списках имеются лица, что по разным причинам не попали в списки бригады, а также иная причина смерти партизана Сераков И. И. В свою очередь в базе данных «Партизаны Беларуси» в графе смерти указано, что он «погиб» [1] без более точной информации. По всей видимости, в списках БШПД в этой же графе причина смерти является абсолютно одинаковой.

Самая минимальная по потерям в рамках рассматриваемого периода значится 99-я Калинковичская бригада, действовавшая на территории Калинковичского, Василевического, Хойникского, Мозырского и Октябрьского района [1]. Уникальность данной бригады заключается во времени её соединения с Красной Армией. Связано это с тем, что процесс соединения шёл поотрядно: 2-й и 3-й отряды — 28 ноября 1943 г., 5-й — 20 декабря 1943 г., 1-й — 29 июня 1944 года [1].

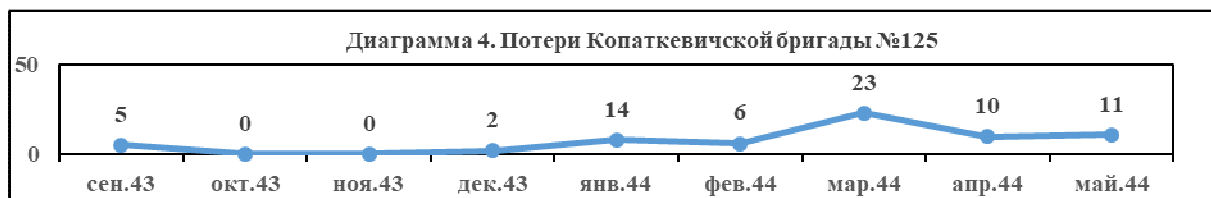
За период с сентября 1943 по май 1944 годов бригада потеряла 32 человека, где пик смертности наблюдается в октябре 1943 года и составляет 87% (28 людей) от общего числа потерь, где 18 партизан точно умерли от сил Вермахта и составили 64% процента за осенний период. Так, в октябре от рук немцев во время розыска умер разведчик Попченко П. Л. По причине «пропал без вести» из бригады было 4 человека (14% от числа потерь за осень и 12,5% за весь период). Провести более точный анализ выбывших партизан из отрядов, что входили в состав партизанской бригады №99 не представляется возможным, из-за того, что в списках потерь бригады в графе «когда погиб, умер, пропал без вести или был» указывается, что в сентябре трое было убито, а один «скоропостижно скончался в 6 часов 30 минут». В свою очередь в ноябре трое было убито, а один погиб [7]. Хотя точные причины потерь партизан в последний месяц осени остаются неустановленными, на основании списков потерь бригады можно с высокой степенью уверенности предположить, что они были связаны с карательными мероприятиями, проводимыми противником. Исходя из этого становится ясна основная причина потерь в октябре и ноябре – проведение карательных экспедиций [3, с. 320] в местах активности партизанских отрядов бригады.

[Источник: 7]

В период с декабря 1943 года по март 1944 года численность потерь партизанской бригады достигает минимальных значений как в сравнении с осенью, так и с данными по другим бригадам. Потери в этот период носят единичный характер и остаются на одном уровне, за исключением февраля, когда 17 числа от тифа скончался Ясько П. С. [7], что в большей степени является несчастным случаем.

Заключительной бригадой является Копаткевичская 125-я [10], что также действовала на территории Полесской области и соединилась с частями Красной Армии 29 июня 1944 года общей численностью в 372 партизана (включая 55-й отряд, что соединился в феврале 1944 года) [1].

[Источник: 10]

Из приведённого графика видно, что наблюдается наименьшая смертность до января 1944 года. Минимальное количество потерь в данный отрезок времени обусловлены тем, что никаких карательных операций в местах активности бригады не проводились. Из-за этого можно прийти к выводу, что основная причина смерти партизан не заключается в открытом взаимодействии с немецкими военнослужащими. Потому причины потерь являются разными. Несмотря на невысокие показатели смертности, основная причина в графе смерти до января – «погиб» или «убит», кроме единственного случая, где причина смерти заключается в наступлении немецких сил. Основываясь на этом, можно сделать предположение, что такую участь разделили все партизаны за сентябрь, поскольку между их смертями не прошло значительного количества времени, где максимальный рубеж составляет 8 дней [10].

Все последующие причины смерти непосредственно связаны с немецкими оккупантами. Общее число потерь по этой причине составляет 61 человек, что составляет 83% потерь от общего числа. Всего два человека (3,4 %) пропали без вести. По периоду они пропали непосредственно во время бомбёжки деревни Репин 20 января 1944 года и при окружении деревни Сосновки в марте 1944 года [10]. Таким образом можно прийти к заключению, что на самом деле партизаны могли быть убиты в ходе данных событий, а тела их либо не смогли опознать, либо не было возможным их найти. Из-за этого Прохоцкая Л. И. и Макейчик Н. А. [10] были отнесены в данную категорию. Партизаны, которые лишились жизни из-за болезни в бригаде отсутствуют.

Динамика убийства достигает пика в марте 1943 года и падает чуть более чем в два раза в мае 1944 года. Высшая точка в марте обусловлена окружением деревни Сосновки, где за небольшой период погибло 16 партизан. Увеличение числа гибели за последующие месяцы связано с тем, что часть отрядов, входившие в Копаткевичскую бригаду №125 была переброшена на Запад после успешного наступления

на территории Полесской области. Так, отряды имени Рощина [10] и Кудравца [1] были переброшены на территорию Брестской области для оказания помощи в наступлении Красной Армии.

Потери также являются следствием того, что на территории Брестской области прошли ряд карательных экспедиций [2, с. 321], из-за чего потери становятся выше. Несмотря на карательные операции и оказание помощи Красной Армии, бригада показывала весьма высокую активность, но при этом потери сохраняются на минимальном значении. Это связано с продолжительностью нахождения в отряде, где имеются данные об вступлении в бригаду начиная с декабря 1942 года, а заканчивается январём 1943 года. Среднее значение нахождения в бригаде составляет 12 месяцев, а в процентах показатель имеет чуть больше половины – 52% [10]. Данным фактом объясняется, почему в бригаде отсутствует смертность из-за болезни или случаев, когда попадали в засады. В самом формировании прослеживается неплохой уровень боевой готовности, а также умения достаточно долго находиться в лесах и прочих слабо пригодных для жизни местах.

Подводя итоги активности бригад на Восточных областях необходимо рассмотреть общую динамику потерь для выявления основных причин смертности для всех бригад.

[Источник: 7-11]

По общему числу динамики потерь можно сделать вывод, что в большей степени потери были равномерными и резких скачков или спадов не наблюдается, кроме мая 1944 года в рамках крупномасштабной карательной операции против партизанской зоны, что было отмечено ранее.

Рассматривая месяцы, где динамика потерь имеет самый низкий показатель можно утверждать, что связано это с окончанием второго этапа рельсовой войны, где силы Верхмата делают огромный акцент на попытках стабилизации фронта и остановке его прорыва, из-за чего среди бригад потери имеют низкое значение. С начала 1944 года наступление Красной Армии прекращается, потому немецкое командование концентрирует свои силы на попытках уничтожить партизанские отряды, которые всё это время работали в тылу врага с целью освобождения родной страны от оккупации. В связи с этим потери растут и пиковое значение достигается в мае 1944 года.

Если отдельно выделять бригады, то нельзя утверждать, что потери были по одной причине. По большей степени это относится лишь ко второй Ушачской бригаде им. Пономаренко, поскольку она располагалась в Полоцко-Лепельской партизанской зоне, против которой была подготовлена карательная операция весной 1944 года.

В основном причины потерь среди бригад приходится на карательные операции. Бригада им. Пономаренко является самой крупной по потерям в ходе карательных операций. Также по данной причине существенные потери понесла Калинковичская бригада и небольшое количество затронули Копаткевичскую бригаду. Но это произошло на территории Брестской области, куда были переброшены не все отряды, в связи с чем существенных потерь не наблюдается.

Бригада «Чекист» выделяется тем, что в ходе карательных операций она понесла минимальное число потерь. Из-за этого мы приходим к выводу, что главной причиной является смерть во время боя, выполнение специального задания и попадание в засады.

ЛИТЕРАТУРА

1. База данных «Партизаны Беларуси» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://partizany.by/>. – Дата доступа: 10.04.2025.
2. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Брестская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.] Минск-Москва, 2022. – 483 с.
3. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.] Минск-Москва, 2020. – 930 с.

4. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.] Минск-Москва, 2021. – 574 с.
5. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Могилёвская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.] Минск-Москва, 2021. – 519 с.
6. Оперативные сводки Белорусского штаба партизанского движения : январь—июль 1944 г. : документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев, С. В.Кулинок, М. Н. Скоморощенко ; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. — Минск : НАРБ, 2019. — 382 с.
7. Списки погибших и пропавших без вести №99 Калинковичской бригады // НАРБ Ф. 1450. Оп. 6. Д. 240.
8. Списки погибших и пропавших без вести бригады «Чекист» // НАРБ Ф. 1450. Оп. 6. Д. 1.
9. Списки погибших и пропавших без вести бригады №13 т. Мазура // НАРБ Ф. 1450. Оп. 6. Д. 203.
10. Списки погибших и пропавших без вести бригады №125 // НАРБ Ф. 1450. Оп. 6. Д. 205.
11. Списки погибших и пропавших без вести бригады им. Пономаренко // НАРБ Ф. 1450. Оп. 6. Д. 136.
12. Трубило М. Л. Причины выбытия среди советских партизанских формирований за август 1943 – июнь 1944 гг. // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой. Путь в науку. Образование. Педагогика. 2023. №. 48. – С. 59-63. – URL: https://journals.psu.by/specialists_education_pedagogy/issue/view/158/141 (дата обращения: 11.05.2025).

УДК 282

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КАТОЛИЧЕСКОГО МОНАШЕСКОГО ОРДЕНА ДОМИНИКАНЦЕВ В XIII В.

К. В. ФИЛИПОВА

(Представлено: канд. биол. наук, доц. О. А. ЕМЕЛЬЯНЧИК)

В статье прослеживаются истоки зарождения ордена доминиканцев на территории Европы в XIII веке. Анализируется роль его основоположника – св. Доминика и его последователей, которые повлияли на дальнейшее становление и распространение ордена. Также рассматривается история становления отдельных доминиканских провинций на территории Прибалтики, Польши, Англии и в других европейских стран.

Католический монашеский орден доминиканцев (доминиканов) имеет несколько названий, например, орден братьев-проповедников [1], который на латыни звучит как *Ordo fratrum Praedicatorum* (сокращенно *O.P.* или *O.P.s.*) или нищенствующий орден [2, с. 575; 3, с. 378], в связи с чем его приверженцы называют себя меникантами (от лат. *medicantes* – «нищенствующий») [4, с. 17].

Основателем ордена считается святой Доминик – испанец Доминик де Гусмана (1170–1221) [2, с. 575], также есть другие версии написания имени – Доминик де-Гутцман [5] или Доминик де Гусман Гарсес [6, с. 4]. Про создателя ордена нам известно благодаря его последователю – Ярдану (Иордану) Саксонскому, жившему ок. 1190–1237 гг. [7, с. 2; 8 с. 10–11]. Именно он написал биографию св. Доминика. Из биографии святого Доминика известно, что он с малых лет имел большую тягу к молитве и учебе [9, с. 5]. До создания ордена он также был настоятелем бенедиктинского аббатства Силос (Испания) [1]. В свободное время переписывал книги и продавал их, а на вырученные деньги помогал бедным [9, с. 6]. В 1201 году после нескольких лет обучения в испанском городе Паленсия Доминик приезжает в кафедральный собор Осмы (Испания) [1]. Задолго до основания ордена Святой Доминик совершил две поездки в Данию (1203, 1205–1207). Основатель ордена имел возможность увидеть, как выглядит миссионерская работа и сколько усилий еще должно приложить в эту работу местное духовенство. Кроме Дании он посетил прибалтийские народы [10]. Постоянные путешествия по испанским городам и их святыням позволили сформировать у святого Доминика особое отношение к католической вере и найти свое религиозное призвание. Биограф и религиозный историк отец Гумберт М. Викар (15 декабря 1906 – 2 октября 1993 гг.) писал, что Доминик пытался оставаться в тени, подражая величайшим миссионерам первого тысячелетия Христианства. «Он хотел быть ... «паломником для Христа», который оставил свою страну, епархию, семью, чтобы стать чужим из-за имени Христа, до такой степени, что у него даже не было кельи в собственном монастыре, и умирал он в чужой келье и в чужом одеянии» [8, с. 11–12].

В 1206 году была создана первая доминиканская община во Франции [7, с. 2]. Еще при жизни папы римского Иннокентия III орден был устно одобрен, и дано разрешение на составление устава ордена. Преемник Иннокентия Гонорий III торжественно утвердив устав ордена проповедников 22 декабря 1216 года, назвал своих сыновей «поборниками веры, истинным светом мира и непобедимыми борцами Иисуса Христа». Также папа римский выделил Ордену доминиканцев дворец на Авентинском холме, что стало их временным центром [9, с. 9]. В 1217 году св. Доминик выбирает наиболее значительные центры образования в Европе с целью распространения католической веры и привлечения последователей ордена. К таким центрам относятся Париж и Болонья (а также Испания, так как это родина основателя ордена и центр борьбы с мусульманством). Проповедь и богословие, как считал св. Доминик, должны усиливать друг друга и в итоге положительно повлиять на распространение деятельности ордена. Сам Доминик отправляется в Рим и получает там буллу от 21 февраля 1216 года, в которой написано, что «братья Ордена Проповедников» обязаны проповедовать и следовать за Господом в бедности [1]. Существует легенда, что папе римскому приснился сон, в котором по стенам костела св. Яна пошли трещины и костел мог вот-вот упасть, но Доминик удержал здание руками. Этот сон Иннокентий III посчитал вещим и поэтому подписал буллу [7, с. 3].

Причиной принятия конституции ордена был тот факт, что сообщество, созданное на постоянной основе и ставящее перед собой задачу, выходящую за рамки традиций (т.е. распространение веры при помощи монахов-доминиканцев, которые путешествовали по различным регионам и активно привлекали новых последователей ордена), не могло действовать без соответствующего законодательства. Хотя в деталях уже невозможно выделить самые старые элементы конституции ордена, можно с уверенностью утверждать, что в конечном итоге их законодательство представляет собой нечто новое, не повторяющее предыдущие и существующие документы того времени [1]. Однако большинство историков склоняются

к тому, что конституция ордена доминиканцев была создана на основе статута святого Августина [2, с. 575]. В конституции ордена доминиканцев также указывается правило, по которому нельзя основывать новый монастырь без лектора, то есть преподавателя богословия [8, с. 95]. С момента принятия конституции начинается официальное, законодательно закрепленное, существование ордена доминиканцев (с 22 февраля 1216 года) [7, с. 3].

21 января 1217 года в новой булле *Gratiarum omnium largitori* были определены задачи и характер монашеской общины доминиканцев и именно в данном документе закрепилось название ордена – братья-проповедники. Булла содержала следующие слова: «Подобно непобедимым воинам Христа, вооружённым щитом веры и шлемом спасения, не боящихся убивающих тело, вы щедро несете Слово Божье, которое острее всякого обоюдоострого меча, обращая его против врагов веры» [8, с. 65]. В 1220 году центром ордена стала Болонья, где святой Доминик проводил первый генеральный капитул [6, с. 6].

Святой Доминик умер в 1221 году [1] в монастыре св. Николая, в Болонье [5]. Папа римский Григорий IX канонизировал его в 1234 году [7, с. 3]. Однако, после смерти основателя, орден не распался и не ослаб, а наоборот набирал силу. Орден быстро распространялся, прежде всего в крупных городах, поскольку именно там были сконцентрированы желаемая аудитория и материальные ресурсы [1]. Если при жизни святого Доминика в Европе было создано 8 провинций, то к концу XIII в. их число выросло до 45 [9, с. 14]. Важно отметить, что это были места, которые способствовали интеллектуальной деятельности и обеспечивали набор новых приверженцев ордена. Например, в английской провинции братья-проповедники отправились сначала в Оксфорд (в 1221 г.), а затем в Лондон (в 1224 г.). Подсчитано, что к 1277 г. было создано около 404 доминиканских монастырей, и к 1303 году их число выросло до 590 [1]. Миссионерский характер имели две средневековые доминиканские провинции: Греция и Святая Земля. К ним относились монастыри, находившиеся на нехристианских или православных землях (например, на Руси) [11].

В середине XIII доминиканцы прочно основались на прибалтийских территориях. Это проявляется в создании трех провинций: обширной датской, немецкой и польской, которые также занимались миссионерской работой среди прибалтов и финнов [11].

Польская доминиканская провинция была основана в 1226 году. Именно под влиянием данной провинции находились белорусские земли до создания собственных провинций. Польская провинция развивалась в двух направлениях: на Русь и в Пруссию. Первоначально базой для прусской миссии были монастыри в Гданьске и Плоцке. За короткое время доминиканцы в Пруссии полностью вытеснили цистерцианцев, работающих там с начала XIII века. В своей миссионерской работе они самостоятельно углубились в прусскую территорию, достигнув границы с Жмудью [11].

На популярность ордена и принятие его в XIII в. европейским обществом повлияло множество исторических факторов, например, активная деятельность Реконкисты в Испании, Крестовые походы, Альбигойские войны против ереси катаров и многое другое. Но одной из главных причин дальнейшего распространения ордена после смерти св. Доминика является поддержка папы римского Григория IX в отношении ордена, так как именно в это время орден получил множество привилегий, например, возможность содержания собственной инквизиции. А в XV веке Ордену доминиканцев было разрешено иметь имущество и постоянные источники дохода [2, с. 575].

Таким образом, орден Доминиканцев был создан в Испании в XIII веке святым Домиником как орден нищенствующих монахов-проповедников, которые профессионально владели словом Божиим и в качестве оружия использовали священное писание, а не насилие. К концу XIII века доминиканцы распространились далеко за пределы Испании и обрели официальное признание папы римского и большинства населения Европы, в том числе и на белорусских землях. Образовав сеть доминиканских монастырей и костелов, которые получили свое распространение благодаря содействию университетов и влиятельных людей, доминиканцы надолго закрепились в этих местах, проповедуя слово Божье и распространяя католическую веру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Horst, U. Zur Geschichte des Dominikanerordens / U. Horst // Dominikaner in Deutschland und Österreich — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://dominikaner.de/wp-content/uploads/2023/06/zur-geschichte-des-dominikanerorden.pdf> — Дата доступа: 05.02.2025.
2. Бажэнаў, Ю. Дамініканцы / Ю. Бажэнаў // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1: Абаленскі — Кадэцкія / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; — Мн.: БелЭн, 2005. — С. 575-576.
3. Дабрынін М. Ордэны манаскія / М. Дабрынін // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т.2: Кадэцкі корпус — Яцкевіч / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; Маст. З.Э. Герасімовіч. 2-е выд. — Мінск: БелЭн, 2007. — С. 378.

4. Спеж Я. А. Святой Гиацинт / Я. А. Спеж – Пер. с польск.: Станислав Карпенюк. Серия «Свет миру». – СПб.: Белый камень, 2022. – 112 с.
5. Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь / под ред. проф. А. П. Лопухина: В 12 томах. - Петроград: Т-во А. П. Лопухина, 1900-1911. / Т. 4: Гаага - Донатисты. - 1903. - 1216 с.
6. Буйвал В. Шляхамі святога Дамініка / В. Буйвал // Наша вера. – 2015. – №2. – С. 4-7.
7. Шэдзько Ю. Кароткі нарыс пра пачатак існавання дамініканскага ордэну / Ю. Шэдзько // Наша вера. – 2015. – №2. – С. 2-3.
8. Спеж Я. А. Святой Доминик / Я. А. Спеж. – Пер. с польск.: Станислав Карпенюк. Серия «Свет миру». – СПб.: Белый камень, 2022. – 108 с.
9. Ramon M. V. La Orden de Predicadores / M. V. Ramon [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://books.google.by/books?hl=ru&lr=&id=EWq-ajjh9RsC&oi=fnd&pg=PA1&dq=orden+de+los+dominicos&ots=9pnlzfCOVp&sig=8EjL8HY6L5r_xxfgn-1hSZpyRUc&redir_esc=y#v=onepage&q=orden%20de%20los%20dominicos&f=false — Дата доступа: 05.02.2025.
10. Ордэн братоў Прапаведнікаў (дамініканцы) / Catholic.by. Рыма-каталіцкі Кастел у Беларусі — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://old.catholic.by/2/belarus/monks/100006-2008-06-25-14-23-35.html#1>. — Дата доступа: 03.02.2025.
11. Brzozowski S. Litewska prowincja dominikanów / S. Brzozowski [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.astn.pl/r2004/lit.htm> — Дата доступа: 05.02.2025.

УДК 94:327(438):94:327(476)

**ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
В 1621–1648 ГГ.****П. Г. ФРАНЦКЕВИЧ***(Представлено: канд. ист. наук, доц. В. Е. ОВСЕЙЧИК)*

В статье исследуется развитие южного вектора внешней политики Речи Посполитой в 1621 – 1648 гг. В частности, рассматриваются особенности внешнеполитических отношений Речи Посполитой с Османской империей после фактического поражения последней в Хотинской битве 1621 г. Анализируются взаимосвязи данного направления внешней политики государства с противостоянием Речи Посполитой и Российского царства в указанный период.

XVII век для внешнеполитического положения Речи Посполитой стал во многом судьбоносным. Кратковременный период пика могущества государства пришелся на 1620-1630-е гг., что было обусловлено затяжной и напряженной борьбой практически со всеми своими соседями. Помимо Российского царства на востоке и Шведского королевства на севере, как традиционных антагонистов Речи Посполитой, существовал еще один весьма грозный противник на юге – Османская империя. Именно вторая половина XVII века стала кульминацией польско-турецкого противостояния, в котором Речь Посполитая в последний раз продемонстрировала способность к самостоятельному проведению активной внешней политики.

Фактическое поражение турецких войск под Хотином 2 сентября – 9 октября 1621 г. Привело к ослаблению экспансии Османской империи к северу от своих границ и в значительной мере укрепило международный авторитет Речи Посполитой. Более того, на этом фоне в Стамбуле произошел дворцовый переворот, и султан Осман II был свергнут с престола [1, с. 99 - 102]. Новый султан Мустафа I наметил значительное потепление в отношениях с Речью Посполитой, о чем можно судить по заключенному мирному соглашению от февраля 1623 г. [5], а также по сообщениям из письма Великого гетмана коронного С. Сулишовского, находившегося в 1622 г. в Стамбуле. Вместе с тем, Мустафа I вскоре был также свергнут по причине неспособности управлять государством. Его преемник, султан Мурад IV, подтвердил условия ранее заключенных соглашений с Речью Посполитой, подписав с Сигизмундом III новый договор [8]. В 1620-е гг. как и ранее, во внешней политике Османской империи главной задачей было продолжение тяжелой борьбы с Сефевидской Персией на востоке. С другой стороны, Речь Посполитая все еще была втянута в затяжную войну со Швецией (1600 – 1629), и не была заинтересована в создании нового очага напряженности на своей южной границе.

Таким образом, новое десятилетие предполагало сохранение мира на южных рубежах Польско-Литовского государства. Однако последующие события приняли иной характер. Причиной новых осложнений в польско-турецких отношениях стала сама Порты. Дело в том, что изматывающая турецко-персидская война 1623 – 1639 гг. требовала огромного напряжения сил Крымского ханства, которое как вассал Порты должно было предоставлять свои войска. Военные неудачи вызвали брожение среди крымской верхушки. Хан Мехмед III Гирей начал выражать открытый протест приказам султана, а в августе 1624 г. направил послов к Сигизмунду III Вазе с целью заключить антиосманский союз в обмен на передачу ряда причерноморских земель [3, с. 97; 11]. Такое положение дел накалило обстановку между Стамбулом и Варшавой до предела. Необычен факт ведения в 1624 – 1627 гг. русско-турецких переговоров о заключении союза против Речи Посполитой. Вместе с тем не следует рассматривать подобную политику Турции как стремление развязать новую наступательную войну против Речи Посполитой, поскольку в этот период османская армия продолжала терпеть неудачи на персидском фронте. Османская империя не имела возможности вести крупные наступательные операции на каком-либо другом направлении. Соглашение с Россией, как представляется, было первоначально оборонительной мерой, средством обеспечения интересов Стамбула на случай, если бы попытка восстановить османский сюзеренитет над Крымом привела к серьезному конфликту с Речью Посполитой [3, с. 99]. К концу 1620-х гг. Порте удалось с применением военной силы восстановить власть над Крымом, посадив на ханский престол более сговорчивого Джанибек-Гирея. Однако угроза конфликта с Речью Посполитой все еще оставалась реальной.

Другим примечательным событием этого времени стал проект выдвижения кандидатуры трансильванского князя Габора Бетлена (1613 – 1629) на трон Речи Посполитой. В октябре 1628 г. Бетлен отправил такое предложение на рассмотрение султану. Из записки «Основание дел Польского королевства», сохранившаяся среди бумаг Ж.Русселя, французского дипломата на службе Бетлена, можно понять сущность османско-трансильванского плана. Речь шла не о выдвижении кандидатуры трансильван-

ского князя на выборах после смерти короля Сигизмунда III, а о низложении польско-литовского правителя и возведении на трон Бетлена при поддержке всех сил, враждебных существующей власти [4, с. 61 – 62]. Предполагалось, что в пользу Бетлена могут выступить католические вельможи, недовольные ограничением шляхетских «вольностей», протестанты и «люди русской веры» (т.е. православные), недовольные религиозной политикой короля. Бетлен рассчитывал на поддержку Швеции, России, немецких протестантских князей, Крыма, но главное, решающее значение имела для него позиция Османской империи. Летом 1629 г. османское правительство согласилось удовлетворить все основные пожелания Бетлена. Трансильванскому князю была обещана помощь Крыма и Белгородской орды, господарей Дунайских княжеств и пашей пограничных округов. План, предложенный Г. Бетленом, отвечал стратегическим целям османской политики, так как его осуществление привело бы к возобновлению войны между христианскими государствами Европы и ослаблению Габсбургов. Вместе с тем, он давал возможность успешно решить и некоторые конкретные насущные задачи - ослабить Речь Посполитую так, чтобы она больше не могла вмешиваться в крымские дела. На северную границу империи были направлены войска и флот, а посол Мурада IV Ф.Кантакузин, отправившийся в Москву с трансильванскими послами, должен был добиться участия в этом походе и русских войск. Однако со смертью Г.Бетлена в ноябре 1629 г. данный проект утратил свою актуальность и был свернут [2, с. 102].

В первой половине 1630-х гг. положение на границе Речи Посполитой с Османской империей продолжало оставаться напряженным. Султан Мурад IV активно склонял русского царя Михаила Федоровича начать совместный поход против Речи Посполитой. Однако, когда все приготовления со стороны России были закончены, Порты заявила, что не может предоставить военную помощь ввиду тяжелой сложившейся ситуации на персидском фронте. В 1632 г. между Речью Посполитой и Российским царством началась Смоленская война. Крымское ханство против воли султана оказывало поддержку польско-литовским войскам для поддержания баланса сил в Восточной Европе [2, с. 108]. Турция же приняла решение начать войну с Речью Посполитой. В октябре 1633 г. силистрийский губернатор Абаза Мехмед-паша совершил локальное нападение на пограничные польские территории, однако был решительно отброшен. В течение всего 1634 г. у приграничья накапливались османские войска, что побудило Речь Посполитую искать скорейшего заключения мира с Российским государством. В июле 1634 г. был заключен Поляновский мир.

Речь Посполитая не только избежала войны, но и сумела к тому времени, когда османские войска подошли к ее южной границе, собрать здесь довольно значительные силы. В этих условиях трудно было ожидать, что от Речи Посполитой удастся чего-либо добиться давлением и угрозами, а вступить в военный конфликт значило поставить под вопрос планы успешного завершения войны с Персией. Османские сановники теперь были озабочены тем, чтобы убедить султана отказаться от задуманного похода и побудить польско-литовскую сторону к небольшим уступкам. В октябре 1634 г. между новым королем польским и великим князем литовским Владиславом IV Вазой и султаном Мурадом IV был подписан трактат, повторявший условия аналогичных договоров, заключенных при Сигизмунде III [6].

Период со второй половины 1630-х гг. и вплоть до конца 1640-х гг. характеризуется вынашиванием у Владислава IV планов по ликвидации Крымского ханства и его разделу с Русским царством. Однако разногласия монарха с крупнейшими украинскими магнатами не привели к сколько-нибудь значительным действиям в этом направлении. К тому же, Оттоманская Порты также не предпринимала враждебных шагов в сторону Речи Посполитой, поскольку была втянута в Кандийскую войну с Венецианской республикой и отвоевание у казаков Азова. В мае 1640 г. султан Ибрагим I подтверждает Владиславу IV ранее заключенные мирные соглашения [7]. Между тем, в регионе складывалась новая политическая обстановка. Так называемое «золотое десятилетие» 1637-1648 гг. после подавления казачьего восстания было временем накопления сильного социального недовольства у населения восточных районов Украины, прежде всего у казачества. Поставив крепость на Днепре, польские власти положили конец морским походам; основную массу «неписменных» казаков облагали податями магнаты и старосты, пытаясь обратить их в своих подданных; «реестровые» казаки, сохранившие личную свободу и получавшие жалование за службу, подвергались притеснениям со стороны польских офицеров, ставших казачьими полковниками. Наступление на православную веру еще более усиливало недовольство казачества. Надвигалась военно-политическая катастрофа Речи Посполитой 1650-1660-х гг.

Таким образом, южный вектор внешней политики Речи Посполитой в 1620 – 1640-е гг. стал составной частью большой политической игры, которая развернулась на просторах Восточной Европы. Необходимо отметить постоянную переменчивость в своем отношении к Речи Посполитой как со стороны Османской империи, так и со стороны Крымского ханства. Последнее в обозначенный период рассматривало возможность выхода из-под османского вассалитета в союзе с Речью Посполитой. В целом же, основной тенденцией политики Порты к северу от своих границ стала «пассивная агрессия». Не развязывая масштабного конфликта, турецкие султаны осуществляли попытки давления на Речь Посполитую демонстрацией военной силы, сотрудничая при этом с московским государем. Такая политика обу-

славливалась международной обстановкой (война с Сефевидской Персией 1624 – 1639 гг., а позднее с Венецианской республикой 1645 – 1669 гг.), которая не позволяла задействовать Османской империи крупные военные контингенты на северных границах. При этом интересен сам по себе феномен русско-турецкого сотрудничества, особенно во время Смоленской войны 1632 – 1634 гг. Вместе с тем, несмотря на согласие султана поддержать московского царя, Турция не сумела оказать сколько-нибудь значительной помощи русской армии, создав лишь точечное напряжение на границе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ибрагимбейли Х.М., Рашба Н.С. Османская империя в первой четверти XVII века. - Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. - 218 с.
2. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. I.
3. Семенова Л. Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX века. (Очерки внешне-политической истории.). - М.: Индрик, 2006. - 432 с.
4. Флоря Б. Н. Россия и Дунайские княжества в 1674 г. // Вестник славянских культур. - Москва: Государственной академии славянской культуры (ГАСК), 2015. - С. 122 - 129.
5. AGAD. – AKW. - Dział turecki. - K.72. – Teka T 304. - Nr 557
6. AGAD. – AKW. - Dział turecki. - K.74. – Teka T 362. - Nr 643
7. AGAD. – AKW. - Dział turecki. - K.75. – Teka T 376. - Nr 663
8. AGAD. – AKW. - Dział turecki. - Nr 5628

УДК 94:327(438):94:327(476)

**ЮЖНЫЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
В 1648–1670-Х ГГ.****П. Г. ФРАНЦКЕВИЧ***(Представлено: канд. ист. наук, доц. В. Е. ОВСЕЙЧИК)*

В статье исследуется развитие южного вектора внешней политики Речи Посполитой в 1648 – 1670-х гг. Делается акцент на влиянии южных соседей Речи Посполитой на ход восстания Б. Хмельницкого и последующей войны с Российским государством 1654 – 1667 гг. Анализируется результат противостояния Речи Посполитой с Османской империей в 1672 – 1676 гг. и его роль во внешнеполитическом ослаблении Речи Посполитой к началу 80-х гг. XVII в.

Для государств Восточной Европы все более значительным политическим фактором с 1648 г. становилось восстание на Украине, быстро переросшее в освободительную войну против польского господства. Она послужила запалом нового общего столкновения в борьбе за гегемонию в указанном регионе, став началом крупнейшего межрегионального конфликта в этой части континента (войны 50-х - 60-х гг. XVII в.: война Речи Посполитой с Россией 1654 – 1667 гг., Первая Северная война 1655 - 1660 гг.). Первостепенное значение имела быстро выявившаяся и прогрессирующая внутренняя и военная слабость Речи Посполитой. Хотя общий потенциал ее был еще весьма значителен, по ряду причин его не удавалось быстро и своевременно мобилизовать. Начальный, самый трудный период восстания, когда оно еще могло быть локализовано и подавлено относительно небольшими силами, Б.М. Хмельницкий и его сторонники удачно миновали, а после первых блестящих успехов в мае 1648 г. движение с молниеносной быстротой распространилось по всей Украине. Характерной чертой ситуации в конце 1647 – начале 1648 г. было существенное ухудшение внутреннего и внешнего положения Крымского ханства ввиду вероятности заключения нового антикрымского союза между Речью Посполитой и Россией [1, с. 190 – 191]. Положение ханства усугублялось и сложной внутренней ситуацией. Почти с самого начала правления Ислама III Гирея (июль 1644 г.) развернулась острейшая борьба между разными группировками крымской и ногайской элиты. В этих условиях традиционным и апробированным выходом из затруднений был бы успешный грабительский поход большими силами во владения Речи Посполитой или России, тем более желательный, что неудачи турок в Кандийской войне, постоянная необходимость пополнять флотские экипажи гребцами увеличивали спрос на пленников и соответственно их цену. Именно к подобному рейду подталкивали хана ведущие беи и мурзы, склонялся к нему и сам Ислам-Гирей. Задержка Речью Посполитой с 1644 г. условленных ежегодных даров ханству, нарушала соответствующие статьи соглашений с Османской империей и Крымом и являлась формальным оправданием новых военных акций крымцев. К тому же польско-крымские отношения резко ухудшились в 1647 г. Все это делало предпочтительным набег на Украину. Другим важным фактором, определявшим политику Ислама III Гирея, была позиция Порты. Имеются свидетельства о том, что незадолго до и сразу после урегулирования внутреннего конфликта правящая элита ханства обратилась к султану за разрешением на поход против соседей в конце осени - начале зимы 1647-48 г. Ибрагим I, однако, запретил нападать и на Речь Посполитую, и на Россию. Реакция стамбульского двора определялась прежде всего продолжавшимися неудачами под Мальтой и необходимостью сконцентрировать именно там все силы в надежде исправить положение. Тревожной была и внутренняя ситуация: показательно, что почти за год до свершившегося переворота уже распространялись слухи о насильственной гибели султана Ибрагима. В подобных обстоятельствах Порты стремилась не допускать новых внешнеполитических осложнений. Хан сообщил султану об обращении к нему запорожских казаков за помощью против Речи Посполитой, их обещании взамен «ему служить вечным холопством» и о своем намерении отправиться в большой поход на Украину. Действительно, Ислам-Гирей послал на Украину войско во главе с перекопским комендантом - знаменитым Тугай-беєм Ширинским, которое и участвовало в первых победных сражениях казаков с армией Речи Посполитой в мае 1648 г. Основные татарские силы под предводительством хана подошли немного позже, после завершения первой части кампании.

Вопрос о позиции османов в начальный период восстания остается невыясненным. В 1647 г. Ибрагим I направил Хмельницкому лист, в котором призывал «жить дружно и согласно с крымским ханом» [4]. Вместе с тем, Порты выражала неудовольствие по поводу выступления татар на стороне казаков, поскольку подобные действия могли спровоцировать на ответный удар Речь Посполитую, что было недопустимо в условиях тяжелой Кандийской войны [1, с. 194]. Политики Речи Посполитой попытались воздействовать на султанское правительство, чтобы с его помощью отвлечь татарские силы от соединения с казаками. 1 июня 1648 г. канцлер Е. Оссолинский направил великому визирю Ахмед-паше письмо

с просьбой запретить татарам действия, нарушающие польско-османский договор. В конце июня 1648 г. в Варшаве получили грамоту Ислама III Гирея, в которой он утверждал, что предпринял свои акции против Речи Посполитой по приказу султана из-за невыплаты ею обусловленных договорами даров хану и грозил новыми нападениями, если не будет скорого погашения накопившейся задолженности по дарам и обеспечения запорожскому казачеству давних вольностей. Вместе с тем Ислам-Гирей подчеркнул, что пока прекращает боевые действия и отказывается от похода в Польшу, который ему запретил султан. В июле сенат Речи Посполитой направил в Стамбул требование о том, чтобы падишах не допускал участия крымчаков на стороне Хмельницкого, на что османское правительство дало согласие. Итак, Порта избегала вмешательства в восточноевропейский конфликт и предпочитала, чтобы бахчисарайский двор следовал той же линии.

После янычарского бунта 6 – 7 августа 1648 г. новым турецким султаном становится Мехмед IV (1648 – 1687). С этого момента в политике Османской империи намечается курс на поддержку борьбы крымского хана против «неверных», проще говоря теперь Порту вполне устраивает вступление татар в освободительную войну Хмельницкого. Третий общий поход крымцев и казаков произошел в 1649 г. Его результатом стал разгром войска Речи Посполитой под Збаражем 10 июля – 22 августа. В Зборовском договоре от 19 августа 1649 г. было сказано, что договор между собой заключают польский король и крымский хан. В тексте упоминалось, что король обещает давать крымскому хану и всем его ногайским ордам упоминки, как это было с давних времен заведено. Предписывалось доставлять их в Каменец-Подольский. Правитель Крымского ханства никаким образом не должен был вредить Речи Посполитой. Хан с запорожцами обещал отступить от Збаража, а польский король обязывался каждый год посылать дары *vergü* и подарки *riškeš*. По условиям Зборовского договора, под властью Б. Хмельницкого оказалась территория Черниговского, Киевского и Брацлавского воеводств, а казаческий реестр расширился до 40 тыс. Король обещал хану даровать помилование восставшим против него казакам. Зборовский мир фактически был первым документом, легитимизировавшим образование украинского государства Гетманщина [3, с.134 – 137]. Вместе с тем, условия его далеко не отвечали первоначальным гетманским надеждам. Впервые определилась противоречивость интересов ханства и гетманата. Крымцы отнюдь не стремились к чрезмерному усилению позиций своего союзника за счет ослабления Речи Посполитой, их традиционной политике получения «поминков», захвата добычи и пленных гораздо больше отвечало сохранение определенного равновесия между ними. В результате Зборовского договора хан получил право выступать в роли арбитра между сторонами в случае нарушения одной из них согласованных условий. Кроме того, польско-татарская часть Зборовского пакта была по сути дела оборонительно-наступательным союзом, предусматривавшим взаимопомощь при необходимости. Это давало возможность использовать его против России, к чему ханские политики стремились. Но соответствующие постановления имели и антиказацкое острие, создавая условия для польско-татарского сближения [5, с. 202].

В 1651 г., после небольшого периода мира и молдавской экспедиции Т. Хмельницкого в 1650 г., началась очередная фаза войны. Летом 1651 и 1652 г. Боевые действия шли с переменным успехом. В 1653 г. поляки начали наступление на Киевщину и Подолье, однако в сентябре-декабре 1653 г. были окружены в районе Жванца. 15 декабря с крымцами было достигнуто Жванецкое соглашение, по которому Ян Казимир подтверждал условия Зборовского мира, выплачивал хану 200 тыс. талеров и обещал давать упоминки в 30 тыс. талеров ежегодно. Несмотря на то, что в Жванецком соглашении были рассмотрены условия тяжелых для казаков украинско-польских договоренностей под Белой Церковью, Б. Хмельницкий решил изменить внешнеполитический курс и заключил союз с Россией, что привело к изменению расстановки политических сил [2, с.137 – 138].

В 1654 г. разразилась война России с Речью Посполитой (1654 – 1667), ставшая для последней настоящей катастрофой. Безусловно, для восточноевропейского региона данный конфликт явился во многом определяющим и задающим тон дипломатии политических игроков. Известно, что в течение 1655 г. крымский хан предпринимал активные попытки создания антирусского союза, куда наряду с Крымом вошли бы Речь Посполитая, Дания и Швеция. Попытки, однако, не увенчались успехом [2, с.142 – 145]. Смерть Б. Хмельницкого в 1657 г. обусловила политический кризис в Гетманщине, где одна часть старшины ориентировалась на Речь Посполитую, а другая часть была за союз с русскими. Крымчаки поддерживали казаков, равно как и поляков. 28 августа 1656 г. под Равой Мазовецкой крымцы разбили шведский отряд. В битвах под Простками они отсекали от брандбургских и прусских войск литовские силы Б. Радзивилла. После этой победы татарские отряды опустошили прусские земли, а также атаковали Подляшье, где захватили много пленных. В 1660 г. под Чудновым 29 тыс. поляков и 15 тыс. крымцев разбили русское войско. 3 августа 1662 г. татары повторили успех в битве под Бужином, что позволило Речи Посполитой удержать Правобережье. В целом же до завершения войны в 1667 г. Крымское ханство осуществило еще ряд достаточно успешных военных акций в поддержку Речи Посполитой, которые, однако, не смогли переломить общий ход противостояния Речи Посполитой с Россией.

Нужно отметить, что еще в 1663 г. фактически закрепился раздел Гетманщины на Правобережную пропольскую и Левобережную пророссийскую часть [2, с.149]. В 1665 г. гетманом Правобережья был избран П.Д. Дорошенко. Тогда же произошел резкий поворот во внешней политике Крымского ханства по отношению к Речи Посполитой. Дело в том, что Дорошенко в 1666 г. признал над собой власть Крымского ханства. Хан требовал от польского короля выплаты упоминков и соблюдать вольности казаков. В течение 1666 – 1667 гг. татарские отряды совершили ряд опустошительных набегов на Волынь и Подолье. Но в 1667 г. турецкий султан Мехмед IV подтвердил королю польскому и великому князю литовскому Яну II Казимиру (1648 – 1668) прежние мирные соглашения, вероятно желая отстраниться от агрессивных действий крымского хана [7]. В 1668 г. П. Дорошенко, пользуясь сложным положением русских, на небольшое время распространил власть на Левобережную Украину. Однако Андрусовский договор, которым, по выражению Дорошенко, «государи на части разорвали Украину» [6, с.80], положил конец надеждам запорожских казаков на полное объединение их края под властью царя и тем самым побуждал сторонников единства стать под знамёна гетмана Дорошенко, тем более что обнаруженные уже Москвой попытки централизации пугали запорожское казачество. Тем не менее, Правобережная Гетманщина была слишком слаба, чтобы собственными силами выполнить поставленную задачу. Дорошенко, одновременно угрожаемый Речью Посполитой и своим внутренним противником Суховиенко с крымскими татарами, не мог уже держаться своими силами даже на правом берегу и в марте 1669 г. созвал раду, на которой правобережное казачество решило подчиниться власти Османской Порты, а сам он перешёл в подданство турецкого султана.

Соглашение с турками лишило Дорошенко поддержки значительной части казаков. В 1670 г. он попытался захватить контроль над всей Украиной, а в 1671 г. крымского хана Адиль-Гирея, ставленника поляков, сменил Селим I Гирей (1671 – 1678; 1684 – 1691; 1692 – 1699; 1702 – 1704), ставленник турок, который вступил в союз с казаками Дорошенко. Объединённое войско было разбито войсками Яна Собеского, и хан попросил султана о помощи. Так пограничный конфликт перерос в очередную войну в 1671 г., а Османская империя увидела для себя реальную возможность получить контроль над Украиной.

В 1672 г. Турция, стремясь овладеть Украиной, начала против Речи Посполитой войну. Османские силы, насчитывавшие 80000 человек, во главе с великим визирем Кёпрюлю Фазылем Ахмед-пашой и султаном Мехмедом IV, вторглись в польскую Украину в августе, взяли Каменец-Подольский и осадили Бучач и Львов. Силы Собеского были слишком малы, чтобы остановить османов, и смогли добиться лишь нескольких незначительных тактических побед над отдельными турецкими подразделениями. Не подготовленный к войне и раздираемый внутренним конфликтом между королем польским и великим князем литовским Михаилом Вишневецким (1669 – 1673) и шляхетской знатью, сейм Речи Посполитой не мог действовать, чтобы поднять налоги и собрать большую армию. В итоге Речь Посполитая вынуждена была заключить с Турцией Бучачский мир 1672 г. Правобережная Украина передавалась гетману Дорошенко в качестве владения, зависимого от Порты; Подолье и Каменец напрямую входили в состав Турции как Каменецкий пашалык; Речь Посполитая уплачивала Османской империи контрибуцию и обязывалась выплачивать султану ежегодную дань. 23 октября 1672 г. Мехмед IV издал новый «акт завета», который повторял в первую очередь положения Бучачского мира, а затем подтверждал положения договора 1667 г. и делал акцент на своевременной выплате упоминков крымскому хану. Однако, этот договор не был признан ни сеймом Речи Посполитой, ни ее нобилитетом. Сейм большинством депутатов, объединённых гневом из-за территориальных потерь и унижительной дани, утвердил налоги на новую армию и принял на службу казаков Хоненко. Во время возобновлённых боевых действий великий коронный гетман Ян Собеский 11 ноября 1673 г. разбил турецкие войска Гусейна-паши во второй битве под Хотинем. Собеский планировал занять Дунайские княжества, но после битвы его войско стало расходиться [5, с. 123]. Потому пришлось ограничиться размещением гарнизона в молдавских крепостях - Сучаве, Хотине и Нямце. 13 декабря 1673 г. отряд М. Сенявского взял Яссы, но был вынужден оставить их в связи с подходом татарской конницы уже в январе следующего года [5, с. 123]. В том же году умер король польский и великий князь литовский Михаил Вишневецкий. Многочисленные победы на поле боя и полководческий талант в известной степени посодействовали избранию на престол Речи Посполитой Яна Собеского, который после элекционного сейма 19 мая 1674 г. был коронован под именем Яна III (1674 – 1696).

В течение следующего года войска Речи Посполитой стали сокращаться, так как сейм снова отказался повышать налоги и платить армии, в результате началось дезертирство. Проблемы усугублялись некомпетентным руководством гетмана Паца, который противился инициативам Собеского, в то время как османы продолжали получать подкрепления. Тем не менее в 1674 г. Речь Посполитая возобновила наступление, воспользовавшись отвлечением турок на войну с Российским царством (1672 – 1681). 6-тысячная армия Собеского разгромила 20 000 турок и татар под Львовом в августе 1675 г. В 1676 году

было отбито наступление турецко-татарских войск на Львов. Но невзирая на военные успехи, измощенная Речь Посполитая подписала с Османской империей Журавенский договор 1676 г. Под непосредственный контроль турок переходило Подолье, а Правобережная Украина за исключением Белоцерковского и Паволочского округов переходила под власть турецкого вассала - гетмана П. Дорошенка, превращаясь, таким образом, в османский протекторат.

В связи с неудавшимися планами по заключению антитурецкого союза России с Речью Посполитой после Андрусовского соглашения, летом 1677 г. в Стамбуле действовала дипломатическая миссия Я. Гниньского с целью нормализации уже польско-турецких отношений. Однако возникшие разногласия по поводу недавних территориальных потерь и несговорчивость османской верхушки не позволили Гниньскому добиться сколько-нибудь значительных успехов. Окончательно согласованный в начале апреля 1678 г. трактат был, в сущности, ратификацией Журавенского договора и свидетельствовал о полном поражении Речи Посполитой, к которой Турция продемонстрировала свое пренебрежение. Порта оставила за собой всю Украину и Подолье, за исключением отданных Речи Посполитой Белой Церкви и Паволочи. В то же время Речь Посполитая обязалась не поддерживать никого из противников султана и не предоставлять политического убежища никому из восставших против него подданных в Молдавии, Трансильвании и Валахии [3, с.66 – 69].

Таким образом, во внешней политике Речи Посполитой на южном направлении в 1648 – 1670-х гг. закрепились оборонительная тенденция. Правительство Речи Посполитой более не вынашивало планов во вторжении в Крым и овладении причерноморскими степями, а сосредоточилось на тщетных попытках удержать контроль над восставшими казаками во главе с Б. Хмельницким. Крымское ханство при этом продолжало лавировать между важнейшими политическими субъектами этого времени. В период Хмельниччины Ислам III Гирей оказывал активную поддержку казакам. Вместе с тем, с началом войны России с Речью Посполитой 1664 – 1667 гг., крымские татары напротив, содействовали войскам последней. Османская империя при этом предпочитала напрямую не вмешиваться в оба конфликта, поскольку ее основные ресурсы были задействованы на других военных театрах. Ближе к окончанию войны ситуация в регионе меняется: часть казачьей верхушки усматривает в Крымском ханстве, а затем и в Турции своего покровителя, чем не замедляет воспользоваться османский султан. Теперь в линии Порты и Крыма прослеживается четкая враждебность по отношению к Речи Посполитой, которая выразилась в польско-турецкой войне 1672 – 1676 гг., окончившейся для османов победой. К концу 1670-х гг. Речь Посполитая утратила территории Подолья и Правобережной Украины и находилась в чрезвычайно тяжелом политическом положении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. I.
2. Пилипчук Я.В. Крымское ханство и Европа в 1648–1682 гг. // Крымское историческое обозрение. - 2015. - №2. - С. 132-162.
3. Подхородецкий Л. Вена, 1683. М.: АСТ, 2002. - 98 с.
4. РГАДА. Ф. 89. Сношения с Турцией. Оп. 2. Грамоты. № 26
5. Семенова Л. Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX века. (Очерки внешне-политической истории.). - М.: Индрик, 2006. - 432 с.
6. Янин В.Л. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Том II. - 2-е изд. - Москва: Большая Российская энциклопедия, 1996. - 1341 с.
7. AGAD. – AKW. - Dział turecki. - K.77. – Teka T 453. - Nr 762

УДК 94:327(438):94:327(476)

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ В ВЕЛИКОЙ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1683–1699 ГГ.

П. Г. ФРАНЦКЕВИЧ

(Представлено: канд. ист. наук, доц. В. Е. ОВСЕЙЧИК)

В статье рассматривается участие Речи Посполитой в антитурецкой коалиции европейских держав в 1680 – 1690-х гг., более известной как Священная лига. Делается акцент на первостепенной роли Речи Посполитой в разгроме османского войска под Веной в 1683 г., а также на взаимосвязи затратных, но безрезультатных молдавских походах Яна III Собеского в 1690-х гг. и плачевном внешнеполитическом и экономическом положении Речи Посполитой к концу XVII в.

Победа в польско-турецкой 1672 – 1676 гг., а затем и русско-турецкой 1672 – 1681 гг. войнах позволила Османской империи достигнуть своего максимального расширения в Европе. Северная граница Порты достигала окрестностей столицы Священной Римской империи – австрийскому городу Вена, а северо-восточная приближалась ко Львову и Киеву. Речь Посполитая к началу 1680-х гг. находилась в состоянии внешнеполитического кризиса: военные потрясения 1650 – 1670-х гг. подорвали ее могущество и лишили огромных территорий как на востоке, так и на юго-западе. В условиях постоянной угрозы со стороны своих южных соседей, Австрия и Речь Посполитая заключили в 1683 г. антиосманский союз, который с присоединением к нему Венеции и Папской области оформился в 1684 г. в Священную лигу европейских стран [2, с.246]. Между тем, внимание Турции снова обратилось к Венгрии. Там уже достаточно продолжительный период шла борьба населения с тиранией Габсбургов. Некоторые из венгерских верхов снова начали искать поддержки у Турции, хотя и отдавали себе отчет в непопулярности таких шагов. После того, как венские власти начали самую суровую борьбу с протестантизмом, вероисповеданием всего патриотического и антигабсбургски настроенного венгерского дворянства, в 1672 г. началось широкомасштабное восстание. С 1678 г. им руководил талантливый дипломат и организатор Имре Тёкёли. Венгерское восстание встретило доброжелательное отношение Турции (хотя сам великий визирь Фазыл-Ахмед-паша был против открытой интервенции), как и со стороны воюющей с Австрией Франции и короля Яна III Собеского. Габсбурги ввязались в войну с Францией на Рейне (война Людовика XIV с коалицией европейских государств в 1672-1679 гг.). Поэтому повстанцы, которых называли куруцами, начали добиваться серьезных успехов, что вынудило венский двор отменить предыдущие суровые меры, вернуть сословное самоуправление в Венгрии и ослабить действия против протестантов. Однако Тёкёли не признал этих решений императора и продолжал борьбу, хотя и потерял многих сторонников. Когда после заключения мирных договоров с коалицией в 1678-1679 годах Франция перестала интересоваться венгерскими делами, Тёкёли остался без всякой поддержки, и в июле 1682 г. признал себя ленником султана. Ценой дани в 40 тысяч талеров в год он получил королевский титул и покровительство султана в борьбе с абсолютизмом императора Леопольда I (1658 – 1705). Новый великий визирь Кара-Мустафа-паша выхлопотал у султана письмо о союзе для предводителя венгерских повстанцев. Последний срочно послал своего посла в Турцию, который уговорил великого визиря помочь повстанцем силой оружия. 2 января 1683 г. Мехмед IV объявил о начале военного похода, а к концу июня 110-тысячное турецкое войско уже находилось поблизости от венгерской границы [1, с.13 – 17].

Как уже упоминалось ранее, 31 марта 1683 г. лихорадочно ищущая союзников Австрия заключила антитурецкий союз с Речью Посполитой, согласно которому Ян Собеский обязывался предоставить военную помощь Леопольду I, которая в результате мобилизации, была собрана уже к июлю. Корона снарядила на войну отряды, вошедшие в состав имперской армии, множество хоругвей, принявших участие в войне, но не входивших в состав основных сил армии, а также многочисленные отряды добровольцев. Общую численность сил, выставленных Короной в 1683 г., Ян Виммер оценивает в 37 тысяч человек, в том числе 6000 человек личных подразделений магнатов и 2000-3000 украинских казаков, также принимавших участие в войне против Турции. Труднее установить силы, которые выставило непосредственно ВКЛ. Полагают, что их численность составляла приблизительно 10 тысяч человек. Таким образом, всего Речь Посполитая призвала на турецкую войну около 47 тысяч человек, значительно больше, чем по союзному трактату с Австрией (40 тысяч) [1, с.79]. 14 июля 1683 г. Кара Мустафа подошел к Вене и начал осаду города. В связи с этим австрийцы упрашивали Собеского ускорить приготовления и выступить на помощь обороняющимся. Уже 6 сентября войско Речи Посполитой приблизилось к столице Священной Римской империи и соединилось с австрийскими союзниками. 12 сентября началось решающее сражение, продолжавшееся с 4 утра до позднего вечера, которое завершилось полным разгромом турок. Союз христиан перешел в контрнаступление.

Когда осенью 1683 г. мощные армии союзников воевали с турками в Австрии и Венгрии, в Подолье и на Украине было совершенно тихо. Блестящий успех, достигнутый под Веной, побудил вскоре Речь Посполитую к активности и на этой территории. Пребывавший до этого времени в Кракове кастелян Анджей Потоцкий собрал в конце сентября больше десятка хоругвей конницы и двинулся в Подолье, овладев по дороге слабо обороняемой турками крепостью Язловец. В это же время бельский стольник Анджей Сераковский, стоявший недалеко от Каменца-Подольского, атаковал и захватил большой транспорт с продовольствием, предназначенный для гарнизона этого города, разбив сопровождавший его усиленный турецкий конвой. Вскоре обе группы польских войск соединились и, рассеяв татарские отряды, грабившие Волынь, разгромили новые подкрепления турок, направлявшиеся в Каменец-Подольский, после чего отвоевали у них ряд населенных пунктов в Подолье. В результате молниеносных успехов поляков турки удержались только в Каменце-Подольском, Баре и Меджибоже. Против турок выступило также украинское население, отстранив от власти молдавского господаря Юрия Дука, который от имени султана управлял присоединенными к Османской империи территориями между Днестром и Днепром. От имени Собеского к борьбе с турками призывал казаков шляхтич Куницкий, назначенный королем казацким гетманом. Во главе наскоро образованной армии, насчитывавшей свыше десяти тысяч добровольцев, он взял Немиров, а затем Бар и Меджибож. В конце ноября овладел уже всеми землями у Днестра, после чего вошел в Молдавию. В это же время в ее границы вторгся и Стефан Петрицеицу, свергнутый несколько лет назад правитель этой страны, который пытался теперь с помощью поляков вернуть себе власть. Петрицеицу провозгласил себя господарем и призвал молдаван к борьбе с турками и их леником Дукой. Большинство населения с радостью восприняло освобождение из-под турецкого ярма и поддержало нового властелина, который с помощью поляков и казаков вскоре овладел всей Молдавией. Оказывая помощь Стефану Петрицеицу, власти Речи Посполитой рассчитывали, что при его правлении Молдавия вскоре окажется под протекторатом Речи Посполитой и станет ее буферным государством, защищающим их страну от прямого нападения турок с юга. Относительно легкое завоевание Молдавии обратило внимание Собеского на эту страну [1, с.185 – 186].

5 марта 1684 года в Линце состоялось подписание договора о создании «Священной лиги» в составе Польши, Австрии, Венеции и Папской области. По замыслу соглашения Польша должна была получить Молдавию и Валахию, которые признавались сферой ее интересов, Австрия получала право на завоевание всей Венгрии. Венеция обязалась заблокировать побережье Турции силами своего военного флота, пресечь доставку продовольствия в Константинополь, а также послать сухопутные войска с целью возвращения Мореи (Пелопоннеса) и Крита. Папа обещал «Священной лиге» моральную и финансовую поддержку. Члены лиги пытались втянуть в союз и Россию, имевшую издавна конфликты с Турцией из-за Украины. В Москве тоже отдавали себе отчет в предоставившейся возможности использовать поражение Турции под Веной и отвоевать себе территории на Украине, получить доступ к Черному морю. Однако вступление в лигу Россия ставила в зависимость от урегулирования взаимоотношений с Речью Посполитой, что и было осуществлено путем подписания между этими державами «Вечного мира» в 1686 г. [1, с.188 - 189]. Ставший в июле 1685 г. молдавским господарем Константин Кантемир, зная о военных приготовлениях Речи Посполитой, предлагал через своих послов гетману С. Яблоновскому не вступать на молдавскую территорию, а сосредоточить действия его армии на взятии Каменец-Подольска и разорении Буджака. Но Я. Собеский, сталкиваясь с серьезными трудностями при осаде укрепленной османами крепости, предпочел поход в Молдавию, рассчитывая таким путем не только получить территориальные приобретения, но и, отрезав османам пути снабжения крепости, заставить их сдать ее. В то же время эта военная кампания короля должна была отвлечь часть османских сил и тем самым в рамках лиги оказать помощь Габсбургам. В сентябре 1685 г. войска Речи Посполитой под командованием С. Яблоновского перешли Днестр и двинулись по Буковине. Застигнутая врасплох 1 октября неожиданным нападением османско-татарских сил у местечка Боян, армия гетмана оказалась в катастрофическом положении и была вынуждена отступить [2, с.249]. Несмотря на неудачу в Молдавии, Я. Собеский готовился к новому походу в 1686 г., чтобы завоевать Дунайские княжества, разорить Буджак и добиться сдачи османами Каменец-Подольска. В ходе подготовки этой кампании король стремился заручиться поддержкой К. Кантемира. При посредничестве вернувшегося на родину М. Костина он начал переговоры с молдавским господарем. Я. Собеский предлагал Кантемиру вступить в Священную лигу и был готов гарантировать ему наследственную власть в Молдавии, если княжество перейдет под покровительство Речи Посполитой. К. Кантемир обещал после вступления польских войск на молдавскую территорию оказать королю помощь военной силой и провиантом. Однако К. Кантемир оставался верным султану, а переговоры с Речью Посполитой, как в дальнейшем и с Габсбургами, велись им с целью обезопасить себя и сохранить престол в случае поражения османов. В конце июля 1686 г. армия Речи Посполитой вступила в пределы Молдавии и начала успешное продвижение по ее территории. 16 августа Я. Собеский торжественно въехал в Яссы. К. Кантемир, покинувший вместе со своими сторонниками столицу после появления в городе первого отряда поляков, обратился к боярам княжества

с призывом присоединиться к нему и выступить против врага. На сторону Собеского перешел только двухтысячный отряд молдавской кавалерии. Армия Яна Собеского оказалась в тяжелом положении. Не вступая в сражения, османо-татарские войска изматывали поляков внезапными нападениями. Они опустошали все по маршруту движения армии противника, которая нуждалась в провианте. Не только холод, но и сильная засуха изнуряла силы Речи Посполитой. Внезапно возникший в Яссах пожар не позволил королю закрепиться в столице княжества. Королевская армия, испытывая большие трудности и неся потери, отступила на территорию Речи Посполитой [2, с.250]. На других направлениях турок активно теснили австрийцы. Военные неудачи Османской империи вызвали изменения на троне в Стамбуле. В 1687 г. бунт янычар привел к устранению от власти Мехмеда IV. После него на трон вступил его брат Сулейман II, умерший после четырех лет правления. У руля власти его сменил не самый одаренный Ахмед II (1691-1695). В то время как на венгерском фронте Габсбурги шли от победы к победе, все более очевидной становилась неспособность Речи Посполитой продолжать войну. В 1688 г. королевская армия оказалась не в состоянии перейти Днестр. Разуверившись в возможности успеха Речи Посполитой в борьбе с османами, Константин Кантемир в 1689 г. открыто действовал в интересах Порты. Параллельно Ян III Собеский предпринимал попытки укрепить Священную лигу путем привлечения новых союзников. С этой целью он возобновил контакты с извечным врагом Порты – Сефевидской Персией. Первое письмо шаху Сулейману I (1666 – 1694) было послано еще перед венской битвой. После одержанной победы Ян III послал в Персию Богдана Грудзецкого, который горячо уговаривал шаха начать войну с Турцией. Шах принял поляка со всеми почестями, но в войну не вступил. Послы Речи Посполитой посетили Сефевидов 10 раз. Результатом этих поездок было лишь установление дипломатических и культурных контактов между двумя государствами. Письма Собеского были посланы также в империю Великих Моголов, Аравию и Эфиопию, которой Собеский советовал напасть на турецкий Египет. Одновременно король посылал посольства в страны Западной Европы [1, с.191]. В 1688 г. дело дошло до серьезного конфликта в Западной Европе, в который оказалась непосредственно вовлеченной Австрия. Против агрессивной политики Франции образовался мощный союз государств, названный Аугсбургской лигой, включавшей кроме Австрии Испанию, Швецию, многие германские княжества, Англию, Голландию, Баварию и Савойю. Участие Австрии в войне на Рейне отрицательно повлияло на ход борьбы против Турции, в результате в 1690 г. она потеряла Ниш, Белград и вынуждена была уйти из Сербии. Ян III начал уже серьезно опасаться, что все более втягивающаяся в ситуацию на Рейне Австрия заключит сепаратный мир с Турцией и перейдет на сторону Франции. Весной 1689 г. в переговоры вступили и остальные государства «Священной лиги». Речь Посполитая требовала возврата Каменца-Подольского, переселения татар в Азию, присоединения Молдавии и Валахии, а также права разделить с Россией черноморские степи. Турки не согласились на требования «Священной лиги». В ней были внутренние разногласия, особенно Леопольд I отрицательно относился к польским притязаниям на придунайские страны. Война по-прежнему продолжалась, несмотря на старания французской дипломатии склонить Порту к уступкам относительно Каменца-Подольского и Молдавии.

Летом 1691 г. Ян III еще раз отправился в Молдавию с 28-тысячной армией, включавшей как отряды собственно Речи Посполитой, так и казачьи войска. Поход вновь завершился неудачно, поскольку к этому времени пропольские настроения в Молдавском княжестве начали сменяться враждебностью к Речи Посполитой. Единственный успех всей операции – оставленные в нескольких захваченных молдавских крепостях гарнизоны. Основную выгоду из польского похода снова извлекла Австрия, которая после победы под Сланкаменом укрепила свою власть в Венгрии и части Сербии. Оказалось, что слабеющая Речь Посполитая уже не в состоянии завладеть Молдавией, которую защищали относительно небольшие силы мусульман и местного населения. Объективности ради следует сказать, что овладение территорией этой страны в целом было делом нелегким, так как содержание многочисленной армии в бедном и слабо заселенном крае создавало немало трудностей, а подвоз продовольствия из-за плохого состояния дорог и низкой в то время организации тыла был почти невозможен. К тому же климатические условия тоже не благоприятствовали Речи Посполитой. Между тем, в стране постепенно усиливалось отрицательное отношение к непрекращавшейся войне. Шляхта хотела мира, поэтому планы Яна III относительно Молдавии и Валахии не получили широкого признания. Единственное, с чем еще соглашались, это с действиями, способствовавшими возврату Речи Посполитой земель, утраченных в 1672 г. По мере растущих неудач общественное мнение в стране начало постепенно отворачиваться от венского победителя. В 1692 г. в Варшаву прибыл татарский посол Дервиш-Казы, который от имени хана и султана предложил Речи Посполитой мир и обещал возврат всех земель, захваченных Турцией в 1672 г. Ян III в последний раз предпринял попытку выйти из «Священной лиги» и согласился на переговоры. Однако январский сейм 1693 г., который должен был рассмотреть этот вопрос, был сорван подкупленными Веней сторонниками Австрии, а Порты вскоре отказалась от своих обещаний. Речь Посполитая по-прежнему вынуждена была вести эту безнадежную и ненужную войну, оставаясь уже только пассивным придатком «Священной лиги». В ходе этой долгой и изматывающей войны потерялась главная цель политики Яна

III - усиление королевской власти и обеспечение трона сыну Якубу путем его посажения на молдавский трон. Старый и больной король все больше терял энергию, а руль правления из его слабеющих рук брала в свои руки королева Марысенка. Военная и дипломатическая активность Речи Посполитой резко падала, а плоды венской победы собирали другие. В 1696 г. Россия благодаря донским казакам взяла Азов и получила выход к Азовскому морю. В это время Австрия с трудом отражала действия турок в Венгрии, однако после серии неудач 11 сентября 1697 г. под Сектой в Воеводине, на реке Тисе, принц Евгений Савойский во главе 40-тысячной армии разгромил почти 60-тысячную турецкую армию, которой командовал новый султан Мустафа II (1695-1703). Одержанная победа окончательно подтвердила превосходство Австрии над Турцией и закрепила ее завоевания на Балканах. В то же время Венеция, хотя и потеряла в 1695 г. остров Хиос, смогла результативно защитить Морею и укрепить свои владения в Далмации. Только Речь Посполитая тщетно пыталась завладеть Каменцом-Подольским и не сумела оказать сопротивления татарским набегам, которые в 1692, 1695 и 1698 гг. опустошили значительные территории страны [1, с.197 - 200].

17 апреля 1696 г. Ян III Собеский умирает. В Речи Посполитой начинается период бескорольев, повлекший за собой противостояние между группировками чрезмерно усилившегося рода Сапег и антисапежанской коалиции. Параллельно шла к завершению Великая Турецкая война. Лишь в результате длительной борьбы могущество Османской империи было подорвано общими усилиями коалиции европейских стран. При посредничестве Англии и Голландии воюющие стороны приступили к переговорам, которые привели к подписанию 28 января 1699 г. мирного договора в местечке Карловцы (Славония). Австрия получила всю Венгрию с Трансильванией, Славонией и жупы в Хорватии, без Баната и части Срема. Венеция оставляла в своих руках Морею (Пелопоннес), значительную часть территории Далмации, а также несколько островов в Ионическом и Эгейском морях. России достался Азов и право судоходства на Черном море. Речь Посполитая вернула в конце концов утраченные в 1672 г. Подолье, Украину и Каменец-Подольский [1, с.200 - 201]. 6-15 октября того же года между королем польским и великим князем литовским Августом II (1697 – 1704; 1709 – 1733) и султаном Мустафой II был подписан новый мирный трактат [3]. «Мир в Карловцах стал переломным моментом в новой истории Турции. Начатая Сулейманом Великолепным политика активной интеграции и участия Османской империи в европейском концерте тем самым была закончена, из субъекта она стала объектом европейской политики. С этого времени начались, с одной стороны, борьба европейских государств за наследство, доставшееся от Турции, а с другой стороны, попытки Турции удержать прежние владения и позиции» [1, с.201].

Таким образом, южный вектор внешней политики Речи Посполитой в 1680 – 1690-х гг. определялся апогеем противостояния непосредственно с Османской империей. Вмешательство Яна Собеского в осаду Вены турецкими войсками сыграло судьбоносную роль в судьбе всей Западной Европы, поскольку после поражения под стенами австрийской столицы осенью 1683 г., инициатива на Балканах перешла в руки христиан, которые двинулись на османов в контрнаступление. Для самой же Речи Посполитой участие в Священной лиге не принесло значительных плодов, кроме возвращения утраченных в 1672 г. по Бучачскому договору территорий. Затратные и неудачные молдавские походы Собеского поспособствовали давно начавшемуся политическому ослаблению подконтрольного ему государства. Вместе с тем, победа в Великой Турецкой войне смогла обеспечить относительную безопасность на южных рубежах государства, в связи с чем с началом XVIII в. вектор внешней политики Речи Посполитой смещается на восток и север.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подхородецкий Л. Вена, 1683. М.: АСТ, 2002. - 98 с
2. Семенова Л. Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX века. (Очерки внешнеполитической истории.). - М.: Индрик, 2006. - 432 с.
3. AGAD. – AKW. - Dział turecki. - K.78. – Teka T 507. - Nr 837

УДК 947.6(476)

**ГОРОД ВЕТКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ И АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ)****М. А. ЧУДОВ***(Представлено: В. И. МИШИНА)*

С началом оккупации города Ветки и Ветковского района фашистские захватчики устанавливали режим «нового порядка» и осуществляли геноцид местного населения. На основании ряда архивных документов и воспоминаний местных жителей в работе приведена характеристика оккупационного режима на рассматриваемой территории.

Малая родина имеет особое значение в судьбе каждого человека. Знания об истории родного края поддерживают преемственность поколений. Особую значимость имеет сохранение памяти о героическом прошлом родного края в годы Великой Отечественной войны.

Ворвавшись в мирное течение жизни, война коснулась каждого человека, отразилась на судьбах людей, навсегда осталась в их памяти, повлияв на мировоззрение и личностные качества.

17 августа 1941 года немецкие войска вошли в город Ветку. Началась фашистская оккупация, которая продолжалась до 28 сентября 1943 года. Более двух лет захватчики творили на Ветковской земле чудовищные преступления, грабили и убивали мирное население. В Музее боевой и трудовой славы Средней школы № 1 г. Ветки им. А. А. Громыко хранится большое количество документов, а также воспоминаний местных жителей, свидетельствующих о событиях тех лет. Среди них – воспоминания Г.Н. Тоткиной, А.С. Полякова, В.И. Бровикова

Галина Никитична Тоткина родилась в городе Ветка 22 сентября 1926 года. Отец, Латушкин Никита Карпович, работал плотником. Мать, Латушкина Мария Петровна, была домохозяйкой.

В начале июня 1941 года Галина Никитична окончила школу №1 г. Ветки, однако выпускной бал не состоялся. 22 июня Галина Никитична вспоминает с болью: «Стоял прекрасный солнечный день, вся семья была дома, воскресенье, я вместе с мамой работала на огороде, и в это время министр иностранных дел Молотов объявил, что Германия без объявления войны напала на советский союз. Все стали бегать по улицам, был сильный страх. Тогда всего мы не понимали, так как были еще детьми» [1].

Тяжелые годы пришлось на время оккупации. С отступлением Красной Армии многие двинулись на восток в поисках убежища. Галина с семьёй пешком дошли до Старого Закружья (деревня в Ветковском районе, за 20 км. от г. Ветка). Там их приютила гостеприимная женщина. Через месяц и в эту деревню пришли немцы. Вся Беларусь была оккупирована войсками противника. Бежать было некуда. Поэтому семья Галины решила вернуться домой в Ветку.

На оккупированной территории г. Ветки и Ветковского района фашистские захватчики ликвидировали систему органов Советской власти и установили жестокий оккупационный режим. В г. Ветка были созданы районная и городская комендатуры, отделения жандармерии. Комендатуры всех уровней вели контрразведывательную работу и боролись с советскими партизанами и парашютистами. Помимо этой специфической деятельности, комендатуры отвечали за организацию местного самоуправления, назначения старост, изъятия хлеба и сырья для нужд немецкой промышленности, организацию принудительной отправки граждан оккупированных областей на работу в Рейх, выявление и задержание советских военнослужащих, оказавшихся в немецком тылу [2]. Здание, где располагалась немецкая комендатура в Ветке, сохранилось до наших дней.

Галина Никитична являлась свидетелем этих событий, например, она могла знать Василия Терентьевича Самонова, начальника Ветковского района при оккупации, более подробная информация о котором содержится в фондах музея боевой и трудовой славы Средней школы №1 г. Ветки имени А.А. Громыко.

Так, в школьном музее имеются заверенные государственным архивом Гомельской области протоколы районных совещаний старост Ветковского района от 3 и 16 сентября 1942 года [3]. В фондах хранится документ, на котором стоит печать Ветковской районной управы. В протоколе совещаний старост в пункте №1 «Борьба с партизанами». Самонов «...указывает о необходимости тесной и своевременной связи населения с р/о полиции следить за появлением...партизан, о чём срочно доносить в район» [3].

Уже с 1941 года фашисты приступили к массовым расстрелам жителей Ветки и Ветковского района, в особенности евреев и военнопленных. Это были страшные времена, вспоминает Галина Никитична: «Людей выгоняли на улицы, не разрешали ничего с собой брать, гнали в определенное место, где уже были подготовлены траншеи. Земля аж качалась от трупов» [1].

По данным государственной комиссии по расследованию злодеяний и зверств, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками над мирными гражданами Ветковского района, оккупанты в 1941-1943 гг. совершили 4 массовых расстрела. 29 ноября 1941 года были расстреляны 16 человек — бывших бойцов народного ополчения [4]. Утром 3 декабря у элеватора были расстреляны 360 человек, в т. ч. и 9 военнопленных за попытку побега. Это был самый массовый расстрел людей в Ветковском районе [4].

Ветковчанина Андрея Степановича Полякова немцы, угрожая расправой, заставили хоронить трупы. Показания Андрея Степановича хранятся в фондах музея боевой и трудовой славы Средней школы №1 г. Ветки: «Когда мы начали закапывать расстрелянных, то в это время поднялась раненая женщина и сказала: «Не зарывайте меня живую, пристрелите». Тогда немецкий солдат сделал по ней десять выстрелов из винтовки... В момент, когда мы зарывали трупы, из-под земли доносились плач и стоны, потому что многих людей закапывали живыми» [5].

Помимо расстрелов, Ветковский район подвергался нескольким налетам. Галина Никитична Тоткина рассказывала, что во время бомбежки мама каждый раз прятала их: «Как только самолеты над нами, в блиндаж мама загоняла нас, страшно было, очень страшно» [1]. Только это сохранило им жизнь.

Местное население пряталось в лесах. Об этом также есть информация в воспоминаниях Владимира Игнатьевича Бровикова, **уроженца города Ветки, выпускника школы №1**: «...До заморозков жили в лесу в построенном собственными руками шалаше. В лесу укрывались также солдаты Красной Армии, отставшие от своих частей, и партизаны, собиравшие отряд в окрестностях Ветки. Они иногда делились с беженскими семьями своими скудными припасами...» [6].

В сентябре 1943 г. началось освобождение Ветковского района. Эти события также сохранились в памяти Галины Никитичны Тоткиной. Однажды вечером, когда вся семья находилась дома, в дверь постучали. На пороге стояли два солдата. Это были советские разведчики. Они расспросили о расположении немецких частей. Галина Никитична, несмотря на предупреждения матери об опасности, за время оккупации изучила нахождение фашистов и смогла с легкостью ответить на вопрос: «Немцев в Ветке нет, они засели в деревне Хальч». Разведчики ушли, сказав на прощание: «Ждите. Через день-два дня мы будем у вас». И действительно, через пару дней вся Ветка уже была заполнена советскими войсками: «Как наши пришли, было столько радости, тогда и начали как-то перестраивать свою жизнь» [1].

Таким образом, материалы воспоминаний местных жителей служат яркими иллюстрациями событий, разворачивавшихся в годы Великой Отечественной Войны на Ветковской земле. Они содержат свидетельства фактов злодеяний немецких захватчиков на территории района, массовых расстрелов мирных жителей и других бесчеловечных проявлений оккупационного режима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания Г.Н. Тоткиной (записаны А.В. Николиной в 2015 г.) - Музей боевой и трудовой славы Средней школы №1 г. Ветки им. А.А. Громыко.
2. Бессольнов, А.Б. Город Ветка и Ветковский район в годы фашистской оккупации. / А.Б. Бессольнов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibr.bsut.by/handle/123456789/3828> - Дата доступа: 06.08.2025
3. Музей боевой и трудовой славы Средней школы №1 г. Ветки имени А.А. Громыко. – Фонд “Оккупационный период на территории города Ветки и Ветковского района”. – Отдел “Протоколы районных совещаний старост Ветковского района”.
4. Луговская, В. О чем рассказывает архив / О. В. Луговская // Перамога Кастрычніка. — 1983 г. — 29 верасня.
5. Музей боевой и трудовой славы Средней школы №1 г. Ветки имени А.А. Громыко. – Фонд “Оккупационный период на территории города Ветки и Ветковского района”. – Отдел “Холокост”.
6. Музей боевой и трудовой славы Средней школы №1 г. Ветки имени А.А. Громыко. – Фонд “Знаменитые выпускники школы”. – Отдел “Бровиков Владимир Игнатьевич”.

УДК 947.6(476)

**ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ВЕТКОВЩИНЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ****М. А. ЧУДОВ****(Представлено: В. И. МИШИНА)**

На основании ряда документальных и нарративных источников в статье рассмотрены особенности развития партизанского движения в Ветковском районе и на прилегающих территориях в годы Великой Отечественной войны.

В июне 1941 года, когда гитлеровские войска группы армии «Центр» стремительно захватили Западную и Центральную Беларусь, Гомельская область находилась в статусе прифронтовой полосы. Несмотря на сложные обстоятельства, именно в это время Гомельщина оказалась в более благоприятных условиях для формирования партизанских отрядов и подпольных организаций по сравнению с другими областями Беларуси, захваченных противником раньше.

По данным командира соединения партизанских отрядов Гомельской области, секретаря Гомельского подпольного обкома КП(б)Б Ильи Павловича Кожара, к 4 августа 1941 года на территории 15 районов области действовало 58 партизанских групп, насчитывавших 1779 человек [1].

Также, по информации секретаря Гомельского обкома КП(б)Б Ф.В. Жиженкова, на 16 августа 1941 года в Гомельской области было создано 64 подпольных ячейки, насчитывающих 226 человек [1]. Эти данные свидетельствуют об активизации сопротивления на начальном этапе партизанского движения.

В конце июля - начале августа 1941 г. в связи с угрозой занятия противником территории Ветковского района, партийные органы, руководствуясь Директивой и Постановлением ЦК ВКП (б), которые обязывали все органы власти способствовать созданию партизанских организаций и других различных форм объединений, принимают решение о создании диверсионных групп под руководством Е.Т. Минина, К.Н. Селезнева, Е.М. Окунева, А.К. Ивковича непосредственно в Ветковском районе [1].

17 августа 1941 года немецкие войска вошли в город Ветку. Началась фашистская оккупация, которая продолжалась до 28 сентября 1943 года. Более двух лет захватчики творили на Ветковской земле чудовищные преступления, грабили и убивали мирное население.

После захвата Беларуси немецкие власти ввели новое административно-территориальное деление. В частности, территория современной Гомельской области была разделена следующим образом. Южная часть с населенными пунктами: Петриков, Лельчицы, Речица, Брагин, Мозырь – включена в состав рейхскомиссариата «Украина» (генеральный округ «Житомир»). Северная часть с населенными пунктами: Гомель, Жлобин, Ветка, Паричи – вошла в состав тылового района группы армий «Центр». Здесь базировались 221-я и 203-я охранные дивизии [2].

На оккупированной территории г. Ветки и Ветковского района фашистские захватчики ликвидировали систему органов Советской власти и установили жестокий оккупационный режим. В г. Ветке были созданы районная и городская комендатуры, отделения жандармерии.

Комендатуры всех уровней вели контрразведывательную работу и боролись с советскими партизанами и парашютистами. Помимо этой специфической деятельности комендатуры отвечали за организацию местного самоуправления, назначения старост, изъятия хлеба и сырья для нужд немецкой промышленности, организацию принудительной отправки граждан оккупированных областей на работу в Рейх, выявление и задержание советских военнослужащих, оказавшихся в немецком тылу.

Так, в протоколе совещаний старост Ветковского района в пункте №1 «Борьба с партизанами» содержится информация от Василия Терентьевича Самонова, начальника Ветковского района при оккупации. Самонов «...указывает о необходимости тесной и своевременной связи населения с р/о полиции следить за появлением...партизан, о чём срочно доносить в район» [3].

Фамилия «Самонов» также фигурирует в допросе дела № 144. Григорий Мякишев сообщает, что «...был вызван к бургомистру гор. Ветка Самонову, который предложил мне отремонтировать грузовую автомашину...». Позже Мякишев по приказу Самонова «...на своей грузовой автомашине от полицейского двора до элеватора к месту расстрела возил 10-12 человек евреев, которые по состоянию своего здоровья не могли сами следовать к месту расстрела...» [4].

Воспоминания местных жителей свидетельствуют о событиях того времени. Владимир Игнатьевич Бровиков, уроженец города Ветки, выпускник школы №1 отмечал: «...До заморозков жили в лесу в построенном собственными руками шалаше. В лесу укрывались также солдаты Красной Армии,

отставшие от своих частей, и партизаны, собиравшие отряд в окрестностях Ветки. Они иногда делились с беженскими семьями своими скудными припасами...» [5].

Несмотря на массовый террор оккупантов в Ветковском районе нарастало сопротивление. В августе 1941 г. в Ветковском районе был создан партизанский отряд.

Из Докладной записки А.М. Ефишкова в ЦК КП(б) об участии в партизанском движении в Ветковском районе: «17 августа с.г. наш Ветковский р[айон] был занят немцами [6]. Как известно отряд был разбит на 5 групп. Командиром отряда был Окунев. 19 августа все группы были объединены в одно место. К концу августа из этих пяти групп, имевших по 10-12 чел., осталась только лишь одна группа тов. Лапицкого в количестве 7 человек, в этом числе и А.М. Ефишков. Остальные группы вместе с командирами групп и командиром отряда Окуневым разошлись из отряда – часть по домам, а частично пошли через фронт, предварительно разграбив точки продуктов питания, взяв одежду и деньги. Также известно, что командиры групп не противодействовали своим бойцам, и вскоре сами попали под их влияние. То же самое случилось и с командиром отряда Окуневым: «Я остался в группе тов. Лапицкого, которая осталась единственной из всего отряда» [6].

Сведения о судьбах командиров партизанских отрядов, действовавших на территории Ветковского района, находятся в деле №144 [4]. Из показаний Григория Мякишева следует, что «...Командиром партизанского отряда являлся Грецкий имя и отчество не помню. Убит немцами в 1941 году. Так же руководителями отряда являлись Ивкович Алексей б/прокурор Ветковского района и Иванов имя и отчество не знаю б/председатель колхоза...Ветковского р-на. Убит немцами в 1941 году...» [4].

В обвинительном заключении по следственному делу № 144 по обвинению Григория Степановича Мякишева было указано, что «... в августе 1941 года являясь партизаном-шофёром Ветковского партизанского соединения бежал на автомашине из расположения отряда к немцам в г. Ветку. Сдав автомашину и горючее, вступил в преступную связь с немецкими захватчиками, участвовал в карательной деятельности оккупантов по истреблению мирного советского населения и партизан, т.е. в преступлении, предусмотренной ст.63-2 УК БССР... » [4].

В октябре 1941 года по заданию Гомельского подпольного обкома партии на связь с партизанами и Ветковским подпольным райкомом партии была направлена Анастасия Васильевна Платонова – связанная из Лоевского партизанского отряда «За Родину». По сведениям, полученным Анастасией Платоновой от местных жителей города Ветки, Ветковский отряд был разбит карателями, а в районе произведены аресты коммунистов и советских активистов [7].

Сложная ситуация, в которой оказалось партизанское движение в городе Ветке и Ветковском районе, не прекратила движение сопротивления на оккупированных территориях. Население искало возможность попасть в партизанские отряды на соседних территориях.

Об этом свидетельствуют, например, воспоминания Елены Давыдовны Шанович, жительницы города Ветки, выпускницы школы №1, о её деятельности в партизанском отряде в районе Чечерского леса [8]. По описанию, речь идёт о партизанском отряде, который в начале декабря 1941 года был создан в Чечерском районе, объединив в себе 2 партизанских отряда: Гомельский городской и Гомельский сельский [9]. Командиром отряда был назначен Петр Балыков (именно его фамилия упоминается в воспоминаниях), комиссаром – Павел Дедик.

По словам Елены Давыдовны, она успела закончить семилетнее обучение до 1941 года. После оккупации города Ветки, где немцы «...начали бесчинствовать, уничтожать и истреблять мирное население... мне помогли добраться в партизанский отряд ... в Чечерских лесах. В то время командиром партизанского отряда был Балыков П. В отряде я была принята в комсомол. Вместе со мной были многие товарищи, которые проявляли себя в борьбе с немецкими захватчиками» [8].

Елена Давыдовна очень подробно описывает историю боевого задания, целью которого было вывести из строя водонапорную башню. Операция получила название «Спектакль с фейерверком», где объектом для взрыва являлась водокачка, которая находилась между деревнями Силец и Рудня и в непосредственной близости от железной дороги Минск – Гомель: «На реке между деревнями Силец и Рудня стояла водокачка, которая поила водой все паровозы» [8]. Стратегический объект охраняли мадьяры – мобилизованные венгры. Главная роль в этой операции отводилась «артистке». По словам Елены Давыдовны, это была «одна из опытных разведчиц – переводчица в немецкой комендатуре, в «подголоски» была направлена я. На вечеринку был приглашён комендант, который пришел с двумя младшими офицерами. Много вина принесли. «Артистку» звали тоже Леной, поэтому меня прозвали маленькой Леной... Мы открыли на кухне бутылки с вином, налили партизанского спирта. С первого глотка комендант и его приближённые уже опьянели и потребовали песню, артистка запела... а мне приходилось станцевать по заказу пьяного коменданта «Цыганочку». В ходе веселья, пьяного коменданта закрыли в комнате, а два офицера были застрелены партизанами. Переодевшись в офицерскую форму, партизаны предложили присоединиться охране водокачки к веселью. Они предлагали мадьярам выпить за здоровье их девушек, которые ждут их на родине «... у

них такой обычай был с детства, грех от угощения отказаться выпить...» [8]. Во время веселья, группа партизан взорвала водонапорную башню.

В ходе выполнения задания партизаны забрали у противника «28 винтовок, 4 ящика гранат, 10 тысяч патронов, один станковый пулемёт... За выполнение этого задания все получили правительственные награды, в том числе и я получила медаль «За боевые заслуги» [8].

Партизанский отряд в районе был воссоздан только в июле 1943 г. из бойцов первой Гомельской бригады. Ветковский отряд им. А.В. Суворова возглавили: командир – Павел Елисеевич Чемерицкий, комиссар – Иван Филиппович Коротчиков [3].

Весной 1943 г. на Гомельщине активно формировались партизанские бригады, объединявшие несколько отрядов, действовавших, как правило, на территории одного района. С марта по октябрь 1943 года были созданы Добрушская бригада им. И. В. Сталина, 1-я Гомельская партизанская бригада и партизанская бригада «Большевик», действовавшие в Ветковском, Светиловическом, Добрушском, Тереховском, Кормянском, Лоевском, Гомельском, Буда-Кошелевском, Чечерском, Речицком, Василевическом, Уваровическом и Хойникском районах [7].

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют, что в начале развития партизанского движения на Ветковщине сложилась сложная ситуация: недостаточная материальная база и вооружение, отсутствие опыта борьбы в тылу врага, создание и размещение в городе Ветке немецкой комендатуры. Отряды, организованные для боевых действий в Ветковском районе в 1941 году, после нескольких боев с противником рассредоточились на небольшие группы или были уничтожены в результате предательства и карательных мероприятий. Многие партизаны присоединились к другим партизанским отрядам. В источниках практически не содержится информация о каких-либо значимых операциях партизан на рассматриваемой территории в начальный период войны. Воссоздание партизанского отряда на территории Ветковского района произошло только в июле 1943 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Электронная библиотека исторических документов. - Гомельщина партизанская. Вып.1. Начало. Июнь 1941 г. - май 1942 г.: Сб. док. и материалов. – Минск: НАРБ, 2010. (95) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/760514> - Дата доступа 19.08.2025 г.
2. Без срока давности. Геноцид. Гомельская область / редкол.: С.М. Беспалый (гл. ред) и др. ; под общ. ред. И.И. Крупко. - Гомель : Редакция газеты "Гомельская праўда", 2023. - 203 с.
3. Памяць: гістарычна-дакументальная хроніка Веткаўскага раёна. У 2-х кн. Кн.2. – Мн.: БЕЛТА, 1997. – 464 с.
4. Музей боевой и трудовой славы Средней школы №1 г.Ветки имени А.А.Громыко. – Фонд “Партизанское движение. Ветковский партизанский отряд”. – Отдел “Дело № 144”.
5. Музей боевой и трудовой славы Средней школы №1 г.Ветки имени А.А.Громыко. – Фонд “Знаменитые выпускники школы”. – Отдел “Бровиков Владимир Игнатьевич”.
6. Докладная записка А.М. Ефишкова в ЦК КП(б)Б об участии в партизанском движении в Ветковском районе. 6 декабря 1941 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 77. Л. 129. Подлинник. Рукопись. Машинописная копия, д. 21, л. 49-50 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/204614> - Дата доступа: 20.08.2025г.
7. Бессольнов, А.Б. Город Ветка и Ветковский район в годы фашистской оккупации. / А.Б. Бессольнов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsut.by/handle/123456789/3828> - Дата доступа: 19.08.2025
8. Музей боевой и трудовой славы Средней школы №1 г. Ветки имени А.А.Громыко. – Фонд “Партизанское движение. Ветковский партизанский отряд”. – Отдел “Е.Д. Шанович”.
9. Чечерщина партизанская: по следам военных лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.checherskivestnik.by/?p=51488>. - Дата доступа: 21.08.2025 г.

УДК 902.2(476)

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ НА ТЕРРИТОРИИ ШУМИЛИНСКОГО РАЙОНА

В. А. ШЕВЯКО

(Представлено: канд. ист. наук, доц. И. В. МАГАЛИНСКИЙ)

Представлены результаты изучения актуального состояния и степени сохранности памятников археологии на территории Шумилинского района Витебской области, включённых в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь (далее - Госсписок). В ходе работы автор приходит к заключению, что охране археологического наследия на территории района не уделяется должного внимания.

Памятники археологии – археологические объекты и артефакты, которым в соответствии с действующим законодательством присвоен статус историко-культурной ценности. При этом данный статус может быть присвоен только изученным, а не просто выявленным археологическим объектам [3].

В настоящее время в белорусской археологии остро стоит вопрос инвентаризации памятников археологии на территории отдельных районов, проверка их текущего состояния, а также включение некоторых объектов в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь

На территории Шумилинского района находится 11 памятников археологии, включённые в состав Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь. В ходе исследования данной категории объектов историко-культурного наследия были осуществлены выезды, с целью выявления их актуального состояния и инвентаризации, в ходе которых была осуществлена фотофиксация и контрольные обмеры. Выезды осуществлялись в осенний (13.10. – 09.11.2024) и весенний (29.03. – 06.04.2025) периоды.

Во время осеннего периода были обследованы следующие памятники: курган у дороги Н-3953 «Шумилино-Башни-Тербешово» на отрезке Шумилино-Лесковичи; курганы у д. Соснино и д. Илово; курганный могильник у д. Войловичи; городище в д. Бокишево и д. Городно.

Во время весеннего периода были обследованы следующие памятники: курганные могильники у д. Красомай и д. Узречье, городище у д. Гали, замчище Козьян, также повторно был обследован могильник у д. Войловичи.

Таким образом, были обследованы все, занесённые на данный момент в Госсписок памятники, за исключением городища у д. Синяково.

Погребальные памятники на территории района представлены двумя категориями: 1. Курганами; 2. Курганными могильниками.

1.1 Курган в 0,9 км на север от д. Лесковичи, расположенный у дороги Н-3953 «Шумилино-Башни-Тербешово» на отрезке Шумилино-Лесковичи прилегает непосредственно к краю дороги. На его вершине произрастает старая сосна, которая в случае обрушения может значительно повредить данный памятник. При осмотре объекта кладонисательские ямы обнаружены не были. С восточной стороны курган незначительно повреждён противопожарной опашкой. Состояние кургана можно оценить как удовлетворительное, однако он разрушается корневой системой произрастающего на нём дерева. На западной стороне установлен бетонный столб с охранной доской историко-культурной ценности.

1.2. В 0,4 км на юго-запад от д. Соснино, справа от полевой дороги Соснино-Новое Село, расположен курган. На его поверхности были обнаружены неглубокие ямы. Курган порос кустарником и мелкими деревьями. Рядом с ним установлен столб из нержавеющей стали с охранной доской историко-культурной ценности. Состояние кургана удовлетворительное, однако он разрушается корневыми системами многочисленных произрастающих на нём деревьев.

1.3. Курган, расположенный на правом берегу р. Западной Двины, в 50 м восточнее д. Илово, сильно порос деревьями и кустарником. На всей его поверхности наблюдается большое количество ям. Юго-восточная часть насыпи была утрачена подмывающей курган р. Западной Двиной. В 2016 г. часть кургана была раскопана П.С. Курлович, в 2017 г. В.В. Черевко [2; 12]. Охранная доска историко-культурной ценности обнаружена не была.

2.1. Курганный могильник, расположенный в 1,2 км на юг от д. Войловичи обследовался как в осенний, так и в весенний периоды. Исходя из описания местности в археологических отчётах, а также фотографий с сайта heritage.gov.by был выполнен выезд на место расположения могильника [1]. Однако, в осенний период насыпи на территории обнаружены не были, как оказалось позже – из-за растительности. Наблюдения показали наличие большого количества ям на территории могильника. Весенними обследованиями были выявлены два малозаметных следа курганов. Первый представляет собой невысокое кольцевое земельное возвышение (высота до 0,2 м и ширина – 0,3 м) с большой прямоугольной ямой по

середине. Вторая насыпь малозаметна, возможно, её часть когда-то была засыпана при раскопке кургана, расположенного рядом. Его высота – около 1 м, курган прорезан в середине, имеет оплывший кольцевой ровик (?). Согласно публичной кадастровой карте (далее – ПКК), могильник имеет охранную зону площадью 4,73 га, однако, обозначенная там территория не является территорией могильника, поэтому его площадь недействительна [6]. Охранная доска историко-культурной ценности, которая исходя из фотографий с сайта heritage.gov.by должна была находиться в ветках кустов, была обнаружена только во второй раз. Она лежала на земле под опавшими листьями. Курганный могильник следует считать утраченным.

2.2. Курганный могильник в 0,25 км на северо-восток от д. Красомай (1,5 км. на север от д. Козьяны) расположен по обе стороны лесной дороги, ведущей к замчищу и состоит из более 30 курганов, высотой от 1 до 4 м и диаметром 10-15 м. Большая их часть имеет сохранившиеся кольцевые ровики. Могильник сильно порос кустарником и деревьями. Все они имеют повреждения разной степени. Самые распространённые – прямоугольные ямы по середине, глубиной 0,5-1,5 м. и «стреловидные» боковые повреждения, доходящие до середины кургана. На территории могильника находится большое количество кладоискательских ям, вполне возможно, ранее на этих местах находились небольшие курганы. К моменту исследования (апрель 2025) повреждения можно отнести к 5–20 летней давности. В свою очередь «стреловидные» повреждения части курганов являются наиболее старыми, о чём свидетельствуют произрастающие деревья, особенно это заметно с северной стороны, где к могильнику прилегает ранее распаханное поле, на котором в данный момент произрастают так называемые «посадки». В 120 м восточнее большей части могильника расположены 2 достаточно больших кургана, которые также имеют сильные повреждения в верхней части, глубиной до 1,5 м. В 50 м севернее располагается курган поменьше, имеющий подобные повреждения. Согласно ПКК, могильник имеет охранную зону площадью 3,02 га без учёта восточной территории [4]. Вполне вероятно, что часть курганов была утрачена, т.к. курганы находящиеся на периферии прилегают к полям с современными посадками. В случае дальнейшего воздействия чёрных копателей могильник может быть утрачен. Могильник требует проведения комплексных археологических исследований. Охранная доска историко-культурной ценности и информационная табличка установлены у дороги перед могильником.

2.3. Могильник у д. Узречье состоит из трёх курганов, находящихся слева от дороги, расположенных друг от друга в 15 м. Могильник порос кустарником и деревьями. Состояние курганов крайне плохое. Все они значительно повреждены в середине и по периферии. По словам местных жителей, насыпей было больше, но они были раскопаны много лет назад. Согласно ПКК, могильник имеет охранную зону площадью 0,64 га [7]. Охранная доска историко-культурной ценности обнаружена не была.

На территории района находится 4 городища:

1. Площадка городища, расположенного на юго-востоке д. Бокишево занята действующим кладбищем. Склоны городища достаточно круты и сильно поросли кустарником и деревьями. На севере близ городища находится селище, которое также поросло деревьями и кустарником. На востоке сохранились остатки сильно оплывшего рва. Согласно ПКК, городище имеет охранную зону площадью 0,88 га [9]. Охранная доска историко-культурной ценности обнаружена не была.

2. Городище в 0,25 км на юго-восток д. Городно. Площадка городища незначительно поросла кустарником. Кладоискательские ямы были обнаружены в малом количестве. На южной части площадки городища незадолго до исследования была вырублена часть молодых деревьев. Городище имеет крутые склоны, которые с западной и южной сторон достаточно сильно поросли деревьями. Состояние городища можно оценить как хорошее. Согласно ПКК, городище имеет охранную зону площадью 1,08 га [10]. Охранная доска историко-культурной ценности обнаружена не была.

3. Городище в 3 км северо-западнее д. Гали в урочище Городище находится в лесу по левую сторону от лесной дороги. Оно практически незаметно из-за сильной растительности. Кладоискательские ямы не выявлены. Согласно ПКК, городище имеет охранную зону площадью 0,94 га [11]. Охранная доска историко-культурной ценности обнаружена не была.

4. Городище у д. Синяково обследовано не было. Согласно ПКК, городище имеет охранную зону площадью 0,88 га [8].

Ещё одним памятником археологии является замчище у д. Козьяны на его площадке произрастают молодые хвойные деревья, так называемые «посадки». Кладоискательские ямы обнаружены не были. На территории присутствуют следы многочисленных кострищ. Согласно ПКК охранная зона замчища имеет площадь 1,59 га [5]. Состояние площадки хорошее. Охранная доска историко-культурной ценности располагается у дороги к замчищу.

Таким образом, было установлено, что в настоящий момент охране археологического наследия на территории района не уделяется должного внимания. Все памятники археологии имеют повреждения разной степени, в связи с чем, они могут быть утрачены, либо уже утрачены. Дабы предотвратить подобное, следует проводить более частые инспекции на объекты археологии и фиксировать их текущее со-

стояние, а также проводить инвентаризацию объектов, т.к. охранные доски историко-культурной ценности были обнаружены только на 5 из 10 обследованных памятников (50%).

Охрана памятников археологии является важной задачей, направленной на сохранение культурного наследия. Эти объекты несут в себе уникальную информацию о прошлом, а также помогают изучать развитие населения региона. Однако в современных условиях археологические памятники сталкиваются с множеством угроз, включая антропогенное и природное влияние. Для эффективного их сохранения необходимо комплексное применение законодательных, технических, образовательных и общественных мер.

Ниже будут приведены предложения по совершенствованию охраны археологических памятников на территории Шумилинского района, предложенные на основании обследований, проводимых осенью 2024 г. и весной 2025 г.

1. Внедрить план мониторинга для регулярного патрулирования археологических объектов с целью контроля их состояния и инвентаризации. Создать 3D-модели, цифровые и бумажные архивы памятников, с целью сохранения информации в случае их разрушения или утраты;

2. Разработать и внедрить систему круглосуточного фото- и видеонаблюдения с использованием камер высокого разрешения и фотоловушек для охраны уязвимых археологических памятников, включая возможность удалённого мониторинга и автоматического оповещения охранных служб при зафиксированных нарушениях. Возложить закупку и установку приборов на собственника историко-культурной ценности;

3. Проводить образовательные программы и лекции для населения о значимости археологических памятников. Провести курсы для сотрудников правоохранительных органов о важности охраны археологических памятников;

4. Использовать республиканские и региональные средства массовой информации для привлечения внимания к проблемам разрушения памятников. Подготовить серию видеосюжетов, транслируемых на государственных телеканалах и интернет-платформах, посвящённых угрозе исчезновения археологических памятников. Публикации в печатной прессе и на интернет-платформах должны поднимать вопросы сохранности, популяризации и научной значимости объектов. В интервью участвуют археологи, краеведы, представители органов охраны историко-культурного наследия;

5. Удалить/уменьшить количество потенциально повреждающей растительности с территории археологических памятников. Возложить эти обязательства на собственника.

6. Расширить границы охранной зоны курганного могильника у д. Красомай, путём включения его восточной части. Таким образом, границы будут увеличены примерно на 200 м;

7. Включить археологический комплекс «Кордон» в Государственный список историко-культурного наследия Республики Беларусь;

8. Исключить курганный могильник у д. Войловичи из Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь.

Разрушение археологических памятников в результате деятельности «чёрных копателей» представляет собой серьёзную угрозу для сохранения культурного наследия. Незаконные раскопки приводят к утрате ценной информации, уничтожению исторического контекста и бесконтрольному вывозу артефактов. В связи с этим возникает необходимость регулярного пересмотра перечня археологических памятников ввиду их уничтожения. К таковым можно отнести курганный могильник у д. Войловичи. Как упоминалось ранее, могильник подвергался систематическим неконтролируемым раскопкам со стороны «чёрных копателей». Для подтверждения факта уничтожения могильника следует руководствоваться мерами, предусмотренными артикулом 94 кодекса об культуре.

Также следует уделить внимание и другим обнаруженным археологическим памятникам, обладающих историко-культурной значимостью, но не включенным в состав Госсписка. Они требуют более детального изучения и проведения дополнительных археологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курганні магільнік в. Войлавічы – Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь [Электронны ресурс]. – Режим доступа: <https://heritage.gov.by/catalog/kurganny-mogilnik-846>. – Дата доступа: 15.03.2025.
2. Курловіч П.С. Курган (?) каля вёскі Ілава Шумілінскага раёна Віцебскай вобласці (паводле археалагічных і антрапалагічных даследаванняў 2016 г.) / П. С. Курловіч [і інш.] // МАБ: зб. навук. арт. – Мінск, 2018. - Вып. 29: Даследаванні пахавальных і пасяленых помнікаў эпохі сярэднявекі і Новага часу на тэрыторыі Беларусі і суседніх краін. – С. 242–254.
3. Охрана археологического наследия. Витебский областной исполнительный комитет. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vitebsk-region.gov.by/ru/oxrana-arxeologicheskogo-nasledija/>. – Дата доступа: 25.01.2025.

4. Публичная кадастровая карта. Территории специализированного режима пользования. Земли историко-культурного назначения. Курганный могильник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://map.nca.by/search/9e940fb4-ee8e-46f4-94f4-8827d90185cahttps://vitebsk-region.gov.by/ru/oxrana-arxeologicheskogo-nasledija/>. – Дата доступа: 02.04.2025.
5. Публичная кадастровая карта. Территории специализированного режима пользования. Земли историко-культурного назначения. Замчище (Козьянский замок). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://map.nca.by/search/9e94243d-f492-469d-bcc9-1220d2c718b1https://vitebsk-region.gov.by/ru/oxrana-arxeologicheskogo-nasledija/>. – Дата доступа: 02.04.2025.
6. Публичная кадастровая карта. Территории специализированного режима пользования. Земли историко-культурного назначения. Курганный могильник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://map.nca.by/search/01962a10-a0c0-73d4-a51a-96ba13cb1e4c>. – Дата доступа: 02.04.2025.
7. Публичная кадастровая карта. Территории специализированного режима пользования. Земли историко-культурного назначения. Курганный могильник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://map.nca.by/search/01962a14-c8eb-72cf-8462-bd703fd4e396>. – Дата доступа: 02.04.2025.
8. Публичная кадастровая карта. Территории специализированного режима пользования. Земли историко-культурного назначения. Городище. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://map.nca.by/search/01962a1b-952c-720c-af0c-6293b9c8ac84>. – Дата доступа: 02.04.2025.
9. Публичная кадастровая карта. Территории специализированного режима пользования. Земли историко-культурного назначения. Городище. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://map.nca.by/search/01962a1c-49ee-71ec-a240-59c8feb16d3e>. – Дата доступа: 02.04.2025.
10. Публичная кадастровая карта. Территории специализированного режима пользования. Земли историко-культурного назначения. Городище. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://map.nca.by/search/01962a1e-5f44-73df-bf9d-1c2899341d6a>. – Дата доступа: 02.04.2025.
11. Публичная кадастровая карта. Территории специализированного режима пользования. Земли историко-культурного назначения. Городище. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://map.nca.by/search/01962a20-521d-7032-9fc4-199b7707962e>. – Дата доступа: 02.04.2025.
12. Черевко В.В. Погребально-поминальная обрядность позднесредневекового могильника у деревни Илово (по материалам исследования 2017г.) / В.В. Черевко // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Шумілінскі край: зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; навук. рэд. В. М. Ляўко рэдкал.: В. В. Даніловіч [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2018. – С. 174–187.

УДК 902(476)

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ШУМИЛИНСКОГО РАЙОНА В 1933–1985 ГГ.****В. А. ШЕВЯКО***(Представлено: канд. ист. наук, доц. И. В. МАГАЛИНСКИЙ)*

Рассмотрена история изучения археологических объектов на территории Шумилинского района в 1933–1985 гг. Дана их краткая характеристика. В ходе работы автор приходит к заключению, что наибольшее количество экспедиций были направлены на изучение южной части района, с большего это представлено территории у русла р. Западной Двины и её притоками.

Археологическое наследие Шумилинского района Витебской области представляет значительный интерес для изучения процессов заселения, культурного и хозяйственного развития Верхнего Подвинья в средние века. Несмотря на сравнительно ограниченную площадь территории, здесь зафиксировано значительное количество археологических объектов различного типа и хронологии.

Первые археологические исследования в XX веке на территории Шумилинского района были организованы в межвоенный период. Так, в 1933 г. в рамках экспедиции секции археологии Института истории АН БССР по реке Западная Двина и её притокам под руководством А.М. Лявданского, К.М. Поликарповича и А.Д. Ковалени был обнаружен ряд археологических памятников, в т.ч. и на территории Шумилинского района. Таковыми оказались: городища у деревень Синяково, Мишковичи, Андреево, городище с селищем у д. Кордон и д. Бокишево [3, с. 112].

В 1965 г. во время поиска Г.В. Штыховым захоронений полоцких кривичей и мест их поселений, он обратил внимание на сообщение Лявданского об обнаружении городища с землянкой у д. Кордон. Однако, посетив деревню и её окрестности, городище Штыховым обнаружено не было. По его предположению, оно было окончательно размыто водой [12, с. 16–17]. В 1981 г. Э.М. Зайковский локализовал Селище-1 у д. Кордон [5, с. 6–7].

В 1972 г. городище Бокишево было обследовано М.М. Чернявским. По его наблюдениям, площадка городища огорожена с наземного бока глубоким и широким, обплывшим и распаханым рвом. На территории городища расположено кладбище. С северной стороны городища расположено селище [11, с. 28]. В 1981 г. городище повторно было обследовано Э.М. Зайковским, в отчёте он указывает, что охранный знак был ошибочно установлен на поле, рядом с городищем [5, с. 10].

В 1972 г. городище у д. Синяково обследовал М.М. Чернявский. Он отмечал, что в урочище «Городище» находится городище с треугольной площадкой около 100 м., которое укреплено с наземной стороны глубоким, однако, на тот момент распаханым рвом. На некоторых местах городища сохранился культурный слой [11, с. 28]. В 1981 г. городище исследовал Э.М. Зайковский, по его наблюдениям, городище имеет трапециевидную форму с размерами 120×80×50 м. [5, с. 16].

В 1951 г. на территории района Л.В. Алексеевым были обнаружены 2 городища. Одно находится в 250 м. от д. Городище Казьянского с/с. «Городище окружено валом, идущим ниже площадки городища. Культурный слой – 50–60 см. Керамики не обнаружено. При зачистке одной из ям найден железный втульчатый наконечник колья с металлическим стерженьком внутри для укрепления древка, форма колья позволяет датировать городище – XI–XII в.» [2, с. 10]. В 1981 г. обследовал А.М. Гutowский* [6, с. 467].

Второе городище расположено неподалёку от д. Гали на невысоком холме около озера [2, с. 11] в урочище Победники [1, с. 284]. Площадка городища вытянута и ограждена с двух сторон рвами и невысокими валами. Культурного слоя, как и находок, Алексеевым обнаружено не было [2, с. 11]. В 1981 г. Э.М. Зайковский городище не обнаружил [5, с. 11].

В 1959 г. был издан артикул Л.В. Алексеева "Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. (Материалы к археологической карте Витебской области БССР)", в ней была размещена археологическая карта Витебской области. На ней обозначено 7 городищ на территории Шумилинского района: Андреево, Бокишево, Гали, Городище, Запрудье, Кордон, Синяково [1]. В 1959 г. вышел артикул «Городище Заговалино Ушачского района» К.П. Шута, где также прикреплена карта городищ. На ней видно, что городище Запрудье находится в ином месте [14, с. 41]. В отчёте М.М. Чернявского 1972 г. упоминается городище у д. Запрудье [11, с. 24].

* изучив отчёт о полевых исследованиях в 1981 г. А.М. Гutowского, и иные имеющиеся в Центральном научном архиве НАН Беларуси отчёты вышеупомянутого исследователя, подтвердить или опровергнуть информацию по обследованию им данного объекта археологии не представляется возможным.

Археологические разведки 1985 г. Л. В. Дучиц показали, что деревни с названием Запрудье уже не существовало, а урочище Городок возле нее – распаханное поле. Помимо этого, исследовательница обследовала 4 городища. Она определила состояние сохранности городищ Гали, Городно и Городище. Кроме того, она называет городищем место, где находился замок Казьян (XVI в.) [8, с. 78].

В 1981 г. А.М. Гутовским проводилось обследование археологических памятников Шумилинского района. У деревни Городно Светлосельского с/с между озерами Сосна и Городно было обнаружено городище железного века. Площадка городища 30×100 м, находится на холме, возвышающемся на 12 м над уровнем воды озер [4, с. 18].

В 23 км. от д. Козьяны, в излучине р. Оболь, находятся отстатки замчища времён Ливонской войны (1558-1583 гг.). Замчище известно с 1837 г. [6, с. 468]. В 1950 г. его исследовал М.Г. Рабинович [10, с. 86-87], в 1951 г. – Алексеев Л.В. [2, с. 9]. По их наблюдениям, площадка представляет собой почти равнобедренный треугольник со сторонами 50×120×110 м. По краям прослеживаются остатки вала, почти утерявшего свою форму [2, с. 9; 10, с. 86]. Культурного слоя не обнаружено, т.к. по утверждению Рабиновича он распахан. Им же был собран подъёмный материал – сделанная на гончарном круге и чёрная мореная керамика. Она архаична и позволила Рабиновичу предположить, что позднейшая крепость была построена на месте древнего городища. Раскопки, по утверждению М.Г. Рабиновича едва ли целесообразны [10, с. 87]. В 1972 г. замчище исследовала В. Б. Короткевич [6, с. 468].

В книге «Археологические памятники Белоруссии: Железный век» 1983 г. издания Л.Д. Поболь упоминает 7 городищ, которые на данный момент находятся на территории Шумилинского района. Это городища в деревнях Андреево, Городище, Городно, Городок, Кордон, Старцы (автор указывает что городище было открыто в 1873 г.) и Запрудье [9, с. 197-198]. Также он описывает и селища. Таковыми оказались селища банцеровской культуры: в Баболино (в 1939 г. деревня вошла в состав г.п. Шумилино), селище на правом берегу р. Западной Двины у д. Николаево и у д. Филиповка [9, с. 197-198].

Первые курганы на территории Шумилинского района были зафиксированы в 1951 г. Л.В. Алексеевым тогда им были осмотрены почти все сельские советы района. В результате экспедиции были обнаружены 3 отдельно стоящие кургана [2, с. 11].

Согласно отчёту Г.В. Штыхова 1965 г., директор Бараньковской средней школы сообщил о наличии урочища «Французская гора» возле деревни Илово. Осмотр местности показал, что на берегу р. Западная Двина находится курган-сopка, представляющая собой полусферическое возвышение с глинистой структурой [12, с. 16], высотой 4 м и диаметром 8 м [6, с. 467]. Обследовал в 1981 г. А.М. Гутовский* [6, с. 467].

В 1981 г. Э.М. Зайковский выявил «Французскую гору» овальной формы с отсутствующим культурным слоем. Исследователь отмечает, что гора на самом деле могла появиться во время войны 1812 г., как этому свидетельствует местная легенда [6, с. 11].

В сборнике памятников истории и культуры Беларуси по Витебской области зафиксирован курган у д. Соснино, который находится за 0,7 км на северо-запад от деревни. Его высота составляет 1 м, а диаметр 6 м. Указано, что он был выявлен и обследован в 1981 г. А.М. Гутовским* [6, с. 473].

Также как и курганы, курганные могильники на территории района впервые были зафиксированы Л.В. Алексеевым в 1951 г. В ходе экспедиции было обнаружено 4 могильника. Два из которых находятся:

1. У д. Войловичи. Как указывает автор, поле, на котором находится могильник, ранее распахиwвалось, в следствие чего многие курганы почти не отличимы на поверхности земли. На 1951 г. группа содержала 15 курганов. Алексеев отмечает, что на данном месте имеются следы захоронения жальничного типа [2, с. 11]. В 1981 г. обследовал А.М. Гутовский*. Насыпи имеют высоту 0,5-0,7 м и диаметр 15 м, часть из них на 1983 г. повреждена [6, с. 467].

2. В 200 м на запад от д. Узречье, близ дороги в д. Запрудье (на 2025 г. не существует), А.Л. Алексеев обнаружил 2 кургана полусферической формы высотой до 2 м [2, с. 12]. В 1972 г. М.М. Чернявский в 0,25 км западнее от д. Узречье справа от дороги в д. Запрудье отмечает наличие 3-х курганов, 2 из которых имели повреждения [11, с. 26].

Также, в отчёте Алексеева упоминается курганная группа у Касьянов-Красомай [2, с. 10]. В нём исследователь ссылается на М.Г. Рабиновича 1950 г., где последний в своих исследованиях даёт следующую характеристику данного объекта: «К западу от городища большая группа курганов (62), диаметром 10-14 м, высотой 1,50-2,50 м, полушарной формы. В районе одного из курганов поднят фрагмент весьма архаичного сосуда баночного типа. Раскопки курганов этой группы, насколько известно, не производились» [10, с. 87]. В 1972 г. могильник обследовала В. Б. Короткевич [6, с. 468].

* изучив отчёт о полевых исследованиях в 1981 г. А.М. Гутовского, и иные имеющиеся в Центральном научном архиве НАН Беларуси отчёты вышеупомянутого исследователя, подтвердить или опровергнуть информацию по обследованию им данного объекта археологии не представляется возможным.

В «Археологической карте Белоруссии» Г.В. Штыхова зафиксированы могильники у деревень Бритики (3 полусферические насыпи), Заборье, Городно, Непороты (2 небольших кургана) и группа из 20 круглых насыпей высотой 2-3 м на север от р. Оболь у д. Красомай [13, с. 90-91].

Также, в сборнике памятников истории и культуры Беларуси по Витебской области фигурирует курганный могильник у д. Почерье: «За 1,5 км на паўднёвы ўсход ад вёскі, у лесе, ва ўрочышчы Пабядзінец (побач працякае аднайменны ручай). 2 курганы вышыняй 1,5 м, дыяметрам 8 м. Выявіў у 1981 г. А. М. Гутоўскі*. Раскопкі не праводзіліся.» [6, с. 473]. Однако М.В. Климов в ходе исследований 2014 г. предположил, что данный могильник мог быть ошибочно привязан к д. Поречье Бешенковичского района [7, с. 14].

Таким образом, с 1933 по 1985 гг. на территории Шумилинского района было обнаружено 6 курганов, 11 курганных могильников, 11 городищ, 6 селищ и изучено замчище у д. Козьяны. Обнаружение археологического комплекса «Кордон» положило начало его последующему изучению. По открытым данным, в данный период археологические раскопки на территории района не проводились.

Анализ имеющихся данных позволяет сделать вывод о большей интенсивности исследований южной части Шумилинского района. Наибольшее количество экспедиций были направлены на изучение именно этого региона, с большего это представлено руслом р. Западной Двины и её притоками. Это подтверждается и архивными материалами. Из этого можно сделать вывод, что северная часть района мало исследована. Единственное на данный момент исследование, затрагивающее север района, было проведено в 1951 г. Л.В. Алексеевым [2].

Проведённые исследования археологических объектов позволили зафиксировать их отношение к разным историческим эпохам. Вместе с тем, степень их сохранности оказалась неравномерной – на неё повлияли как антропогенное влияние, так и природные процессы, способствующие постепенному разрушению археологических объектов.

В настоящее время остаётся неясным количество сохранившихся памятников, которые были обнаружены и обследованы в данный период. Для актуализации их состояния следует провести дополнительные обследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Л.В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. (Материалы к археологической карте Витебской области БССР). – "Труды ПОКЭ", т. I, 1959 – С. 273–315.
2. Алексеев Л.В. Отчёт об археологических обследованиях в северной Белоруссии в июне-июле 1951 г. /Л.В. Алексеев // Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). Фонд – Оп. 1. – арх. №4.
3. Аляксандр Мікалаевіч Ляуданскі. Лёс і навуковая спадчына: (да 130-годдзя з дня нараджэння) / В. І. Кошман, А. У. Вайтовіч, Э. А. Ляшкевіч [і інш.]; навук. рэд. В. І. Кошман; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2025. – 497 с.
4. Гутовский А.М. Отчёт о полевых исследованиях в 1981 году /А.М. Гутовский // ЦНА НАНБ. Фонд – Оп. 1. – арх. №733.
5. Зайкоўскі Э.М. Справаздача аб палявых даследаваннях у 1987 г. /Э.М. Зайкоўскі // ЦНА НАНБ. Фонд – Воп. 1. – арх. №771.
6. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. – Мінск: БелСЭ, 1985. – 496 с.
7. Клімаў М. В. Справаздача пра правядзенне археалагічных абследаванняў у зоне будаўніцтва аб'екта "Строительство Полоцкой ГЭС на реке Западная Двина в Витебской области". Мероприятия по ложу водохранилища II этапа 1-га этапа / М. В. Клімаў // ЦНА НАНБ. Фонд – Воп. 1. – арх. № 3208 (тэкст); № 3209 (фотаальбом).
8. Коц А.Л. Да гісторыі даследавання гарадзішчаў Шумілінскага раёна. / А.Л. Коц // Труды молодых специалистов ПГУ – 2011. – Вып. 49. – С. 77–79.
9. Поболь Л.Д. Археологические памятники Белоруссии: Железный век. – Мн.: Наука и техника, 1983. – 456 с.
10. Рабинович М.Г. Археологические разведки в Полоцкой земле / М.Г. Рабинович // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях. – М. – Л. Изд-во АН СССР. Т. 33. – 1950. – С. 81–88.
11. Чернявский М.М. Отчёт об археологических исследованиях неманского неолитического отряда за 1972 год. /М.М. Чернявский // ЦНА НАНБ. Фонд – Оп. 1. – арх. №410.
12. Штыхов Г.В. «Отчёт об археологических исследованиях в Витебской области и Логойске в 1965 г.» / Г.В. Штыхов // ЦНА НАНБ. Фонд – Оп. 1. – арх. №259.
13. Штыхов Г.В. Археологическая карта Белоруссии Вып. 1. Памятники железного века и эпохи феодализма / Штыхов, Г.В., канд. ист. наук; под ред. Ф.В. Борисевича. – 1971. – С. 276.
14. Шут К.П. Городище Заговалино Ушачского района / К.П. Шут // Вопросы истории: Тезисы докладов конференции молодых учёных Белорусской ССР. - Минск, 1969. – С. 31–42.

УДК 94(47+57) «1917/1991»

**ОБОРОНА ГРОДНО ЛЕТОМ 1941 ГОДА
В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ****М. Е. ШКЕТИН***(Представлено: канд. ист. наук, доц. А. И. КОРСАК)*

В данной статье на основе рукописных воспоминаний участников событий июня 1941 года проанализированы ход, характер и итоги оборонительных боев за Гродно летом 1941 года. Сохранившиеся материалы позволяют установить факт того, что, несмотря на героизм солдат Красной армии, из-за ошибок командования, потери управления и нереалистичного довоенного плана оборона города была обречена на провал.

Оборона Гродно в июне 1941 года представляет собой один из ключевых эпизодов начального периода Великой Отечественной войны на Западном фронте. Изучение данного сражения позволяет не только реконструировать ход боевых действий, но и проанализировать системные проблемы Красной Армии накануне и в первые дни войны: уровень боеготовности, эффективность управления войсками, взаимодействие между частями и соединениями, а также степень реализации довоенных планов прикрытия границы. Анализ обороны Гродно важен для понимания причин катастрофических поражений советских войск летом 1941 года и позволяет отдать дань памяти героизму и стойкости рядовых бойцов и командиров, оказавшихся в условиях внезапного удара превосходящих сил противника.

Историография проблемы обороны Гродно долгое время оставалась фрагментарной и была представлена в основном в общих трудах о начальном периоде войны. В последние годы, с открытием архивов, появились специализированные работы. Однако комплексное исследование, основанное на перекрестном анализе мемуаров непосредственных участников, по-прежнему является востребованным.

Основу источниковой базы исследования составили рукописные воспоминания непосредственных участников событий, хранящиеся в Гродненском государственном историко-археологическом музее (далее – ГГИАМ). Воспоминания генерал-майора А.В. Бондовского (1969 г.), начальника артиллерии 27-й стрелковой дивизии, содержат детальную информацию о планировании обороны, ходе боев 22-25 июня и критическую оценку решений командования, что делает их ценным источником взгляда из штаба дивизии. Воспоминания полковника пограничных войск А.А. Галышева (1966 г.) ценны тем, что будучи офицером погранвойск, он акцентирует внимание на первых часах войны, варварских бомбардировках города и трагедии мирного населения. Воспоминания А.П. Курлыкина (1966 г.) раскрывают дополнительные детали о ходе оборонительных боев и отступлении советских частей, возможно, с позиции офицера среднего звена или рядового участника.

В основу методологии положены принципы историзма и системного подхода, позволяющие рассматривать оборону Гродно в контексте общего положения на Западном фронте. Основным методом выступил сравнительно-исторический анализ воспоминаний А.В. Бондовского, А.А. Галышева и А.П. Курлыкина, что позволило выявить общие и противоречивые свидетельства, верифицировать факты и создать многоплановую картину событий. Также применялись историко-генетический метод для реконструкции хода событий.

В предвоенный период Советский Союз осуществлял масштабные работы по укреплению границ, где Гродненскому укрепрайону отводилась важная роль [3]. Еще 19 июня 1941 года западный военный округ СССР получили приказ Наркомата обороны об повышении боевой готовности. По этому приказу, следовало было провести маскировку аэродромов, военных частей и складов [5].

Накануне войны в Гродно и окрестностях дислоцировались части советской 3-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова. В состав армии входили части 4-го стрелкового корпуса (27-я, 56-я и 85-я стрелковые дивизии), 11-го механизированного корпуса (29-я и 33-я танковые, 204-я моторизованная дивизии), 68-го Гродненского УРа (9-й и 10-й отдельные пулемётно-артиллерийские батальоны), 11-й смешанной авиадивизии, 6-й противотанковой артиллерийской бригады [1].

За две недели до начала войны стрелковые полки выделили по одному стрелковому батальону для завершения работ над укрепрайоном на границе в области города Сопоткин. В самих стрелковых полках оставалось по два батальона, которые в будущем и вступили в бой с немецкой армией. Но 22 июня 1941 года из 59-го стрелкового полка были взяты три роты для нужд штаба 3-й армии. В итоге 59-й стрелковый полк вступил в бой только с одним батальоном и спец подразделением [1].

20 июня 1941 года была закончена работа над планом действия дивизии и её частей на случай войны. План заключался: при начале бомбардировок, должно было происходить вывод частей по тревоге

в северо-восточную часть города. При активных действиях на государственной границе планировалось наступление в районе Домброва, 30 километров западне Гродно [1]. Утверждение плана должно было пройти 22 июня. Командарии-3 возглавлял генерал-майор В.И. Кузнецов, генерал-майор Кондратьев – начальник штаба 3-й армии. Так же во время обсуждения плана, на совещании было выяснено о недостатке боеприпасов, которые не успели доставить артиллеристы. Вот такой итог подвел генерал-майор А.В. Бондовский: «План был готов, но из-за особой секретности его не успели разослать по всем командирам частей; он был еще объемным и его пришлось долго изучать, а времени, как оказалось, на это не было» [1].

После полуночи, уже 22 июня, командование Западным особым военным округом отправило приказ в штаб армии о необходимости поднять тревогу и занять позиции укрепления 68-го укрепрайона.

Комендант 68-го укрепрайона полковник Николай Иванов, получил приказ в 1-м часу ночи 22 июня и поднял по тревоге 9-й и 10-й отдельный артиллерийско-пулеметный батальоны. Таким образом, гарнизоны начали занимать свои позиции. Уже в 2 часа ночи 9-й артиллерийско-пулеметный батальон капитана Петра Жилы занял отведенные им позиции. Однако 56-я и 27-я дивизия не успела готовиться к обороне, так как до них приказ дошел только после 3-х часов ночи. Несмотря на это командующий 3-й армии доложил в Минск о том, что приказ выполнен всеми подразделениями [1].

Война для 3-й советской армии началась, как и везде, около 4-х часов ночи, неожиданно практический для большей части солдат и офицеров. Хорошо передаёт неожиданность войны воспоминания генерала-майора А.В. Бондовского, приведем его цитату: «Во время обсуждения этого вопроса неожиданно для нас обоих вблизи штаба дивизии весьма неприятно провыла, а затем, издав резкий неприятный звук, разорвалась бомба, а за ней начались рваться и другие. Сквозь разрывы отчетливо слышалось противный вой самолётов. Как-то не вольно у меня из груди вырвался тяжелый вздох, и я воскликнул: «Ну, Тарасов, война началась!». «Да, это война»-также тяжело вздохнув сказал Тарасов» [1].

Первые удары нанесла немецкая артиллерия [4]. Артиллерийский обстрел продолжался около часа. Практически одновременно начались удары вражеской авиации. Очень красноречиво, про авиацию немцев, высказался полковник пограничных войск в отставке А.А. Галышев: «Ровно в 4 часа утра армады фашистской авиации нарушив границы воздушного пространства нашей Родины устремились на восток, город Гродно был первый город, который подвергся ожесточённой бомбежке, фашисты не считались с тем, что Гродно не является промышленным городом он не являлся и военным объектом, варвары 20-го века сбрасывали свои смертоносный груз на спящий город, убивая не в чем не повинных детей, стариков и мирное население» [2].

Бомбились объекты тыла. Из объектов большого значения в городе Гродно находились: штаб 3-й армии; штаб 4-го стрелкового корпуса; штабы дивизии; склады горючего, боеприпасов и взрывчатых веществ; железно дорожные и городские мосты через реку Неман; лагеря Фолюм и Солю; казармы вблизи станции Гродно [4].

В то же время советская авиация не могла защитить город и военные объекты, так как аэродромы немцы бомбили в первую очередь.

По словам генерала-майора А.В. Бондовского первые авиаудары вызвали панику и сильные разрушения [1]. Это вызвало беспорядочный уход местного населения из города. Вражеские бомбардировщики беспрерывно прибывали в небе над Гродно.

Зенитная оборона очень быстро приготовились к отражению воздушных атак противника. Немцам пришлось подняться выше, что снизило их прицельность. 59-й стрелковый полк, 74-й разведывательный батальон, 48-й медсанбат первые приняли удар бомбардировок врага. Они же и понесли первые потери.

48-й медсанбат начали работу с первых часов атаки [2]. Работа осложнялась авиаударами по казармам и железнодорожному мосту, куда они переместились. После они перешли в лес около Гродно. Из леса медсанбат переехал в Колпаки. Не смотря на все 48-й медсанбат не прерывали свою работу.

Здание штаба было цело, не смотря на множество попыток немцев его атаковать. Зенитчики с большим успехом отбивали атаки противника. Это давало штабу армии работать, не покидая здания. Нервозность первых часов войны вскоре пропала. Командарм Кузнецов и его штаб уехал из города только после 19 часов 22 июня. Обстановка была неблагоприятная, особенно на флангах армии.

Штаб армии утратил радиосвязь и проводную связь с рядом подчиненных штабов, особенно с теми, которые находились за пределами города. В результате этого подразделения не получили приказы вовремя, что приводило к потере драгоценного времени.

После 7 часов утра штаб армии получил директиву № 2 Народного комиссариата обороны о проведении контратаки против немецких войск, пересекших границу. В условиях полного информационного вакуума командующему, генерал-лейтенанту Василию Кузнецову, пришлось принимать решения самостоятельно. Однако никакого креативного подхода генерал не проявил — он действовал в соответствии с заранее разработанным планом прикрытия границы [1].

После окончания артиллерийского обстрела и бомбардировок в атаку перешла немецкая пехота. С запада от местечка Сопоткин, через реку Волкушенку атаковали подразделения 8-й пехотной дивизии, с севера, через Августовский канал – полки 28-й дивизии. Далее на восток, также по Августовскому каналу, атаковали полки 161-й пехотной дивизии.

Бомбардировки прекратились только после наступления темноты [3]. Во второй половины дня стало известно о упорных пограничных боях на рубеже города Сопоткин – Белененто – Липск пограничных частей, части 56-й, 27-й стрелковые дивизионы и батальоны, выделенные на работы на укрепленном районе.

Из-за опаски окружения командирами штаба было принято решения в ночь с 22 на 23 июня оставить Гродно и отвести войска на рубеж рек Котра и Свислочь. 85-й стрелковый дивизион с наступлением темноты начал отход с рубежа реки Лососна на оборонительный рубеж реки Свислочь. Применяли метод подвижной обороны [4]. Рубежи подвижной обороны:

- 1) Высоты 1-1,5 км юго-запада Жиличи-Гиуличи;
- 2) Жукевичи южные – высоты южнее Горница;
- 3) Горны – Колпаки;
- 4) Рубеж реки Свислочь от устья до Литвинки.

Для замедления противника Командарм приказал организовать и осуществить следующие действия: взрыв железнодорожных и городских мостов через реку Неман; уничтожение складов горючего на юго-западной окраине города, боеприпасов на южной окраине и склад взрывчатых веществ на северной окраине Гродно.

Так же использовать шум взрывов, чтобы прикрыть отход дивизии. Взрыв произвели в 0 часов 30 минут 23-го июня 1941 года одновременно во всех назначенных местах.

С рассветом авиаудары продолжались. Новыми целями немецких бомбардировок стали отходящие колонны. Из-за частых авиаударов, отходящие военные части несли большие потери. В следствии больших потерь пришлось отказаться от плана подвижной обороны.

Днем 23 июня 1941 года перед оборонительной позицией на реке Свислочь наземных частей противника не наблюдалось. Разведка не дала каких-либо результатов [3].

В ночь с 23 на 24 июня был получен приказ. В приказе говорилось о том, что дивизия должна совершить марш и наступать на город Гродно с целью восстановить прежние позиции [1]. Для марша было образовано две колонны, правая и левая. Правая колонна – 141-й стрелковый полк, маршрут: Декаловичи-Гарны-Жукевичи-Солы. Левая колонна – 103-й стрелковый полк с четырьмя дивизионами артиллерии, маршрут: Красавка-Колпаки-Гродно.

Можно выделить две основных проблемы этого марша. Во-первых, на двух направлениях была очень открытая местность. Во-вторых, нужны были меры противовоздушной обороны, которых не было.

Старт марша был назначен на 9 часов 30 минут 24 июня 1941 года. Во время марша обе колонны подверглись атаке немецкой авиации. Левая колонна атаковалась с 13:00 до 22:30. Правую колонну начали атаковать немного позднее, закончили так же в 22:30.

В течении ночи колонны достигли рощи северо-западнее Жукевичи (правая колонна), лес северо-западнее Горницы (левая колонна). Убитых хранили в поле, где укрывались от бомб. Раненых эвакуировать 24 и 25 числа в Колпаки, где находился 48-й медсанбат.

Наступление 25 июня 1941 года проходило с 15:00 до около 22:00. В это время пришел приказ о отступлении на прежние рубежи реки Свислочи, для вторичной обороны.

После неудачного наступления, советская армия понесла большие потери, которые было очень сложно подсчитать руководством [4].

Путь нового отступления выглядел следующим образом: Кошрвники-Жукевичи-Горны-река Свислочь.

26 июня 1941 года советские части достигли реки Свислочи. В это время войска не подвергались вражеским авиаатакам. После перехода на восточный берег советские части уничтожили мост через реку.

Ближе к вечеру около реки Свислочь появились части немецкой армии. Очень хорошо описывает дальнейшую ситуацию генерал-майор А.В. Бондовский: «Немцы ничего не подозревали, вели себя беспечно. Этот немецкий «табор» от обороняющихся был не далее 100 метров. Когда стала ясна полная беспечность немцев, по подразделениям была подана команда: «приготовиться», «огонь». Шквал организованного огня из всех видов орудия обрушенного на беспечных «победителей» явился для них полной неожиданностью. Прошла паника, в которой наши защитники обороны били наверняка. Противник не мог оказать никакого сопротивления нашему организованному огню и понесли очень большие потери в людях. У нас потерь не было. это организованность обороняющихся показала, что мы можем быть «победителями» [1].

Проведенное исследование на основе воспоминаний участников позволяет сделать вывод, что оборона Гродно летом 1941 года была изначально обречена на быстрый провал в силу ряда системных причин. К таковым относятся: запоздалое приведение войск в боевую готовность, несмотря на предвоен-

ные директивы; потеря управления и связи штабом 3-й армии с подчиненными частями в первые же часы войны; господство немецкой авиации, парализовавшее маневр и нанесшее тяжелые потери; а также догматичное следование довоенному, нереалистичному плану, что проявилось в неудачном контрударе 24-25 июня. Вместе с тем, несмотря на ошибки командования и общую катастрофическую обстановку, отдельные части и подразделения (такие как 48-й медсанбат, зенитчики, пограничники и стрелковые полки) проявили массовый героизм, самоотверженность и высокую боевую выучку, сумев на несколько дней задержать продвижение противника и нанести ему чувствительный контрудар на рубеже реки Свислочь 26 июня. Таким образом, оборона Гродно является ярким примером трагического сочетания стратегических просчетов и тактической доблести, характеризующего первые, самые тяжелые дни Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГГИАМ – КП – 26991 – рукопис. Бондовский А.В. Воспоминания о первых днях войны в районе города Гродно 22-25 июня 1941 года., СССР, 1969.
2. ГГИАМ – КП – 27000 – рукопис. Воспоминания про первые дни войны на Гродненщине 1941 году Галышев А.А., СССР, Москва 1966.ii
3. ГГИАМ – КП – 26993 – рукопис. Воспоминания о первых днях войны в районе Гродно Курлыкин А.П., СССР, Москва 1966.
4. Люцік, З. Гродзенская катастрофа савецкай 3-й арміі ў 1941 г. Частка 2 / З. Люцік // – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://harodnia.com/> – Дата доступу: 04.02.2025 г.
5. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1958. — Т. 35. — 170 с.

**ПЕДАГОГИКА, МЕТОДИКА, ПСИХОЛОГИЯ.
ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ, ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ**

УДК 371.3

СУЩНОСТЬ И ПОНЯТИЕ ЭКСТЕНСИВНОГО ЧТЕНИЯ

Е. С. АТРОЩЕНКО

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н. В. НЕСТЕР)

Рассматривается сущность и понятие экстенсивного чтения как специфической формы учебной деятельности, имеющей целью развитие навыков восприятия больших объемов текстовой информации на иностранном языке с акцентом на общее понимание. Анализируются функции, особенности и преимущества экстенсивного чтения, а также обоснование необходимости использования адаптированных текстов. Особое внимание уделяется методическим аспектам организации процесса экстенсивного чтения в образовательной практике, его роли в формировании языковой компетенции и мотивации обучающихся.

В современном процессе обучения иностранным языкам одной из ключевых задач является формирование у обучающихся эффективных навыков чтения, что создает основу для успешной коммуникации и глубокого освоения языка. В контексте современных методик преподавания экстенсивное чтение выделяется как специфическая форма речевой деятельности, направленная на развитие беглости чтения, расширение словарного запаса и активизацию познавательной мотивации. В отличие от интенсивного чтения, ориентированного на анализ и расшифровку сложных текстовых структур, экстенсивное чтение предполагает свободное и быстротечное восприятие больших по объему текстов для понимания общего смысла. Такая форма работы не только разгружает когнитивные ресурсы учащегося, но и способствует формированию положительного эмоционального отношения к процессу обучения [1], [2].

Актуальность данного исследования обусловлена возросшей потребностью в эффективных средствах повышения языковой компетенции, особенно в условиях самостоятельной и внеаудиторной работы, что создает предпосылки для реализации принципов автономного обучения. Современные языковые образовательные программы все чаще включают экстенсивное чтение в качестве стратегического компонента, подчеркивая его роль в сочетании с другими видами речевой деятельности. Цель работы выявить суть экстенсивного чтения, проанализировать его функциональные аспекты и показать преимущества практического применения данного метода [3]. Для достижения цели решаются задачи определения понятия экстенсивного чтения, рассмотрения его функций, обоснования выбора адаптированных текстов и систематизации преимуществ с опорой на современные научные данные и педагогическую практику.

Экстенсивное чтение представляет собой процесс восприятия значительного объема речевого материала с минимальным фокусом на деталях и языковом анализе, что позволяет читателю сосредоточиться на общем понимании содержания и получении удовольствия от самой деятельности чтения. Главное отличие экстенсивного чтения от иных типов заключается в том, что оно служит не инструментом глубокого анализа, а средством построения беглости и прочного лингвистического фундамента. Важным элементом становится использование смысловой догадки, которая помогает преодолеть незнакомую лексику и грамматические конструкции, при этом сохраняя динамичность процесса и снижая уровень фрустрации у обучающегося [4].

Функции экстенсивного чтения выходят далеко за рамки простой переработки текста. Оно способствует развитию когнитивных процессов, связанных с обработкой информации, укрепляет способность воспринимать связное высказывание и активизирует память за счет частого повторения лексических единиц. Более того, экстенсивное чтение формирует у обучающихся умение самостоятельно планировать учебную деятельность, решать коммуникативные задачи с опорой на широкий контекст и развивает мотивацию к изучению языка как к творческому и познавательному процессу.

Использование адаптированных текстов является фундаментальной методической стратегией при организации экстенсивного чтения. Такие тексты упрощают лингвистический и культурный контекст, учитывая уровень владения языком и интересы обучающихся, что позволяет избежать излишней когнитивной нагрузки. Адаптированные материалы снабжены дополнительными средствами поддержки, включая глоссарии, иллюстрации и повторяющиеся коллокации, что облегчает понимание и способствует закреплению новых языковых элементов. Применение подобных текстов позволяет плавно перейти от

упрощенных форм к оригинальным произведениям, обеспечивая при этом высокий уровень вовлеченности и снижения тревожности, связанной с освоением сложного материала [5].

Преимущества экстенсивного чтения многообразны и подтверждены многочисленными исследованиями в сфере лингвистики и педагогики. Во-первых, данная форма чтения существенно расширяет словарный запас за счет встречи с аутентичными языковыми единицами в естественном контексте. Во-вторых, экстенсивное чтение улучшает навыки письменной речи, влияя на орфографию и распознавание слов посредством частого контакта с текстом. Третьим значимым аспектом является повышение мотивации обучающихся, так как возможность выбора интересных и доступных текстов стимулирует внутренний интерес к языку и самостоятельное обучение. Кроме того, экстенсивное чтение облегчает формирование комплексных коммуникативных навыков, интегрируя лингвистическую, социокультурную и когнитивную составляющие обучающегося [6].

Значимость экстенсивного чтения в образовательном процессе подкрепляется тем, что данный вид деятельности способствует развитию языковой самостоятельности и навыков критического мышления, что особенно важно в условиях современного глобализованного мира. Учебный процесс с применением экстенсивного чтения предусматривает активное взаимодействие обучающихся и преподавателей, совместное обсуждение материалов и индивидуальную консультационную поддержку, что создает благоприятную мотивационную среду и повышает качество усвоения языка. Параллельно с этим экстенсивное чтение способствует культурному обогащению и расширению кругозора, позволяя через текст приобщиться к традициям и мировоззрению носителей языка [7].

Таким образом, экстенсивное чтение является одним из самых эффективных и современных методов обучения иностранным языкам, отвечающим требованиям развития коммуникативных и когнитивных способностей обучающихся. Его особая направленность на восприятие больших объемов текста с сохранением общего смысла обеспечивает развитие беглости чтения, расширение словарного запаса и стабилизацию мотивации независимо от уровня языковой подготовки. Внедрение адаптированных текстов в методический арсенал позволяет облегчить процесс обучения, повысить его доступность и интерес. Важным результатом применения экстенсивного чтения становится формирование у обучающихся автономии и навыков самостоятельного овладения языком, что является ключевым условием успешного и устойчивого языкового образования. Экстенсивное чтение служит не только средством коммуникативного обучения, но и фактором всестороннего личностного развития учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Умарканова, С.Ж. Интенсивное и экстенсивное чтение: цели обучения, трудности освоения, перспективы развития / С.Ж. Умарканова // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2020. – №3. – С. 132–140.
2. Кошелева, И.Н. Литературные кружки как средство реализации теории читательского отклика при обучении экстенсивному чтению на английском языке в вузе / И.Н. Кошелева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 223–231.
3. Камалетдинова, С.М. Роль экстенсивного чтения при обучении иностранному языку / С.М. Камалетдинова // Национальная ассоциация ученых (НАУ). – 2017. – № 4 (31). – С. 28–30.
4. Савицкая, А.Н. Использование художественного текста в преподавании русского как иностранного / А.Н. Савицкая // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 окт. 2024 г. / под ред. Т.Н. Мельниковой (отв. ред.) [и др.] – Минск, 2024. – С. 371–374.
5. Бернштейн, В.Л. Извлечение информации как главный компонент продуктивного чтения / В.Л. Бернштейн // Интерактивная наука. – 11 (21). – 2017. – С. 28–31.
6. Адаптированное чтение как эффективный инструмент языкового обучения // ЮLang – учебные материалы по русскому как иностранному. – Режим доступа: <https://youlang.ru/blog/adaptirovannoe-chtenie-kak-effektivnyy-instrument-yazykovogo-obrazovaniya>. – Дата доступа: 10.10.2025.
7. Севдалева, А.С., Чалова, О.Н. Целесообразность использования экстенсивного и интенсивного видов чтения при обучении иностранному языку / А.С. Севдалева, О.Н. Чалова // Филологические науки. – С. 23–26.

УДК: 37.018.2

**ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
СРЕДСТВАМИ ДЕКОРАТИВНО - ПРИКЛАДНОГО ТВОРЧЕСТВА
НА УРОКАХ ТРУДОВОГО ОБУЧЕНИЯ**

Ю. И. ВРУБЛЕВСКИЙ
(Представлено: В. Н. ЮРЧЕНКО)

В статье рассматриваются вопросы патриотического воспитания средствами декоративно-прикладного творчества как на уроках трудового обучения в школе, так и во внеклассной работе. Описываются основные черты и особенности белорусского декоративно-прикладного творчества. Отмечается важная роль уроков трудового обучения в формировании нравственно-здоровой личности и воспитании патриотических чувств школьников.

В современном обществе сохранение и развитие патриотических чувств среди молодого поколения является одной из важнейших задач. Патриотизм играет важную роль в формировании национальной идентичности, укреплении гражданского сознания и воспитании гражданственности. Одним из эффективных средств, способствующих развитию патриотических чувств, является декоративно-прикладное творчество.

Проблема патриотического воспитания подрастающего поколения – одна из актуальных проблем настоящего времени. Чтобы вырастить патриота своей страны, необходимо прививать любовь к Родине с детства. Эта любовь невозможна без глубокого познания произведений народного искусства, которое несет в себе духовные, эстетические ценности, накопленные трудом и талантом многих поколений.

Воспитание патриота – сложная задача современной педагогики. Эта задача стояла перед обществом во все времена, начиная с Древней Греции. Обратившись к энциклопедическим словарям, находим: «Патриотизм – преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу». (С.И. Ожегов); «Патриотизм – от греч. *patris* – родина), одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями». (А.М. Прохоров) [3].

Декоративно-прикладное творчество – это область художественного творчества, которая объединяет различные виды рукоделия, изготовление украшений, предметов интерьера, одежды и других предметов повседневного использования. Оно предлагает широкие возможности для выражения красоты, творчества и национальной идентичности. Применение национальных мотивов, символов и традиций в декоративно-прикладном творчестве позволяет формировать у молодежи глубокое понимание и привязанность к своей культуре и нации [2].

Социальный состав белорусского народного искусства первоначально составляли сельские жители, и лишь с конца 19 века к ним присоединилась некоторая часть рабочих. Еще в 17 веке белорусские керамисты, резчики, оружейники славились за пределами Родины. Результатами своего творческого труда они удовлетворяли потребности господствующих классов, украшали церкви, дворцы, поместья богатых людей. Но существовали и маленькие гончарные, набоечные мастерские, ориентированные на сельского жителя. Народные мастера использовали легкие в обработке и доступные материалы, обрабатывая их несложными методами:

- Дерево — из него строили жилье, делали посуду, изготавливали транспортные средства, мебель. Основными способами обработки были точение, долбление, обжиг, окраска, контурная, рельефная, ажурная резьба.
- Солома — ее использовали для изготовления и украшения посуды, домашней утвари, шкатулок, сувениров, игрушек. Основные методы обработки: инкрустация и плетение.
- Глина — использовалась для изготовления посуды и игрушек. Ассортимент посуды был велик и разнообразен (збанкі, гаршкі, кубкі, глянкі, слоікі, міскі, церлы, спарышы). Белорусская керамика отличается не столько декором, сколько функциональностью и пластикой, простыми логичными формами.
- Металл использовался лишь для мелких деталей, обрабатывался в основном ковкой. Для изготовления посуды использовалась медь.
- Лен и шерсть использовали для изготовления тканей для постельного и столового белья, ассортимента которого был достаточно широк (посцілкі, ручнікі, абрусы) и одежды. Основными методами обработки были ткачество, а для изготовления обуви — валяние.
- Широко распространенным приемом декоративной обработки материалов была роспись: набойка, кистевая роспись, при помощи которых декорировали «куфры», «пісанкі», «дываны».

Основными чертами белорусского народного декоративно-прикладного искусства можно считать следующие признаки:

- глубокая традиционность;
- сдержанность декоративного решения;
- преобладание древних геометрических мотивов;
- функциональность;
- отсутствие яркости колорита [4].

Приобщая учащихся к народному декоративно-прикладному искусству, можно развить не только духовно-нравственную, но и творчески мыслящую личность. Народное искусство – богатейшая сокровищница красоты, неиссякаемый источник творческой фантазии. Приобщение учащихся к произведениям изобразительного и декоративно-прикладного искусства пробуждает и воспитывает у них мировоззренческие, эстетические, нравственные, патриотические чувства и убеждения, позволяет им правильно осмыслить свое отношение к окружающему, выполнить свой долг и обязанности перед Родиной и обществом. Искусство, особенно декоративно-прикладное, активно помогает воспитывать учащихся добрыми, жизнерадостными, преданными Родине, высококультурными, то есть гражданами и патриотами своей страны. Оно помогает им увидеть большую реальную и потенциальную силу нерушимой дружбы народов и их сплоченности.

На уроках трудового обучения учащиеся знакомятся с разнообразными профессиями и ремеслами, которые могут стать для них источником вдохновения в будущем. Важность знания и уважения к традиционным народным ремеслам и профессиям особенно актуальна в современном мире, где часто теряется связь с профессиями, связанными с ручным трудом. Внедрение элементов народного творчества в трудовое обучение способствует сохранению и передаче культурных традиций от поколения к поколению.

Патриотическое воспитание в кружках декоративно-прикладного творчества осуществляется в процессе включения учащихся в активный творческий труд, формирования бережного отношения к творческому наследию Отечества, к обычаям и традициям белорусского народа, воспитанию любви к малой родине [6].

Декоративно-прикладное искусство служит для художественного оформления быта человека, т.е. среды его обитания, жилого и общественного интерьера, костюма. Многие произведения декоративно-прикладного искусства, вырабатываемые предприятиями народных художественных промыслов, утратили свою первичную бытовую функцию, но приобрели еще большую художественную, эстетическую значимость. Произведения декоративно-прикладного искусства создают как отдельные художники в индивидуальном порядке, так и коллективы мастеров-исполнителей на предприятиях художественной промышленности. Для самого же изготовления художественных изделий на данных предприятиях применяют ручной творческий труд мастеров-художников. В изделиях народных художественных промыслов сохраняются и живут традиции, приемы мастерства и технологии народного декоративно-прикладного искусства, которые складываются в течение столетий. От поколения к поколению мастеров передаются наиболее выразительные пропорции и формы предметов, их орнамент, цветовая гамма. На основе исторического опыта и требований времени народные художественные промыслы развиваются и изменяются [5].

Народное искусство образно, красочно, доступно детскому восприятию, так как несёт в себе понятное содержание, которое в простых, лаконичных формах раскрывает красоту окружающего мира. Декоративно-прикладное искусство является одним из факторов гармонического развития личности. Посредством общения с народным искусством происходит обогащение души ребенка, прививается любовь к своему краю. Народное искусство хранит и передает новым поколениям национальные традиции и выработанные народом формы эстетического отношения к миру [1].

На уроках трудового обучения необходимо знакомить учащихся с достижениями местных мастеров и умельцев декоративно-прикладного творчества. Искусство народных мастеров помогает раскрыть учащимся мир прекрасного, развивать у них художественный вкус. Чтобы достичь положительных результатов в формировании патриотического развития личности через художественное творчество необходимо поставить следующие задачи:

1. создавать условия для усвоения знаний и навыков, знакомства с разными видами народной декоративной росписи, с историей их возникновения (окружающая среда: игрушки, одежда, предметы быта, иллюстрации, чтение литературы);
2. показывать учащимся, чем отличаются одни произведения искусств от других, как по тематике, так и по средствам выразительности; называть вид росписи, знакомить с цветами красок;
3. развивать умения видеть красоту в природе, искусстве; воспитывать художественный вкус;
4. формировать художественные умения в разных видах народного декоративно-прикладного творчества.

Одним из направлений патриотического воспитания является толерантное восприятие культур других национальностей, проживающих рядом друг с другом. Раскрытие данного направления особенно характерно и рекомендуемо для нашей страны [6].

Основная задача педагога заключается в формировании у учащихся желания и умения сохранить то, что сделано предыдущими поколениями. С содержательной точки зрения успешность этой деятельности обуславливается определенным интересом учащихся к национальным истокам, традициям, культуре, обычаям своего народа.

Один из наиболее эффективных методов патриотического воспитания через декоративно-прикладное искусство — это практические занятия. Во время практических занятий учащиеся могут самостоятельно изготавливать различные предметы, связанные с народными традициями. Например, создание кукол-оберегов, украшений из бисера, роспись по дереву или ткани помогает учащимся ощутить связь с национальной культурой через непосредственное участие в творческом процессе.

Декоративно-прикладное искусство можно интегрировать с другими учебными дисциплинами, такими как история и литература. На уроках трудового обучения можно обсуждать исторические события, связанные с развитием ремесел в разных регионах нашей страны, а также использовать литературные произведения, описывающие народные традиции и обычаи.

Внеклассные мероприятия, такие как выставки или экскурсии на местные предприятия по производству изделий декоративно-прикладного искусства, позволяют расширить кругозор и показать практическую сторону ремесел. Это также помогает учащимся увидеть результат труда своих сверстников и оценить его значимость для культурного наследия. Уроки по трудовому обучению, посвященные декоративно-прикладному искусству, способствуют всестороннему развитию учащихся, сочетая творческую и познавательную деятельность.

Также стоит отметить, что декоративно-прикладное творчество способствует развитию мастерства и креативности у учащихся. Оно учит терпению, умению работать руками, развивает эстетическое восприятие и чувство прекрасного. При этом важно учитывать, что воспитание патриотизма через декоративно-прикладное творчество должно быть осуществлено в свободной и творческой атмосфере, где каждый может выразить себя и свою привязанность к своей стране.

В заключение следует отметить, что воспитание патриотизма является неотъемлемой частью воспитательного процесса и развития гражданского общества. Декоративно-прикладное творчество представляет собой мощный инструмент для достижения этой цели, так как позволяет выразить красоту и национальную идентичность через создание уникальных предметов, развивает творческие способности и глубокое понимание своей культуры. Путем использования декоративно-прикладного творчества на уроках трудового обучения можно формировать и укреплять патриотические чувства у молодого поколения, способствуя развитию гражданственности и формированию положительного отношения к своей стране и народу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дегтярева, М.А. Народная педагогика и патриотизм / М.А. Дегтярева. Мир образования – образование в мире – 2003 – № 1 – с. 176.
2. Гребенкина, Н.К. Педагогическое мастерство и педагогические технологии: учеб. пособие / Л.К. Гребенкина [и др.]; под общ. ред. Л.К. Гребенкиной. – 3-е изд. – М.: Педагогическое общество России, 2010. – 256 с.
3. Прохоров, А.М. Советский энциклопедический словарь / А.М. Прохоров. М., «Советская энциклопедия», 1982.
4. Каплан, Н.И. Народные художественные промыслы / Н.И. Каплан, Т.Б. Митлянская —Минск: Народная асвета, 2000.—186 с.
5. Уткин, Н.М. Народные художественные промыслы / Н.М. Уткин, Н.С. Королева – М.: Высшая школа, 1992.—160 с.
6. Буровкина, Л.А. Научно-методологические условия художественного образования учащихся в учреждениях дополнительного образования: монография / Л.А. Буровкина – М.: МГПУ, 2011. – 320 с.

УДК: 37.018.2

РОЛЬ УЧИТЕЛЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЗМА ШКОЛЬНИКОВ

Ю. И. ВРУБЛЕВСКИЙ
(Представлено: В. Н. ЮРЧЕНКО)

В статье рассматриваются и анализируются различные методы и факторы, оказывающие патриотическое воспитательное влияние на школьников, роль учителя в формировании патриотизма школьников. Также отмечается необходимость и важность совершенствования преподавательской деятельности учителей по патриотическому воспитанию.

В современном обществе патриотическое воспитание молодежи в школах приобретает особо важное значение по нескольким причинам: возрастает уровень информированности молодого поколения, процессы демократизации и появление многопартийной системы создают определенные трудности в понимании молодым поколением сущности патриотизма, современная молодежь не прошла той школы патриотического воспитания, которая выпала на долю старшего поколения. В воспитании подрастающего поколения образовательные учреждения играют ведущую роль, а проблема разработки теории патриотического воспитания учащейся молодежи приобретает в современных условиях особую актуальность, становится одной из важнейших задач современной психологии и педагогики.

Патриотизм – особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему народу, гражданству, языку, истории, традициям. Сегодня патриотическое воспитание трактуется уже не как политическая, военно-идеологическая, а как культурно-историческая ценность. Пришло осознание необходимости ориентации на национальную культуру и историю нашего народа как пространство, питающее духовное и нравственное развитие учащихся в условиях современной школы.

Как отмечал В.О. Сухомлинский, патриотизм в педагогике выступает как деятельная направленность сознания, воли, чувств диалектически связанная с образованностью, этической, эстетичной и эмоциональной культурой, мировоззренческой стойкостью, творческой работой [1].

Проблема патриотизма, была актуальной с древности. Патриотизм проникает во все сферы познавательной деятельности личности, и формируется постепенно под влиянием окружающей среды и других воспитательных факторов. Быть патриотом для ребёнка, школьника означает любить родной язык, свой дом, родителей и всех людей, природу родного края, обычаи своего народа, уважать и приумножать эти традиции [4].

Патриотическое воспитание, как и все направления воспитательной работы в школе, предполагает формирование и развитие личности учащегося. Воспитание человека, любви к своей стране, потребности творить и совершенствоваться есть важнейшее условие успешной реализации патриотического воспитания.

К.Д. Ушинский считал, что патриотизм является не только важной задачей воспитания, но и его могучим педагогическим средством. «Как нет человека без самолюбия, - писал он, - так нет человека без любви к Отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями».

Приведенное определение позволяет уяснить содержание понятия патриотизма. Оно включает в себя:

- чувство привязанности к тем местам, где человек родился и вырос;
- уважительное отношение к языку своего народа;
- заботу об интересах Родины;
- осознание долга перед Родиной, отстаивание ее чести и достоинства, свободы и независимости (защита Отечества);
- проявление гражданских чувств и сохранение верности Родине;
- гордость за социальные и культурные достижения своей страны;
- гордость за свое Отечество, за символы государства, за свой народ;
- уважительное отношение к историческому прошлому Родины, своего народа, его обычаям и традициям;
- ответственность за судьбу своей страны и своего народа, их будущее, выраженное в стремлении посвящать свой труд, способности укреплению могущества и расцвету Родины;
- гуманизм, милосердие, общечеловеческие ценности.

Патриотизм формируется в процессе обучения, социализации и воспитания школьников. Однако социальное пространство для развития патриотизма не ограничивается школьными стенами. Большую роль здесь выполняют семья и другие социальные институты общества, такие как: средства массовой

информации, общественные организации, учреждения культуры и спорта, религиозные организации, учреждения здравоохранения, правоохранительные органы, военные организации, учреждения социальной защиты населения, корпоративные объединения, кровнородственные, диаспорные связи и отношения. Все это необходимо учитывать педагогам в процессе воспитания учащихся [2].

Воспитание патриотизма и гражданственности – процесс сложный. Он требует от педагога постоянного творческого поиска новых эффективных форм и средств, а также повышения собственного профессионального уровня. Ведь учитель не только учит писать, читать, считать, но и принимает активное участие в становлении личности своих подопечных.

Патриотическое воспитание на макроуровне как составная часть воспитания в качестве социального института обеспечивает сплочение общества путем реализации следующих функций:

- планомерное создание условий для относительно целенаправленного патриотически-ориентированного развития членов общества и удовлетворения ими соответствующих потребностей;
- подготовка необходимого для развития общества «человеческого капитала», в достаточной мере адекватной общественной культуре, патриотов своей страны;
- обеспечение стабильности общественной жизни через трансляцию культуры, патриотических ценностей и др.

В процессе обучения специфичны и средства педагогической деятельности, включающие в себя средства преподавательской (учителя) и учебной (школьника) деятельности.

Основными факторами, оказывающими патриотическое воспитательное влияние на школьников в преподавании учебных дисциплин, являются:

- содержание учебного материала, его идейно-политическая направленность;
- четкая организация занятий, разнообразие методов и форм обучения;
- отношения, складывающиеся между преподавателем и учащимися, а также между самими обучающимися;
- влияние личных качеств преподавателя, его педагогического мастерства;
- общий режим и атмосфера учебного процесса школы.

Эффективность решения воспитательных задач зависит от того, в какой мере будут реализованы воспитательные возможности всех этих факторов в совокупности.

Воспитание учебным материалом — один из важнейших факторов патриотического воспитательного влияния на школьников, определяемого умением учителя вычленив стержневые, ведущие идеи науки, раздела, темы, организовать вокруг патриотических идей остальной материал и довести его до глубокого сознания обучающихся. Четкая организация занятий и разнообразная методика обучения приносят желаемые результаты при условии, когда:

- ставятся ясные образовательные и воспитательные цели занятий;
- обеспечивается строгая, обоснованная последовательность учебной работы;
- применяются различные методы обучения, активизирующие познавательную деятельность школьников, придающие ей творческий, близкий к исследовательскому характер, стимулирующие как коллективную, так и индивидуальную работу;
- подводятся итоги занятия и вносятся соответствующие коррективы в систему планируемых познавательных и воспитательных задач;
- создается необходимый психологический настрой на учебную работу.

Эти условия проявляются своеобразно в каждой форме учебной работы — на уроке, просмотре видео, экскурсии и т.д.

В преподавательской деятельности учителя важное место занимает его умение вычленив, сформулировать и целенаправленно решить воспитательные задачи патриотической направленности [3].

Патриотически-воспитывающий характер обучения обеспечивается не только идейно-воспитательной направленностью содержания обучения, но и методами и организационными формами учебной работы, способами движения учащихся от незнания к знанию. Глубокому овладению учащимися патриотическими знаниями, упрочению у них патриотических убеждений и установок способствуют активные методы, формы и приемы обучения [5].

В совершенствовании преподавательской деятельности учителей по патриотическому воспитанию детей особое внимание уделено их методической оснащенности — владению различными педагогическими приемами.

По диапазону, выразительности, педагогической целесообразности и эффективности использования педагогических приемов можно судить о воспитательном мастерстве учителя.

Учитель воспитывает школьников личным примером:

- внешним видом («дипломат», авторучка и др.); доброжелательным взглядом, тоном речи; эстетикой позы, осанки, походки;

- добросовестной подготовкой к занятиям: продуманностью содержания, методики и организации проведения уроков; целенаправленной подготовкой к занятию наглядных пособий; учетом индивидуальных особенностей учащихся при планировании им индивидуальных заданий;

- качественным проведением уроков: максимально продуктивным использованием учебного времени на занятии; демонстрацией высокоразвитых умений и навыков в выполнении упражнений, заданий, поручаемых школьникам; соблюдением методических требований по проведению урока.

В патриотическом воспитании актуальны приемы, характеризующие социально-личностную позицию самого учителя:

- позитивное личностное отношение к макро- и микросреде;
- конструктивные суждения о стратегии и приоритетах развития страны в современных условиях, экологической безопасности региона, необходимости качественного выполнения гражданского и воинского долга и т.д.;
- позитивное отношение к народным традициям, истории нашего государства, будущему выпускников школы и др.;
- конструктивные высказывания о положении дел в школе, коллективе класса;
- уважительное и доверительное отношение к школьникам, недопущение ущемления их личного достоинства; положительный эмоциональный фон высказываний по социальной тематике и др.

Патриотизм формируется в процессе обучения, социализации и воспитания школьников. Однако, социальное пространство для развития патриотизма не ограничивается школьными стенами. Большую роль здесь также выполняет семья и другие социальные институты общества, такие как: средства массовой информации, общественные организации, учреждения культуры и спорта, религиозные организации. Главное условие эффективности работы педагога с семьей – формирование особой атмосферы, в которой учащийся и родитель постоянно ощущают причастность к культуре своего народа, создание системы непрерывного обучения и воспитания, тесно связанной с особенностями региона, с народными традициями. Только глубокое знание духовных и культурных традиций своего народа позволит воспитать человека, гражданина, который горячо любит свою Родину, место, где он живет и трудится.

Размышляя о роли педагога в современном обществе, я убеждаюсь в мысли, что нет ничего священные и важнее для учителя, чем воспитать в человеке чувство патриотизма. Роль учителя в патриотическом воспитании школьников, а значит, и в становлении будущего страны трудно переоценить. Именно педагогу по силам воспитывать личность, гражданина и патриота, включая их в деятельность по преобразованию окружающей социальной действительности. Это возможно при условии высокого уровня профессионализма, активности и убежденности в важности деятельности по патриотическому воспитанию школьников. «Воспитать патриота может только патриот», – такое мнение высказал Президент Беларуси Александр Лукашенко в Послании белорусскому народу и Национальному собранию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аронов, А.А. Воспитывать патриотов/А.А. Аронов. Книга для учителя. – М.: Просвещение, 2009. – 175с.
2. Агапова, И., Давыдова М. Патриотическое воспитание в школе/ И. Агапова, М. Давыдова. – М., Айрис- пресс, 2012. – 224 с.
3. Касимова, Т.А. Патриотическое воспитание школьников: Методическое пособие / Т. А. Касимова, Д. Е. Яковлев. – М.: Айрис-пресс, 2015. – 126 с.
4. Мусина, В.Е. Патриотическое воспитание школьников: учебно-методическое пособие / В.Е. Мусина. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013 – 156 с.
5. Просвирник, А.В. Психолого-педагогические проблемы развития личности в современных условиях / А.В. Просвирник – СПб. – 2007. – 98 с.
6. Хуторской, А.В. Педагогическая инноватика: методология, теория, практика: научное издание / А.В. Хуторской. – М.: Изд-во УНЦ ДО, 2005. – 222 с.

УДК 371.31

**АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СИСТЕМУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ****И. С. МАТЮШЕВСКИЙ***(Представлено: канд. техн. наук, доц. С. Э. ЗАВИСТОВСКИЙ,
канд. техн. наук, доц. А. С. КИРИЕНКО)*

Статья посвящена проблемам внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в технологическое образование Беларуси. Рассмотрен международный опыт использования ИИ для персонализации обучения и автоматизации работы. Выявлены ключевые барьеры: недостаточная техническая оснащённость школ и низкая ИИ-грамотность педагогов. Предложены пути решения через модернизацию инфраструктуры и системную подготовку кадров.

Введение. Цифровая трансформация требует от образования формирования новых компетенций, особенно в практико-ориентированной области технологического образования. Интеграция искусственного интеллекта (ИИ) открывает для этого широкие возможности, позволяя автоматизировать рутину и персонализировать обучение. Однако массовое внедрение ИИ в Беларуси сталкивается с серьёзными барьерами. Цель статьи — проанализировать эти challenges и наметить пути их преодоления на основе международного опыта и оценки состояния национальной системы образования.

В условиях стремительных технологических изменений образование сталкивается с необходимостью не только передавать знания, но и формировать у обучающихся навыки, востребованные в условиях новой цифровой реальности.

Интеграция искусственного интеллекта в сферу технологического образования открывает широкие возможности для обновления содержания и методов обучения. ИИ способен не только персонализировать образовательный процесс, но и выполнять рутинные и трудоёмкие функции - от автоматической проверки заданий до анализа успеваемости и создания адаптивных маршрутов обучения. Одним из ключевых преимуществ применения ИИ в образовательной практике становится высвобождение времени педагога: интеллектуальные системы берут на себя задачи, не требующие педагогического творчества, тем самым позволяя учителю сосредоточиться на индивидуальной работе с учащимися, углублённой поддержке, мотивации и развитии их способностей, используя проектную, визуальную и практическую деятельность: автоматизировать проверку чертежей, анализировать логику выполнения заданий, предлагать оптимальные варианты решений.

Постановка задачи. Несмотря на наличие отдельных успешных практик, массовая интеграция ИИ в школьную и вузовскую практику всё ещё сдерживается методологическими и техническими факторами.

В общем образовании (начальная и средняя школа) искусственный интеллект внедряется через адаптивные учебные системы, цифровых ассистентов и инструменты автоматизированной оценки. Так, в Сингапуре в рамках национальной программы EdTech Masterplan 2030 все школы получают ИИ-решения для персонализации обучения. С декабря 2023 года в государственной онлайн-платформе появились два интеллектуальных ассистента: один проверяет сочинения по английскому языку на грамматические и орфографические ошибки, освобождая учителя для работы над творческими аспектами письма, а другой автоматически формирует оценки и предварительные комментарии к коротким ответам по любому предмету. [1, 2]

Общее влияние ИИ заключается в усилении персонализации, ускорении адаптации учебных программ и освобождении преподавателей от рутинных задач. Адаптивные системы и цифровые тьюторы позволяют реализовать индивидуальные траектории обучения, а анализ данных - оперативно обнаруживать и компенсировать пробелы в знаниях. Примеры из разных стран (Сингапур, США, ведущие университеты мира) свидетельствуют, что инвестиции в образовательные ИИ-технологии уже приносят плоды: показатели успеваемости и мотивации учащихся растут, а учителя и преподаватели получают новые инструменты для поддержки каждого ученика. В то же время специалисты указывают на необходимость сбалансированного подхода: важно сочетать потенциал ИИ с традиционными педагогическими методами, следить за приватностью данных и не заменять учителя машиной, а лишь делать его работу более эффективной. Несмотря на эти вызовы, тенденция интеграции ИИ в образование продолжится, обещая более гибкие и эффективные системы обучения как в школе, так и в университете и научной среде. [3]

Технологическое образование представляет собой интегративную образовательную систему, направленную на формирование технологической культуры, проектно-инженерного мышления и практических компетенций в условиях цифровой экономики. Ключевым вызовом становится обеспечение

преемственности между школьным технологическим образованием, профессиональной подготовкой и требованиями Industry 4.0. Как отмечается в Концепции технологического образования, 78% современных профессий требуют навыков работы с интеллектуальными системами.

Однако для реализации этого потенциала необходим комплексный подход: обновление инфраструктуры, развитие методик преподавания, повышение квалификации педагогов и создание нормативной базы для внедрения ИИ в образовательный процесс.

В технологических дисциплинах, где необходимы высокая точность, безопасность и критическая рефлексия, важно наличие системной подготовки педагогов: Педагогические кадры нуждаются в повышении цифровой грамотности и профессиональной подготовки, позволяющей осмысленно использовать ИИ в обучении, особенно в практико-ориентированных курсах. Повышение квалификации должно сопровождаться доступом к инструментам и методической поддержке.

Главные вызовы интеграции ИИ в технологическое образование касаются методологии, этики и прозрачности: риски снижения уровня самостоятельности обучающихся, проблемы интерпретируемости решений ИИ, а также неравномерность инфраструктуры требуют системного подхода - от разработки нормативных актов до подготовки педагогов и обновления материальной базы.

Современные образовательные практики всё чаще опираются на решения искусственного интеллекта, но в Республике Беларусь до сих пор сохраняется заметный разрыв между стремительным развитием технологий и уровнем их реального использования в школах. По официальным данным, 99,8% учреждений общего среднего образования страны имеют подключение к интернету, однако это не означает автоматической готовности к применению ИИ-решений, требующих гораздо более мощной инфраструктуры и специфических навыков у педагогов.

Результаты и их обсуждение. Опрос Национального института образования 2023 года показывает, что примерно 85% учителей в Беларуси владеют базовыми информационно-коммуникационными технологиями и готовы интегрировать их в учебный процесс. Тем не менее, когда речь заходит о непосредственно инструментах ИИ - генеративных моделях, системах адаптивного обучения или аналитических платформах - значительное большинство педагогов остаётся на уровне поверхностного знакомства или вовсе не знакомо с ними. Данные исследования Tyton Partners 2023 года свидетельствуют, что среди преподавателей вузов лишь около 9% регулярно используют генеративные ИИ-инструменты в работе, тогда как 27% студентов уже являются активными пользователями таких систем. Аналогичная тенденция прослеживается и среди школьных учителей: массовые внедрения ChatGPT и других подобных сервисов находятся в зачаточном состоянии, и лишь примерно треть педагогов знакомы с ними, из которых менее 10% применяют эти инструменты регулярно. [4 - 6]

Низкая готовность учителей к использованию ИИ создаёт целый ряд проблем. Во-первых, без должной цифровой подготовки педагоги не могут полноценно использовать адаптивные платформы для персонализации обучения, что оставляет многих учеников без необходимых дополнительных ресурсов и поддержки. Во-вторых, без практических навыков работы с ИИ учитель не в состоянии оценить качество и корректность работы системы, что ставит под сомнение достоверность автоматизированных оценок и может привести к искажению учебных результатов.

Для преодоления этих барьеров важно запускать специализированные курсы повышения квалификации с практическим уклоном. Программы должны включать знакомство с основами машинного обучения, работу с конкретными образовательными платформами (например, Knewton Alta, Century Tech), освоение навыков построения простых моделей анализа данных с помощью Google AutoML и интеграции ИИ-модулей в существующие LMS (Moodle, OpenEdX). Дополнительно необходимо разрабатывать сертификационные программы, которые не только подтверждают теоретические знания, но и проверяют умение педагога внедрить и настроить ИИ-инструмент на реальном примере. [7]

Для успешного внедрения искусственного интеллекта в образовательную практику необходима не только педагогическая готовность, но и соответствующая техническая база. В школах Республики Беларусь уже сформирована базовая ИКТ-инфраструктура: по данным Министерства образования, подавляющее большинство учреждений общего среднего образования (более 99%) имеют доступ в интернет, а в каждой школе имеются компьютерные кабинеты. Однако уровень технического оснащения остаётся крайне неоднородным и зачастую не соответствует требованиям современных цифровых решений.

Интерактивные доски и проекторы имеются примерно в 60–70% учреждений, но их техническое состояние и функциональность также варьируются. Большинство школ не имеют доступа к специализированным аппаратным ИИ-ресурсам - например, GPU-станциям или выделенным серверам. Использование облачных решений, таких как Google Workspace for Education или Microsoft 365, тоже ограничено: часто оно сводится лишь к базовой электронной почте или онлайн-диску. Широкополосный интернет доступен не во всех учреждениях, особенно в сельской местности, где пропускная способность может быть ниже необходимой для стабильной работы облачных платформ.

Также важно отметить, что в большинстве школ не проводится регулярное обновление оборудования по централизованной схеме. Закупки осуществляются фрагментарно и зависят от местных бюджетов,

что затрудняет планирование и стандартизацию ИТ-инфраструктуры. В результате многие школы технически не готовы к внедрению ИИ-решений, которые требуют не столько высокопроизводительных машин, сколько стабильной и совместимой инфраструктуры - современных браузеров, быстрой загрузки веб-интерфейсов, корректной поддержки мультимедийного контента, а также защищённого хранения данных.

Таким образом, прежде чем массово внедрять искусственный интеллект в образовательный процесс, необходимо провести комплексное обследование технического состояния школ. Это позволит определить:

- какие учреждения нуждаются в модернизации оборудования;
- где требуется улучшение интернет-соединения;
- какие школы уже могут выступать в роли пилотных площадок для внедрения ИИ;
- какие риски и ограничения нужно учитывать в процессе цифровизации.

Такая диагностика станет важной основой для формирования государственной стратегии цифровой трансформации образования и обеспечит осознанный и равномерный переход к инновационным технологиям.

Внедрение ИИ в сферу технологического образования открывает значительные возможности для персонализации, повышения точности оценки и автоматизации процессов. Однако, несмотря на очевидные преимущества, необходимо критически осмысливать и ограничения, и потенциальные риски, которые могут сопровождать его широкомасштабное применение. Особенно важно это в условиях образовательной среды, где развитие личности, творческого мышления и самостоятельности не должно подменяться технологической зависимостью.

Для минимизации этих рисков предлагается сбалансированный подход, при котором использование ИИ сочетается с традиционными практическими заданиями. Преподавателям рекомендуется разработать образовательные сценарии, в которых ИИ работает в качестве вспомогательного инструмента, а основное решение проблем всё же остаётся за студентом. Дополнительно следует уделять внимание развитию у учащихся навыков интерпретации результатов, что позволит им использовать ИИ как поддержку, а не как замену собственных усилий. [8], [9]

Выводы. Потенциал ИИ для трансформации технологического образования огромен, что подтверждается успешным опытом других стран. Однако для его реализации в Беларуси необходимо преодолеть ключевые препятствия: слабую материальную базу школ и низкую ИИ-грамотность педагогов. Стратегия внедрения должна быть комплексной и включать модернизацию инфраструктуры, масштабное повышение квалификации учителей и разработку методических рекомендаций. Только тогда ИИ станет эффективным интеллектуальным инструментом в руках педагога, а не заменой его творческой роли.

ЛИТЕРАТУРА

1. How Singapore Plans Its EdTech Masterplan 2030. URL: <https://www.tigernix.com/blog/how-singapore-plan-edtech-masterplan-2030> (дата обращения: 15.06.2025).
2. Educational Technology Journey. EdTech Masterplan. Ministry of Education Singapore. URL: <https://www.moe.gov.sg/education-in-sg/educational-technology-journey/edtech-masterplan> (дата обращения: 15.06.2025).
3. Vaswani A. et al. Attention is All You Need. URL: <https://id2223kth.github.io/papers/2017%20-%20Attention%20Is%20All%20You%20Need.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).
4. GenAI in Higher Education: Fall 2023 Update. Tyton Partners. URL: <https://tytonpartners.com/app/uploads/2023/10/GenAI-IN-HIGHER-EDUCATION-FALL-2023-UPDATE-TIME-FOR-CLASS-STUDY.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).
5. RAND Corporation. Artificial Intelligence and the Future of Teaching and Learning. 2024. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA956-31.html (дата обращения: 15.06.2025).
6. Беларусь утвердит правила использования ИИ в школах. // Pravo.by. 2025. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/june/89034/> (дата обращения: 15.06.2025).
7. AI-based Learning System for High School Mathematics. Kennesaw State University. URL: https://digitalcommons.kennesaw.edu/cday/Spring_2024/Undergraduate_Research/1/ (дата обращения: 15.06.2025).
8. Методы искусственного интеллекта в экономике. URL: <https://1economic.ru/lib/120731> (дата обращения: 15.06.2025).
9. Влияние ИИ на процессы обучения в вузах. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/321374> (дата обращения: 15.06.2025).

УДК 371.31

ПРАКТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И МЕТОДЫ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И. С. МАТЮШЕВСКИЙ

(Представлено: канд. техн. наук, доц. С. Э. ЗАВИСТОВСКИЙ,
канд. техн. наук, доц. А. С. КИРИЕНКО)

В статье рассматриваются конкретные методологические и технологические подходы к интеграции элементов искусственного интеллекта (ИИ) в систему технологического образования. На основе анализа современных педагогических моделей, международного опыта и инфраструктурных требований предлагается комплекс практических решений для белорусской системы образования. Особое внимание уделяется разработке суверенных ИИ-решений, адаптированных к национальному контексту, и преодолению ключевых барьеров внедрения, связанных с подготовкой кадров.

Введение. Переход от теоретического осмысления потенциала искусственного интеллекта (ИИ) к его практической интеграции в образовательный процесс является актуальной задачей для современной педагогики. Особый интерес в этом контексте представляет технологическое образование, где сочетание теории, проектной деятельности и работы с оборудованием создает уникальные возможности для применения интеллектуальных систем. Данная статья, основанная на материалах магистерского исследования, предлагает комплексный обзор практических моделей, инструментов и организационных условий для эффективного внедрения ИИ в технологическое образование в Республике Беларусь.

Основная часть. 1. Современные педагогические модели и инструменты ИИ. Эффективная интеграция ИИ требует выбора адекватных педагогических моделей, где технология не заменяет педагога, а усиливает его возможности. Одной из наиболее перспективных является модель адаптивного обучения, реализованная в таких платформах, как Knewton Alta и CENTURY Tech. Эти системы используют алгоритмы машинного обучения для анализа успеваемости каждого ученика и автоматического формирования индивидуальной образовательной траектории [1], [2]. В контексте уроков технологии это позволяет динамически подбирать задания по черчению или 3D-моделированию, фокусируясь на ликвидации конкретных пробелов в знаниях ученика.

Значительный потенциал раскрывается в модели «перевернутого класса», дополненной ИИ-аналитикой. Платформы типа Edmodo Insights могут анализировать данные о предварительном изучении материала дома (время просмотра видео, результаты входных тестов) и предоставлять учителю готовую аналитику для формирования разноуровневых групп на практическом занятии в мастерской [3]. Это делает работу на уроке более целенаправленной и эффективной.

Особую роль играют ИИ-тьюторы – интеллектуальные ассистенты, способные сопровождать ученика на всех этапах обучения. Такие инструменты, как Socratic by Google или Khanmigo от Khan Academy, могут предоставлять ученикам интерактивные консультации по подбору материалов для проекта, разъяснению технических свойств соединений или построению оптимальной последовательности технологического процесса, сопровождая ответ не только текстом, но и визуальными схемами и рекомендациями по технике безопасности.

Для решения узкоспециализированных задач технологического образования эффективны гибридные платформы, такие как Squirrel AI, которая использует древовидные байесовские сети для детальной диагностики знаний на уровне базовых концептов [1]. А платформа Querium StepWise AI демонстрирует высокую эффективность в анализе пошаговых решений, выявляя не только конечную ошибку, но и ошибочную логику на промежуточных этапах, что критически важно в инженерных дисциплинах.

Отдельного внимания заслуживают генеративные модели ИИ, такие как GPT-4, Perplexity, Gemini, DeepSeek, Stable Diffusion и DALL-E. Эти технологии открывают новые горизонты для технологического образования: от автоматической генерации вариантов задач и проектных кейсов до создания визуальных прототипов изделий и оптимизации инженерных решений [4], [2]. Например, учитель может сгенерировать с помощью GPT-4 десятки уникальных задач на расчет параметров механизма, а с помощью Stable Diffusion – визуализировать различные дизайн-концепции одного и того же продукта, стимулируя тем самым творческое и проектное мышление учащихся.

На технологическом уровне для автоматизации рутинных операций преподавателя предлагается использование алгоритмов компьютерного зрения, таких как Mask R-CNN. Данная архитектура позволяет проводить инстанс-сегментацию чертежей и технических схем, автоматически выявляя несоответствия стандартам, ошибки в нанесении размеров и другие недочеты, что высвобождает время педагога для творческой и наставнической работы [5].

2. *Инфраструктурная модель и стратегия внедрения.* Ключевым вопросом практической реализации является выбор технической архитектуры. Проведенный анализ показывает, что локальный запуск современных нейросетевых моделей на школьных компьютерах является экономически и технически нецелесообразным ввиду экстремально высоких требований к оборудованию (стоимостью \$3000-\$4000 за ПК) и необходимости наличия высококвалифицированного персонала для их обслуживания [6], [7].

Оптимальной для Республики Беларусь представляется модель, основанная на централизованных вычислениях. Все ресурсоемкие операции должны выполняться в национальном дата-центре (например, на базе ПВТ или Академии наук), а школы получают доступ к ИИ-сервисам через защищенные каналы связи, используя компьютеры-«тонкие клиенты» со средней стоимостью \$200-\$500. Данное решение обеспечивает не только экономическую эффективность и простоту масштабирования, но и технологический суверенитет, безопасность данных учащихся, а также централизованное и оперативное обновление программного обеспечения.

В долгосрочной перспективе именно создание национальных ИИ-серверов и разработка собственных образовательных моделей, натренированных на белорусском и русском языках и учитывающих специфику национальных учебных программ, является стратегически верным решением. Это позволит обеспечить полный контроль над образовательным контентом, его идеологическую и методическую адекватность, а также независимость от внешних провайдеров, доступ к которым может быть нестабильным [6], [7].

3. *Ожидаемые образовательные и административные эффекты.* Практическое внедрение предложенных моделей и инструментов ИИ способно принести значимые результаты как для учащихся, так и для педагогов и образовательной системы в целом. Проведенный анализ международного опыта и исследований позволяет сформулировать конкретные ожидаемые эффекты.

В образовательной сфере ключевым результатом является повышение успеваемости и вовлеченности учащихся. Мета-анализ 51 исследования показал «большое положительное влияние» использования чат-ботов на учебную эффективность, а систематический обзор 31 работы подтвердил умеренно положительный эффект генеративного ИИ на успеваемость [8], [9]. Адаптивные системы, такие как Khan Academy, демонстрируют рост результатов тестов на 15-30% при регулярном использовании [10], [11]. В технологическом образовании это трансформируется в более глубокое понимание сложных инженерных концепций и повышение качества проектных работ.

Не менее важен эффект развития инженерного и критического мышления. Инструменты генеративного дизайна, например, в рамках курса, который прошли 202 студента, поощряют учащихся к исследованию множества решений и итеративной оптимизации проектов, что напрямую формирует системный инженерный подход и навыки критического анализа [12].

С административной точки зрения, главный эффект — сокращение рутинной нагрузки на педагога. Исследования McKinsey показывают, что с помощью ИИ можно автоматизировать 20-40% времени, затрачиваемого учителями на подготовку и проверку [13]. Такие платформы, как CoGrader, заявляют о сокращении времени оценивания на 80%, а использование ChatGPT для подготовки материалов может экономить до 10-11 часов в неделю [14]. Высвобожденное время педагог может перенаправить на индивидуальную работу с учениками, углубленное наставничество и развитие практических навыков, что является основной целью технологического образования.

Кроме того, внедрение ИИ способствует объективизации оценивания. Системы автоматизированной проверки, будь то анализ чертежа с помощью компьютерного зрения или оценка кода, работают по строго заданным критериям, минимизируя влияние бессознательной предвзятости преподавателя и обеспечивая единообразие и справедливость оценок для всех учащихся.

4. *Вопросы кадровой подготовки и пути решения.* Международные исследования, такие как отчет Tyton Partners (2023), и анализ локального контекста выявили критический разрыв между активным использованием ИИ студентами (около 30% регулярно используют генеративный ИИ) и крайне низкой ИИ-грамотностью педагогов (лишь 9% используют такие инструменты регулярно) [15]. Низкая компетентность учителей несет в себе серьезные риски: от некритичного принятия ошибочных результатов ИИ («галлюцинаций») до снижения уровня самостоятельной работы учащихся и нарушения этических норм.

Для преодоления этого барьера необходима незамедлительная реализация национальной программы повышения ИИ-компетентности педагогов. Программа должна носить практико-ориентированный характер и включать:

- Теоретический модуль по основам ИИ и машинного обучения.
- Практикумы по работе с конкретными ИИ-инструментами (чат-боты, генераторы заданий и изображений, аналитические платформы).
- Методический блок по интеграции ИИ в педагогический сценарий урока технологии.

Изучение этических аспектов, проблем авторского права и методов развития критического мышления при работе с ИИ [16], [17], [18].

Уже сегодня в Беларуси предпринимаются первые шаги в этом направлении, например, курсы и семинары, организуемые Институтом образования совместно с Парком высоких технологий [19]. Однако эти усилия требуют систематизации и масштабирования на всю страну.

Заключение. Интеграция искусственного интеллекта в технологическое образование – это сложный, но реализуемый процесс. Его успешность зависит от синергии трех компонентов: внедрения апробированных педагогических моделей и инструментов (от адаптивных систем до генеративного ИИ), выбора экономически и технологически обоснованной инфраструктуры (централизованные национальные серверы) и целенаправленной, системной подготовки педагогических кадров. Предложенный комплекс мер позволяет перейти от теоретического дискурса к практической реализации, обеспечивая не только повышение эффективности и персонализацию технологического образования в Республике Беларусь, но и подготовку конкурентоспособных специалистов, готовых к работе в условиях цифровой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. What You Need to Know About UNESCO's New AI Competency Frameworks. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/what-you-need-know-about-unescos-new-ai-competency-frameworks-students-and-teachers?hub=32618> (дата обращения: 15.06.2025).
2. Brown T. et al. Language Models are Few-Shot Learners // arXiv. 2020. URL: <https://arxiv.org/abs/2005.14165> (дата обращения: 15.06.2025).
3. Pérez-Sanagustín M., Santos O. C., Hernández-Leo D. Generative AI in education: A systematic literature review. // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2024. URL: <https://educationaltechnologyjournal.springeropen.com/articles/10.1186/s41239-023-00436-z> (дата обращения: 15.06.2025).
4. Архитектуры нейросетей. URL: <https://proektneiroseti.github.io/architectures.html> (дата обращения: 15.06.2025).
5. Caruana R. Multitask Learning // arXiv. 1997. URL: <https://arxiv.org/abs/1506.01497> (дата обращения: 15.06.2025).
6. Server Hardware Requirements to Run AI. Bacloud. URL: <https://www.bacloud.com/en/knowledgebase/218/server-hardware-requirements-to-run-ai--artificial-intelligence--2025-updated.html> (дата обращения: 15.06.2025).
7. Как установить ChatGPT без цензуры на домашний ПК. iXBT. URL: <https://www.ixbt.com/live/sw/kak-ustanovit-chatgpt-bez-cenzury-na-domashniy-pk.html> (дата обращения: 15.06.2025).
8. Mohammed S., et al. Exploring AI applications in personalized learning systems // Discover Education. 2025. Vol. 3. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666920X25000013> (дата обращения: 15.06.2025).
9. Woolf B.P., et al. Advancements in AI for Education: 2025 Review // Educational Psychology Review. 2025. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10648-025-09989-z> (дата обращения: 15.06.2025).
10. Multiple studies show Khan Academy drives learning gains. Khan Academy. URL: <https://blog.khanacademy.org/multiple-studies-show-khan-academy-drives-learning-gains-evidence-for-our-platforms-effectiveness/> (дата обращения: 15.06.2025).
11. Multiple studies show Khan Academy drives learning gains. Khan Academy. URL: <https://blog.khanacademy.org/multiple-studies-show-khan-academy-drives-learning-gains-evidence-for-our-platforms-effectiveness/> (дата обращения: 15.06.2025).
12. Educating Generative Designers in Engineering. AAAS-IUSE. URL: <https://aaas-iuse.org/resource/educating-generative-designers-in-engineering/#:~:text=Broader%20Impacts%3A%20The%20products%20of,The> (дата обращения: 15.06.2025).
13. How Artificial Intelligence Will Impact K–12 Teachers. McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Industries/Social%20Sector/Our%20Insights/How%20artificial%20intelligence%20will%20impact%20K%2012%20teachers/How-artificial-intelligence-will-impact-K-12-teachers.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).
14. Artificial Intelligence Could Free Up 13 Hours a Week for Teachers, Report Finds. Education Week. 2020. URL: <https://www.edweek.org/technology/artificial-intelligence-could-free-up-13-hours-a-week-for-teachers-report-finds/2020/01> (дата обращения: 15.06.2025).

15. GenAI in Higher Education: Fall 2023 Update. Tyton Partners. URL: <https://tytonpartners.com/app/uploads/2023/10/GenAI-IN-HIGHER-EDUCATION-FALL-2023-UPDATE-TIME-FOR-CLASS-STUDY.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).
16. Microsoft Learn Educator Center. URL: <https://learn.microsoft.com/en-us/training/educator-center/programs/msle/index-tab3> (дата обращения: 15.06.2025).
17. AI4K12 Initiative. URL: <https://ai4k12.org/> (дата обращения: 15.06.2025).
18. Минобр: к сентябрю утвердят правила использования ИИ в школах. // Sputnik Беларусь. URL: <https://sputnik.by/20250321/minobr-k-sentyabryu-utverdit-pravila-ispolzovaniya-ii-v-shkolakh-1094684891.html> (дата обращения: 15.06.2025).
19. Учителя Беларуси активно осваивают нейросети: барановичские педагоги побывали на семинаре в ПБТ. // Наш край. URL: <https://nashkraj.by/news/obshchestvo/uchitelya-belarusi-aktivno-osvaivayut-neyroseti-baranovichskie-pedagogi-pobyvali-na-seminare-v-pvt/> (дата обращения: 15.06.2025).

УДК 37.01

ОСОБЕННОСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

П. Ю. МАТЮШОНОК
(Представлено: О. В. САКОВИЧ)

В данной работе анализируются теоретические аспекты, касающиеся патриотического воспитания детей старшего дошкольного возраста. Особое внимание уделяется специфике проявления патриотизма у детей, составляющим его элементам, а также методам внедрения этого направления в образовательный процесс.

На протяжении значительного периода времени патриотизм играл важную, если не сказать определяющую роль не только в духовной сфере общества, но и в основных направлениях его функционирования, таких как идеология, политика, культура, экономика, экология и т.д.

Значительный вклад в исследование проблем патриотизма внесли ученые педагогической мысли: Ш. А. Амонашвили, Е. В. Бондаревская, А. Н. Выршиков, И. А. Ильин, В. И. Лутовинов, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский и др., уделявшие внимание воспитанию гражданственности и становлению личности.

Суть патриотизма заключается в глубоком чувстве привязанности и любви к своему отечеству. Это интегративное качество, обладающее важным социальным значением, представляет собой устойчивую характеристику личности, включает мировоззрение, нравственные идеалы, нормы поведения и связано с воспитанием чувств чести, долга, ответственности человека в обществе [1]. Патриотизм – это одно из важных личностных качеств, которое отражает глубокую привязанность и любовь к своей Родине. Это особая форма патриотического чувства, которая воплощается в готовности деятельно помогать и служить своей стране, заботиться о ее благополучии и процветании.

В дошкольном возрасте начинается закладываться фундамент для патриотизма. Это тот период жизни, когда формируются не только знания о Родине, но и эмоциональное восприятие, которое влияет на мировосприятие ребенка. Он знакомится со своим городом, семьей. Как и любое направление в воспитании детей дошкольного возраста, патриотическое воспитание должно протекать постепенно: от близкого к далекому, от простого к сложному. То же самое наблюдается в исследованиях А. Н. Малинина, в которых он отмечала, что патриотизм должен начинаться с естественной бессознательной привязанности человека к отчему краю и родной земле. С годами происходит расширение понятия патриотизма: отчий дом – отчий край – отечество; родители – род – народ [3].

Целью патриотического воспитания в данном возрасте можно считать воспитание гуманной, духовно-нравственной личности, достойных будущих граждан Беларуси, патриотов своего Отечества [2].

Детский патриотизм, по утверждению М. Ю. Новицкой, можно разделить на три связанные друг с другом компоненты, которые нуждаются в гармоничном развитии:

- когнитивный;
- эмоциональный;
- поведенческий [4].

Когнитивный компонент патриотизма связан с интеллектуальным восприятием и осознанием ребенком своей страны, ее истории, культуры и традиций. В этом контексте важно знакомить детей с различными аспектами родной земли: географией, историческими событиями, значимыми личностями и культурным наследием.

Эмоциональный компонент предполагает возникновение у детей чувства привязанности и любви к своей Родине. Это может проявляться в разных формах: от позитивных эмоциональных реакций на праздники до участия в культурных мероприятиях.

Поведенческий компонент включает в себя активные действия, связанные с проявлением любви к Родине.

Патриотическое воспитание ребенка старшего дошкольного возраста представляет собой важный этап, однако оно сопряжено с рядом сложностей, обусловленных особенностями развития детей этого возраста и спецификой самого процесса. В связи с этим, можно выделить некоторые особенности формирования патриотизма у детей старшего дошкольного возраста:

- предметно чувственная деятельность, которая осуществляется ребенком в процессе общения и непосредственного взаимодействия с другими людьми;
- проживание личностно значимого или значение эмоциональной восприимчивости;

– начинается осваивание элементов абстрактного мышления, но все еще находятся на стадии перехода от конкретного к абстрактному;

– пример значимых взрослых (родитель, воспитатель) [6].

Можно сказать, что рассмотрение вопроса патриотического воспитания детей старшего дошкольного возраста требует комплексного подхода, включающего различные методы и технологии. Это сложный процесс, требующий от педагогов, родителей и общества понимания важности этого явления. Успех зависит от грамотного сочетания различных педагогических методик, к которым можно отнести следующие методы:

- метод «открытий»;
- игровые ситуации, игры;
- продуктивная деятельность;
- рассказы;
- экскурсии, целевые прогулки;
- фотовыставки;
- праздники, утренники;
- составление карт-схем;
- вопросы проблемного характера;
- побуждение детей задавать вопросы, приучение к самостоятельному поиску ответов на свои вопросы, придумывание загадок;
- моделирование (наглядная демонстрация достопримечательностей, внешнего вида города и т.д.);
- упражнение детей в элементарном анализе (определить, для чего был нужен тот или иной предмет в крестьянском быту и как он использовался), сравнении (быта и занятий людей города и села; предметов искусства разных народов);
- обследование экспонатов копий в мини-музее, выставках и др.

Особую роль здесь имеет применение игр в процессе патриотического воспитания, так как именно игра является ведущей деятельностью в дошкольном возрасте. Игровую деятельность можно использовать как средство развития способности к адекватному восприятию действительности. Игры помогают детям дольше оставаться сосредоточенными при выполнении заданий, которые вызывают у них живой интерес и увлечение [5]. Роль игры в воспитании детей изучали в своих работах Д. Б. Эльконин, Н. Я. Михайленко, Н.А. Короткова.

Таким образом, патриотическое воспитание представляет собой многоступенчатый и многофакторный процесс. При этом стоит помнить, что патриотическое воспитание не может быть успешным без активного участия педагогов и родителей. Взаимодействие этих двух ключевых институтов воспитания позволяет создать поддерживающую среду, в которой дети могут развивать свои патриотические чувства и осознавать свою роль в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбородова, Л. В. Концептуальные основы патриотического воспитания будущих педагогов / Л. В. Байбородова, И. Г. Харисова, В. В. Белкина // Ярославский педагогический вестник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-patrioticheskogo-vospitaniya-buduschih-pedagogov/viewer> (дата обращения 25.01.2025).
2. Дубинина, Д. Н. Мир вокруг меня: учебно-метод. пособие для педагогов учреждений дошкольного образования, родителей / Д. Н. Дубинина. – Минск: НИО. – 2012. – 128 с.
3. Малинин, А. Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания / А. Н. Малинин // Социологический журнал. – 1999. – № 1-2.
4. Новицкая, М. Ю. Мониторинг патриотического воспитания в детском саду и начальной школе / М. Ю. Новицкая, С. Ю. Афанасьева, Н. А. Виноградова, Н. В. Микляева / под ред. А. В. Рассказовой. – М.: Просвещение; Дрофа, 2010. – 160 с.
5. Рудь, О. П. К проблеме воспитания основ патриотизма у детей 5-6 лет в процессе игровой деятельности / О. П. Рудь, Т. В. Васильевна // Современное педагогическое образование [Электронный ресурс]. – 2023. – № 9. – С. 47-51. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-vospitaniya-osnov-patriotizma-u-detey-5-6-let-v-protssesse-igrovoy-deyatelnosti/viewer> (дата обращения 25.01.2025).
6. Царегородцева, Е. А. Основные подходы в формировании патриотических чувств у старших дошкольников / Е. А. Царегородцева // Западно-сибирский педагогический вестник. Теория и методика дошкольного образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-v-formirovanii-patrioticheskikh-chuvstv-u-starshih-doshkolnikov/viewer> (дата обращения 25.01.2025).

УДК 37.01

ОСОБЕННОСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В КОНТЕКСТЕ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

П. Ю. МАТЮШОНОК
(Представлено: О. В. САКОВИЧ)

В данной работе основное внимание уделяется опытно-экспериментальной деятельности по изучению формирования патриотических чувств у детей старшего дошкольного возраста. Кроме того, в статье рассматривается методика и итоги применения интерактивных игровых технологий в образовательном процессе, ориентированных на формирование базовых представлений о патриотизме у детей.

Понятие «патриотизм» является достаточно сложным. Оно представляет собой особую форму чувства, которое отражает глубокую привязанность и любовь к своей Родине, связано с ответственностью человека в обществе [1]. Однако детский патриотизм значительно отличается от того, который мы привыкли слышать, так как в дошкольном возрасте ребенок еще не способен осознать данное понятие в полной мере. В дошкольном возрасте познание окружающего мира осуществляется через игру. Именно в игровой деятельности формируются базовые элементы, необходимые для дальнейшего становления личности [2]. В связи с этим, главным элементом представленной работы является использование игр.

Работа по исследованию патриотического воспитания детей старшего дошкольного возраста посредством игровой деятельности проводилось в три этапа:

1. Констатирующий (цель: выявление уровня сформированности патриотических чувств у детей старшего дошкольного возраста в ходе первичной диагностики);
2. Формирующий (цель: формирование патриотических качеств у детей старшего дошкольного возраста посредством игровой деятельности);
3. Контрольный (цель: изучение уровня сформированности патриотических чувств у детей старшего дошкольного возраста в ходе повторной диагностики).

Эксперимент проводился на базе следующих учреждений дошкольного образования: ГУО «Люблинский детский сад» и ГУО «Детский сад № 4 г. Поставы». Выборка составила по 18 воспитанников старшего дошкольного возраста от каждого учреждения образования.

Для оценки составляющей патриотизма – познавательной, эмоциональной и деятельностной – были использованы специально подобранные инструменты. Среди них – методика, разработанная М. Ю. Новицкой, С. Ю. Афанасьевой, Н. А. Виноградовой и Н. В. Микляевой, предназначенная для выявления уровня патриотического воспитания у ребенка [3]. Для изучения когнитивного компонента патриотизма детей старшего дошкольного возраста использовалось задание «Символика родной страны, города». Для изучения уровня эмоционального компонента – экспериментальная ситуация и задание «Патриотические чувства к стране». Для изучения уровня поведенческого компонента – задание «Личностное отношение к родному городу».

Для каждого компонента предлагались свои конкретные критерии оценки уровня, согласно чему были получены следующие результаты: в обеих группах преобладает средний уровень сформированности патриотизма, при этом детей с высоким уровнем было меньше (1 ребенок в каждой группе). У таких детей отсутствовала пассивность при ответе на вопросы. Было заметно желание познавать историю и традиции родной страны. Низкий уровень – 16,8 % (3 детей) в старшей группе ГУО «Люблинский детский сад» и 22,2 % (4 детей) в старшей группе ГУО «Детский сад №4 г. Поставы». Средний уровень – 77,6% (14 детей) в старшей группе ГУО «Люблинский детский сад» и 72,2 % (13 детей) в старшей группе ГУО «Детский сад № 4 г. Поставы» (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1. – Результаты изучения уровня сформированности патриотических компонентов у детей старшего дошкольного возраста. Констатирующий этап

Компонент	дети старшей группы ГУО «Люблинский детский сад»			дети старшей группы ГУО «Детский сад №4 г. Поставы»		
	низкий уровень	средний уровень	высокий уровень	низкий уровень	средний уровень	высокий уровень
Когнитивный	27,8 %	61 %	11,2 %	38,8 %	55,6 %	5,6 %
Эмоциональный	–	83,2 %	16,8 %	5,6 %	72,2 %	22,2 %
Поведенческий	27,8 %	72,2 %	–	27,8 %	72,2 %	–

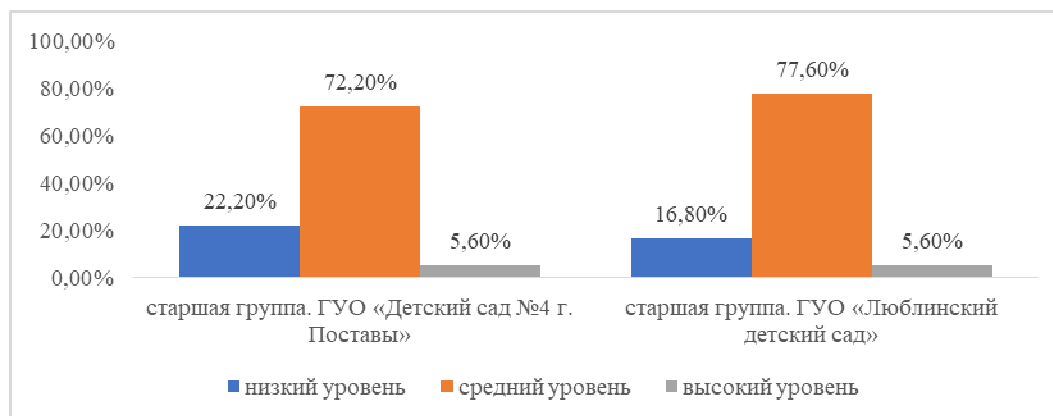

Рисунок 1. – Степень выраженности сформированности патриотических чувств у детей старшего дошкольного возраста. Констатирующий этап

В результате проведенного констатирующего этапа эксперимента воспитанники ГУО «Детский сад № 4 г. Поставы» определены в качестве экспериментальной группы, следовательно, воспитанники ГУО «Люблинский детский сад» – выступят в качестве контрольной группы на формирующем этапе эксперимента.

Опираясь на итоги первичной стадии исследования, была создана программа формирующего этапа, реализованная с участниками экспериментальной группы. Следовательно, чтобы поднять степень патриотических чувств, был осуществлен выбор и создание разнообразных игровых методик (табл. 2).

Таблица 2. – План игр по формированию патриотических качеств у детей старшего дошкольного возраста

Месяц	Запланированное мероприятие
Февраль	1. Словесные игры. «Мой адрес...», «Моих родителей зовут...» 2. Дидактические игры. «Поменяйтесь местами», «Найди улицу», «Путаница», «Найди на карте поселка памятные места» 3. Виртуальные игры. «Праздники», «Символы Республики Беларусь»
Март	1. Словесные игры. «Малая Родина», «Узнай по описанию кто это». 2. Дидактические игры. «Угадай по описанию», «Я – экскурсовод», «Найди герб среди других», «Что напутал художник» 3. Виртуальные игры. «Области Республики Беларусь», «Областные гербы. Пара»
Апрель	1. Словесные игры. «Наша страна», «Загадки о стране» 2. Дидактические игры. «Узнай, обведи, назови», «Фотограф», «Найди флаг», «Герб моей страны». 3. Виртуальная игра. «Герб Республики Беларусь», «Минск – столица Беларуси»

В первый месяц запланированной работы наше внимание было направлено на закрепление основных представлений детей: адрес, где живет ребенок, как зовут родителей, праздники, отношение к природе своей страны и т.д. – так как это является «ближним» в формировании патриотизма. Далее проводились игры – «Малая Родина», «Строение страны», «Особенности областей Республики Беларусь», «Знакомство с гербами» и др. В апреле формировались и закреплялись представления о Республике Беларусь: столица, государственные символы страны и др.

В дополнение к традиционным играм были внедрены авторские виртуальные игры, которые сделали образовательный процесс не только познавательным, но и захватывающим. Мы убеждены, что подобные практики должны позитивно влиять не только на знания о стране, но и на стимулирование интеллектуальной активности, воспитание патриотизма, расширение словарного запаса.

Как пример, игры на нахождение пар, такие как «Областные гербы. Пара», «Символы Республики Беларусь», «Области Республики Беларусь». Игры этого характера особенно вызвали интерес у воспитанников. Во время данных игр дети также учились правильно формировать свои мысли, называя, какую именно карточку следует перевернуть, тем самым развивая коммуникативные навыки.

После формирующего этапа опытно-поисковой работы проводилась повторная диагностика. Цель – изучение уровня сформированности патриотических чувств у детей старшего дошкольного возраста. На контрольном этапе участие принимали обе группы: экспериментальная и контрольная.

Повторная диагностика проводилась по тому же принципу, что и во время констатирующего этапа. По результатам контрольного этапа исследования были получены следующие результаты: количество

детей с низким уровнем в контрольной группе составило 5,6 % (1 ребенок), количество детей с низким уровнем в экспериментальной группе составило 5,6 % (1 ребенок). Количество детей со средним уровнем в контрольной группе – 77,6 % (14 детей), количество детей со средним уровнем в экспериментальной группе – 72,2 % (13 детей). Количество детей с высоким уровнем в контрольной группе – 16,8 % (3 ребенка), количество детей с высоким уровнем в экспериментальной группе – 22,2 % (4 ребенка) (табл. 3, рис. 2).

Таблица 3. – Результаты изучения уровня сформированности патриотических компонентов у детей старшего дошкольного возраста. Контрольный этап

Компонент	Контрольная группа			Экспериментальная группа		
	низкий уровень	средний уровень	высокий уровень	низкий уровень	средний уровень	высокий уровень
Когнитивный	16,8 %	66,4 %	16,8 %	16,8 %	61 %	22,2 %
Эмоциональный	–	72,2 %	27,8 %	–	55,6 %	44,4 %
Поведенческий	11,2 %	83,2 %	5,6 %	11,2 %	83,2 %	5,6 %

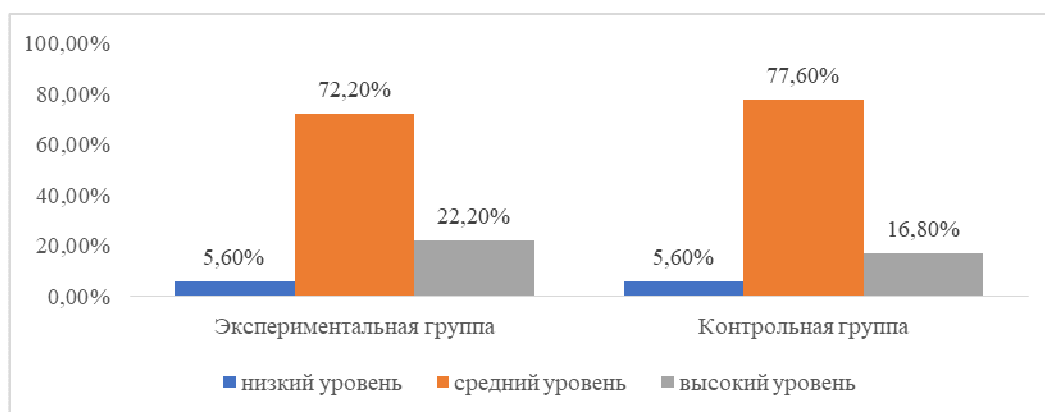

Рисунок 2. – Сравнение степень выраженности сформированности патриотических чувств у детей старшего дошкольного возраста на констатирующем и контрольном этапах

Проанализировав полученные результаты данных диагностик, можно отметить, что игровая деятельность положительно влияет на формирование патриотизма у детей старшего дошкольного возраста: низкий уровень в контрольной группе уменьшился на 11,2 %, в экспериментальной группе – на 16,6 %; высокий уровень в свою очередь увеличился в контрольной группе на 11,2 %, в экспериментальной группе – на 16,6 %. То есть количество детей с низким уровнем сформированности патриотических чувств в конце эксперимента стало равное, однако, процент детей, что повысили свои компетенции в экспериментальной группе больше.

Таким образом, положительное воздействие может играть внедрение разнообразных игр, что способствуют привлечению внимания детей, лучшему закреплению материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбородова, Л. В. Концептуальные основы патриотического воспитания будущих педагогов / Л. В. Байбородова, И. Г. Харисова, В. В. Белкина // Ярославский педагогический вестник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-patrioticheskogo-vospitaniya-buduschih-pedagogov/viewer> (дата обращения 25.01.2025).
2. Котлякова, Т. А. Формы организации процесса развития игровой деятельности дошкольников в ДОО / Т. А. Котлякова, М. И. Трач // Воспитательные практики: детский сад, школа, вуз: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 11 апреля 2023 г. / Отв. ред. М.Г. Заббарова. – Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2023. – 849 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ulspu.ru/upload/img/medialibrary/5be/sbornik_2023_vospitatelnye-praktiki.pdf (дата доступа: 24.12.2024).
3. Новицкая, М. Ю. Мониторинг патриотического воспитания в детском саду и начальной школе / М. Ю. Новицкая, С. Ю. Афанасьева, Н. А. Виноградова, Н. В. Микляева / под ред. А. В. Рассказовой. – М.: Просвещение; Дрофа, 2010. – 160 с.

УДК 37.01

**ОТ ИГРЫ К ЛЮБВИ К РОДИНЕ:
ВИРТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ
ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

П. Ю. МАТЮШОНОК
(Представлено: О. В. САКОВИЧ)

В данной статье анализируется воздействие технологического прогресса на становление подрастающего поколения и перспективы интеграции современных технологий в образовательную среду. Особое внимание уделяется анализу потенциала виртуальных игр, как инструмента патриотического воспитания детей дошкольного возраста. В заключение представлены практические советы по организации занятий с использованием виртуальных игр.

Современное поколение детей – это поколение технологий. Телевизоры, телефоны и разнообразные гаджеты становятся обыденными предметами в среде развития ребенка. Он с ними контактирует чуть не с рождения. Однако, технологический прогресс предоставляет возможности для позитивного влияния, в особенности, принимая во внимание, что игра играет ключевую роль в развитии детей дошкольного возраста [3].

В современных условиях возникает необходимость в разработке новых технологий, которые могли бы способствовать развитию детей дошкольного возраста: создание мультимедийных и интерактивных средств наглядности, виртуальное моделирование объектов реального мира, разработка обучающих виртуальных игр для детей [2]. Согласно исследованиям Красильниковой В. А., Роберт И. В., Смоляновой О. Г. и др. использование интерактивных, насыщенных мультимедиа, образовательных ресурсов образовательный процесс может стать более интенсивным и эффективным [4; 6; 7].

Виртуальные игры представляют собой интерактивную среду, в которой ребенок может участвовать в сюжетах, связанных с историей, культурой и символикой своей страны. Их преимуществами являются:

- высокая мотивационная сила за счет игрового формата и элементов геймификации;
- возможность визуализации исторических событий и культурных традиций;
- развитие когнитивных и социальных навыков в интерактивном контексте;
- адаптация под индивидуальные темпы и интересы ребенка [4].

Патриотизм – это глубокое чувство любви и преданности к родному краю, основы которого закладываются еще в период дошкольного детства [1]. Виртуальные игры также вносят свой вклад в этот процесс. Качественно спроектированные игры способны познакомить юных пользователей с различными гранями их родной страны: от знаменитых людей до народных промыслов и культурных торжеств. Этот формат обладает преимуществом в наглядном представлении информации. Использование игр как образовательного инструмента может значительно повысить заинтересованность детей в изучении своего культурного наследия, что в свою очередь способствует патриотическому воспитанию. В процессе игры дети не только получают представления, но и усваивают ценности, формируют эмоциональную связь с Родиной.

Виртуальные игры могут стать мощным инструментом для формирования патриотических чувств у детей старшего дошкольного возраста. Такие игры позволяют интерактивно изучать историю своей страны, ее культурные традиции, развивая у ребенка интерес к национальному наследию [2]. Эффективность виртуальных игр заключается в том, что они не только отвечают потребностям современного ребенка, но также способны создать уникальный и наглядный материал.

Эффективность виртуальных игр в патриотическом воспитании зависит от их качественного содержания и правильной организации педагогом. Взрослый должен активно участвовать в выборе и обсуждении игр, регулируя время и помогая детям в процессе получения новых представлений во время игр.

Применение игровых методик может сделать процесс обучения более увлекательным и эффективным, при этом рекомендуется придерживаться следующих организационных моментов:

- продолжительность занятий с использованием компьютерных игровых программ для детей 5 лет не должна превышать 7 минут, для детей 6 лет – 10 минут;
- компьютерные игровые занятия следует проводить не чаще двух раз в неделю;
- после занятий следует проводить гимнастику для глаз;
- стульчик, сиденье и подножка стола индивидуального места ребенка дошкольного возраста должны быть отрегулированы и установлены так, чтобы уровень глаз ребенка приходился на центр экрана (если используется компьютер) [5].

В настоящий момент существует множество платформ, которые можно использовать при создании виртуальных игр. Такие игры могут включать в себя различные элементы: кроссворды, симуляции, нахождение пар, классификации, поиск предметов и прочее. В ходе исследования нами применялась платформа LearningApps.org. С ее помощью были разработаны виртуальные игры, предназначенные для формирования патриотических чувств у детей старшего дошкольного возраста. Например, игры на нахождение пар, такие как «Областные гербы. Пара», «Символы Республики Беларусь», «Области Республики Беларусь». Данные игры отличаются простотой освоения и привлекают внимание юных пользователей. Уникальность игрового процесса заключается в двойном визуальном закреплении ключевой информации. Сначала она предстает как изучаемый элемент, а затем вновь возникает в процессе поиска среди множества альтернатив, что способствует лучшему запоминанию. Это способствует более надежной фиксации увиденного в памяти. Также такие виртуальные игры способствуют речевому развитию ребенка. Ребята тренируются четко формулировать свои намерения, сообщая, какую карту необходимо открыть, для создания пары картинок.

Игры на классификации способствуют развитию логического мышления. Такие игры также легко создать на виртуальной основе. Например, игра «Праздники Республики Беларусь», где пользователям предлагается классифицировать различные праздничные даты, соотнося их с соответствующим временем года. В результате, игра помогает закрепить имеющиеся представления и служит инструментом для дальнейшего обсуждения праздников, отмечаемых в государстве.

Таким образом, виртуальные игры представляют собой эффективный инструмент в патриотическом воспитании детей старшего дошкольного возраста. Главное – это осознанный подход к выбору игр и регуляции времени, затраченного на них. Их правильная интеграция в воспитательный процесс может существенно улучшить результаты. Кроме того, виртуальная игра является хорошей основой для расширения представлений взрослыми. Например, можно создать более сложные игры, касающиеся патриотического аспекта: викторина на знание истории страны или города, игра-соотношение значимой личности и ее вклад в историю страны, игра-соотношение исторических событий, игра найди лишнее и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбородова, Л. В. Концептуальные основы патриотического воспитания будущих педагогов / Л. В. Байбородова, И. Г. Харисова, В. В. Белкина // Ярославский педагогический вестник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-patrioticheskogo-vospitaniya-buduschih-pedagogov/viewer> – Дата обращения: 25.01.2025.
2. Гнедко Н. М., Дидактические основы использования виртуальных игр в образовательном процессе / Н. М. Гнедко // Publishing House «ANALITIKA RODIS» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.publishing-vak.ru/archive-2014/pedagogy-3-gnedko.htm> – Дата доступа: 20.09.2025.
3. Котлякова, Т. А. Формы организации процесса развития игровой деятельности дошкольников в ДОО / Т. А. Котлякова, М. И. Трач // Воспитательные практики: детский сад, школа, вуз: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 11 апреля 2023 г. / Отв. ред. М.Г. Заббарова. – Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2023. – 849 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ulspu.ru/upload/img/medialibrary/5be/sbornik_2023_vospitatelnye-praktiki.pdf – Дата доступа: 20.09.2025.
4. Красильникова В. А., Использование информационных и коммуникационных технологий в образовании / В. А. Красильникова. – 2-е изд. – Оренбург: ОГУ, 2012. – 291 с.
5. Об утверждении специфических санитарно-эпидемиологических требований : постановление совета министров Республики Беларусь от 7 августа 2019 г. № 525, 2019. – 50 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://Post_sovMina_RB_SET_07_08_2019_nomer_525.pdf постановление_МЗ_2013_8.pdf – Дата доступа: 20.09.2025.
6. Роберт И. В., Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы; перспективы использования / И. В. Роберт. – М.: ИИО РАО, 2010. – 140 с.
7. Смолянинова О. Г., Мультимедиа в образовании: монография / О. Г. Смолянинова. – Красноярск, 2002. – 300 с.

УДК 372.881.1

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ КАК ОБЪЕКТА ОТЕЧЕСТВЕННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО МОНИТОРИНГА

А. Г. ПАЛИЙ

(Представлено: канд. пед. наук М. М. СИРОТКИНА)

Статья посвящена исследованию понятия читательская грамотность; рассмотрены сущностные черты читательской грамотности с точки зрения зарубежных исследований (PISA), а также отечественного исследования Национального института качества образования. Установлены противоречия между содержательным компонентом отечественных учебно-методических комплексов и требованиями к сформированности основных компонентов читательской грамотности.

В условиях стремительного развития информационного общества и цифровых технологий способность эффективно воспринимать, интерпретировать и использовать текстовую информацию становится ключевым навыком XXI века. Читательская грамотность учащихся — это не просто умение читать, а комплекс когнитивных, лингвистических и метакогнитивных компетенций, необходимых для успешного обучения, социальной адаптации и профессионального роста.

Термин «читательская грамотность» не является эквивалентом понятия «чтение», поскольку неспециализированная аудитория под «чтением» часто рассматривает простое декодирование или даже декламацию вслух, тогда как целью исследования читательской грамотности является измерение широкого спектра когнитивных и лингвистических компетенций, от узнавания слов и грамматических конструкций до понимания крупных лингвистических и текстовых структур, необходимых для осознания и интерпретации представлений об окружающей действительности. Читательская грамотность также включает метакогнитивные компетенции, а именно способности использовать различные стратегии при обработке текстов. Метакогнитивный компонент активизируется, когда читатели обдумывают, контролируют и корректируют свою читательскую деятельность с определенной целью.

Термин «грамотность» обычно относится к предметным знаниям человека, хотя наиболее тесно связан со способностью получать, использовать и передавать информацию в письменной или печатной форме. Это определение релевантно термину «читательская грамотность» в рамках активного, целенаправленного и функционального применения чтения в разных ситуациях и для конкретных целей.

Можно выделить следующие аспекты читательской грамотности:

- понимание (связано с широко распространенным термином «понимание прочитанного», которое предполагает определенный уровень восприятия смысла прочитанного и опирается на знания читателя. Даже на самых ранних этапах читатели используют символические знания для декодирования текста, а знания словарного запаса требуются, чтобы понять смысл. Однако, «понимание прочитанного» может иметь гораздо более широкий смысл и предполагать, например, разработку мысленных моделей того, как текстовый материал соотносится с окружающей действительностью);
- использование (применение прочитанной информации для немедленного решения какой-либо задачи или достижения определенной цели);
- оценка (поскольку чтение носит целенаправленный характер, читатель должен взвесить такие факторы, как достоверность доводов в тексте, точка зрения автора и соответствие текстового материала целям читателя);
- размышление (предполагает интерактивное чтение, в котором читатель создает связи между прочитанной информацией и своими собственными мыслями, своим опытом. По мере того, как читатель накапливает запасы информации, опыта и убеждений, он постоянно сверяет то, что читает, с данными «внешними» знаниями, тем самым постоянно интерпретируя смысл текста. В то же время постепенно и, возможно, незаметно размышления читателей над текстом могут изменить их мироощущение. Рефлексия также может требовать от читателей обдумать содержание текста, его структуру или форму текста);
- вовлеченность (мотивация к чтению как совокупность эмоциональных и поведенческих характеристик, включающих интерес к и удовольствие от чтения, чувство контроля над прочитанным, вовлеченность в социальную жизнь) [1, с. 158-160].

В исследовании Programme for International Student Assessment понимание прочитанного рассматривается с точки зрения Кэтрин Сноу и группы RAND и определяется как результат трёх взаимосвязанных источников воздействия: читателя, текста и задания по прочитанному тексту. Читатель, текст и задания взаимодействуют в рамках широкого социокультурного контекста. Контекст представляет собой разнообразный диапазон ситуаций, в которых происходит чтение. Читатель привносит в процесс чтения ряд факторов, которые могут включать мотивацию, предварительные знания, когнитивные способности

и другие характеристики. Чтение также зависит от качества текстового материала, т.е. текста или текстов, доступных читателю в определенном месте в данное время. Этот фактор соотносится с форматом текста, сложностью используемого языка, количеством текстов, с которыми сталкивается читатель. Чтение также связано с поставленными перед читателем задачами, т.е. требованиями или причинами, которые мотивируют читателя к работе с текстом. Факторы, связанные с заданиями, включают и потенциальное время работы с текстом, и другие практические ограничения, цели чтения (например, чтение для удовольствия, для детального изучения или беглого просмотра), а также сложность или количество заданий, которые предстоит выполнить. Исходя из своих индивидуальных особенностей восприятия текста, читатели применяют навыки читательской грамотности, чтобы находить и извлекать смысловую информацию из текстов для достижения поставленных задач [13, с. 3].

Отечественный мониторинг Национального института качества образования (НИКО) ставит своей целью проверку уровня сформированности читательской грамотности учащихся. Задания по читательской грамотности в данном тестировании ориентированы на проверку способностей учащихся работать с текстами, управлять собственной читательской деятельностью и учитывают эволюционирующий характер чтения в условиях развивающегося цифрового общества. Ключевыми ориентирами при разработке тестирования по читательской грамотности выступают три параметра:

- контекст, в котором представлена проблема;
- социокультурное содержание, включенное в задания;
- когнитивные процессы, необходимые для решения проблемы в заданном контексте.

Контекст дает указания на определенную сферу человеческой жизнедеятельности, в которой необходимо применение читательской грамотности. В соответствии с международным опытом принято выделять пять контекстов: личный, общественный, образовательный, профессиональный, смешанный(множественный).

Социокультурное содержание заданий НИКО включает широкий спектр тем, сгруппированных в следующие тематические области: «Безопасность», «Работа», «Выбор услуг», «Взаимодействие людей в обществе», иное.

Когнитивные процессы указывают на определенный характер познавательной деятельности в разнообразных ситуациях чтения. В НИКО предусмотрены четыре вида познавательной деятельности: нахождение информации в тексте; понимание смысла текста (интерпретация информации); осмысление и оценка содержания и формы текста; использование текстового материала для решения практической задачи.

Первый когнитивный процесс, связанный с чтением, — это *нахождение информации*. Читательское действие состоит в поиске конкретной информации, при этом остальной текст может не приниматься во внимание. Чтобы быстрее и эффективнее найти информацию, читатель должен уметь соотносить запрос, сформулированный в задании, и соответствующий ему фрагмент текста, являющийся достоверным ответом. При этом читатель должен уметь регулировать скорость прочтения текста, «пробегать» глазами неуместную информацию, чтобы остановиться на наиболее подходящей информации и внимательно ее прочитать. В свою очередь, *нахождение информации* подразделяется на два специфических когнитивных подпроцесса:

- *выявление и выбор информации в тексте* (внимание читателя обращается на определенный фрагмент текста, чтобы отыскать несколько заданных слов, фраз, числовых значений, названий, имен собственных и пр.; нет необходимости в понимании всего текста целиком, поскольку целевая информация дословно представлена в тексте);

- *поиск и выбор нужного текста* (читатель имеет дело с несколькими фрагментами текста, в которых ему необходимо отыскать информацию в точном соответствии с запросом, что особенно актуально для цифрового чтения, где общий объем доступного текста за счет гипертекстовых технологий намного превышает объем, который читатель может и должен обработать).

Чтобы найти нужную информацию, сначала нужно определить соответствующий фрагмент текста, опираясь на элементы организационной структуры текста (заголовки, шрифты, выделение абзацев), обращая внимание на указание авторства, источник и дату публикации, а также на ссылки вебстраниц. При этом задание, связанное с когнитивной обработкой нескольких источников текста не обязательно сложнее, чем задание по единичному тексту. В НИКО включены простые поисковые задания, включающие несколько текстов ограниченной длины и сложности (короткие заметки на доске объявлений, списки заголовков документов, результаты поисковой системы и пр.). При этом оба названных когнитивных подпроцесса измерялись на всех уровнях сложности. На простых уровнях требовалось просмотреть, найти и выбрать наиболее подходящую информацию, на которую имеется буквальное указание в задании. Сложные уровни предполагают обработку большого объема текстов, при этом в формулировке заданий нет прямых совпадений с искомыми сведениями, скрытыми за второстепенной, конкурирующей информацией, содержащей много отвлекающих факторов.

Второй когнитивный процесс — *понимание смысла* — предполагает мысленное представление читателем содержания и смысла текста или совокупности текстов, и также включает два специфических когнитивных подпроцесса:

- *передача буквального/основного смысла* (умение перефразировать выражения, предложения, текстовые отрывки в соответствии с поставленной задачей для достижения понимания смысла);
- *обобщение и формулирование выводов* (умение связывания информации (пространственной, временной, причинно-следственной), локализованной в различных фрагментах текста для формирования целостного понимания и формулирования выводов).

Третьим когнитивным процессом является *оценка и осмысление*. Здесь читатели должны выйти за рамки понимания буквального или предполагаемого значения текста, чтобы оценить качество и достоверность информации. Данный процесс, в свою очередь, включает три специфических когнитивных подпроцесса:

- *оценка качества и достоверности текста* (читатель делает умозаключение о том, является ли содержание текста достоверным, точным, беспристрастным, что предполагает определение надежности источника информации, оценивание намерений, осведомленности и компетентности автора, учет дополнительных подсказок: кто адресат/адресант данного текста, дата и цель его написания и пр.);
- *осмысление содержания и формы* (читатель оценивает качество и стиль текста). Здесь важно определить, адекватно ли содержание и форма отражают целевое назначение текста и точку зрения автора, для чего требуется опора на свой собственный опыт и фоновые знания из других областей;
- *выявление и разрешение противоречия между текстами* – этот когнитивный подпроцесс обычно используется при изучении текстов из нескольких источников. Здесь читателю необходимо сравнить информацию в текстах, распознать противоречия между частями текста, оценить достоверность источников, логику и обоснованность утверждений, сходство и различие позиций нескольких авторов по одному вопросу [14, с. 6-8].

Согласно идее разработчиков, при выполнении заданий НИКО участникам предоставляется возможность использования различных стратегий обработки информации из различных источников, включая анализ, синтез, обобщение и интерпретацию. Иначе говоря, задания выполняют не только диагностическую, но и обучающую функцию – повышают читательскую грамотность учащихся, нацеливают их на применение эффективных читательских стратегий в жизни. Задания НИКО сгруппированы в учебные ситуации, которые состоят из семи-восьми заданий. Обязательным элементом задания является введение, в котором формулируется проблема, а также тексты для чтения. Например, учебная ситуация «Топ-10 самых немислимых названий населенных пунктов Беларуси» включает восемь заданий к двум текстам.

В оценке читательской грамотности используются следующие типы заданий:

- на выделение фрагмента текста;
- с выбором одного верного ответа;
- с выбором нескольких правильных ответов;
- на установление соответствия;
- с кратким ответом (в виде цифр);
- с развернутым ответом;
- с выбором ответа и объяснением;
- с комплексным множественным выбором.

Выполнение большинства заданий оценивается автоматически компьютерной программой; часть заданий оценивается экспертом. Задания в учебной ситуации имеют разный уровень сложности: низкий, средний и высокий. В своей совокупности распределение уровней диагностических заданий включает 30% тестов на низкий уровень читательской грамотности, средний уровень занимает 50%, а высокому уровню сложности заданий отдано 20% [17, с. 1-3].

Далее был проведен анализ учебно-программной документации и имеющегося научно-методического обеспечения образовательного процесса в Республике Беларусь на предмет соответствия требованиям НИКО и было установлено, что в Республике Беларусь обучение читательской грамотности, в отличие от математического и естественнонаучного видов грамотности, не выделяется в отдельную предметную область, а носит рассредоточенный характер, а это значит, что обучение ей осуществляется средствами различных учебных предметов, в том числе и «Иностранного языка».

Однако представленный в учебных пособиях материал носит преимущественно информативно-ознакомительный характер. Большая часть заданий строится на основе художественных текстов. Теоретический материал не подкрепляется примерами, в особенности недостаточно представлены тексты публицистического, научно-публицистического и официально-делового стилей. Большинство заданий направлены на узнавание, идентификацию стилей, жанров, выявление авторского замысла, признаков текста, анализ текстовой структуры и композиции на основе известной и доступной информации, а не на контекстное, ситуационное применение прочитанного.

Материалы учебников и приведенные в них тексты лишь незначительно соответствуют спецификации заданий для формирования читательской грамотности, в большей мере они направлены на теоретическое знакомство с организацией и структурой текста. Для диагностики усвоения теоретических сведений, определения результатов учебной деятельности рекомендуются следующие формы контроля: учебное сообщение учащегося; диктанты различных видов; изложение (подробное, сжатое, выборочное); сочинение (сочинение-описание, сочинение-повествование, сочинение-рассуждение). Такие формы оценки не позволяют в полной мере определить функциональную грамотность учащегося, также не способствуют актуализации у учащихся навыков контекстного чтения, поскольку наряду с традиционными элементами понимания (найти информацию, сделать вывод) не содержат более сложные задачи, предусматривающие синтез и интеграцию нескольких текстов, оценку результатов веб-поиска или верификации информации в нескольких текстах.

Следует отметить, что белорусские разработчики учебных пособий для общего среднего образования значительно расширили практику использования образовательного интернет-пространства в учебных целях. Очевидна тенденция размещения в учебниках, учебных пособиях, рабочих тетрадях QR-кодов, отсылающих учащихся к текстам, размещенным в цифровой среде, что способствует развитию «цифровой» читательской грамотности. Следующим этапом использования «цифрового» чтения как условия развития читательской грамотности учащихся должны стать технологически продуманные учебные задания, гармонично стимулирующие все необходимые когнитивные процессы.

Анализ текстов современных учебных пособий для белорусских школьников показал, в какой мере для авторов-разработчиков является актуальной проблема формирования читательской грамотности учащихся. На сегодняшний день в линейке учебных пособий, которые используются в образовательном процессе, можно встретить издания, содержание которых не позволяет в полной мере и целенаправленно формировать у учащихся читательскую грамотность средствами учебного предмета. Имеющееся учебно-методическое обеспечение требует единых подходов к целенаправленному, охватывающему все учебные предметы использованию принципов отбора и оценки качественных текстов и составления заданий, ориентированных на формирование у учащихся культуры чтения, навыков «чтения для жизни». Применение в процессе организации и реализации образовательного процесса дидактических и диагностических материалов серии «Компетентностный подход», обучение работе с информацией в Интернете, использование вопросов, требующих применения навыков решения проблем в новых контекстах, могут повысить читательскую грамотность, воспитать в учащихся уверенность в том, что они справятся с задачами «вне зоны их комфорта» [14, с.28- 34].

Таким образом, читательская грамотность — это многокомпонентное явление, включающее когнитивные процессы, мотивацию и способность к критическому мышлению. Исследования НИКО демонстрируют важность комплексного подхода к оценке читательской компетентности, учитывающего текстовые характеристики, контекст и цели чтения. Такой подход позволяет формировать точную картину готовности учащихся к восприятию информации в условиях современного общества и цифровой среды. Однако в ходе исследования были установлены некоторые противоречия между содержательным компонентом отечественных учебно-методических комплексов и требованиями к сформированности основных когнитивных процессов обработки текстового материала, включая нахождение информации, понимание смысла прочитанного, оценку и осмысление текста, что говорит о необходимости дальнейших исследований в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. PISA-2018 в Республике Беларусь. Читательская грамотность. [Электронный ресурс]. – Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования» Министерства образования РБ, 2021. – URL: <https://goo.su/Ct9g03> – Дата обращения: 16.10.2025.
2. Snow, C. Reading for Understanding: Toward an R&D Program in Reading Comprehension / Catherine Snow. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2002. – 174 p.
3. НИКО : читательская грамотность. – Минск : РИКЗ, 2023. – 201 с.
4. Особенности диагностического инструментария НИКО (читательская грамотность). [Электронный ресурс]. – Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь, 2021. – URL: <https://adu.by/images/2023/11/diagn-instrum-chit-gramotn.pdf> – Дата обращения: 23.09.2025.

УДК: 316.624

ПРОСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ГРУППАМИ ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ И НОРМАТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ**К. А. АСТРАУХ**

В статье рассматривается проблема изучения понятие просоциального поведения в подростковом возрасте. Представлены результаты эмпирического исследования различия показателей просоциального поведения у подростков с различным типом поведения. Установлено, что у подростков с девиантным типом поведения по сравнению с подростками с нормативным типом поведения на достоверном уровне преобладает средний уровень альтруизма, а также низкий уровень манипулятивности.

Введение. Одной из наиболее актуальных проблем современной психологической науки и практики является исследование девиантное поведение и его роль в развитии личности.

В своей работе мы придерживаемся понятию Я.И.Гилинского, который понимал девиантное поведение как любые отклонения от одобряемых обществом социальных норм [3].

Как правило, девиантное поведение складывается в подростковом возрасте, ведь на протяжении данного этапа происходит переход к взрослости. В данный возрастной период преимущественно происходит формирование характера и других основ личности.

Девиантное поведение подростков может возникать по ряду причин, связанных как с внутренними факторами, так и с внешними обстоятельствами, а именно:

- Возрастные особенности. Подростковый период характеризуется стремлением к самоопределению;
- Недостаток родительского контроля и поддержки часто способствует формированию девиантного поведения;
- Внешние факторы, такие как негативное влияние сверстников, социальные условия (например, бедность или отсутствие перспектив);
- Индивидуальные особенности личности, такие как низкая самооценка, импульсивность или повышенная тревожность.

Эти обстоятельства делают молодого человека особенно уязвимым и податливым отрицательным влияниям среды.

Исходя из этого, в настоящее время, недостаточно исследована система девиантного поведения. Это обусловлено широтой самой проблематики.

Известно, что если не заниматься психологической коррекцией и профилактикой девиантного поведения в подростковом возрасте, то эта проблема не исчезнет, несмотря на обилие разработок научных концепций и теорий девиации.

С другой стороны, просоциальное поведение, характеризующееся ориентированностью на благо окружающих и активным участием в жизни общества, выступает противоположностью девиантному поведению [1].

На основе теоретического анализа исследований мы установили, что из всех определений просоциального поведения, на наш взгляд наиболее полным является следующее: в широком смысле просоциальное поведение понимается, как совокупность добровольных действий индивида, направленных на оказание помощи другим людям.

Просоциальное поведение включает в себя любые действия, связанные с оказанием помощи или намерением оказать помощь другим людям независимо от характера ее мотивов, базирующихся на социальных нормах. Таким образом, можем выделить одну из важных характеристик просоциального поведения – оно включает в себя действия, связанные с оказанием помощи или намерением её оказать по отношению к другим людям, вне зависимости от характера её мотивов.

В своей работе мы придерживаемся следующих видом просоциального поведения, изученные Л. Камасом и А. Престоном (L. Kamas, A. Preston) [4]:

Реактивное: Возникает как реакция на социальную несправедливость или другие негативные явления.

Проактивное: Направлено на предотвращение проблем или создание позитивных изменений в обществе.

Альтруистическое: Мотивировано бескорыстным желанием помочь другим людям.

Близкими понятиями к понятию просоциального поведения выделяют понятия: «альтруизм», «помогающее поведение». Однако между этими понятиями есть некоторые различия. Исследователи отмечают разницу между понятиями в различии их мотивов действия.

Помогающее поведение также предполагает оказание помощи другому человеку, однако такая деятельность не предполагает получения какой-либо внешней награды. Альтруизмом же называется деятельность, когда человек намеренно не задумывается о собственной выгоде [].

Следовательно, просоциальное поведение – это концепция, описывающая действия человека, направленные на бескорыстную поддержку окружающих. Альтруизм, помогающее поведение и другие подобные термины являются разновидностями просоциального поведения, различающимися по мотивам, побуждающим к действиям.

Мотивы просоциального поведения у подростков являются многогранными и могут варьироваться в зависимости от различных факторов, таких как личные убеждения, социальная среда, культурные особенности и жизненные обстоятельства [5]. Важно понимать, что подростковый возраст характеризуется стремлением к самовыражению и формированию идентичности, что также влияет на психосоциальные аспекты просоциального поведения.

- Во-первых, одним из ключевых мотивов является стремление к принадлежности и социальной акцептации. Подростки часто находятся в поиске одобрения со стороны сверстников и взрослых, и демонстрация просоциального поведения может помочь укрепить социальные связи.

- Эмпатия играет важную роль в мотивации просоциального поведения. Подростки способны ставить себя на место других, что позволяет им ощущать эмоции окружающих, таких как страдание или радость.

- Влияние семьи и родительских факторов. Поддержка и примеры поведения, продемонстрированные взрослыми, могут значительно влиять на мотивацию подростков к просоциальным действиям.

- Влияние социальных норм и ожиданий, которые формируются в школе и сообществе.

- Внутренние моральные убеждения и ценности.

Просоциальное поведение, основанное на эмпатии, альтруизме и готовности к сотрудничеству, играет ключевую роль в стимулировании креативности, поскольку атмосфера взаимопомощи и доверия расширяет когнитивные рамки для генерации оригинальных идей

Связь между этими явлениями проявляется в том, что креативные подростки чаще участвуют в социальных инициативах, а просоциальная деятельность стимулирует творческое мышление.

Цель исследования – выявить различия между подростками с девиантными и нормативными поведением выраженности компонентов просоциального поведения.

Гипотеза исследования – у подростков с девиантным и нормативным поведением предполагаются различия в выраженности компонентов просоциального поведения.

Методы исследования: Организационный – сравнительный метод.

Эмпирический метод: опрос.

Методика: Метод исследования просоциального поведения (ИПроП), авторы: Д. В. Сочивко, С. К. Бондырева (2019) [6];

Метод обработки данных – критерий χ^2 Пирсона.

Исследование проводилось на базе ГУО «Средняя школа №8 города Орши» и ГУО «Средняя школа №5 города Орши», ГУО «Средняя школа №12 города Новополоцка».

В состав выборки вошли подростки в возрасте 13-15 лет (согласно возрастной периодизации жизненного цикла человека Б.Г.Ананьева [1]). Общее количество испытуемых – 160 подростков мужского пола ($M=13,83$, $SD=0,73$), из них 80 респондентов с нормативным типом поведения и 80 респондентов с девиантным типом поведения.

Результаты, и их обсуждение. На первом этапе исследования, при помощи критерия χ^2 Пирсона, были изучены различия между подростками с девиантными и нормативными поведением выраженности компонентов просоциального поведения. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Различия между подростками с девиантным и нормативным поведением выраженности компонентов просоциального поведения

Переменная	Значение χ^2 Пирсона	Уровень значимости
Эмпатия	0,69	0,71
Нарциссизм	0,4	0,82
Социальная тревожность	3,94	0,14

Окончание таблицы 1

Переменная	Значение χ^2 Пирсона	Уровень значимости
Альтруизм	23,4	0,00
Инфантилизм	1,19	0,6
Манипулятивность	19,89	0,00

Из таблицы видно, что выявлены значимые различия между подростками с девиантным и нормативным подростками по выраженности переменных «Альтруизм» и «Манипулятивность», так как $p \leq 0,05$. Исходя из полученных результатов, рассмотрим процентные соотношения испытуемых с различными уровнями данных переменных.

Результаты представленности различных уровней переменной «Альтруизм» у подростков с нормативным и девиантным типом поведения отражены на рисунке 1 – 2.

Исходя из рисунков 1 и 2, можно определить, что среди подростков с нормативным поведением большинство характеризуется высоким уровнем альтруизма, среди же подростков с девиантным поведением наиболее представлен средний уровень показателя альтруизма. Наименее выраженная процентная доля подростков первой группы принадлежит к низкому уровню альтруизма, а у подростков второй – к высокому уровню.

По нашему мнению, данные результаты объясняются следующим.

Подростки с нормативным поведением, как правило, находятся в более благоприятной социальной среде, где ценятся дружеские связи, сотрудничество и поддержка. Такие подростки чаще взаимодействуют с единомышленниками, что способствует формированию у них эмпатии и желания помогать другим.

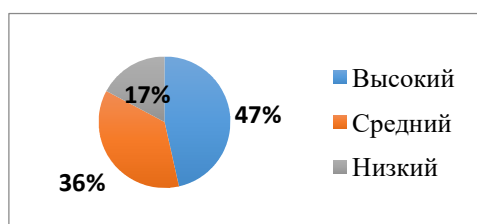

Рисунок 1. – Показатель альтруизма у подростков с нормативным типом поведения

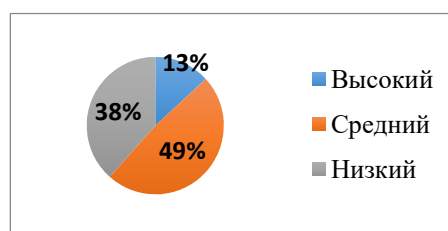

Рисунок 2. – Показатель альтруизма у подростков с девиантным типом поведения

В таких условиях развиваются навыки взаимопомощи и гражданской ответственности, что, в свою очередь, ведет к более высокому уровню альтруизма. Они имеют возможность видеть положительный пример в своих родителях, учителях и сверстниках, что дополняет их собственные установки и желания участвовать в жизни общества [5].

Исследованием просоциального поведения среди подростков занималась Н.В. Кухтова, которая отметила, что подростки с девиантным типом поведения часто сталкиваются с негативными социальными факторами, такими как конфликты в семье, отсутствие поддержки со стороны взрослых, социальная изоляция или даже стигматизация со стороны общества [6]. Такие условия могут препятствовать развитию альтруистических наклонностей, так как у них часто возникают трудности в установлении доверительных отношений. Их поведение может быть более эгоцентричным, и они могут фокусироваться на удовлетворении собственных потребностей, что затрудняет проявление заботы о других.

Тем не менее, у подростков с девиантным поведением не исключается проявление альтруизма в жизни, что может быть связано с их попытками поиска идентичности [1]. Именно это может подталкивать их к проявлению альтруистического поведения в специфических обстоятельствах, когда они ощущают безопасность и доверие к окружающим.

Таким образом, различия в уровне альтруизма между двумя группами подростков можно объяснить как влиянием внешней социальной среды, так и внутренними психологическими факторами, которые формируют их отношения с окружающим миром и определяют их поведение.

Далее мы выявим процентное соотношение представленности различных уровней переменной «Манипулятивность» у подростков с девиантным и нормативным поведением.

Результаты данной переменной у подростков с нормативным и девиантным типами поведения представлены на рисунке 3 – 4.

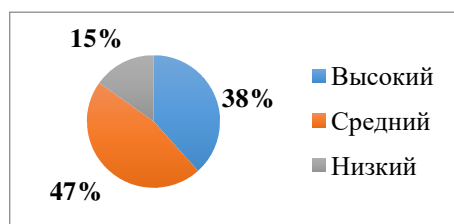

Рисунок 3. – Показатель манипулятивности у подростков с нормативным типом поведения

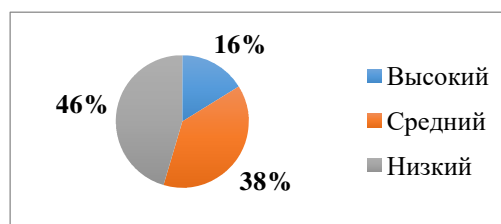

Рисунок 4. – Показатель манипулятивности у подростков с девиантным типом поведения

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что среди нормативных подростков большинство характеризуется средним уровнем манипулятивности, в то время подростки с девиантным типом поведения характеризуются в большей мере низким уровнем манипулятивности. Наименее выраженная процентная доля у подростков первой группы – низкий уровень, у второй группы принадлежит к высокому уровню манипулятивности.

Мы предлагаем следующее объяснение.

Различия в уровнях манипулятивности между нормативными подростками и подростками с девиантным поведением могут быть объяснены рядом социальных и психологических факторов, которые формируют их мировосприятие и способы взаимодействия с окружающими [2].

Среди подростков, находящихся в рамках нормы, средний уровень манипулятивности может объясняться их способностью к социализации и пониманию социальных норм, что делает их более восприимчивыми к взаимодействиям с типичными для общества и социальной среды стратегиями.

Такие подростки могут использовать манипулятивные методы как средство достижения своих целей, что вовсе не подразумевает злого умысла. Это может проявляться в желании избежать конфликта или добиться одобрения от сверстников.

Повышенный уровень манипулятивности здесь является инструментом адаптации к социальным условиям, необходимым для формирования отношений и ведения диалога с окружающими.

С другой стороны, подростки с девиантным поведением зачастую находятся на обочине социальных групп и могут не иметь доступа к ресурсам, которые обеспечивают более тонкие или сложные стратегии манипуляции.

В ранее проведенных исследованиях было установлено следующее: подростки с девиантным типом поведения используют менее конструктивные способы разрешения проблем [2]. В подобных случаях заметно, что подростки могут не понимать или игнорировать социальные правила, что ограничивает возможность применения манипулятивных тактик.

Исследование Е.Б.Кириллова указывает, что пониженный уровень манипулятивности у таких подростков может также быть обусловлен отсутствием желания взаимодействовать со сверстниками или взрослыми в манипулятивной манере, поскольку их поведение формируется больше в контексте противостояния нормам общества или желания утверждать свою индивидуальность [4].

К тому же, среди девиантных подростков часто наблюдается высокий уровень агрессии или конфликтности. Эти качества могут свидетельствовать о том, что они предпочитают более открытые, прямые и иногда насильственные способы достижения своих целей, чем манипуляции, которые требуют тонкой психологии и навыков социальной проницательности. Их поведение может быть более импульсивным, что делает использование хитрости и манипуляции менее актуальным.

Можно утверждать, что нестабильная социальная среда и противоречивое восприятие взаимодействий с окружающими способствуют большему количеству манипулятивных стратегий среди нормативных подростков, в то время как девиантные подростки, придерживаясь прямых и часто агрессивных методов, оказываются менее склонны к манипуляции, что отражает их психоэмоциональное состояние социальные условия, в которых они находятся.

Таким образом, между подростками с девиантным и нормативным поведением выявлены значимые различия переменных просоциального поведения по выраженности следующих переменных:

- «Альтруизм» (среди подростков с нормативным поведением большинство характеризуется высоким уровнем альтруизма, среди же подростков с девиантным поведением наиболее представлен средний уровень альтруизма);

- «Манипулятивность» (среди нормативных подростков большинство характеризуется средним уровнем манипулятивности, в то время подростки с девиантным типом поведения характеризуются в большей мере низким уровнем манипулятивности).

Исходя из результатов, представленных в таблице 1, видно, что значимые различия по выраженности таких переменных, как: «Эмпатия», «Нарциссизм», «Социальная тревожность», «Инфантилизм», отсутствуют, так как $p > 0,05$.

Следовательно, выдвинутая нами гипотеза о том, что у подростков с девиантным и нормативным поведением предполагаются различия в выраженности компонентов просоциального поведения, подтвердилась частично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, Г. М. Социальная психология : учебник для высших учебных заведений / Г. М. Андреева. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2009. – 363 с.
2. Астраух, К.А. Различия между подростками с девиантным и нормативным поведением в выраженности жизнестойкости и её компонентов / К.А. Астраух, И.Н. Андреева // Вестник Полоцкого

- государственного университета. Серия Е. Педагогические науки – 2023. – №7. – Новополец: Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой. – С. 110 –115.
3. Гилинский, Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. И. Гилинский. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2004. – 520 с.
 4. Кириллова, Н. А. Ценностные ориентации как фактор просоциального поведения личности / Н. А. Кириллова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2008. – Т. 14. – № 1. – С. 137-141.
 5. Крылов, А.Н. «Образ-Я» как фактор развития личности / А.Н. Крылов. – М. : 1984. – С. 25
 6. Сочивко, Д. В. Методология и метод исследования просоциального поведения / Д. В. Сочивко, С. К. Бондырева // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 4(49). – С. 23–33.

УДК 159.9.07

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ, ИМЕЮЩИХ НАРУШЕНИЯ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА И БЕЗ НАРУШЕНИЙ

Г. Г. ВОЛКОВ

(Представлено: Ю. О. БРИКСА)

В статье представлены результаты эмпирического исследования индивидуально-психологических особенностей людей с инвалидностью, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата и без нарушений. Полученные данные сравнительного анализа позволяют выявить различия и сходства в особенностях индивидуально-психологических характеристик людей с инвалидностью, имеющих нарушение опорно-двигательного аппарата и без нарушения; расширяют понимание особенностей психического развития людей с заболеванием опорно-двигательного аппарата.

Введение. В Законе Республики Беларусь «Оправах инвалидов и их социальной интеграции» отмечается, что государственная политика направлена на создание правовых, экономических и социальных условий для обеспечения реализации и защиты прав и свобод инвалидов, их интеграции в общество [7]. Люди с нарушением опорно-двигательного аппарата отличаются психологическим фактором, формирующим их отношение к себе, к обществу и затрудняющим адекватный контакт с ними. Таким людям в нашем обществе требуется высокая эмоциональная устойчивость, воля, оптимизм, чтобы выделить для себя позитивное направление саморазвития, нацеленное на сохранение себя как личности, на продолжение активной жизнедеятельности. На наш взгляд особый интерес вызывают индивидуально-психологические особенности личности, так как они выступают своеобразной основой взглядов на окружающий мир, самого себя и других людей.

Вопрос индивидуальности в человеке возник давно. Уже в Античные времена философ Теофраст [12] исследовал индивидуальные особенности психики человека в зависимости от его характера. В течение длительного времени индивидуально-психологические особенности личности рассматривались главным образом именно в связи с учением о его характере, о типологических свойствах его нервной системы. Проблемы индивидуальности и индивидуальных особенностей личности исследовали ученые-психологи: Б.Г. Ананьев [1], В.С. Мерлин [5], В.Д. Небылицин [6], К.К. Платонов [10] С.Л. Рубинштейн [11], Б.М. Теплов [13].

Психологические особенности людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата рассматривались многими учеными: А.А. Дарган [3], В.З. Кантор [4], М.Е. Пермяковым, Е.А. Леонтьевым [9], Т.И. Бонкало [2], А.В. Гольцовым [2], С.В. Шмелевым [2] и др.. Исследователи утверждают, что люди, перенесшие физическую травму, меняются кардинально: ломаются прежние социальные связи, отношения, повышается психоэмоциональное напряжение, увеличивается агрессивность, снижается общительность, уверенность в своих возможностях, формируется чувство изоляции.

Постановка задачи. В нашей стране существует множество организаций, позволяющих самореализовываться личностям с разными физическими возможностями. Людям с заболеванием опорно-двигательного аппарата оказывается помощь в медицинском обслуживании, реабилитации, трудоустройстве, а также психологическая поддержка. Основная задача психолога при реабилитации человека с нарушением здоровья состоит в том, чтобы научить жить, максимально используя компенсаторные возможности психики и особенности личности. Из-за трудности в проведении исследований со взрослыми людьми данной категории, их отчужденного образа жизни и узкого круга общения, наблюдается недостаточное число научно-обоснованных и апробированных рекомендаций, а также эффективных технологий оказания им психологической поддержки, реабилитации и интеграции в общество.

Отсюда **цель нашего исследования** заключается в изучении особенности индивидуально психологических характеристик взрослых людей с инвалидностью, имеющих нарушение опорно-двигательного аппарата и без нарушений. Эмпирическое исследование людей с инвалидностью проводилось с помощью теста онлайн сервиса «Гугл формы» [8]. Выборку составили члены общества инвалидов «БелАПДИИ-МИ» и «ТЦСОН» г. Новополоцка. Всего в исследовании приняло участие 62 человека (n=62) в возрасте 18-40 лет. Люди с инвалидностью женского и мужского пола с сохранным интеллектом были разделены на 2 группы: 33 человека, имеющие нарушение опорно-двигательного аппарата; 29 человек без нарушения опорно-двигательного аппарата.

Методы исследования: теоретический анализ литературных источников, эмпирические методы (опрос), методы обработки данных (критерий различий U Манна-Уитни), а также методика Многофакторный личностный опросник 16PF/A» Кеттелла.

Результаты и их обсуждение. На первом этапе исследования, при помощи критерия U-критерий Манна-Уитни, были изучены различия между людьми с инвалидностью, имеющими нарушение опорно-двигательного аппарата и без нарушений в выраженности показателей индивидуально-психологических особенностей. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Различия между людьми с инвалидностью, имеющими нарушения опорно-двигательного аппарата и без нарушений в выраженности индивидуально-психологических особенностей

Переменная	Сумма рангов		U-критерий	Уровень значимости
	Люди с нарушением ОДА	Люди без нарушения ОДА		
Стен А	809,50	1143,50	248,50	0,00
Стен В	1005,00	948,00	444,00	0,62
Стен С	986,50	966,50	425,50	0,44
Стен Е	1113,00	840,00	405,00	0,29
Стен F	784,50	1168,50	223,50	0,00
Стен G	1097,00	856,00	421,00	0,40
Стен Н	913,00	1040,00	352,00	0,07
Стен I	1083,00	870,00	435,00	0,53
Стен L	927,00	1026,00	366,00	0,11
Стен М	1098,00	855,00	420,00	0,40
Стен N	1098,00	855,00	420,00	0,40
Стен O	1046,50	906,50	471,50	0,92
Стен Q1	896,50	994,50	368,50	0,16
Стен Q2	1209,50	743,50	308,50	0,02
Стен Q3	963,00	990,00	402,00	0,27
Стен Q4	1126,00	827,00	392,00	0,21

Примечания: ОДА – опорно-двигательный аппарат

Исходя из полученных результатов (таблица 1), можно сделать вывод, что между инвалидами с нарушением и без нарушения опорно-двигательного аппарата выявлены различия на высоком уровне значимости по выраженности переменных «Стен А (общительность)» и «Стен F (беспечность)», так как $p \leq 0,01$, а также достоверные различия по выраженности переменной «Стен Q2 (самостоятельность)», так как $p \leq 0,05$.

Далее, учитывая, что для сравнения используется непараметрический метод, чтобы сравнить медианы, мы рассмотрим «ящичную» диаграмму переменной «Стен А (общительность)» у испытуемых с нарушением и без нарушения опорно-двигательного аппарата (рисунок 1).

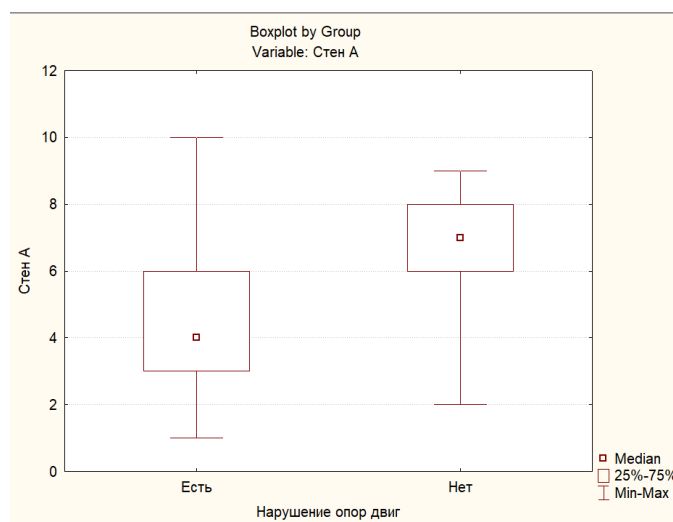

Рисунок 1. – Переменная «Стен А (общительность)» у людей с инвалидностью, имеющих нарушение опорно-двигательного аппарата и без нарушений

На рисунке 1 видно, что люди с инвалидностью, имеющие нарушение опорно-двигательного аппарата, отличаются низким уровнем общительности, по сравнению с людьми с инвалидностью без нарушений.

Рассмотрим «ящичную» диаграмму переменной «Стен F (беспечность)» у испытуемых с нарушением и без нарушения опорно-двигательного аппарата (рисунок 2).

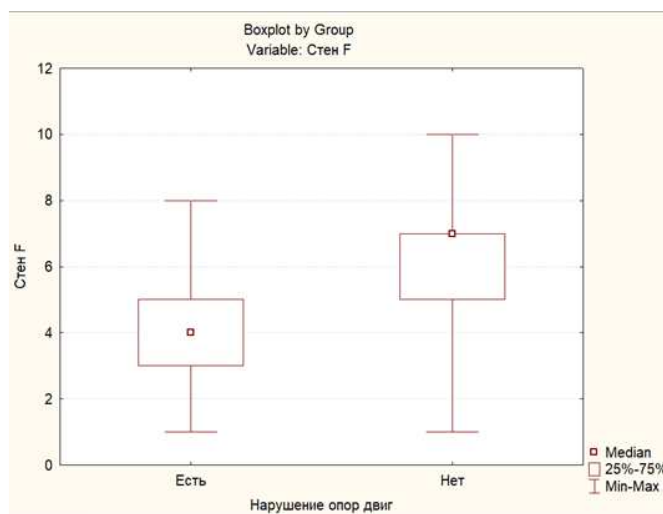

Рисунок 2. – Переменная «Стен F (беспечность)» у людей с инвалидностью, имеющих нарушение опорно-двигательного аппарата и без нарушений

На рисунке 2 видно, что люди с инвалидностью, имеющие нарушение опорно-двигательного аппарата, отличаются низким уровнем склонности к рискованному поведению, по сравнению с людьми с инвалидностью без нарушений.

Рассмотрим «ящичную» диаграмму переменной «Стен Q2 (самостоятельность)» у испытуемых с нарушением и без нарушения опорно-двигательного аппарата (рисунок 3).

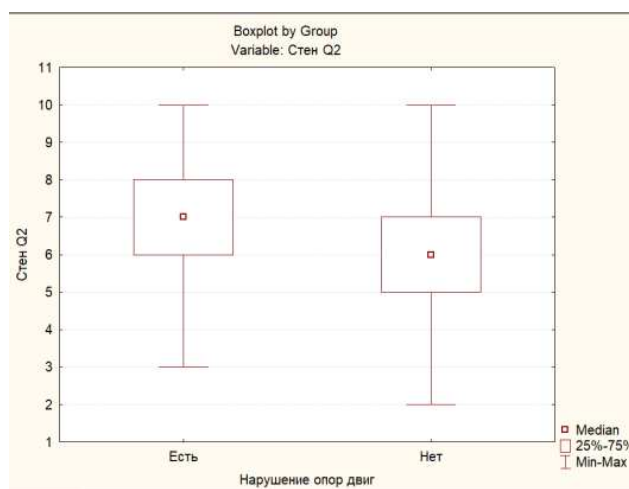

Рисунок 3. – Переменная «Стен Q2 (самостоятельность)» у людей с инвалидностью, имеющих нарушение опорно-двигательного аппарата и без нарушений

На рисунке 3 видно, что люди с инвалидностью, имеющие нарушение опорно-двигательного аппарата, отличаются более высоким уровнем самостоятельности

Данное исследование показало, что люди с инвалидностью, имеющие нарушение опорно-двигательного аппарата, отличаются низким уровнем общительности, склонностью к рискованному поведению, и высоким уровнем самостоятельности по сравнению с людьми с инвалидностью без нарушений.

Мы предлагаем следующее объяснение полученным результатам. Люди с нарушением опорно-двигательного аппарата, вынуждены находиться в изоляции от регулярного общения, из-за чего могут сформироваться характерные психологические комплексы. Это может проявляться в виде робости и недоверия к окружающим, неуверенности в собственных способностях.

Возможно, низкий уровень беспечности является следствием того, что люди с нарушением опорно-двигательного аппарата сталкиваются с непреодолимыми трудностями управления собственным те-

лом, вследствие чего теряют трудоспособность, надежду устроиться на работу, чувствуют свою ненужность и уходят «в себя». Кроме этого, функциональная зависимость от постоянной прикованности к инвалидному креслу, когда человек вынужден общаться с окружающими, находясь по отношению к ним, как бы «снизу», влечет дополнительную неуверенность.

Полагаем, что высокий уровень самостоятельности связан с ресурсами личности испытуемых либо с их адаптационными потенциалами. Люди с нарушением опорно-двигательного аппарата вынуждены постоянно преодолевать трудности и решать проблемы, выполняя повседневные задачи. При самостоятельном передвижении они сталкиваются с препятствиями и опасностями, о которых большинство людей даже не задумывается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2016. – 288 с.
2. Бонкало Т.И., Гольцов А.В., Шмелева С.В. Особенности психологической адаптации инвалидов с поздним поражением опорно-двигательного аппарата // Вестник московского государственного областного университета, 2016. – №4. – С. 2–12.
3. Дарган, А.А. Отражение детерминированности социального самочувствия и социальной мобильности людей с инвалидностью // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2017. – №2 (27). – С. 162–167.
4. Кантор, В.З. Инклюзивное высшее образование: специальные средовые условия обучения студентов-инвалидов в вузе // Психолого-педагогические исследования. – 2019. – Т. 11. – № 3. – С. 44–56.
5. Мерлин, В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности // В.С. Мерлин. – М. : Педагогика, 1986. – 256 с.
6. Небылицин, В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий / В.Д. Небылицин. – М. : Наука, 1976. – 336 с.
7. О правах инвалидов и их социальной интеграции [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-З 150 / Национальный правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – Режим доступа: <https://www.who.int/> – Дата доступа : 22.01.2024
8. Официальный сайт «Google формы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.google.com/forms/u/0/?tgif=d/> (дата обращения: 2.01.2024)
9. Пермякова, М.Е., Леонтьева Е.А. Мотивация к реабилитации и ее корреляты у пациентов с травмами опорно-двигательного аппарата. Ч. 1 // Известия Уральского федерального университета. Сер. I. Проблемы образования, науки и культуры. – 2019. – Т. 25. – № 2 (186). – С. 149–155.
10. Платонов, К.К. Структура и развитие личности / К.К. Платонов. – М.: Наука, 1986. – 255 с.
11. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии в 2-х томах. М.: Педагогика, 1989. – Т.1. 486 с. – Т.2. – 322 с.
12. Теофраст Характеры // Греческая литература (сост. В. О. Нилендер). М.: Советский писатель, 1939. – С. 526–532.
13. Теплов, Б.М. Проблемы индивидуальных различий / Б.М. Теплов. – М. : Изд. Наука, 1961. – С. 9–20.

УДК 159.9 ; 316.6

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕННЫХ ПЕРСПЕКТИВ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ, С НАРУШЕНИЕМ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

Г. Г. ВОЛКОВ

(Представлено: Ю. О. БРИКСА)

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи восприятия временных перспектив и индивидуально-психологических характеристик людей с инвалидностью, имеющих нарушение опорно-двигательного аппарата. Результаты проведенного сравнительного анализа дают возможность выявить наличие корреляционной связи, а также ее направление и силу между исследуемыми показателями; расширяют представление о влиянии двигательных нарушений человека на формирование личностных характеристик и временных перспектив.

Введение. Людям с ограниченными возможностями в нашем обществе требуется высокая эмоциональная устойчивость, воля, оптимизм, чтобы выделить для себя позитивное направление саморазвития, нацеленное на сохранение себя как личности, на продолжение активной жизнедеятельности. Такой позитивный конструктивный выбор возможен при условии наличия у человека адекватной самооценки, ощущения целостности «Я», наличия социально психологической активности, адекватного отношения к своему заболеванию.

Психологические особенности людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата рассматривались такими учеными как: А.С. Гозулов [4], М.Б. Цыкунов [7], Б.А. Поляев [7] и др. Изучая реабилитационный процесс лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата исследователи отмечали, что двигательная функция человека является одним из необходимых условий нормального функционирования и естественной биологической потребностью, осознание индивидуумом самого себя благополучным возможно лишь при определенном ее уровне. И, безусловно, реабилитационные мероприятия при расстройствах двигательных функций не могут рассматриваться вне контекста их психологической и психопатологической составляющих.

На затяжной характер адаптации и реабилитации людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата обращали внимание как отечественные (Т.И. Бонкало, А.В. Гольцов, С.В. Шмелева [2]), так и зарубежные авторы (Д.Л. Шаллер, [10], Л. Ли, Д.С. Мур [11] и др.). Ученые пришли к выводу, что серьезные физические и двигательные нарушения тела не могут оставаться незамеченными личностью. Эмоциональный ответ на них может оказаться очень сильным и негативно сказаться на поведенческом и социальном уровнях проблемы.

Важным вопросом психологического восприятия времени человеком с нарушениями здоровья занимались зарубежные и российские исследователи: Ж. Нюттен [6], Ф. Зимбардо [3], И.М. Сеченов [9], И.П. Павлов [9], С.Л. Рубинштейн [8], Б.Г. Ананьев [1], О.Г. Приходько [5] и др. Ученые представили результаты исследований, в которых показали, что различные болезненные состояния накладывают свою печать на структуру восприятия временной перспективы, в тоже время и нарушения восприятия времени могут провоцировать те или иные отклонения в структуре психики.

Постановка задачи. Актуальность исследования проблемы социально-психологической адаптации и реабилитации лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата обусловлена недостаточной разработанностью теоретических и практических аспектов проблемы, а также отсутствием научно-обоснованных и апробированных рекомендаций и эффективных технологий оказания им психологической поддержки, реабилитации и интеграции в общество. Причиной этому служат трудности в проведении исследований с людьми данной категории, их отчужденным образом жизни и узким кругом общения. Только глубокое понимание процессов, происходящих на личностном уровне инвалида, может позволить правильно оценить его возможности и перспективы возвращения к полноценной жизни в обществе и запустить механизмы реабилитационного процесса. В связи с этим актуальными представляются исследования различных аспектов психологии людей с нарушением опорно-двигательного аппарата для выявления потенциальных ресурсов их развития.

Отсюда **цель нашего исследования**, изучение взаимосвязи восприятия временных перспектив и индивидуально-психологических характеристик людей с инвалидностью, с нарушением опорно-двигательного аппарата. Эмпирическое исследование людей с инвалидностью проводилось с помощью теста онлайн сервиса «Гугл формы». Выборку составили члены общества инвалидов «БелАПДИиМИ» и «ТЦСОН» г. Новополюцка. Всего в исследовании приняло участие 62 человека (n=62) в возрасте 18-40 лет. Люди с инвалидностью женского и мужского пола с сохранным интеллектом были разделены

на 2 группы: 33 человека, имеющие нарушение опорно-двигательного аппарата; 29 человек без нарушения опорно-двигательного аппарата.

Методы исследования: теоретический анализ литературных источников, эмпирические методы (опрос), методы обработки данных (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), методика «Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, методика «Многофакторный личностный опросник 16PF» Кеттелла в адаптации А.Г. Шмелева.

Результаты и их обсуждение. С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена, был проведен корреляционный анализ переменных факторов временной перспективы и индивидуально-психологических особенностей у людей с инвалидностью, имеющих нарушение опорно-двигательного аппарата. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей и временных перспектив у людей с инвалидностью, имеющих нарушение опорно-двигательного аппарата

Временные перспектива	Переменные:	r_s	p
	Индивидуально-психологические особенности		
Негативное прошлое	Стен С (эмоциональная устойчивость)	-0,48	0,00
	Стен Н (смелость в социальных контактах)	-0,40	0,02
	Стен О (тревожность)	0,58	0,00
Гедонистическое настоящее	Стен А (общительность)	0,52	0,00
	Стен F (беспечность)	0,49	0,00
	Стен I (эмоциональная чувствительность)	0,66	0,00
	Стен L (подозрительность)	0,39	0,02
Позитивное прошлое	Стен В (интеллектуальность)	-0,35	0,05
	Стен О (тревожность)	0,34	0,05
Фаталистическое настоящее	Стен L (подозрительность)	0,41	0,02

Примечания: r_s – коэффициент ранговой корреляции Спирмена, p – уровень значимости.

Результаты, представленные в таблице 1, указывают на наличие взаимосвязи между показателями «индивидуально-психологические особенности личности» и «временные перспективы» у людей с инвалидностью, имеющих нарушение опорно-двигательного аппарата:

Положительные корреляции наблюдаются по следующим показателям:

1. между показателями шкал «Негативное прошлое» и «Стен О (тревожность)» ($r=0,58$). Следовательно, травмы, боль и сожаление, перенесенные людьми с нарушением опорно-двигательного аппарата накладывают отпечаток на эмоциональные свойства личности;

2. между показателями шкалой «Гедонистическое настоящее» и шкалами: «Стен А (общительность)» ($r=0,52$), «Стен F (беспечность)» ($r=0,49$), «Стен I (эмоциональная чувствительность)» ($r=0,66$), «Стен L (подозрительность)» ($r=0,39$). Полагаем, что выявленные взаимосвязи указывают на стремление людей с инвалидностью, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата к наслаждению жизнью, получения положительных эмоций от общения с окружающими. Они имеют несколько беспечное отношение к планированию своего времени и жизнедеятельности, больше ориентированы на удовлетворение актуальных потребностей, редко задумываются о своем будущем. Вместе с тем они осторожно относятся к новым контактам и склонны к обидам. Подобное поведение обычно более свойственно маленьким детям, которые находятся под опекой родителей и пока не могут самостоятельно влиять на решение жизненно важных вопросов. Исходя из этого мы пришли к выводу, что ближайшее окружение старается максимально облегчить быт испытуемых, не включая их в вопросы планирования и распределения ресурсов ссылаясь на их состояние. Подобный подход может оказывать воздействие на формирование у людей с инвалидностью искаженного восприятия действительности, переводя их внимание на второстепенные жизненные цели;

3. между показателями шкал «Позитивное прошлое» и «Стен О (тревожность)» ($r=0,34$). Следовательно, позитивная, ностальгическая реконструкция прошлого влияет на эмоциональные и коммуникативные показатели свойств личности;

4. между показателями шкал «Фаталистическое настоящее» и «Стен L (подозрительность)» ($r=0,41$). Это означает, что людям, которые смирились со своим недугом и поверили в неизбежность судьбы, характерны подозрительность, раздражительность и внутреннее напряжение.

Отрицательные корреляции наблюдаются по следующим показателям:

1. между показателями шкал «Негативное прошлое», «Стен С (эмоциональная устойчивость)» ($r=-0,48$) и «Стен Н (смелость в социальных контактах)» ($r=-0,40$). Следовательно, чем выше негативное прошлое, тем ниже уровень эмоциональных свойств. Полагаем выявленная обратная корреляционная связь свидетельствует о том, что травматический негативный опыт оставляет след в психике людей с нарушением опорно-двигательного аппарата и влияет на мысли, эмоции и поведение.

2. между показателями шкал «Позитивное прошлое» и «Стен В (интеллектуальность)» ($r=-0,35$). Следовательно, чем выше показатель позитивного прошлого, тем ниже уровень интеллектуальности. Полагаем, что выявленная обратная корреляционная связь свидетельствует о том, что низкие когнитивные способности влияют на склонность льстить себе, воспринимая прошлое, как нечто ностальгическое или позитивное.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что у людей с инвалидностью, имеющих нарушение опорно-двигательного аппарата между переменными временных перспектив и индивидуально-психологических особенностей, существует взаимосвязь. Двигательные нарушения человека приводят не только к объективным нарушениям двигательного пространства, но и влекут за собой развитие вторичных нарушений, накладывая отпечаток на формирование отношения личности к временному континууму. Полученные результаты подтверждают ученые А.М. Щербакова, О.Н. Гудилина, которые выявили наличия связи между такими психологическими конструктами как отношение к болезни, жизнестойкость и временная перспектива личности у людей с врожденными и приобретенными нарушениями [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2016. – 288 с.
2. Бонкало Т.И., Гольцов А.В., Шмелева С.В. Особенности психологической адаптации инвалидов с поздним поражением опорно-двигательного аппарата // Вестник московского государственного областного университета. – 2016. – №4. – С. 2-12.
3. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф.Зимбардо, Дж.Бойд. – СПб.: Речь. – 2010. – 352 с.
4. Кукушина А.А., Котельникова А.В., Гозулов А.С. Структура личности как основа организации психологического сопровождения в процессе медицинской реабилитации пациентов с нарушением двигательных функций // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. – 2014. – Т. 91, № 5. – С. 6–11.
5. Левченко И.Ю., Приходько О.Г. Технологии обучения и воспитания детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата: Уч. пособие для студ. сред.пед.уч. зав. М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 192 с.
6. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2008. – 607с.
7. Реабилитация больных с травматической болезнью спинного мозга / под общ. ред. Г.Е. Ивановой, В.В. Крылова, М.Б. Цыкунова [и др.]. – М. : Московские учебники и Картолитография, 2010. – 640 с.
8. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2015. – 720 с.
9. Сеченов, И.М. Физиология нервной системы. Избранные труды. В 4 вып. / Вып. 3, кн. 1 / И.М. Сеченов, И.П. Павлов, Н.Е. Введенский ; под общ. ред. К.М. Быкова. – М. : Медгиз, 1952. – 354 с.
10. Becker H., Schaller J., – Perceived health and self-efficacy among adults with cerebral palsy Journal of Rehabilitation, 1995. – Vol. 61. – P. 36-42.
11. Cheng Y., Luo S.-Y., Lin H.-C., Yang C.-S. Investigating mobile emotional learning for children with autistic spectrum disorders. International Journal of Developmental Disabilities, 2018. – Vol. 64. – No. 1. –Pp. 25–34.
12. Щербакова А.М., Гудилина О.Н. Сравнительная характеристика отношения к ограниченным возможностям своего здоровья лиц с врожденными и приобретенными нарушениями статодинамической функции // Психологическая наука и образование. – 2010. – Том 15. – № 5. – С. 77–86.

УДК 159.9

**РАССТРОЙСТВО ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ:
СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ****Я. А. ГУГНИНА***(Представлено: С. В. ОСТАПЧУК)*

В статье рассмотрены теоретические подходы к исследованию нарушений пищевого поведения. Раскрыта сущность и классификация данного феномена, проанализированы его основные причины и факторы риска. Охарактеризованы психологические, физиологические и социальные последствия.

В современном обществе проблема нарушений пищевого поведения приобретает все большую актуальность. Согласно данным исследований, различные формы данного расстройства встречаются у не менее чем 9 % населения, при этом реальная распространённость значительно выше вследствие тенденции к сокрытию симптомов. Расстройства пищевого поведения входят в число наиболее опасных психических заболеваний и характеризуются высоким уровнем смертности, сопоставимым с летальностью при тяжёлых соматических патологиях.

Данный феномен оказывает комплексное воздействие на личность, включая психологическую сферу, соматическое здоровье и социальное функционирование. Распространённость расстройств пищевого поведения, неблагоприятные последствия, а также высокий уровень риска суицидального поведения обуславливают необходимость всестороннего изучения проблемы и разработки эффективных профилактических мер.

В соответствии с определением Американской психиатрической ассоциации, расстройства пищевого поведения представляют собой группу поведенческих синдромов, характеризующихся нарушением процесса приёма пищи и патологическим отношением к ней [6].

Известно, что в США 20 миллионов женщин и 10 миллионов мужчин имели не менее одного эпизода расстройства пищевого поведения за свою жизнь [7].

Согласно МКБ-10 классификация нарушений пищевого поведения включает следующие расстройства:

- нервная анорексия (F50.0): расстройство, характеризующееся целенаправленной потерей массы тела, вызванной и поддерживаемой пациентом. Оно, как правило, чаще встречается у девушек подросткового возраста и молодых женщин, но ему могут быть подвержены юноши и молодые мужчины, а также дети, приближающиеся к пубертатному периоду, и женщины старшего возраста (вплоть до наступления менопаузы). Расстройство ассоциируется со специфической психопатологической боязнью ожирения и дряблости фигуры, которая становится назойливой идеей, в результате чего пациенты устанавливают для себя «идеальный» низкий предел массы тела. Как правило, возможны различные вторичные эндокринные и обменные нарушения, а также функциональные расстройства. Симптоматика обычно включает ограничение, диеты, чрезмерную физическую нагрузку, прием слабительных и мочегонных средств, а также препаратов, понижающих аппетит [1].

- атипичная нервная анорексия (F50.1): расстройство, отвечающее некоторым чертам нервной анорексии, но полная клиническая картина которого не позволяет поставить этот диагноз. Одним из ключевых симптомов является аменорея или выраженная боязнь ожирения, может отсутствовать при наличии заметной потери массы тела и поведения, направленного на достижение похудения [1].

- нервная булимия (F50.2): синдром, характеризующийся повторными приступами переедания и выраженным беспокойством из-за контроля массы тела. Это приводит к выработке такого стиля переедания, который сопровождается вызовом рвоты и использованием слабительных средств. Данное расстройство имеет много общего с нервной анорексией и тоже включает чрезмерную озабоченность своей фигурой и массой тела. Однако нервную булимию зачастую обнаружить тяжелее, нежели анорексию, поскольку вес таких пациентов обычно не выходит за пределы нормы, и внешне они могут выглядеть относительно здоровыми [1].

- атипичная нервная булимия (F50.3): расстройство, имеющее некоторые признаки нервной булимии. Например, возможны повторные приступы переедания и чрезмерное употребление слабительных средств без значительных изменений массы тела или может вовсе отсутствовать типичная сверхозабоченность собственной фигурой и массой тела [16]. – переедание, связанное с другими психологическими расстройствами (F50.4): это переедание вследствие стрессовых событий, таких, как тяжелая утрата, несчастный случай, рождение ребенка и т.д. [1].

- рвота, связанная с другими психологическими расстройствами (F50.5): повторная рвота, которая возникает при диссоциативных расстройствах и ипохондрическом расстройстве и не является исключительно следствием состояний, не входящих в перечень данного класса [1].

- другие расстройства приема пищи (F50.6): поедание несъедобного, извращенный аппетит [1].
- расстройство приема пищи неуточненное (F50.7) [1].

Причины расстройства пищевого поведения во многом не ясны. Биологический и социальный факторы играют свои роли предположительно в равной степени.

Культурная идеализация худобы и стройности определённо вносит свой вклад в этиологию некоторых подтипов заболевания. О последнем утверждении говорит тот факт, что в развитых странах такое расстройство, как НБ, практически не диагностировалось до конца 1970 годов.

Важно уточнить, что несмотря на многочисленные исследования, до сих пор точных причин формирования расстройств не выявлено, но исследователи выделяют следующие возможные причины:

1. Генетические: согласно Л.Кронбаху, нарушению пищевого поведения в 8 раз чаще подвержены те люди, чьи родственники имели это расстройство. Так, например, при изучении близнецов было выяснено, что они в большинстве случаев склонны к одинаковому пищевому поведению и, следовательно, к схожим расстройствам. Вместе с этим было установлено, что существуют конкретные хромосомы, которые могут быть связаны с булимией и анорексией [3].

2. Биопсихосоциальные: согласно О.А. Скугаревскому, при изучении клинической картины нарушений пищевого поведения (нервная анорексия, нервная булимия, компульсивное переедание) следует обращать внимание на такие факторы как: семейная ситуация, восприятие собственного тела, оценка пищевых предпочтений, стереотипы пищевого поведения, масса тела и методы его контроля, а также самооценка и мысли, связанные с употреблением пищи [5].

3. Культурные: согласно В.В. Ромацкому, с помощью средств массовой информации оказывается огромное влияние на сознание людей путем пропаганды нереалистичных образов тела и представлений об идеалах красоты, а также искажения культуры похудения. В то же время активно выпускаются и рекламируются недорогие, легкодоступные и высококалорийные продукты [2].

4. Личностные: согласно Д.Б. Карвасарскому, пищевые расстройства отражают бессознательную борьбу внутренней индивидуальности человека, его представлений о себе в социуме и проблемах, которые часто следуют из травматических событий жизненного опыта или определенной модели социализации [4].

Таким образом, нарушения пищевого поведения представляют собой многофакторное явление, включающее биологические, психологические и социальные компоненты. Они оказывают значительное влияние на соматическое и психическое здоровье, а также на качество жизни личности в целом. Несмотря на активное изучение данной проблемы, её причины и механизмы остаются до конца не раскрытыми, что делает актуальными дальнейшие исследования в данном направлении. Комплексный подход к пониманию и профилактике расстройств пищевого поведения является необходимым условием сохранения психического и физического здоровья населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международная классификация болезней 10 пересмотра (МКБ-10). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mkb10.com/index.php?pid=4289> Дата доступа:
2. Николаева, Н. О. Нарушения пищевого поведения: социальные, семейные и биологические предпосылки/ Н. О. Николаева, Т. А. Мешкова// Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2011. – № 1 (11). – С. 39–49.
3. Пантеев, С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. Психология самосознания: хрестоматия/ С. Р. Пантеев. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2007. – 365 с.
4. Проскурякова, Л. А. Особенности пищевого поведения и виды его нарушения/ Л. А. Проскурякова // Рациональное питание, пищевые добавки и биостимуляторы. – 2016. – № 2. – С. 118–124.
5. Скугаревский, О. А. Нарушения пищевого поведения: клинко-биологический подход/ О. А. Скугаревский // Медицинский журнал. – 2002. – № 1. – С. 82–87.
6. Austin, S. B. Population-based prevention of eating disorders: An application of the Rose prevention model/ S. B. Austin// Preventive Medicine. – 2001. – Vol. 32, № 3. – P. 268–283.
7. Wojtowicz, A. E. Weighing in on risk factors for body dissatisfaction: A one-year prospective study of middle-adolescent girls/ A. E. Wojtowicz, K. M. Von Ranson, // Body Image. – 2012. – Vol. 9, № 1. – P. 20–30.

УДК 159.9

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРЕНИНГОВЫХ ЗАНЯТИЙ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ НАРУШЕНИЙ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНТОВ

Я. А. ГУГНИНА*(Представлено: С. В. ОСТАПЧУК)*

В статье приведен анализ эффективности тренинговых занятий по профилактике нарушений пищевого поведения, которые были проведены со студентами. Описана тренинговая программа и дан анализ полученных результатов.

Расстройства пищевого поведения являются одной из актуальных проблем современной психологии и медицины [4]. Они связаны с искажённым образом тела, тревожностью, чувством вины и представляют серьёзную угрозу для психического и физического здоровья.

Расстройства пищевого поведения рассматриваются в современной психологии как комплексные состояния, связанные с искажением образа тела, нарушением пищевых привычек и эмоциональными трудностями [2]. Ряд исследований указывает на тесную взаимосвязь признаков с уровнем тревожности и особенностями самооценки [3]. В этой связи актуальным направлением профилактики выступают тренинговые занятия, направленные на снижение тревоги и коррекцию самооценки студентов.

Уровень тревоги действительно взаимосвязан с выраженностью расстройств пищевого поведения, что открывает возможности для разработки эффективных методов профилактики.

Учитывая полученные нами ранее результаты [1], была обоснована необходимость проведения тренинговых занятий, направленных на снижение уровня тревоги. Регуляция тревоги рассматривается как один из возможных методов профилактики расстройств пищевого поведения. Снижение тревоги способствует улучшению эмоционального состояния и может уменьшить риск развития расстройства пищевого поведения, который часто ассоциируется с высоким уровнем стресса и эмоциональной нестабильности.

На основе этих данных был разработан и проведён тренинг, цель которого заключалась в обучении методам управления тревогой.

Целью проведённого исследования стала оценка эффективности специально разработанной тренинговой программы, направленной на профилактику нарушений пищевого поведения у студентов через снижение уровня тревоги и повышение уровня самооценки. В исследовании участвовали две группы: экспериментальная, и контрольная. В экспериментальную группу входили студенты специальности «Социально-педагогическое и психологическое образование», контрольную группу составляли студенты специальности «Дошкольное образование»

Тренинговая программа включала пять занятий продолжительностью 90 минут каждое, проводившихся один раз в неделю в группах по 10–12 человек.

Занятия выстроены последовательно, с постепенным переходом от знакомства и снижения тревожности к более глубоким уровням работы над самооценкой, самопознанием и освоением навыков эмоциональной саморегуляции.

Цель программы — обучение студентов навыкам регуляции тревоги, а также профилактика связанных с ней нарушений, таких как расстройства пищевого поведения. Основные задачи включают снижение уровня внутреннего напряжения, повышение самооценки и развитие навыков саморегуляции.

Первое занятие было направлено на установление контакта, формирование доверительной атмосферы и первичное снижение тревожности. Второе и третье занятия акцентировали внимание на укреплении позитивного отношения к себе, осознании своих сильных сторон и формировании более адекватной самооценки. Следующие встречи сосредоточены на тренировке навыков эмоционального самоконтроля, применении техник расслабления и переосмысления стрессовых ситуаций. В рамках программы предусмотрена также диагностика тревоги и самооценки с использованием методик Шихана и Ковалева.

Программа носит интегративный характер, сочетая элементы когнитивно-поведенческого подхода, телесно-ориентированных и арт-терапевтических техник. Занятия завершаются рефлексией и прощальными упражнениями, направленными на закрепление положительных изменений и создание благоприятного эмоционального фона.

Для диагностики тревожности и самооценки студентов были использованы шкала тревоги Шихана и тест-опросник самооценки по методике С. В. Ковалева.

Большинство студентов экспериментальной группы (76,5%) попадает в «среднюю» категорию тревожности, что указывает на относительно устойчивый эмоциональный фон в условиях нормальной

университетской и профессиональной нагрузки. Небольшая группа (5,9%) демонстрирует очень низкий уровень тревоги, а около 17,6% — высокий уровень тревоги.

Основная масса (64,7%) имеет адекватную самооценку, что свидетельствует о здоровом восприятии себя и реалистичной оценке своих возможностей. При этом почти равные группы студентов (17,6% каждая) демонстрируют либо низкую, либо завышенную самооценку.

Поскольку предварительный анализ распределения показателей тревожности и самооценки выявил отклонения от нормальности, для оценки значимых различий между результатами до и после тренингового воздействия был выбран непараметрический критерий Вилкоксона для сопряжённых выборок. Результаты анализа эффективности тренинговых занятий в экспериментальной группе представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Статистический анализ эффективности тренинговых занятий в экспериментальной группе по критерию Вилкоксона для сопряжённых выборок

Переменные	T	Z	Уровень значимости
Самооценка	56,50	0,20	0,84
Тревога	58,00	0,11	0,91

Примечания. T – стандартное отклонение, Z – среднее значение

На основании данных таблицы 1, можно сделать вывод, что различия в уровнях тревоги до и после тренинговых занятий статистически не значимы, т.к. $p > 0,05$. Аналогичным образом, при сравнении показателей самооценки до и после тренинга наблюдается значение $p > 0,05$. Несмотря на направленное увеличение уровня самооценки после проведения тренинговых занятий, полученные различия также не достигают статистической значимости.

Таким образом, результаты обоих тестов свидетельствуют об отсутствии статистически значимых изменений как в показателях тревоги, так и в показателях самооценки после проведения тренинга.

Гипотеза об эффективности тренинговых занятий по уменьшению тревоги и повышению самооценки не подтвердилась. Следовательно, необходимо проводить профилактическую работу по снижению нарушений пищевого поведения намного раньше, начиная с подросткового, а возможно, и младшего школьного возраста, с тем, чтобы предотвратить данные нарушения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гугнина, Я.А. Взаимосвязь расстройства пищевого поведения и тревоги у студентов//С.В. Остапчук, Я. А. Гугнина//II Международная научно-практическая конференция «Здоровьесберегающие технологии: психическое и физическое здоровье в образовательной и профессиональной деятельности», Новополюцк, Ростов-на –Дону, 17-18 апреля 2025. –С.21-23.
2. Дадаева, В.А. Типы нарушений пищевого поведения/В.А. Дадаева, Р.А. Еганян, А.И. Королев // Профилактическая медицина. –2021. – 24(4). –С.113–119.
3. Николаева, Н.О. Нарушения пищевого поведения: социальные, семейные и биологические предпосылки/Н.О. Николаева, Т.А. Мешкова // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2011. – № 1 (11). – С. 39–49.
4. .Wojtowicz, A. E., von Ranson, K. M. Weighing in on risk factors for body dissatisfaction: A one-year prospective study of middle-adolescent girls // Body Image. – 2012. – Vol. 9, № 1. – P. 20–30.

УДК 159.9.072

САМООТНОШЕНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

А. В. ДАЛЬЧАНИНА*(Представлено: О. И. ИЗВЕКОВА)*

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи самооотношения и профессиональной идентичности у студентов гуманитарных и технических специальностей. Выборка составила 70 студентов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой. Использовались методики: тест-опросник самооотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев) и методика исследования профессиональной идентичности (Л.Б. Шнейдер). Установлено, что такие компоненты самооотношения, как самоуважение, аутосимпатия и самоуверенность, умеренно положительно связаны с профессиональной идентичностью. Статистически значимых различий между студентами гуманитарных и технических специальностей не выявлено. Результаты могут быть использованы в психолого-педагогическом сопровождении студентов.

Введение. Современное общество характеризуется высокой динамичностью социально-культурных и профессиональных процессов, что выдвигает на первый план необходимость глубокого изучения психологических факторов, определяющих успешность профессионального становления личности. Особое внимание в этом контексте заслуживают такие феномены, как самооотношение и профессиональная идентичность, оказывающие значительное влияние на осознание личностью себя, формирование жизненных и карьерных ориентиров, а также на процесс социальной адаптации молодежи [1].

Под самооотношением понимается комплекс эмоционально-ценностных установок индивида по отношению к самому себе, отражающий уровень самопринятия, самооценки и внутренней согласованности [2]. Профессиональная идентичность, в свою очередь, рассматривается как осознание своей принадлежности к определённой профессиональной сфере, включающее мотивационные, когнитивные и поведенческие компоненты [3].

Этап студенчества является критически важным в процессе формирования профессионального «Я», поскольку именно в этот период происходит активное профессиональное самоопределение. Результаты психологических исследований свидетельствуют о том, что позитивное самооотношение способствует осознанному выбору профессии, устойчивости профессиональных планов и удовлетворенности учебным процессом [4]. Напротив, низкий уровень самопринятия и негативное отношение к себе могут стать препятствием для формирования профессиональной идентичности, порождать внутренние конфликты и вызывать профессиональную неустойчивость.

Цель исследования: изучить самооотношение и профессиональную идентичность у студентов гуманитарных и технических специальностей.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 70 студентов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, из них 35 студентов гуманитарных специальностей и 35 студентов технических специальностей в возрасте 17-23 лет. Репрезентативность выборки обеспечивалась посредством случайного отбора студентов изучаемых специальностей, обучающихся на разных курсах.

Для диагностики самооотношения использовался тест-опросник самооотношения (ОСО) В.В. Столина, С.Р. Пантелеева [2]. Методика позволяет выявить три уровня самооотношения: глобальное самооотношение; самооотношение, дифференцированное по самоуважению, аутосимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе; уровень конкретных действий в отношении к своему «Я».

Для исследования профессиональной идентичности применялась методика исследования профессиональной идентичности (МИПИ) Л.Б. Шнейдер [3]. Методика основана на принципах ассоциативного эксперимента и определяет профессиональную идентичность как результат самоопределения, персонализации и самоорганизации. На основе анализа ассоциативных цепочек определяется статус профессиональной идентичности испытуемого.

Для статистической обработки данных использовались методы математической статистики с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена и U-критерия Манна-Уитни для независимых выборок.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования были получены данные о характеристиках самооотношения и профессиональной идентичности у студентов обеих групп. Анализ результатов пока-

зал, что в исследуемой группе студентов технических специальностей средний уровень глобального самоотношения имеют 55,4% студентов, что указывает на умеренно положительное представление о себе. Наиболее выраженными компонентами у студентов оказались самоуважение (54,2%), аутосимпатия (53,5%) и самоинтерес (53,5%). Это свидетельствует о наличии у испытуемых внутренней устойчивости, положительного эмоционального отношения к себе и интереса к собственной личности, что, в свою очередь, может служить основой для успешного профессионального становления.

У студентов гуманитарных специальностей наибольшие значения имеет шкала «Глобального самоотношения» (58,04), что свидетельствует о достаточно высоком уровне общего позитивного отношения к себе у большинства студентов. Высокие средние показатели также наблюдаются по шкалам «Самоуважение» (56,8), «Аутосимпатия» (56,6), «Ожидаемое отношение» (55,2) и «Самоинтерес» (55,7). Полученные данные отражают тенденцию к устойчивому самоуважению, доброжелательному отношению к себе, ожиданию позитивной обратной связи от окружающих и вниманию к собственным внутренним процессам, что в совокупности создает благоприятный психологический фон для формирования профессиональной идентичности.

Для проверки гипотезы о взаимосвязи самоотношения и профессиональной идентичности был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Коэффициент ранговой корреляции Спирмена компонентов самоотношения и профессиональной идентичности у студентов

Показатели самоотношения	Коэффициент корреляции (r_s)	Уровень значимости
Глобальное самоотношение	0,36	0,00
Самоуважение	0,39	0,00
Аутосимпатия	0,37	0,00
Самоуверенность	0,38	0,00
Самопринятие	0,36	0,00

Как видно из таблицы 1, такие переменные как «глобальное самоотношение», «самоуважение», «аутосимпатия», «самоуверенность» и «самопринятие» связаны с показателями профессиональной идентичности умеренными положительными корреляциями. Это свидетельствует о том, что общий положительный взгляд на себя служит своего рода личностным ресурсом для формирования и поддержания устойчивой профессиональной самоидентификации.

Для проверки гипотезы о существовании различий в самоотношении и профессиональной идентичности у студентов гуманитарных и технических специальностей был проведен сравнительный анализ с использованием U-критерия Манна-Уитни. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Различия между студентами гуманитарных и технических специальностей по показателям самоотношения и профессиональной идентичности

Показатель	U-значение	Уровень значимости (p)
Глобальное самоотношение	532,50	0,35
Самоуважение	586,50	0,76
Аутосимпатия	488,00	0,14
Профессиональная идентичность	603,50	0,92

На основании данных таблицы 2 можно сделать вывод, что между студентами гуманитарных специальностей и студентами технических специальностей различия по показателям самоотношения и профессиональной идентичности незначимы ($p > 0,05$). Гипотеза о существовании различий в самоотношении и профессиональной идентичности у студентов гуманитарных и технических специальностей не подтвердилась.

Полученные результаты согласуются с современными представлениями о психологических механизмах профессионального становления. Позитивное самоотношение создает благоприятную основу для профессиональной идентификации, обеспечивая эмоциональную устойчивость, мотивацию и уверенность в себе. Отсутствие значимых различий между студентами разных специальностей может объясняться тем, что профессиональная идентичность формируется схожими механизмами, независимо от специализации, на этапе обучения в вузе.

Выводы:

1. Подтверждена гипотеза о взаимосвязи самоотношения и профессиональной идентичности у студентов. Выявлены умеренные положительные корреляции между профессиональной идентичностью и такими компонентами самоотношения, как самоуважение, аутосимпатия, самоуверенность и самопринятие.

2. Гипотеза о существовании различий в самоотношении и профессиональной идентичности у студентов гуманитарных и технических специальностей не нашла статистического подтверждения, что свидетельствует об универсальности психологических механизмов профессионального самоопределения.

3. Позитивное самоотношение способствует формированию устойчивого образа «Я» как профессионала и обеспечивает эмоциональную стабильность, мотивацию и уверенность в себе.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в образовательной практике, в частности в рамках профориентационной и психолого-педагогической поддержки студентов. Более глубокое понимание этих психологических процессов позволит специалистам разрабатывать эффективные стратегии формирования устойчивой профессиональной идентичности и конструктивного отношения к себе у студенческой молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юркевич, В. В. Психология самоотношения / В. В. Юркевич. – М.: Педагогика, 2004. – 232 с.
2. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – М.: Наука, 1983. – 304 с.
3. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность / Л. Б. Шнейдер. – М.: МПСИ, 2001. – 272 с.
4. Пряжников, Н. С. Психология и педагогика профессионального самоопределения / Н. С. Пряжников, Л. Ф. Байбородова. – М.: Академия, 2010. – 240 с.

УДК 159.922.7

РАЗВИТИЕ ПСИХОФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ У ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ПОСРЕДСТВОМ ПОДВИЖНЫХ ИГР

М. И. ЖУК

(Представлено: Т. Н. РУСАК)

Статья посвящена изучению влияния подвижных игр на развитие психофизических качеств детей среднего дошкольного возраста. Проведена исследовательская работа с целью установления влияния подвижных игр на развитие психофизических качеств.

Сделан вывод об эффективности использования подвижных игр в развитии психофизических качеств.

Введение: Дошкольный возраст - наиболее ответственный период в жизни каждого человека. Именно в этом возрастном периоде закладываются основы здоровья, правильного физического развития, происходит становление двигательных способностей, формируется интерес к физической культуре и спорту. Важнейшим средством в решении задач физического воспитания детей дошкольного возраста является воспитание психофизических качеств.

Психофизические качества – это проявления двигательных возможностей человека, которые во многом зависят от его врожденных анатомо-физиологических, биохимических и психологических особенностей. Помимо генетической необходимо учитывать и социальную обусловленность процесса развития этих качеств.

По содержанию все подвижные игры выразительны и доступны ребенку. Они вызывают работу мысли, развитие кругозора, уточнению представлений об окружающем мире, совершенствованию всех психических процессов, формирует и стимулирует переход детского организма к более высокой ступени развития. Именно поэтому игра признана ведущей деятельностью детей дошкольного возраста.

Проблемой может служить неравномерное развитие, нарушения здоровья и образа жизни, трудности в обучении и социализации, обусловленные генетикой, окружающей средой, воспитанием и образованием, ведущие к проблемам в будущем.

Цель исследования: рассмотреть степень влияния подвижных игр на психофизическое развитие детей среднего дошкольного возраста.

Задачи исследования:

- 1) Раскрыть понятие и сущность психофизического развития;
- 2) Рассмотреть особенности развития психофизических качеств у детей среднего дошкольного возраста;
- 3) Выявить влияние подвижных игр на развитие психофизических качеств.

Методы исследования:

1. Метод анализа психолого-педагогической, методической литературы;
2. Педагогическое наблюдение и эксперимент;
3. Метод контрольных упражнений;
4. Анализ и обобщение специальных исследований по данной теме.

Результаты исследования. Понятие «психофизическое развитие» в дошкольной педагогике и психологии занимает центральное место, поскольку отражает целостный подход к развитию ребенка. В отличие от узкого рассмотрения отдельных аспектов — физического или психического — психофизическое развитие подчеркивает неразрывную связь и взаимовлияние физиологических и психических процессов в формировании личности ребенка.

Существует несколько подходов к определению данного понятия. Так, ряд исследователей (Выготский Л.С., Запорожец А.В., Эльконин Д.Б.) рассматривают психофизическое развитие как *процесс качественных изменений, происходящих в организме и психике ребенка под влиянием биологических и социальных факторов, приводящих к формированию новых форм деятельности и поведения* [1].

Психофизическое развитие – это не просто сумма физических и психических изменений, происходящих в организме ребенка, а интегративный процесс, в котором физические изменения (рост, созревание органов и систем, развитие моторики) оказывают непосредственное влияние на формирование психических процессов (восприятие, внимание, память, мышление, речь, эмоции, воля) и наоборот.

Правильное психофизическое развитие обеспечивает ребенку: физическое здоровье и выносливость, что необходимо для полноценной жизни и активной деятельности.

Нарушения в психофизическом развитии, напротив, могут приводить к серьезным проблемам в будущем, таким как:

- Хронические заболевания и ограниченная трудоспособность.
- Трудности в обучении и низкая успеваемость.
- Проблемы в социализации и адаптации в обществе.
- Психологические проблемы (тревожность, депрессия, низкая самооценка).
- Девиантное поведение и правонарушения.

Следует подчеркнуть, что понимание психофизического развития как интегративного и динамичного процесса, учитывающего взаимосвязь физического и психического, является ключевым для разработки эффективных стратегий обучения, воспитания и коррекции. Игнорирование этой взаимосвязи может привести к одностороннему подходу, не учитывающему целостную природу человека и препятствующему его гармоничному развитию [2].

В многочисленных исследованиях, которые проведены по изучению данной проблемы, сделаны выводы о необходимости комплексного развития психофизических качеств детей. Авторы утверждают, что в процессе физической подготовки детей применение упражнений, выполнение которых требует проявления быстроты, силы и ловкости, более эффективно, по сравнению со средствами, которые направлены только на развитие одного из вышеперечисленных психофизических качеств [3].

Уровень развития психофизических качеств у детей среднего дошкольного возраста находится в тесной взаимосвязи с их физическим развитием, которое является одним из важнейших объективных критериев здоровья подрастающего поколения [4].

Средний дошкольный возраст (4-5 лет) – период, в котором дети активно осваивают новые формы деятельности, у них расширяется социальный опыт, и формируются основы личности.

Физические упражнения способствуют выработке эндорфинов, "гормонов счастья", которые улучшают настроение, снижают уровень стресса и тревожности. Активные игры и занятия спортом помогают детям выражать свои эмоции, снимать напряжение, развивать эмоциональную регуляцию [5].

Однако в силу возрастных особенностей развитие психофизических качеств у детей 4-5 лет имеет свои специфические черты, которые необходимо учитывать при организации педагогического процесса.

Подвижные игры представляют собой один из наиболее эффективных и естественных методов развития психофизических качеств у детей дошкольного возраста. Они сочетают в себе элементы физической активности, познавательной деятельности и социального взаимодействия, что делает их особенно ценными для всестороннего развития ребенка. Влияние подвижных игр на развитие психофизических качеств осуществляется комплексно, охватывая различные аспекты физического и психического здоровья.

Передовые русские ученые П.Ф. Лесгафт, Е. А. Покровский, В. В. Гориневский, учитывая важную роль подвижных игр в развитии физических сил ребенка, в приобретении им определенных навыков, уделяли много внимания сбору и изучению таких игр. Они разъясняли их значение для физического развития детей и пропагандировали практическое внедрение их в систему воспитания подрастающего поколения. В дальнейшем эти прогрессивные идеи нашли свое отражение в трудах ученых, разрабатывавших вопросы теории и методики подвижных игр в разных звеньях системы физического воспитания [5].

Подвижные игры разнообразны по своему содержанию и организации.

Первую группу составляют игры, разные по содержанию, по организации детей, сложности правил и своеобразию двигательных заданий. Среди них можно выделить сюжетные и бессюжетные игры, игры-забавы.

Вторая группа — спортивные игры: городки, бадминтон, баскетбол, настольный теннис, футбол, хоккей. В работе с детьми дошкольного возраста их применяют с упрощенными правилами.

Подвижные игры оказывают многостороннее воздействие на организм ребенка, способствуя:

- Укреплению здоровья и повышению функциональных возможностей: регулярные занятия подвижными играми тренируют сердечно-сосудистую, дыхательную и нервно-мышечную системы, повышают общий тонус организма, улучшают обмен веществ и укрепляют иммунитет.
- Развитию двигательных навыков и умений: в процессе игры дети осваивают основные виды движений совершенствуют координацию, ловкость и точность.
- Формированию психофизических качеств: подвижные игры способствуют развитию силы, быстроты, выносливости, гибкости и ловкости.
- Развитию познавательных процессов: игры требуют от детей внимания, памяти, мышления, воображения и ориентации в пространстве.
- Формированию морально-волевых качеств.
- Созданию положительного эмоционального фона: подвижные игры вызывают у детей положительные эмоции [6].

В ходе исследования были подобраны и проведены методики, направленные на выявление уровня развития психофизических качеств у детей среднего дошкольного возраста посредством подвижных игр.

Практическая часть данной работы проводилась на базе учреждения дошкольного образования ГУО «Дошкольный центр развития ребенка г. Новополюска». В исследовании приняли участие 38 детей среднего дошкольного возраста: средняя группа №1 - 19 детей, средняя группа №2 - 19 детей.

Результаты тестирования. По результатам проведенного тестирования в группе №1 низкий уровень имеют 5 детей, что составляет 22%; средний уровень имеют 11 детей, что составляет 61%; высокий уровень имеют 3 ребенка, что составляет 17%.

В группе №2 низкий уровень имеют 8 детей, что составляет 44%; средний уровень имеют 9 детей, что составляет 45%; высокий уровень имеют 2 ребенка, что составляет 11%.

В качестве экспериментальной группы была выбрана группа детей среднего дошкольного возраста №2. Как видно по результатам проведенного диагностического исследования в данной группе наибольшее количество низкого уровня – 44%. Тогда как в группе детей среднего дошкольного возраста №1 – 22%. Средняя группа №1 была выбрана в качестве контрольной.

На формирующем этапе эксперимента с целью развития психофизических качеств у детей среднего дошкольного возраста посредством подвижных игр, было определено содержание работы по данному направлению.

Экспериментальная работа проводилась таким образом: в первой и второй половине дня, в свободное от занятий время с детьми экспериментальной группы педагоги проводили различные подвижные игры, по специально подобранному комплексу.

С контрольной группой педагоги занимались по учебной программе дошкольного образования [7].

Организация подвижных игр, проводилась в 3 основных этапа, которыми руководствовались педагоги:

1. Подготовительный этап.
2. Проведение подвижных игр.
3. Анализ проведенной работы.

Подвижные игры реализовывались в первую и вторую половину дня, на прогулке, в группе, а также в спортивном зале. Некоторые подвижные игры повторялись неоднократно, по несколько раз в месяц, некоторые реже. Все зависело от уровня сложности подвижной игры и подготовленности детей. Дети благодаря этому, успешно запоминали правила игры, а после и самостоятельно играли в них. Срок реализации – 3 месяца [8].

Таким образом, подобранные подвижные игры способствовали развитию психофизических качеств детей среднего дошкольного возраста.

С целью оценки эффективности экспериментальной работы по развитию психофизических качеств детей среднего дошкольного возраста после формирующего этапа был проведен контрольный эксперимент. Методика контрольного эксперимента соответствовала методике констатирующего этапа эксперимента [9].

На момент проведения контрольной диагностики в контрольной группе высокий уровень имели 5 детей – 26%; средний уровень имели 11 детей – 58%; низкий уровень имеет 3 ребенка – 16%. Тем временем в экспериментальной группе высокий уровень имели 6 детей – 32%; средний уровень имели 13 детей – 68%; низкого уровня нет ни у одного ребенка.

Итоговая диагностика в ходе контрольного эксперимента показала сформированность психофизических качеств у детей среднего дошкольного возраста экспериментальной группы на высоком уровне у 6 детей (32%), на среднем – у 13 детей (68%). Низкий уровень сформированности психофизических качеств на данном этапе контрольного эксперимента у детей выявлен не был.

У детей среднего дошкольного возраста контрольной группы на контрольном этапе эксперимента высокий уровень был у 5 детей (26%), средний – 11 детей (58%), низкий уровень – у 3 детей (16%).

Таким образом, сравнивая результаты констатирующего и контрольного эксперимента, в экспериментальной группе, мы выяснили, что уровень психофизической подготовки детей возрос по сравнению с результатами констатирующего эксперимента.

Мы видим, что показатели значительно улучшились, низкий уровень 44% уменьшился до 0%, средний уровень физической подготовки детей поднялся с 45% до 68%, высокий уровень физической подготовки детей возрос с 11 до 32%.

Заключение. В ходе исследования темы «Развитие психофизических качеств посредством подвижных игр у детей среднего дошкольного возраста» было установлено, что подвижные игры играют ключевую роль в формировании и развитии как физических, так и психических качеств у детей. Дошкольный возраст является критически важным периодом для развития ребенка, когда закладываются основы его физического здоровья, эмоционального состояния и социальных навыков.

Анализ литературы показал, что подвижные игры способствуют развитию таких психофизических качеств, как координация движений, ловкость, сила, выносливость и гибкость.

Кроме того, результаты проведенного исследования подтвердили необходимость интеграции подвижных игр в образовательный процесс дошкольных учреждений. Педагоги и родители должны осознавать важность активного участия детей в играх для их всестороннего развития. Рекомендуется разрабатывать специальные программы и методические рекомендации по организации подвижных игр с учетом возрастных особенностей детей.

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, можно утверждать о необходимости дальнейшего изучения данной темы с целью разработки эффективных методик использования подвижных игр для оптимизации процесса воспитания и обучения детей дошкольного возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский, Л. С. Психология / Л.С. Выготский. - М.: Издательство ЭКСМО-Пресс, 2000. - 1008 с.
2. Маханева, М. Д. Здоровый ребенок: рекомендации по работе в детском саду и начальной школе : Методическое пособие / М. Д. Маханева. – М.: АРКТИ, 2017 – 264 с.
3. Зимняя, И. А. Педагогическая психология : учеб. пособие / И. А. Зимняя. — Ростов н/Д : Феникс, 1997. — 480 с.
4. Литвинова, О. М. Система физического воспитания в ДОУ / О. М. Литвинова. - Волгоград: Учитель, 2016 – 238 с.
5. Лесгафт, П. Ф. Педагогика. Избранные труды / П. Ф. Лесгафт. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 374 с. — электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/562640> (дата обращения: 07.05.2025).
6. Тарасова, Т. А. Контроль физического состояния детей дошкольного возраста. Методические рекомендации для руководителей и педагогов ДОУ / Т. А. Тарасова. - М.: Сфера, 2005. - 120с.
7. Учебная программа дошкольного образования / Министерство образования Республики Беларусь. – Минск : Национальный институт образования, 2022. – 480 с.
8. Рунова, М. А. «Двигательная активность ребёнка в детском саду».: Пособие для педагогов дошкольных учреждений, преподавателей и студентов педвузов и колледжей / М. А. Рунова. – М.: Мозаика – Синтез, 2004г. – 256 с.
9. Шебеко, В. Н. Диагностика физической подготовленности детей дошкольного возраста / В. Н. Шебеко, В. Ю. Наточева. – Минск, 2005. – 4 с.

УДК 159

КОЛИЧЕСТВО ВРЕМЕНИ, ПРОВОДИМОЕ В ПРИЛОЖЕНИИ ТИКТОК, КАК ИНДИКАТОР ЗАВИСИМОСТИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Е. С. ЗОРИН

(Представлено: Е. Г. ВЫШИНСКАЯ)

Статья посвящена изучению формирования зависимости от социальной сети TikTok с акцентом на количественный показатель — количество времени, проведённого пользователем в приложении. Цель исследования — изучить количество времени, проводимого пользователями юношеского возраста в приложении TikTok, как возможный индикатор риска формирования зависимого поведения. В статье рассматриваются, такие понятия как социальные сети и зависимость.

В последние годы платформа TikTok превратилась в одно из ключевых медиа-пространств для молодежи, задав новые форматы потребления контента и коммуникации. Короткие видеоролики, алгоритмическая лента рекомендаций и мгновенное вовлечение сделали платформу чрезвычайно удобной для регулярного и длительного использования. Вместе с тем, увеличение времени, проводимого пользователями в подобных приложениях, вызывает беспокойство исследователей и практиков относительно возможного развития зависимых форм поведения, влияния их на психоэмоциональное состояние и качество повседневной жизни молодого поколения.

Современные социальные сети стали не просто средством общения, но и основным источником информации, развлечения и самовыражения. Наибольшую популярность сегодня имеют платформы, предлагающие в качестве основного контента короткометражные видеоролики. Среди них широко известны такие ресурсы как TikTok, YouTube Shorts, VK клипы и Instagram Reels. Человек, который постоянно просматривает короткие, но насыщенные видео получает порцию гормона радости. Контент, разработаны так, чтобы поддерживать высокий уровень дофаминовой стимуляции. Лайки, комментарии, новые подписчики — непрерывный поток небольших наград, которые стимулируют наш мозг возвращаться за ещё одной порцией удовольствия. Алгоритмы фиксируют интересы пользователя и подстраивают контент, даже если человек просто задержался на ролике. Более того, система выстраивает ленту так, чтобы не каждый ролик был интересным: зритель должен пролистать несколько, прежде чем снова получить дофаминовый заряд. Такой принцип удерживает внимание на довольно продолжительное время. Подобные форматы обладают высокой вирусностью, визуальной насыщенностью и мгновенной обратной связью, что усиливает вовлечение пользователя и снижает способность контролировать время пребывания в сети. Алгоритмы рекомендаций подстраиваются под индивидуальные интересы, создавая эффект «бесконечной ленты», из-за чего пользователь часто теряет ощущение времени [1].

Понятие поведенческой зависимости охватывает широкий спектр явлений: оно предполагает не столько физиологическую зависимость, сколько устойчивые паттерны поведения, приводящие к негативным последствиям для социального и личного функционирования. В рамках существующих подходов к изучению зависимостей особое место занимает так называемая компонентная модель: выделяют такие признаки, как навязчивое присутствие мысли о предмете, использование поведения для изменения настроения, рост времени и усиление интенсивности, негативные переживания при попытке ограничить поведение, конфликт с другими областями в жизни человека и рецидивы [2]. Хотя эти признаки важно фиксировать качественными и психометрическими инструментами, практически доступным и объективным показателем остаётся именно количество времени, проводимое в конкретном приложении — в нашем случае в TikTok. Введение в исследование единственного показателя — «время использования» — оправдано эмпирически: по данным исследований, пользователи, демонстрирующие признаки зависимости, проводят в приложении значительно больше времени и чаще возвращаются к просмотру коротких видео на протяжении дня [3]. Это позволяет рассматривать время взаимодействия с платформой как доступный и надёжный индикатор уровня вовлечённости и потенциального риска формирования зависимого поведения.

Тем не менее, важно отметить ограничение данного подхода: время использования само по себе не тождественно зависимости. Пользователь может проводить значительное количество времени в приложении по различным причинам, не испытывая при этом негативных последствий. В то же время даже умеренное время использования может сопровождаться признаками проблемности у чувствительных пользователей. Следовательно, увеличение времени следует рассматривать не как показатель зависимости, а как маркер риска, требующий дополнительного анализа.

Таким образом, целью исследования являлось изучение количества времени, проводимого пользователями юношеского возраста в приложении TikTok, как возможного индикатора риска формирования зависимого поведения.

Исследование проводилось на базе Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой. Объём выборки составил 50 пользователей юношеского возраста от 18 до 23 лет.

Для получения точных показателей времени, проведённого пользователями на платформе TikTok в течение месяца, испытуемым было предложено зафиксировать количество часов с помощью приложения «My Apps Time». На основе полученных данных были выделены группы пользователей по уровню вовлеченности: низкий — менее 30 часов в месяц, средний — от 30 до 60 часов, высокий — более 60 часов. Результаты представлены на рисунке 1.

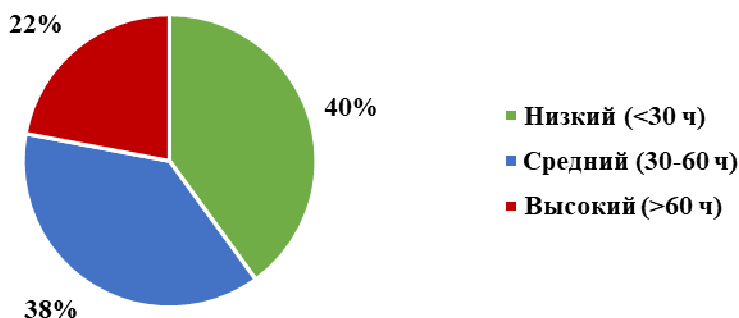

Рисунок 1. – Распределение пользователей TikTok юношеского возраста по уровню вовлеченности в просмотр приложения в течение месяца

По данным рисунка 1, на котором представлено распределение пользователей TikTok юношеского возраста по уровню вовлеченности использования приложения за месяц демонстрирует, что большинство испытуемых проводят на платформе меньше 60 часов в месяц. Так, 40% пользователей относятся к группе с низкой вовлеченностью (менее 30 часов в месяц), 38% — к группе со средней вовлеченностью (от 30 до 60 часов в месяц), и 22% — к группе с высокой вовлеченностью (более 60 часов в месяц). Таким образом, около пятой части выборки характеризуется выраженной интенсивностью взаимодействия с платформой, что может указывать на наличие риск-факторов, связанных с формированием зависимого поведения.

Следует подчеркнуть, что приведённые границы имеют эмпирический, а не клинический характер: они служат для ориентировочного выделения групп пользователей с различной степенью вовлечённости и не претендуют на роль диагностического критерия. Подобный подход согласуется с результатами исследования Чжао Ю., Ли В. и Ван С. (2025), где время, проведённое пользователем на платформе TikTok, рассматривается как количественный индикатор степени вовлечённости и потенциальный маркер риска, но не как самостоятельный диагностический показатель зависимости [3].

Проведённое исследование подтвердило, что количество времени, проводимого в TikTok, может рассматриваться как информативный показатель уровня вовлечённости и возможного риска формирования зависимого поведения. Наибольшая часть респондентов продемонстрировала низкий и средний уровень вовлечённости, однако наличие группы с высоким уровнем указывает на необходимость профилактического внимания со стороны специалистов. Полученные данные подчеркивают значимость анализа времени использования цифровых платформ в сочетании с психологическими показателями для выявления признаков зависимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюер, Ж. Зависимый мозг / Ж. Брюер. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 301 с.
2. Kuss, D. J., Griffiths, M. D. Social networking sites and addiction: Ten lessons learned // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2017. – Т. 14, № 3. – С. 311.
3. Zhao, Y., Li, W., Wang, S. Studying behavioral addiction by combining surveys and digital traces: A case study of TikTok // *Journal of Behavioral Addictions*. – 2025. – В печати.

УДК 159

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОЛИЧЕСТВА ВРЕМЕНИ, ПРОВЕДЕННОГО В ПРИЛОЖЕНИИ ТИКТОК, С КОМПОНЕНТАМИ ВОСПРИНИМАЕМОГО СТРЕССА У ЛИЧНОСТИ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Е. С. ЗОРИН

(Представлено: Е. Г. ВЫШИНСКАЯ)

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи показателей воспринимаемого стресса личности юношеского возраста с количеством времени, проводимым в социальной сети «TikTok». Актуальность работы обусловлена растущим влиянием короткометражного видеоконтента на психологическое состояние молодежи и недостаточной изученностью данного феномена в отечественной психологии. Цель исследования – изучить особенности взаимосвязи времени использования приложения «TikTok» и показателей воспринимаемого стресса у лиц юношеского возраста.

Выявлены значимые умеренно положительные взаимосвязи между количеством времени, проводимым в приложении «TikTok», и такими показателями воспринимаемого стресса, как общая шкала воспринимаемого стресса и фактор дистресса

Современная молодежь сталкивается с множеством стрессовых факторов, обусловленных быстрыми социальными и технологическими изменениями, высокой неопределенностью будущего и возросшими требованиями к личным и профессиональным достижениям. Воспринимаемый стресс представляет собой субъективное отражение воздействия стрессоров и включает не только объективные жизненные обстоятельства, но и когнитивную оценку ситуации, эмоциональные реакции и доступные ресурсы совладания.

Феномен воспринимаемого стресса изучался в рамках различных психологических подходов. Так, Р. Лазарус подчеркивал, что стресс возникает не только в результате объективного воздействия стрессоров, но и в зависимости от субъективного восприятия индивидом своих возможностей справиться с ситуацией [1]. Это объясняет, почему люди, находясь в схожих условиях, могут демонстрировать разные уровни стресса: одни воспринимают ситуацию как вызов, способствующий личностному росту, тогда как другие — как угрозу, ведущую к эмоциональному истощению.

В условиях современной цифровой среды стрессовые факторы приобретают новые формы, что особенно актуально для молодежи, значительную часть времени проводящей в интернете. Постоянный поток информации, необходимость быть в курсе событий, а также активное использование социальных сетей могут как снижать, так и усиливать воспринимаемый стресс.

С одной стороны, молодежь может использовать цифровые платформы для получения информации о стрессоустойчивости, общения с единомышленниками и получения социальной поддержки. С другой стороны, постоянное потребление негативного контента, кибербуллинг, а также давление социальных сетей, формирующих нереалистичные стандарты успеха и внешности, способствуют росту тревожности и повышению уровня воспринимаемого стресса [2].

Особое значение в современных условиях приобретает потребление короткометражного видеоконтента, такого как TikTok, который характеризуется высокой динамикой, быстрым темпом смены информации и интенсивным вовлечением пользователя. Высокая информационная загруженность и быстро меняющаяся цифровая реальность создают дополнительные когнитивные нагрузки, вынуждая юношей постоянно адаптироваться к новым требованиям, что порой приводит к состоянию хронического стресса [3]. В этом контексте важна роль навыков цифровой грамотности и критического мышления, позволяющих осознанно регулировать потребление информационного потока и снижать негативное влияние цифровой среды.

В последние годы изучение воспринимаемого стресса у молодежи фокусируется на нескольких ключевых аспектах. Во-первых, исследуется влияние цифровых технологий и социальных сетей на уровень стресса, включая такие феномены, как цифровая зависимость, FOMO (страх упущенной возможности) и информационная перегрузка. Во-вторых, внимание уделяется индивидуальным и когнитивным факторам — эмоциональному интеллекту, осознанности, когнитивным искажениям, влияющим на стрессоустойчивость. В-третьих, современная психология разрабатывает и внедряет программы профилактики и управления стрессом среди молодежи, включая тренинги осознанности, когнитивно-поведенческую терапию и методы саморегуляции [4].

Целью нашего исследования являлось изучение взаимосвязи количества времени, проведенного в приложении «TikTok», с компонентами воспринимаемого стресса у личности юношеского возраста.

Гипотеза исследования — существует взаимосвязь между количеством времени, проведенным в приложении «TikTok», и компонентами воспринимаемого стресса у лиц юношеского возраста.

Для проведения эмпирического исследования был использован метод опроса. Применялся опросник «Шкала воспринимаемого стресса, PSS 14» разработанная Ш. Козном, в адаптации А.А. Золоторёвой [5]. Обработка статистических данных совершалась с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Исследование проводилось на базе Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой. Объём выборки составил 50 человек юношеского возраста от 18 до 23 лет.

На первом этапе исследования для получения точных показателей времени, проведённого пользователями на платформе TikTok в течение месяца, испытуемым было предложено зафиксировать количество часов пребывания в социальной сети с помощью приложения «My Apps Time». Полученные результаты варьировались от 10 до 110 часов пребывания в месяц в социальной сети TikTok.

На втором этапе исследования была проведена психологическая диагностика степени выраженности у лиц юношеского возраста следующих показателей: «Уровень воспринимаемого стресса», «Фактор дистресса» и «Фактор совладания». Результаты представлены на рисунках 1–3.

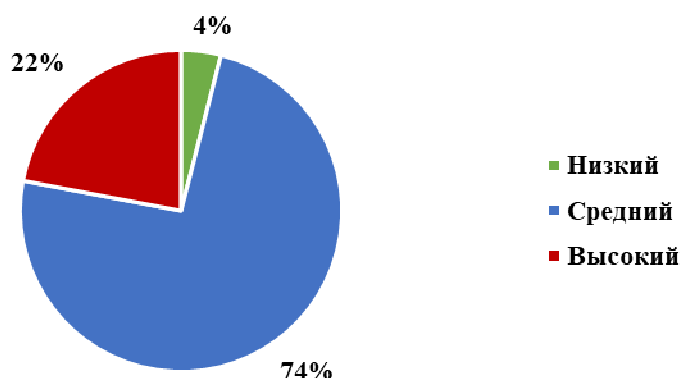

Рисунок 1. – Выраженность различных уровней воспринимаемого стресса среди лиц юношеского возраста

На рисунке 1 представлено, что для большей части выборки характерен средний уровень воспринимаемого стресса (74%), высокий уровень выражен у 22% исследуемых, низкий уровень характерен лишь для 4% респондентов.

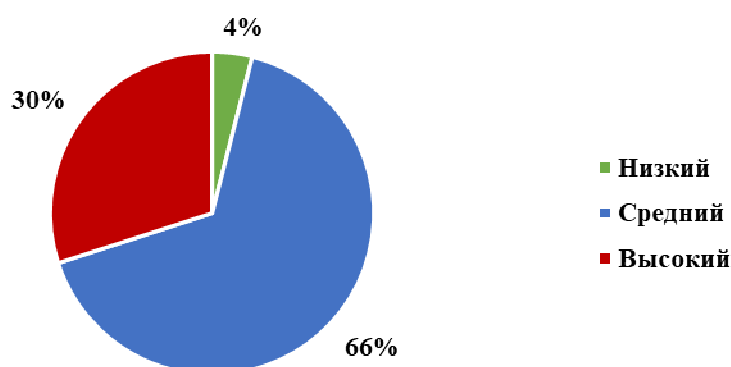

Рисунок 2. – Выраженность различных уровней фактора дистресса среди лиц юношеского возраста

Согласно рисунку 2, для 66% исследуемых характерен средний уровень фактора дистресса, 30% имеют высокий уровень, низкий уровень выражен лишь у 4% респондентов.

По данным рисунка 3, на котором представлено процентное соотношение уровней фактора совладания среди лиц юношеского возраста, 64% исследуемых имеют средний уровень, низкий уровень выражен у 36% респондентов, высокий уровень характерен для 0% респондентов.

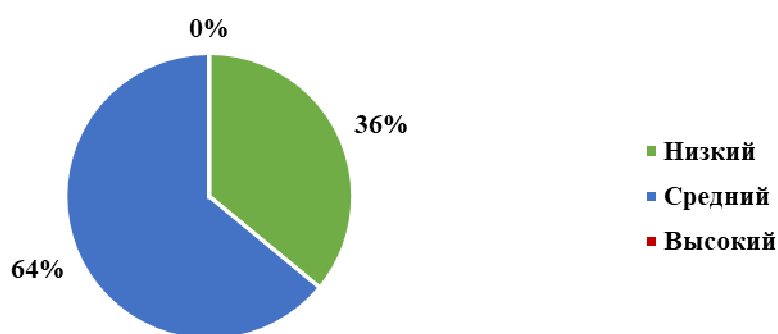

Рисунок 3. – Выраженность различных уровней фактора совладания среди лиц юношеского возраста

Таким образом, полученные результаты демонстрируют, что у представителей юношеского возраста в целом преобладает умеренная выраженность показателей воспринимаемого стресса. Большинство участников демонстрируют средний уровень стресса и дистресса, что может свидетельствовать о наличии адаптивных ресурсов, позволяющих на достаточном уровне справляться с повседневными трудностями. В то же время у значительной части респондентов наблюдаются высокие значения стресса и дистресса, а низкий уровень фактора совладания, выявленный у 36% испытуемых, указывает на недостаточную сформированность эффективных стратегий преодоления.

На третьем этапе исследования при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена, нами были изучены взаимосвязи между количеством проведенного времени на платформе «TikTok» и показателями воспринимаемого стресса среди лиц юношеского возраста. К показателям воспринимаемого стресса относятся, такие переменные как «Шкала воспринимаемого стресса», «Фактор дистресса» и «Фактор совладания». Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Взаимосвязи между переменной «Количество проведенного времени» и показателями воспринимаемого стресса среди лиц юношеского возраста

Переменные	r_s	p
«Количество проведенного времени» / «Шкала воспринимаемого стресса»	0,49	0,02
«Количество проведенного времени» / «Фактор дистресса»	0,32	0,02
«Количество проведенного времени» / «Фактор совладания»	0,53	0,23

Примечания: r_s – коэффициент ранговой корреляции Спирмена, p – уровень значимости

Исходя из результатов, представленных в таблице 1, можно сделать вывод о том, что были выявлены значимые корреляции между переменной «Количество проведенного времени» и показателями воспринимаемого стресса «Шкала воспринимаемого стресса» и «Фактор дистресса» ($p < 0,05$).

Выявленную корреляцию можно интерпретировать следующим образом: высокий уровень воспринимаемого стресса побуждает лиц юношеского возраста искать способы временного облегчения эмоционального состояния, и одним из таких способов становится частое использование приложения «TikTok». Просмотр коротких видеороликов позволяет ненадолго отвлечься от стрессовых переживаний благодаря лёгкому развлекательному контенту и быстрому дофаминовому отклику. Однако в долгосрочной перспективе это не снижает уровень стресса, а напротив, может усилить его вследствие нарушения сна, информационной перегрузки и формирования зависимости. Аналогичные результаты получены в исследовании Sha P. и Dong X., где показано, что расстройство, связанное с использованием TikTok, коррелирует с повышением уровней депрессии, тревожности и стресса у подростков, а также с ухудшением когнитивных функций, включая память [3].

Кроме того, установлена положительная умеренная и статистически значимая корреляция между переменными «Количество проведённого времени» и «Фактор дистресса». Это может свидетельствовать о том, что частое использование платформы «TikTok» в условиях повышенного психоэмоционального напряжения сопровождается усилением негативных эмоциональных реакций — тревожности, раздражительности и чувства перегрузки. «Фактор дистресса» отражает степень интенсивности переживания негативных эмоций и ощущение несоответствия требованиям среды. Продолжительное пребывание в цифровом пространстве, особенно при отсутствии саморегуляции, способно усилить эти проявления за счёт постоянного сравнения себя с другими, страха упустить важную информацию (FOMO) и высокой когнитивной нагрузки [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарус, Р. Теория когнитивного оценивания и стратегии совладания со стрессом / Р. Лазарус // Психологический журнал. – 1993. – № 4. – С. 12–23.
2. Jain, L. Exploring problematic TikTok use and mental health issues: a systematic review of empirical studies // Journal of Social Media Studies. – 2025. – Т. 1, № 1. – С. 1–15. – DOI: 10.1177/21501319251327303.
3. Sha, P., Dong, X. Research on adolescents regarding the indirect effect of depression, anxiety and stress between TikTok use disorder and memory loss // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2021. – Т. 18, № 16. – С. 8820.
4. Groenestein, E., van Koningsbruggen, G. M., Kerkhof, P. The relationship between fear of missing out, digital technology use, and psychological well-being: a scoping review // PLOS ONE. – 2024. – Т. 19, № 10. – e0308643.
5. Золотарёва, А. А. Психометрические свойства русскоязычной версии Шкалы воспринимаемого стресса (версии PSS-4, 10, 14) [Электронный ресурс] / А. А. Золотарёва // Клиническая и специальная психология. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 18–42. – Режим доступа: <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120102>, свободный. – Дата доступа: 05.02.2025.

УДК 159.9

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ: ОБЗОР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

М. В. ИВАНОВА

(Представлено: С. В. ОСТАПЧУК)

В статье рассматриваются различные теоретические подходы к пониманию суицидального поведения у подростков. Анализируются социологические, психоаналитические, когнитивные и межличностные теории, а также интегративный подход, позволяющий учесть взаимодействие биологических, психологических и социальных факторов. Особое внимание уделяется факторам риска и защиты, связанным с суицидальным поведением. Представлены данные, подчеркивающие актуальность проблемы суицидального поведения подростков, в том числе статистические данные по Беларуси.

Подростковый возраст представляет собой уникальный и сложный этап онтогенеза, характеризующийся значительными изменениями во всех сферах психики [5]. Этот период является переходным от детства к взрослости и связан с глубокой перестройкой физиологических, психологических и социальных аспектов жизни индивида. Понимание особенностей этого периода крайне важно в контексте профилактики суицидального поведения [9].

Одним из центральных процессов подросткового возраста является формирование идентичности [14]. Согласно Э. Эриксону, подростковый период – это время активного поиска себя, экспериментирования с ролями и ценностями [14]. Развитие когнитивной сферы позволяет подросткам рассуждать абстрактно, строить гипотезы и анализировать сложные проблемы [2]. Важную роль в жизни подростка играют отношения со сверстниками [5]. В подростковом возрасте происходит интенсивное формирование системы ценностей и моральных убеждений [8]. Важной особенностью подросткового возраста является стремление к самостоятельности и независимости [4].

Помимо вышеперечисленных характеристик, важно отметить и другие аспекты, формирующие уникальный психологический портрет подростка. Одним из таких аспектов является повышенная эмоциональная чувствительность [6, 7]. Развитие самосознания и самооценки в подростковом возрасте также заслуживает особого внимания [2]. Подростковый возраст – это также период активного развития моральных убеждений и ценностных ориентаций [8]. Стоит также отметить, что для подросткового возраста характерно стремление к расширению социальных контактов и участию в общественной жизни [4]. Подростковый возраст представляет собой сложный и многогранный период развития, характеризующийся значительными изменениями во всех сферах психики [5].

Актуальным направлением работы учреждений образования Республики Беларусь в современных условиях является профилактика суицидоопасного поведения несовершеннолетних [9]. В Беларуси наблюдается рост подростковых самоубийств, что делает проблему особенно острой и требующей внимания [10]. Суицидальное поведение в подростковом возрасте – сложная и многоаспектная проблема, требующая комплексного понимания [3, 4]. Для анализа этого явления необходимо рассмотреть различные теоретические подходы, каждый из которых предлагает свою интерпретацию причин и механизмов суицидального поведения [3, 4].

В психологической литературе суицидальное поведение подростков изучалось в различных направлениях: возрастная динамика [2], акцентуации и психические расстройства [1], влияние воспитания [3]. Е.В. Змановская отмечает, что суицидальное поведение не всегда рассматривается как проявление патологии, а может быть реакцией психически здорового человека на сложную ситуацию [7].

В этот период происходят гормональные изменения, которые могут приводить к эмоциональной нестабильности, импульсивности и раздражительности [7]. Суицидальное поведение у подростков часто носит демонстративный характер [1, 7]. А.А. Александров выделяет еще один тип – «недифференцированный», когда сложно определить истинность намерений подростка [1]. А.Е. Личко выделяет три формы подросткового суицида: демонстративный, аффективный и истинный [1]. Э. Шнейдман рассматривает суицид как призыв о помощи, демонстрацию. Понимание суицидального поведения требует обращения к различным теоретическим подходам, каждый из которых предлагает свою перспективу [15].

Суицидальное поведение в подростковом возрасте отличается от аналогичного поведения у взрослых [3]. Это обусловлено специфическими психологическими и физиологическими механизмами, характерными для данного возрастного периода [4]. У подростков представление о смерти может быть неполным, незрелым; они могут демонстрировать рискованное поведение, одновременно отрицая реальность

смерти или не осознавая ее необратимости [9]. Размыта граница между истинно суицидальной попыткой и демонстративно-шантажирующим аутоагрессивным актом [1].

Причины суицидального поведения у подростков чрезвычайно сложны и многообразны [3, 4]. Хотя провоцирующими факторами могут выступать экстремальные ситуации (публичное унижение, проблемы в учебе, предательство), они, как правило, служат лишь поводом, а не основной причиной [2]. Личностные индикаторы подросткового суицидального поведения, по А.Г. Амбрумовой, включают категоричность, личностную незрелость, недоразвитие коммуникативной сферы, низкую самооценку, перфекционизм и когнитивную ригидность [2].

Понимание суицидального поведения требует обращения к различным теоретическим подходам, каждый из которых предлагает свою перспективу [11].

- Социологическая теория: рассматривает суицид как социальное явление, обусловленное степенью интеграции индивида в общество и уровнем социальной регуляции.

- Психоаналитическая теория: рассматривает суицид как проявление агрессии, направленной на себя, обусловленное неразрешенными внутренними конфликтами и чувством вины [12].

- Когнитивная теория: связывает суицидальные мысли и действия с негативными когнитивными схемами, которые формируются в результате травматического опыта или негативного воспитания.

- Теория межличностных отношений: акцентирует внимание на чувстве непринадлежности и восприятии себя бременем для других как основных факторах, обуславливающих суицидальное поведение [5].

Хотя ранее были рассмотрены социологические, психоаналитические и когнитивные подходы, необходимо отметить важность интегративного подхода [13]. Суицидальное поведение – это результат взаимодействия биологических, психологических и социальных факторов. Интегративная модель позволяет рассмотреть эти факторы в их взаимосвязи [13].

Помимо теоретических подходов, важно учитывать факторы риска и защиты, связанные с суицидальным поведением [3, 4]. Факторы риска включают в себя психические расстройства, злоупотребление психоактивными веществами, травматический опыт, семейную историю суицидов, социальную изоляцию и отсутствие социальной поддержки [1, 3]. Факторы защиты, напротив, включают в себя сильные социальные связи, позитивные отношения в семье, наличие жизненных целей и планов, умение справляться со стрессом и позитивную самооценку [9].

Замдиректора по медицинской части РНПЦ психического здоровья О. Шилова, оценивая эмоционально-социальную устойчивость по результатам исследования 2024 года, подчеркивает, что, если человек ощущает, что он незначим, ни на что не может влиять и чувствует себя в обществе нереализованным, отрицаемым, это дает самый пропорционально высокий компонент суицидального риска [10].

В целом в Беларуси за первые полгода 2024-го зарегистрировано 596 суицидов — то есть 6,5 случаев на 100 тысяч населения. Чаще стали совершать самоубийства белорусские дети и подростки — показатель в первой половине 2024 года увеличился на 40%: на один случай больше в Брестской и Минской областях, на 2 — в Витебской, на 3 — в Минске. Отмечен рост суицидов среди детей в возрасте 10–14 лет (всего 4 случая) [10].

Таким образом, суицидальное поведение в подростковом возрасте имеет многофакторную природу, включающую как психопатологические, так и психологические механизмы, а также средовые и социальные факторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, А. А. Нарушение поведения у подростков как один из критериев оценки степени психопатизации / А. А. Александров // Патологические нарушения поведения подростков. – Л.: Знание, 1973. – С. 37-48.
2. Амбрумова, А. Г. Возрастные аспекты суицидального поведения/ А. Г. Амбрумова// Сравнительно-возрастные исследования в суицидологии. – М., 1989. – С. 8-24.
3. Бородин, С. В. Мотивы и причины самоубийств/ С. В. Бородин// Актуальные проблемы суицидологии. Труды Московского НИИ психиатрии. – М., 1978. – Т. 82. – С. 28-43.
4. Волков, Б. С. Психология подростка/ Б. С. Волков. – М.: Говорящая книга, 2012. – С. 12-58.
5. Вассерман, Д. Напрасная смерть: причины и профилактика самоубийств/ Д. Вассерман/ Ред. Д. Вассерман; пер. Е. Ройне. – М.: Смысл, 2005. – 310 с.
6. Изард, К. Э. Психология эмоций/ К. Э. Изард. – СПб.: Питер, 2006. — 464 с.
7. Захаров, А. И. Психологические особенности в поведении детей и подростков/ А. И. Захаров. – Мн.: Беларусь, 1987. – 191 с.
8. Змановская, Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющего поведения)/ Е. В. Змановская. – М.: Академия, 2006. – 288 с.

9. Методические рекомендации по организации в учреждении образования работы по профилактике суицидоопасного поведения обучающихся [Электронный ресурс] – Режим доступа: методические рекомендации по суициду 2022г.pdf Дата доступа: 21.02.2022.
10. Почему в Беларуси участились подростковые самоубийства [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://thinktanks.by/publication/2024/01/22/pochemu-v-belarusi-uchastilis-podrostkovye-samoubiystva.html>
11. Шнейдман, Э. Душа самоубийцы/Э. Шнейдман. – М.: Смысл, 2012. – 315 с.
12. Хорни, К. Наши внутренние конфликты / К. Хорни. – М.: Дайджест, 1992. – 53 с.
13. Старшенбаум, Г. В. Суицидология и кризисная психотерапия/ Г. В. Старшенбаум. – М.: Когито-Центр, 2005. – 376 с.
14. Erikson, E. H. (1968). Identity: Youth and crisis. New York: W. W. Norton & Company.

УДК 159.9

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА И СУБЪЕКТИВНОГО ОДИНОЧЕСТВА У ПОДРОСТКОВ

М. В. ИВАНОВА*(Представлено: С. В. ОСТАПЧУК)*

В статье рассматривается актуальная проблема взаимосвязи суицидального риска и субъективного одиночества у подростков. Проведенное исследование подтвердило наличие взаимосвязи между суицидальным риском и одиночеством в подростковом возрасте. Полученные результаты свидетельствуют о том, что одиночество может играть важную роль в возникновении суицидальных мыслей и намерений у подростков.

Актуальность исследования взаимосвязи суицидального риска и одиночества в подростковом возрасте обусловлена рядом факторов. Подростковый возраст является периодом повышенной уязвимости к различным психоэмоциональным проблемам, в том числе к суицидальному поведению [5].

Статистические данные свидетельствуют о росте числа суицидальных попыток и завершенных суицидов среди подростков, что делает эту проблему особенно острой и требующей немедленного решения [7].

В целом в Беларуси за первые полгода 2024-го зарегистрировано 596 суицидов — то есть 6,5 случаев на 100 тысяч населения. Чаще стали совершать самоубийства белорусские дети и подростки — показатель в первой половине 2024 года увеличился на 40%: на один случай больше в Брестской и Минской областях, на 2 — в Витебской, на 3 — в Минске. Отмечен рост суицидов среди детей в возрасте 10–14 лет (всего 4 случая) [7]. По данным Генеральной прокуратуры на начало 2025 годы было зафиксировано 13 суицидов среди подростков.

В том числе растет количество парасуицидов среди детей и подростков. За январь-июнь 2024 произошел рост на 6 %. Специалисты подчеркивают, что на статистику влияет интерпретация — считать ли произошедшее парасуицидом или несчастным случаем. Статистика зависит от того, попадают ли эти случаи в поле зрения органов внутренних дел и системы здравоохранения и как они интерпретируются — как парасуициды, несчастные случаи либо самоповреждения, не имеющие отношения к суицидальным тенденциям [7].

Суицидальное поведение в подростковом возрасте отличается от аналогичного поведения у взрослых [3]. Это обусловлено специфическими психологическими и физиологическими механизмами, характерными для данного возрастного периода [3]. У подростков представление о смерти может быть неполным, незрелым; они могут демонстрировать рискованное поведение, одновременно отрицая реальность смерти или не осознавая ее необратимости [6]. Размыта граница между истинно суицидальной попыткой и демонстративно-шантажирующим аутоагрессивным актом [1]. Мотивация суицидальных действий может заключаться в стремлении привлечь внимание, проверить реакцию окружающих или в надежде на "второе рождение" [6]. Формирование страха смерти в подростковом возрасте не всегда связано с осознанным пониманием ценности жизни [3]. Влияют также эгоцентризм, повышенная самооценка, недостаток критики и общая неустойчивость психического состояния, что в условиях стресса может снижать ценность жизни и провоцировать суицидальное поведение [2].

Причины суицидального поведения у подростков чрезвычайно сложны и многообразны [3].

Хотя провоцирующими факторами могут выступать экстремальные ситуации (публичное унижение, проблемы в учебе, предательство), они, как правило, служат лишь поводом, а не основной причиной [2].

Одиночество, определяемое как субъективное переживание социальной изоляции и дефицита социальных связей, оказывает негативное влияние на психическое здоровье подростков и может являться фактором риска суицидального поведения [3]. Изучение взаимосвязи суицидального риска и одиночества у подростков представляется особенно актуальным. Понимание механизмов, опосредующих эту взаимосвязь, позволит разработать более эффективные стратегии профилактики суицидального поведения и оказания помощи подросткам, находящимся в группе риска.

У нас возникло предположение, действительно ли существует взаимосвязь суицидального риска и субъективного ощущения одиночества у подростков. Для оценки уровня суицидального риска у подростков использовался «Опросник суицидального риска» (ОСР) в модификации Т.Н. Рузаковой. Данная методика представляет собой структурированный опросник, включающий в себя 45 утверждений, направленных на выявление и оценку выраженности суицидальных мыслей, намерений, переживаний, а также наличие суицидальных попыток в анамнезе. Модификация Т.Н. Рузаковой адаптирована для использования с подростковой аудиторией с учетом специфики их психологических особенностей и рече-

вых оборотов. Для оценки уровня субъективного одиночества у подростков, использовалась методика диагностики субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона.

Исследование проводилось на базе ГУО «СШ №34 г. Бобруйска». Выборка составила 60 учащихся, из них 33 девочки и 27 мальчиков 13-14 лет. Для изучения взаимосвязи уровня суицидального риска и одиночества мы использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

С помощью методики «Опросник суицидального риска» в модификации Т.Н. Рузаевой было установлено, что среди участников исследования преобладает низкий уровень суицидального риска (47.62%). При этом, средний уровень суицидального риска выявлен у 34.92% респондентов, а высокий уровень – у 17.46%. Данные результаты представлены на рисунке 1.

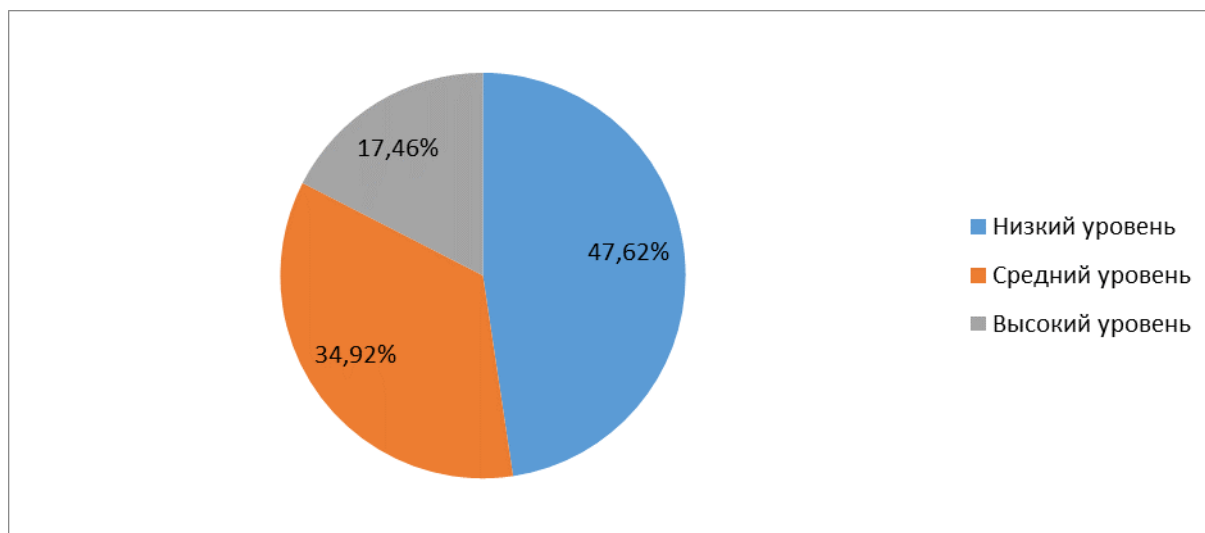

Рисунок 1. –Процентное соотношение подростков с низким, средним и высоким уровнем суицидального риска

На рисунке 1 представлено распределение уровней суицидального риска среди всех участников исследования. Анализ данных показал, что 47.62% участников демонстрируют низкий уровень суицидального риска, 34.92% – средний уровень, и 17.46% – высокий уровень.

С помощью методики диагностики субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона было установлено, что среди участников исследования преобладает низкий уровень одиночества (53.33%). При этом, средний уровень одиночества испытывают 28.33% подростков, а высокий уровень – 18.33%. Данные результаты представлены на рисунке 2.

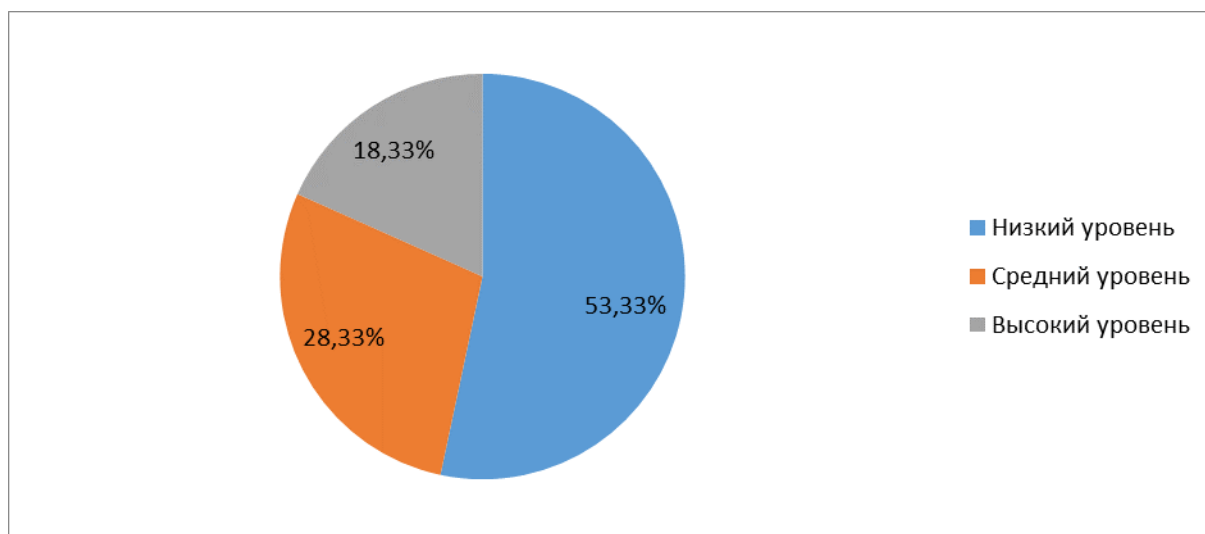

Рисунок 2. – Процентное соотношение подростков с низким, средним и высоким уровнем субъективного ощущения одиночества

На рисунке 2 представлено распределение уровней одиночества среди всех участников исследования. Анализ данных показал, что наиболее распространенным является низкий уровень одиночества (53.33%). Средний уровень одиночества испытывают 28.33% респондентов, а высокий уровень – 18.33%

Данные по переменным «Субъективное ощущение одиночества» и «Суицидальный риск» представлены в таблице 1.

Таблица.1. – Коэффициент ранговой корреляции Спирмена переменных «Субъективное ощущение одиночества» и «Суицидальный риск»

Переменные	rs	p
Субъективное ощущение одиночества /суицидальный риск	0,56	0,00

Примечания: r_s – коэффициент ранговой корреляции Спирмена, p – уровень значимости

Анализируя данные, представленные в таблице 1, можно утверждать, что между суицидальным риском и субъективным ощущением одиночества имеется положительная умеренная корреляция. Иными словами, при повышении уровня одиночества, повышаются и показатели суицидального риска (и наоборот).

Таким образом, наше исследование подтвердило наличие взаимосвязи между суицидальным риском и одиночеством у подростков. Полученные результаты говорят о том, что одиночество может играть важную роль в возникновении суицидальных мыслей и намерений у подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, А. А. Нарушение поведения у подростков как один из критериев оценки степени психопатизации / А. А. Александров // Патологические нарушения поведения подростков. – Л.: Знание, 1973. – С. 37-48.
2. Амбрумова, А. Г. Возрастные аспекты суицидального поведения/ А. Г. Амбрумова// Сравнительно-возрастные исследования в суицидологии. – М., 1989. – С. 8-24.
2. Бородин, С. В. Мотивы и причины самоубийств/ С. В. Бородин// Актуальные проблемы суицидологии. Труды Московского НИИ психиатрии. – М., 1978. – Т. 82. – С. 28-43.
3. Вейс, Р. Вопросы изучения одиночества/ Р. Вейс // Лабиринты одиночества – М.: Прогресс, 1989. – 114-128 с.
4. Волков, Б. С. Психология подростка/ Б. С. Волков. – М.: Говорящая книга, 2012. – С. 12-58.
5. 6.Методические рекомендации по организации в учреждении образования работы по профилактике суицидоопасного поведения обучающихся [Электронный ресурс] – Режим доступа: [методические рекомендации по суициду 2022г.pdf](#) Дата доступа: 21.02.2022.
6. Почему в Беларуси участились подростковые самоубийства? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://thinktanks.by/publication/2024/01/22/pochemu-v-belarusi-uchastilis-podrostkovye-samoubiystva.html>

УДК 371.264

САМООЦЕНКА И УЧЕБНАЯ МОТИВАЦИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В. В. ОЗЕРОВА

(Представлено: канд. ист. наук, доц. С. В. АНДРИЕВСКАЯ)

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи самооценки и учебной мотивации у учащихся подросткового возраста. С помощью корреляционного анализа (коэффициент Спирмена) выявлены статистически значимые связи между компонентами самооценки и мотивационными профилями. Установлено, что: уверенность в себе отрицательно коррелирует с познавательными мотивами и стремлением к саморазвитию, но положительно связана с принятием школьной роли.

Ключевые слова: самооценка, учебная мотивация, академические достижения, подростковый возраст, внутренняя мотивация, уровень притязаний.

Введение. Самооценка является базовым конструктом личности, влияющим на все процессы взаимодействия личности и социума. От неё во многом зависят стрессоустойчивость, коммуникативная толерантность, адаптивности личности и другие личностные свойства, помогающие интегрироваться в общество [1]. Она закладывается ещё в период первичной социализации ребёнка родителями, затем её формирование тесно связано с учебной деятельностью обучающегося в рамках образовательных социальных институтов.

Самооценка – это субъективная оценка индивидом самого себя. Это необходимая составляющая становления самосознания. Познание и осознание человеком своих когнитивных способностей, физической силы, анализ своих поступков и целей поведения, анализ отношения к себе и к окружающим людям [2].

Самооценка отражает степень удовлетворённости или неудовлетворённости собой, даёт основу восприятия своих поступков, поведения, основу для анализа своих успехов и неудач. Изучая самооценку младших школьников и подростков, а также факторы, способствующие её формированию, мы можем познать какие функции выполняет самооценка, влияет ли она на поведение человека, его деятельность и развитие, а также на взаимоотношения с другими людьми. В данной работе был выбран такой фактор, влияющий на самооценку учащихся, как оценка учителя. В нашем исследовании мы хотим узнать существует ли статистически значимая связь между учебной мотивацией и самооценкой учащегося [3].

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что проблемы самооценки и учебной мотивации остаются ключевыми в психолого-педагогической науке как на рубеже XX-XXI веков, так и в современном обществе. Самооценка личности играет важную роль в формировании её идентичности, способности к адаптации и преодолению трудностей. Учебная мотивация, в свою очередь, является движущей силой успешного освоения знаний и навыков, что особенно важно в подростковом и студенческом возрасте, когда происходит активное становление личности и профессиональное самоопределение.

Взаимосвязь самооценки и учебной мотивации является малоизученной областью, несмотря на её значимость для образовательного процесса. Подростковый и студенческий возраст — это периоды, когда самооценка становится более устойчивой, а учебная мотивация подвержена влиянию множества факторов, включая социальное окружение, успехи в учебе и отношение педагогов [5]. Изучение этой взаимосвязи позволит разработать рекомендации для педагогов и психологов, направленные на поддержку учащихся и студентов в их личностном и академическом развитии

Основная часть. Цель исследования: изучить взаимосвязь между самооценкой и учебной мотивацией у подростков.

Гипотеза исследования: существует значимая связь между уровнем самооценки и учебной мотивации у подростков.

Методы исследования:

1. Методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн (модификация А.М. Прихожан) – позволяет оценить уровень самооценки по шкалам: ум/способности, характер, авторитет среди сверстников, умение делать своими руками, уверенность в себе.

2. Опросник учебной мотивации Г.А. Карпова – направлен на измерение различных видов мотивации (внутренняя, внешняя, мотивация достижения, избегание неудач и др.).

В исследовании приняли участие 50 человек (возраст 14–16 лет, учащиеся 8–10 классов).

Результаты и их обсуждение:

На первом этапе исследования с помощью методики исследования самооценки Дембо-Рубинштейн (модификация А.М. Прихожан) были получены данные, представленные в таблице 1.

Таблица 1. – Описательная статистика показателей самооценки

Шкала самооценки	Минимум	Максимум	Среднее (М)	Стандартное отклонение
Ум, способности	1	10	7.20	14,19
Характер	1	10	7.10	18,98
Авторитет среди сверстников	1	10	6.30	20,01
Умение делать своими руками	1	10	6.60	29,06
Уверенность в себе	2	10	6.30	16,07

Из данной таблицы видно, что Наибольшие средние значения наблюдаются по шкалам «Ум, способности» ($M = 7.20$) и «Характер» ($M = 7.10$), что свидетельствует о высокой оценке подростками своих интеллектуальных и личностных качеств.

Более низкие, но близкие значения зафиксированы по шкалам «Авторитет среди сверстников» ($M = 6.30$), «Умение делать своими руками» ($M = 6.60$) и «Уверенность в себе» ($M = 6.30$).

На следующем этапе исследования были проанализированы данные, полученные с помощью методики диагностики учебной мотивации. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Описательная статистика показателей учебной мотивации обучающихся

Шкала учебной мотивации	Min	Max	Среднее (М)	Стандартное отклонение (SD)
Познавательные мотивы	0	9	4.76	3.05
Коммуникативные мотивы	0	9	4.34	3.05
Эмоциональные мотивы	0	8	4.22	2.69
Саморазвитие	0	9	4.20	3.01
Позиция школьника	0	6	2.00	2.34
Достижения	2	7	4.44	1.75
Внешние мотивы	0	8	3.70	2.58

Исходя из данной таблицы видно, что наиболее выраженные мотивы: познавательные ($M = 4.76$) и коммуникативные ($M = 4.34$) мотивы демонстрируют высокие средние значения, что свидетельствует о значимости интереса к содержанию обучения и социального взаимодействия для учащихся. Мотив достижений ($M = 4.44$) также имеет высокий показатель при относительно низком разбросе данных ($SD = 1.75$), что указывает на его устойчивость в выборке.

Наименее выраженные мотивы: позиция школьника ($M = 2.00$) имеет минимальное среднее значение, что может отражать слабую идентификацию учащихся с ролью ученика или формальное отношение к школьным обязанностям.

Максимальная вариативность наблюдается в познавательных ($SD = 3.05$) и коммуникативных мотивах ($SD = 3.05$), что подчеркивает индивидуальные различия в этих аспектах. Наименьший разброс — у мотива достижений ($SD = 1.75$), что говорит о его относительной универсальности для выборки.

Результаты отражают разнообразие учебной мотивации, где доминируют внутренние мотивы (познание, общение), а внешние факторы (например, позиция школьника) играют меньшую роль. Это согласуется с теоретическими представлениями о важности внутренней мотивации для эффективного обучения.

Далее нами был проведен анализ статистически значимой взаимосвязи уровня самооценки обучающихся и их учебной мотивации. Для этого был использован метод расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3. – Взаимосвязь уровня самооценки подростка и учебной мотивацией

Показатели учебной мотивации	Авторитет среди сверстников	Умение делать своими руками	Уверенность в себе
Познавательные мотивы	0,12*	-0,07*	-0,41*
Коммуникативные мотивы	-0,02*	0,08*	0,12*
Эмоциональные мотивы	0,18*	0,10*	-0,00*
Саморазвитие	0,19*	-0,01*	-0,39*
Позиция школьника	-0,07*	0,02*	0,40*
Достижения	0,04*	0,07*	0,31*
Внешние мотивы	-0,20*	0,06*	0,06*

Примечания: 1. * – $p \leq 0,05$.

Из данной таблицы видно, что уровень самооценки подростков по некоторым критериям связан корреляцией с учебной мотивацией.

Обнаружены значимые отрицательные связи: Уверенность в себе и Познавательные мотивы ($r=-0.41^*$). Чем выше уверенность учащихся в себе, тем *меньше* выражены познавательные мотивы. Это может указывать на то, что уверенные в себе ученики в меньшей степени ориентированы на получение новых знаний как самоцель, возможно, потому что уже обладают устойчивой базой или воспринимают обучение как инструмент для достижения других целей (например, социального признания). Уверенность в себе и Саморазвитие ($r=-0.39^*$). Аналогичная динамика наблюдается с мотивацией к саморазвитию. Уверенные учащиеся могут меньше стремиться к самосовершенствованию через учебную деятельность, так как не видят в ней необходимости для поддержания своей самооценки.

Обнаружены значимые положительные связи: Уверенность в себе и Позиция школьника ($r=0.40^*$). Уверенные дети чаще идентифицируют себя с ролью ученика и соблюдают школьные нормы. Это согласуется с теорией социальной идентичности: уверенность укрепляет принятие социальных ролей, включая учебные.

Внешние мотивы не связаны с уверенностью ($r=0.06$), что подтверждает их независимость от самооценки.

Умение делать своими руками не коррелирует с мотивацией, кроме слабой связи с коммуникативными мотивами ($r=0.08^*$). Это может говорить о том, что практические навыки мало влияют на учебную активность в рамках школы.

Выводы. Проведенный корреляционный анализ позволил выявить значимые взаимосвязи между уровнем самооценки учащихся и их учебной мотивацией. Нами была обнаружена устойчивая отрицательная связь между уверенностью в себе и познавательными мотивами ($r=-0.41^*$), а также мотивацией к саморазвитию ($r=-0.39^*$). Одновременно выявлена положительная корреляция между уверенностью в себе и принятием школьной роли ($r=0.40^*$).

Особый интерес представляет выявленная взаимосвязь между авторитетом среди сверстников и мотивацией к саморазвитию ($r=0.19^*$), что свидетельствует о влиянии социального статуса в коллективе на учебную активность. При этом внешние мотивы оказались практически не связаны с параметрами самооценки, что подтверждает их иную психологическую природу.

Полученные результаты демонстрируют, что самооценка учащихся оказывает существенное влияние на их учебную мотивацию, формируя определенные паттерны учебного поведения. Высокий уровень уверенности в себе способствует принятию школьных норм и правил, но может снижать познавательную активность как самоцель. Это указывает на необходимость дифференцированного подхода к развитию мотивационной сферы учащихся с разным уровнем самооценки.

Гипотеза исследования о наличии взаимосвязи между самооценкой и учебной мотивацией получила подтверждение. Особенно ярко это проявилось в отношении таких параметров, как уверенность в себе, познавательные мотивы и позиция школьника. Полученные данные имеют важное значение для практики образовательного процесса, подчеркивая необходимость учета индивидуальных особенностей самооценки учащихся при разработке программ мотивационного сопровождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриевская, С.В. Взаимосвязь коммуникативной толерантности и стрессоустойчивости у студентов / С. В. Андриевская, А. И. Каминский // Аспирант. – Ростов-на-Дону: ООО «Приоритет», 2020. – № 6 (57). – С. 21 – 24.
2. Липкина, А. И. Самооценка школьника / А.И. Липкина. – М.: Знание, 1976. – 64 с.
3. Сидоров, К.Р. Самооценка, уровень притязаний и эффективность учебной деятельности подростков / К.Р. Сидоров // Вопросы психологии. – 2007. – №3. – С. 149 – 156.
4. Сеницын, Ю. Н. Формирование здоровой личности учащегося в условиях образовательного пространства / Ю.Н. Сеницын. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2007 – 219с.
5. Толстых, Н.Н. Подростковый возраст / Н.Н. Толстых, И.В. Дубровина, М.К. Акимова, Е.М. Борисова // Рабочая книга школьного психолога. – 2015. – №3. – С. 156 – 163.

УДК 159.9.072.422

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВНЕШНЕМ ОБЛИКЕ У СОВРЕМЕННЫХ ДЕВУШЕК

Е. Е. ПАВЛОВСКАЯ

(Представлено: канд. ист. наук, доц. С. В. АНДРИЕВСКАЯ)

Психологическое благополучие личности представлено несколькими уровнями, зависящими от направленности личности и её взаимодействия с обществом. У людей с низким уровнем психологического благополучия часто отсутствует положительный опыт близких отношений. Они строят свои взаимоотношения на основе постоянного контроля над окружающими и ожидании активной положительной реакции на себя, таких как выражение позитивных эмоций. Представления о своём физическом внешнем облике человека существенно влияют на его психологическое благополучие [1].

Внешний облик – это конструкт, который является полисемантическим, ценностно-смысловым образованием, на интерпретацию которого влияет весь комплекс характеристик ситуации общения, встроеной в определенный социокультурный контекст [2].

Исследователь О.А. Скугаревский определяет «образ собственного тела» как сложный конструкт, включающий в себя восприятие человеком собственного тела (перцептивный компонент), чувственную окраску этого восприятия и то, как, по его мнению, оценивают его окружающие (оценочный компонент). Оценочный компонент образа тела в данной модели отражает как глобальную оценку тела [3].

Понимание причин, порождающих неудовлетворенность собственным внешним обликом, позволит не только лучше понимать более глобальные проблемы общего и субъективного благополучия и качества жизни, но и выработать адекватные методы психологической диагностики и коррекции. Несмотря на изучение данного вопроса рядом исследователей [4], остаются не изученными ряд проблем, в частности, особенности взаимосвязи психологического благополучия и представлений о внешнем облике у современных девушек.

Цель исследования: изучить особенности взаимосвязи психологического благополучия и представлений о внешнем облике у современных девушек.

Для выявления особенностей психологического благополучия у девушек была выбрана методика «Шкала психологического благополучия» К. Риф (в адаптации Н. Н. Лепешинского). Для выявления особенностей представлений о внешнем облике у современных девушек были использованы методики: «Опросник образа собственного тела» О.А. Скугаревского, опросник «Оценочно-содержательная интерпретация компонентов внешнего облика» В.А. Лабунской, Е.В. Белугиной.

Для выявления статистически значимых взаимосвязей психологического благополучия и представлений о внешнем облике у современных девушек был использован корреляционный критерий Ч. Спирмена. Для более глубокого исследования особенностей взаимосвязи психологического благополучия и представлений о внешнем облике у современных девушек выборка была разделена на 2 части: девушки, неудовлетворенные своим образом тела ($N=16$), девушки, удовлетворённые своим образом тела ($N=44$). Рассмотрим взаимосвязи исследуемых параметров в этих двух группах.

Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Результаты корреляционного анализа показателей психологического благополучия и представлений о внешнем облике у современных девушек неудовлетворенных своим образом тела (*при $p \leq 0,05$)

	Тело (физический облик)
Положительные отношения	0,591*
Автономия	-0,264
Управление средой	0,011
Личностный рост	0,577
Цели в жизни	0,473
Самопринятие	0,557*
Психологическое благополучие	0,698*

Исходя из полученных результатов можно сделать вывод о том, что девушкам, неудовлетворённым образом тела, характерны взаимосвязи компонентов психологического благополучия и восприятием своего тела. Статистически значимых взаимосвязей с восприятием своего лица, выраженности поведения и внешнего облика выявлено не было.

Самооценка собственного тела имеет статистически значимые взаимосвязи с положительным отношением ($r=0,591$, при $p \leq 0,05$), личностным ростом ($r=0,577$, при $p \leq 0,05$) и психологическим благо-

получим ($r=0,698$, при $p \leq 0,05$), чем удовлетворительнее испытуемые оценивают свое тело, тем в большей степени им свойственны положительные отношения, личностный рост, самопринятие и психологическое благополучие. Когда девушки удовлетворены своим телом, они часто проявляют более положительные отношения к себе, испытывают личностный рост, лучше принимают себя и свои особенности. Это в свою очередь может способствовать улучшению психологического состояния и общему чувству благополучия.

Также следует отметить тенденцию малых взаимосвязей показателей психологического благополучия у испытуемых с низкой удовлетворенностью своего образа, что может указывать на то, что девушки из данной группы имеют проблемы, связанные с психологическим благополучием: восприятие образа своего тела достаточно серьезно отражается на общем психологическом состоянии девушек. Неудовлетворенность своим телом может быть отголоском некоторых серьезных проблем как личностного характера (низкая самооценка, нарушения в коммуникативной сфере, неуверенность в себе и т.д.), так и более серьезных психических состояний (различные варианты расстройств пищевого поведения).

Еще один фактор стал малого количества взаимосвязей между восприятием внешнего облика и психологическим благополучием у девушек, неудовлетворенных своей внешностью в том, что количество испытуемых в данной группе достаточно ограничено ($N=16$).

Рассмотрим взаимосвязи психологического благополучия и представлений о внешнем облике у современных девушек, удовлетворенных своим образом тела (таблица 2).

Таблица 2. – Результаты корреляционного анализа показателей психологического благополучия и представлений о внешнем облике у современных девушек удовлетворенных своим образом тела (*при $p \leq 0,05$)

	Лицо	Тело (физический облик)	Внешний облик	Выразительное поведение
Положительные отношения	0,074	0,025	0,260	-0,033
Автономия	0,166	0,219	0,194	0,487*
Управление средой	0,289	0,416*	0,529*	0,334*
Личностный рост	0,279	0,330*	0,494*	0,532*
Цели в жизни	0,219	0,340*	0,490*	0,102
Самопринятие	0,315*	0,390*	0,469*	0,092
Психологическое благополучие	0,239	0,365*	0,508*	0,279

Самооценка лица у девушек имеет статистически значимую взаимосвязь с самопринятием ($r=0,315$, при $p \leq 0,05$), чем выше самооценка лица у девушек, тем в большей степени выражено самопринятие. Это может говорить о том, что высокая самооценка внешнего вида лица у девушек может способствовать их лучшему самопониманию и самопринятию. Когда девушки высоко оценивают свою внешность, они часто чувствуют большую уверенность в себе и своих способностях, что способствует более позитивному отношению к себе в целом.

Статистически значимые взаимосвязи выявлены между восприятием своего тела и управлением средой ($r=0,416$, при $p \leq 0,05$), личностным ростом ($r=0,330$, при $p \leq 0,05$), целями в жизни ($r=0,340$, при $p \leq 0,05$), самопринятием ($r=0,390$, при $p \leq 0,05$) и психологическим благополучием ($r=0,416$, при $p \leq 0,05$). Чем выше девушки оценивают свое тело, тем в большей степени им характерны управление средой, личностный рост, цели в жизни, самопринятие и психологическое благополучие на оптимальном уровне. Это может указывать на то, что у девушек, которые высоко оценивают свое тело, обычно также наблюдается более развитая уверенность в себе и более позитивное отношение к себе в целом. Этот позитивный взгляд на себя может способствовать достижению личностного роста, выработке целей в жизни и более эффективному управлению собственной средой. В результате, они могут чувствовать себя более удовлетворенными и психологически уравновешенными.

Самооценка внешнего облика имеет статистически значимые корреляции с управлением средой ($r=0,529$, при $p \leq 0,05$), личностным ростом ($r=0,494$, при $p \leq 0,05$), целями в жизни ($r=0,490$, при $p \leq 0,05$), самопринятием ($r=0,469$, при $p \leq 0,05$) и психологическим благополучием ($r=0,508$, при $p \leq 0,05$). Чем выше девушки оценивают свой внешний облик (прическа, одежда), тем в большей степени им характерны управление средой, личностный рост, цели в жизни, самопринятие и психологическое благополучие на оптимальном уровне. Высокая оценка собственного внешнего облика может указывать на то, что у девушек может быть более развитое чувство уверенности в себе и самопринятия. Это, в свою очередь, может способствовать их способности устанавливать и достигать личных целей, управлять своим окружением и обеспечивать психологическое благополучие на более высоком уровне. Уверенность в своем внешнем облике может также повышать их самооценку и общую удовлетворенность жизнью.

Статистически значимые взаимосвязи выявлены между показателями выразительного поведения (мимика, жесты, походка) и автономией ($r=0,487$, при $p \leq 0,05$), управлением средой ($r=0,334$, при $p \leq 0,05$) и личностным ростом ($r=0,532$, при $p \leq 0,05$). Чем выше девушки оценивают свое выразительное поведение (мимика, жесты, походка), тем в большей степени им характерны автономия, управление средой и личностный рост на оптимальном уровне. Высокая оценка выразительного поведения, такого как мимика, жесты и походка, может указывать на то, что у девушек развиты навыки коммуникации и умение эффективно выражать себя. Это в свою очередь может способствовать их способности к самостоятельности (автономии), умению управлять своим окружением и развитию личности. Умение выражать себя может помочь им успешно реализовывать себя в обществе и строить позитивные взаимоотношения с другими людьми, что в конечном итоге сказывается на их личностном росте и уровне удовлетворенности жизнью.

Таким образом, в результате статистической обработки данных были выявлены взаимосвязи психологического благополучия и представлений о внешнем облике у современных девушек. Тенденция взаимосвязи прямая, т.е., чем выше самооценка внешнего облика девушки, тем более высокие показатели психологического благополучия. Также были выявлены особенности изучаемой взаимосвязи в группе девушек, неудовлетворенных своим внешним видом, где были определены взаимосвязи самооценки облика своего тела и компонентов психологического благополучия, тогда, как у девушек, удовлетворённых своим внешним видом, были выявлены взаимосвязи всех компонентов внешнего облика (лицо, тело, облик и экспрессия) и компонентов психологического благополучия.

Взаимосвязи между обликом тела и психологическим благополучием у девушке, неудовлетворенных своим обликом девушек и удовлетворенных, различны что может свидетельствовать о том, что уровень удовлетворенности собой может оказывать значительное влияние на психологическое благополучие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметшина, Г. С. Личностные особенности лиц женского пола, выросших в неполных семьях / Г. С. Ахметшина // Территория инноваций. – 2018. – № 12(28). – С. 123-127.
2. Донцов, Д. А. Психологические особенности юношеского (студенческого) возраста / Д. А. Донцов, М. В. Донцова // Образовательные технологии. – 2013. – № 2. – С. 34-42.
3. Скугаревский, О. А. Образ собственного тела: разработка инструмента для оценки / О.А. Скугаревский, С.В. Сивуха // Психологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 40-48.
4. Шевеленкова, Т. Д. Психологическое благополучие личности. Обзор основных концепций и методик исследования / Т.Д. Шевеленкова // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95– 129.

УДК 159.923

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

В. М. РОМАНОВСКАЯ

(Представлено: д-р психол. наук, проф. И. Н. АНДРЕЕВА)

В статье рассматривается понятие психологического и субъективного благополучия, их соотношение между собой.. Установлено, что на данный момент в психологической науке существует неоднозначность соотношения понятий “субъективное” и “психологическое” благополучие. В одних исследованиях субъективное рассматривается как часть психологического, а у других, напротив, психологическое как часть субъективного. В некоторых работах термины - синонимы.

На сегодняшний день проблема благополучия является одной из центральных и актуальных в обществе, уходя корнями в философию, психологию, социологию и ряд других наук. Как в бытовом сознании людей, так и в научном, трактовка термина “благополучие” схожа: “благополучие представляет собой многофакторный конструкт, характеризующийся сложной взаимосвязью социальных, культурных, экономических, психологических, физических и духовных факторов” [1]. Понятие “благополучие” давно вошло в научную терминологию и в настоящее время существуют множество различных теоретических подходов к пониманию содержания этого понятия.

К одной из первых попыток дать определение “психологического благополучия” личности можно отнести создание интегральной и многомерной модели в 1950-х гг. в работах М. Ягоды. В 1969 году вышла работа Н. Брэдберна под названием “Структура психологического благополучия”, в которой он рассматривал психологическое благополучие как равновесие между позитивными и негативными эмоциями, которые мы накапливаем на протяжении жизни. События, приносящие радость и счастье, увеличивают позитивный эффект, в то время как события, вызывающие грусть, увеличивают негативный. Разница между этими эффектами является индикатором психологического благополучия и отражает уровень удовлетворенности жизнью. Дальнейшее изучение феномен получил в работах Э. Динера, который внес значительный вклад в понимание этого явления. В своих работах он предложил понятие “субъективное благополучие”, а также выявил его высокую обусловленность внутренними факторами. По его мнению, субъективное благополучие включает в себя три основных компонента: удовлетворение, приятные эмоции и неприятные эмоции, составляющие вкпе единый показатель. Субъективное благополучие в понимании Э.Динера – это совокупность хорошего или плохого настроения (т.е. эмоционального аспекта) и оценки удовлетворенности различными сторонами своей жизни (т.е. когнитивного аспекта). Любые происходящие события человек оценивает с позиции “хорошо – плохо”, где эта когнитивная оценка всегда имеет соответствующе окрашенную эмоцию. Стоит отметить, что Э.Динер не отождествляет понятия “психологическое благополучие” и “субъективное благополучие”, считая, что субъективное благополучие лишь часть психологического, требующее вводить дополнительные характеристики и ссылаясь на работы К. Рифф как на удачный пример такого подхода.

В целом, для более полного рассмотрения западных концепций можно обратиться к классификации Р. Райна. Он разделил все подходы к пониманию благополучия на два основных направления:

Первое направление – гедонистическое (от греч. hedone - удовольствие) – заключается в том, что счастье – результат переживания положительных эмоций и удовлетворенности своей жизнью. Этот подход основан на предпочтении удовольствия и приятных ощущений в жизни как основного критерия счастья и благополучия. Гедонисты считают, что основная цель жизни – наслаждаться моментами счастья и избегать страдания. Они уделяют особое внимание удовлетворению собственных потребностей и желаний, стремятся к максимальному уровню удовлетворения и комфорта. Основным понятием для этой концепции является понятие “субъективное благополучие”, включающее эмоциональные и когнитивные аспекты. Гедонистический подход был подвергнут критике по причине того, что положительные и отрицательные эмоции могут быть независимыми друг от друга. Другой аргумент критики заключается в том, что чем больше человек ищет удовольствий, тем выше уровень интенсивности, необходимый для его удовлетворения. Это может привести к избеганию обычной жизни и постоянной потребности в новых и все более сильных эмоциях и впечатлениях [2]. К представителям гедонистического подхода можно отнести Н.Брэдберна, Э.Динера, а также Д.Канемана, который говорил о модели благополучия, включающей в себя оценку жизни.

Второе направление – эвдемонистическое (от греч. eudaimonia – блаженство, счастье), рассматривающее психологическое благополучие как процесс личностного роста и развития индивидуальности. Это направление подчеркивает, что события, которые не всегда приносят удовольствие, могут способ-

ствовать достижению психологического благополучия. Этот подход связан с осознанием собственных жизненных целей, повышением осмысленности жизни и способностью к эмпатии. Один из ключевых факторов психологического благополучия в экзистенциальном подходе – наличие смысла жизни. Отсутствие смысла жизни положительно коррелирует со смертностью, учитывая социально-демографические факторы, образ жизни и показатели здоровья [3]. Приверженцами экзистенциального направления являются К.Рифф, А.Уотерман и другие.

Отечественные психологи Т. Шевеленкова и П. Фесенко психологическое благополучие определяют как интегральный показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования (личностного роста, самопринятия, управления средой, автономии, цели в жизни, позитивных отношений с окружающими), а также степени реализованности этой направленности, субъективно выражающейся в ощущении счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью.

Важным показателем психического здоровья в работе Л. Маришук и Е. Пыжьяновой является психологическое благополучие, характеризующееся через субъективное благополучие, благоприятный эмоциональный фон, умение справляться с трудностями [4].

Если понятие “благополучие” понимать, как счастливое и спокойное состояние [5], а понятие “субъективное” раскрывается как принадлежащее человеку как субъекту, то путем семантического анализа под субъективным благополучием можно понимать состояние удовлетворения, основанное на владении определенными благами, но не всегда совпадающее с объективными условиями, определяемое человеком как субъектом.

Известным исследователем проблемы субъективного благополучия является основоположник позитивной психологии М. Селигман. Он сместил фокус внимания психологических исследований с негативных факторов жизни человека (сложных жизненных обстоятельств, болезней и т.д.) на позитивные, что, в свою очередь, способствует ощущению счастья. Среди компонентов субъективного благополучия выделяются положительные эмоции, осмысленность, вовлеченность в деятельность, позитивные отношения и достижения. М. Селигман считал, что в формировании субъективного благополучия значительная роль отводится и индивидуальному генетическому набору и условиям среды, однако решающий вклад вносят качества личности. Такая точка зрения находит поддержку и у многих отечественных ученых.

Среди отечественных ученых, занимающихся изучением субъективного благополучия, можно выделить Р. Шамионову, Л. Куликову, Е. Яценко, В. Погорскую и др.

С точки зрения Б. Класова, субъективное благополучие человека зависит от уровня усвоенной социальной культуры, а также от состояния здоровья (физического, психического, интеллектуального, духовно-нравственного) [6].

Р. Шамионов определяет субъективное благополучие как понятие, выражающее личное отношение человека к своей личности, жизни, процессам, имеющим важное для личности значение, характеризующееся ощущением удовлетворенности. Автором было выделено несколько функций субъективного благополучия: регулятивная функция; функция управления когнитивными процессами; функция развития и поведенческая функция. Он также выделил компоненты субъективного благополучия: ощущение счастья, удовлетворенность жизнью, самим собой, баланс эмоций

В целом, можно сказать, что феномен психологического и субъективного благополучия еще не имеет общего целостного определения в отечественной и зарубежной психологии, но многие авторы согласны в том, что благополучие личности – сложная комплексная структура переживания человеком отдельных аспектов своей жизни и жизни в целом.

Благополучие личности складывается из многих составляющих (субъективные ощущения, материальные блага, личностная и профессиональная реализация, возрастной период и др.). На психологическое благополучие влияют также и социокультурные факторы, например, на основании исследований Н. Усовой, З. Лепшковой, М. Ефремовой можно утверждать, что психологическое благополучие изменяется в состоянии этнического меньшинства или миграции. [7, 8].

Исходя из вышесказанного, психологическое благополучие – это целостное переживание, которое выражается в субъективном переживании счастья, доминировании положительных эмоций, удовлетворенности собой, наличии тесных взаимоотношений, а также осмысленности жизни. Субъективное благополучие становится лишь фактором психологического благополучия и здоровья. Для полноценной оценки благополучия нужен внешний критерий, но, к сожалению, большинство методов измерения уровня психологического благополучия подразумевают лишь собственное видение, основанное на самооценке и саморефлексии. Исследуя уровень благополучия у человека путем опросников, таких как, например, “Шкала психологического благополучия” К. Рифф, мы получаем “субъективное психологическое благополучие”, которое опирается лишь на субъективное восприятие себя. Тем самым, проблема дифференцировки этих феноменов остается.

Таким образом, на данный момент в психологической науке существует неоднозначность соотношения понятий “субъективное” и “психологическое” благополучие. В исследованиях одних ученых субъективное благополучие рассматривается как часть психологического, а у других, напротив, психологическое благополучие как часть субъективного. В некоторых работах эти термины выступают как синонимы. На наш взгляд, наиболее продуктивным для исследования является подход, при котором возможно как взаимодополнение, так и взаимное включение их друг в друга, но не противопоставление друг другу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карапетян Л. В. Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия // Известия Уральского федерального ун-та. Сер.1. Проблема образования, науки и культуры. 2014.
2. Водяха С.А. Современные концепции психологического благополучия личности // Дискуссия. 2012. № 2. С. 133–138.
3. Becchetti L., Bachelet M., Pisani F. Poor eudaimonic subjective wellbeing as a mortality risk factor // *Economia Politica*. 2019. Vol. 36, iss. 1. P. 245–272.
4. Л.В. Марищук., Е.В. Пыжьянова. Удовлетворенность качеством жизни как критерий психологического здоровья // Психология XXI: материалы междунар. науч. практ. конф. молодых ученых, Санкт-Петербург, 24–26 апреля 2008 г. – СПб.: Изд во С-Петерб. ун-та, 2008
5. Толковый словарь русского языка С. Ожегов. С. 11
6. Классов Б.А. Социальное здоровье населения как фактор устойчивого развития общества.
7. Усова Н.В. Самоактуализация личности и субъективное благополучие российских мигрантов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Т. 10. № С.84
8. Лепшокова З.Х., Ефремова М.В. Аккультурационные стратегии и психологическое благополучие: на примере северокавказских этнических меньшинств Москвы // Актуальные проблемы психологического знания. № С.67

УДК 159.9

**ВЫРАЖЕННОСТЬ ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ И СОСТОЯНИЙ
У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
С РАЗНЫМ ДЕТСКИМ ОПЫТОМ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ**

Е. Р. ТИХОНОВА

(Представлено: С. В. ОСТАПЧУК)

В данной статье анализируются различия в выраженности личностной тревожности, агрессивности и самооценки среди детей младшего школьного возраста с разным опытом домашнего насилия в детстве. По данным полученным в результате исследования видно, что у детей младшего школьного возраста, подвергавшихся насилию, наблюдаются более высокие показатели личностной тревожности и более низкие показатели самооценки.

Физическое насилие – это форма насилия, которая заключается в причинении физической боли или травмы другому человеку, используя физическую силу. Физическое насилие выражается в форме ударов по лицу, тряски, толчков, затрешин, удушений, пинков, заключений в запертом помещении, избиваний ремнем, веревками, причинения увечий тяжелыми предметами и даже ножом [1].

Насилие в семье оказывает негативное влияние на всех участников семьи, в том числе и на детей. Одним из основных последствий семейного насилия является физический и психологический вред, который может привести к серьезным проблемам у жертвы.

Насилие может привести к проблемам со здоровьем, таким как повышенный риск развития сердечно-сосудистых заболеваний и других хронических заболеваний. Это связано с постоянным стрессом, которому подвергается жертва физического насилия.

По мнению Т.Я. Сафоновой и Е.И. Цымбал практически все дети, пострадавшие от домашнего насилия, пережили психическую травму, в результате чего они развиваются дальше с определенными личностными, эмоциональными и поведенческими особенностями, отрицательно влияющими на их дальнейшую жизнь. Дети, подвергшиеся различного рода насилию, сами испытывают гнев, который чаще всего изливают на более слабых: младших по возрасту детей, на животных. Часто их агрессивность проявляется в игре, порой вспышки их гнева не имеют видимой причины. Некоторые из них, напротив, чрезмерно пассивны, не могут себя защитить [8].

Последствия домашнего насилия в младшем школьном возрасте оказывают глубокое влияние на развитие детей, затрагивая их психическое, эмоциональное, физическое и когнитивное состояние. В этом возрасте дети особенно восприимчивы к травмирующим событиям, и пережитый опыт насилия может оставить след на их состоянии. Психологические последствия часто проявляются в виде тревожных расстройств. У детей младшего школьного возраста тревога, проявляется часто в определенных ситуациях: например, напряженностью при беседе с врачом, в компании незнакомых детей, среди которых, есть более сильные [6]. Дети могут постоянно испытывать чувство страха, беспокойства и напряжения, что затрудняет их повседневную жизнь. Они могут бояться возвращаться домой или находиться в ситуациях, которые напоминают им о насилии. Это может привести к избеганию определенных мест или людей, что еще больше усугубляет их чувство изоляции. Дети могут проявлять повышенную настороженность, быть чрезмерно чувствительными к громким звукам или резким движениям, что может указывать на их внутренний страх.

Дети, пережившие домашнее насилие, могут терять интерес к играм, занятиям спортом или общению с друзьями. Они становятся замкнутыми и отстраненными, избегая общения с ровесниками. Это может привести к утрате социальных связей и ухудшению их эмоционального состояния. В некоторых случаях дети могут выражать свои чувства через агрессию, что затрудняет их взаимодействие с окружающими и может приводить к конфликтам в школе [5]. Низкая самооценка также часто наблюдается у таких детей [4]. Они могут чувствовать себя недостойными любви и заботы, что отражается на их восприятии себя и своих возможностей. Эти негативные убеждения могут препятствовать формированию здоровых отношений с другими людьми и затруднять социальную адаптацию.

Эмоциональное состояние детей, переживших домашнее насилие, может быть крайне нестабильным. Они могут испытывать резкие перепады настроения, от глубокой печали до агрессии. Такие дети могут демонстрировать трудности в управлении своими эмоциями, что может привести к вспышкам гнева или плача без видимой причины [2]. Эти эмоциональные колебания могут затруднять их взаимодействие с окружающими и вызывать непонимание со стороны сверстников и взрослых. Дети могут также развивать страхи и фобии, которые могут быть связаны как с насилием, так и с другими аспектами их

жизни. Например, они могут бояться темноты, одиночества или определенных людей. Эти страхи могут ограничивать их повседневную жизнь и мешать нормальному развитию.

Физическое здоровье детей также может существенно пострадать от домашнего насилия. Стресс и тревога могут вызывать соматические расстройства, такие как головные боли, боли в животе, тошнота и другие физические недомогания. Дети могут часто жаловаться на усталость и отсутствие энергии, что негативно сказывается на их активности и учебной деятельности. Нарушения сна, такие как бессонница, ночные страхи или кошмары, становятся обычным явлением. Это может привести к хронической усталости, что еще больше ухудшает их общее состояние и способность к обучению. Могут проявлять признаки физического истощения, что может сказаться на их успеваемости в школе. Также возможно проявление странных пищевых пристрастий (штукатурка, кал, листочки, улитки, жучки и т.д.) [7].

Когнитивные функции детей, переживших домашнее насилие, также могут значительно пострадать. Дети могут испытывать трудности с концентрацией внимания и запоминанием информации. Это приводит к снижению успеваемости в школе, и они могут отставать в развитии таких навыков, как чтение, письмо и математика. Проблемы с памятью и обучением могут стать серьезным препятствием для их дальнейшего образования и социальной адаптации. Некоторые дети могут демонстрировать трудности в решении задач и принятии решений, что может быть связано с их эмоциональным состоянием. Они могут быть менее уверенными в своих способностях, что также влияет на их учебные достижения. И. А. Марголина в своем исследовании выявила, что в младшем школьном возрасте выявлялась неготовность детей к школьному обучению, а также имели место пренасыщаемость внимания, неспособность самостоятельно усвоить отвлеченные понятия при наличии зрелых суждений в бытовых вопросах [6].

Социальные навыки детей, переживших домашнее насилие, могут значительно пострадать. Они могут испытывать трудности в установлении и поддержании дружеских отношений, что приводит к социальной изоляции. Дети могут бояться доверять другим людям, что затрудняет формирование привязанностей. Это может привести к тому, что они будут избегать общения с ровесниками и чувствовать себя одинокими. У них усиливается нарушение влечений, что проявляется в жестоком обращении с животными, в играх с детьми, с игрушками, со слабыми, стариками [6]. В некоторых случаях такие дети могут проявлять агрессию по отношению к сверстникам, копируя насильственные модели поведения, которые они наблюдали в семье. Это может привести к конфликтам в школе и ухудшению отношений с одноклассниками, что еще больше усугубляет их чувство изоляции и самооценку. Также отмечается склонность к воровству, нередко труднообъяснимому самим ребенком, лживость, самооговоры с провокацией наказания [6].

Таким образом, последствия домашнего насилия в младшем школьном возрасте негативно влияют на развитие детей, вызывая тревожные расстройства, страхи, нестабильные эмоции, низкую самооценку. Дети могут испытывать физические проблемы, такие как головные боли и бессонница, а также трудности с концентрацией и памятью, что снижает их успеваемость. Дети младшего школьного возраста испытывают трудности в установлении дружеских отношений и могут проявлять агрессию, что приводит к социальной изоляции и ухудшению эмоционального состояния.

Нами было проведено научное исследование, которое проводилось на базе ГУО «Средняя школа №27 г.Витебска». Выборка состояла из 49 детей младшего школьного возраста. Для проведения исследования были использованы авторская анкета «Домашнее насилие», методика «Детская шкала реактивной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина), проективная методика «Кактус» М.А. Панфилова, методика «Лесенка» Г.В. Щур. Для количественной обработки результатов исследования использовалось приложение «Statistica 8». Были использованы: U-критерий различий Манна-Уитни и Хи-квадрат Пирсона.

На первом этапе исследования была проведена психологическая диагностика детей младшего школьного возраста, к которым применялось и не применялось домашнее насилие, для изучения выраженности показателей «Личностная тревожность», «Самооценка» и «Агрессивность». Из полученных данных можно сделать вывод, что показатели личностной тревожности выше, самооценки ниже у детей младшего школьного возраста, к которым применяли насилие, чем у детей младшего школьного возраста, к которым не применяли. Агрессивность выражена у 2 групп детей.

Таким образом, можно увидеть, что дети, к которым применялось насилие, в большей степени имеют высокий уровень личностной тревожности и средний уровень самооценки. Детям младшего школьного возраста, к которым не применяли насилие, наиболее свойственны средний уровень личностной тревожности и высокий уровень самооценки. Агрессивность выражена у 2 групп детей.

На втором этапе исследования с помощью метода Хи-квадрат Пирсона исследовались различия между детьми младшего школьного возраста, к которым не применялось и применялось насилие по показателям агрессивности. Данные представлены в таблице 1.

В данных таблицы 1 отражено, что при использовании критерия хи-квадрат Пирсона для номинальных данных уровень статистической значимости $p > 0,05$, следовательно, различия не являются значимыми.

Таблица 1. – Значение χ^2 Пирсона для переменных “Агрессивность” и “Пережитое насилие”

Переменные	Значение χ^2 Пирсона	Уровень статистической значимости
Агрессивность/ Пережитое насилие	0,22	0,63

Полученные нами данные не согласовываются с результатом исследования Устинова В.П., который считал, что психологическим последствие домашнего насилия в младшем школьном возрасте является агрессивность [9].

На третьем этапе исследования с помощью U-критерия Манна-Уитни исследовались различия между детьми младшего школьного возраста, к которым не применялось и применялось насилие по показателям личностной тревожности и самооценки, данные представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Различия между детьми младшего школьного возраста, к которым применялось и не применялось насилие, по показателям личностной тревожности, агрессивности и самооценки

Переменная	Ранговые суммы		Значение критерия U	Уровень статистической значимости
	Применялось насилие	Не применялось насилие		
Личностная тревожность	311,00	914,00	53,00	0,00
Самооценка	97,00	1128,00	61,00	0,01

Из данных, представленных в таблице 2, видно, что имеются значимые различия между детьми младшего школьного возраста, к которым не применялось и применялось насилие, и показателями личностной тревожности и самооценки ($p \leq 0,05$).

Полученные данные совпадают с результатами Зиновьевой Н.О. и Михайловой Н.Ф., которые считали, что высокая тревожность и низкая самооценка у младших школьников являются последствиями насилия [3].

Таким образом, на основе представленных на рисунках 2.1-2.6 и таблицах 2.1-2.2 данных, можно сделать вывод, дети младшего среднего возраста, к которым применялось насилие, имеют различия с детьми младшего школьного возраста, к которым не применялось насилие, по показателям личностной тревожности и самооценки ($p \leq 0,05$). Агрессивность у 2 групп детей не имеет значимых различий. Гипотеза подтвердилась частично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, Л.С. О насилии над детьми в семье/ Л.С. Алексеева//Социологические исследования. – 2003. – №4. –С. 12-15.
2. Громова, Е. В. Влияние насилия в семье на эмоциональное состояние детей/Е.В. Громова // Научные труды: Психология и образование. – 2019. – № 7. – С. 112-119.
3. Зиновьева, Н. О. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации / Н.О. Зиновьева, Н.Ф. Михайлова. – М.: Речь, 2003. – 66 с.
4. Кириллова, Н. В. Психологические последствия домашнего насилия у детей и подростков/ Н.В. Кириллова// Психология и педагогика: современные исследования. – 2020. – № 4. – С. 45-52.
5. Кузнецова, Л. А. Агрессивное поведение у детей младшего школьного возраста в контексте домашнего насилия/Л.А. Кузнецова // Журнал детской и подростковой психологии. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 30-37.
6. Марголина, И.А. Физическое насилие в раннем возрасте и его последствия для психического здоровья в возрастной динамике /И.А. Марголина// Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения. [Электронный ресурс]. Режим доступа – <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/childdeprivation/contents/68981> Дата доступа – 07.06.2025
7. Насилие и жестокое обращение с детьми: учебное пособие / Под ред. Е. Н. Волковой. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2011. – 60 с.
8. Сафонова, Т.Я. Жестокое обращение с детьми и его последствия// Жестокое обращение с детьми: сущность, причины, социально-правовая защита/ Т.Я Сафонова, Е.И. Цымбал. – М.: Алтей,1993. – С.45-49.
9. Устинов, В.П. Психологические последствия насилия и их влияние на обучаемость младших школьников/В.П. Устинов // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/psikhologicheskie-posledstviya-nasiliya-i-ikh-vliyanie-na-obuchaemost-mldshikh-shkolnikov> дата доступа - 07.06.2025

УДК 159.9

ВЫРАЖЕННОСТЬ ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ И СОСТОЯНИЙ У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ ДЕТСКИМ ОПЫТОМ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Е. Р. ТИХОНОВА

(Представлено: С. В. ОСТАПЧУК)

В статье рассматриваются различия между подростками с различным детским опытом домашнего насилия, по выраженности личностной тревожности, самооценки и агрессивности. Результаты исследования показывают высокую выраженность показателей негативных личностных свойств и состояний у подростков и низкую самооценку, к которым применялось насилие.

Тема насилия в семье очень важна для всех, для взрослых и для детей. Насилие было во все времена и есть во многих семьях, независимо от географии. Дети, женщины, даже мужчины долгое время страдают от домашнего насилия. И несмотря на то, что милиция, социальные службы и другие организации годами борются с этой проблемой, она все еще является актуальной. Ведь далеко не каждый человек, которому применялось насилие, сразу сообщал в соответствующие службы, ведь он даже через большое количество времени боится рассказать кому-нибудь об этом, так как его преследует страх и вина.

В Беларуси, согласно исследованиям, в 45-49 % семей родители проявляют жестокость в отношении детей [8].

А.Ю. Егоров определяет, что насилие - такое физическое, социально-организационное, психическое (словесное, моральное) воздействие на человека, которое неправомерно понижает его нравственный (духовный), социальный (в том числе правовой) и жизненный статус, причиняет ему физические и душевные страдания [3].

Жертвами бытового насилия являются 275 млн детей планеты – к ним относятся и те, кто сам не подвергался насилию, но был его свидетелем. Кроме того, ежегодно около 2 млн детей в возрасте до 14 лет избиваются родителями, более 50 тыс. из них уходят из дома, спасаясь от жестокого обращения, около 25 тыс. находятся в розыске как без вести пропавшие [11].

В. Ф. Щепельков провел исследование на данную тему и выявил, что последствия домашнего насилия могут быть не только непосредственно следующими за насилием, но и отдаленными. Так, 44,1 % респондентов, в отношении которых в детстве применялось насилие, дали в той или иной мере утвердительный ответ на вопрос о том, повлекло ли домашнее насилие психологическую травму или другие последствия для дальнейшей жизни [14].

Домашнее насилие является серьезной социальной проблемой, оказывающей разрушительное влияние на жизнь подростков. Оно может проявляться в различных формах, включая физическое, эмоциональное и сексуальное насилие. Каждая из этих форм имеет свои последствия, которые затрагивают психоэмоциональное состояние, социальные отношения, академическую успеваемость и физическое здоровье подростков.

Психологические последствия домашнего насилия у подростков могут быть крайне серьезными. Исследования показывают, что подростки, ставшие жертвами насилия, часто страдают от депрессии, тревожных расстройств и посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). По данным Н.В. Кирилловой, у таких подростков наблюдается высокий уровень тревожности и депрессии, что может проявляться в снижении самооценки и социальной изоляции [4]. Эти состояния могут привести к суицидальным мыслям и попыткам самоубийства, что делает эту проблему особенно актуальной для специалистов в области психического здоровья. Хронический стресс, вызванный насилием в семье, может приводить к различным психоэмоциональным расстройствам, включая нарушения сна и проблемы с концентрацией. М.П. Федорова отмечает, что это состояние негативно сказывается на повседневной жизни подростка, затрудняя выполнение обычных задач и взаимодействие с окружающими. Подростки могут испытывать постоянное чувство тревоги и страха, что приводит к снижению их жизненной активности и интереса к окружающему миру [13].

Социальные последствия домашнего насилия также имеют глубокое влияние на жизнь подростков. Подростки, пережившие насилие, могут сталкиваться с трудностями в установлении и поддержании дружеских отношений. Исследование Т.И. Семеновой подчеркивает, что такие подростки часто копируют агрессивные модели поведения, что приводит к конфликтам в школе и среди сверстников. Это может вызвать цепную реакцию, когда подросток начинает отдаляться от своих сверстников, что усугубляет чувство одиночества и непонимания. Кроме того, подростки могут испытывать недоверие к окружающим, что затрудняет формирование здоровых межличностных отношений. Они могут избегать общения, полагая, что никому не интересно или что их не поймут. Это приводит к социальной изоляции, что, в

свою очередь, усугубляет их психологическое состояние [10]. Исследование, проведенное Н.И. Лебедевой, показывает, что подростки, пережившие насилие, часто становятся жертвами буллинга в школе, что еще больше ухудшает их социальное положение. Они могут чувствовать себя изолированными и неприятными, что усугубляет их эмоциональные проблемы и снижает качество жизни [6].

Академическая успеваемость подростков, переживших насилие, также может значительно пострадать. Им характерны отсутствие познавательных интересов и узость кругозора при сохранных предпосылках интеллекта [7]. Негативные эмоции и постоянное беспокойство о своей безопасности отвлекают их внимание от учебы. Е.В. Громова утверждает, что такие подростки часто имеют проблемы с концентрацией и памятью, что затрудняет усвоение учебного материала. Это может привести к снижению успеваемости, что создает порочный круг, где низкие результаты в учебе усугубляют их психологическое состояние. Данные исследования показывают, что подростки, пережившие насилие, чаще имеют пропуски в учебе и низкие оценки. Это может негативно сказаться на их будущем, так как низкие академические достижения могут ограничить их возможности в выборе профессии и высшего образования [1]. По данным исследования Е.Н. Петровой, около 40% подростков, переживших насилие, испытывают трудности с учебой и имеют низкие оценки [9]. Эти проблемы могут привести к тому, что подростки теряют интерес к учебе и начинают избегать школьной среды, что еще больше усугубляет их академическую ситуацию.

Физические последствия домашнего насилия также имеют значительное влияние на здоровье подростков. Они могут страдать от различных соматических заболеваний, таких как головные боли, боли в животе и другие хронические недомогания. Эти проблемы могут быть как следствием физического насилия, так и результатом психоэмоционального стресса. М.П. Федорова указывает на то, что хронический стресс может приводить к нарушениям сна, что еще больше усугубляет общее состояние здоровья и эмоциональное благополучие подростков [13]. Кроме того, подростки, пережившие домашнее насилие, могут избегать физических активностей, что может способствовать развитию различных заболеваний, таких как ожирение и сердечно-сосудистые заболевания. Исследование, проведенное А.В. Смирновой, показывает, что у подростков, подвергавшихся насилию, значительно выше риск развития хронических заболеваний, связанных с образом жизни [12]. Эти физические проблемы могут повлиять на их способность участвовать в спортивных мероприятиях и других активностях, что еще больше ухудшает их физическое здоровье и самооценку. Также в подростковом возрасте к перечисленному может присоединяться табакокурение, токсикомания, в ряде случаев употребление наркотиков [7].

Подростки, которые испытали насилие в семье, могут столкнуться с трудностями в формировании здоровых отношений в будущем. У них может быть искаженное представление о том, что такое любовь и поддержка. Е.Н. Петрова отмечает, что это может привести к повторению цикла насилия в их собственных отношениях. Такие подростки чаще выбирают партнеров, которые также проявляют агрессивное или контролирующее поведение, что делает их уязвимыми к повторным травмам и насилию [9]. Это создает замкнутый круг, где негативные модели поведения передаются из поколения в поколение. Подростки могут быть не способными к равным, партнерским отношениям. Они подчиняются сильным и унижают слабых [7]. Подростки, пережившие насилие, могут иметь трудности в создании стабильных и здоровых отношений в будущем. Они могут бояться близости и доверия, что затрудняет их способность строить полноценные отношения. Это может привести к тому, что они будут избегать романтических отношений или, наоборот, будут вступать в токсичные связи, что еще больше усугубляет их эмоциональное состояние.

Таким образом, последствия домашнего насилия серьезно влияют на подростков. Жертвы сталкиваются с социальной изоляцией, трудностями в дружбе и учебе, что приводит к низким оценкам, проблемам с концентрацией и низкой самооценке. Физическое здоровье также страдает, проявляясь в соматических заболеваниях. Подростки могут испытывать трудности в формировании здоровых отношений, могут быть агрессивными, что увеличивает риск повторения цикла насилия.

Нами было проведено научное исследование, которое проводилось на базе ГУО «Средняя школа №27 г. Витебска». Выборка состояла из 69 подростков. Для проведения исследования были использованы авторская анкета «Домашнее насилие», методика «Шкала реактивной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергер (в адаптации Ю.Л. Ханина), опросник агрессивности А. Басс, А. Дарки (в адаптации С.Н. Ениколопова), опросник «Изучение самооценки» Г.Н. Казанцева. Для количественной обработки результатов исследования использовалось приложение «Statistica 8». Были использованы: U-критерий различий Манна-Уитни.

На первом этапе исследования была проведена психологическая диагностика подростков ГУО «Средняя школа №27 г. Витебска» для изучения выраженности показателей «Личностная тревожность», «Самооценка», «Агрессивность» у подростков, к которым применялось и не применялось домашнее насилие. Из полученных данных можно сделать вывод, что показатели личностной тревожности и агрессивности выше, а самооценка ниже у подростков, к которым применяли насилие, чем у подростков, к которым не применяли.

Таким образом, можно увидеть, что подростки, к которым применялось насилие, в большей степени имеют высокий уровень личностной тревожности, агрессивности и низкий уровень самооценки. Детям подросткового возраста, к которым не применяли насилие, наиболее свойственны средний уровень личностной тревожности, высокий уровень самооценки и низкий уровень агрессивности.

На втором этапе исследования с помощью U-критерия Манна-Уитни исследовались различия между подростками, к которым не применялось и применялось насилие по показателям личностной тревожности, самооценки и агрессивности. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Различия между подростками, к которым применялось и не применялось насилие, по показателям личностной тревожности, самооценки и агрессивности

Переменная	Ранговые суммы		Значение критерия U	Уровень статистической значимости
	Применялось насилие	Не применялось насилие		
Личностная тревожность	668,50	1746,50	150,50	0,00
Самооценка	169,50	2245,50	78,50	0,00
Агрессивность	795,00	1620,00	24,00	0,00

Из данных, представленных в таблице 1, видно, что имеются значимые различия между подростками, к которым не применялось и применялось насилие, и показателями личностной тревожности, самооценки и агрессивности ($p \leq 0,05$).

Полученные нами результаты совпадают с данными Л.И. Дементий и А.В. Колодина, которые выявили взаимосвязь пережитого домашнего насилия и проявления агрессивности в подростковом возрасте [2].

Также наши результаты совпадают с А. В. Колодиной, которая выявила, что у подростков последствиями насилия в семье являются низкая самооценка, выраженная физическая и вербальная агрессия и высокая тревожность [5].

Таким образом, подростки подвергшиеся насилию страдают не только от физических последствий, но и от высокой личностной тревожности, агрессивности и низкой самооценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громова, Е. В. Влияние насилия в семье на эмоциональное состояние детей/Е.В. Громова // Научные труды: Психология и образование. – 2019. – № 7. – С. 112-119.
2. Дементий, Л. И. Применение физических наказаний в семье как фактор проявления агрессивности и акцентуаций характера подростка/ Л. И. Дементий, А. В. Колодина// Вестник ОмГУ. 2013. №2 (68). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-fizicheskikh-nakazaniy-v-semie-kak-faktor-proyavleniya-agressivnosti-i-aktsentuatsiy-haraktera-podrostka> Дата доступа - 07.06.2025
3. Егоров А.Ю. Психологическое насилие и развитие личности/ А.Ю. Егоров, О.Г. Фрейдман. -СПб.: Питер, 2003. –168 с.
4. Кириллова, Н. В. Психологические последствия домашнего насилия у детей и подростков/Н.В. Кириллова// Психология и педагогика: современные исследования. – 2020. – № 4. – С. 45-52.
5. Колодина, А.В. Личностные и поведенческие особенности подростков, подвергающихся физическому насилию в семье с различной частотой/А.В. Колодина // ОмГУ. 2015. №2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-i-povedencheskie-osobennosti-podrostkov-podvergayuschih-sya-fizicheskomu-nasiliyu-v-semie-s-razlichnoy-chastotoy> Дата доступа: 07.06.2025
6. Лебедева, Н. И. Буллинг и его связь с домашним насилием среди подростков/Н.И. Лебедева // Социальная психология. – 2022. – Т. 9. – № 1. – С. 45-52.
7. Марголина, И.А. Физическое насилие в раннем возрасте и его последствия для психического здоровья в возрастной динамике /И.А. Марголина// Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения. [Электронный ресурс]. Режим доступа – <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/childdeprivation/contents/68981> Дата доступа – 07.06.2025
8. Оценка ситуации с насилием в отношении детей в Республики Беларусь. Краткий отчет по результатам исследования. ЮНИСЕФ. Март 2018. - 43 с
9. Петрова, Е. Н. Повторение цикла насилия в отношениях подростков/ Е.Н. Петрова// Психология и семья. – 2022. – Т. 10. – № 3. – С. 60-72.

10. Семенова, Т. И. Социальная изоляция подростков, переживших насилие /Т.И. Семенова// Социология и общество. – 2021. – Т. 8. – № 2. – С. 112-125.
11. Сенюхин, В.А. Остановить насилие в быту/ В.А. Сенюхин // Вестник МВД России. – 1998. – № 5. – С. 85—86.
12. Смирнова, А. В. Влияние домашнего насилия на физическое здоровье подростков /А.В. Смирнова// Журнал медицинской психологии. – 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 88-95.
13. Федорова, М. П. Физические и психоэмоциональные последствия насилия в семье/М.П. Федорова // Здоровье подростков. – 2023. – Т. 5. – № 4. – С. 77-89
14. Щепельков, В. Ф. Противодействие домашнему насилию в Российской Федерации: состояние и перспективы/ В. Ф. Щепельков// Криминалисть. – 2022. – № 2 (39). – С. 95– 103.

УДК 316.62

ПОЛ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС КАК ПРЕДИКТОРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

В. В. ТРАШКОВА

(Представлено: д-р психол. наук, проф. И. Н. АНДРЕЕВА)

В статье рассматриваются особенности ответственности и жизненных ценностей молодежи в условиях постоянных изменений профессиональной сферы с учетом пола и социального статуса. Установлено, что у большинства преобладает нормативный тип ответственности, а универсализм – главная ценность. Женщины-руководители придают особое значение ценности традиции. У юношей-гуманитариев нормативный тип ответственности сочетается с высокой осмысленностью жизни.

В современном мире происходит трансформация различных сфер жизнедеятельности субъекта, в том числе и профессиональной. Молодые люди, стоящие на пороге профессиональной жизни или уже прошедшие некоторые циклы данной жизнедеятельности, планируют свой профессиональный путь, определяя своё место в обществе, активно ищут или же переоценивают свои ориентиры, принимают или же отвергают последствия собственно совершенных действий. В этом контексте все жизненные ценности личности выступают в качестве «внутреннего компаса», направляющего поведение и деятельность субъекта, а ответственность, в свою очередь, помогает определить отношение личности к ситуации и принять необходимое решение.

Существенные изменения социально-экономических условий в нашей стране оказывают значительное влияние на процессы, происходящие и в сфере образования. Осуществляется изменение образовательных программ, интенсивно развиваются информационные технологии и активно интегрируются в образовательный процесс. В современном мире одной из важнейших задач образования высших учебных заведений является формирование ответственности будущих специалистов. Ведь общество нуждается в личности, склонной придерживаться в своем поведении общепринятых социальных норм, осознающей свой долг и обязанности, готовой нести ответственность за каждую происходящую ситуацию и понимающей последствия за отказ выполнения каких-либо социальных обязательств. Ещё одним важным аспектом в образовательном процессе является изучение преобладающих жизненных ценностей индивида, так как они отражают направленность личности, характеризуют его стремления, цели и составляют основу выполняемой деятельности [1]. Следовательно, роль ответственности и жизненных ценностей в условиях развивающихся технологий велика. Новые технологии и механизация производства берут на себя большую часть работы и снимают груз ответственности с человека, вследствие чего это качество необходимо развивать, а жизненные ценности, будучи направляющей структурой, будет это только поддерживать. Отсюда жизненные ценности личности, предположительно, играют свою роль в формировании ответственности, и, следовательно, существует некоторая взаимозависимость между данными понятиями.

Кандидат психологических наук Т.П. Маралова обнаружила взаимосвязь нормативности поведения с жизненными ценностями у студентов-юношей, по сравнению со студентами-девушками, обучающимися на гуманитарных специальностях. В ходе исследования было выявлено, что юноши с нормативным типом ответственности характеризуются высокой осмысленностью жизни, целеустремленностью, определенностью жизненных намерений. Советский психолог Т.П. Маралова предполагает, что личность с нормативным типом ответственности взаимозависима от высокого уровня осознанности и удовлетворенности жизнью и способна детерминировать жизненные ценности. Также было выявлено, что различие во взаимосвязях уровня нормативности и жизненных ценностей студентов находит свое выражение в жизненных целях, формулировке собственных убеждений и является основой для мировоззрения юношей и девушек [2].

Частичную взаимосвязь компонентов ответственности с жизненными ценностями молодых специалистов обнаружила и кандидат педагогических наук Т.Ю. Фадеева. К данной группе людей автор относит личностей в возрасте от 20 до 35 лет, которые и составили выборку исследования.

Результаты, полученные отечественным психологом Т.Ю. Фадеевой, свидетельствуют о стремлении современной молодежи к заботе о благополучии других людей и отстаиванию социальной справедливости. Это говорит об их социальной ответственности и готовности решать проблемы не только на личном уровне, но и в масштабах общества [3].

Наряду с этим выявлено, что молодые люди активны, ответственны, ориентированы на достижения и сотрудничество. В то же время они могут зависеть от мнения окружающих, не всегда осознают

всю ответственность и склонны к пассивности, и, тем не менее, стремятся к самореализации и социальному одобрению. Для большинства респондентов характерен нормативный тип ответственности, а универсализм является наиболее важной нормативной и жизненной ценностью, под которой подразумевается понимание, терпимость, защита благополучия всех людей и природы [3].

Анализ результатов исследования кандидата педагогических наук Т.Ю. Фадеевой позволяет сделать вывод о том, что современная молодежь представляет собой неоднородную группу с точки зрения отношения к ответственности. С одной стороны, молодые люди проявляют активность и инициативность при решении серьезных задач. Для них важно соответствовать ожиданиям общества, быть готовыми к исполнительности. Такая молодежь характеризуется целеустремленностью, открытостью к новым знаниям, готовностью к риску, настойчивостью. Они ориентированы на успех в совместной деятельности и заботу о благополучии окружающих, стремятся к справедливости. Однако следует отметить, что среди этой выборки наблюдается определенная зависимость от мнения окружающих при принятии решений, а также недостаточное понимание о такой личностной характеристике, как ответственности. В поисках признания и успеха молодые люди готовы подчиняться внешним ожиданиям, что не всегда согласуется с их личными ценностями и приводит к слепому следованию социальным нормам. Тем не менее, проявляя пассивность, они могут менее охотно соблюдать общепринятые нормы и испытывать сложности в сотрудничестве и достижении собственных долгосрочных целей. Таким образом, с одной стороны, молодые люди демонстрируют стремление к социальной ответственности, что проявляется в их готовности к активной деятельности, направленной на благо общества. С другой стороны, они также ценят свою независимость и свободу выбора, что может приводить к некоторым противоречиям с социумом. Отечественный психолог Т.Ю. Фадеева считает, что стремление молодежи к социально ответственному поведению в данной выборке опосредовано приверженностью традициям, стремлением к справедливости, независимости и личному успеху. В тоже время поиск новизны и риска, отсутствие способности конструктивно справляться с негативными переживаниями, как считает исследователь, может оказывать негативное влияние на стремление к социально ответственному поведению данной выборки [3].

Несмотря на неоднозначные результаты Т. Ю. Фадеевой, другие исследования вносят небольшую ясность в отношении ответственности у молодежи по признаку пола. К примеру, испанские психологи из университета Франсиско де Виктория (Natalia Reig, Carmen de La Calle) обнаружили, что представители женского пола, занимающие руководящие должности, характеризуются более высокой социальной ответственностью и придают особое значение ценности традиции, в отличие от лиц мужского пола. Такая преобладающая личностная характеристика представителей женского пола, а также более высокий уровень осознания собственных ценностей и социальной осведомленности, как считают ученые, может способствовать более эффективному принятию решений, что в конечном итоге идет на пользу компании с точки зрения финансовых результатов и репутации [4].

Проанализировав литературные источники можно заявить, что существует взаимозависимость пола и социального статуса от компонентов ответственности и жизненных ценностей, как на выборке студентов, так и на выборке молодежи, занимающей руководящие должности. Выявлено, что для большинства представителей молодежи характерен нормативный тип ответственности, а универсализм является наиболее важной жизненной ценностью. В свою очередь, лица женского пола, занимающие руководящие должности на предприятиях, характеризуются более высокой социальной ответственностью и придают особое значение такой ценности как традиции. Выяснилось, что на выборке студентов-юношей гуманитарных специальностей была обнаружена взаимосвязь нормативного типа ответственности с высокой осмысленностью жизни, по сравнению со студентами-девушками.

Таким образом, вопрос о взаимосвязи жизненных ценностей и ответственности личности становится все более актуальным. Государство нуждается в специалистах, которые несут ответственность за все совершенные деяния, осознанно подходят к выполнению обязанностей и обязательств, полагаясь, в первую очередь, на собственные жизненные ценности и ориентиры.

Для достижения этой цели образовательным учреждениям и работодателям важно создавать условия, в которых молодые люди смогут не только получать профессиональные навыки, но и формировать устойчивые ориентиры, соотносящиеся с их собственными жизненными ценностями. В программах обучения и подготовки специалиста к будущей деятельности следует выделить модули по этике профессии, развитию критического мышления и личностной рефлексии. Не менее важно внедрять в кадровую политику систему непрерывного профессионального развития, включающую тренинги по развитию эмоционального интеллекта и социальных компетенций. Кроме этого, стоит уделить внимание практике в реальных рабочих группах, которая поможет будущим специалистам принимать сложные решения, отвечать за результаты коллективной деятельности, полагаясь, тем самым, на собственные жизненные ценности. Вдобавок к этому, участие в гражданских сообществах и волонтерских движениях окажет воздействие на ощущение причастности молодежи к решению общественных задач и существенно укрепит их

чувство ответственности перед социумом. Такой комплексный подход — от целенаправленного образования до практических навыков — обеспечит появление специалистов, готовых нести ответственность не формально, а исходя из внутренней убеждённости и верности собственным жизненным ценностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веснина, Л.В. Тенденции изменений в современном образовании / Л.В. Веснина // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 92. – С. 17-23.
2. Маралова, Т.П. Психологические особенности взаимосвязи нормативности поведения и жизненных ориентаций студентов // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2019. – № 1. – С. 102–120.
3. Тюлькина, В.А. Удовлетворенность жизнью как составляющая субъективного благополучия мужчин и женщин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 32. – С. 203–212.
4. Rotter, J.B. Social Learning and Clinical Psychology / J.B. Rotter. – NY: Prentice-Hall, 1954. – 466 p.

УДК 796.032

ЭСТЕТИКА СИЛЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ СТАНОВЛЕНИЕ АТЛЕТИЗМА ВО ФРАНЦИИ

Е. С. МУЧАНКО*(Представлено: канд. пед. наук, доц. Н. И. АНТИПИН)*

В русскоязычной историографии культуризм представлен преимущественно англо-американской традицией. Настоящее исследование восполняет пробел, анализируя эволюцию французского culturisme на основе оригинальных источников, с акцентом на педагогические, эстетические и медицинские аспекты телесной дисциплины, сформированной вне англоязычного контекста.

История атлетизма тесно связана с эволюцией физических практик, начавшейся задолго до появления самого термина. Уже в Древней Греции и Риме атлеты использовали упражнения с отягощениями, стремясь улучшить физическую форму. Эти занятия не только практиковались, но и анализировались теоретиками. Однако именно в конце эпохи Возрождения и в классическую эпоху, с наступлением современности, физическая подготовка стала предметом систематического изучения и приобрела методологическую основу. В дальнейшем, в начале современного периода, эта практика трансформировалась в соревновательную дисциплину, все чаще именуемую бодибилдингом. Во Франции его эквивалентом стал термин „culturisme“ (культуризм).

Если рассматривать атлетизм шире, не ограничиваясь его современным термином, его истоки уходят в глубокую древность. Практика использования предметов и инструментов для развития силы, формирования мышц и образа атлетического тела была известна ещё в римской и греческой античности. В древних текстах упоминаются утяжелители, гантели и различные утяжелённые предметы, способствующие развитию физической мощи посредством регулярных тренировок.

Одним из ранних примеров атлетической практики считается легендарный Милон Кротонский – ученик Пифагора (VI в. до н. э.), который, как гласят предания, ежедневно поднимал телёнка, пока тот не превратился во взрослого быка [1]. Эта история иллюстрирует принцип прогрессивного отягощения, ставший впоследствии ключевым элементом в системе тренировок атлетизма.

Согласно Encyclopaedia Britannica (Британская энциклопедия), этот принцип прогрессивного отягощения стал основой двух направлений в тренировочной практике: одни специалисты применяют его для развития общей физической подготовки, другие – для формирования телосложения в рамках подготовки к соревнованиям по бодибилдингу [2].

Однако более значимый исторический перелом в развитии атлетизма произошел в эпоху Возрождения. Именно тогда, в конце XVI века, начали появляться тексты, формализующие принципы физической подготовки. Ключевую роль сыграл трактат «De Arte Gymnastica» итальянского врача-гуманиста Джироламо Меркуриалиса (1530 – 1606), ставший важной вехой в систематизации тренировочных практик и оказавший влияние на дальнейшее развитие теории спортивной подготовки.

Одна из иллюстраций к трактату «De Arte Gymnastica» (1569) наглядно демонстрирует, как атлеты переносят тяжести – свинцовые пластины и гири – применяя их в силовых упражнениях. О значимости подобных тренировок свидетельствует даже название одной из глав: «De disco et halteribus» («О диске и гантелях») [3].

Для Джироламо Меркуриалиса атлетическая гимнастика была не просто формой физической активности, а способом глубинного преобразования человеческой биологической природы. Хотя он не отвергал достижения античности – его трактат явно испытал влияние трудов Галена. Ключевым новаторством Меркуриалиса стало стремление сделать атлетическую гимнастику доступной для всех: не только как средство военной подготовки, но и как профилактическую и гигиеническую практику. Он подчеркивал её значение для поддержания здоровья, рассматривая атлетизм как один из столпов медицинской науки:

“Атлетическая гимнастика, являясь частью медицины, помогает человеку поддерживать здоровье через регулярные упражнения, способствуя формированию крепкого телосложения.” (Mercurialis, 1573, стр. 16, перевод вольный) [3].

Любопытно, что в трактате Меркуриалиса упоминается использование гантелей в женской гимнастике – что само по себе является новаторским подходом для XVI века.

Этот взгляд делает автора подлинным представителем эпохи Возрождения: он уже не просто принимает божественный замысел, согласно которому человек живёт столько, сколько ему отведено, но стремится воздействовать на человеческую природу превентивно, переосмысливая саму концепцию жизненного цикла через физическую подготовку.

Таким образом, то, что мы сегодня называем атлетизмом, а Меркуриалис определял, как «искусство гимнастики», изначально не было ориентировано на спортивные соревнования. Его главная цель заключалась в укреплении здоровья и формировании сильного, выносливого тела. Именно на этой концептуальной основе позднее зародился современный атлетизм.

Однако подлинная смена парадигмы в развитии атлетизма произошла в XIX веке благодаря деятельности Франсиско Аморо-и-Ондеано, маркиза Солтелло (1770 – 1848). В его трактате «Руководство по физическому воспитанию» (1834) сила рассматривается уже не только как условие здоровья, но и как самостоятельная категория, поддающаяся научному измерению [4]. В двухтомнике «Гимнастика и мораль» (1848) он не только анализирует проблему силы с медицинской точки зрения, но и предлагает конкретные методы её развития [5].

Ф. Аморо-и-Ондеано вводит в систему тренировок измерение силы с помощью динамометра, а также использование различных инструментов – гантелей, утяжелённых предметов и даже пушечных ядер. При отсутствии последних он рекомендует заменять их камнями разного размера и веса. В отличие от Меркуриалиса, воспринимавшего гимнастику прежде всего, как средство укрепления здоровья, Ф. Аморо-и-Ондеано ориентируется на развитие мощи как таковой и её применение в практических и военных целях. Его методика вдохновлена образом Геракла и опирается на труды Кулона и Бартеза, которые ещё во второй половине XVIII века занимались изучением физических сил.

Таким образом, от атлетической гимнастики, ориентированной на профилактику здоровья, развитие атлетизма постепенно приходит к рациональному измерению силы и её формированию как самостоятельной ценности. Два с половиной столетия, разделяющие Меркуриалиса и Ф. Аморо-и-Ондеано, ознаменовали существенное изменение в понимании силы: она перестаёт быть лишь средством укрепления организма и становится объектом объективного анализа и целенаправленного развития. Следующим логическим шагом становится измерение не самой силы, а её видимости – то есть «формы», которая впоследствии сыграет ключевую роль в становлении современного культуризма.

Именно к этому переходу был близок Антуан-Ипполит Триат (1813 – 1881), который в молодости выступал в цирке с показательными номерами по тяжелой атлетике, демонстрируя свои физические достижения под псевдонимом «Алсидес». Его цирковая практика во многом предвосхищала ранние формы культуризма, соединяя силу, форму и публичное представление. В Париже он основал атлетическую гимназию на аллее Вдов, где разработал собственную методику тренировок. Хотя А.-И. Триат не оставил обширного письменного наследия, его метод можно реконструировать по трактатам и свидетельствам современников.

В двухтомном «Трактате о физическом воспитании», изданном Марселем Лаббе в 1930 году, Эли Мерсье посвятил отдельную главу «культуристической гимнастике» (*gymnastiques culturistes*), в которой особое внимание уделено Антуану-Ипполиту Триату. Цитируя Эдмона Дебонне, Мерсье отмечает: «Триат, исключив сложные упражнения, изобрёл свой метод, где ученик с парой 6-фунтовых гантелей, 12-фунтовой штангой и несколькими булавами приобретает хорошую мускулатуру, прежде чем приступить к упражнениям на подвешивании, лазанию, прыжкам и т. д.» (Mercier, 1930, с. 495). Эта методика, основанная на простых и доступных средствах, позволяла адаптировать тренировки для различных групп – детей, женщин, юношей и взрослых мужчин [6].

А.-И. Триат стремился сформировать сильное тело с видимой мускулатурой, однако его метод включал не только эстетическую составляющую, но и заботу о здоровье. Его сотрудничество с врачом Наполеоном Далли подтверждает стремление к научному обоснованию физических упражнений. Более того, А.-И. Триат добивался включения своей системы в школьные программы во время Революции 1848 года и Второй Республики, стремясь придать телесной культуре статус общественно значимой дисциплины [7].

Хотя телесные формы, ценимые А.-И. Триатом, во многом напоминают силуэты первых культуристов, его подход остаётся привязанным к идее здоровья, функциональности и воспитания. Он ещё не делает решающий шаг к эстетике ради самой эстетики, который станет определяющим для культуризма как самостоятельной практики. Тем не менее, его деятельность закладывает важные основания — методические, педагогические и визуальные — для дальнейшего развития телесной культуры во Франции.

Завершающим этапом в становлении культуризма во Франции стала деятельность Эдмона Дебонне (1867 – 1953), который, в отличие от своих предшественников, не имел циркового прошлого, а происходил из обеспеченной семьи подрядчиков в Лилле. С детства он тренировался с железными прутьями и инструментами, найденными в семейной мастерской, что сформировало его устойчивую приверженность гигиене и эстетике телосложения. Взяв за основу метод А.-И. Триата, Э. Дебонне разработал собственную систему тренировок, ориентированную на мобилизацию мышц, но с меньшим разнообразием движений и акцентом на регулярность и визуальный результат [8].

Э. Дебонне активно сотрудничал с врачами, стремясь придать своей системе «научную основу». Среди его сподвижников – Жорж Руэ и Альфред Руффье известные французские гигиенисты, которые

помогали формулировать медицинские принципы физической подготовки. Его труд «Искусство создания чистокровной человеческой породы» (1908), написанный в соавторстве с доктором Ж. Руэ, представляет собой попытку детально изложить анатомо-физиологические принципы физической культуры [9]. Сам Э. Дебонне углубился в медицинские исследования, стремясь усовершенствовать свою систему и разработать комплексный метод, включающий не только тренировочные, но и лечебные аспекты.

Начиная с 1885 года, Эдмон Дебонне и его ученики основали около трёхсот центров лечебной гимнастики, а его метод породил более двухсот ответвлений. Он был удостоен многочисленных наград, включая почётные докторские степени по медицине и науке, золотые медали Министерства гигиены и общественного здравоохранения, а в 1932 году – орден Почётного легиона. Его методике следовал академик Пьер Лоти, который также писал предисловия к его трудам, подтверждая интеллектуальный и культурный статус телесной практики, разработанный Дебонне.

Ключевой компонент системы Э. Дебонне была форма – внешний вид, эстетика, пропорциональность – что стало отличительной чертой культуризма. Он организовывал эстетические соревнования, усиливая внимание к мускулатуре и симметрии тела. Однако его метод включал не только работу над внешностью, но и реабилитационные аспекты. Разработанная им «органная гимнастика», частично заложившая фундамент французской физиотерапии, была направлена не только на создание гармоничных форм, но и на восстановление здоровья пациентов. Сам Э. Дебонне утверждал, что в молодости победил туберкулёз благодаря тренировкам – вопреки медицинским предписаниям.

Э. Дебонне активно участвовал в организации международных соревнований, заложив основы соревновательной тяжёлой атлетики и культуризма. В 1897 году он провёл чемпионат мира по силовым видам спорта в Брюсселе, а в 1900 году, совместно с Бонвалло и полковником Феррусом, основал Французский клуб тяжёлой атлетики. В 1916 году, вместе с доктором Жоржем Руэ, он учредил Всемирную федерацию культуризма, расположенную по адресу: улица Фобур Пуассоньер дом №48 [10]. Эти инициативы закрепили культуризм во Франции не только как индивидуальную практику, но и как организованное движение с международным признанием.

Таким образом, Эдмон Дебонне окончательно перевёл атлетизм на территории Франции в сферу эстетики и системного моделирования физической формы. Его деятельность завершила трансформацию, в ходе которой культуризм перестал быть исключительно практикой здоровья, силы и красоты, а стал дисциплиной, ориентированной на визуальное совершенство, педагогическую структуру и научную легитимацию.

История французского атлетизма — это не просто хронология телесных практик, но отражение культурных, медицинских и эстетических представлений о силе, дисциплине и гармонии. От Меркуриалиса до Э. Дебонне французская традиция формировала уникальную модель *culturisme*, отличную от англо-американской: менее коммерческую, более педагогическую и философскую.

Анализ историографии показал, что французская телесная культура развивалась в тесной связи с медициной, воспитанием и идеей эстетического тела. При этом её вклад остаётся малоизвестным в русскоязычном академическом сообществе, что делает обращение к этой теме не только актуальным, но и необходимым.

Настоящее исследование не претендует на исчерпывающий охват, но предлагает точку входа в более глубокое осмысление эстетики силы как культурного феномена, сформированного вне англоязычного контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шанин, Ю.В. «Олимпия. История античного атлетизма» / Ю.В. Шанин. – СПб.: Алетейя, 2001. – 192 с. Access mode: <https://djvu.online/file/EvUbSTECkDCW6> – DATE of access: 15.09.2025
2. Milo of Croton. Британо-американская универсальная энциклопедия "Britannica" <https://www.britannica.com/biography/Milo-of-Croton> – DATE of access: 15.09.2025
3. Hieronymi Mercurialis De arte Gymnastica (1569). – Access mode: <https://archive.org/details/hieronymimercur01mercgoog/page/n2/mode/2up> – DATE of access: 15.09.2025
4. AMOROS Y ONDEANO, F. (1830). MANUEL D'EDUCATION PHYSIQUE. GYMNASIQUE ET MORALE. PARIS : RORET [RESSOURCE ELECTRONIQUE]. – MODE D'ACCÈS: <https://wellcomecollection.org/works/nh79cfdv> – DATE of access: 17.09.2025
5. Francisco, A. Nouveau manuel complet d'éducation physique, gymnastique et morale. Tome 1/ PARIS: RORET 1848 [RESSOURCE ELECTRONIQUE]. – MODE D'ACCÈS: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9659833k.texteImage> – DATE of access: 25.09.2025
6. Gleyse, J. De l'art de la gymnastique (1569), au culturisme et aux premières compétitions organisées (1904). L'Emergence du body-building? / J. Gleyse // De Boeck Supérieur. Staps. – 2018. №119. – P. 27-45. – MODE D'ACCÈS: <https://shs.cairn.info/revue-staps-2018-1-page-27?lang=fr> – DATE of access: 25.09.2025

7. Inserm (dir.). Activité physique : Prévention et traitement des maladies chroniques. Collection Expertise collective. Montrouge : EDP Sciences, 2019, XVI-805 p. – MODE D'ACCES: <https://inserm.hal.science/inserm-02102457/document> – DATE of access: 26.09.2025
8. Desbonnet, E. (1906). La force physique, culture rationnelle, méthode Attila, méthode Sandow, méthode Desbonnet. La santé par les exercices musculaires mis à la portée de tous. Paris: Berger-Levrault [Ressource électronique]. – Mode d'accès: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t5255890j/f12.item> – Date of access: 02.10.2025
9. Rouhet, G. & Desbonnet E. (1908). L'art de créer le Pur-Sang humain. Paris: Berger-Levrault & Cie 398p. [Ressource électronique] – Mode d'accès: https://archive.org/details/BIUSante_60625/page/n1/mode/2up – Date of access: 02.10.2025
10. Georges Vigarello. Le corps redressé : histoire d'un pouvoir pédagogique. Paris: J.-P. Delarge, 1978, 399 p – Mode d'accès: https://openlibrary.org/works/OL2105111W/Le_corps_redressé – Mode d'accès: 03.10.2025

УДК 159.923

МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРОФИЛЯ ФАКУЛЬТЕТА

А. С. ПОДЛЕЩУК, А. С. ДЕМЬЯНОВА
(Представлено: И. А. МАРИНА)

Статья посвящена исследованию специфики мотивации студентов к занятиям физической культурой в разрезе их профессиональной направленности. На основе анкетирования 300 учащихся различных факультетов выявлены и проанализированы значимые различия в доминирующих мотивах, барьерах и предпочтениях. Полученные данные свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к организации учебного процесса по физической культуре.

Введение. Физическое развитие человека, обеспечение слаженной работы всех органов и систем зависит во многом от физических нагрузок. Чтобы организм нормально функционировал, каждому человеку требуется определенный минимум двигательной активности. В современном мире взрослый человек ощущает существенно меньшую потребность в движениях, чем необходимо это для естественного его развития. Поэтому представляет актуальность рассмотрение мотивационных аспектов при занятиях физической культурой и спортом [1].

В Республике Беларусь государство уделяет особое внимание развитию физической культуры, в частности принимаются различные нормативно-правовые акты и программы, которые направлены на достижение высоких результатов в сфере спорта. Например, в Государственной программе «Физическая культура и спорт» (далее по тексту – Программа) главными задачам были определены совершенствование спортивной, физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой инфраструктуры, а также патриотическое воспитание молодежи, в том числе детей, школьников и студентов. Кроме этого, в Программе говорится о том, что государство будет разрабатывать научные методы и внедрять результаты научных исследований и разработок в практику спортивной подготовки. Данная задача включает преподавание физической культуры в школах и университетах, то есть университеты и школы должны быть главными площадками для внедрения научных методов и разработок [2].

Мотивация к занятиям физической культурой и спортом — это совокупность внутренних и внешних мотивов, побуждающих к физической активности для сохранения здоровья, и условий, содействующих реализации физически активного поведения. Приобщение человека к занятиям физическими упражнениями следует начинать с формирования у него мотивации здоровья. Проблема видится в том, что человек не может хотеть быть здоровым, если он в данный момент хорошо себя чувствует и не жалуется на какие-либо недомогания. Поэтому, заводя речь о мотивации к занятиям физической культурой и спортом, прежде всего необходимо понимать, что здоровье – величина непостоянная. Забота о здоровье, его укреплении должна быть ценностным мотивом, формирующим, контролирующим и регулирующим образ жизни человека [3]. Однако мотивационная структура студентов крайне неоднородна и определяется широким спектром причин, которые условно можно разделить на основные (базовые) и второстепенные (ситуативные). Если основные факторы, такие как сохранение здоровья или выполнение учебных требований, достаточно хорошо изучены, то роль второстепенных факторов часто недооценивается. В то же время, именно они могут стать решающим элементом в формировании положительного отношения к занятиям.

Цель. Целью работы является выявление и сравнительный анализ особенностей мотивации к занятиям физической культурой среди студентов факультетов различного профиля.

Задачи исследования. Провести сравнительный анализ уровня и структуры мотивации у студентов гуманитарных, технических, юридических и экономических специальностей; выявить профильно-специфичные барьеры и стимулы для занятий; определить предпочтения в видах физической активности в зависимости от специализации; разработать адресные рекомендации по оптимизации процесса физического воспитания для разных групп студентов.

Методы исследования. Основным методом исследования является анкетирование студентов разных факультетов для сбора данных о мотивационных факторах, используется статистический анализ для обработки результатов, проводятся сравнительные методы оценки различий между группами респондентов, а также применяется теоретический анализ научной литературы по проблемам мотивации в сфере физического воспитания.

Результаты и их обсуждение. Исследование проводилось путём анкетирования, было предложено ответить на вопросы по заданной теме, у респондентов была возможность выбора нескольких вариантов ответа. В анкетировании участвовали студенты финансово-экономического факультета (ФЭФ), юри-

дического факультета (ЮФ), факультета информационных технологий (ФИТ), гуманитарного факультета (ГФ), инженерно-строительного факультета (ИСФ), механико-технологического факультета (МТФ), факультета компьютерных наук и электроники (ФКНЭ) Полоцкого государственного университета им. Евфросинии Полоцкой в возрасте 17–22 года в количестве 300 человек.

Результаты исследования выявили устойчивую зависимость между профилем факультета и мотивационной структурой. Анализ данных показал, что посещаемость занятий по физической культуре варьируется в зависимости от факультета. Наиболее высокая регулярность наблюдается среди студентов ФИТ, где 47 % респондентов указали, что посещают занятия регулярно. При этом студенты ФЭФ демонстрируют наиболее низкую вовлеченность: 38 % опрошенных посещают занятия редко или никогда. Снижение посещаемости может быть обусловлено комплексом факторов, включая недостаточный уровень внутренней мотивации студентов, высокую интенсивность академической нагрузки, что особенно характерно для факультетов с экономическим профилем, а также значительную долю лиц, официально освобожденных от занятий по состоянию здоровья.

Основные мотивы для занятий физической культурой среди студентов сильно разнились в зависимости от их профиля, так, для студентов МТФ главными факторами являются здоровье и физическая форма (71 %), а для студентов ФЭФ, ИСФ и ФКНЭ необходимость получения зачёта (ФЭФ – 37 %, ФКНЭ – 40 %, ИСФ – 36 %). При этом обязательная учебная программа играет значительную роль для студентов ГФ и ЮФ, где 38 % и 33 % респондентов соответственно указали её в качестве ключевого фактора. Интересно, что возможность провести время с пользой привлекает лишь небольшой процент опрошенных, что может говорить о недостаточной привлекательности текущего формата занятий.

Исследование выявило различия в уровне физической активности студентов вне учебного процесса. Наибольшая вовлеченность в спорт и регулярные тренировки наблюдается среди учащихся ФИТ (41 %). Более половины респондентов ФЭФ (52 %) оценили свою активность как среднюю, что соответствует редким занятиям или пешим прогулкам. 40 % студентов ФКНЭ указали, что практически не занимаются физической активностью вне университета, что может быть связано с высокой учебной нагрузкой или отсутствием интереса к спорту.

Нагрузка оказывает существенное влияние на посещаемость занятий по физической культуре. Так, 60 % студентов ФКНЭ отметили, что учёба не оставляет времени на физкультуру. В то время как, 66 % студентов ГФ считают, что специфика их факультета требует физической активности. При этом 52 % респондентов ФЭФ и 41 % ФИТ ответили, что специфика их факультета не влияет на отношение к занятиям. Это позволяет предположить, что проблема низкой вовлеченности связана не только с академической загруженностью, но и с личной мотивацией студентов.

Обязательные нормативы, такие как бег или подтягивания, вызывают стресс у значительной части студентов. Наибольший уровень демотивации наблюдается среди учащихся ЮФ (80 %). Наибольший процент мотивации принадлежит студентам ФЭФ и равен всего лишь 14 %. Возможно, стоит внедрить более гибкую систему нормативов по определению уровня подготовки студентов по учебной дисциплине «физическая культура» или альтернативные формы активности, учитывающие индивидуальные возможности и интересы студентов.

Выводы. Профиль факультета является значимым фактором, определяющим структуру мотивации, набор барьеров и предпочтений студентов в сфере физической культуры. Наблюдается четкая закономерность: студенты технических специальностей (МТФ, ФИТ) чаще всего указывали на острую нехватку времени, для них ключевым мотивирующим фактором являлось снятие умственного напряжения и стресса, поэтому они проявляли больший интерес к игровым видам спорта или интенсивным тренировкам; учащиеся гуманитарных факультетов (ГФ) демонстрировали большую вовлеченность в занятия, связанную с эстетическими и коммуникативными мотивами, они чаще выбирали фитнес-направления, стремясь к улучшению телосложения, и высоко оценивали значение групповой динамики (важна для 72,7% опрошенных с ГФ); студенты юридического и экономического профилей (ЮФ, ФЭФ) проявляли прагматичный подход: для них была наиболее важна связь физической культуры с будущей профессиональной деятельностью (работоспособность, презентабельный внешний вид, стрессоустойчивость). Унифицированный подход к преподаванию физической культуры не учитывает эти различия и является малоэффективным.

Среди возможных мер, способных повысить интерес к занятиям, студенты всех факультетов особенно выделили возможность выбора понравившегося вида спорта. Эти данные указывают на необходимость персонализации учебного процесса и внедрения более разнообразных форм физической активности.

Для повышения эффективности физического воспитания рекомендуется: для технических факультетов – внедрить краткие, но интенсивные форматы занятий (функциональный тренинг, игры) в середине учебного дня для «перезагрузки», а также минимизировать акцент на обязательных нормативах; для гуманитарных факультетов – расширить спектр фитнес-программ и клубных форм работы, сделать акцент

на групповые активности; для юридических и экономических факультетов – разработать и внедрить программы, напрямую увязывающие физическое развитие с профессиональными компетенциями, включить элементы телесных практик и курсы по управлению стрессом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Камалов А. А., Хасанова Е. З. Мотивация к занятиям физической культурой и спортом // 2023. №3 (101) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scilead.ru/article/3873-motivatsiya-k-zanyatiyam-fizicheskoy-kulturoj/>. – Дата доступа: 20.04.2025.
2. Государственная программа развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь на 2021–2025 годы // Официальный сайт Министерства туризма и спорта Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mst.by/ru/razvitiesporta-ru/>. – Дата доступа: 20.04.2025.
3. Ярмухаметова, Г.У. Мотивация в спорте / Г.У. Ярмухаметова // Вестник науки. - 2018. - № 8. – С. 62-67.

УДК 159.923

ОСНОВНЫЕ И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА МОТИВАЦИЮ СТУДЕНТОВ К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ

А. С. ПОДЛЕЩУК, А. С. ДЕМЬЯНОВА
(Представлено: И. А. МАРИНА)

В работе проведено исследование с целью определения основных и второстепенных факторов, влияющих на вовлеченность студентов в занятия физической культурой. Проведена классификация факторов на основные и второстепенные, определена их иерархия и взаимосвязь. Подчеркивается значимость учета всего спектра мотивационных стимулов для повышения эффективности физкультурно-оздоровительной работы в вузах.

Введение. В настоящее время с каждым годом все сильнее прослеживается негативная тенденция ухудшения здоровья обучающихся вузов. Здесь можно отметить, что общество ожидает от занятий физической культурой и спортом мотивационно-формирующую составляющую здоровой и физически развитой студенческой молодёжи, однако, реальная картина показывает нежелание студентов к занятиям и их непонимание ценности физической культуры в образовательном процессе. В связи с этим в данном вопросе наиболее актуальной задачей становится формирование мотивации к занятиям физической культурой и спортом, где мотивация выступает как основа повышения здоровья студентов, их гармоничного физического развития и повышения эффективности учебной, социальной и профессиональной деятельности [1].

На современном этапе развития необходимо эффективно организовывать учебно-воспитательный процесс студентов, который будет способствовать разностороннему физическому развитию, и обеспечивать оптимальный уровень работоспособности, психологической устойчивости и здоровья. Физическое воспитание в вузе должно быть систематизировано и направлено на формирование у молодежи убежденных взглядов на здоровый образ жизни, базирующийся на регулярной физической активности, занятиях спортом не только во время учебы в вузе, но и на протяжении всей жизни [2].

Для повышения мотивации студентов к регулярным самостоятельным занятиям спортом необходимо предоставить достаточный объем информации о методах использования средств физической культуры при формировании личностных качеств, способствующих дальнейшему профессиональному росту и возможности найти свое место в жизни. Повысить интерес к занятиям физической культурой и спортом позволит показ социальной значимости физической культуры, как для общества в целом, так и для отдельной личности [3].

Однако мотивационная структура студентов крайне неоднородна и определяется широким спектром причин, которые условно можно разделить на основные (базовые) и второстепенные (ситуативные). Если основные факторы, такие как сохранение здоровья или выполнение учебных требований, достаточно хорошо изучены, то роль второстепенных факторов часто недооценивается. В то же время, именно они могут стать решающим элементом в формировании положительного отношения к занятиям.

Цель. Целью исследования является выявление, анализ и систематизация основных и второстепенных факторов, влияющих на мотивацию студентов к занятиям физической культурой. В отличие от основных мотивационных факторов, таких как здоровье, физическая форма или требования учебной программы, второстепенные аспекты часто остаются без внимания, хотя могут играть значительную роль в формировании отношения студентов к физической активности.

Задачи исследования. Выявить основные и второстепенные факторы, влияющие на мотивацию студентов к занятиям физической культурой, проанализировать их значимость в различных направлениях, разработать практические рекомендации для повышения вовлеченности студентов в занятия физической культурой.

Методы исследования. Основным методом исследования является анкетирование студентов разных факультетов для сбора данных о мотивационных факторах, используется статистический анализ для обработки результатов, проводятся сравнительные методы оценки различий между группами респондентов, а также применяется теоретический анализ научной литературы по проблемам мотивации в сфере физического воспитания.

Результаты и их обсуждение. Исследование проводилось путём анкетирования, было предложено ответить на вопросы по заданной теме, у респондентов была возможность выбора нескольких вариантов ответа. В анкетировании участвовали студенты Полоцкого государственного университета им. Евфросинии Полоцкой в возрасте 17–22 года в количестве 300 человек.

Анализ данных позволил четко дифференцировать факторы мотивации. К основным факторам были отнесены: стремление к укреплению здоровья (отмечают 46,4 % респондентов), необходимость получения зачета (56,5 %), обязательная учебная программа (43,5 %). Эти факторы носят универсальный характер и являются базовыми двигателями физически активного поведения.

Второстепенные факторы, хотя и обладают меньшей побудительной силой, играют критическую роль в поддержании интереса и регулярности занятий. Так, 63,8 % опрошенных указали, что возможность выбора понравившегося вида спорта значительно повысила бы их вовлеченность. Почти половина респондентов (47,8 %) отметили важность гибкого графика занятий. Качество работы преподавателя является мотивирующим фактором для 27,5 % студентов, а комфортная социально-психологическая атмосфера, создаваемая групповой динамикой, важна для 46,4 % учащихся. Важно отметить, что второстепенные факторы зачастую выступают в роли «демотиваторов»: их отсутствие или низкое качество могут нивелировать действие даже сильных основных мотивов. Например, 39,1 % студентов испытывают стресс и демотивацию из-за необходимости сдачи обязательных нормативов, а для 20 % эмоциональное состояние (стресс, усталость) часто становится причиной пропусков.

Выводы. Мотивация студентов к занятиям физической культурой формируется под воздействием сложного комплекса факторов, которые могут быть структурированы по принципу иерархии на основные и второстепенные. Основные факторы (здоровье, зачет, физическая форма) задают общую направленность мотивации, в то время как второстепенные (выбор активности, гибкий график, атмосфера) определяют ее устойчивость и практическую реализацию. Эффективная система физического воспитания в вузе должна опираться не только на базовые мотивы, но и целенаправленно формировать и совершенствовать второстепенные условия, создавая тем самым благоприятную среду для мотивации.

Для повышения мотивации студентов рекомендуется: диверсифицировать предлагаемые виды физической активности с учетом современных фитнес-трендов (йога, плавание и др., что актуально для 59,4 % опрошенных); внедрить систему гибкого графика занятий; повышать квалификацию преподавательского состава в области психологии мотивации и создания благоприятного климата в группе; проводить регулярный мониторинг состояния спортивной инфраструктуры (неудовлетворенность которой выразили 5,8 % студентов) и оперативно устранять ее недостатки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харьковская, А.Г. Основные направления личной и социальной подготовки человека к трудовой деятельности / А.Г. Харьковская, А.И. Усенко // Вестник ИМСИТ. – № 3/4 (59/60), 2014. – С. 64–68.
2. Лубышева, Л. И. Социология физической культуры и спорта: учебное пособие / Л.И. Лубышева, М.: Академия, 2020. 272 с.
3. Бабушкин, Г.Д. Психология физической культуры и спорта: учебник / Г. Д. Бабушкин, В. Н. Смоленская, Омск: СибГУФК, 2016. 147 с.

УДК 796.015.68

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ СПОРТИВНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Д. С. ЦАРЬКОВА, Ю. А. ИВАНЬКО

(Представлено: канд. биол. наук, доц. Н. И. АПРАСЮХИНА)

Проведена оценка анатомо-физиологических параметров студентов спортивных специальностей. Установлено, что большинство студентов, участвующих в исследовании, имеют нормальные показатели физического развития. Однако у некоторых студентов (30 %) имеются признаки избыточной массы тела; 10 % студентов имеют недостаточную массу тела.

В условиях современного общества, где наблюдается рост малоподвижного образа жизни и снижение физической активности, вопросы, касающиеся состояния здоровья молодежи, становятся особенно актуальными.

Студенческая молодежь представляет собой наиболее динамичную общественную группу, находящуюся на этапе формирования социальной и функциональной зрелости [1]. Хорошее здоровье в совокупности с социальной зрелостью являются необходимыми условиями получения высшего профессионального образования, так как овладение научными знаниями сегодня требует от студентов ВУЗов больших умственных, физических и психоэмоциональных затрат.

В период обучения в высших учебных заведениях студенты испытывают воздействие целого комплекса факторов, негативно влияющих на состояние их физического, психического и репродуктивного здоровья. Изменение стереотипа окружения, необходимость адаптации к новым условиям среды, возрастание психофизиологической нагрузки, особенно на начальном этапе обучения в вузе, учебная деятельность в условиях информационной перегрузки, нерациональное планирование учебных занятий – всё это в конечном итоге может приводить к психовегетативным расстройствам, неврозам и различным соматическим заболеваниям [2].

В настоящее время отмечается ухудшение уровня физического здоровья студентов. Исследования последних лет показывают, что число студентов с низким уровнем физического здоровья, имеющих хронические заболевания, неуклонно растёт. В процессе обучения у студентов обнаруживаются различные функциональные отклонения (миопия, гиперметропия (дальнозоркость), сколиоз, хронические гастриты и др.).

К основным критериям физического здоровья человека относятся: уровень физического развития; уровень физической подготовленности; уровень функциональной подготовленности организма к выполнению физических нагрузок; уровень и способность к мобилизации адаптационных резервов организма, обеспечивающих его приспособление к воздействию различных факторов среды обитания [3].

Проведено исследование, в ходе которого были изучены некоторые показатели физического развития студентов спортивных специальностей.

Цель работы: провести комплексное исследование анатомо-физиологических параметров студентов.

Физическое развитие – совокупность морфологических (рост, масса тела, его размеры и объёмы) и функциональных (ЧСС, частота дыхания, кровяное давление, ЖЕЛ и др.) свойств человека, которые обеспечивают не только жизнеспособность организма, но и оптимальное выполнение человеком всех видов деятельности. Физическое развитие зависит от уникального генотипа личности и средовых условий индивидуального развития; именно генотип-средовые взаимодействия обуславливают фенотипические особенности физического развития в онтогенезе [4].

Анатомо-физиологические параметры, такие как рост, вес, используемые для оценки физического развития, являются важными индикаторами физической подготовленности и здоровья. Оценка анатомо-физиологических параметров позволяет получить комплексное представление о состоянии здоровья, уровне физической подготовленности и адаптационных возможностях организма студентов к физическим нагрузкам. Их систематическая оценка позволяет не только выявить текущие проблемы, но и разработать рекомендации по улучшению физической активности и образа жизни студентов. В условиях растущих требований к профессиональной подготовке молодежи, наличие хорошей физической формы становится важным условием для успешной учебы и будущей трудовой деятельности.

В исследовании приняли участие студенты 1 – 4 курсов специальностей «Физическая культура» и «Образование в области физической культуры» – 70 человек (33 девушки (47,14%) и 37 юношей (52,86%). Из них:

студентов 1 курса – 24 человека (34,29%), девушек – 13 (54,17%); юношей – 11 (45,83%);
 2 курса – 17 человек (24,29%), девушек – 5 (29,41%); юношей – 12 (70,59%);
 3 курса – 12 человек (17,14%), девушек – 5 (41,67%); юношей – 7 (58,33%);
 4 курса – 17 человек (24,29%), девушек – 10 (58,82%); юношей – 7 (41,18%).

Для оценки анатомо-физиологических параметров мы использовали метод индексов. Известно, что для оценки физического развития необходимо анализировать не характеризующие его показатели, а их соотношение и взаимосвязь. Оценка физического развития производится с помощью целого ряда индексов. Индексы представляют собой соотношения отдельных антропометрических показателей, выраженные в математических формулах [3].

В нашем исследовании мы определяли у испытуемых массу тела (МТ), длину тела (рост) (ДТ) стоя, рост (ДТ) сидя, и на основании этих данных рассчитывали индекс массы тела (ИМТ), массо-ростовой индекс Кетле, индекс пропорциональности телосложения.

Массу тела определяли на стандартных медицинских весах [4], рост – с использованием ростомера [4].

Масса тела – наиболее простой и доступный показатель, являющийся интегральным показателем соответствия энергетической ценности рациона питания уровню энерготрат. Величина массы тела колеблется в зависимости от возраста, характера труда и величины физических нагрузок, количественной и качественной адекватности питания и других факторов [3].

Индекс массы тела – ИМТ, по величине которого оценивается степень соответствия массы тела человека его росту, – один из показателей, характеризующих физическое развитие, который позволяет косвенно оценить, является ли масса тела нормальной, недостаточной или избыточной по отношению к установленным возрастным нормам [5].

Индекс массы тела (Кетле II) определяли по формуле:

$$\text{ИМТ} = \text{МТ (кг)} / \text{ДТ (м}^2\text{)} [4 - 7]$$

Данный индекс получил наиболее широкое распространение на практике в оценке физического развития. Оценка индекса массы тела приведена в таблице 1.

Таблица 1. – Оценка индекса массы тела [4]

ИМТ (кг/м ²)	Классификация	Риск для здоровья	Рекомендации
Менее 15	Острый дефицит	Очень высокий	Лекарственная терапия. Рациональное питание
15 – 18,5	Недостаточная масса тела	Высокий	Рациональное питание
Выше 18,5 до 24,9	Нормальная масса тела	Отсутствует	Отсутствуют
25 – 29,9	Избыточная масса тела	Повышенный	Рекомендуется снижение массы тела
30 – 34,9	I степень ожирения	Высокий	Настоятельно рекомендуется снижение массы тела
35 – 39,9	II степень ожирения	Высокий	Настоятельно рекомендуется снижение массы тела
Более 40	III степень ожирения	Чрезвычайно высокий	Необходимо немедленное снижение массы тела

Результаты исследования показателей индекса массы тела свидетельствуют о следующем:

42 студента, что составляет 60% испытуемых, относятся к группе с нормальной массой тела;

у 21 студента (30%) признаки избыточной массы тела;

7 студентов (10%) имеют недостаточную массу тела.

Результаты исследования показателей индекса массы тела **в зависимости от пола** указывают на то, что 5 (15,15%) девушек, 16 (43,25%) юношей имеют избыток веса. Это может быть вызвано несоблюдением режима труда и отдыха, недостаточной двигательной активностью, нарушением обмена веществ, некоторыми вредными привычками, болезнями и прочее.

В соответствии с полученным индексом массы тела можно оценить степень риска развития различных заболеваний (таблица 1).

Многочисленными исследованиями установлено, что отклонение индекса массы тела от нормальных значений связано с увеличением риска заболеваемости. При повышенных значениях индекса массы тела (выше 30) значительно увеличивается общая смертность, что в основном обусловлено высокой смертностью от сердечно-сосудистых заболеваний. При значениях ИМТ ниже нормальных значений общая смертность увеличивается за счет хронических легочных заболеваний, онкологических и других (не сердечно-сосудистых) болезней [6].

Проблема избыточного веса населения характерна для многих развитых стран мира. Избыток веса – проблема сегодняшнего дня, которая касается и студенческой молодежи. Известно, что при ожире-

нии возрастает риск хронических заболеваний эндокринной (сахарный диабет), сердечно-сосудистой систем, нарушения обмена веществ и др. Для решения проблемы избыточного веса необходимо придерживаться принципов рационального питания, советов диетологов, заниматься спортом и вести активный образ жизни.

Кроме того, в ходе исследования было установлено, что 6 девушек (18,18%) и 1 юноша (2,70%) имеют недостаточную массу тела. Вероятными причинами пониженного веса могут быть неполноценное питание, несистематизированный прием пищи, и, как следствие, нарушение обмена веществ, а также гельминтозы, нарушение санитарно-гигиенических норм условий значительного числа проживания; нарушение гормонального фона, то есть повышенная секреция гормонов щитовидной железы (гипертиреоз) и др.

Недостаток веса у девушек часто имеет социальный характер, что связано с модными тенденциями в обществе. Стремление к эталонным параметрам фигуры толкает девушек на путь изнурительных диет, что приводит к развитию дистрофии, неспособности усваивать некоторые питательные вещества, анорексии (заболевание, характеризующееся критическим снижением массы тела, часто опасным для жизни; потерей аппетита, нарушением репродуктивной функции) [6].

При оценке физического развития широко используется индекс Кетле, или так называемый массо-ростовой показатель, предложенный в 1869 г. Адольфом Кетле, бельгийским математиком, социологом, одним из создателей научной статистики.

Массо-ростовой индекс Кетле определяли по формуле:

$$\text{Индекс Кетле} = \text{МТ (г)} / \text{ДТ (см)} [4, 7]$$

В норме величина индекса Кетле у взрослых колеблется в пределах: 350 – 400 г/см для мужчин и 325 – 375 г/см для женщин; повышение до 500 и выше – свидетельствует о признаках ожирения; снижение до 300 и ниже – о признаках снижения трофики организма [4].

По результатам исследования показателей индекса Кетле установлено, что:

у 16 девушек (48,48%) и 9 юношей (24,32%) индекс соответствует норме;
у 7 девушек (23,21%) и у 23 юношей (62,20%) индекс Кетле выше нормы;
у 4 девушек (12,12%) – индекс ниже нормы, что свидетельствует о нарушении трофики;
у 2 юношей (5,4%) – индекс значительно выше нормы, что свидетельствует о признаках ожирения.
у 6 девушек (18,18%) индекс в пределах от 301 до 324 и у 3 юношей (8,11%) в пределах от 301 до 349.

Индекс пропорциональности телосложения Пирке-Бедузи, который характеризует пропорциональность длины нижних конечностей относительно туловища, определяли по формуле:

$$\text{Индекс Пирке-Бедузи} = (\text{ДТстоя} - \text{ДТсидя} / \text{ДТсидя}) \times 100 [4, 7]$$

Оценка индекса пропорциональности физического развития приведена в таблице 2.

Таблица 2. – Оценка индекса пропорциональности физического развития [4]

Менее 87%	Малая длина нижних конечностей по отношению к длине туловища
87 – 92%	Пропорциональное физическое развитие
Более 92%	Относительно большая длина нижних конечностей

Результаты анализа индекса пропорциональности физического развития:

34 студента (48,57%) характеризуются пропорциональным физическим развитием;
24 студента (34,29%) относятся к группе с относительно длинными нижними конечностями;
12 студентов (17,14%) – к группе с короткими нижними конечностями относительно длины туловища.

Результаты анализа индекса пропорциональности физического развития студентов в зависимости от пола:

18 девушек (25,71%) и 16 юношей (22,86%) имеют пропорциональное физическое развитие;
9 девушек (12,86%) и 15 юношей (21,43%) характеризуются относительно большой длиной ног;
6 девушек (8,57%) и 6 юношей (8,57%) имеют короткие нижние конечности по отношению к длине туловища.

Выводы. Анализ результатов исследования показал, что большинство испытуемых студентов имеют нормальные показатели физического развития. Однако по показателям индекса массы тела у 21 студента (30%) имеются признаки избыточной массы тела; 7 студентов (10%) имеют недостаточную массу тела. По результатам исследования показателей индекса Кетле установлено, что у 7 девушек (23,21%)

и у 23 юношей (62,20%) индекс выше нормы; у 4 девушек (12,12%) – индекс ниже нормы, что свидетельствует о нарушении трофики; у 2 юношей (5,4%) – индекс значительно выше нормы, что свидетельствует о признаках ожирения. Характеризуются пропорциональным физическим развитием 48,57% студентов.

Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке эффективных программ физического воспитания и оздоровления, направленных на улучшение физической подготовленности студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косолапов, А. Б. Проблемы изучения, сохранения и развития здоровья студентов / А. Б. Косолапов, В. А. Лофицкая. – Владивосток: ДВГАЭУ, 2002. – 154 с.
2. Звягина, Е. В. Реализация мониторинга состояния здоровья студентов-спортсменов на основе «Дорожной карты» / Е. В. Звягина, О. А. Макунина, И. Ф. Харина // Современные проблемы теории и практики физического воспитания, спортивных дисциплин и туризма: сб. науч. труд. по материалам Международной науч-практ. интернет-конф. 23 ноября, 2018 г. / М-во образования и науки Украины, Переяслав-Хмельницкий гос. пед. ун-т. имени Григория Сковороды. – Переяслав-Хмельницкий [и др.]. – ПЛП ДОМБРОВСКАЯ Я. М., 2018. – 136 с. – С. 51 – 56.
3. Апрасюхина, Н. И. Гигиена: учебное пособие / Н. И. Апрасюхина. – Минск :РИВШ, 2021. – 420 с.
4. Дегтяренко, Т. В. Медико-педагогический контроль в физическом воспитании и спорте: учебник для студентов высших учебных заведений / Т. В. Дегтяренко, Е. В. Долгий. – Одесса: Атлант ВОИ СОИУ, 2018. – 282 с.
5. Прокопьев, Н. Я. Индекс массы тела (Кетле) у студентов профильных вузов г. Тюмени / Н. Я. Прокопьев, Е. А. Семизоров // Мир инноваций. – 2024. – № 4. – С. 59 – 67.
6. Горячко, В. М. Индекс массы тела как один из важнейших показателей ЗОЖ студентов / В.М. Горячко, Г. Н. Попкович // Современные проблемы формирования здорового образа жизни студенческой молодежи : материалы II Международной научно-практической интернет-конференции, 10 – 12 апреля 2019 г., Минск, Беларусь / БГУ, Фак. социокультурных коммуникаций, Каф. экологии человека ; [редкол.: И. В. Пантюк (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2019 г. – С. 236 – 241.
7. Гамза, Н. А. Спортивная медицина: учебно-методическое пособие / Н. А. Гамза, Г. Г. Тернова; Министерство спорта и туризма Республики Беларусь, Белорусский государственный университет физической культуры. – Минск: БГУФК, 2019. – 123 с.

УДК 796.015.686

ОЦЕНКА УРОВНЯ РАБОТОСПОСОБНОСТИ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ СТУДЕНТОВ ПРИ ФИЗИЧЕСКОЙ НАГРУЗКЕ

Д. С. ЦАРЬКОВА, Ю. А. ИВАНЬКО

(Представлено: канд. биол. наук, доц. Н. И. АПРАСЮХИНА)

Проведено исследование уровня работоспособности сердечно-сосудистой системы студентов спортивных специальностей при физической нагрузке. Для оценки уровня работоспособности использовали пробу Руфье. Анализ результатов исследования показал, что большинство студентов имеют хороший уровень работоспособности и адаптационных возможностей сердечно-сосудистой системы.

Физическая подготовленность и здоровье студентов играют ключевую роль в их учебной деятельности и общем качестве жизни. В последние десятилетия наблюдается значительное снижение физической активности студентов, что связано с увеличением учебной нагрузки, распространением цифровых технологий и изменениями в образе жизни. Это приводит к ухудшению состояния их здоровья, снижению физической подготовленности и работоспособности, что негативно сказывается на учебной деятельности и общем благополучии студентов.

Работоспособность определяется как совокупность потенциальных возможностей и резервов организма по воспроизведению за определенный промежуток времени умственной и физической работы. Работоспособность зависит от ряда факторов: от состояния здоровья в целом, уровня физического, умственного развития и тренированности, степени адаптации организма к физическому и умственному труду [1].

Общий уровень работоспособности (в целом, как физической, так и умственной) напрямую связан и детерминирован одним из важнейших физических качеств, таким как выносливость. Выносливость выражается в способности организма противостоять физическому утомлению в процессе мышечной деятельности. Выносливость выступает в качестве комплекса потенциальных возможностей организма выполнять какую-либо деятельность без снижения её эффективности [1].

Было проведено исследование уровня работоспособности и выносливости сердечно-сосудистой системы студентов спортивных специальностей при физических нагрузках.

Одной из наиболее информативных и часто используемых в практике тестирования в спорте и физическом воспитании функциональных проб, входящей в состав комплексной оценки уровня работоспособности, является проба Руфье [2]. Данная проба даёт возможность оценить уровень адаптационных резервов и функциональной работоспособности сердечно-сосудистой системы с применением одномоментной дозированной физической нагрузки, используя значения ЧСС в различное время восстановления после физической работы. Изменение ЧСС обеспечивает адаптацию системы кровообращения к потребностям организма и условиям внешней среды.

Прирост ЧСС подвержен линейной зависимости: чем сердце больше адаптировано к нагрузке, тем меньше тахикардия после нее и наоборот. Отсюда можно показать обратную связь между индексом Руфье и работоспособностью: чем выше индекс Руфье, тем хуже адаптационные возможности сердечно-сосудистой системы. Высокая работоспособность служит показателем стабильного здоровья, низкие ее значения рассматриваются как фактор риска для здоровья.

Как правило, высокая физическая работоспособность связана с большей двигательной активностью и более низкой заболеваемостью, в том числе и сердечно-сосудистой системы. В результате мышечных тренировок происходит значительное урежение ЧСС, увеличивается сократительная мощность сердечной мышцы [3].

Проба Руфье позволяет оценить один из компонентов работоспособности – производительность сердца при физической нагрузке и реакцию сердечно-сосудистой системы на нагрузку [2].

Физическая работоспособность зависит от физической подготовленности, но также является количественной характеристикой, отражающей, как организм справляется с нагрузкой.

Результаты исследования. В исследовании приняли участие 69 студентов: 32 девушки и 37 юношей.

Проведение пробы Руфье [4, 5].

Проба проводится после 5 минут отдыха. Измеряют пульс в покое в положении сидя в течение 15 с (ЧСС₁). Далее исследуемый выполняет 30 глубоких приседаний за 45 секунд, после чего он садится, и затем у него повторно определяют ЧСС в течение первых 15 секунд (ЧСС₂) и в течение последних 15 секунд первой минуты восстановительного периода (ЧСС₃).

Индекс Руфье (IP) рассчитывается по следующей формуле:

$$IP = (4 \times (ЧСС_1 + ЧСС_2 + ЧСС_3) - 200) / 10$$

Интерпретацию результатов пробы Руфье проводили по таблице.

Таблица – Оценка функциональных резервов сердца [6]

Оценка функциональных резервов сердца	Значение индекса Руфье
Атлетическое сердце	0 и <
Сердце среднего человека:	
– очень хорошо	0,1 – 5,0
– хорошо	5,1 – 10,0
Сердечная недостаточность:	
– средней степени	10,1 – 15,0
– высокой степени	15,1 – 20,0

Некоторые авторы результаты пробы Руфье интерпретируют следующим образом (по А. И. Пу-
стоzerову, А. Г. Гостеву, 2008): менее 0 – атлетическое сердце; 0,1 – 5 – «отлично»; 5,1 – 10 – «хорошо»;
10,1 – 15,0 – «удовлетворительно»; 15,1 – 20 – «плохо» [2].

Оценка пробы Руфье

Первый уровень – Атлетическое сердце – индекс 0 и менее.

Атлетическое (спортивное) сердце часто встречается у тренированных спортсменов, тренирую-
щихся, в первую очередь, на выносливость, и в тяжёлой атлетике.

Уровень работоспособности и физической подготовленности высокий. Характерна достаточность
функциональных систем.

Количество студентов с высоким уровнем работоспособности и подготовленности – 8 (11,59%).

Второй уровень (очень хороший, «отлично») – индекс 0,1 – 5. Уровень работоспособности
и адаптационные возможности сердечно-сосудистой системы выше среднего.

Количество студентов с этим уровнем работоспособности и подготовленности – 24 (34,78%).

Третий уровень (хороший) – индекс 5,1 – 10. Функциональные системы работают удовлетвори-
тельно. Уровень работоспособности и адаптационные возможности сердечно-сосудистой системы
хорошие.

Рекомендации: Активизация двигательной активности. Мотивация к занятиям физическими
упражнениями.

Количество студентов с этим уровнем работоспособности и подготовленности – 30 (43,48%).

Четвертый уровень (плохой, «удовлетворительно») – индекс 10,1 – 15. Сердечная недостаточ-
ность средней степени тяжести. Пониженный уровень функционирования систем организма. Уровень
работоспособности и адаптационные возможности сердечно-сосудистой системы низкие. Возможны от-
клонения в физическом развитии.

Рекомендации: Оздоровительные мероприятия, повышение двигательной активности. Мотивация
к занятиям физическими упражнениями.

Количество студентов с этим уровнем работоспособности и подготовленности – 7 (10,15%).

Пятый уровень (очень плохой) – индекс > 15. Сердечная недостаточность высокой степени тя-
жести. Резко сниженные возможности функциональных систем, что не позволяет успешно адаптировать-
ся к изменениям внешней среды. Уровень работоспособности и адаптационные возможности сердечно-
сосудистой системы очень низкие. Часто встречаются отклонения в физическом развитии, заболевания.

Рекомендации: Оздоровительные мероприятия. Повышение двигательной активности на занятиях
физической культурой, самостоятельные занятия физическими упражнениями. Мотивация к занятиям
физическими упражнениями.

Студентов с этим уровнем работоспособности и подготовленности не выявлено.

Анализ уровня работоспособности студентов **в зависимости от пола** показал следующие резуль-
таты:

Хороший уровень работоспособности выше у юношей: у 17 юношей (45,95%) против 13 девушек
(40,63%).

Уровень работоспособности «выше среднего» также выше у юношей: у 15 юношей (40,54%)
по сравнению с 9 девушками (28,12%).

Высокий уровень работоспособности представлен в большей степени у девушек: у 5 девушек
(15,62%) против 3 юношей (8,11%).

Низкий уровень работоспособности, свидетельствующий о снижении функциональных возможно-
стей организма, также выше среди девушек: у 5 девушек (15,63%) по сравнению с 2 юношами (5,4%).

Выводы. Результаты анализа пробы Руфье показали, что среди студентов, участвовавших в исследовании, 30 человек (43,48%) продемонстрировали хороший уровень работоспособности сердечно-сосудистой системы. 24 студента (34,78%) имеют уровень выше среднего (очень хороший), 8 студентов (11,59%) обладают высоким уровнем работоспособности, тогда как у 7 студентов (10,13%) отмечается низкий уровень работоспособности. Студентов с очень низким уровнем работоспособности не выявлено.

Материалы данного исследования могут быть использованы в процессе физического воспитания. Известно, что *одним из важнейших принципов физического воспитания является принцип соответствия объема и характера физических нагрузок возрастнo-половым функциональным возможностям и особенностям организма занимающихся*. Этот принцип предполагает в процессе физического воспитания строгий учет возрастных и половых особенностей, состояния здоровья и уровня физической подготовленности, а также индивидуальных различий в физических и психических способностях занимающихся [7].

А индекс Руфье как раз позволяет определить, как организм студентов справляется с нагрузкой, что очень важно знать педагогу, чтобы планировать и регулировать функциональные физические нагрузки учащихся в процессе выполнения физических упражнений в соответствии с их функциональными особенностями и возможностями, состоянием здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Физиология человека : учебник / под ред. Н. А. Агаджаняна, В. И. Циркина. – 4-е изд. – М. : Медицинская книга, 2003. – 528 с.].
2. Серикова, Ю. Н. Оценка уровня работоспособности сердца студентов по показателю «Проба Руфье» / Ю. Н. Серикова [и др.] // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2020. – № 11 (189). – С. 457 – 462.
3. Мальцев Д. Н., Векшина Е. В. Диагностическое значение пробы Руфье // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. – 2019. – № 5 (16). – С. 113 – 120.
4. Врачебно-педагогические наблюдения и тестирование в физической культуре и спорте: учеб.-метод. пособие / сост. Л. А. Артишевская. – Минск : БГПУ, 2007. – 80 с.
5. Гамза, Н. А. Спортивная медицина: учебно-методическое пособие / Н. А. Гамза, Г. Г. Тернова; Министерство спорта и туризма Республики Беларусь, Белорусский государственный университет физической культуры. – Минск : БГУФК, 2019. – 123 с.
6. Дегтяренко, Т. В. Медико-педагогический контроль в физическом воспитании и спорте: учебник для студентов высших учебных заведений / Т. В. Дегтяренко, Е. В. Долгийер. – Одесса : Атлант ВОИ СОИУ, 2018. – 282 с.
7. Апрасюхина, Н. И. Гигиена: учебное пособие / Н. И. Апрасюхина. – Минск : РИВШ, 2021. – 420 с.

ЛИНГВИСТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 811.112.2

НЕОЛОГИЗМЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ЯЗЫК ИНТЕРНЕТА
И IT-ИНДУСТРИИ

А. В. АНАЦКО

(Представлено: И. В. ЛОГВИНОВА)

Статья посвящена исследованию неологизмов в области интернет-технологий и цифровых коммуникаций, возникших в немецком языке на протяжении 1990-х – 2010-х гг.. Неологизмы рассматриваются как маркеры языковых изменений, отражающие технологические и культурные трансформации. Анализируются различные подходы к классификации неологизмов. Исследуются заимствования и семантические неологизмы указанного периода. Уделяется внимание влиянию на формирование новых лексических единиц таких явлений, как цифровизация и глобализация, описывается роль неологизмов в адаптации языка к изменяющимся коммуникативным условиям. Делается вывод о значимости неологизмов как инструмента развития языковой системы.

Ключевые слова: неологизмы, семантические изменения, заимствования.

Abstract. The article is devoted to the study of neologisms in the field of Internet technologies and digital communications that emerged in the German language during the 1990s - 2010s. Neologisms are considered as markers of language changes, reflecting technological and cultural transformations. Various approaches to the classification of neologisms are analyzed. Borrowings and semantic neologisms of the specified period are studied. Attention is paid to the influence of such phenomena as digitalization and globalization on the formation of new lexical units, the role of neologisms in the adaptation of language to changing communicative conditions is described. A conclusion is made about the significance of neologisms as a tool for the development of the language system.

Keywords: neologisms, semantic changes, borrowings.

Каждая языковая система обладает уникальной структурой и рассматривается как самостоятельный объект теоретической лингвистики. Однако язык не существует в изоляции от своих носителей – людей. Появление новых слов связано с человеческой деятельностью, а также с межкультурными взаимодействиями, в процессе которых заимствования адаптируются в родном языке. Появление неологизмов – это прямое свидетельство языковых изменений, фиксирующее новые реалии и трансформации в обществе. Как отмечает С. И. Алаторцева, «неологизмы, являясь важной частью лексической динамики языка, выступают как маркеры изменений в общественном сознании и социальном контексте. Они служат не только отражением технологических и культурных трансформаций, но и индикаторами адаптации языка к новым реальностям и коммуникационным потребностям» [1].

Исследованию неологизмов посвящены работы многих лингвистов. Интерес представляют такие вопросы, как лексические изменения и их причины (Т. О. Анохина) [2], классификация неологизмов (Е.И. Михеева) [3], лексикографические особенности новых слов (М. Кинне) [4] и другие. Современные исследования рассматривают роль глобализации и технологий в обогащении словарного запаса языка (Ю.А. Мельник) [5].

Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю, неологизмами являются «слова, значения или сочетания слов, появившиеся в определенный период в языке или использованные один раз в тексте или акте речи» [6]. Термин «неологизм» был введен в язык в XVIII веке, в 1755 году, во французском языке, а затем заимствован в английский, где стал обозначать как новые слова, так и инновации в употреблении языка. Этимология слова «неологизм» восходит к древнегреческим словам «neos» (новый) и «logos» (слово), что подчеркивает, что речь идет именно о новых языковых единицах.

Е.В. Розен предлагает руководствоваться следующими критериями для оценки лексических инноваций и идентификации неологизмов в немецком языке:

- а) большое количество регистраций;
- б) разнообразие источников и жанров, в которых зафиксировано слово;
- в) независимость номинации;
- г) наличие словообразовательных дериватов разного рода, возможных употреблений (образных, метонимических, разложений внутренней формы, грамматических), свидетельствующих об освоенности инновации языковым сознанием [7].

Существует несколько классификаций неологизмов. Так, Р. Клаппенбах и В. Штайниц выделяют заимствованные или искусственно созданные слова (*Computer, Cartoon*); новообразования – слова, созданные из уже существующих лексем и аффиксов в новых комбинациях (*Farbfernsehnetz, Fotomodell, Hitparade*); семантические неологизмы – слова, приобретшие новые значения (*Hexe* – подъемное устройство; *Mixer* – специалист, смешивающий звуки) [8].

Немецкие лингвисты выделяют следующие категории неологизмов:

1. Новые лексемы, которые обладают новым содержанием, формой и значением и дают наименования новым явлениям объективной реальности. Они могут возникать в результате научных открытий, культурных изменений или заимствований из других языков, отражая современные реалии (*Selfie, Hashtag*).

2. Новые формативы – новые обозначения, представляющие собой новый звуковой комплекс для предметов, уже имеющих названия, например, *Raumpflegerin* вместо *Reinemachefrau*. Они расширяют синонимические ряды.

3. Новые семемы – новые значения, появляющиеся у уже существующих в языке слов под воздействием изменений в обществе, культуре, науке или технике (*Mauer* – в значении «Берлинская стена», ставшая символом разделения Германии) [9].

Материалом нашего исследования послужили более 300 неологизмов в области интернет-технологий и цифровых коммуникаций, возникшие в период с 1990-х по 2010-е годы и зафиксированные в словаре неологизмов немецкого языка на лексикографическом онлайн-портале института немецкого языка в Мангейме [10]. Среди них количество новых лексем значительно превышает количество новых значений (около 80% и 10% соответственно).

1990-е годы характеризуются бурным развитием интернета и компьютерных технологий, что обусловило появление новых лексем, связанных с данной сферой деятельности. Приведем некоторые примеры:

а) *WWW (World Wide Web)* – заимствование из английского языка, обозначающее глобальную систему, обеспечивающую доступ к взаимосвязанным документам посредством Интернета;

б) *virtuell* – прилагательное (англ.), которое широко используется для описания технологий виртуальной реальности, таких как виртуальные среды или интерфейсы;

в) *online* – прилагательное или наречие (англ.) в значении «находящийся в сети»;

г) *offline* – прилагательное или наречие (англ.), означающее статус пользователя «не в сети»;

д) *updaten* – глагол, образованный от английского *to update*, расширивший свое значения от «обновления ПО» до описания любых действий, связанных с обновлением;

е) *chatten* – глагол от английского *to chat*, означающий общение в режиме реального времени через Интернет;

ж) *emailen* – глагол, образованный от английского *electronic mail*, который обозначает отправку электронных писем;

з) *der Spam* – существительное, заимствованное из английского, которое обозначает нежелательные или массовые рекламные сообщения, отправляемые по электронной почте или в других цифровых каналах;

и) *der MP3-Player* – существительное, заимствованное из английского, обозначающее портативное устройство для проигрывания музыки в формате MP3.

2000-е годы отмечены активным развитием мобильных технологий, повсеместным использованием интернета и цифровой трансформацией, что отразилось на лексическом составе языка. В этот период возникли, например, следующие неологизмы:

а) *chippen* – от английского *to chip* «вставлять чип, внедрять»;

б) *RFID* – аббревиатура от *Radio-Frequency Identification*, является техническим термином, обозначающим технологию;

в) *nano-* – префикс, обозначающий микроскопические масштабы, часто используется в сложных словах (например, *Nanotechnologie*);

г) *viral* – прилагательное, заимствованное из английского языка, описывающее явления, которые быстро распространяются, например, вирусный контент в интернете;

д) *die Cloud* – существительное, заимствованное из английского языка, обозначает облачное хранилище;

е) *die Generation Facebook* – фразеологизм, обозначающий возрастную группу молодых людей, для которых Интернет и, в частности, общение через социальные сети являются само собой разумеющимся;

ж) *der Hotspot* – существительное, заимствованное из английского языка, обозначающее точку доступа;

з) *WLAN* – аббревиатура от *Wireless Local Area Network*, обозначающая стандарт беспроводной связи.

Для 2010-х годов характерно развитие социальных сетей, интернет-культуры и мобильных приложений. Приведем примеры неологизмов, зафиксированных в данный период:

- а) *viral gehen* – «становиться распространяющимся в интернете»;
- б) *Katwarn* – система предупреждения о катастрофах (сокращение слов «*Katastrophe*» и «*Warnung*»);
- в) *der Digitalgipfel* – ежегодный конгресс в Германии, где представители общества, бизнеса, политики и науки собираются для развития цифровизации;
- г) *die Kachel* – изначально обозначало плитку как строительный или отделочный материал для стен и полов, позднее существительное приобрело обозначение «плиток» на экране, отображающих информацию или доступ к приложениям;
- д) *stille SMS* – беззвучные смс-сообщения (от англ. *silent SMS*);
- е) *die Bezahlshranke* – барьер в виде ограничения доступа к платному контенту;
- ж) *der Youtuber* – ютубер, блогер платформы Ютуб;
- з) *der Flugmodus* – специальный режим на мобильных устройствах, который отключает все беспроводные соединения для безопасного использования устройств в полете.

Среди семантических неологизмов выявлены следующие виды изменения лексического значения слова.

1. Метафоризация – процесс переноса значения слова на основе сходства или аналогии между двумя объектами или явлениями, например:

- *die Adresse*: изначально обозначало физический адрес, но в современном контексте стало включать электронные адреса, например, E-mail или URL;
- *brennen*: означает процесс горения, но метафорически используется для обозначения записи данных на диск (сходство процесса);
- *das Netz*: первоначально обозначало физическую сеть (рыболовную или техническую), но стало метафорой для обозначения сети Интернет;
- *die Seite*: первоначально означало физическую страницу книги, а теперь применяется к веб-страницам;
- *die Wolke*: изначально облако в небе (природное явление), в настоящий момент означает «облачные технологии» или «облачное хранилище».

2. Метонимизация – процесс переноса значения слова на основе смежности или функциональной связи между объектами, например:

- *die Computeruhr* (компьютерные часы): отражает метонимическую связь между часами как устройством и компьютером, подчеркивая их функциональное единство в умных гаджетах;
- *die Registerkarte* (вкладка в браузере): термин заимствует значение из физических реестров или картотек, которые ранее использовались для систематизации, и переносит его на цифровую сферу;
- *die Bezahlshranke* (платёжная стена): исходное значение *Schranke* (барьер, ограждение) перенесено на барьер в виде ограничения доступа к платному контенту, что отражает функциональную метонимическую связь.

3. Генерализация – расширение значения слова, при котором оно начинает обозначать более широкий круг понятий. Генерализация позволяет применять слово в более универсальном контексте. К примеру, существительное *das Update* изначально обозначало обновление программного обеспечения, но в современном контексте с легкостью применяется к обновлению информации, статусов, данных и даже социальных медиа. Что касается глагола *updaten*, то он стал универсальным термином для описания любых действий, связанных с обновлением.

Метафоризация является наиболее распространённым типом семантического изменения, составляя 67% от всех случаев изменения значения, метонимизация составляет 20%, генерализация – 13%.

Среди неологизмов выявлены такие виды заимствований, как заимствованные слова, заимствованные значения и кальки. Заимствованное слово – это слово, заимствованное из другого языка, но адаптированное фонетически и орфографически под нормы немецкого языка, например, *das Update*. Заимствованное значение – это процесс, при котором немецкое слово начинает употребляться в новом значении, заимствованном из другого языка, но сохраняет свою прежнюю форму, например, *das Aufpoppen*. Изначально глагол *poppen* означал «всплывать» в физическом смысле. Однако в современном языке он стал использоваться в значении «всплывать» или «появляться» в контексте информации или объектов в виртуальном пространстве, например, «*Fenster poppen auf*» – «окна всплывают». Калька – это перевод заимствованного слова, например, существительное *der Biodrucker* является калькой английского *bioprinter* и обозначает 3D-принтер, производящий ткани из клеток (биопринтер).

Некоторые неологизмы представляют собой псевдоанглицизмы – слова, которые выглядят как заимствования из английского языка, но на самом деле являются искусственно созданными и не имеют

аналогов в английском языке, например, *das Handy* (мобильный телефон). Псевдоанглицизмы часто используются в маркетинге и рекламе для привлечения внимания.

Наибольшее распространение среди типов заимствований в исследованном материале имеют заимствованные значения (50%). Доля заимствованных слов составляет 30%. Псевдоанглицизмы и кальки встречаются реже, составляя 20%.

Анализ лексико-тематической группы неологизмов «Информационные технологии» в немецком языке подчеркивает значительное влияние глобализации и цифровизации на развитие языка. Неологизмы становятся неотъемлемой частью повседневной речи, что свидетельствует о процессе интеграции новых понятий и терминов в лексический запас немецкого языка. Этот процесс не только обогащает язык, но и демонстрирует его адаптивность и способность быстро реагировать на изменения в окружающем мире, делая его актуальным инструментом для общения в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алаторцева С. И. Проблемы неологии и русская неография : автореферат дис. доктора филологических наук : 10.02.01 / С. И. Алаторцева – СПб.: РАН, Ин-т лингв. исследований, 1999. – 40 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://irbis.gnpbu.ru/Aref_1999/Alatotseva_S_I_1999.pdf. – Дата доступа: 17.03.2025.
2. Анохина Т. О. Неологизмы в современных немецких интернет-ресурсах // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 691-695. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-koncept.ru/2016/96048.htm>. – Дата доступа: 17.03.2025.
3. Михеева Е. И. К вопросу классификации неологизмов в современном немецком языке // Теория языка и межкультурная коммуникация: электронный научный журнал. – 2007. – №1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tl-ic.kursksu.ru/search-results>. – Дата доступа: 17.03.2025.
4. Kinne M. Neologismus und Neologismenlexikographie im Deutschen // Deutsche Sprache. – 1996. – №4. – S. 327-358. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LAdQd>. – Дата доступа: 17.03.2025.
5. Мельник Ю. А., Штехман Е. А. К вопросу о статусе неологизма в современной лингвистике // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №2-1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21100>. – Дата доступа: 17.03.2025.
6. Котелова Н. З. Неологизмы // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tapemark.narod.ru/les/331b.html>. – Дата доступа: 17.03.2025.
7. Розен Е. В. На пороге 21 века. Новые слова и словосочетания в немецком языке / Е. В. Розен. – М.: Издательство «Менеджер», 2000. – 192 с.
8. Олышанский И. Г. Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache : учеб. пособие для студентов лингвистических факультетов высших учебных заведений / И. Г. Олышанский, А. Е. Гусева. – М. : Издат. центр «Академия», 2005. – 416 с.
9. Herberg D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen / D. Herberg, M. Kinne, D. Steffens. – Berlin / New York : W. de Gruyter, 2004. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9783110902273_A20301573/preview-9783110902273_A20301573.pdf. – Дата доступа: 17.03.2025.
10. Лексикографический веб-портал OWID (Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.owid.de/>. – Дата доступа: 17.03.2025.

УДК: 811.11

ЭВФИМИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ФУНКЦИИ И РОЛЬ В КОММУНИКАЦИИ**М. П. БЕДУНЬКО****(Представлено: Н. Я. ФЕДОРОВИЧ)**

В данной статье рассматривается роль эвфемизмов в межличностной и социальной коммуникации. Статья анализирует различные виды эвфемизмов, их функции и влияние на восприятие информации. В заключении подчеркивается важность использования эвфемизмов для эффективной коммуникации.

Изучение эвфемизмов представляет собой важный аспект лингвистики и коммуникации, поскольку они играют значительную роль в формировании социального взаимодействия. Эвфемизмы помогают смягчить жесткие или неприятные выражения, что позволяет избежать конфликтов и сохранить гармонию в общении. В условиях глобализации и культурного разнообразия, понимание эвфемизмов становится особенно актуальным для эффективного межкультурного общения.

Изучение эвфемизмов важно по нескольким причинам. Во-первых, эвфемизмы помогают избежать конфликтов и недопонимания в общении, особенно в многоязычных и многокультурных обществах. Во-вторых, они отражают культурные нормы и ценности, позволяя лучше понять мышление и восприятие различных сообществ. В условиях глобализации и увеличения межкультурных взаимодействий знание эвфемизмов становится необходимым для эффективного общения, так как неправильное использование или интерпретация эвфемизмов может привести к серьезным недоразумениям. Наконец, изучение эвфемизмов способствует развитию навыков критического мышления и анализа языка, что является важным аспектом в области лингвистики и социолингвистики.

Целью данного исследования является систематизация научных представлений о функциях и роли эвфемизмов в межкультурной коммуникации и их влияние на восприятие информации. В соответствии с обозначенной целью, были поставлены следующие задачи: изучить исторический контекст появления эвфемизмов, уточнить характеристики понятия «эвфемизм», описать основные функции эвфемизмов, исследовать примеры эвфемистической лексики в английском языке и культуре.

Слово издавна воспринималось человеком как мощное орудие воздействия. В древности словам приписывали магические свойства, в связи с чем некоторых выражений было принято избегать. По истечению времени это суеверие практически полностью кануло в небытие, однако и в наши дни существует замена неприятных или неподходящих контексту ситуации слов, которая возникает в человеческой речи по разным причинам и с разными целями.

Явление эвфемизации начало привлекать внимание российских, белорусских и зарубежных лингвистов ориентировочно с последнего десятилетия XX века. До этого эвфемизмы исследовались лишь поверхностно: авторы многих советских учебников по лингвистике ограничивались в лучшем случае упоминанием о существовании данного явления.

В англоязычных странах публикуются целые словари эвфемизмов, содержащие наиболее распространенные эвфемистические выражения с примерами в контексте, помогающие людям в выборе «смягченных» обозначений тех или иных понятий. Например, в качестве научно-теоретической базы для написания курсовой работы был привлечен словарь Хью Роусона (Hugh Rawson).

В большом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой эвфемизмы определяются как «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов и выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными». Автор также утверждает, что слово «эвфемизм» происходит от греческого «euphemismos» (eu – хорошо и phemi – говорю) [1, с.570]. В словаре лингвистических терминов под авторством Т.В.Матвеевой отмечается, что «эвфемизация – сугубо культурное явление, использование эвфемизмов диктуется не собственно языковыми и не эстетическими, а этическими причинами» [2, с.417].

Согласно А. И. Гальперину «Эвфемизмы — это слова и словосочетания, появляющиеся в языке для обозначения понятий, которые уже имеют названия, но считаются почему-либо неприятными, грубыми, неприличными или низкими. Они находятся в словарном составе языка и являются синонимами слов, ранее обозначавших эти понятия» [3, с. 237].

В аспекте межкультурной коммуникации мы будем пользоваться формулировкой исследователя эвфемизмов Л. П. Крысина, который утверждает, что эвфемистическая замена используется в стремлении избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта [4, с.274].

Также, одним из активно обсуждаемых вопросов в современной научной литературе является целевой аспект использования эвфемизмов. Л. П. Крысин выделяет 3 основные функции использования

эвфемизмов: 1) смягчение грубого и неприятного для говорящего; 2) маскировка действительности, камуфляж; 3) сокрытие действительности. [4, с.278]

Исследователи отмечают, что в последнее время формируется и новая функция эвфемизации речи — приукрашивание некоторых моментов действительности. Следовательно, ученые в разные периоды обращались к проблеме классификации эвфемизмов. В своих работах они представляли свою точку зрения на возможности дифференцировать эвфемизмы, объединить их в классификациях, построенных на конкретных основаниях. Сравнивая классификации, можно увидеть, как общность, так и расхождение позиций. Например, таких исследователей, как Б. А. Ларин, Л. П. Крысин, В. П. Москвин и Е. П. Сеничкина объединяет то, что в своих работах они раскрывают основную причину использования эвфемизмов — стремление к комфортной коммуникации. Существующие современные классификации эвфемизмов по сферам употребления подразделяют эвфемизмы на стилистические (Б. А. Ларин и В. П. Москвин) и тематические (Л. П. Крысин). Существуют также классификации эвфемизмов по целям употребления — «понятийно-мотивационные» (Н. М. Бердова), и классификации, в основе которых лежит прагматический критерий (В. В. Панин).

Одна из наиболее гармоничных лингвистических классификаций принадлежит Л.П. Крысину, который рассматривает следующие темы, подлежащие эвфемизации: темы и сферы, связанные с личной, в частности интимной, жизнью людей: отдельные процессы и состояния, связанные с физиологией человека; части человеческого тела; взаимоотношения между представителями женского и мужского пола; темы неизлечимых болезней и смерти; темы и сферы эвфемизации, ориентированные на социальную жизнь человека: социальные и межличностные отношения, нацеленные на устранение коммуникативных неудач, использование этикетных формул обращения друг к другу; сфера дипломатии; темы, связанные с репрессивными действиями власти, государственными и военными тайнами и секретами, к числу которых автор относит производство оружия, стратегических видов техники, состав учреждений, связанных с этим производством, профиль работы данных учреждений, объекты, продукты, изделия, производимые ими; сферы деятельности армии, внутренней и внешней разведки, полиции, уголовного розыска и др. структур власти, действия которых не должны быть явными; сферы распределения товаров и обслуживания населения; сфера отношений между различными этносами и социальными группами; некоторые обозначения профессий, эвфемистические наименования которых имеют целью придать статус этим профессиям, повысить их престиж.

В нашем теоретическом исследовании мы подобрали примеры из литературных источников для классификационной схемы эвфемистических единиц, в которую включено одиннадцать обширных понятийных групп, которые подвергаются эвфемизации:

1) наименования физиологических процессов и состояний: беременности, родов, рождения детей, насморка, отравлений. Например, *pregnant* (беременная – *expecting a baby, in a delicate condition, in a certain position, bagged*);

2) обозначения частей тела, связанных с «телесным низом»: мужских и женских органов (половые органы – *apparatus, nether parts, bits, down there*; мужские – *lady-wear*, женские – *gate of life*; *popa-buttocks/bum*);

3) наименования половых отношений и действий, им сопутствующих: интимных связей, проституции, любовных отношений, наложничества, нестандартных брачных отношений, противоречащих общественной морали определенных хронотопов, сводничества, супружеской измены, гомосексуализма, лесбиянства, онанизма, порнографии, разврата. Тема сексуальных отношений все еще табуирована во многих ситуациях, поэтому в случае обсуждения данной темы рекомендуется употреблять следующие эвфемизмы: *the birds and the bees, to have relations, to get intimate, to make love* [5, с. 180];

4) названия болезней и объектов, действий, ритуалов, связанных со смертью: душевных и физических болезней, пристрастия к алкоголизму и наркомании, проявления склонности к курению, умственной отсталости, недугов, телесных повреждений, физических дефектов, смерти, мест захоронения, самоубийства, учреждений для больных. Об умершем человеке не принято говорить *died* (умер), лучше заменить на *passed away*. *Unfortunately my acquaintance passed away last week*. (К сожалению, мой знакомый умер на прошлой неделе). Когда мы говорим о людях с ограниченными возможностями, то не упоминаем *physical disability* / инвалидность и тем более слово *cripples* / калеки, а называем их *physically challenged* / с другими физическими возможностями;

5) обозначения отношений между людьми в быту, на работе в речевых ситуациях, характеризующихся такими противоречивыми особенностями, как проявление вежливости, деликатности, сквернословия, щепетильности, противоречий в семейных отношениях, форм обращения, отношений к занятиям человека, оценки его деятельности, возраста, оценки внешности, отношения к хвастовству, гордыне и т.п., отношения к поступкам, каким-либо действиям, оценки поведения человека, различных ситуаций. В англоязычном обществе, также как и в русскоязычном, существует негласное правило, что женщину спрашивать о возрасте является неуместным и невежливым. В случаях, когда уйти от ответа невозможно,

лучше употребить следующие слова: *mature* (пожилой), *senior*, *advanced in years* (преклонного возраста), *a senior citizen*, *a retiree*;

6) наименования умственных и моральных дефектов: глупости, склонности к гневу, ссорам, лживости, жадности, скряжничества, жестокости, садизма, мазохизма, лени (лживость - "*creative with the truth*", жадность - "*financially conservative*", жестокость - "*lack of compassion*", лень - "*prefers a relaxed approach*");

7) обозначение ситуаций, связанных с наличием или отсутствием финансов: наименования бедности, богатства, денег, цен на товары, долгов, банковских операций, актов милосердия. Многие люди не желают афишировать свое финансовое положение, особенно если достаток человека ниже среднего: *to do well for oneself* (хорошо зарабатывать), *On Carey Street* (обанкротиться) *low income*, *economically disadvantaged*, *needy* (иметь низкий доход);

8) эвфемизация названий проступков, преступлений, последствий, преступных группировок, силовых структур, выполняющих карательные функции: обозначений воровства, запрещенных азартных игр, грабежей, рэкета, тюрем, лагерей, вытрезвителей, сизо; органов милиции, полиции; названий драк, убийств, уничтожения, истребления чего-либо; преступных группировок, мафиозных структур; орудий убийства (воровство - "*taking without permission*", рэкет - "*protection services*", тюрьма - "*correctional facility*", милиция - "*public safety officers*");

9) наименования, используемые в сфере распределения и обслуживания: использование эвфемистических названий товара и его качества, характеристика спроса, дефицита ("Эконом-класс" вместо "дешёвый/низкокачественный", "премиальный сегмент" вместо "дорогой", "сезонный товар" вместо "непопулярный/залежавшийся", "временные ограничения поставок" вместо "дефицит", "оптимизация логистики" вместо "задержки поставок", "товар под заказ" вместо "отсутствует в наличии");

10) характеристика межнациональных отношений и отношений между социальными группами: последствий обострившихся национальных и социальных отношений в государстве, отношения к представителям другой нации, отношения к представителям других социальных групп и т.п. ("культурные различия" вместо "национальная вражда", "адаптационные трудности" вместо "отказ мигрантов интегрироваться", "проявления нетерпимости" вместо "расизм / ксенофобия", "социально незащищенные слои населения" вместо "бедные / нищие", "лица с особым статусом" вместо "бомжи / бездомные");

11) названия профессий, престиж которых может повыситься в результате процессов эвфемизации. Эвфемизмы, связанные с социальным статусом. Сюда можно отнести эвфемизмы названий профессий. Названия некоторых профессий лучше заменить толерантным вариантом: вместо '*trash man*' лучше сказать '*sanitation worker*', вместо '*prostitute*' – '*a woman of the streets*', '*call girl*', '*working girl*' [6].

Исходя из результатов проведенного исследования, можно сделать следующие выводы, что в современном мире, где взаимодействие между культурами становится все более актуальным, важность понимания языка и его нюансов трудно переоценить. Одним из таких нюансов являются эвфемизмы, которые играют значительную роль в межкультурной коммуникации, помогая избежать недопонимания и конфликтов, возникающих из-за различий в восприятии и интерпретации слов. Из-за недостаточной степени изученности явлений эвфемии выделяется несколько подходов к их теоретическому описанию. Наблюдается большое количество разных видов эвфемизмов и разнообразие выполняемых ими функций, что открывает потенциал изучения и использования эвфемистической лексики в межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл. ред. Ярцева В.Н., Большая Рос. энцикл. – 2002. – 707 с.
2. Матвеева, Т.В. Словарь лингвистических терминов/Т.В.Матвеева. – Феникс. – 2010. – 562 с.
3. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка/ И. Р. Гальперин. – Издательство литературы на иностранных языках. – 1958. – 459 с.
4. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи/ Л.П. Крысин. – Яз. славян. Культуры . – 2004. – С.262 – 286.
5. Holder, R. W. A Dictionary of Euphemisms, Oxford univ. press/ R. W. Holder – 1995. – 470 с.
6. Горошко, Е.И. Гендерная проблематика в языкознании, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> (дата обращения: 27.09.2025).

УДК 811.11-112

ПАРЕМИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Д. Н. ДЕНИСОВА

(Представлено: канд. пед. наук, доц. М. М. СИРОТКИНА)

В статье рассматриваются пословицы и поговорки как основные виды паремий, которые являются универсальными языковыми единицами и обладают грамматическими, семантическими и стилистическими признаками. Анализируются их функции, особенности языковой формы, образность, звуковая организация и трудности межъязыкового сопоставления, подчеркивающие культурную значимость паремий.

Паремии занимают важное место в культуре и языковой практике различных народов. Их можно назвать энциклопедией жизни народа, поскольку с помощью этих образных устойчивых единиц происходит передача культурного достояния между поколениями. Основа возникновения паремий – социальный опыт, острый ум, наблюдательность, а также художественные свойства и возможности языка. Пармиологический фонд любого языка позволяет реконструировать наиболее важные стереотипы массового национального сознания. Паремии отражают особенности интерперсональных отношений, социально-исторический контекст, материальную и духовную культуру социума.

Пословицы и поговорки являются двумя основными видами паремий. У лингвистов возникают проблемы в трактовке понятий «пословица» и «поговорка». В языкознании существуют три основных критерия разграничения пословиц и поговорок: семантический, структурный и структурно-семантический.

В лингвистике наблюдается устойчивое единство в трактовке понятий «пословица» и «поговорка». В различных словарях и энциклопедиях эти жанры фольклора описываются как образные, устойчивые выражения, однако между ними проводится чёткое функционально-семантическое различие. Так, в «Большом энциклопедическом словаре» пословица определяется как «афористически сжатое, грамматически и логически завершённое изречение, обладающее поучительным смыслом и ритмически организованной формой» [1 с. 956]. Это позволяет рассматривать её как законченную мысль, обобщающую жизненный опыт и выражающую народную мудрость. Поговорка, напротив, характеризуется как «меткое, образное выражение, не обладающее назидательным обобщением» [1, с. 956]. В ней отсутствует завершённость мысли, что делает её более гибкой и ситуативной по употреблению. В «Словаре лингвистических терминов» это различие уточняется: пословица представлена как «законченная фраза с назидательным смыслом и специфическим ритмико-фонетическим оформлением» [2, с. 302], тогда как поговорка — это «иносказательное выражение, синтаксически незавершённое, часто функционирующее как часть высказывания» [2, с. 302].

Таким образом, пословицы выделяются своей завершенностью, образовательным смыслом и ритмической организацией, тогда как поговорки более гибкие в структуре и метко отражают жизненные явления без назидательного содержания.

Современная фольклористика располагает довольно большим количеством разных по содержанию, структуре и объёму сборников пословиц и поговорок. Пристальный интерес лингвокультурологии к пословицам и поговоркам может быть объяснен тем, что паремии – это словесно выраженные «стереотипы народного сознания» [3 с. 43]. Кроме того, «в пословично-поговорочном фонде языка находят эксплицитное выражение предпочтения, связанные с ценностной доминантной культурой» [3 с. 56].

Исследование паремий сталкивается с терминологической неоднородностью, обусловленной различиями в научных парадигмах и целях анализа. Семиотический подход акцентирует внимание на символической функции паремий как маркеров типовых ситуаций. Формально-структурный взгляд выделяет их языковую клишированность и афористичность. Прагматическая трактовка фокусируется на регулятивной роли паремий в поведенческих моделях.

Для определения функций паремий как средств языка является необходимым определение функций языка вообще. Необходимо учесть, что в каждой определенной ситуации употребление паремий выполняет, как правило, не одну, а несколько функций. Первая функция языка соответствует референции, то есть содержанию сообщения. Эта функция называется коммуникативной, и она является основной для языка вообще. При наличии коммуникативного акта эта функция проявляется при абсолютно любых типах информации, соответствующих самым различным целям. Вторая функция языка – познавательная. Основным аспектом познавательной функции можно соотнести с поучительной функцией паремий, выделенной Г. Л. Пермяковым. По утверждению исследователя, «...все они обладают одним свойством – служить средством обучения каким-то нужным вещам» [4, с. 97]. Регулятивная функция, одна из ключе-

вых для пословиц, позволяет контролировать не только поведение, но и сознание. С регулятивной функцией языка можно сопоставить две функции паремий, выделенные Г. Л. Пермяковым: моделирующую и прогностическую. Как отмечает исследователь, паремии, выполняющие моделирующую функцию, «...дают словесную модель (схему) той или иной жизненной ситуации» [4, с. 120]. Основная суть прогностической функции, по Г. Л. Пермякову, – в предсказании будущего. Часто само пословичное поучение строится по модели прогноза. В ситуациях, где обсуждаются будущие события или развитие настоящих, адресант часто предписывает с помощью пословиц тип поведения, приводящий к желаемому результату. Эмоционально-экспрессивная функция проявляется в том случае, если в высказывании прямо выражено отношение человека к тому, о чем он говорит, или к ситуации. В группе контекстов, в которых эта функция пословиц является доминирующей, паремийными текстами дается образная характеристика ситуации, объекта, субъекта, состояния. Эстетическая функция по Я. О. Якобсону связана с вниманием к сообщению ради самого сообщения. В речи пословица, выполняющая данную функцию, является не столько способом оценки, сколько самоцелью. Оценка производится, но она как бы играет роль подтверждения пословичного суждения. Пословица дается как обобщенный вывод, констатирующий надвременную закономерность.

Г. Л. Пермяков выделяет еще две функции паремий. Одна из них – развлекательная, которая свойственна паремиям всех типов, основной целью которой является привнесение в ситуацию комического смысла. Также исследователь выделил орнаментальную функцию, которая является основной для всех типов паремий, «...но ни у одного из типов она не является главенствующей и непрременной» [4, с. 134]. Цель данной функции – украшение речи, придание ей особого народного колорита, что часто встречается в передачах средств массовой информации, для разговорной речи она характерна в меньшей степени.

Таким образом, существует пять основных и три факультативных функций паремий. К основным функциям относят коммуникативную, познавательную, регулятивную, эмоционально-экспрессивную и орнаментальную. К факультативным – эстетическую, прогностическую и развлекательную функции.

Языковой рамкой, в которой функционирует пословица является предложение. Структура предложения фиксирована, а самая маленькая пословица состоит из двух элементов, как в «*Time flies*» и русском варианте «*Время летит*».

Одним из наиболее заметных грамматических маркеров пословиц является то, что они демонстрируют временную категорию, относящуюся к действию, которое может произойти в любое время. Это означает, что в пословицах «прошлое всегда будущее и всегда готово стать настоящим». Настоящее время – самое часто используемое грамматическое время. Это иллюстрируют следующие примеры английских пословиц «*A book holds a house of gold*», «*Honey catches more flies than vinegar*» и «*Opportunity seldom knocks twice*».

Еще одна особенность пословиц – их традиционные корни. А именно, в некоторых пословицах встречаются архаизмы или архаичные конструкции. Это можно увидеть в пословицах следующего типа «*Manners maketh man*» («*maketh*» – это устаревшая форма глагола «*make*»).

В большом количестве пословиц часто используется абстрактный субъект, что можно наблюдать, например, в пословице «*Truth never perishes*» и в русской версии пословицы «*Правда в огне не горит и в воде не тонет*». Пословицы в своей наиболее распространенной форме состоят из высказывания, состоящего из двух частей или четырех небольших элементов, как, например, следующие пословицы в английском языке «*Nothing venture/ nothing gain*», «*Out of sight, out of mind*», «*Talk is cheap, silence is golden*», «*Same meat, different gravy*».

Образность паремий базируется на таких стилистических приемах как метафора, метонимия и олицетворение. Одной из наиболее часто встречающихся семантических особенностей пословиц является использование метафорических приемов. А. Дейгнан определяет метафору как «слово или выражение, которое используется для того, чтобы говорить о сущности или качестве, отличным от обозначаемого его основным, или самым базовым значением» [5, р. 54]. Ее цель – перевести смысл предложения или пословицы с буквального на переносный. Существует изобилие как английских, так и русских пословиц, которые несут переносное значение, например, «*He говори gon, пока не перепрыгнешь*» и английский вариант пословицы с тем же подтекстом «*Don't count your chickens before they hatch*».

Р. Якобсон утверждает, что «метафора и метонимия – это два фундаментальных противоположных полюса передачи смысла» [6, р. 45]. По словам Д. Дж. Сэдлера, «метонимия – это использование одного слова для другого, а метафора – это использование слова в переносном значении. Метафорическое слово обычно используется вместо того, которое несет регулярный смысл» [7, р. 55]. В этом контексте пословицы, как устойчивые выражения народной мудрости, нередко опираются на метонимические механизмы, позволяющие передавать сложные идеи через конкретные образы. Так, пословица «*Rome was not built in a day*» и ее русский вариант «*Москва не сразу строилась*» являются иллюстрациями метонимии: название города выступает как замещающий элемент для более широкого понятия – дли-

тельного, кропотливого процесса созидания. Здесь город символизирует результат, а его упоминание вызывает в сознании представление о трудоемком пути к достижению цели.

Еще одна частая особенность пословиц – олицетворение. Эта фигура речи наделяет абстракции или неодушевленные предметы человеческими свойствами и качествами. Олицетворение часто встречается как в английских, так и в русских пословицах. Если рассмотреть английскую пословицу «*Actions speak louder than words*» и ее русский эквивалент «*Дела говорят громче слов*», то увидим, что фонема «действия» наделяется способностью говорить, что является человеческим качеством. Этот прием позволяет нам соотнести действия неодушевленных предметов с нашими чувствами.

Еще одна важная характеристика, которая преобладает в пословицах – это использование фонических средств или ритмических особенностей. К ним относятся рифма, аллитерация, ассонанс, повтор и т.д. Благодаря их использованию пословица становится более запоминающейся и понятной. Повторение похожего или одного и того же звука как минимум в двух словах можно найти в следующих пословицах: «*A fault confessed is half redressed*»; «*Loose lips sink big ships*». Эти примеры также показывают, что рифма преимущественно часто встречается на последних слогах.

Согласно Дж. Х. Янгу, аллитерация – это «повторение определенного звука в первых слогах ряда слов или фраз в предложении» [8, р. 21]. Это можно увидеть в пословице «*Рука руку моет, вор вора кроет*». Аллитерация более распространена в английских, чем в русских пословицах: «*Want of wit is worse than want of wealth*»; «*Money makes the mare go*» и «*Fortune favours fool*».

Таким образом, пословицы и поговорки являются двумя основными видами паремий. Пословица в данном исследовании определяется как фольклорный жанр, образное, грамматически и логически законченное изречение с поучительным смыслом, тогда как поговорка – оборот речи, метко определяющий какое-либо явление в жизни, и который лишен поучительного смысла. Существует пять основных и три факультативных функций паремий. К основным функциям относят коммуникативную, познавательную, регулятивную, эмоционально-экспрессивную и орнаментальную. К факультативным – эстетическую, прогностическую и развлекательную функции.

Паремии обладают рядом языковых особенностей, которые делают их универсальными вневременными единицами народной мудрости. Прежде всего они характеризуются вневременной категорией действия, что позволяет применять их к любым ситуациям независимо от конкретного временного контекста. Многие пословицы содержат архаичные элементы и конструкции, что подчеркивает их связь с культурным наследием. Чаще всего пословицы используют безличные или нейтральные субъекты в настоящем времени и третьем лице единственного числа, что способствует их обобщающему характеру. Использование абстрактных субъектов позволяет адаптировать эти выражения к самым разным жизненным обстоятельствам.

Образный потенциал паремий чаще всего выражается через такие стилистические приемы как метафора, метонимия и олицетворение. Метафора, являясь основным семантическим маркером, придает пословицам лаконичность и образность, позволяя в сжатой форме передавать глубокие смыслы и универсальные истины. Метонимия как другой важный стилистический прием, обогащает язык пословиц, создавая ассоциативные связи между понятиями и расширяя их смысловые границы. Особое место занимает олицетворение, которое, наделяя абстрактные понятия и неодушевленные предметы человеческими качествами, делает пословицы более выразительными и эмоционально-окрашенными. Эти стилистические приемы обеспечивают пословицам их основные коммуникативные функции: способность кратко и образно выражать народную мудрость, легко запоминаться и оставаться актуальными в различных культурных и временных контекстах.

Фонические и ритмические особенности паремий включают рифму, аллитерацию, ассонанс. Эти звуковые средства создают особый поэтический колорит, делая пословицы вокально выразительными. Ритмическая организация пословичного высказывания выполняет не только эстетическую функцию, но и смысловую, подчеркивая ключевые элементы содержания через эмфатическое выделение. Большинство пословиц – полисемантические. Они сочетают в себе не только буквальный, но и переносный смысл, что создает значительные трудности для их адекватной интерпретации и межъязыкового сопоставления.

ЛИТЕРАТУРА

1. БЭС – Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 1632 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 607 с.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

4. Пермяков, Г. Л. Английские пословицы / Г. Л. Пермяков. – М.: Просвещение, 1970. – С. 225
5. Deignan, A. Metaphor and Corpus Linguistic / A. Deignan. – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. – 329 p.
6. Jakobson, R. Fundamentals of language / R. Jakobson, M. Halle. – The Hague: Mouton, – 1956. – 108 p.
7. Sadler, D. J. Metaphor and Metonymy / D. J. Sadler // The Classic Journal. – 1980. – Vol. 76. – P. 50-87.
8. Yang, J. H. Simple analyses of rhetorical figures in English proverbs / J. H. Yang // Journal of Yuncheng University. – 2006. – Vol. 24. – P. 15-46.

УДК 811.111-26

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ВОЗРАСТ»
В АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Д. Н. ДЕНИСОВА

(Представлено: канд. пед. наук, доц. М. М. СИРОТКИНА)

В статье анализируется вербализация понятия «возраст» в английских паремиологических единицах. Основное внимание уделяется тому, как языковые средства – метафоры, сравнения, оценочные конструкции – передают отношение общества к разным периодам человеческой жизни.

Возраст как ключевая антропологическая категория находит свое отражение в языке через систему устойчивых выражений, пословиц и поговорок, которые аккумулируют коллективный опыт, культурные стереотипы и социальные нормы. Паремии, посвященные возрастным этапам, не только фиксируют восприятие времени жизни, но и формируют ценностные ориентиры, связанные с молодостью, зрелостью и старостью.

В центре исследования находятся когнитивные модели, лежащие в основе паремий (например, возраст как путь, угасание, накопление опыта), оценочные коннотации (позитивные, негативные или амбивалентные характеристики разных возрастных групп) и гендерная специфика (различия в описании мужчин и женщин).

Источником материала послужил «Оксфордский словарь пословиц» [1]. Данный словарь имеет тематическую организацию. Выражения, описывающие различные этапы жизни, были найдены в таких категориях как «Youth», «Time», «Wisdom», «Old Age». В ходе исследования был отобран корпус из 30 английских пословиц и поговорок по критерию культурной репрезентативности. Отобранный корпус паремиологических единиц был разделен на 4 группы в соответствии с выбранной ранее периодизацией возраста: 1-я группа – паремии, описывающие детский возраст (20 %); 2-я группа – паремии, описывающие юношеский возраст (30 %); 3-я группа – паремии, описывающие зрелый возраст (10 %); 4-я группа – паремии, описывающие старость (40 %). Методика исследования включала семантический и прагматический анализ паремий. В рамках семантического анализа рассматривались ключевые лексемы, связанные с возрастной тематикой, метафорические и метонимические механизмы. Прагматический аспект включал изучение коммуникативной функции паремий, их роли в формировании возрастных стереотипов и культурных сценариев. Для выявления межкультурных соответствий осуществлялся поиск русских эквивалентов. В качестве источника использовался сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа» [2]

В ходе исследования выяснилось, что в английской языковой картине мира четко прослеживается четырехчастная модель возрастной периодизации: детство – молодость – зрелость – старость.

В первой группе преобладают выражения, описывающие ранние этапы человеческой жизни. Паремии о детстве часто идеализируют этот период жизни, представляя его как время невинности и беззаботности. Например, выражение «*Childhood is the kingdom where nobody dies*» (рус. «Детство – золотая пора») использует метафору, сравнивая детство с волшебным королевством, где нет места смерти и горю. Детство характеризуется здесь через абстрактные понятия («*kingdom*»). Эта паремия отражает ностальгический взгляд на детство как на потерянный рай, что прослеживается в следующей цитате: «*Looking back at my early years, I truly understand why they say childhood is the kingdom where nobody dies – those were days of pure joy and endless possibilities*» [3]. Другая распространенная тема – противопоставление детских и взрослых проблем. Антитеза в выражении «*Little children, little sorrows; big children, great sorrows*» (рус. «Маленькие детки – маленькие бедки, большие детки – большие бедки») подчеркивает, что с возрастом трудности становятся серьезнее, как мы можем проследить в примере ниже: «*When my first child was born, I worried about scraped knees and lost toys; now that he's a teenager, I realize the truth of "little children, little sorrows; big children, great sorrows" as I face issues of heartbreaks*» [3].

Паремии о юности, составляющие вторую группу, чаще всего строятся на контрасте между энергией молодости и мудростью зрелости. Яркий пример – «*Youth is wasted on the young*» (рус. «Молодые – на битву, старые – на думу»), где используется парадокс для выражения идеи, что молодые люди не ценят свои лучшие годы. ТАК, СВЯЗКА... «*Watching my students skip classes and waste their time, I can't help but think that youth is truly wasted on the young – if only they realized how precious these years are*» [3]. Ироничное противопоставление молодости и старости проявляется в выражении «*Young folks think old folks to be fools*» (рус. «Молодой думает – как бы день прожить, старый – как бы век дотянуть»). Антитеза подчеркивает разницу в восприятии между поколениями: «*When my teenage daughter rolled her eyes at my advice, I remembered the saying "young folks think old folks to be fools, but old folks know young*

folks to be fools” – *someday she’ll understand how much she still has to learn*» [3]. Метафорические предупреждения о последствиях необдуманных поступков в молодости встречаются в поговорках, отражающих культурные установки. Так, английская поговорка «*A young man married is a young man marred*» выражает скептическое отношение к раннему браку, воспринимая его как препятствие для личностного роста и реализации жизненных возможностей.: «*My parents often quoted “a young man married is a young man marred” when I talked about getting married at 20, warning me I’d miss out so many opportunities*» [3]. Интересно, что в русском языке распространенная поговорка «*Рано жениться – век не тужить*» передает прямо противоположную установку: ранний брак воспринимается как залог стабильности, благополучия. При внешнем структурном сходстве обе поговорки иллюстрируют культурно обусловленную антонимию: в англоязычной традиции ранний брак ассоциируется с потерей свободы, тогда как в русской – с мудростью и предусмотрительностью.

Фольклорный параллелизм в выражении «*If youth knew, if age could*» (рус. «*Молодость плечами сильна, старость – головой*») создает эффект законченной мудрости и служит средством создания контраста между физической силой, присущей молодости, и интеллектуальной зрелостью, характерной для старшего возраста: «*Looking at my retired professor still full of ideas but lacking energy, I thought “if youth knew, if age could” – what amazing things we could achieve if only knowledge and vigor came at the same time*» [3].

Третья группа поговорок, касающихся зрелости, часто затрагивает идеи ответственности, накопленного опыта и осознания собственной жизни. Так, антитеза в выражении «*A fool at forty is a fool indeed*» (рус. «*Седина в бороду – бес в ребро*») подчеркивает, что если человек не научился мудрости к сорока годам, то, вероятно, он уже не изменится. Эта поговорка фиксирует возрастной рубеж, после которого легкомыслие воспринимается не как временная слабость, а как устоявшаяся черта характера: «*He refuses to change his reckless ways, but as they say, a fool at forty is a fool indeed*» [2]. В выражении «*Life begins at forty*» (рус. «*Сорок лет – бабий век*») используется сравнение зрелого возраста с «началом жизни», передающее оптимизм и позитивный взгляд на зрелость как на новый этап: «*She was afraid of getting older, but soon realized that life begins at forty – new opportunities were everywhere*» [2]. Поговорка «*You cannot put an old head on young shoulders*» (рус. «*Молодой умом, да стар годами*») использует метафору, которая передает идею о том, что молодые люди не могут обладать жизненной мудростью без опыта: «*No matter how much advice I give my son, he still makes impulsive decisions – you cannot put an old head on young shoulders*» [3].

Поговорки о старости, которые составляют четвертую группу, часто акцентируют внимание на мудрости, неизбежности старения и его парадоксах. Например, выражение «*You cannot catch old birds with chaff*» (рус. «*Старого воробья на мякине не проведешь*») содержит аллюзию на опытность пожилых людей – их трудно обмануть: «*He tried to deceive the old merchant, but failed – you cannot catch old birds with chaff*» [3]. Метафора в выражении «*Better to wear out than to rust out*» (досл. *Лучше износиться, чем заржаветь*) противопоставляет активное старение пассивному угасанию. Хотя эта поговорка может быть отнесена к категории трудовых, она близка по смыслу к русской поговорке «*Старый конь борозды не портит*», которая также утверждает ценность пожилого человека как носителя надежности, опыта и трудовой добросовестности. В обоих случаях возраст не воспринимается как помеха, а скорее, как ресурс, позволяющий сохранять активность и приносить пользу: «*He refuses to retire, always saying – better to wear out than to rust out*» [3]. Ироничное выражение «*A creaking door hangs longest*» (рус. «*Старый конь борозды не портит*») передает мысль, что люди, страдающие от недугов, часто живут долго. Здесь физическая хрупкость не воспринимается как признак скорого конца, а наоборот – как парадокс долголетия: «*Despite his poor health, he remains energetic – a creaking door hangs longest*» [3]. В русском эквиваленте акцент смещен с физиологического на трудовой аспект, но оба выражения объединяет идея стойкости и жизненной устойчивости, несмотря на возрастные ограничения. Поговорка «*You can’t teach an old dog new tricks*» (досл. *Старую собаку новым фокусам не научишь*) иллюстрирует трудность изменения привычек пожилых людей: «*No matter how much I explain, he still refuses to use a smartphone – you can’t teach an old dog new tricks*» [3]. Антитеза в выражении «*There’s no fool like an old fool*» (рус. «*Седина в голову – бес в ребро*») демонстрирует, что даже в старости можно быть необдуманным и беспечным: «*He invested all his savings in a risky business – there’s no fool like an old fool*» [3].

Функционально поговорки о зрелости и старости выполняют несколько социальных ролей: они служат средством передачи опыта между поколениями, механизмом социального контроля (путем высмеивания возрастных изменений) и одновременно инструментом психологической адаптации к старению. В когнитивном аспекте эти поговорки формируют определенные фреймы восприятия возраста. Зрелость описывается как время возможностей («*Better to wear out than to rust out*»), а старость – как период потерь («*They that live longest, see most*»). При этом характерно, что позитивные высказывания о старости чаще строятся в сослагательном наклонении («*If age could*»), что отражает ее восприятие как времени нереализованного потенциала.

Таким образом, проведенный анализ английских паремий, описывающих возрастные этапы, выявляет четкую четырехчастную модель возрастной периодизации в английской языковой картине (детство – юность – зрелость – старость), где каждый этап характеризуется специфическим набором языковых средств и культурных коннотаций. Паремии о детстве, построенные преимущественно на метафорах и антитезах, создают ностальгический образ беззаботного периода, подчеркивая его контраст с взрослой жизнью. Выражения о юности, отличающиеся парадоксальностью и иронией, акцентируют противоречие между энергией молодости и недостатком мудрости. Паремии о зрелости и старости демонстрируют более сложную систему оценок – от признания ценности опыта до горькой иронии. Особенно показательно, что положительные характеристики старости часто даются в сослагательном наклонении, что отражает ее восприятие как времени нереализованных возможностей. Важнейшей особенностью этих паремий является их динамическая адаптация к современным реалиям при сохранении базовой структуры, что позволяет им оставаться актуальными инструментами передачи культурных ценностей и социальных норм. Через систему контрастных образов и синтаксических структур эти выражения формируют английскую возрастную картину, где каждый этап жизни получает свою языковую репрезентацию и культурную интерпретацию. Примечательно, что английские паремии о возрасте находят довольно точные репрезентаты в русском языке, что свидетельствует о наличии универсальных возрастных концептов, закрепленных в паремийной форме. Однако более глубокий компаративный анализ данного корпуса паремий в будущем позволит раскрыть различия в аксиологических моделях и прагматических функциях, а также выявить культурно-специфические способы осмысления жизненного пути в англоязычной и русскоязычной традициях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Speake J. The Oxford Dictionary of Proverbs / J. Speake, J. Simpson. – New York: Oxford University Press Inc., 2008. – 625 p.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа: в 2-х т. / В. И. Даль. – 1-е изд. – Москва: Художественная литература, 1989. – 1 т.
3. English Corpora: most widely used online corpora [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.english-corpora.org>. – Date of access: 20.04.2025.

УДК 81'373

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В СФЕРЕ КИБЕРСПОРТА****М. А. ДУБОВИК****(Представлено: Л. В. ЖИЗНЕВСКАЯ)**

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности рекламной коммуникации в сфере киберспорта. В условиях высокой конкуренции компании активно используют киберспорт как платформу для продвижения брендов, привлекая лояльную аудиторию. Исследование анализирует методы рекламного продвижения в киберспорте: коллаборации, стриминговые платформы и спонсорскую поддержку. Также изучаются стилистические приемы рекламных слоганов, специализированная лексика и влияние киберспортивного медиа-дискурса на восприятие рекламных сообщений.

Рекламная коммуникация – это процесс *передачи информации о бренде, товаре или услуге целевой аудитории с целью их продвижения*. Однако рекламная коммуникация – это не просто передача фактов о продукте, но и создание эмоционального отклика у потребителей. Умелая рекламная коммуникация способна вызвать положительные эмоции, сформировать доверие и установить прочную связь между брендом и его аудиторией.

Говоря о коммуникации в целом, о том, что она из себя представляет и какую функцию выполняет, мы можем обратиться к определению Пядышевой Т.Г. «Рекламная коммуникация – это вид социальной массовой коммуникации, направленный на передачу информации, которая может повлиять на поведение людей, посредством безличного общения с широкой аудиторией, включающей различные социальные группы и уровни организации» [1].

Одним из ключевых аспектов рекламной деятельности является выбор каналов распространения информации. В этом контексте рекламные материалы классифицируются в зависимости от типа используемых СМИ [2]: печатные (газеты и журналы), телевизионные, радио и интернет. Одним из популярных направлений в бизнесе в последние десятилетия становится создание видео игр, широкое распространение которых привело к развитию кибер спорта. Мы определяем кибер спорт как соревнования в виртуальном пространстве с использованием компьютерных технологий, где компьютер выполняет функцию спортивного оборудования, а игра создаёт виртуальную среду и устанавливает правила [3].

Современная рекламная индустрия активно использует возможности, предоставляемые киберспортом, поскольку этот вид деятельности открывает новые перспективы для продвижения брендов. Выделяют различные методы взаимодействия бизнеса с игровым сообществом, однако мы опирались на наиболее распространённую классификацию, предложенную Чебаном А.В. и Кирилловой Н.Н. [4], включающую следующие направления:

1. Коллаборации.
2. Стриминговые платформы.
3. Спонсорская поддержка киберспортивных турниров и команд.

Не менее важным аспектом рекламного процесса является структура рекламного текста, поскольку именно она обеспечивает эффективное восприятие информации. Существует множество классификаций данного элемента, но в данной работе мы руководствовались наиболее известной классификацией Сердобинцевой Е.Н. [5], включающей основные составляющие: заголовок, подзаголовок, основной текст и рекламный лозунг (слоган). Особенно в сфере киберспорта слоганы играют ключевую роль, поскольку позволяют быстро и эффективно донести рекламное сообщение до широкой аудитории.

Для повышения запоминаемости рекламных сообщений активно применяются стилистические приемы, аналогичные тем, что используются в поэтических текстах. Среди них можно выделить мнемонические (или фонетические) средства, такие как рифма, ритм, аллитерация, ассонанс, а также графические элементы, транслитерация и омофоны [6]. Вдобавок к ним широко используются лексические средства выразительности: эпитеты, метафоры, аллюзии, сравнения и гиперболы [7].

Важное место в рекламном тексте занимает синтаксический уровень языка, который определяет его выразительность. В данном исследовании мы опирались на стилистические средства, выделенные Литвиновой А.П., среди которых анафора, эпифора, антитеза, вопросительные и восклицательные предложения, инверсия и параллельные конструкции [8].

В то же время реклама в киберспорте использует и специфические для этого вида рекламы средства. Киберспортивный язык и медийные тексты включают в себя как спортивную, так и специализированную (терминологическую) лексику.

Универсальная спортивная лексика не требует пояснений, так как её значение известно поклонникам всех видов спорта. Примеры включают турнирные термины (*первый тур, групповой этап*), глаголы (*обыграть, выиграть*), устойчивые словосочетания (*ключевой эпизод*) и существительные с дополнительной коннотацией «борьбы, противоборства» (*поединок*). В речи игроков используются выражения, которые далеки от понимания широкой публики. Систематизация жаргонных выражений Мининой Е. И. позволяет выявить краткость, характерную для геймерского сленга. Распространенным способом образования жаргонизмов в лексиконе игроков является усечение, аббревиатура, слова, происходящие от официальных английских терминов (Нуб (англ. «*noob*», происх. от англ. «*newbie*» – новичок, Левел/лвл (англ. «*level*», «*lvl*» – уровень), звукоподражание, приставка de- («*debuff*»), суффикса -er («*Feeder*» (от англ. «*кормушка*») – человек (игрок), который нарочно умирает от рук соперника, тем самым принося им легкий опыт и легкие деньги на покупку чего-либо), словосложения («*teamwipe*» – «слив команды», ситуация, когда все игроки команды погибают) [9].

В качестве материала нашего исследования мы выбрали английские рекламные слоганы в сфере киберспорта. Нами были собраны и проанализированы 100 англоязычных слоганов различной продукции на стриминговой платформе Twitch [10], а также на вебсайтах Esportsinsider [11], AFKgaming [12] и Fragster[13]. Но для начала подробнее остановимся на некоторых слоганах и отметим с помощью каких стилистических приёмов и тактик они созданы.

Начнем со слогана стриминговой платформы Twitch, на которой проводятся трансляции киберспортивных матчей: «*Where Gamers Come Together*». Этот слоган подчеркивает идею объединения, вызывая положительные эмоции, связанные с принадлежностью к сообществу.

Если обратиться к рекламе, транслируемой на киберспортивных матчах, то наиболее часто встречается реклама киберспортивного оборудования. Так, например, компания Logitech G использовала слоган «*Play to win*», который содержит в себе глагол повелительного наклонения и спортивную лексику, побуждая к действиям и намекая на то, что их продукция поможет победить. Нас также заинтересовал рекламный слоган компании Secretlab, производящей игровые кресла: «*Sit Better. Game Longer*». В основе этого слогана лежит прием анафоры, который используется для привлечения внимания аудитории и для лучшего запоминания текста. Кроме того, более запоминающимся этот слоган делает ритм, появляющийся благодаря повторению структуры.

Киберспортивные мероприятия спонсируются различными компаниями, чья продукция в свою очередь рекламируется на соревнованиях. Так реклама энергетического напитка Red Bull в своем слогане: «*Giving wings to gamers*» использует метафору, чтобы создать атмосферу легкости. Помимо этого, с помощью киберспортивной лексики в сочетании с приемом аллитерации оригинальный слоган был переписан для киберспортивной сферы, показывая связь с игровым сообществом. Однако это далеко не единственная компания, использующая специальную лексику для достижения сопричастности. Так компания Samsung на одном из киберспортивных матчей использовала слоган: «*Next Level Gaming*». Этим компания хотела показать, что ее телефоны совершенствуются, выходят на новый уровень, как это делают персонажи игр, в том числе играть на таких телефонах с каждым разом удобнее и приятнее. Еще одним примером является реклама игровых аксессуаров Razer: «*Outplay, Outthink, Own the Rift*». Слоган использует термин «*Rift*», относящийся к игровому полю в League of Legends, а также аллитерацию и ритм, чтобы запомниться. Аббревиатуры также можно встретить в рекламных слоганах, например в рекламе сервиса по повышению уровня: «*Get Your GG Boost*», где «GG» обозначает «*Good game*». Термин «*Boost*» же означает повышение или улучшение.

Тем не менее, на киберспортивных мероприятиях размещается реклама, не содержащая спортивную или киберспортивную лексику. Например, компания Pringles использует свой стандартный слоган: «*Once You Pop, You Can't Stop*». В этом слогане присутствует рифма, что помогает быстрее запомнить слоган, а также гипербола, привлекающая внимание аудитории и создающая сильное эмоциональное воздействие. Компания Samsung в свою очередь не всегда использует специальную лексику. Например, на одном из матчей для создания мотивации и эмоциональности применялся прием антитеза: «*Do What You Can't*». Для придания рекламе благозвучия компания Acer применила прием ассонанс в своем слогане: «*Explore Beyond Limits*».

На киберспортивных соревнованиях встречается реклама, использующая вопросительные предложения, например компания T-Mobile: «*Are You With Us?*». Такие предложения помогают установить контакт с потенциальным потребителем, чему вместе с тем способствует использование местоимений. Говоря о вопросительных предложениях, стоит упомянуть и восклицательные. Так компания Alienware использует в рекламе своей продукции слоган: «*Unleash Your Power!*».

Киберспортивные матчи и мероприятия не единственные способы прорекламировать продукт. Существует множество коллабораций различных брендов с киберспортивным сообществом. Такая реклама появляется не только на киберспортивных мероприятиях, но также и на билбордах и в интернете. Значительное количество коллабораций создаются с брендами одежды. Ralph Lauren стал эксклюзивным

поставщиком одежды для G2 Esports, в своей рекламе используя эпитет в слогане «*SO MAJESTIC*». Компания Adidas и киберспортсмен Ninja совместно создали коллекцию одежды и обуви, вдохновленную идеями, что все трудности на пути к успеху являются частью процесса становления лучше, что отразили с помощью инверсии в рекламном слогане: «*Impossible is Nothing*». В коллаборациях можно часто встретить специальную лексику. Так компания Champion сотрудничая с ESL (Electronic Sports League) выпустила коллекцию одежды, которая рекламировалась при помощи слогана: «*Be Your Own Champion*». Также благодаря использованию анафоры слоган легко запоминается. Еще одна коллекция Ralph Lauren совместно с G2 Esports вышла под слоганом: «*Dress Like a Champion*». В слогане можно заметить сравнение, связывая данный продукт со званием чемпиона.

Одежда не единственный продукт коллабораций. Стоит упомянуть о социальной рекламе, которую запустили Guild Esports и Sky под слоганом «*No Room For Abuse*».

Распространенным видом коллабораций является создание особых игровых событий, персонажей или предметов в игре, сопровождаемых рекламными слоганами. Нас заинтересовал слоган: «*Assemble*». Fortnite и Marvel объединились для создания уникальных игровых событий и скинов, позволяя игрокам примерить образы своих любимых супергероев. В этом слогане используется аллюзия на известную фразу из фильмов Marvel «*Avengers, Assemble!*». Объединяя миры музыки и киберспорта, музыкант Zedd создал эксклюзивный музыкальный контент и скины для игры Valorant, используя в своем слогане лексику обеих сфер: «*Play with the Beat*».

В результате количественного анализа 100 англоязычных рекламных слоганов в сфере киберспорта мы выяснили, какие стилистические образные средства и специализированная лексика чаще всего встречаются в рекламе.

Среди фонетических средств ритм занимает ведущее положение – 19%. Ритм в рекламных слоганах киберспорта используется для создания запоминающихся и легко воспринимаемых фраз. В динамичном мире киберспорта рекламодатели подстраиваются под атмосферу, используя ритм для создания слоганов, которые гармонично вписываются в энергичную и захватывающую среду. В условиях ограниченного времени на восприятие информации, ритмичные слоганы помогают быстро привлечь внимание аудитории. Кроме того, ритмичные фразы могут вызывать положительные эмоции и ассоциации, усиливая воздействие рекламы.

Как показало наше исследование, наиболее предпочтительным лексическим средством выразительности является метафора – 17%. Метафора помогает создать яркие и запоминающиеся образы, которые легко воспринимаются аудиторией. Она позволяет передать сложные идеи и эмоции через простые и понятные образы, делая сообщение более доступным и привлекательным. Метафоры также усиливают эмоциональное воздействие рекламы, вызывая ассоциации и чувства, которые способствуют запоминанию и положительному восприятию бренда.

Синтаксические средства выразительности используются достаточно редко. Однако среди таких средств чаще других встречаются восклицательные предложения – 4%. Восклицательные предложения в рекламе киберспорта используются для создания эмоционального отклика и привлечения внимания аудитории. Они подчеркивают динамичность и энергичность киберспорта, помогая рекламодателям подстроиться под атмосферу соревнований.

Что касается лексического состава, то среди специализированной лексики наиболее употребимы киберспортивные термины – 25%. В целом использование спортивной лексики и киберспортивной лексики подчеркивает важность адаптации рекламных сообщений к специфике интересов аудитории. Такой подход позволяет повысить эффективность рекламы, делая её более релевантной и привлекательной для зрителей. В результате, реклама становится более запоминающейся и вызывает больший отклик у целевой аудитории.

Подводя итог нашего исследования лингвостилистических особенностей рекламы в киберспорте, мы можем отметить, что самыми употребляемыми стилистическими приёмами являются ритм и метафора. Ритм помогает создать запоминающиеся и легко воспринимаемые фразы, что особенно важно в условиях динамичных киберспортивных мероприятий. Метафора, в свою очередь, делает рекламное сообщение более запоминаемым и привлекательным, вызывая эмоции. Среди специализированной лексики наиболее часто используют киберспортивную лексику, в частности термины, что позволяет создать запоминающуюся и эмоциональную рекламу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пядышева, Т. Г. Рекламная коммуникация как мультипликация ценностей современного общества // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – №. 3. – с. 170-169.
2. Слойцева, Е. В. Язык рекламы и лингвостилистические особенности рекламного текста // Язык и культура (Новосибирск). – 2014. – №. 11. – с. 76-83.

3. Солодников, В. В., Тимофеева, В. И. Киберспорт в России как объект маркетинга и социальный феномен // Социологическая наука и социальная практика. – 2020. – Т. 8. – №. 1 (29). – с. 167-187.
4. Чебан, А.В., Кириллова, Н.Н. Видеоигры и киберспорт как инструменты маркетинга и продвижения бренда // Human Progress. 2022. Том 9, Вып. 1. 16 с.
5. Сердобинцева, Е. Н. Структура и язык рекламных текстов: учебное пособие. – Flinta, 2010 – с. 24-31
6. Мусина, А. А. Лингвистические особенности рекламного дискурса в английском языке / А. А. Мусина // Современные научные исследования и разработки. – 2019. – № 1(30). – с. 757-760.
7. Пискавцова, К. И. Лингвистические особенности англоязычной рекламы / К. И. Пискавцова, И. А. Андреева // Современные вопросы филологии и переводоведения. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2018. – с. 144-147.
8. Литвинова, А. П. Лингвистические особенности рекламных текстов: перевод и сохранение прагматического компонента // Актуальные вопросы современной науки. – 2008. – №. 4-2. – С. 62-71.
9. Минина Е. И. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КИБЕРСПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – №. 9 (455). – с. 89-94.
10. Twitch [Electronic resource] – 2011 – 2024. – URL: <https://www.twitch.tv> (date of access: 20.11.2024).
11. Esportsinsider [Electronic resource] – 2016 – 2024. – URL: <https://esportsinsider.com/2023/12/best-esports-advertising-campaigns-2023> (date of access: 20.11.2024).
12. AFKgaming [Electronic resource] – 2015 – 2024. – URL: <https://afkgaming.com/esports/originals/top-10-esports-apparel-brand-collaborations-for-merchandise> (date of access: 20.11.2024).
13. Fragster [Electronic resource] – 2024. – URL: [Fragster.com](https://fragster.com) (date of access: 20.11.2024).

УДК 811.11

**ВЫЯВЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА МЕТАФОРЫ
В TED-ЛЕКЦИЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ****О. В. ДУБЯГО****(Представлено: Е. М. ЧЕБОТАРЁВА)**

В работе представлены характеристики медийного экологического дискурса, в частности такого его жанра как TED-лекции. Определены функции метафор в дискурсе. Проведен анализ взаимосвязи речевого воздействия с плотностью метафор и их распределением в различных частях композиционной структуры текста, что позволило установить закономерности в использовании метафор как средства усиления воздействия на адресата и улучшения восприятия информации.

Медийные коммуникации играют ключевую роль в формировании общественного мнения к глобальным проблемам в отношении «человек – природа». В условиях информационной перегрузки и борьбы за внимание аудитории особое значение приобретает способность медиатекстов эффективно воздействовать на восприятие и поведение читателя или зрителя. Одним из таких средств речевого воздействия на реципиента, используемых в медийном экологическом дискурсе, является метафора.

Метафора – это не просто украшение речи, а важное средство концептуализации и категоризации, через которые происходит субъективная интерпретация окружающей действительности участниками дискурсивного процесса. В связи с чем исследование функционально-воздействующего потенциала метафоры как средства формирования образа экологической ситуации в медийном экологическом дискурсе и создания у реципиентов определённого отношения к антропогенно-техногенным катастрофам приобретает особую актуальность.

Объектом исследования является медийный экологический дискурс.

Предметом исследования является метафоричность как специфическая характеристика дискурса, детерминирующая его речевое воздействие.

Цель работы – выявить взаимосвязь функционирования метафор в TED-лекциях экологической направленности и речевого воздействия.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- выявить основные характеристики медийного экологического дискурса;
- определить функции, которые выполняют метафоры в дискурсе;
- проанализировать взаимосвязь речевого воздействия с плотностью метафор в тексте TED-лекций;
- выявить взаимосвязь речевого воздействия с распределением метафор в различных частях композиционной структуры текста TED-лекций.

Методы исследования включают: метод сравнительного анализа и сопоставления различных источников и примеров, метод идентификации метафор MIP (Metaphor identification procedure), индекс плотности метафор MDI (Metaphor density index), индекс метафоричности и внешней структуры текста MStI(ex) (Metaphor Structural Index external), интерпретативный и структурно-коммуникативный анализ.

В ходе исследования медийный экологический дискурс был охарактеризован по критериям В.И. Карасика [1, с. 209]. Участниками являются журналисты и аудитория (читатели, зрители, слушатели), а также экологические эксперты и широкая общественность. Хронотоп охватывает письменную коммуникацию (печать, интернет) и устную (телевидение, радио). Цель – информировать и побуждать к действиям в сфере охраны природы, формировать осведомленность о проблемах экологии. Ценности дискурса выражаются через защиту природы, ответственность перед будущими поколениями и устойчивое развитие. Стратегии заключаются в освещении экопроблем, анализе причин и последствий, информировании о мерах и побуждении к участию в экологических инициативах (акции, участие в охране природы). Тематика включает вопросы изменения климата, загрязнения окружающей среды, утраты биоразнообразия, устойчивого развития. Жанры дискурса варьируются от публицистических материалов (статей, репортажей) до политико-агитационных текстов (выступлений, призывов) и рекламных материалов (плакатов, слоганов). Прецедентные тексты и дискурсивные формулы выражаются через отсылки к культурным фрагментам, научным теориям и экологическим законам, а также посредством интертекстуальности. Стилистическими маркерами языка экологического дискурса выступают метафоры, гиперболы, риторические вопросы и повторения, усиливая у адресата эмоциональное восприятие экологических угроз.

В исследовании были рассмотрены подходы различных ученых к определению проблемы речевого воздействия метафор (В. Оттати, Р. Ренстром, П. Сопори, С. ван Стее), реализации их функционального потенциала, методу его выявления и анализа (Е.В. Иванова, О.И. Калинин, К. де Ландтсхеер,

В.К. Харченко) в дискурсе. На основе существующих теорий были выделены следующие функции метафор, характерные для экологического дискурса, в частности жанра публичных TED-лекций: информативная, идентификационная, суггестивная, объяснительная, эмоционально-оценочная, персуазивная, аттрактивная, мнемоническая, этическая, игровая. TED-лекции информируют, разъясняют с опорой на анализ и оценки, убеждают, воздействуя рационально и эмоционально, развлекают, побуждают к действию. Метафоры в них явление совершенно не редкое, однако в большинстве своем это тривиальные, устоявшиеся и широко известные выражения, ибо оригинальные тропы сложно декодировать, и они могут отвести внимание аудитории от ключевой дискуссионной проблемы. Даже единичное уместное использование метафоры способно существенно изменить подход к оценке сложных социальных проблем, влияя на сбор и анализ информации для принятия решений, при этом эффективность метафор во многом определяется особенностями восприятия, социальными и культурными характеристиками аудитории.

Материалом исследования послужили восемь TED-лекций на экологическую тематику общей продолжительностью 82 минуты, в текстовом объеме 12489 слов. Отобранные TED-лекции демонстрируют различные подходы к представлению экологических проблем – от вопросов изменения климата до сокращения продовольственных потерь и отходов, и последствий пластикового загрязнения.

Отметим, что формат TED-лекций характеризуется универсальностью и широким охватом тематик, что позволяет использовать его для анализа современных форм коммуникации. Г. Калиендо и А. Компаньоне дают следующее определение TED-лекций: «TED talks – это серия коротких ораторских выступлений продолжительностью 20 минут, адресованных широкой аудитории и представляемых ведущими специалистами в различных областях. Название TED является аббревиатурой от Technology (технологии), Entertainment (развлечения) и Design (дизайн) – трёх первоначальных направлений, в рамках которых проводились первые лекции. Все выступления доступны бесплатно в видеоформате на официальном сайте некоммерческой организации, цель которой заключается в продвижении “идей, достойных распространения”. Платформа TED представляет собой новую прагматическую площадку, позволяющую экспертам делиться знаниями за пределами узких профессиональных сообществ и охватывать две аудитории: участников конференций и пользователей интернета. Благодаря своим особенностям TED можно расценивать как гибридный веб-жанр, находящийся на пересечении таких форматов, как университетская лекция, конференция и телевизионный документальный фильм» [2, с. 105].

Процедура исследования взаимосвязи речевого воздействия с плотностью метафор и их распределением в частях композиционной структуры текста отобранных лекций включала несколько этапов: 1) выявление всех метафор в тексте с использованием метода MIP; 2) определение показателя плотности метафор (MDI) в каждой из отобранных TED-лекций; 3) сопоставление полученных индексов плотности метафор с количеством просмотров каждой из TED-лекций; 4) анализ реализации воздействующего потенциала ключевых метафор в текстах лекций с высоким индексом частотности метафор; 5) определение внешней структуры текста TED-лекции; 6) определение структурно-коммуникативного воздействия метафор в отобранных TED-лекциях.

С помощью метода идентификации метафор MIP было выявлено 156 метафорических выражений. Далее мы определили показатель плотности метафор MDI в каждой из отобранных TED-лекций по формуле, предложенной К. де Ландтсхеер [3]:

$$MDI (metaphor density index) = \frac{n_{mf} \times 100}{n_{words}},$$

где n_{mf} – количество метафор;

n_{words} – количество слов в тексте.

Индекс частотности метафор MDI отражает среднее количество метафор на 100 слов текста.

Далее мы сопоставили полученные индексы плотности метафор с количеством просмотров. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Влияние плотности метафор на количество просмотров TED-лекций

Название лекции	Плотность метафор (MDI)	Количество просмотров (млн.)
What to do when climate change feels unstoppable	1,9	2
Love, sorrow and the emotions that power climate action	1,7	1,4
A menu of foods we might lose forever	1,6	0,51
The problem with food and climate – and how to fix it	1,4	0,49
Let's fix food waste and hunger	1,1	0,05
The global food waste scandal	0,8	0,32
What can we do to reduce food waste?	0,8	0,21
Tough truths about plastic pollution	0,6	0,13

Проведённый сравнительно-сопоставительный анализ выявил зависимость между метафорической плотностью (MDI) и количеством просмотров TED-лекций. Лекции с показателями MDI 1,7–1,9 набрали от 1,4 до 2,0 млн просмотров, что указывает на наличие взаимосвязи между числом метафор и зрительской реакцией. При снижении метафорической плотности (MDI 1,4–1,6) число просмотров сократилось до 490–510 тыс., а при минимальных значениях (MDI 0,6–0,8) показатели варьировались от 130 до 320 тыс. просмотров. Полученные результаты можно объяснить тем, что высокая плотность метафор повышает привлекательность текста и усиливает его воздействие на аудиторию, способствуя более эффективному восприятию сложной информации и обогащая речь выразительными средствами. При этом стертые метафоры делают речевое сообщение более понятным и легким для восприятия посредством снижения сложности воспринимаемого сообщения и повышения качества воспринимаемых аргументов. Индивидуально-авторские метафоры позволяют увеличить эмоциональную привлекательность сообщения и возбудить воображение аудитории, тем самым улучшая эмоциональное восприятие речевого сообщения.

Однако отметим, что наличие метафор не всегда гарантирует высокий уровень речевого воздействия, особенно если их содержательная направленность не соответствует тематике лекции или не способствует практическому осмыслению представляемых проблем, например, TED-лекция “Let’s fix food waste and hunger” с показателем MDI 1,1 набрала всего 50 тыс. просмотров. Мы сделали вывод, что необходим сбалансированный подход, при котором частота и содержание метафор адаптируются в зависимости от характеристик аудитории и целей коммуникации.

Мы также установили, что эффективность речевого воздействия метафор тесно связана с их расположением в тексте. Анализ выборки показал, что из 156 метафор 19 (12%) встречаются во вступлении, 95 (61%) – в основной части и 42 (27%) – в заключении. Метафоры во вступлении закладывают основу проблемы, способствуют её концептуализации, снижают критичность восприятия и активируют когнитивные ресурсы слушателей, что помогает осознать актуальность проблемы и уменьшает вероятность появления контраргументов. В основной части лекции метафоры усиливают аргументацию, устанавливая эмоциональный контакт и укрепляя доверие к оратору, а в заключении метафоры повторно акцентируют внимание на проблеме, усиливая её значимость и обоснование, что делает их эффективным инструментом убеждения. Стоит отметить, что при порождении речевого сообщения автор будет подсознательно стремиться использовать больше метафор для описания позиции, наиболее близкой ему.

Структурно-коммуникативный анализ распределения метафор с использованием индекса MStI(ex) [21, с. 244] показал, что использование метафор разных частях композиционной структуры текста отражает разные функции метафоры: во введении – идентификационную, в основной части – суггестивную и аттрактивную, в заключении – персуазивную. В 75% текстов персуазивная функция (индекс свыше 1,5) является доминирующей, в 12,5% преобладает суггестивная функция (индекс ниже 1,5), а переходный характер воздействия (индекс равен 1,5), характеризующийся одновременным влиянием на понимание проблемы и функцию убеждения, зафиксирован в 12,5% текстов.

В TED-лекциях на экологическую тематику метафоры играют решающую роль в донесении экологических проблем, таких как изменение климата, загрязнение окружающей среды и утрата биоразнообразия. Через яркие и доступные образы ораторы не только иллюстрируют масштаб угроз, но и формируют в воображении аудитории картину надвигающейся экологической катастрофы, что побуждает людей к активным действиям по защите природы. Метафоры оказывают воздействие на аудиторию через *объяснительно-информативную* функцию, посредством которой сложные экологические концепты упрощаются и становятся доступными для понимания, что позволяет детально разобраться в причинах и механизмах экологического кризиса. Например, посредством метафоры “*landfills don’t biodegrade food – they mummify it*” оратор сравнивает естественный процесс разложения с процессом мумификации – пища на свалках не разлагается естественным образом, а сохраняется в неподобающих условиях, напоминая сохранение тела в гробнице. Вместо того чтобы питательные вещества возвращались в экосистему, они «консервируются» в виде замороженных во времени масс. Данная метафора подчёркивает долгосрочные негативные экологические последствия неэффективного управления пищевыми отходами и усиливает суггестивно-персуазивное воздействие на аудиторию.

Метафоры выполняют *этическую* функцию, напоминая слушателям о моральной ответственности перед природой и подчеркивая обязательство каждого участвовать в решении глобальных проблем. Например, метафора “...we were *devouring the Earth*” описывает неумолимое потребление природных ресурсов, сравнивая экспансию с актом поедания, в котором планета становится пищей для жадного организма. Человеческая деятельность буквально «пожирает» природу, лишая её возможности восстановиться. Образ чудовищного существа, поглощающего всё живое, передает концепцию саморазрушения и нарушения экологического баланса. Оратор призывает пересмотреть наше отношение к планете и напоминает о необходимости поиска стратегий устойчивого развития.

Метафоры выполняют эмоционально-оценочную функцию, вызывающую чувство тревоги и страдания. Например, *“Salmon are also having a really tough time. We all know their epic journeys up rivers to spawn”*. Здесь оратор использует олицетворение: лососям приписываются человеческие качества, выраженные в фразе *“having a really tough time”*. Описание их «эпических путешествий» в поисках мест для нереста выходит за рамки биологической миграции и символизирует борьбу за выживание в суровых условиях, вызванных изменениями климата. Данная метафора подчёркивает необходимость активных мер по сохранению естественной среды обитания данного вида.

Метафоры в экологическом дискурсе в большинстве случаев обладают негативной эмоциональной окраской, как видно из примеров выше, однако существуют отдельные случаи их употребления в игровой функции. Так, например, метафора *“fishing frogs from the toilet”* стирает границу между цивилизацией и природой, передаёт ощущение детского восхищения и напоминает, что природа может проникнуть даже в самые неожиданные уголки.

Идентификационная функция способствует постановке проблемы и определяет тему высказывания, что позволяет аудитории быстро определить суть вопроса и установить с оратором эмоциональный контакт. Так, метафора *“the gyre of plastic in the supermarket”* образно передаёт идею замкнутого цикла, в котором пластик становится неотъемлемой частью повседневной жизни. Термин *“gyre”*, изначально обозначающий природный процесс – водоворот в океане, где собирается мусор, приобретает новое значение в контексте супермаркета. В данном случае *“gyre”* символизирует нарастающий и повторяющийся процесс накопления пластиковых отходов, когда практически все товары упакованы в пластик. С помощью этого образа автор напоминает, что проблема загрязнения пластиком распространяется не только на океаны, но и на места, где люди ежедневно совершают покупки.

Мнемоническая функция способствует запоминанию ключевых концептов и идей, проводя, например, образную аналогию с пазлом: *“This is the most stubborn and difficult part of the whole climate puzzle”*. Здесь одна из ключевых проблем климатического кризиса сравнивается с «упрямой» деталью сложной головоломки, что делает её критически важной для решения всего вопроса. Такое сравнение наглядно демонстрирует, что даже при успехе в решении многих аспектов, одна нерешённая проблема способна остановить или замедлить общий прогресс.

Аттрактивная функция посредством ярких экспрессивных образов привлекает внимание аудитории и усиливает эмоциональное восприятие представленного материала. Например, в метафоре *“...sleepwalking, even though the science tells us that we’re hurtling toward the cliff”* образ «бессознательного сна» метафорически описывает общество, погружённое в повседневную рутину и не осознающее надвигающейся опасности, несмотря на научные данные. «Падение с обрыва», в свою очередь, отражает стремительность и неизбежность наступления экологического кризиса.

Таким образом, комплексное использование метафор в TED-лекциях позволяет не только доступно передать сложные экологические концепты, но и эффективно воздействовать на аудиторию для личного и общественного участия в защите природы и формирования устойчивого общественного сознания, в котором каждый осознаёт свою роль в поддержании экологического баланса.

Мы пришли к выводу, что метафоры являются стратегически важным риторическим инструментом в экологическом медиадискурсе, способствующим формированию представления об актуальных проблемах и усилению аргументации посредством эмоционально-когнитивного воздействия на аудиторию. Исследование показало, что оптимальное распределение метафор по структуре текста улучшает восприятие сообщения, а высокая плотность метафор, особенно с персуазивной функцией, напрямую коррелирует с более активной реакцией аудитории, что подтверждается статистикой просмотров TED-лекций. В конечном итоге, метафора является действенным средством формирования общественного мнения и повышения воздействия экологических сообщений, и её успех зависит от умелого сочетания различных факторов и индивидуального подхода к целевой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В.И. Дискурс / В.И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – Гл. 3. – С. 188–297.
2. Caliendo, G. Expressing epistemic stance in university lectures and TED talks: a contrastive corpus-based analysis / G. Caliendo, A. Compagnone // *Lingue e Linguaggi*. – 2014. – Vol. 11. – P. 105–122.
3. Landtsheer, C. De. Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor / C.De. Landtsheer // *Metaphor and Discourse* / ed.: A. Musolff, J. Zinken. – London: Palgrave Macmillan, 2009. – P. 59–78.
4. Калинин, О.И. Функциональный потенциал метафоры в дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / О.И. Калинин. – Москва, 2022. – 480 с.

УДК 811.11

ФУНКЦИИ МЕТАФОР В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЗИЦИИ В ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ TED-ЛЕКЦИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ)

О. В. ДУБЯГО

(Представлено: Е. М. ЧЕБОТАРЁВА)

В работе проанализировано структурно-коммуникативное воздействие метафор на материале TED-лекций экологической направленности с использованием индекса метафоричности и внешней структуры текста (Metaphor Structural Index external) В. Коллер.

Задачей нашего исследования являлось проанализировать взаимосвязь речевого воздействия с распределением метафор в различных частях композиционной структуры текста TED-лекций.

TED-лекции, как и многие другие публичные тексты, обычно строятся по базовой схеме: введение, основная часть и заключение. Во введении, согласно Х. Неси, можно выделить приветствие аудитории, введение в тему, представление лектора. Основная часть реализует модель «проблема–решение», где развитие темы состоит из этапов: «ситуация», «проблема», «ответ» и «оценка». Заключительная часть TED-лекции содержит итоговое послание – «призыв к действию», поскольку цель TED – убедить аудиторию в необходимости перемен, чтобы сделать мир лучше [1, с. 7].

Кроме того, «в публичных выступлениях, посвященных вопросам охраны окружающей среды, научные сведения зачастую передаются посредством метафор. Метафоры также применяются для обозначения различных экологических проблем» [2, с. 229]. Использование метафор в различных композиционных частях текста позволяет решать задачи по влиянию на восприятие аудитории.

В соответствии с исследованиями В. Коллер, роль метафоры в тексте зависит от её расположения [3]. В начале текста метафоры активируют восприятие и создают первичное представление о проблеме, в основной части они усиливают аргументацию и служат инструментом убеждения, а в заключении метафоры направлены на воздействие на читателя или зрителя с целью побудить его к действию или изменению отношения к рассматриваемой теме.

Для анализа взаимосвязи позиции метафор в тексте, речевого воздействия, а также функций используется индекс метафоричности и внешней структуры текста (Metaphor Structural Index external), который рассчитывается по формуле:

$$MStI(ex) = \frac{1 \times M + 2 \times I + 3 \times C}{n_{me}},$$

где М – количество метафор в основной части;
I – количество метафор во введении (вступлении);
С – количество метафор в заключении;
 n_{me} – количество всех метафор в тексте [21, с. 244].

Структурно-коммуникативное воздействие метафор определяется следующим образом: если индекс $MStI(ex) < 1,2$, то метафоры выполняют аттрактивное воздействие; если $1,2 < MStI(ex) < 1,5$, то метафоры оказывают суггестивное воздействие; если $MStI(ex) > 1,5$, то метафоры реализуют персуазивное воздействие.

Опираясь на работу В. Коллер, мы получили следующие данные, отраженные в таблице 1.

Таблица 1. – Структурное распределение метафор в TED-лекциях и их коммуникативное воздействие

Текст	Вступление	Основная часть	Заключение	Индекс $MStI(ex)$
A menu of foods we might lose forever [	2	15	12	1,9
What can we do to reduce food waste?	0	5	3	1,8
What to do when climate change feels unstoppable	6	14	7	1,7
Love, sorrow and the emotions that power climate action	2	15	8	1,7
The global food waste scandal	5	11	4	1,7
Tough truths about plastic pollution	1	3	1	1,6
Let's fix food waste and hunger	0	9	3	1,5
The problem with food and climate – and how to fix it	3	23	4	1,4

Из таблицы 1 следует, что высокие значения индекса MStI(ex) (выше 1,5) наблюдаются во всех представленных текстах, что свидетельствует о том, что метафоры выполняют персуазивную роль, то есть направлены на убеждение аудитории, побуждение к действию или изменению отношения к проблеме. Такая функция характерна для общественно значимых выступлений, где важно не только информировать, но и воздействовать на установки и поведение слушателей. Особенно высокие значения индекса отмечаются в следующих выступлениях: “A menu of foods we might lose forever” – 1,9; “What can we do to reduce food waste?” – 1,8; “What to do when climate change feels unstoppable”, “Love, sorrow and the emotions that power climate action”, “The global food waste scandal – 1,7; “Tough truths about plastic pollution” – 1,6. В этих случаях значительное количество метафор в заключении и основной части усиливает воздействие на аудиторию, где создаётся эмоциональный акцент и призыв к действию.

Граница между суггестивным и персуазивным воздействием проходит на уровне 1,5 в выступлении “Let’s fix food waste and hunger”, что указывает на переходную форму воздействия: метафоры здесь не только помогают глубже понять проблему (суггестия), но и начинают выполнять убеждающую функцию (персуация).

Единственное выступление, демонстрирующее значение ниже 1,5 – “The problem with food and climate – and how to fix it” (индекс 1,4) – отражает суггестивное воздействие метафор. Здесь основная масса метафор сосредоточена в основной части, что усиливает аргументацию, но метафоры в заключении играют менее выраженную роль, и призыв к действию выражен менее активно. Это свидетельствует о том, что основной акцент делается на осмыслении проблемы, а не на прямом побуждении к действиям.

Проанализируем конкретные примеры из текстов TED-лекций. В тексте “A menu of foods we might lose forever” с индексом MStI(ex) = 1,9 небольшое число метафор во вступлении направлены на пробуждение внимания и установление эмоциональной связи с аудиторией. Например, метафора “*And you’ll see that it’s many of the foods that we that we **hold dear***” преобразует пищевые продукты из простых объектов потребления в символы культурной идентичности. Данная метафора преимущественно выполняет эмоционально-оценочную функцию, автор показывает, что утрата этих продуктов влечёт не только экономические и экологические потери, но и исчезновение традиций и общих ценностей, что усиливает тревогу в связи с влиянием климатических изменений на нашу повседневную жизнь и культурное наследие. Большая часть образных конструкций в данной TED-лекции приходится на основную часть и заключение. Так, метафора “*trees are going to **have to walk and move***” выполняет объяснительную функцию. Она упрощает сложное понятие – неспособность деревьев адаптироваться к стремительным климатическим изменениям – посредством яркого и наглядного образа. Приравнивая идею адаптации к «ходьбе» и «движению», когда растения по своей природе неподвижны, метафора доступно демонстрирует ограничения естественной миграции и подчеркивает их биологическую уязвимость. Метафоры, расположенные в финальной части текста, оказывают максимальное персуазивное воздействие на аудиторию. Так, например, метафора “*The good news is, **on our plates** really does hold some of the biggest both problems but also potential to solve these challenges*” использует образ тарелки как символ повседневного потребления, отражая одновременно наличие глобальных проблем и возможности для их решения. Тарелка здесь выступает как метафора системы питания, которая, с одной стороны, страдает от экологических и социальных кризисов, а с другой – обладает потенциалом для восстановления. Это подчеркивает идею о том, что решение глобальных проблем начинается с индивидуального выбора и изменений на самом месте потребления. Аналогично метафора “***eat** some of the challenges we face*” использует образ приёма пищи для символического описания процесса преодоления данных проблем. Здесь, вместо буквального потребления пищи, подразумевается, что мы «перевариваем» вызовы, с которыми сталкивается наше общество, усваивая их и извлекая уроки. Образное употребление глагола “eat” усиливает эмоциональный отклик, призывая аудиторию коллективно столкнуться с проблемами и искать пути их решения. Таким образом, метафоры оказывают персуазивное воздействие за счет объяснительной функции.

В выступлении “What to do when climate change feels unstoppable” (индекс MStI(ex) = 1,7) можно заметить, что автор сразу обращается к аудитории через серию метафор во вступлении (6 образных оборотов) – это помогает сразу установить эмоциональный контакт. Например, метафора “***fishing frogs from the toilet***” выполняет мнемоническую и игровую функцию, стирая границу между цивилизацией и природой. Это выражение передаёт ощущение детского восхищения и напоминает, что природа может проникнуть даже в самые неожиданные уголки. Основная часть, наполненная 14 метафорами, служит для подробной аргументации и структурирования сложной проблемы, а заключение с семью метафорами закрепляет общее воздействие. Так, метафора “*We humans were **a plague** on our own planet*” сравнивает человечество с разрушающей болезнью и подчеркивает его разрушительное воздействие на природу. Чума в виде населения, как инфекция, проникающая в тело, распространяет хаос и повреждения в экосистемах Земли, истощает ресурсы и нарушает естественный баланс. Такой образ не только усиливает ощущение вины за нанесённый вред, но и побуждает к пересмотру привычного положения человека как разумного хранителя природы, ставящего под угрозу саму основу жизни на планете. Данная метафора

реализует мнемоническую, информативную, этическую и суггестивную функции. Метафоры “*Denial erases our responsibility, while despair lumps us with all of it*” выполняют этическую и суггестивную функции, подчёркивая контраст между двумя эмоциональными состояниями, которые как бы «тормозят» активные действия по защите природы. Отрицание «стирает» чувство ответственности, освобождая нас от необходимости признавать и исправлять ущерб, который мы наносим окружающей среде. Таким образом, эта метафора демонстрирует, что ни отрицание, ни безудержное отчаяние не способствуют конструктивным действиям, а лишь усугубляют кризис, с которым мы сталкиваемся. Метафора “*we’ve divorced ourselves from nature*”, использованная в заключении, сравнивает разрыв отношений с природой с эмоционально нагруженным и болезненным разводом, что вызывает сильный эмоциональный отклик у аудитории. Данный образ ассоциируется с утратой, болью и отчуждением, заставляя чувствовать отделение от природы как личное горе. В результате, метафора усиливает персуазивный эффект посредством мнемонической, объяснительной и этической функции, мотивируя слушателя принять меры для восстановления этой утраченной связи.

Лекции “*Tough truths about plastic pollution*” и “*Let’s fix food waste and hunger*” имеют более низкий индекс плотности MStI(ex): 1,6 и 1,5 соответственно. В первой лекции автор использует ограниченное количество метафор, но распределяет их так, что даже единственная метафора во вступлении привлекает внимание, а их распределение в основной части помогает чётко акцентировать аргументы, донести информацию и призвать к действиям. Во второй лекции акцент смещён – введение лишено образной риторики, и вся эмоциональная нагрузка сконцентрирована в основной части (9 метафор) с усилением эффекта за счёт 3 метафор в заключении. Таким образом, несмотря на количественную разницу, метафоры в обоих текстах работают как ключевой фактор для создания персуазивного воздействия. Однако значение индекса в 1,5 в лекции “*Let’s fix food waste and hunger*” демонстрирует пограничный уровень между суггестивным и персуазивным воздействием – текст достаточно аргументирован, чтобы заставить задуматься, но при этом уровень эмоционального заряда может быть не столь значительным, как в первом блоке лекций.

Лекция “*The problem with food and climate – and how to fix it*” отличается детальной метафорической аргументацией: 23 метафоры основной части создают насыщенный, многослойный образ проблемы, тогда как 3 метафоры во введении служат задают контекст, а 4 метафоры в заключении закрепляют впечатление и призывают к действию. Индекс плотности метафор в данной лекции MStI(ex) = 1,4, что выводит текст в категорию суггестивного воздействия, где акцент смещён на детальное осмысление представляемой информации, а эмоциональная окраска остаётся умеренной. Например, в фразе “*but also it’s a place of a lot of confusion and misinformation*” слово «место» используется метафорически для обозначения состояния, а не конкретного физического объекта. Несмотря на масштабы и очевидность влияния продовольственной системы на климат, информация о ней зачастую искажена или неполна, что подчёркивает противоречивость проблемы. Данная метафора используется во введении и выполняет аттрактивную роль посредством эмоционально-оценочной и информативной функции, так как вызывает интерес, стимулирует любопытство и побуждает аудиторию к более глубокому изучению темы. Разберём метафоры в основной части лекции. Метафора “*So food dominates our planet*” превращает пищу из обычного элемента питания в определяющую силу, оказывающую влияние на весь мир. Используя глагол “*dominates*”, автор подчёркивает, что продовольственная система пронизывает все аспекты жизни на Земле, от экологии до социума, и оказывает решающее воздействие на глобальные процессы. Метафора выполняет объяснительную и суггестивную функции. Метафора “*This is the most stubborn and difficult part of the whole climate puzzle*” сравнивает одну из ключевых проблем климатического кризиса с «упрямой» деталью сложной головоломки, что делает её особенно заметной и критически важной для решения всего вопроса. Такое сравнение наглядно демонстрирует, что даже при успехе в решении многих аспектов, одна нерешённая проблема способна остановить или замедлить общий прогресс. Суггестивная функция метафоры заключается в том, что она направляет внимание слушателя на этот наиболее сложный элемент, внушая необходимость сосредоточенных усилий для его преодоления. Мнемоническая функция – в образной аналогии с пазлом. В свою очередь, метафора “*...agriculture is a pretty big player*” приравнивает продовольственную систему к ключевому участнику, обладающему значительным влиянием в «игре» изменения климата. Использование термина «крупный игрок» персонализирует абстрактные данные, превращая сектор сельского хозяйства в активный субъект с весомой ролью. Такая риторическая фигура облегчает восприятие масштабов воздействия продовольственной системы, делая её вклад в выбросы парниковых газов более понятным и ощутимым для аудитории. Метафора реализует мнемоническую и объяснительную функции. В предложении “*If a bathtub is overflowing and pouring out into the floor or damaging your house, what’s the first thing you do? You turn off the faucet, then you go look for the sponge to clean up the rest of the water*” метафора, выполняющая объяснительную, информативную и мнемоническую функции, использует образ переполненной ванны для иллюстрации необходимости последовательных мер: сначала остановить источник проблемы (выключить кран), а затем убрать накопившийся ущерб

(взять губку и вытереть воду). Образ перенаправляет внимание с абстрактных статистических данных на жизненную ситуацию, демонстрируя, что первый шаг в решении проблемы – это прекращение дальнейшего ухудшения ситуации. Затем, внимание акцентируется на том, что уже накопленные негативные последствия требуют немедленного устранения. Ванна и кран становятся не только образами для объяснения проблемы, но и призывом к действиям. Метафора “*we can unlock a much better future*” сравнивает будущее с чем-то запертым, что можно открыть, если приложить усилия и принять правильные решения. Она внушает идею, что улучшения возможны, если мы применим имеющийся арсенал инновационных и проверенных решений, тем самым превращая абстрактное понятие будущего в доступную цель. Данная метафора, находящаяся в заключении, сочетает в себе суггестивную, эмоционально-оценочную и этическую функции.

Таким образом, исследование функций метафор в зависимости от их позиции в тексте выявило, что распределение образных выражений оказывает влияние на коммуникативное воздействие публичных выступлений. В TED-лекциях, организованных по классической трёхступенчатой схеме, метафоры, размещённые во вступлении, основной части и заключении, выполняют различные функции. Во вступительной части образные выражения привлекают внимание аудитории, формируя представление о проблеме и определяя общий настрой текста (идентификационная, эмоционально-оценочная, игровая, информативная функции). Метафоры, использованные в основной части, способствуют усилению аргументации и создают условия для более подробного анализа представленной информации (объяснительная, суггестивная, информативная, мнемоническая, аттрактивная функции). В заключительной части метафоры ориентированы на формирование убеждающего эффекта, стимулируя аудиторию к изменению отношения к обсуждаемой теме или к принятию определённой позиции (этическая, эмоционально-оценочная, номинативная, персуазивная функции). Расчёт индекса MStI(ex) позволяет объективно оценить структурное распределение метафор, при этом значения свыше 1,5 указывают на выраженную направленность метафор к убеждению. Примеры из анализируемых TED-лекций, такие как “A menu of foods we might lose forever” и “What can we do to reduce food waste?”, демонстрируют, что высокая концентрация метафор в заключении способствует более чёткому усвоению представленных аргументов. Напротив, более низкое значение индекса, как в случае с “The problem with food and climate – and how to fix it” (1,4), свидетельствует о том, что здесь основное внимание уделяется аргументационному обоснованию проблемы, а не прямому призыву к действиям. Согласно полученным данным, в 75% проанализированных лекций метафоры используются преимущественно в персуазивных целях, что подтверждает их ключевую роль в формировании отношения аудитории к проблематике выступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nesi, H. Lecture discourse and the study of languages for specific academic purposes: What makes a good model text? / H. Nesi // *Cahiers de l'APLIUT*. – 2023. – Vol. 42, № 2. – P. 1–15.
2. Välvirronen, E. From “Burning Library” to “Green Medicine”: The Role of Metaphors in Communicating Biodiversity / E. Välvirronen, I. Hellsten // *Science Communication*. – 2002. – Vol. 24, № 2. – P. 229–245.
3. Koller V. Metaphor Clusters, Metaphor Chains: Analyzing the Multifunctionality of Metaphor in Text / V. Koller // [Electronic resource]. – Vienna, 2003. – Mode of access: https://www.metaphorik.de/sites/www.metaphorik.de/files/journal-pdf/05_2003_koller.pdf . – Date of access: 11.03.2025.

УДК 811.11

ХАРАКТЕРИСТИКА МЕДИЙНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

О. В. ДУБЯГО

(Представлено: Е. М. ЧЕБОТАРЁВА)

В работе выявлены основные характеристики медийного экологического дискурса. Медийный экологический дискурс проанализирован по критериям В.И. Карасика: участники, хромотоп, цели, ценности, стратегии, материал (тематика), жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы. Отмечено, что жанровая структура медийного экологического дискурса находится в процессе постоянных изменений и трансформаций: наблюдается смешение жанров, исчезновение некоторых из них и появление новых форм.

В условиях глобального ухудшения экологической ситуации, усиливающейся угрозы деградации окружающей среды и истощения природных ресурсов, насущной потребностью становится обеспечение устойчивого взаимодействия человека с окружающим миром. Эколингвистика – новая область языкознания, возникшая в XX веке и объединяющая экологию и лингвистику, – исследует роль языка в описании и возможном решении проблем окружающей среды. Объектом исследования эколингвистики является экологический дискурс, раскрывающий экологическую проблематику и отражающий в языке взаимоотношения природы и человека.

Существует несколько подходов к определению экологического дискурса, отражающих его многоаспектную природу и разнообразие функциональных сфер. В рамках данного исследования мы опираемся на определение, которое дает в своей монографии Е.В. Иванова: «Экологический дискурс представляет собой совокупность устных и письменных текстов различных функциональных стилей и жанров, обусловленных ситуацией общения на экологические темы. Ключевым концептом и темой экологического дискурса является природа и состояние окружающей среды» [1, с. 8]. Она также выделяет четыре разновидности данного дискурса с точки зрения функционально-стилевой дифференциации:

- научный экологический дискурс: тексты специалистов в области экологии, направленные на передачу научных знаний и разработку рекомендаций по охране природы;
- медийный экологический дискурс: тексты журналистов, ориентированные на широкую аудиторию; распространяющиеся в прессе, на телевидении, радио, в Интернете; формирующие общественное мнение о проблемах экологии;
- религиозно-проповеднический экологический дискурс: обсуждение экологии через призму религиозных учений, где природа рассматривается как дар Божий;
- художественный экологический дискурс: произведения литературы, описывающие природу, взаимодействие человека с окружающим миром и экологические проблемы.

Экологический дискурс является институциональным, так как функционирует в рамках организованных социальных структур, таких как государственные и частные организации, научные учреждения и экологические движения.

В рамках данного исследования мы остановимся на медийном экологическом дискурсе, поскольку он позволяет эффективно донести экологические послания до широкой аудитории, способствуя повышению осведомленности, формированию устойчивых ценностей и активному вовлечению общества в решение экологических проблем.

Знание особенностей медийного экологического дискурса помогает понять, как средства массовой информации влияют на общество, выявлять языковые приемы манипуляции в областях, касающихся экологических проблем, и развивать критическое мышление. Опираясь на работу С.С. Борисова «Персуазивные стратегии в аналитических жанрах медиатекста», мы выделили ряд характерных черт, присущих медийному экологическому дискурсу [2, с. 20]:

- фасцинация – воздействие на реципиента через возбуждение интереса и эмоций, включая механизмы обмана, суггестии и обращения к скрытым желаниям аудитории, например, в тезисах экоактивистов часто происходит сдвиг в сторону риторической аргументации в ущерб логической, при этом сам коммуникатор верит в разумность своих высказываний, что создает дополнительный эмотивный эффект [3, с. 3];
- спектаклярность (зрелищность) – репрезентация действительности посредством ярких визуальных образов, что особенно характерно для освещения тем, связанных с экологическими катастрофами;
- медиальность – «привязанность смысловыражения к определенному формату, способу выражения», что определяет восприятие и структуру контента [4, с. 8], например, формат TED-лекций;

– мультимодусность – использование различных вербальных и невербальных средств коммуникации, где невербальные компоненты подчинены вербальным и служат их дополнением, так, креолизованный текст содержится в большинстве инстаграм-публикаций экоактивистов, так как фотографии, к примеру, «оживляют» текст, усиливая вербальный образ, обладают таким свойством как документализм;

– аксиологичность – способность медиадискурса формировать и корректировать ценности («природа», «экология», «охрана окружающей среды», «ответственность перед будущими поколениями», «устойчивое развитие») и антиценности («осквернение и разрушение среды обитания», «биоцид», «экоцид») аудитории;

– прагматичность – воздействие на аудиторию с целью побуждения к конкретным действиям, включая элементы пропаганды и мотивации, например, дискредитация экологически опасных действий и популяризация экоориентированных действий;

– экспрессивность – акцентирование определённых фрагментов информации посредством использования ярких стилистических средств (метафор, эпитетов, гипербола и других), что позволяет вызвать эмоциональный отклик у адресата, заставив осознать, что глобальные проблемы (например, изменение климата или утрата биоразнообразия) имеют непосредственное отношение к каждому, что они не абстрактная угроза, а реальность;

– жанровая многогранность – наличие различных жанров, от строго информативных новостных репортажей и аналитических обзоров до художественно-публицистических эссе, социальной экологической рекламы и пресс-релизов; разнообразие жанров позволяет адаптировать экологические сообщения под различные целевые аудитории и условия коммуникации;

– субъективность – усиление личностного начала через актуализацию фигуры автора текста; включение персональных историй активистов, журналистов или лекторов усиливает доверительный контакт между создателем медиа-текста и аудиторией, что стимулирует критическое осмысление и вовлечение;

– непрямая интерактивность – участие как автора, так и адресата в процессе создания медиатекста; например, челленджи в соцсетях («неделя без пластика», «посади дерево») позволяют людям активно участвовать в формировании информационного поля и продвигать экологические идеи.

Кроме того, к важным типологическим характеристикам медийного экологического дискурса исследователи относят:

– достоверность и оперативность – важность надёжности источников и точности информации, а также её актуальности и релевантности [5, с. 12]; своевременное и точное информирование способствует снижению уровня ложных представлений о проблеме и позволяет обществу принимать обоснованные решения в условиях динамично меняющейся экологической обстановки;

– дискретность и контрастивность – структурное и тематическое разнообразие, контрастность в представлении информации, например, сопоставление изображений нетронутых экосистем и зон экологической деградации позволяет акцентировать внимание на противоречивости современной экологической реальности, способствует сравнительному анализу различных аспектов проблемы;

– конструирование реальности – дискурс не просто отражает действительность, а создаёт и проецирует её в соответствии с коллективными представлениями, подбирая события и акценты, которые придают им общественную значимость [6, с. 95], данный механизм позволяет задействовать коллективное сознание, формируя общественные ценности и нормы, ориентированные на защиту окружающей среды.

Как мы видим, фактически медийный экологический дискурс участвует в формировании экологически ориентированного общества.

В ходе исследования медийный экологический дискурс как подвид дискурса институционального был нами охарактеризован по критериям В.И. Карасика, таким как участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал (тематика), жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [7, с. 209].

Участниками медийного экологического дискурса являются журналисты – представители медиаинститутов, ключевая роль которых существенно отличается от позиции аудитории, состоящей из потребителей информации: читателей, зрителей и слушателей. Клиентами данного дискурса выступают широкие социальные группы, хотя некоторые СМИ ориентированы на более узкие аудитории, определяемые возрастными, социальными или тематическими характеристиками. Центральным элементом коммуникационного процесса является взаимодействие между профессиональными журналистами и реципиентами (читателями, слушателями, зрителями), причем в дискурсе могут находить отражение и взгляды экологов и мнение рядовых граждан.

Хронотоп медийного экологического дискурса отличается разнообразием: письменная коммуникация в средствах массовой информации реализуется через периодическую печать и Интернет, тогда как устная – посредством телевидения, радио и общественных мероприятий.

Цель исследуемого дискурса заключается в оказании определенного воздействия на максимально возможное количество реципиентов в процессе их осведомления и сообщения желаемой оценки событий, связанной с вопросами охраны окружающей среды и происходящими вокруг природными катаклизмами.

Медийный экологический дискурс выполняет две основные коммуникативно-прагматические *функции*: информационную и агитационно-пропагандистскую. Первая направлена на распространение оперативной и актуальной информации, а вторая – на побуждение реципиентов к действию, на активизацию их мыслей в определенном направлении. В связи с этим в массмедийных текстах экологического дискурса содержится эмоционально-экспрессивная информация, которая характеризуется открытой оценочностью.

Ценности медийного экологического дискурса сосредоточены в его центральных концептах, таких как «природа», «экология» и «защита окружающей среды», а также в политико-идеологических категориях, включая «ответственность перед будущими поколениями», «устойчивое развитие», основанное на рыночной экономике, поддержке социально уязвимых групп населения и экологической политике.

Стратегии массмедийного экологического дискурса определяются его конкретными целями и реализуются через различные жанры. Основные этапы включают: представление информации о проблемах, связанных с загрязнением окружающей среды, в различных СМИ и её оценка; пояснение причин, вызвавших загрязнение окружающей среды; рассмотрение последствий экологических проблем и их анализ; информирование о мерах, принимаемых властями; и, наконец, побуждение аудитории к активным действиям, таким как защита окружающей среды, помощь пострадавшим и участие в акциях по уборке мусора.

Материал медийного экологического дискурса представляет собой совокупность текстов средств массовой информации на актуальные экологические темы и проблемы. *Тематика* рассматривает проблемы природных и техногенных катастроф, изменения климата, сокращения биологического разнообразия, эпидемии и заболевания, вызванные негативным воздействием человеческой деятельности, а также вопросы экологической грамотности и необходимости формирования новой модели устойчивого развития.

Жанры медийного экологического дискурса включают три основных сегмента: публицистический, политико-агитационный и рекламный. Первый направлен на информирование и анализ экологических проблем. К нему относятся краткие информационные сообщения, тематические статьи, комментарии, репортажи с места событий, интервью, очерки, эссе, фельетоны и др. Второй сегмент направлен на агитацию и политическое воздействие и включает в себя политические воззвания, призывы, выступления и программы, связанные с вопросами экологии и охраны окружающей среды. Третий сегмент представлен рекламными плакатами и экологическими слоганами, использующими визуальные и текстовые средства для пропаганды экологических идей.

Следует отметить, что жанровая структура медийного экологического дискурса находится в процессе постоянных изменений и трансформаций: наблюдается смешение жанров, исчезновение некоторых из них и появление новых форм. Особый интерес для нашего исследования представляют TED-лекции, появившиеся в середине 80х годов XX века. Данные публичные медиалекции, по мнению Т.В. Шмелевой [8] и Е.Ю. Викторовой [9], полностью отвечают критериям медиажанра: этот жанр информирует, разъясняет с опорой на анализ и оценки, убеждает, воздействуя рационально и эмоционально, развлекает, привлекает и побуждает.

Для массмедийного экологического дискурса также характерна высокая степень *аллюзивности или интертекстуальности*, что проявляется в использовании журналистами и политиками цитат и отсылок к известным фрагментам из кинофильмов, песен, рекламы и других популярных текстов, ссылаясь на широкий контекст СМИ. Также важную роль в таких текстах играют *прецедентные тексты* – известные научные гипотезы и теории, касающиеся экологии и изменения климата, а также часто упоминаемые в прессе законы об охране окружающей среды и политические лозунги, направленные на защиту природы как основы существования общества.

Прецедентными феноменами являются устоявшиеся клишированные выражения в сочетании с образно-выразительными стилистическими средствами. Таким образом, основной стилистический принцип организации языка в медийном дискурсе – сочетание стандарта и экспрессии. Экспрессивность достигается с помощью метафор, перифраз, гипербола, сравнений и эпитетов, что усиливает восприятие информации о различных экологических катастрофах. Сюда также можно отнести инверсию, парцелляцию, риторические вопросы и повторения. Эмоционально-оценочная информация передается через прилагательные, модальные глаголы и пассивные конструкции, а элементы иронии помогают выразить авторскую оценку событий.

Дискурсивные формулы. Широкая аудитория требует доступности текста и использования определённого набора языковых средств. Эффективность воздействия медийного экологического дискурса существенно зависит от внутренней прагматической структуры конкретного речевого жанра и тщательно

подобранных композиционно-речевых форм, которые обеспечивают достижение поставленных коммуникативных целей.

Таким образом, экологический дискурс представляет собой важную часть коммуникации на темы, связанные с состоянием окружающей среды, и реализуется в разных жанрах. В рамках данного дискурса выделяются четыре основные разновидности: научный, медийный, религиозно-проповеднический и художественный. Каждый из них ориентирован на различные аудитории и преследует свои цели. Медийный дискурс характеризуется fascinацией (эмоциональным воздействием), spectacularностью (зрелищностью), медийностью, аксиологичностью (формированием ценностей), мультимодностью, прагматичностью, экспрессивностью, субъективностью, непрямой интерактивностью, достоверностью и контрастивностью. Медийный экологический дискурс, в частности, играет ключевую роль в формировании общественного мнения, освещая экологические проблемы через различные стратегии, направленные на информирование, анализ причин и последствий, а также побуждение реципиентов к активным действиям. Он включает такие ключевые категории, как участники (журналисты и реципиенты), хронотоп (периодическая печать, интернет, телевидение и радио), цели (информирование и побуждение к действиям), ценности (экологическая ответственность, устойчивое развитие), а также жанры (публицистический, политико-агитационный и рекламный). Следует отметить, что жанровая структура медийного экологического дискурса находится в процессе постоянных изменений, происходит смешение жанров, появление новых форм, например, TED-лекции. Важными характеристиками исследуемого дискурса являются высокая степень аллюзивности и интертекстуальности, использование эмоционально-экспрессивных языковых средств, а также прецедентных текстов, что способствует усилению воздействия на реципиентов и формированию общественного сознания по вопросам экологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова, Е.В. Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса: монография / Е.В. Иванова. – 3-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2021. – 176 с.
2. Борисова, С.С. Персуазивные стратегии в аналитических жанрах медиатекста (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С.С. Борисова; Воронеж. гос. ун-т. – Орел, 2016. – 250 с.
3. Леонтьев, А.А. Рациональная и оценочно-эмоциональная аргументация в экологическом дискурсе / А.А. Леонтьев // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 6 (42). – С. 1–5.
4. Чернявская, В.Е. Медийность: опыт осмысления формирующейся парадигмы в лингвистике / В.Е. Чернявская // Медиалингвистика. – 2015. – № 1. – С. 7–13.
5. Панченко, Н.Н. Лингвистическая реализация комического в английском новостном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Н. Панченко; Иркут. гос. лингвистич. ун-т. – Иркутск, 2005. – 21 с.
6. Кожемякин, Е.А. Массмедиа и обратная связь: точка зрения социального конструкционизма / Е.А. Кожемякин // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2013. – № 27. – С. 93–100.
7. Карасик, В.И. Дискурс / В.И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – Гл. 3. – С. 188–297.
8. Шмелева, Т.В. «Уплотнение жанров» как тенденция медиасферы / Т.В. Шмелева // Жанры речи. – 2018. – № 4 (20). – С. 270–276.
9. Викторова, Е.Ю. Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции TED talk (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) / Е.Ю. Викторова // Жанры речи. – 2019. – № 4 (24). – С. 254–266.

УДК 821(71)

**АНАЛИЗ СРЕДСТВ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЕДА»
В РОМАНЕ МАРГАРЕТ ЭТВУД «ЛАКОМЫЙ КУСОЧЕК»****А. Э. ЖИЗНЕВСКАЯ****(Представлено: Е. М. ЧЕБОТАРЁВА)**

Анализируется концепт «еда» с позиции когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Рассматриваются подходы к изучению метафоры как средству образной номинации концепта. Определяются языковые средства, формирующие содержательную структуру концепта «Еда» и выступающие средствами его вербализации. Выявляются средства метафорической репрезентации художественного концепта «Еда» в романе М. Этвуд «Лакомый кусочек».

В ходе исследования было установлено, что основным средством фиксации культурно значимых явлений в языковых элементах является концепт. В работе рассмотрены различные подходы к определению исследуемого понятия и признаки, дифференцирующие концепты когнитивные, лингвокультурные и художественные. Подчеркнем, что несмотря на некоторые различия трактовки понятия концепт, когнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Сделан вывод, что художественный концепт, отражающий картину мира автора как представителя того или иного этноса, выступает в роли ключа к характеристике всего этнокультурного сообщества, что обуславливает актуальность и важность изучения современных художественных произведений в рамках концептуального анализа [1].

Принятие пищи как базовая потребность человека выражается при помощи совокупности различных культурных концептов, к числу которых относятся концепт «Еда». В работе мы следовали процедуре анализа концепта, разработанной В. И. Карасиком, согласно которой описание концепта должно включать: а) дефинирование; б) этимологический анализ; в) контекстуально семантический анализ. Концепт «Еда» рассматривался нами на основе двух источников: 1) совокупности словарных данных о концепте «Еда» и 2) целостном художественном тексте, содержащем индивидуально авторскую интерпретацию концепта «Еда» [2]. Особое внимание в работе было уделено описанию содержательной структуры исследуемого концепта, включающей понятийный (языковое обозначение концепта), образный (метафоры и символы, связанные с определенным понятием) и ценностный (система оценочных суждений) компоненты, вербализованного в единицах языка и, следовательно, характеризующегося определенными лингвистическими параметрами.

Нами была выявлено понятийное содержание концепта «Еда». Имя рассматриваемого концепта представлено лексемой food в значении «то, что употребляется человеком для поддержания жизнедеятельности», т.е. основным смыслом концепта, актуальным для всех носителей языка, культуры является биологический. Подобная семантика лексики food составляет ядро соответствующего концепта, что находит отражение в зафиксированных в словарях дефинициях, в синонимичных обозначениях концепта (пища, продукты питания, корм), а также в выявленных способах категоризации рассматриваемого концепта в тексте романа М. Этвуд «Лакомый кусочек» (результаты контекстуально-семантического анализа показали, что наиболее широко представленными в процентном соотношении группами являются категории «Продукты», «Напитки», «Качества пищи»). Являясь многомерным смысловым образованием, концепт «Еда», помимо биологического (насыщение организма человека питательными веществами, необходимыми для поддержания жизни), также включает и несколько дополнительных признаков: философский, трактующий пищу не как насыщение тела, а как питание души, осмысление самого себя и своего места в социуме; культурный, т.е. приобщение посредством питания к национальным традициям; религиозный, отражающийся в ритуалах, сопровождающих прием пищи, во взаимосвязи культурных концептов «Еда», «Душа», «Тело», «Жизнь» и «Смерть»; психологический, анализирующий влияние эмоций и психических состояний на пищевые привычки [3]. Внутренняя форма концепта «Еда», раскрываемая опосредованно через этимологию, и являющаяся основой остальных значений, несет смысл «защищать, охранять, кормить», т.е. еда мыслится как защитный механизм [4]. На основе проведенного анализа сделан вывод, что основным средством вербализации анализируемого концепта является прямое номинирование, при помощи которого была выявлена его понятийная составляющая.

Особенностью актуализации данного концепта в анализируемом тексте романа также можно назвать ценностную и образную составляющие, причем главным средством образной номинации выступает метафора как средство вторичной номинации и выразитель индивидуально-авторской концептосфе-

ры. Методом сплошной выборки из текста романа М. Этвуд «Лакомый кусочек» нами было отобрано 44 примера расширенной метафоры, отражающей концепт «Еда» [5]. Мы рассмотрели практическое употребление расширенной метафоры в романе с точки зрения 1) способа образования, 2) способа и 3) техники метафорического переосмысления, а также 4) оценочной характеристики [6]. Представим результаты проведенного нами статистического анализа примеров расширенной метафоры:

1. Выявлено, что по способу образования наиболее представленная группа – 39% – это глагольные метафоры (Do they think I'm trying to gobble you up?). Было выявлено 20% примеров субстантивной метафоры (I wouldn't find the right sort of people there. They would be the martini set), 29% – адъективной метафоры (You look delicious, appetizing, that's what you get for being food), 7% – причастной метафоры (She was like moving underwater, feeling enclosed in a layer of moist dough), а также 5% смешанных метафор.

2. Показано, что частотным способом метафорического переосмысления является включение в состав расширенной метафоры дополнительных стилистических фигур, способствующих усилению создаваемого образа: сравнение (18%), например, Marian felt a hunted rabbit; эпитет (14%), например, the rebellious stomach is a persistent voice; гипербола (5%), например, May be she would be married before the mess in her kitchen became epidemic; антитеза (2 %), например, Peter was not the enemy, after all, he was just a normal human being, like most other people... It was Duncan that was the mutation. Отметим, что в 61% случаев расширенная метафора дана в «чистом виде».

3. Установлено четыре основных вида техники переосмысления: 1) живое → неживое – 32% (Her new-born baby in its nursery cot reminded one of many indistinguishable red shriveled prunes); 2) неживое → живое – 27% (She listened as she spoke; the open space had swallowed up her voice); 3) живое → живое – 23% (People are hungry hunters); 4) неживое → неживое – 18% (inedibility of marriage).

4. Определено, что расширенная метафора преимущественно – 82% случаев – выражает отрицательную характеристику, например, She was becoming more and more irritated by her body's decision to reject certain foods. She had tried to reason with it, and accused it of having frivolous whims, had coaxed it and tempted it, but it was adamant; and if she used force it rebelled. Ценностно-оценочный уровень характеризует анализируемый концепт через призму поведения персонажей. На страницах романа подробно освещена неравная борьба героини с пищей. Мэриан не может сладить с собственным организмом. Душевная неразбериха, иррациональный страх перед тем, что может каким-либо образом предопределить ее будущее – будь то замужество или материнство – проявляется в расстройстве пищевого поведения, ужасе перед едой. У Мэриан не получается подавить в себе настоящее, подлинное, – вся ее натура бунтует против слепого подчинения правилам, которые составлены без учета мнения и желаний героини. Повествование в произведении так или иначе очень часто окрашено авторской оценкой и его личным отношением к героям. При этом в преобладающем большинстве случаев развернутая метафора выражает отрицательную оценочность.

Образная составляющая концепта «Еда» включает в себя концептуальные метафоры (“Men are consumers”, “Inedibility of marriage”, “Hungry hunters”, “The edible woman”), которые объективируются в примерах расширенных метафор и раскрывают проблематику анализируемого произведения. Еда предстает как метафора потребления/общества потребления, как способ манипулирования сознанием и эмоционального давления в обществе потребления, а поглощение еды символизирует поглощение личности. Еда играет важную роль в эволюции личности героини романа Мэриан, возвращающей себе свое «я» сначала ценой отказа от пищи, а затем символическим поглощением торта в виде нарядной женщины, лакомого кусочка (edible woman cake) – образа пассивной женщины, возведенный в идеал потребительской культурой 1950–1960х гг. [7].

Важно также отметить, что вербализация анализируемого концепта с помощью метафоры является отражением индивидуально-авторской картины мира М. Этвуд. Данное исследование демонстрирует важность изучения языковых аспектов концептов для более глубокого понимания текстов и культурных контекстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гутковская, М.С. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии / М.С. Гутковская // Русский язык: система и функционирование : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., г. Минск, 5–6 мая 2009 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : И. С. Ровдо [и др.]. – Минск : РИВШ, 2009. – Ч. 1. – С. 146–150.
2. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Food // Collins English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/food>. – Date of access: 21.04.2025.

4. Food // Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.etymonline.com/search?page=1&q=food&type=>. – Date of access: 20.04.25.
5. Atwood, M. Edible Woman / M. Atwood. – Fiction, 1981. – 312 p.
6. Геворкян И. А. Расширенная метафора в произведениях современных британских писателей и способы ее передачи на русский язык : 44 автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И.А. Геворкян; Казанский (Приволжский) федер. ун-т. – Казань, 2013. – 26 с.
7. Mouda, A. The Woman's body and Consumer Society. A Feminist Reading of Margaret Atwood's Edible Woman / A. Mouda // The Review of World Literature in English. – 2011. – Vol. 7 – P. 1–13.

УДК 821(71)

КОНЦЕПТ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ**А. Э. ЖИЗНЕВСКАЯ****(Представлено: Е. М. ЧЕБОТАРЁВА)**

Анализируется понятие «концепт» с позиции когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Рассматриваются специфика лингвокогнитивной и лингвокультурологической интерпретации концепта. Определяются природа, структура, специфика и методология изучения концепта.

Концептология – новая, развивающаяся научная отрасль. Ученые лингвисты В.И. Карасик и И.А. Стернин определяют концептологию как «науку о концептах, их содержании и отношениях концептов внутри концептосферы» и относят её к «разделу междисциплинарной когнитивной науки» [1, с. 4]. Концептология включает в себя лингвоконцептологию, цель которой – «описать названные в языке концепты лингвистическими средствами» [1, с. 4]. Представители лингвистической концептологии утверждают, что концепт, являясь основной единицей сознания, всегда овеществлен, т.е. обозначен словом, и без репрезентации в языке концепт не может существовать. Соответственно, проанализировав совокупность языковых средств, вербализующих концепт, можно описать его содержание и структуру в концептосфере. Однако следует учесть, что концепт как единица сознания также содержит невербализованную часть, поэтому анализ его содержания только через данные языка не будет полностью исчерпывающим.

Понятие «концепт» является ключевым в таких лингвистических дисциплинах как когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Рассмотрим специфику лингвокогнитивной и лингвокультурологической интерпретации концепта (таблица 1).

Таблица 1. – Подходы к определению понятия «концепт»

Подход	Представители	Определение понятия «концепт»
Лингвокогнитивный	А.П. Бабушкин А.А. Залевская Е.С. Кубрякова З.Д. Попова И.А. Стернин	– «любая дискретная содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира и хранимого в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» (А.П. Бабушкин) [2, с. 52]; – «квант структурированного знания о фрагменте мира» (Е.С. Кубрякова) [3, с. 90]; – «ментальная единица, обеспечивающая процесс понятийного мышления, при этом совокупность концептов представляет информационную базу мышления» (З.Д. Попова, И.А. Стернин) [4, с. 35-36]; – «перцептивно-понятийно-аффективное ментальное образование» (А.А. Залевская) [5, с. 39]
Лингвокультурологический	Н.Д. Арутюнова С.Г. Воркачёв В.И. Карасик Г.Г. Слышкин Ю.С. Степанов	– «культурный слой, посредничающий между человеком и миром» (Н.Д. Арутюнова) [6, с. 3]; – «единица коллективного знания (отправляющая к высшим духовным сущностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» (С.Г. Воркачёв) [7, с. 51-52]; – «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» (В.И. Карасик) [8, с. 91]; – «условная ментальная единица, используемая в комплексном изучении языка, сознания и культуры и отличающаяся акцентуацией ценностного элемента, т. е. феномен действительности формирует в данной культуре концепт, если при его характеристике носителем языка используются оценочные предикаты «хорошо», «плохо», «интересно» и т.п.» (Г.Г. Слышкин) [9, с. 49]; – «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», а также «то, посредством чего человек сам входит в культуру» (Ю.С. Степанов) [10, с.43]

В таблице 1 мы сделали попытку представить точку зрения лингвокогнитивистов и лингвокультурологов на природу концепта. Как мы видим, представители лингвокогнитивного подхода (А.П. Бабушкин, А.А. Залевская, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин) опираются на данные психолингвистики: освоение фрагмента действительности и формирование в сознании соответствующего концепта предполагают активную познавательную деятельность личности и общества, выполнение таких ментальных операций, как выделение объекта познания, анализ его признаков с последующей интерпретацией и эмоциональной оценкой. Данные мыслительные операции отражены в структуре содержания концепта. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют в концепте чувственно образный или базовый слой – ядро концепта, а также информационно содержательную и интерпретативную составляющие, которые напла-

иваются на базовый слой [4, с. 106]. Другими словами, концепт – знание об объекте из мира действительности, «комплексная, энциклопедическая информация об отражаемом предмете или явлении, интерпретация данной информации общественным сознанием и отношение общественного сознания к данному явлению или предмету» [4, с. 24].

Л.А. Климкова указывает на важность индивидуального культурного опыта, запаса знаний, умений и навыков, так как от их объема напрямую зависит богатство концепта. Согласно Л.А. Климковой, концепт – это «ментальная единица, содержанием которой является результат осмысления человеком элемента действительности на основе этнического, социумного и индивидуального опыта, совокупность смыслов относительно элемента действительности, имеющих культурную, этническую, социумную, а тем самым и индивидуальную личностную значимость» [12, с. 30]. Вышеприведенное определение является своеобразным «мостиком», который ведет от когнитивистской трактовки концепта к его лингвокультурологической интерпретации, представленной в работах Н.Д. Арутюновой, С.Г. Воркачёва, В.И. Карасика, Ю.С. Степанова, Г.Г. Слышкина. По мнению этих ученых, «культура – это совокупность концептов и отношений между ними» [12, с. 40]. А лингвокультурный концепт рассматривается как микромодель культуры. Лингвокультурный концепт используется в качестве условной ментальной единицы при комплексном изучении языка, сознания и культуры.

Е.А. Дичковская следующим образом определяет соотношение лингвокультурного концепта с языком, сознанием и культурой: «сознание – область пребывания концепта (концепт лежит в сознании), культура детерминирует концепт (т.е. концепт – ментальная проекция элементов культуры), язык – сфера, в которой концепт опредмечивается» [13, с. 107]. Тем не менее, концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами. Концепт, по сути, – это некий «черный ящик» в сознании носителя определенного языка и культуры, содержание которого субъективно, заглянуть в него мы не можем, и, поэтому, судить о нем можно только по результатам культурно семиотического опредмечивания. Согласно Н.Д. Арутюновой, концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [6, с. 3], так как в них интегрированы элементы национальных традиций, фольклора, религии, идеологии, литературы, науки, жизненного опыта, искусства, исторического опыта, системы ценностей. Ю.С. Степанов добавляет, что в структуру концепта входит всё, что делает его фактом культуры, т.е. это и исторический опыт данного этноса, и этимология, и современные ассоциации, и оценки [10]. Концепты в этом понимании можно соотнести с наивной картиной мира (в противовес научной картине мира), так как исследователи концептов говорят о понятиях практической, обыденной философии, включающих не только абстрактные, но и ассоциативные, эмоционально-оценочные признаки. Например, в «Антологии концептов» под редакцией В.И. Карасика и И.А. Стернина [1] представлен словарь-концептуарий подобных понятий – «быт», «воля», «дружба», «душа», «сердце», «ум», «разум», «язык», «здоровье», «красота», «любовь и ненависть», «обман», «страх», «тоска», «удивление». Подобные культурно значимые смыслы – культурные концепты – закреплены в коллективном языковом сознании и коммуникативном поведении. Их изучение помогает описать менталитет народа, т.е. национальный способ восприятия и понимания действительности, поведенческие особенности этноса, а также национальный характер, т.е. целостный, устойчивый склад духовной жизни языковой личности, определяющей её качественное своеобразие [7]; это движение от психических, социально-культурных образований в сторону их вариативной фиксации в языке (например, лексические, словообразовательные, стилистические, грамматические языковые средства) и не только в языке (например, средства прагматики, социокультурные, психологические и т.д.).

Таким образом, для лингвокультурологов концепт – это «культурно значимое психическое образование, существующее в сознании культурного сообщества и закреплённое в языке» [11, с. 147].

На наш взгляд, оба подхода к пониманию природы концепта взаимообогащают друг друга, так как общая цель данных подходов – это познание сути языкового сознания и понимание глубинных основ различий между культурами. Г.Г. Слышкин отмечает, что «для когнитивиста одному концепту соответствует одна языковая единица; для лингвокультуролога концепт обладает свойством полиапеллируемости» [9, с. 30], т.е. может реализовываться при помощи разнообразных единиц языкового уровня – ключевых слов, терминов, словосочетаний. Слово – средство вербализации ментального концепта. Е.А. Дичковская поясняет, что в лексико-семантических, словообразовательных системах языков, корпусе фразеологии, паремиологическом фонде, в системе устойчивых сравнений запечатлеваются ядерные, апробированные временем представления о мире, которые характерны для данного языкового коллектива, причем чем большим числом средств представлен концепт, чем больше плотность его лексико-семантического поля, тем важнее концепт для представителей данной лингвокультуры [13].

В.И. Карасик также подчеркивает, что «когнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами

по отношению к индивиду: когнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный – от культуры к индивидуальному сознанию» [8, с. 97]. При этом ученый указывает на определенную искусственность и абстрактность разделения движения вовне и вовнутрь: это лишь исследовательский прием, «в реальности же движение является целостным многомерным процессом» [8, с. 97].

В данных подходах можно отметить определенные различия в трактовке понятия «концепт». Тем не менее, мы полностью разделяем позицию лингвиста В.И. Карасика касательно недопустимости противопоставления этих двух подходов и использованию взаимодополняющего потенциала и когнитивного, и лингвокультурного понимания концепта, в связи с чем исследования В.И. Карасика, посвященные природе, структуре, специфике и методологии изучения концептов представляют особый интерес для нашей работы. Поэтому остановимся подробнее на важных для нашего исследования положениях теории В.И. Карасика.

Культурный концепт, по мнению ученого, – это «многомерное смысловое образование» [8, с. 91], своеобразная матрица значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками, отражающими повторяющиеся фрагменты социальной жизни. В содержание концепта ученый выделяет три компонента: понятийный, образный и ценностный. Понятийная составляющая концепта служит основой для построения концепта – это языковое обозначение концепта, его описание, дефиниция, система признаков и сопоставительных характеристик по отношению к иному ряду концептов [8, с. 107].

Понятийная сторона концепта представляет собой абстрактную идею или универсальное понятие, которое объединяет определенные свойства, качества или характеристики. Концепт может быть основан на теоретических представлениях, общепринятых убеждениях, или являться результатом систематизации знаний в определенной области.

Образная сторона концепта относится к его способности вызывать визуальные, звуковые, тактильные, вкусовые или другие сенсорные образы и ассоциации в умах людей [8, с. 107]. Иными словами, образная сторона концепта определяет, какие образы, метафоры, символы или эмоциональные ассоциации связаны с определенным понятием, она не всегда поддается рефлексии.

Ценностная сторона концепта представлена мировоззренческим аспектом и формируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, основанных на юридических, религиозных, нравственных нормах, здравом смысле. Здесь функционируют «наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [9, с. 108]. Ценностная картина мира существует как в коллективном, так и в индивидуальном сознании, причем у разных социальных групп даже внутри одной языковой культуры могут быть совершенно различные ценности.

Следует отметить, что В.И. Карасик акцентирует значимость образного и, особенно, ценностного компонентов концепта.

В.И. Карасик выделяет три способа языковой объективизации концепта: 1) обозначение, 2) выражение и 3) описание.

Под обозначением понимается «присвоение фрагменту осмысляемой действительности наименования, специального знака» [8, с. 91], т.е. это выбор ключевого слова-репрезентанта концепта, причем у одного концепта может быть несколько слов-репрезентантов (например, sky и heaven и их производные) [14]. В рамках нашей работы ключевым словом репрезентантом концепта является еда (food) и его производные.

Выражение концепта – это «вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих его содержание» [8, с. 91]. Для нашего исследования важно четко определить именно те языковые средства, которые формируют номинативное поле концепта и являются средствами его вербализации. По мнению ученых З.Д. Поповой и И.А. Стернина сюда входят: 1) непосредственные номинации концепта; 2) производные номинации концепта; 3) лексические единицы, выступающие однокоренными словами к номинантам концепта; 4) симиляры; 5) контекстуальные синонимы; 6) окказиональные индивидуально-авторские номинации; 7) устойчивые словосочетания, синонимичные непосредственному номинанту концепта; 8) фразеосочетания, 9) паремии (пословицы, поговорки, афоризмы); 10) метафорические номинации; 11) устойчивые сравнения с ключевым словом; 12) свободные словосочетания, номинирующие те или иные признаки концепта [4, с. 69-71]. В.И. Карасик дополняет вышеприведенный перечень таким средством вербализации концепта как тексты или их совокупности, если идет речь о необходимости обсуждения индивидуально-авторских концептов [8]. Эта позиция также актуальна для нашего исследования, так как мы рассматриваем концепт «Еда» как на совокупности словарных данных о концепте «Еда» и данных о нем в английском языке как системе, так и на материале целостного художественного текста, содержащем индивидуальную авторскую интерпретацию данного концепта.

Описание концепта, по В.И. Карасику, включает «специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени» [8, с. 92]. Приведем процедуру концептуального анализа, разработанного В.И. Карасиком. Описание концепта, по мнению ученого, включает следующие компоненты: 1) дефи-

нирование; 2) этимологический анализ; 3) контекстуальный анализ [8, с. 92]. Пошаговое выполнение данной методики, по мнению ученого, позволяет максимально полно выявить содержательную структуру концепта, что мы и попытались выполнить в практической части нашего исследования.

Таким образом, можно сделать вывод, что концепт является базовым понятием концептологии, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. В понимании когнитивной лингвистики концепт – это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [3, с. 90], т. е. основная форма осуществления понятийного мышления. Лингвокультурология рассматривает концепт как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [10, с. 43]. Несмотря на некоторые различия в понимании одного объекта, данные подходы к интерпретации концепта, по сути, взаимодополняют друг друга, предполагая движение от индивидуального сознания к действительности и от культуры к индивидуальному сознанию. Соответственно, в результате личностного осмысления общечеловеческого, общенационального и группового знания, присваемого в процессе социализации, формируются индивидуальные смыслы конкретного человека.

Вслед за В.И. Карасиком под концептом мы понимаем многомерное смысловое образование, имеющее а) понятийный (информационно фактуальный); б) образный (когнитивно-метафорический); в) ценностный (система оценочных суждений) компоненты. Существует три способа языковой объективизации концепта – обозначение, выражение и описание, – которые в равной степени могут участвовать в формировании номинативного поля концепта. Концептуальный анализ включает дефинирование; этимологический анализ; контекстуальный анализ. С целью максимально полного выявления структуры концепта используются тексты (без узкого ограничения их жанровой специфики).

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В.И., Стернин И.А. Антология концептов / В.И. Карасик, И.А. Стернин. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 С.
2. Бабушкин, А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А.П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 52–57.
3. Кубрякова, Е.С. Концепт / Кубрякова Е.С. // Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С. 90–93.
4. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 315 с.
5. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под. ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВорГУ, 2001. – С. 36–46.
6. Арутюнова, Н.Д. Предисловие / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 3–4.
7. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
8. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
9. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 260 с.
10. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2001. – 989 с.
11. Гутковская, М.С. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии / М.С. Гутковская // Русский язык: система и функционирование : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., г. Минск, 5–6 мая 2009 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : И. С. Ровдо [и др.]. – Минск : РИВШ, 2009. – Ч. 1. – С. 146–150.
12. Климова, Л.А. Нижегородская топонимия в языковой картине мира: монография / Л.А. Климова. – МГПУ. Арзамас: АГПИ. – 2007. – 394 с.
13. Дичковская, Е.А. К проблеме понятия «концепт» в гуманитарном дискурсе / Е.А. Дичковская // Труд. Профсоюзы. Общество: ежеквартальный 43 научно-практический журнал / Федерация профсоюзов Беларуси, Международный ун-т "МИТСО". – 2014. – № 2. – С. 106–108.
14. Пименова, М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М.В. Пименова // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54) Т. 2. – С. 127–131.

УДК 821(71)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО МЕТАФОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

А. Э. ЖИЗНЕВСКАЯ

(Представлено: Е. М. ЧЕБОТАРЁВА)

Анализируется понятие «художественный концепт» как единица индивидуального сознания и авторской концептосферы. Описываются основные типы и особенности художественного концепта. Рассматриваются расширенная и концептуальная метафоры как главное средство образной номинации и экспликации индивидуально-авторской концептосферы.

Базовыми единицами для изучения языковой картины мира являются концепты. Концепт - это смысловая единица, имеющая отражение в языке, а значит, и в тексте. Текст можно рассматривать как один из возможных способов объективации сознания или индивидуально-авторской картины мира. С этих позиций можно говорить о концепте как «глубинном смысле, изначально максимально и абсолютно свернутой смысловой структуре текста, являющейся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста» [1, с. 202] и образующих художественную картину мира. Этот концепт можно назвать художественным, авторским или «текстовым». Данные термины являются синонимичными [2, с. 128].

Исследователи процессов концептуализации в художественной литературе чаще используют определение «художественный концепт». В современной лингвистической науке художественный концепт рассматривается, прежде всего, как единица индивидуального сознания, авторской концептосферы, вербализованная в едином тексте творчества писателя.

Дефиниция термина «художественный концепт» находится в стадии осмысления. К изучению термина «художественный концепт» одним из первых подошел С. А. Аскольдов-Алексеев [3, с. 268]. Исследователь обратил внимание, что изучаемое им явление по своей природе противопоставляется «познавательному концепту», в основе которого лежит принцип информативности, а в основе художественного концепта - образность. Лингвистом был сделан вывод, что познавательный концепт лишен воздействия чувств и вообще рационального, в то время как художественный концепт - это комплекс понятий, представлений, чувств, эмоций. Такой вид концептов формируется в процессе освоения окружающей действительности субъектом мысли и речи (в данном случае - автором) и напрямую связан с пониманием художественного концепта, предложенным И. А. Тарасовой [4, с. 146]. Основу художественного концепта составляет, по её мнению, диалогическая структура отношений человека, культуры и природы. С одной стороны, автор художественного текста опирается на собственные ощущения, жизненный опыт, душевные переживания, с другой - на общественное мнение, культурные традиции, морально-нравственные устои общества. В этом принципиальное отличие данного вида концепта от общего представления о концепте. Художественный концепт зависит, прежде всего, от средств, при помощи которых он выражен.

Авторы исследований, посвященных изучению художественного концепта, описывают его как смысловую и эстетическую категорию, содержащую в себе универсальный опыт литературной личности, ее мировоззрение, систему ценностей, способствующую формированию новых художественных смыслов. Главной особенностью художественных концептов является их индивидуальность и неопределенность возможностей. В художественном произведении буквальное значение слова обрастает новыми, совершенно иными смыслами. Это, в свою очередь, является предпосылкой появления художественного концепта. Художественный концепт в тексте выполняет заместительную функцию и обладает следующими свойствами: 1) неподчиненность законам логики; 2) отсутствие жесткой связи с реальной действительностью; 3) динамическая направленность к потенциальному образу; 4) образность; 5) эстетизм; 6) индивидуальность [5; 147].

Художественный концепт неразрывно связан с такими явлениями, как художественный текст, художественная картина мира, и потому рассматривается в комплексе лингвокультурных, лингвострановедческих, культурологических, психологических и других аспектов. Художественные произведения являются отражением как индивидуального сознания автора, так и всего этнокультурного сообщества, к которому он относится, что позволяет говорить как об авторской, так и о национальной концептосфере, отраженной в том или ином тексте.

Для нашего исследования важно остановиться на особенностях художественных (индивидуально-авторских) концептов. Л.В. Миллер пишет, что индивидуально-авторский концепт - это «ментальный феномен, выражающий авторскую интерпретацию общекультурных смыслов, универсальный художе-

ственный опыт, способный выступать основой дальнейшего смыслового моделирования [6]. Художественные концепты отличаются ярко выраженной индивидуальностью, субъективностью, развернутой ассоциативных связей и значительным потенциалом в формировании новых смыслов. В своей совокупности эти концепты образуют индивидуально-авторскую концептосферу, отражающую авторскую картину мира. Содержание художественного концепта включает в себя понятийную, образную, ценностную составляющие и характеризуется динамичностью структуры, постоянным расширением ассоциативных взаимосвязей и смыслов. В.А. Маслова и М.В. Пименова подчеркивают, что «художественные концепты в рамках их языковой репрезентации и актуализации их признаков являются важным условием для осознания идейного смысла художественного текста и для понимания ментальности творческой личности» [7, с. 50].

Л.В. Миллер пишет о четырех типах концептов: концепты чувств, имеющие некоторое этнокультурно-обусловленное содержание (тоска, вера); концепты, определяемые системой общественных регламентаций (дом, историческая личность); аксиологические, художественно-эмотивные концепты; стандартизованные, этнокультурно-обусловленные интерпретации (лишний человек, тургеневская девушка) [6].

Наиболее характерными признаками художественного концепта являются:

- только вербальные экспликации содержания, даже если одноименный концепт-универсалия может быть репрезентирован невербально (содержание концепта определяется только исходя из словоупотребления писателя/писателей);

- представленность в индивидуальной художественной картине мира творческой языковой личности и восприятие адресатом как элемента структурированной картины мира писателя (например, художественные концепты, составляющие основу концептосферы Вячеслава Иванова – «Божественное», «Огонь-свет», «Прозрачность», «Любовь» и «Природа»);

- ориентация на эстетическую информацию и преобладание ассоциативного и образного слоев в содержании (так, содержание художественного концепта «Природа» в художественной картине мира и И. Бунина, и А. Блока, и В.И. Иванова ориентировано именно на эстетическое восприятие, а среди средств экспликации принципиально важное место занимают образные);

- часто неустойчивое соотношение ядерной и периферийных зон ассоциативно-смыслового поля, причем не только в произведениях различных авторов, но и в творчестве одного писателя (концепт «Божественное» в художественной картине мира В. Иванова) [8, с. 98].

К основным свойствам художественных концептов также относятся индивидуальность; образность; эстетизм; субъективность, то есть художественные концепты являются единицами индивидуально-авторской концептуальной картины мира, обладают эстетической сущностью, характеризуются образными средствами выражения, которые обусловлены творческим замыслом автора.

В рамках нашего исследования нас интересует авторское смысловое моделирование концепта «Еда» в художественном тексте, т. е. семантические соответствия и новые смысловые приращения и модификации концепта «Еда» в индивидуально-авторском сознании Маргарет Этвуд. Поэтому особый интерес представляет изучение языковой репрезентации концепта на материале художественных текстов. В художественном тексте индивидуально-авторская интерпретация концепта находит свою вербальную реализацию при помощи специально отобранных языковых средств, причем особую роль в вербализации авторской картины мира играют средства вторичной номинации – метафоры – в силу их огромного потенциала в порождении новых образов. Образ служит главным способом концептуализации действительности и уникальным механизмом моделирования системы смыслов. Соответственно, метафора может рассматриваться в качестве основного средства образной номинации концепта.

На протяжении многих веков метафора представляла огромный интерес для философов и лингвистов благодаря своему богатому смысловому содержанию и уникальному языковому потенциалу. Не удивительно, что в настоящее время существует множество взглядов и направлений в исследовании метафоры. Если опираться на когнитивный подход к изучению данного языкового феномена, то можно с уверенностью утверждать, что все люди мыслят метафорами, тем самым, она не может не проявляться в языке и речи вне зависимости от культуры и традиций отдельно взятой страны. Неудивительно, что учеными последних десятилетий выдвинуто огромное количество трактовок, определений и теорий метафоры, а также видов ее классификации и способов функционирования. Это такие выдающиеся исследователи современности, как И. В. Арнольд, Д. Н. Ахапкин, Н.Д. Арутюнова, Л. С. Белоус, И. Р. Гальперин, Дж. Лакофф и М. Джонсон, Дж. Маккарти, Э. Маккормак, Ж. Фоконье, М. Тернер и многие другие.

В различных словарях определения метафоры отличаются, однако, обобщая их и проводя компонентный анализ, можно сказать о том, что выделяются следующие понятийные единицы: троп, используемый для образности речи; сходство, на основании которого строятся метафоры; характеристика и наименование объекта и описание сущности одного класса в терминах другого.

Также встречается термин «концепт», который выделяет Ю.С. Соловых, чтобы подчеркнуть то, что «основная функция метафоры состоит в развитии системы смыслообразования, а именно создания

концептов» [9, с. 128]. Таким образом, в лингвистической науке метафора чаще всего рассматривается в качестве стилистического средства, как средство номинации, как способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственном ощущении [7].

Нам же метафора интересна именно как средство вторичной номинации. Под вторичной номинацией понимается название новым именем объекта, уже названного. При образовании вторичных наименований происходит преобразование имеющегося языкового материала на смысловом уровне: «Метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. Метафора не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления» [9; с. 127].

В подобном ключе трактуют термин не только философы и литературоведы, но и лингвисты характеризуют метафору как разновидность вторичной лексической номинации, предусматривающей производство значения «на основе сопоставления двух предметов по общему признаку, возникновение которого гарантируется единством всех сторон практикопреобразующей деятельности человека, а, следовательно, единством процессов, осуществляющихся в его сознании».

Таким образом, наиболее точным, на наш взгляд, является определение, данное в энциклопедии «Русский язык» Н.Д. Арутюновой: «Метафора – троп или фигура речи, состоящая в употреблении слова или словосочетания, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, действий или признаков для характеристики или номинации другого объекта, сходного с данным в каком-либо отношении» [10].

В отечественной и западной лингвистике существует множество классификаций видов метафор. Однако основным в лингвистике считается разделение метафор на две большие группы: простые и развернутые метафоры. Как известно, в вопросах стилистики метафоры очень сильно отличаются от обычных слов и к ним необходим иной подход во время исследования. В метафоре неразрывно связаны два значения, образное и буквальное, причем буквальное значение при этом влияет на реципиента имплицитно, не проявляясь в контексте, а образное несет в себе основную смысловую нагрузку. Благодаря этому свойству метафору иногда называют сокращенным сравнением.

Упоминая о делении метафор на простые и развернутые, необходимо еще отметить, что простая метафора состоит из простых сравнений и делится на следующие типы [10]: 1) именная метафора, представленная именем существительным; 2) глагольная метафора, представленная глагольными формами; 3) метафорический эпитет, который является определением в обширном синтаксическом смысле. Развернутая же метафора, наоборот, присутствует на протяжении значительного фрагмента текста или всего текста. Она может быть сложной для восприятия реципиента не только из-за количества слов, используемых в ней, но и по своему смыслу, который зависит от дальности ассоциаций. Данный тип метафоры реализуется в нескольких предложениях или даже абзацах [9]. Поскольку развернутая метафора развивается на протяжении более длинного фрагмента текста, она может стать мощным литературным приемом, который создает сильные, яркие образы в сознании читателя. Такой тип метафоры еще называется ассоциативным в лингвистике.

Простая метафора обычно включает в себя один образ, но может состоять из двух или более слов: *Forgiveness softened her tone* (*Прощение смягчило ее тон*).

При этом, согласно российскому лингвисту И.В. Арнольд, расширенная метафора «состоит из нескольких метафорически употребленных слов, создающих единый образ, т.е. из ряда взаимосвязанных и дополняющих друг друга простых метафор, усиливающих мотивированность образа путем повторного соединения все тех же двух планов и параллельного их функционирования»: *Her straight-backed dolls in their many-roomed mansion appeared to be under strict instructions not to touch the walls... – Её куклы, сидевшие прямо в своем многокомнатном домике, казалось, придерживались строгой инструкции не прислоняться к стенам...*

Следует также отметить, что расширенная метафора является одной из тех уникальных стилистических фигур, которая позволяет автору художественного произведения создавать и культивировать метафорический образ не только на протяжении одного предложения, абзаца, но и целого произведения, достигая при этом структурной и смысловой целостности.

Расширенные метафоры довольно часто служат для создания и развертывания концептуальных метафор на протяжении всего повествования, которые, в свою очередь помогают в реализации авторской задумки.

Изучая концептуальные метафоры, когнитивные лингвисты получают представление о том, как взаимосвязаны наши мысли и язык. Эта теория имеет множество применений в различных областях науки, включая лингвистику, психологию, философию и теорию коммуникации [11]. Это помогает нам понять, как метафорический язык влияет на наше восприятие, мышление, общение, проливая свет на то, как формируются когнитивные процессы под влиянием культурных факторов и опыта. Теория концепту-

альной метафоры играет важную роль в когнитивной лингвистике, поскольку она раскрывает центральную роль метафоры в когнитивных процессах, демонстрируя, как концептуальные системы структурируются при помощи метафорического мышления.

Авторская картина мира, выраженная системой индивидуальных концептов, находит свою вербальную реализацию в художественном тексте – воплощении авторского миропонимания – при помощи специально отобранных языковых средств. Особую роль в вербализации авторской картины мира играют средства вторичной номинации в силу их огромного эвристического потенциала в порождении новых образов. Образ служит главным способом концептуализации действительности и уникальным механизмом моделирования системы смыслов. Как главное средство образной номинации концептуальная метафора рассматривается в качестве экспликатора индивидуально-авторской концептосферы (Н.Д. Арутюнова, Н.А. Кожевникова, М.Г. Мелентьева и др.).

Так как в когнитивной лингвистике метафора понимается как моделированное взаимодействие концептов, то в результате этого происходит проекция одной концептуальной сферы на другую, осмысление содержания одной понятийной области (концепта-цели) посредством другой (концепта-источника) (Дж. Лакофф, М. Джонсон, И.-А. Ричардсон, М. Блэк, А.Н. Баранов и др.). Осмысление процесса метафоризации как глобального общечеловеческого механизма смыслоконструирования позволяет подвести под понятие метафоры все другие средства не прямой номинации (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Н.В. Павлович). Это расширительное понимание метафоры полностью согласуется с представлением когнитивной лингвистики о языке как о едином континууме символьных элементов, который не подразделяется естественным образом на лексику, морфологию и синтаксис. Поэтому, в частности, при концептуальном анализе художественного текста на передний план выходят смысловые сближения, а не уровневые и структурные различия языковых единиц, репрезентирующих те или иные когнитивные структуры, что позволяет подвести под понятие концептуальной метафоры не только собственно метафоры, но и сравнительные обороты, метаморфозы, образные гиперболы, метонимию.

Метафорическая система художественного произведения образует своеобразный каркас авторской концептосферы, предопределяя направления развития индивидуальных образов и обеспечивая устойчивые взаимосвязи разнородных концептов. Интерпретация концептуальных метафор представляется при этом возможной благодаря общности когнитивных механизмов и наличию архетипических представлений, лежащих в основе индивидуальных метафорических образов. Один из путей реконструкции авторской картины мира лежит через выявление и описание метафорического пласта индивидуально-авторской концептосферы. Следовательно, концептуальная метафора, отраженная в примерах расширенной метафоры, играет значительную роль в реализации основной идеи произведения.

Таким образом, художественный концепт следует рассматривать как отражение художественной картины мира автора и учитывать такие аспекты, как этапы развития художественной культуры, картина мира, сформированная в рамках направления в искусстве, индивидуально-авторская картина мира. В качестве основы для описания метафорических репрезентантов индивидуально-авторского художественного концепта выступает расширенная метафора. Расширенные метафоры довольно часто служат для создания и развертывания концептуальных метафор, которые, в свою очередь помогают в реализации авторской задумки, и, кроме того, служат главным способом концептуализации действительности и уникальным механизмом моделирования системы смыслов. То, есть концептуальная метафора выступает как главным средством образной номинации, помогает анализировать семантические соответствия, новые смысловые приращения и модификации концепта в индивидуально-авторском сознании писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? / В.В. Красных // Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
2. Милейко Е. В., Рус-Брюшнина И. В. Художественный концепт как объект лингвистического исследования / Е.В. Милейко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 128-130.
3. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольд-Алексеев // Русская словесность: от теории к структуре текста: антология / под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
4. Тарасова И. А. Модель индивидуальной поэтической концептосферы: базовые единицы и когнитивные структуры / И.А. Тарасова // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.): труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 146-147.

5. Рус-Брюшнина И.В. Особенности языковой концептуализации духовных ценностей социума: лингвокультурный и лингвострановедческий аспекты (на материале испанского и русского языков)/И.В. Рус-Брюшнина//Дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. – 215 с.
6. Миллер, Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы) : автореф. дис. ... д. филол. наук: 10.02.01 / Миллер Л.В.; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб 2004. – 42 с.
7. Маслова, В.А. Индивидуально-авторская картина мира: концептуальный подход : учебное пособие / В.А. Маслова, М.В. Пименова. – СПбГЭУ : Изд-во СПбГЭУ, 2023. – 255 с.
8. Сергеева Е.В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте/Е.В. Сергеева // Вестник ТГПУ. 2006. Выпуск 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (филология) – С. 98-103.
9. Соловых, Ю.С. Системное представление метафоры в современной гуманитарной науке / Ю.С. Соловых // Вестник ЧелГУ. – 2010. – №13. – С.127-131.
10. Арутюнова, Н.Д. Метафора / Н.Д. Арутюнова // Русский язык: Энциклопедия / под общ. ред. А. М. Молдована. – 3-е изд. перераб. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2020. – С. 316.
11. Харченко, В.К. Функции метафоры / В.К. Харченко. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 88 с.

УДК 81'373

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НИКНЕЙМОВ

В. Р. КАЗИЕВА

(Представлено: Л. В. ЖИЗНЕВСКАЯ)

В статье анализируются никнеймы англоязычных пользователей социальной сети TikTok. Проводится их категоризация по семантическому и прагматическому признаку и выявляются их основные особенности.

С развитием информационных технологий, и, следовательно, социальных сетей, перед человеком встала проблема самоидентификации в виртуальном пространстве. В книге «Language and the Internet» Дэвид Кристалл утверждает, что интернет создает новые возможности для личного самовыражения и креативности [1, С. 12]. Возможность анонимной интернет-коммуникации побудила человека придумывать себе новые имена для общения в сети, из-за чего возникло такое понятие, как никнейм. Существует множество определений этого термина, но в настоящей статье мы обратимся к определению, данному А. С. Балкуновой и Э. М. Рянской, поскольку оно наиболее точно отражает особенности никнейма как номинативной единицы в сети Интернет. Так, исследовательницы считают, что никнейм (или ник) – это виртуальное имя собственное, условное или вымышленное компьютерное имя, а также художественный образ, который пользователи сети создают для виртуальной коммуникации [2].

Изучением феномена никнейма занимается ономастика. По определению, приведенному в словаре русской ономастической терминологии, это раздел языкознания, изучающий любые собственные имена [3, С. 97]. В контексте ономастики, никнеймы – довольно новое явление, которое сейчас активно изучается лингвистами.

Главным отличием никнеймов от других ономастических единиц является принцип самономинации: пользователи сети Интернет самостоятельно придумывают себе виртуальные имена, которыми впоследствии активно пользуются, чего нельзя сказать об их реальных личных именах и прозвищах, поскольку такие номинативные единицы присваиваются им другими людьми. Пользователи создают никнеймы, отражающие их личные характеристики, интересы или профессиональную деятельность. Это позволяет им выделяться среди других членов интернет-сообществ и формировать свою виртуальную идентичность, необходимую, чтобы стать полноценным участником интернет-коммуникации, представляющим интерес для других пользователей [4].

Выбор никнейма является важным аспектом онлайн-коммуникации. В статье мы рассмотрим различные аспекты выбора виртуального имени, а также их влияние на восприятие и взаимодействие в онлайн-сообществах.

Никнеймы выполняют множество функций, среди которых особо важную роль играют семантическая и прагматическая. В совокупности они составляют первое впечатление о пользователе сети.

В настоящем исследовании методом сплошной выборки нами был отобран материал, состоящий из 200 никнеймов пользователей социальной сети TikTok для проведения семантико-прагматического анализа, что позволило выявить основные тенденции в номинации пользователей.

Сначала мы рассмотрим семантическую составляющую никнейма. Под этим мы подразумеваем смысловую нагрузку ника и ассоциации, которые он вызывает у других пользователей сети.

Для семантического анализа никнеймов мы обратились к классификации Бехара-Израели. Согласно ученому, ники можно поделить на следующие типы: антропонимы; топонимы; никнеймы, отражающие самоощущение пользователя; никнеймы, относящиеся к медиа, технологиям и их природе; никнеймы-названия объектов флоры и фауны; никнеймы, содержащие игру слов или звуков; никнеймы, содержащие аллюзии на героев книг, сказок, фильмов, а также известных людей; никнеймы, связанные с сексом и провокацией [5].

Отличным примером ника-антропонима является *India Rose Crawford*. Пользователь использовал свое полное имя, тем самым указав на нежелание скрывать личность за выдуманным именем. Зачастую никнеймы – сокращенный вариант имени, например, *sof*, сокращенно от *Sofia*. Так пользователь указывает на готовность к неформальному общению.

Ники-топонимы обычно указывают на место проживания пользователя: его город, страну, континент и др. Пользователь, назвавший себя *milky.amsterdam*, вероятно, хотел указать, что живет в Амстердаме, и использовал для этого топоним.

Довольно часто встречаются пользователи с никами-зоонимами или фитонимами – названиями растений. Примерами ников такого типа являются *asparagoose* и *Kira the Cat* 🐾. Вполне вероятно, что

в основе выбора именно такого никнейма пользователями лежали определенные эстетические или символические предпосылки.

Еще одной крупной категорией являются ники, содержащие аллюзии на известные события, людей, персонажей и т.п. Аллюзии помогают пользователям выразить идентичность и принадлежность к определенной культуре или сообществу и служат средством установления связей с другими пользователями, которые понимают те же культурные отсылки. Это создает общие интересы и темы для обсуждения. *Crystal castles* – пример ника-аллюзии: автор выражает принадлежность к фанатскому сообществу одноименной музыкальной группы.

Ники *MeowMeow*, *CulturedFM* являются продуктами определенной игры слов и звуков, так как содержат определенные стилистические приемы. Ник *MeowMeow* основан на звукоподражании, что позволяет ему выделиться среди других никнеймов своей стилистической окраской. *CulturedFM* – никнейм, содержащий метафору. Он означает "культурное радио", что предполагает интерес к культурным и музыкальным темам.

Ники, отражающие личные качества пользователя и его внешние особенности также встречаются довольно часто, например, *blondeeee*, или *cutiesprinkle*. Эти ники указывают на цвет волос и черту характера соответственно, поэтому можно сказать, что они отражают личностные характеристики пользователя виртуального пространства.

В результате количественного анализа 200 никнеймов из социальной сети TikTok, мы выяснили, какие семантические типы никнеймов встречаются чаще всего среди англоязычных пользователей.

Результаты исследования приведены в таблице 1.

Таблица 1. – Частотность использования различных семантических типов никнеймов среди англоязычных пользователей социальной сети TikTok

Общее количество проанализированных никнеймов	Семантический тип никнейма	Количество	Процентное соотношение
200	Антропонимы	70	35%
	Топонимы	4	2%
	Никнеймы, выражающие самоощущение пользователей	43	21,5%
	Никнеймы, относящиеся к медиа и технологиям	9	4,5%
	Никнеймы-названия объектов флоры и фауны	19	9,5%
	Никнеймы, содержащие игру звуков и слов	9	4,5%
	Никнеймы-аллюзии	29	14,5%
	Никнеймы, связанные с сексом и провокацией	1	0,5%
	Другие	16	8%

Таким образом, мы выяснили, что наиболее распространенными в социальной сети TikTok являются ники, содержащие имена пользователей. Далее по популярности следуют ники, отражающие самовосприятие пользователей. Такая тенденция говорит о наличии у участников интернет-коммуникации желания выразить свою реальную идентичность, не притворяясь кем-либо другим. Пользователи отражают свои настоящие имена и черты характера и стремятся чувствовать себя во время общения так же, как они чувствуют себя в реальной жизни.

Примечательно, насколько популярными являются ники-аллюзии. Это свидетельствует о том, что в процессе интернет-коммуникации пользователи стремятся найти себе собеседников по интересам, разбирающихся в тех же темах и культурных реалиях, что и они.

На четвертом месте расположились ники, содержащие названия животных и растений. Это свидетельствует о наличии у пользователей тенденции к ассоциации себя с различными качествами животных и свойствами растений.

Менее популярными оказались никнеймы, относящиеся к медиа и технологиям, содержащие игру слов, и провокационные ники. Это может говорить о том, что пользователи, выбирая никнеймы, в большей степени ориентируются на личную идентичность, самовыражение и узнаваемость, а не на абстрактные или сложные конструкции, связанные с медиа и технологическими терминами. Провокационные ники могут также быть менее популярными, так как пользователи предпочитают более нейтральные и дружелюбные виртуальные имена, чтобы избежать негативных ассоциаций или неприятных реакций со стороны других членов интернет-дискурса.

Под категорией «Другие» мы подразумеваем ники, состоящие из одной буквы (это представляется возможным из-за отсутствия в социальной сети требований к оригинальности никнеймов), а также случайного сочетания букв и цифр (примеры: *v*, *svnm* *, *v2444754c1a*).

Прагматика никнейма связана с его функциональностью и практическими последствиями использования. Ники могут распределять власть внутри социальной группы. Например, в работе "Power, Politeness, and the Pragmatics of Nicknames" подчеркивается, что согласие на использование никнейма является политическим актом, результатом социальных переговоров [6].

Выбор никнейма зависит от социальных норм и контекста, в котором находятся участники общения. Никнеймы могут отражать статус, роль или отношения между людьми в группе. Например, в исследовании "The Many Faces of Nicknames" Т. Дж. Холланда обсуждается, как никнеймы используются для установления и поддержания социальных связей внутри группы [7]. Ники могут также нести эмоциональное выражение и указывать на текущее эмоциональное состояние пользователя. И. В. Одарюк и М. П. Чуриков отмечают, что изменения в никнеймах могут сигнализировать о смене настроения или эмоционального состояния. [8].

Учитывая все вышеперечисленное, а также исследования других ученых в области прагматики никнеймов [4, 9, 10] можно выявить следующую классификацию виртуальных имен: идентификационные, описательные, функциональные, эмоциональные, креативные, социальные и анонимные никнеймы.

Идентификационные никнеймы позволяют нам узнать что-либо об их владельцах и предположить, кем они являются. К идентификационным никнеймам можно отнести никнеймы, содержащие реальные имена и фамилии пользователей, например, *Caroline Hadley*.

Описательные никнеймы позволяют нам узнать что-то о личных характеристиках своего владельца, его интересах, а также чертах внешности и характера. Например, никнейм *football + cats* говорит там о том, что его владельцу нравится играть в футбол или смотреть его, а также пользователь испытывает привязанность к кошкам. А необычный никнейм C^5H^2OH свидетельствует об увлеченности его владельца химией. *Thumbalina* – ник, используемый девушкой невысокого роста.

С помощью функциональных никнеймов мы можем узнать о роли пользователя в пространстве чата. Например, из ника *Juliet's Vlog* ясно, что коммуникант является автором влогов – видео-блогов.

Эмоциональные никнеймы выражают эмоции или настроение пользователя. Например, *f0rever_winter13* – ник, отражающий невеселое настроение своего автора, или его безэмоциональность. Зима означает холод, что-то колючее и неприятное.

Креативные никнеймы создаются с использованием игры слов, аллюзий или других приемов. Они часто бывают уникальными и запоминающимися. *Noble Purr* – никнейм созданный с помощью субстантивации звукоподражательного *Purr*, и прилагательного, указывающего на высокое происхождение. Это ник может предполагать сочетание величественности и спокойствия с любовью к кошкам.

Социальные ники указывают, соответственно, на социальную роль их обладателя. Чаще всего речь идет именно о профессии или занимаемой должности владельца никнейма. *chef ama* ♥ – пример виртуального имени, указывающего на род занятий владельца. Можно сразу определить, что профессия автора ника связана с приготовлением пищи.

Анонимные же никнеймы, напротив, говорят о замкнутости владельца или его нежелании делиться любой информацией о себе. *anything anywhere, user, untitled.entity* – примеры ников, не раскрывающих никакой информации о своих авторах.

С помощью этой классификации мы можем провести количественный анализ прагматических типов никнеймов пользователей социальной сети TikTok. Результаты исследования приведены в таблице 2:

Таблица 2. – Частотность использования различных прагматических типов никнеймов среди англоязычных пользователей социальной сети TikTok

Общее количество проанализированных никнеймов	Прагматический тип никнейма	Количество	Процентное соотношение
200	Идентификационные никнеймы	70	35%
	Описательные никнеймы	71	35%
	Функциональные никнеймы	2	1%
	Эмоциональные никнеймы	30	15%
	Креативные никнеймы	38	19%
	Социальные никнеймы	9	4,5%
	Анонимные никнеймы	16	8%

Как мы видим, сумма никнеймов, разделенных по прагматическим типам, вышла больше 100%. Это можно объяснить тем, что некоторые виртуальные имена выполняют сразу несколько функций, помогая пользователю раскрыть свою личность сразу с нескольких сторон.

Интересной тенденцией является преобладание описательных ников, появившееся из-за наличия в этой классификации аспекта личных интересов и предпочтений. Так, пользователи социальной сети стремятся обозначить свои интересы и качества как внутренние, так и внешние, с помощью создания уникальных ников. При рассмотрении прагматического аспекта личные имена отходят на второе место, уступая описательным характеристикам пользователей.

Можно сделать вывод, что пользователи не стремятся обозначить свою профессиональную принадлежность, предпочитая просто делиться своими интересами с помощью своих ников. А почти полное отсутствие функциональных ников связано со спецификой социальной сети.

Таким образом, мы выяснили, что наиболее распространенными являются никнеймы, указывающие на настоящее имя пользователя, а также его интересы и предпочтения. Это свидетельствует об отсутствии в социальной сети тенденции к созданию пользователями виртуальной личности, полностью отличной от их реального «я». Авторы никнеймов используют свои имена не для того, чтобы придумать новую личность и создать определенный имидж, не соответствующий действительности, а для того, чтобы всеми возможными способами выразить настоящих себя со всеми своими интересами и особенностями внешности и характера, тем самым располагая к себе других участников коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cristal, D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 318 p.
2. Балкунова, А. С., Рянская, Э.М. Место никнеймов в ономастике // Вестник НВГУ. 2010. – №3.
3. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
4. Кисель, О.В. Место никнейма как знака идентификации в ономастической системе языка // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. №4(43). – С 43-47
5. Bechar-Israeli, H. FROM <Bonehead> TO <cLoNehEAd>: NICKNAMES, PLAY, AND IDENTITY ON INTERNET RELAY CHAT/ H. Bechar-Israeli // Journal of Computer-Mediated Communication. — 1995. — Volume 1, Issue 2. — URL: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x>, access from Wiley Online Library. (date of access: 13.11.2024)
6. Adams, Michael Power, Politeness, and the Pragmatics of Nicknames // Names: A Journal of Onomastics 57 (2). – P. 81–91.
7. Holland, T. J. The Many Faces of Nicknames // Names. 2015. URL: <https://ans-names.pitt.edu/ans/article/view/1252> (date of access: 13.11.2024)
8. Одарюк, И.В., Чуриков, М.П. Прагматический подход к самопрезентации современного поколения студентов в учебном сетевом пространстве // Проблемы современного педагогического образования 2021 - С. 132-135
9. Danet, B., & Herring, S. C. (2007). The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online. /Oxford University Press. – P. 123-124
10. Leslie, Paul, and James K. Skipper, Jr. 1990. Toward a theory of nicknames: A case for socio-onomastics. Names 38: 273–282.

УДК 81'373.7

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**В. С. КИРИЛЛОВА***(Представлено: канд. пед. наук, доц. М. М. СИРОТКИНА)*

В статье рассматривается фразеология как ключевой объект лингвистического исследования. Анализируются узкий и широкий подходы к определению объема фразеологии, приводятся классификации фразеологических единиц по В.В. Виноградову и А.В. Кунину. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам терминологии и критериям выделения фразеологизмов, что позволяет систематизировать основные теоретические положения данной области лингвистического исследования.

Фразеологические единицы, являясь культурно-маркированными языковыми знаками, не только отражают национальный менталитет и картину мира носителей языка, но и представляют значительную трудность для изучения и описания в силу своей семантической целостности, структурной устойчивости и экспрессивно-образного характера. В настоящее время в науке отсутствует единый подход к определению объема фразеологии. Кроме того, сохраняется терминологическая неоднозначность и многообразие классификационных схем (В.В. Виноградова, А.В. Кунина и др.), основанных на разных критериях. Таким образом, актуальность данного исследования заключается, с одной стороны, в систематизация основных теоретических положений, а с другой стороны, в попытке упорядочить терминологический аппарат. Решение данных задач необходимо для дальнейшего изучения фразеологического фонда как с лингвистической, так и с культурологической точки зрения.

Как уже было сказано, в современной лингвистике не существует единого подхода к определению объема и состава фразеологии. Ученые условно разделяются на сторонников «узкой» и «широкой» трактовки данного явления.

Основоположником системного изучения фразеологии считается швейцарский лингвист Ш. Балли. Именно он в работе «Французская стилистика» впервые дал определение фразеологическим единицам и попытался выделить критерии их отличия от свободных словосочетаний. Хотя его исследование носило схематичный характер и основывалось на интуитивном подходе, именно он заложил фундаментальные принципы фразеологии как научной дисциплины. Швейцарский лингвист определял фразеологическое единство как устойчивое сочетание, где слова теряют свои индивидуальные значения и формируют неделимое понятие. Такие сочетания не подлежат перестановке компонентов и могут быть заменены одним словом, выполняющим функцию идентификатора [1, с. 60]. Таким образом, Ш. Балли заложил основы узкого понимания фразеологии, ограничивая ее лишь устойчивыми словосочетаниями.

В противовес «узкой» трактовке, существует широкое понимание объема фразеологии, которое разделяют многие отечественные лингвисты. Согласно этому подходу, в состав фразеологии включаются не только идиомы, но и речения, крылатые выражения, афоризмы, пословицы и поговорки. Ярким представителем этого подхода является Н.М. Шанский, который определял фразеологизмы как «устойчивые сочетания, воспроизводимые, и, следовательно, готовые единицы языка, существующие в виде целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре образований» [2, с. 173].

Этой же точки зрения придерживается В.Н. Телия, выделяющая шесть классов фразеологизмов: идиомы, фразеологические сочетания, паремии, речевые штампы, клише и крылатые выражения [3, с. 58]. Кроме того, автор отмечает, что единицы фразеологического состава могут представлять собой соединение фольклорных, мифологических, религиозных, литературных текстов. Представляя собой зачастую сжатие некоторого сюжета, они вбирают в свое значение его мораль. Во фразеологический состав языка попадают также цитации – крылатые выражения, каламбуры, шутки.

Важным критерием для отграничения фразеологических единиц от переменных сочетаний И.И. Чернышова называет семантическое преобразование компонентного состава, в результате которого возникает новое, целостное значение. Таким образом, фразеологическими единицами можно считать устойчивые словесные комплексы различных структурных типов с единичным сцеплением компонентов, значение которых возникает в результате полного или частичного семантического преобразования компонентного состава [4, с. 27 – 59].

В зарубежных исследованиях особую популярность имеет понятие «идиома». Английский лингвист Л.П. Смит впервые применил данный термин с целью обозначения таких особенностей языка, которые являются речевыми отклонениями от нормы. Однако в его трактовку идиом вошли не только фразеологические сочетания, но и грамматические особенности, такие как «двойная» сравнительная и превосходная степень (more better, most boldest) или исторически сложившееся «двойное отрицание» в английском языке. Кроме того, Л.П. Смит относил к идиомам и различные виды повторов (again and again, miles and miles). Таким обра-

зом, идиоматика трактуется автором чрезвычайно широко, причем факты, часто совершенно различные по своей природе, рассматриваются в одной плоскости [5, с. 16 – 17].

Другой зарубежный лингвист, Р. Мун, объединяет все устойчивые выражения под общим термином «fixed expressions (including idioms)» или FEIs. Под идиомой она понимает фиксированную единицу языка с метафорической семантикой, значение которой не выводится из значения её компонентов [6, р. 2 – 5].

Таким образом, английские лингвисты, также как и отечественные, отдают предпочтение широкой трактовке объема фразеологии.

Вопрос о сущности и признаках фразеологических единиц тесно связан с вопросом их классификации, который в любом языке представляет лингвистическую проблему. В силу того, что фразеологизмы обладают различными свойствами, любое из них может стать предметом подробного исследования и классификационного деления. Очередной задачей лингвистики становится обобщение данных основных фразеологических классификаций и построение единой схемы, охватывающей все классификационные признаки.

В отечественной фразеологии существует несколько типов классификаций фразеологических единиц, в основе которых лежит тот или иной главный классификационный признак: семантический, структурный, стилистический и другие. Фразеологизмы классифицируются с точки зрения их состава, происхождения, видовой зависимости.

Одной из наиболее влиятельных в отечественной науке является семантическая классификация В.В. Виноградова, основанная на критерии семантической спаянности компонентов. Он выделяет три типа фразеологических единиц.

Фразеологические сращения, или идиомы – это устоявшиеся комбинации, не подлежащие расчленению, в которых значение всего оборота не складывается из значений входящих в него лексических единиц. К фразеологическим сращениям относятся, например, такие фразеологические обороты, как «бить баклуши» (бездельничать), «сломя голову» (очень быстро), «спустя рукава» (небрежно). Примерами сращений в английском языке могут служить такие комбинации, как «to take the cake» (быть на первом месте), «to fly off the handle» (сердиться), «be all thumbs» (быть неловким, неуклюжим).

Фразеологические единства отличаются общим переносным значением входящих в них слов. К характерным признакам фразеологических единств относятся образность, экспрессивность, устойчивость состава, способность сочетаться с другими фразеологическими оборотами. В качестве примеров фразеологических единств можно привести такие обороты, как «первый блин комом», «закинуть удочку», «тянуть лямку». Примеры фразеологических оборотов на английском включают «to burn the midnight oil» (работать до глубокой ночи), «to get high hat» (важничать), «to dance to another tune» (перейти на новые методы), «to burn bridges» (сжигать мосты).

Фразеологические сочетания характеризуются смысловой разложимостью и приближением к свободным сочетаниям. Отличительными чертами фразеологических сочетаний являются возможность свободной перестановки слов, замена одной из лексических единиц синонимичной единицей. Примерами фразеологических сочетаний могут послужить такие фразеологические обороты, как «щекотливый вопрос», «закадычный друг», «повесить нос». Примеры в английском языке включают: «know-it-all» (всезнайка), «to take part in» (принять участие в), «Adam's apple» (адамово яблоко) [7, с. 118 – 162].

Другой советский лингвист, А.И. Смирницкий, к фразеологическим единицам относит выражения типа «catch a cold» (простудиться), «get up» (просыпаться) – стилистически нейтральные обороты, лишённые метафоричности. Идиомы же, по его мнению, представляют собой идиоматичные словосочетания, основанные на метафоре: «to wash one's dirty linen in public» (выносить сор из избы), «to take the bull by the horns» (взять быка за рога) [8, с. 203]. А.И. Смирницкий делит английские устойчивые выражения на две группы: те, которые обладают яркой экспрессией и эмоциональной маркированностью (soft in the head, a long head) и те, которые лишены этого, стилистически нейтральные (an apple of one's eye) [8, с. 203 – 223].

Наиболее распространенной классификацией английских фразеологических единиц является тематическая. Такие классификации имеют основные типы, сформированные по наличию основной архисемы, которые далее делятся на более частные группы (такие как, волнение, страх, безразличие и т.д.).

Применяется также и классификация по соотносительности фразеологизмов с определенными частями речи (так называемая смысловая классификация). В основу разделения положена принадлежность основного слова выражения к какой-либо части речи. Выделяют следующие разделы: глагольные устойчивые сочетания (to come to a head, to pull somebody's leg, to put one's foot down); устойчивые сочетания с прилагательными (a good heart, a naked eye, a green eye, a cool head); устойчивые сочетания с существительными (in the neck of time, at the heart of something, to lose one's legs, all legs); устойчивые выражения с предлогами (at first hand, to be sick at heart, to look over one's shoulder at). Недостаток данной систематизации заключается в том, что критерии выделения стержневого слова остается неясным [9, с. 129].

Семантическая классификация В.В. Виноградова была переработана в соответствие английскому языку А.В. Куниным. Он последовательно разрабатывал структурный аспект английских фразеологических единиц. А.В. Кунин разделяет фразеологию на идиоматику, идиофразеологию и фразеоматику. В раздел идиоматики входят идиомы – «устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением при высоком удельном весе коннотативного аспекта, то есть его экспрессивно-оценочных, эмотивных, образных и других компонентов», такие как «burn one's fingers» (обжечься на чём-либо).

Идиофразеоматизмы представляют собой особый класс устойчивых словосочетаний, которые могут функционировать как в прямом, так и в переносном значении, демонстрируя тем самым двойственную природу фразеологических единиц. В качестве примера можно рассмотреть выражение «a running fire», которое в своем буквальном значении («быстро распространяющийся пожар») выступает как фразеоматизм – оно воспроизводится в готовом виде, содержит определенные скрытые семы, но при этом не подвергается семантическому переосмыслению. Однако это же словосочетание может приобретать и переносное значение («град возражений»), где оно уже функционирует как полноценная идиома. Таким образом, идиофразеоматизмы занимают промежуточное положение между фразеоматизмами и идиомами. Их особенность заключается в способности сохранять прямое значение в одних контекстах и приобретать переносное – в других.

Фразеоматизмы – идиомы с частично транспортированным значением (суженным, расширенным или сдвинутым). Характерной особенностью фразеоматизмов является то, что их значение не равно простой сумме значений компонентов. Например, сочетание «knife and fork» (буквально «нож и вилка») обозначает не просто столовые приборы, а весь процесс приема пищи или сервировку стола. При этом переосмысление здесь частичное, так как нож и вилка действительно являются основными приспособлениями для еды.

Таким образом, данная классификация основана на структурно семантическом принципе, а также учитывает стабильность фразеологических единиц. В соответствии с этим утверждением А.В. Кунин отмечает: «Классы выделяются на основе функции фразеологических единиц в процессе общения, определяемой их структурно-семантическими особенностями: номинативные фразеологические единицы; номинативно-коммуникативные фразеологические единицы; междометные фразеологические единицы; коммуникативные фразеологические единицы» [10, с. 310 – 312].

Кроме того, при изучении фразеологических единиц А.В. Кунин определяет и типы фразеологических значений. К первому типу фразеологических значений относится целостное значение. Под целостным значением понимается «... вид структурного значения фразеологических единиц с константными полностью переосмысленными компонентами. В результате подобного переосмысления ослабевают как буквальные значения компонентов, так и синтаксические отношения. Целостное значение является лишь одним из фразеологических значений, и поэтому оно не исчерпывает семантической специфики фразеологизмов» [10, с. 316].

Ко второму типу фразеологического значения относится разделительно целостное значение. Особенность данного типа значения состоит в том, что фразеологические единицы с данным типом значения не имеют единой целостности, т.е. часть единой фразеологической единицы употребляется в своих прямых или буквальных значениях, т.е. когда одна часть фразеологической единицы несет в себе переносное или сигнификативное значение, а другая часть продолжает нести в себе прямое, т.е. денотативное значение.

К третьему типу фразеологического значения относится по А.В. Кунину частично переосмысленное значение. По этому поводу А.В. Кунин замечает: «Характерная черта частично переосмысленного значения – его смешанный характер: одни опорные семантемы употребляются в переносном значении, а другие – в буквальном» [10, с. 318 – 319, 322].

Таким образом, фразеология представляет собой многогранный объект лингвистического исследования, что подтверждается отсутствием единого подхода к определению её объема и состава. Проведённое исследование позволяет утверждать, что разнообразие классификаций фразеологических единиц, включая семантическую классификацию В.В. Виноградова, структурно-семантическую систему А.В. Кунина, а также тематические, стилистические и функциональные подходы, отражает различные аспекты их лингвистической природы и демонстрирует сложность организации фразеологического фонда. Однако, несмотря на терминологические расхождения и разнообразие критериев выделения фразеологизмов (семантических, структурных, стилистических), их объединяют такие фундаментальные характеристики, как устойчивость, воспроизводимость и семантическая целостность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.

2. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие / Н. М. Шанский. – 6-е изд. – М. : Либроком, 2012. – 272 с.
3. Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 386 с.
4. Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка / И. И. Чернышева. – М. : Высш. шк, 1970. – 200 с.
5. Смит, Л. П. Фразеология английского языка / Л. П. Смит. – М. : Учпедгиз, 1959. – 402 с.
6. Moon, R. Fixed Expressions and Idioms in English : A Corpus-Based Approach / R. Moon. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 352 p.
7. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография : учеб. пособие / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 322 с.
8. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка : учеб. пособие / А. И. Смирницкий. – М. : Наука, 1956. – 260 с.
9. Литвинов, П. П. Фразеология. Повышаем речевую готовность / П. П. Литвинов. – М. : «Примстрой-М», 2001. – 176 с.
10. Кунин, А. В. Английская фразеология (теоретический курс) / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1970. – 344 с.

УДК 811.111'373.7

**КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ,
ВЫРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА****В. С. КИРИЛЛОВА***(Представлено: канд. пед. наук, доц. М. М. СИРОТКИНА)*

В статье проводится когнитивно-семантический анализ английских фразеологизмов, выражающих эмоциональные состояния человека. На материале 86 единиц, отобранных из словаря А.В. Кунина, выявляются основные тематические группы фразеологизмов: соматизмы, наименования объектов окружающей среды, религиозные компоненты и прямые наименования эмоций. Исследование демонстрирует, как через фразеологические единицы закрепляются культурно-обусловленные модели восприятия и выражения эмоций в английской лингвокультуре.

Эмоции, являясь неотъемлемым компонентом человеческой психики, играют фундаментальную роль в процессах межличностной коммуникации и социального взаимодействия. Несмотря на свою универсальную природу, способы вербализации эмоциональных состояний демонстрируют значительную межкультурную вариативность, отражая специфику национального мировосприятия. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения культурно-специфических способов вербализации эмоций через фразеологический фонд языка. Особый интерес представляет анализ того, как доминанта эмоциональной сдержанности в британской культуре находит отражение в структуре и семантике фразеологизмов. Для решения задач, поставленных в этом исследовании использована классификация Экмана, сторонника дискретной модели эмоциональной сферы человека. Его классификация эмоций основана на изучении мимики и утверждает, что базовые эмоции – такие как гнев, радость, печаль, страх, отвращение, удивление и презрение – являются врожденными и универсальными для всех культур [1, с. 250 – 256].

Существуют народы, для которых характерна экспрессивность – они склонны открыто проявлять эмоции, считая их подавление неестественным. К другой категории относятся народы, в чьем характере доминирует самоконтроль, а чрезмерное проявление чувств воспринимается как нечто вульгарное и противоречащее социальным нормам. Британцы, считающие самоконтроль главной добродетелью, относятся именно ко второй категории.

Дж. Горер отмечает, что предметом самой большой гордости англичан является предупредительность и внимание к другим (consideration for others), а вспыльчивость и несдержанность достаточно резко осуждаются в английском обществе [2, с. 84]. В английской культуре умение владеть собой является свидетельством эмоциональной зрелости. В русской культуре, наоборот, свободное проявление эмоций, в особенности положительных, поощряется, а такие черты, как чувствительность и импульсивность имеют позитивную оценку.

Языковые факты подтверждают, что в английской культуре, в которой высоко ценятся эмоциональная сдержанность и самоконтроль, открытое проявление эмоций подвергается общественному осуждению. Прилагательные «emotional» (эмоциональный), «effusive» (экспансивный), «demonstrative» (несдержанный) [3, с. 557 – 677] содержат отрицательные коннотации в английском языке. «Эмоциональность» (emotionalism) означает чрезмерное проявление эмоций, состояние потери контроля над ними [3, с. 691]. А прилагательное «dispassionate» (спокойный, хладнокровный, бесстрастный), наоборот, имеет положительную оценку [3, с. 581].

В процессе вербализации эмоций особая роль принадлежит фразеологическим единицам, которые в языке выполняют двойную функцию: с одной стороны, они фиксируют определенные аспекты действительности, с другой – предлагают их культурно обусловленную интерпретацию. Основная смысловая нагрузка фразеологических единиц реализуется через комплекс эмоционально-оценочных значений и образных ассоциаций, которые формируют особый культурный код. Этот код содержит в себе не только языковые, но и экстралингвистические компоненты – исторические отсылки, фольклорные мотивы, элементы традиционного быта. Таким образом, фразеология представляет собой своеобразный «культурный геном», в котором зашифрованы базовые установки и ментальные особенности языкового сообщества.

Семантика фразеологизмов в значительной степени определяется их эмотивным компонентом, который тесно связан с внутренним значением языковой единицы. Внутренняя форма возникает через образное осмысление действительности и несет в себе мотивационную основу, играя важнейшую роль в формировании эмоциональной окраски. Примечательно, что фразеологическая единица не теряет своей коннотативной составляющей даже при утрате первоначальной мотивации, то есть в случае демотивиро-

ванности значения [4]. Это свидетельствует об удивительной устойчивости эмоционального заряда, заложенного в языковых единицах на протяжении веков.

Материалом для исследования послужили фразеологические единицы английского языка, выражающие эмоциональное состояние человека, отобранные методом сплошной выборки из словаря «Большой англо-русский фразеологический словарь» А.В. Кунина [5]. Выбранный лексикографический источник имеет актуальность для практического изучения фразеологии английского языка. Семантический анализ 86 фразеологизмов показал, что в их состав входят слова из различных тематических групп. В зависимости от принадлежности компонентов к определённым тематическим группам эмотивные фразеологизмы могут быть распределены следующим образом:

Фразеологизмы с компонентом «соматизм», включающие в свой состав названия частей тела и внутренних органов, представляют самую большую группу. Они составляют около 43,9% всех анализируемых фразеологизмов. И это объяснимо, поскольку эмоции в основном выражаются с помощью органов чувств человека (глаза, нос и др.).

Среди фразеологических единиц с компонентом-соматизмом самую многочисленную группу (около 30-40%) образуют сочетания с лексемой «heart» (сердце). Это связано с тем, что сердце является универсальным символом эмоциональных переживаний и душевных состояний в английской лингвокультуре. Поэтому с данным компонентом фразеологизмы могут обозначать различные положительные или отрицательные эмоции, например: радость (do smb.'s heart good, one's heart leaps), волнение (one's heart is in one's mouth, eat one's heart out), страх (have one's heart in one's boots, one's heart sinks).

Яркие эмоциональные состояния (страсть, волнение, страх и др.) выражают фразеологические единицы с лексемой «blood» (кровь). В своей семантике они чаще всего имеют символическое значение «верхняя степень эмоционального состояния»: be in blood, blood runs cold.

Большую часть фразеологизмов, содержащих указание на сопутствующее сопровождение эмоций посредством частей тела, составляют фразеологизмы с наименованиями органов зрения или слуха, например: one's eyes stand out of one's head, eyes on stalks, make someone's ears burn. Это явление имеет глубокие психофизиологические и социально-культурные основания. Прежде всего, глаза и уши являются основными каналами восприятия информации. Такая физиологическая значимость закономерно отражается в языке, где эти органы становятся ключевыми метафорами для описания эмоциональных состояний. Эмоции напрямую связаны с работой органов чувств: расширение или сужение зрачков, слезы, покраснение ушей – все эти физиологические реакции служат внешними маркерами внутренних переживаний.

Когнитивные механизмы человека также способствуют закреплению именно этих соматизмов во фразеологии. В нашем сознании прочно укоренены метафорические связи: «видеть» означает «понимать» (как в выражении «I see what you mean»), а «слышать» ассоциируется с принятием во внимание. Практически во всех языках мира прямой открытый взгляд ассоциируется с честностью и искренностью, тогда как отведенные глаза могут означать стыд или обман.

Фразеологизмы с компонентом «наименование явлений и объектов окружающей среды», обозначающими явления и объекты живой и неживой природы, образуют следующую по величине подгруппу эмотивных фразеологизмов (около 27,3% анализируемых единиц).

Наиболее многочисленную подгруппу составляют зооморфные фразеологизмы, где животные выступают как эталоны эмоциональных состояний. Медведь в выражении «(as) cross as a bear» олицетворяет крайнюю степень раздражения, что связано с традиционным восприятием этого животного как вспыльчивого и опасного. Аналогично, образ кролика «(as) scared as a rabbit» стал символом панического страха, отражая поведенческие особенности этого пугливого животного. Особый интерес представляет фразеологизм «the black dog is on one's back», где черная собака метафорически изображает депрессию – этот образ восходит к представлениям о черных псах как предвестниках несчастья в английском фольклоре. Положительные эмоции передаются через образ радостной собаки «like a dog with two tails», подчеркивая визуальную экспрессию животного восторга.

Стихийные природные явления образуют вторую значительную группу метафор. Воздушная стихия представлена в двух противоположных по значению выражениях: «be up in the air» передает состояние неопределенности и тревоги, тогда как «tread on air» символизирует безмерную радость. Ветер как динамичная природная сила выступает в «put the wind up smb.» как источник страха и беспокойства, в то время как холод в «give smb. the freeze» становится воплощением эмоционального отчуждения и отвержения.

Предметно-орудийные образы демонстрируют, как артефакты становятся мерой эмоциональной интенсивности. Топор в «(as) savage as a meat axe» передает жестокость через ассоциации с рубящим орудием, а перо в «you could have knocked me down with a feather» гиперболизирует степень удивления через контраст хрупкости предмета и силы эмоционального воздействия.

Географический компонент в «a Bronx cheer» уникален тем, что топоним Бронкс стал обозначением специфического способа выражения презрения, что отражает культурно-исторический контекст Нью-Йорка.

Таким образом, когнитивные механизмы образования этих фразеологизмов основываются на трех основных процессах: антропоморфизации природных явлений, анимализации человеческих эмоций и предметной конкретизации абстрактных переживаний.

Фразеологизмы с компонентом «*религиозные наименования*» (около 15%) выделяются в отдельную группу, связанную с религией, областью сверхъестественного. Такие выражения демонстрируют различные степени трансформации исходных религиозных понятий – от сохраняющих сакральный смысл («*Lord have mercy*») до полностью секуляризированных («*by George!*»). Характерной чертой данной группы является использование бинарных оппозиций (Бог/дьявол, святое/греховное, рай/ад), что отражает христианскую картину мира.

Особый интерес представляет эволюция этих выражений: многие из них прошли путь от буквального религиозного значения к метафорическому и экспрессивному употреблению, что особенно заметно на примере «*the seventh heaven*», сохраняющего связь с древними космологическими представлениями, но приобретшего значение крайней степени блаженства в современном языке. Особую семантическую нагрузку несут фразеологизмы с религиозно-мифологическими компонентами. Выражение «*bete noire*» (букв. «чёрный зверь») восходит к средневековым представлениям о демонических существах и выражает крайнюю степень неприязни. Библейские мотивы явно прослеживаются в «*hate as the devil hates holy water*», где противопоставление дьявола и святой воды создает яркий образ непримиримой вражды.

Фразеологизмы с компонентом «*наименование эмоций*» следует выделить в отдельную группу. Они составляют около 13,7% анализируемых фразеологических единиц. Данные устойчивые сочетания содержат лексемы, непосредственно указывающие на конкретные эмоциональные состояния: *all of a dither* передаёт нервное возбуждение через звукоподражательный компонент «*dither*», *hot and bothered* сочетает температурную («*hot*») и поведенческую («*bothered*») характеристики волнения, а *be in an agony of despair* объединяет понятие физической боли («*agony*») с эмоциональным состоянием («*despair*»).

В отличие от образных фразеологизмов с природными или соматическими компонентами, данные выражения характеризуются более прямой номинацией эмоций, сохраняя при этом высокую степень экспрессивности. Важно отметить, что, несмотря на кажущуюся прямолинейность, эти фразеологизмы сохраняют все признаки идиоматичности, а их семантика не сводится к простой сумме значений компонентов.

Также в ходе исследования было проведено распределение английских фразеологизмов по эмоциональным категориям. Результаты отображены в таблице 1.

Таблица 1. – Соотношение английских фразеологизмов, выражающих эмоциональное состояние человека в рамках предпринятого исследования

Эмоция	Количество найденных фразеологизмов данной группы	Процент от общего количества (86 фразеологизмов)
Гнев	18	20,9%
Страх	19	22,1%
Печаль	13	15,1%
Радость	12	14%
Удивление	11	12,8%
Презрение	8	9,3%
Отвращение	5	5,8%

Наибольшее количество фразеологизмов в рассмотренной выборке связано со страхом (22,1%) и гневом (20,9%). Эти эмоции, будучи наиболее значимыми для выживания и социального взаимодействия, получили разнообразное языковое воплощение. Гнев чаще всего ассоциируется с образами диких животных (*as cross as a bear*), оружия (*as savage as a meat axe*) и стихийных явлений (*be up in the air*). Тем самым животные олицетворяют первобытную ярость, оружие – разрушительный потенциал, а природные явления – внезапную интенсивность. Страх, в свою очередь, описывается через физиологические реакции (*shake in one's boots*), образы беззащитных животных (*as scared as a rabbit*) и сверхъестественные явления (*look as if one had seen a ghost*). Такие образы отражают универсальные механизмы восприятия страха: физиологические реакции (дрожь, холодный пот) передают непосредственную телесную реакцию на опасность, а ассоциации с беззащитными животными и потусторонними силами выражают архетипические представления о уязвимости перед неконтролируемыми угрозами.

Печаль занимает третье место по частотности (15,1%) и чаще всего выражается через соматизмы, связанные с тяжестью и подавленностью (*break one's heart*, *hang one's head*), а также через цветовую символику (*be in the blues*, *blue devils*). Это связано с глубокими культурными и психологическими ассоциациями: синий ассоциируется с холодом и упадком сил, что соответствует состоянию грусти, а также исторически закрепилось в таких выражениях как «*the blues*», обозначающих меланхолию.

Радость, несмотря на свою позитивную природу, представлена меньшим количеством фразеологизмов (14%). Она передаётся через образы лёгкости и полёта (*tread on air*, *float on a cloud*), а также через

сравнения с животными (like a dog with two tails). Религиозные и космические метафоры (the seventh heaven) подчёркивают возвышенный характер этой эмоции. В первую очередь, это объясняется историческими и религиозными корнями: концепция семи небес восходит к древним космологическим представлениям, встречающимся в иудаизме, исламе и христианстве, где седьмое небо считалось наивысшей сферой блаженства, местом пребывания Бога и абсолютной гармонии. Таким образом, используя этот образ, язык подчёркивает не просто радость, а состояние наивысшего, почти трансцендентного счастья, выходящего за рамки обыденного опыта.

Удивление (12,8%) и презрение (9,3%) встречаются еще реже. Удивление чаще всего выражается через гиперболы, связанные с физиогномикой (one's eyes stand out of one's head, one's jaw dropped), а также через восклицания (lo and behold!), что отражает мгновенную, почти рефлекторную природу этой эмоции. Презрение, напротив, передаётся через социальные жесты (a dirty look, look down one's nose at smb.), выработанные в процессе межличностного общения и позволяющие выразить пренебрежение без слов, но с четким социальным посылом.

Отвращение оказалось наименее представленной эмоцией (5,8%). Оно описывается через физиологические реакции (a bad taste in one's mouth, make smb.'s gorge rise) и метафоры социального отвержения (give smb. the freeze).

Таким образом, семантический анализ позволил выделить четыре группы устойчивых сочетаний, наиболее многочисленной из которых являются фразеологизмы с компонентом-соматизмом, составляющие около 43,9% всех анализируемых фразеологизмов. Выявлено, что примерами разнообразных эмоциональных состояний человека в данной группе стали фразеологизмы с лексемой «heart», обозначающие как положительные, так и отрицательные эмоции. В отдельную группу включены фразеологизмы с компонентами – наименованиями явлений и объектов окружающей среды (около 27,3% анализируемых единиц), которые демонстрируют, как природные образы и животные становятся метафорами для описания внутренних переживаний человека. Особый интерес представляют фразеологизмы с религиозными компонентами, отражающие влияние культурно-исторического контекста на формирование эмоциональной лексики. Их наличие (около 15%) свидетельствует о глубокой связи языка с традиционными верованиями и морально-этическими представлениями общества. В самостоятельную группу также выделены фразеологизмы с компонентами – наименованиями эмоций. Они составляют около 13,7% анализируемых фразеологических единиц. В их семантику включён смысловой компонент, указывающий на определённое эмоциональное состояние и переживание человека.

Дополняя эти выводы, проведённый частотный анализ эмоциональных категорий выявил закономерное преобладание фразеологизмов, выражающих страх и гнев, что соответствует их значимости в механизмах выживания и социального взаимодействия. При этом печаль и радость образуют следующую по представленности группу, демонстрируя различные культурные способы концептуализации этих состояний – через телесные метафоры и цветовую символику в первом случае, и через образы возвышенности и лёгкости – во втором. В меньшей степени представлены фразеологизмы, выражающие удивление, презрение и отвращение, что, вероятно, связано с их относительно низкой частотностью в повседневной коммуникации и меньшей ролью в формировании устойчивых языковых конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ekman, P. Facial action coding system: A technique for the measurement of facial movement. – Palo Alto, CA : Consulting Psychologists Press, 1978. – 527 p.
2. Gorer, J. Exploring English Character. / J. Gorer. – New York: Criterion Books, 1955. – 328 p.
3. Collins English Dictionary. – 8th Complete and Unabridged Edition. – New York : HarperCollins, 2006. – 2370 p.
4. Saenko, N. Philosophical and cultural foundations of the concept of “nihitogenesis” / N. Saenko [et al.] // Journal of Social Studies Education Research. – 2020. – Vol. 11, № 1. – P. 88-103.
5. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.

УДК 811.11

НЕОЛОГИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

И. Р. ЛЯСОВИЧ

(Представлено: Н. Я. ФЕДОРОВИЧ)

Статья посвящена проблемам неологии. Рассматривается процесс вхождения лексических неологизмов в узус. Анализируются узкий и широкий подходы к определению термина «неологизм» и критерии его идентификации, такие как временной параметр, новизна и номинативная функция. Приводятся определения различных лингвистов. Предпринимается попытка вывести собственное определение термина «неологизм»

Процесс возникновения лексического неологизма начинается с практик и словоупотребления, поскольку «исторически сложившиеся, социально обусловленные, политические, экономические и культурные условия жизни языкового сообщества влияют на лексико-номинативную речевую деятельность» [1, с.186]. Российский лингвист И.В. Арнольд описывает процесс вхождения лексического новообразования в узус следующим образом: «Сначала новые слова могут использоваться небольшим числом людей, затем, если они достаточно выразительны и по своему звучанию соответствуют характеру фонетической системы английского языка, они получают хождение во всё более и более широких социальных и профессиональных коллективах, а по мере знакомства с обозначаемыми ими новыми явлениями большинства говорящих по-английски людей, они переходят в общенародную лексику» [2, с. 323].

Неология как наука о неологизмах в современной лингвистической парадигме получила широкое распространение во второй половине XX в. вследствие огромного интереса современной лингвистики к исследованию процессов языкового развития, особенно к новым словам, возникающим в языке. Актуальность неологии обусловлена важностью новых слов, появление которых является своего рода идентификатором языкового развития, ярко отражающим процессы адаптации языка к изменяющимся реалиям окружающего мира, то есть его функционирования под влиянием экстралингвистических факторов.

Проблемным вопросом современной неологии представляется отсутствие универсального терминологического основания, так как мнения лингвистов об интерпретации и границах термина «неологизм» существенно расходятся.

К понятию неологизма в современной лингвистике применяются узкий и широкий подходы. Представители узкого подхода считают неологизмами слова, которые возникают для именованья новых реалий жизни (новые реалии – новые явления – новые слова) (А.А. Брагина, О.И. Ахманова, М.И. Фомина). Такая точка зрения соотносится с определением неологизма в «Словаре иностранных слов»: «слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или для выражения нового явления» [4]. Другие исследователи считают главным признаком неологизма его абсолютную новизну (Р.А. Будагов, А.В. Калинин, Е.В. Розен, Н.М. Шанский и др.). Некоторые учёные считают главным при толковании термина «неологизм» временной критерий (В.В. Виноградов, Б.Н. Головин, Е.В. Розен, М.Н. Золотарёва и др.) По мнению представителей данного направления, неологизмами «являются слова, возникшие на памяти использующего их поколения» [3].

Советский и российский лингвист Л.Л. Касаткин отмечает, что термин «новообразование» имеет прямое отношение к деривации и указывает на морфологические, синтаксические, фонетические аспекты образования новых слов, которые появились в языке в результате деривации, то есть создания одних языковых единиц (дериватов) на основе других, принимаемых за исходные [5].

Российский исследователь О.Н. Кравченко трактует новообразования широко, называя неологизмом «любое новшество в языке» [5], а Г.Ф. Алиаскарова под «новообразованиями» понимает неологизмы, состоящие из отдельных, ранее использовавшихся в языке слов и элементов или новой их комбинации.

Л.В. Шалина, напротив, не относит к понятию «неологизм» фразеологические сочетания, «во-первых, по той причине, что они не заключают в себе двух необходимых признаков слова – «цельно-оформленности» и «идиоматичности», во-вторых, в лингвистике давно сформировалась ее самостоятельная отрасль «фразеология» со своей терминологической базой, где и должны рассматриваться единицы языка, относящиеся к фразеологическому уровню» [3].

Немецкий учёный Д. Херберг определяет неологизм как лексическую единицу или значение, появляющиеся в определённый период развития языкового сообщества и воспринимаемые данным сообществом на определённом этапе как новые [4].

Наиболее полным нам представляется определение, данное И.В. Арнольд, которая под неологизмом понимает любое слово или устойчивое сочетание, созданное по существующим в языке словообра-

зовательным моделям или заимствованное для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета, или новое значение уже существующего слова, вновь появившееся в языке на определённом этапе его развития [2].

Ещё одной существенной проблемой неологии является вопрос о временном отрезке, на протяжении которого лексическое образование следует считать неологизмом. Французский языковед Ж.Ф. Саблеролль отмечает, что новое слово может являться неологизмом на протяжении периода до пяти лет [1]. Российский лингвист Н.С. Карпова считает, «временные рамки отнесения единицы к неологизмам с момента вхождения слова в язык колеблются от нескольких лет до нескольких десятилетий» [6]. Российские исследователи И.В. Арнольд, А.Д. Замятина, Т.А. Спиридонова, отмечая важность критерия новизны, указывают в своих работах, что неологизм обладает коннотацией новизны до тех пор, пока языковое сообщество воспринимает слово как новое.

Российский учёный Н.З. Котелова также считает время основным параметром для отнесённости лексемы к неологизмам. Лингвист предлагает систему параметров-конкретизаторов для определения новизны слова (или его значения) в языке:

1) время (неологизмами следует считать слова определённого периода, которых не было в предшествующий период);

2) языковое пространство, предполагающее перемещение слов из одной сферы употребления в другую, взаимодействие между литературным языком и языком наук, профессий, диалектов, устной речью;

3) новизна языковой единицы: новым может быть не только слово, но и значение слова (семантический неологизм), а также неразложимое сочетание слов (идиома);

4) структурные признаки новизны слова (в неологизме должны находить отражение существующие в языке словообразовательные модели).

Таким образом, опираясь на научные труды Г.Ф. Алиаскаровой, И.В. Арнольд, И.А. Воробьёвой, А.Д. Замятиной и Т.А. Спиридоновой, Н.З. Котеловой и других учёных, под неологизмом мы будем понимать слово или сочетание, созданное по существующим в языке словообразовательным моделям или заимствованное для обозначения нового предмета, или новое значение уже существующего слова, ставшее актуальным на определённом этапе развития языка. К основным характеристикам неологизма следует отнести временную коннотацию, функцию номинации, функционирование в узусе, отсутствие авторства, возможность фиксации в словарях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин, Л.П. Современный словарь иностранных слов. / Л.П. Крысин. – М.: АСТ-Пресс, 2021. – 416 с.
2. Касаткин, Л.Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л.Л. Касаткин. – М.: Высш. шк., 1991. – 399 с.
3. Кравченко, О.Н. Способы образования неологизмов в современном английском языке // Научная мысль Кавказа. // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. – 2008. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-obrazovaniya-neologizmov-v-sovremennom-angliyskom-yazyke>. – Дата доступа: 05.10.2025.
4. Herberg, D. Steffens D. unter Mitarbeit von Elke Tellenbach, Doris Al-Wadi. Neuer Wortschatz. Neologismen im Deutschen seit den 90er Jahren / D. Herberg. Berlin / NewYork: Walter de Gruyter. [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/4041/file/alWadi_Neuer_Wortschatz_Neologismen_im_Deutschen_seit_den_90er_Jahren_2006.pdf. – Дата доступа: 05.10.2025.
5. Bodle, A. How new words are born // The Guardian, 4 Feb 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/media/mind-your-language/2016/feb/04/english-neologisms-new-words>. – Дата доступа: 05.10.2025.
6. Воробьёва, И.А. Понятие «неологизм», классификация неологизмов в английском языке // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. – 2019. – № 3 (101). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-neologizm-klassifikatsiya-neologizmov-v-angliyskom-yazyke>. – Дата доступа: 05.10.2025.

УДК 811.11

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ НЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

И. Р. ЛЯСОВИЧ

(Представлено: Н. Я. ФЕДОРОВИЧ)

В статье рассматриваются многоаспектные критерии классификации неологизмов: по способу появления, степени новизны, узуальности и словообразованию. Анализируются различные типы новых слов – лексические, семантические, фразеологические, что позволяет систематизировать их изучение. Предпринимается попытка составить полный список параметров и признаков классификации неологизмов.

В зависимости от свойств неологизмов можно применить различные критерии их классификации. И.А. Воробьёва предлагает следующие критерии классификации неологизмов: по способу появления, по продолжительности существования, по степени новизны, по отношению к языку/речи, по способу словообразования [1].

В зависимости от способа появления неологизмов различаются неологизмы лексические, семантические и фразеологические. Лексические неологизмы (неолексемы) создаются по продуктивным словообразовательным моделям, семантические неологизмы (неосемемы) возникают как результат присвоения новых значений уже существующим словам, фразеологические неологизмы (неофраземы) образуются в результате появления нового значения у фразы или выражения.

Ещё одним основанием классификации неологизмов может служить продолжительность существования. По длительности нахождения в языковой системе выделяют следующие типы неологизмов: «факты краткого существования на уровне речь/текст», то есть окказиональные образования, отличающиеся однократностью употребления в определённом контексте; «слова, значения, сочетания, вошедшие в языковую систему, ставшие её полноправными членами», то есть неологизмы, которые вошли в узуз и были кодифицированы; «новации, живущие какое-то время в языке, а затем уходящие из него (так называемые «историзмы современности»)» [2].

По степени новизны неологизмы можно разделить на абсолютные и относительные. Абсолютными являются неологизмы, ранее не употреблявшиеся в языке (*boomerocracy, copypasta, dexting*). Относительные неологизмы представляют собой слова, которые фактически не являются новыми для языка. К этой группе неологизмов учёные относят устаревшие или малоупотребительные слова, которые вернулись в современный язык, не утратив своего первоначального значения. Например, средневековый галлицизм *surfew* активно используется в современной речи в значении *комендантский час*. К этой же группе исследователи относят обычные слова, которые в результате семантических и фразеологических изменений приобрели новые значения, например, *maid* (в современном значении – *домработница*). Также в эту группу включают внутренние заимствования, которые проникли в литературный язык из разговорной, просторечной, диалектной лексики и т.д.

Российский исследователь С.И. Алаторцева выделяет сильные и слабые по степени новизны неологизмы. Сильными неологизмами следует назвать неодериваты, «новизна и необычность которых ощущается особенно ярко» [3, с. 485]. Таким образом, лингвист рассматривает окказиональные образования как сильные неологизмы. Например, слово *boughetto*, придуманное афроамериканским рэпером NurphyLee, образовано путём контаминации двух слов – *bourgeois* и *ghetto*. Данный неологизм обладает негативной коннотацией и используется в значении «обеспеченный человек, не соблюдающий нормы приличия в обществе» [4]. К этой же группе относят новые номинации современных реалий и понятий, которые вызывают ощущение новизны в большей или меньшей степени. Слабые неологизмы представляют собой лексемы, ранее известные в языке, но получившие новое употребление. Например, слово *egg* – в сленговом значении *бомба*.

Российский лингвист А.А. Брагина делит неологизмы по их отношению к языку/речи на узуальные и неuzuальные. Узуальные неологизмы также называют общеязыковыми. В ряду неuzuальных автор различает потенциальные и окказиональные новообразования [5].

В силу специфики нашего исследования особый интерес представляет для нас классификация неологизмов по способам словообразования. Классификация неологизмов по способу образования была предложена французским лингвистом Луи Гилбертом, выделившим четыре вида неологизмов: фонологические, заимствования, семантические, синтаксические, создаваемые путём комбинации существующих в языке знаков (словообразование, словосочетание). Анализируя классификацию Гилберта, В.И. Заботкина считает целесообразным разделить синтаксические неологизмы на морфологические (словообразование) и фразеологические (словосочетания) [6].

На основе классификаций Л. Гилберта и В.И. Заботкиной, а также с учётом анализа работ ряда отечественных лингвистов (И.А. Воробьёвой, Е.М. Григорьевой, Е.А. Ждановой, О.Н. Кравченко, Ю.Н. Несветайло, С.В. Сырескиной, О.А. Филончик, В.А. Хромачёвой), мы выделим следующие типы неологизмов по способам словообразования: фонологические неологизмы, неологизмы-заимствования, семантические (лексические) неологизмы, словообразовательные (морфологические) неологизмы, фразеологические неологизмы.

Фонологические неологизмы возникают как сочетания отдельных звуков. Производящей основой для таких неологизмов часто выступает основа звукоподражательного междометия. Фонологические неологизмы называют «искусственными» или «изобретёнными». Например, глагол *squee* (to make a long, high sound because you are very happy or excited – *визжать*) образован от соответствующего звукоподражательного междометия *Squee!*, которое обозначает долгий и высокий звук для выражения счастья или восторга и сопровождает указанное действие. Междометие *ick*, добавленное в Cambridge Online Dictionary в 2024 г., также основано на ономапее (звукоподражании) и передаёт крайнее неприятие или отвращение к чему-либо.

Заимствование является ещё одним способом пополнения лексики английского языка со времён средневековья. Например, латинизмами в английском языке являются слова *wine* (вино), *pear* (груша), *priest* (священник), *devil* (дьявол). Из скандинавских языков заимствованы слова *fellow* (человек, приятель), *gear* (механизм), *happy* (счастливый), *husband* (муж). Галлицизмами (то есть французскими заимствованиями) являются *army* (армия), *battle* (сражение), *siege* (осада), *tax* (налог), *victory* (победа).

В XX – начале XXI вв. благодаря статусу английского языка как языка международного общения и ведущей роли США в политических, экономических и технологических процессах, происходящих на мировой арене, из языка-реципиента английский превратился в язык-донор, откуда черпают новые лексемы другие языковые системы. Однако и лексическая система английского языка продолжает пополняться заимствованными новообразованиями. Приведём несколько примеров заимствованных неологизмов-существительных, зафиксированных в Cambridge Online Dictionary: *burrata* (из итальянского языка) – a soft, white, cow's milk cheese from Italy made from mozzarella and cream (*буррата* – итальянский свежий сыр, изготавливаемый из сливок и молока буйволицы или коровы, разновидность моцареллы); *tifo* (из итальянского языка) – a flag, picture, etc. that is held up by the supporters of a team at a football match (*баннер тифо* – явление, при котором тифози спортивной команды визуально демонстрируют любой хореографический флаг, знак или баннер на трибунах стадиона, в основном в рамках футбольного матча); *zouk* (из французского языка) – a type of popular music with a fast beat, combining features of French Caribbean and Western music (*зук* – стиль танцевальной ритмической музыки, сложившийся на французских Карибских островах).

Семантические неологизмы образуются в результате приобретения уже существующими в языке словами новых значений. Слово либо полностью изменяет свой смысл, утрачивая «старое» значение, либо расширяет поле значений, приобретая новое вдобавок к уже существующему (или существующим). Специфика семантических неологизмов заключается в том, что как лексемы они давно известны в языке, но, обновив своё значение, перемещаются из одной сферы языкового пространства в другую, изменяя при этом лексическую сочетаемость, стилистическую закреплённость, экспрессивную окраску.

В.И. Заботкина выделяет следующие типы семантических новаций: старые слова полностью меняют своё значение, утрачивая ранее существовавшее; в семантической структуре слова появляется ещё один лексико-семантический вариант (ЛСВ) при сохранении всех традиционных [6, с. 21].

Среди семантических трансформаций последних десятилетий преобладают единицы второго типа. Ярким примером такой трансформации значения служит глагол *hallucinate*, ставший словом 2023 года по версии Cambridge Dictionary. К имевшимся двум значениям глагола *hallucinate* – 1) to seem to see, hear, feel, or smell something that does not exist, usually because of a health condition or because you have taken a drug; 2) to see or hear something that does not exist, – добавилось третье: 3) when an artificial intelligence (= a computer system that has some of the qualities that the human brain has, such as the ability to produce language in a way that seems human) hallucinates, it produces false information. Как видим, слово *галлюцинировать* теперь применимо к искусственному интеллекту, выдающему ложную информацию. Отметим, что развитие данного значения у существовавшего в языке слова обусловлено стремительным внедрением технологий искусственного интеллекта в различные сферы жизни человека.

Следует отметить, что семантические неологизмы в большей степени, чем другие виды новообразований, употребляются в сленге. Таким примером семантического неологизма можно назвать слово *cheddar* (a hard cow's milk cheese – твердый коровий сыр *чеддер*), которое в американском сленге получило значение *деньги* (*money*). У прилагательного *thirsty* также развилось новое значение – *wanting attention or approval* (informal, disapproving) (*требующий внимания или одобрения*).

К фразеологическим неологизмам относятся сочетания (идиомы), возникающие на основе общеупотребительных и уже известных в языке слов. В современном английском языке такая фразеологиза-

ция является весьма продуктивной. Приведём примеры неофразем (неологизмов-идиом) из Cambridge Online Dictionary: *digital nomad* (цифровой кочевник) – someone who does not have a permanent office or home and works from different countries, towns, or buildings using the internet; *goblin mode* (режим гоблина) – the behaviour of someone who wants to feel comfortable and do and eat whatever they want, not caring about trying to be clean, healthy, or attractive, or about pleasing or impressing other people. В 2020 году это выражение стало словом года по версии Oxford Dictionary, обозначая тип поведения, которому присущи лень, неряшливость и жадность, а также отвержение социальных норм; *heat index* (индекс тепла) – a measurement of how hot the air feels and how uncomfortable people are likely to be based on the temperature combined with the humidity; *large language model (LLM)* (большая языковая модель) – a complex mathematical representation of language that is based on very large amounts of data and allows computers to produce language that seems similar to what a human might say; *real zero* (настоящий ноль) – the point at which a country, industry, company, etc. has completely stopped producing greenhouse gas emissions; *voice cloning* (клонирование голоса) – the use of artificial intelligence to make recordings that sound like the voice of a specific person.

Часто фразеологические неологизмы находят выражение в метафоризации или метонимизации, генерализации или конкретизации ранее известного значения. Обычно метафоричные выражения считаются естественной частью поэтического стиля, однако на сегодняшний день они играют существенную роль в языке газет и журналов, то есть стали принадлежностью публицистического стиля. На метафоризации построены уже упомянутые неофраземы *digital nomad* (цифровой кочевник), *goblin mode* (режим гоблина), а также *ghost work* (призрачная работа – работа, выполняемая человеком, но осознаваемая потребителями как автоматизированный процесс), *porch piracy* (кражи посылок у порогов домов в США), *bed rotting* (досл. гниение в постели – долгое беззаботное валяние в постели), *shadow ban* (теневого бан – понижение охватов контента пользователя при несоблюдении правил социальной сети).

На метонимическом переносе основан фразеологический неологизм *salt tooth* (пристрастие к солёному), созданный по аналогии с узуальной неофраземой *sweet tooth* (пристрастие к сладкому).

Как видим, в современной лексикологии существуют различные классификационные критерии неологизмов: классификация по способу появления, по продолжительности существования, по степени новизны, по отношению к языку/речи, по способу словообразования. Классификация по способу появления предполагает деление неологизмов на лексические, семантические и фразеологические; по продолжительности существования – на неологизмы, однократно употреблённые (окказионализмы), более часто используемые и вошедшие в языковую систему. По степени новизны неологизмы могут быть абсолютными и относительными. По отношению к языку/речи неологизмы имеют узуальный и незузуальный характер. По способам словообразования можно выделить неологизмы фонологические, неологизмы-займствования, семантические (или лексические), словообразовательные (или морфологические) и фразеологические. Данные дифференцирующие критерии позволяют увидеть более полную картину функционирования словообразовательной способности неологизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьёва, И.А. Понятие «неологизм», классификация неологизмов в английском языке // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. – 2019. – № 3 (101). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-neologizm-klassifikatsiya-neologizmov-v-angliyskom-yazyke>. – Дата доступа: 15.09.2025.
2. Алаторцева, С.И. Проблемы неологии и русская неография: дис. ... д-ра филолог. наук / С.И. Алаторцева. [Электронный ресурс]. – 1998. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/problemy-neologii-i-russkaya-neografiya>. – Дата доступа: 15.09.2025.
3. Алаторцева, С.И. Словари новых слов / С.И. Алаторцева // История русской лексикографии / отв. ред. Ф.П. Сорокалетов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 612 с.
4. Грацкова, И.Ю. Неологизмы в современном английском языке // Science Time. // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. – 2015. – № 5 (17). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-v-sovremennom-angliyskom-yazyke>. – Дата доступа: 15.09.2025.
5. Брагина, А.А. Неологизмы в русском языке / А.А. Брагина. – М.: Наука, 1973. – 224 с.
6. Заботкина, В.И. Новая лексика современного английского языка [Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов] / В.И. Заботкина. – М.: Высш. шк., 1989. – 124 с.

УДК 811.11

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ НЕОЛОГИЗМОВ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

И. Р. ЛЯСОВИЧ

(Представлено: Н. Я. ФЕДОРОВИЧ)

Проведен комплексный анализ словообразовательных моделей, являющихся основным источником появления неологизмов в современном английском языке. Исследование базируется на классификации продуктивных способов словообразования, к которым автор относит аффиксацию, словосложение, конверсию, аббревиацию и усечение. Теоретические положения иллюстрируются многочисленными примерами новых лексически единиц из таких областей, как интернет-коммуникация, технологии и социальная жизнь.

Словообразование обладает значительным потенциалом для развития словарного состава английского языка. Большое число неологизмов появилось в современном английском языке благодаря словообразовательным процессам. Как отмечает российский лингвист Е.С. Кубрякова, «суть словообразовательных процессов заключается в создании новых наименований, новых вторичных единиц обозначения» [2, с. 356]. Образование неологизмов происходит по «продуктивным словообразовательным моделям и типам, которые существуют в языке» [1].

В современном английском языке существуют следующие продуктивные способы образования неологизмов: аффиксация (которая подразделяется на суффиксацию и префиксацию), словосложение, конверсия, сокращение.

Аффиксация представляет собой морфологический способ словообразования, при котором части слова складываются в рамках словообразовательных норм; их морфологическая структура не вызывает проблемы с адаптацией в словарях носителей языка. Аффиксальные неологизмы делятся на префиксальные и суффиксальные. Аффиксальные неологизмы «составляют около 24% всех новообразований и незначительно уступают сложным словам» [3]. Число аффиксов, используемых при образовании неологизмов, значительно.

Наиболее часто встречающиеся суффиксы для образования новых слов: *-ability, -able, -ac, -acy, -(i)al, -ance, -ant, -ase, -ate, -atic, -ation, -ative, -dom, -ed, -eer, -er/or, -est, -hood, -ic, -ical, -ification, -ify, -ing, -ion, -ish, -ism, -ist, -ive, -ization, -less, -ness, -ologist, -ology, -ship, -y (adj)*. Префиксальные новообразования менее многочисленны, хотя количество префиксов и полупрефиксов (префиксоидов) превышает количество суффиксов и полусуффиксов (суффиксоидов): *a(n)-, anti-, audio-, auto-, bio-, cardio-, co-, de-, dis-, eco-, Euro-, extra-, geo-, hydro-, hyper-, inter-, iso-, macro-, maxi-, mega-, micro-, mini-, mis-, mono-, multi-, non-, over-, photo-, post-, pre-, pro-, re-, semi-, sexo-, socio-, sub-, super-, tele-, trans-, ultra-, un-, under-*.

Наибольшую степень новизны имеют неологизмы, созданные при помощи новых аффиксов и полуаффиксов (аффиксоидов): *-on, -ase, -sol, -nik, -manship; eco-, mini-, taxi-, mega-, cine-, -oholic, -gate, -natcher*. Так, суффиксоид *-aholic/holic* был выделен из слова *workaholic* (*work + alcoholic*) – *трудоголик*, то есть человек, одержимый работой. Отсюда – общее значение неосуффиксоида – одержимость чем-либо: *barkaholic* (сущ.) – собака, которая лает без перерыва (*to bark + aholic*); *gameaholic* (сущ.) – тот, кто пристрастился к компьютерным играм (*game + aholic*); *biblioholic* (сущ.) – пристрастие к покупке и чтению книг, примерно то же, что и «библиофил», но шутовское – любовь к книгам как неистовая одержимость, а не просто хобби (*biblio- + holic*). Примерами префиксальных новообразований могут служить слова, образованные при помощи префиксов *anti-* (*anti-haul, anti-fan*), *de-* (*debanking*), *micro-* (*microdosing, microtransaction*), *re-* (*rewild, recommerce*), *sub-* (*subvariant*), *super-* (*superalignment, superdodger*); *meta-* (*metaverse*).

Продуктивными суффиксами неологизмов в английском языке являются следующие: *-ation* (*adultification*); *-ian* (*Affrilachian, sustainatarian*); *-ism* (*cakeism, wokeism*); *-less* (*contactless, wireless*); *-ship* (*situationship, delusionship*); *-ware* (*bossware*).

Аббревиация также представляется продуктивным способом, образующим большое количество современных неологизмов, особенно в сфере интернет-коммуникаций и технологий. Разновидностями аббревиации являются инициализация и комбинированная аббревиация. Инициализация буквенная – *IYKYK* – *if you know you know: used, for example on social media and in text messages, to show that there is a shared joke or shared knowledge with the reader that other people might not understand*; *LLM* – *large language model: a complex mathematical representation of language that is based on very large amounts of data and allows computers to produce language that seems similar to what a human might say*); инициализация звуковая – *GOAT* – *Greatest Of All Time: used to refer to or describe the person who has performed better than anyone*

else ever, especially in a sport; *WOC* – *woman or women of colour*: a woman who does not consider herself to be white, or women who do not consider themselves to be white) Комбинированная аббревиация – соединение слоговой и инициальной аббревиации (*GenAI* – *generative AI*: the use or study of artificial intelligences; *Мрор* – *monkeypox*: disease caused by a virus that can be spread to humans by monkeys, apes, rats, and other animals).

Звуковая и комбинированная аббревиации являются акронимами – разновидностью аббревиатуры, используемой как слово, которое образовано из начальных компонентов данной фразы или слова. Примерами акронимов могут служить следующие неологизмы: *LOL* (*laughing out loud*) – смеюсь вслух. Сокращение стало следствием стремления к удобству набора текста, но теперь часто используется и в разговоре как реакция на шутку; *VAR* (*video assistant referee*) – видеопомощник футбольного арбитра; *MAGA* (*Make America Great Again* – Сделаем Америку снова великой) – слоган Дональда Трампа, ставший основой его предвыборной кампании и обещанной на посту президента политики.

Усечение (*clipping*) – способ словообразования, состоящий в сокращении слова без изменения лексико-грамматического значения. В процессе усечения может быть опущена любая часть слова (*telephone* – *phone*; *doctor* – *doc*, *influenza* – *flu*). Самый распространенный тип усечения – апокопа, при котором сохраняется начало производящей основы: *decaf* (от *decaffeinated* – без кофеина), *vert* (от *vertical* – вертикальный), *tech* (от *technology* – технология), *sig* (от *signature* – подпись). Афареза – тип усечения, при котором сохраняется последняя часть производящей основы: *coon* (от *raccoon* – енот), *versity* (от *university* – университет), *net* (от *Internet* – Интернет). Синкопа предполагает опускание слога в середине слова: *maths* (от *mathematics* – математика), *specs* (от *spectacles* – очки).

Усечённые формы часто заменяют, замещают или расширяют свои первоначальные значения. Усечённые неологизмы нередко представляют собой разговорные варианты общеупотребительных слов: *spec* – informal for *specification* (a detailed description of how something should be or has been done, made, etc.); *tech* – informal for *technology* (the methods for using scientific discoveries for practical purposes, esp. in industry).

Конверсия – продуктивный в английском языке деривационный способ образования нового слова путём изменения части речи. При этом написание и произношение слова остаются прежними. В современном английском языке конверсия чаще всего представлена образованием глаголов от существительных: *Google* – *to google* (гуглить – искать информацию в поисковой системе Google), *Meghan Markle* – *to Meghan Markle* (меганмарклить – покидать неблагоприятную среду или уходить от токсичных людей, чтобы не нанести вред своему психическому здоровью).

К узуальным способам словообразования относится сложение. Словосложением называется способ деривации, основанный на соединении отдельных слов или их корней. Среди сложных неологизмов в целом преобладают двухкомпонентные единицы.

Имена существительные могут образовываться по следующим моделям:

– Noun + Noun → Noun: *figurehead* (*figure* + *head*) – someone who has the position of leader in an organization but who has no real power; *datahead* (*data* + *head*) – a person who is well-versed in general knowledge; *gardenburger* (*garden* + *burger*) – a vegetarian imitation hamburger or hamburger patty, usually made of grains and vegetables; *ghostlighting* (*ghost* + *lighting*) – the act of ending a relationship with someone by suddenly stopping all communication with them, then trying to make them believe that this did not actually happen and they must have imagined it;

– Adjective + Noun → Noun: *deepfake* (*deep* + *fake*) – a video or sound recording that replaces someone's face or voice with that of someone else, in a way that appears real; – Noun + Verb → Noun: *textspeak* (*text* + *to speak*) – the kind of language and spelling, often containing short forms of words, that people use when they are writing text messages.

Имена прилагательные, образованные словосложением, часто используют модель Adjective + Noun → Adjective: *free-range* (*free* + *range*) – relating to or produced by farm animals that are allowed to move around outside and are not kept in cages; *single-use* (*single* + *use*) – used to refer to a product that can be used once and is then thrown away.

Глаголы-неологизмы образуются путем сложения по моделям:

– Noun + Verb → Verb: *doomscroll* (*doom* + *to scroll*) – to spend a lot of time looking at your phone or computer and reading bad or negative news stories;

– Adjective + Verb → Verb: *speedrun* (*speed* + *to run*) – to complete a computer game, or part of a computer game, as quickly as possible, especially by taking advantage of any glitches (= known small problems in the way it works).

В современной английской неологии частотны сложнопроизводные единицы, когда словосложение сопровождается аффиксацией. Например, существительное *ad-skipper* (люди, которые избегают рекламы, устанавливая блокировщики всплывающих окон в браузере или переключая каналы на телевидении) образовано сложением основ существительного *ad* (реклама) и глагола *to skip* (пропускать) с добав-

лением суффикса существительных *-er*. Существительное *all-sidedness* (свойство объекта раскрывать все стороны одновременно) образовано сложением наречия *all* (все) и существительного *side* (сторона) с помощью суффикса абстрактных существительных *-ness*.

Продуктивным видом сложения для английского языка выступает контаминация (сращение, блендинг) – образование нового слова или словосочетания в результате скрещения двух различных слов или выражений, близких по звучанию, построению, значению. В английской дериватологии контаминацию часто называют блендингом (blending). А.П. Прокопец рассматривает термины «блендинг» и «контаминация» как синонимичные, определяя их как «объединение в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости» [4, с. 107].

Неологизмы могут создаваться на основе различных типов блендинга: 1) сращение начала первого слова и конца второго слова: *jorts* (*jeans* + *shorts* – a pair of shorts (= short trousers), especially loose, long ones that end at or just below the knee, made from denim); *dexting* (*dating* + *texting* – forming strong bonds over text after meeting on a dating app); 2) сращение первого слова с частью второго слова: *babycino* (*baby* + *cappuccino* – a drink for children that looks like a cappuccino); *bridezilla* (*bride* + *Godzilla* – a woman who is getting married, who becomes difficult and unpleasant to deal with because she wants to control every aspect of her wedding); *mansplaining* (*man* + *explaining* – the act of explaining something to someone in a way that suggests that they are stupid; used especially when a man explains something to a woman that she already understands); *webisode* (*web* + *episode* – one episode of a web series); *friendsumé* (*friend* + *resumé* – a short written description of your personal details, interests etc. that you post online when you are trying to find new friends); *chorebot* (*chore* + *robot* – a robot that is designed to do housework); 3) сращение части первого слова со вторым: *hangry* (*hungry* + *angry* – becoming angry because you are feeling hungry); 4) перекрытие (overlapping) одного слова другим, когда второе слово как будто «спрятано» в первом: *athleisure* (*athletic* + *leisure* – a style of clothing that is comfortable and suitable for doing sports, but also fashionable and attractive enough to wear for other activities).

Таким образом, в современном английском языке существуют следующие продуктивные способы образования неологизмов: аффиксация (которая подразделяется на суффиксацию и префиксацию), аббревиация, усечение (clipping), конверсия, словосложение, в том числе контаминация, или блендинг. Результаты исследования подтверждают высокий потенциал словообразовательных процессов в адаптации языка к новым реалиям и потребностям его носителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Несветаило, Ю.Н. Основные способы образования неологизмов в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. [Электронный ресурс]. – 2008. – № 1 (1): в 2 ч., ч. 2. – Режим доступа: <https://philology-journal.ru/article/phil20080121/fulltext>. – Дата доступа: 30.09.2025.
2. Кубрякова, Е.С. Словообразование // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – С. 344–393.
3. Чибисова, Е.Ю. Словообразовательные модели неологизмов в современном английском языке // Наука и современность // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. – 2010. – Вып. 7 – 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnye-modeli-neologizmov-v-sovremenном-angliyskom-yazyke>. – Дата доступа: 30.09.2025.
4. Прокопец, А.П. Типология словообразовательных контаминантов // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2005. – Т. 18 (57). – С. 107–111.

УДК 83.3

**СТРАТЕГИЯ ПОЗИТИВА И СПОСОБЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ БРОШЮРЫ
“DISCOVER MUNICH: THE OFFICIAL GUIDE»)**

Р. Х. РАДОС

(Представлено: О. С. КОВШИК)

Рассмотрены понятия коммуникативной стратегии и тактики. Проведен анализ англоязычной туристической брошюры для выявления использованных в ней коммуникативных стратегий и тактик. Проанализированы особенности и специфика использования стратегии позитива в данной брошюре.

Речевое поведение языковой личности определяется ее коммуникативными действиями в различных ситуациях общения. В процессе взаимодействия коммуниканты стремятся к достижению конкретных целей, для чего применяются определенные приемы, так называемые речевые стратегии и тактики в зависимости от уровня анализа.

В лингвистике отсутствует единая интерпретация понятия «стратегия». Одним из наиболее содержательных определений речевой стратегии является трактовка О. С. Иссерс, согласно которой стратегия речевого поведения представляет собой процесс построения хода общения, ориентированный на достижение долгосрочных целей. Включает в себя планирование взаимодействия с учетом условий общения и характеристик участников коммуникации, а также реализацию этого плана [1]. Каждая стратегия воплощается через определенный набор речевых тактик. По концепции О. С. Иссерс, тактика определяется как совокупность речевых актов, способствующих реализации стратегии [2, с. 110].

Коммуникативные стратегии и тактики играют важную роль в формировании и восприятии информации, в частности в туристическом дискурсе. Дискурс – это сложное явление, включающее текстовые, культурные, социальные и прагматические аспекты. Согласно Тойну А. Ван Дейку, он представляет собой коммуникативное событие между говорящим и слушающим в определенном контексте [3]. Это определение ценится за свою широту, интегративность, практичность и междисциплинарную значимость. Туристический дискурс – это использование языка для формирования и передачи культурных значений, а также продвижения туризма через определённые жанры.

По мнению Гончаровой Л.М., главной стратегией туристического дискурса является стратегия позитива [4]. Эта стратегия охватывает использование речевых средств, направленных на создание у адресата ощущения положительного настроения, хорошего настроения и благоприятного восприятия рекламного предложения туристического продукта. Стратегия позитива призвана поражать потенциального потребителя, захватив его внимание, и убеждать в необходимости приобретения определённого туристического продукта.

Материалом для нашего практического исследования послужила электронная версия туристической англоязычной брошюры «Discover Munich: the official guide», объемом 40 000 знаков и состоящая из 53 страниц. Проведенный анализ позволил нам выделить следующие тактики, которые были задействованы для реализации стратегии позитива в данной брошюре:

- 1) тактики апелляция к честности и надежности;
- 2) ссылки на авторитет;
- 3) шикарной жизни;
- 4) давления;
- 5) выгодного предложения;
- 6) апелляции к фоновым знаниям;
- 7) обращения к чувствам.

Рассмотрим подробнее каждую из них:

1) *Тактику апелляции к честности и надежности* можно обнаружить в ряде высказываний, таких как: «The official Munich tour guides would love to have you on their new hood love tours», «Craft Beer is the buzz word on everyone's lips. Lovingly crafted beer with tons of personality best describes what's hidden behind this magic phrase», «Munich boasts one of the best and most tradition-rich opera houses in the world as well as three star orchestras».

Данная тактика задействует широкий спектр лексических средств, направленных на усиление доверия к предоставляемой информации и повышению авторитетности рекламируемых услуг. Одним из ключевых приемов является использование прилагательных и существительных с выраженной позитивной коннотацией, таких как «official», «tradition-rich», «lovingly crafted». Эти лексемы способствуют со-

зданию образа профессионализма, подчеркивая, что информация исходит от авторитетных и проверенных источников, а рекламируемые продукты и услуги соответствуют высоким стандартам качества.

Применение таких слов, как «official», играет значительную роль в формировании доверия аудитории, создавая впечатление, что представленные сведения подтверждены авторитетными организациями. Это формирует у потребителя уверенность в том, что предлагаемые услуги соответствуют официальным стандартам и высоким требованиям сервиса. Например, в утверждении «The official Munich tour guides would love to have you on their new hood love tours» слово «official» подчеркивает, что туры организируются квалифицированными профессионалами, что повышает их достоверность и привлекательность.

Еще одним значимым аспектом данной тактики является использование прилагательных, акцентирующих внимание на качестве и традициях. В утверждении «Munich boasts one of the best and most tradition-rich opera houses in the world» выражение «tradition-rich» усиливает восприятие исторической ценности и устойчивой репутации, создавая положительные ассоциации у потенциальных клиентов. Обращение к традициям и историческому наследию формирует образ стабильности и надежности, что особенно важно в контексте туристической индустрии.

Дополнительно, важную роль играет использование глаголов, усиливающих уверенность и эмоциональную насыщенность высказываний. Например, в фразе «Craft Beer is the buzz word on everyone's lips» выражение «buzz word» подчеркивает актуальность и популярность продвигаемого товара, создавая у аудитории ощущение сопричастности к трендовому явлению. Глагол «boasts» в конструкции «Munich boasts one of the best and most tradition-rich opera houses» придает высказыванию оттенок гордости и уверенности, что способствует усилению восприятия значимости и престижа объекта.

2) *Тактика ссылки на авторитет.* Она выражается посредством упоминания имен известных личностей и экспертов, что способствует усилению ценности и достоверности представляемой информации. Примерами такой тактики являются высказывания: «The real Munich is a map just beneath the skin, whose streets all lead to the heart and drift from there out into the big wide world, far beyond the Weisswurst horizon» - Albert Ostermaier, writer from Munich; «On our guided tour you can find out about all the famous people who've been here over the years, including Russian revolutionary Lenin and the Austrian Empress Sisi, and there are lots of other fascinating historical anecdotes, too»; «Jossi Loibl (60) is editor-in-chief for the Munich restaurant guide «DelikatEssen», the guide to culinary highlights in Munich and the surrounding region».

Данная тактика опирается на влияние авторитетных и признанных фигур для подтверждения качества и ценности предлагаемого туристического продукта. Включение имен исторических личностей, таких как Ленин и Сиси, а также упоминание экспертов, например, редактора гастрономического гида «DelikatEssen», усиливает убедительность информации, побуждая потребителя доверять продвигаемому туру или услуге. Использование подобных фигур эффективно апеллирует к авторитету как надежному источнику информации для целевой аудитории.

С точки зрения лингвистических средств данная тактика выражается через использование имен собственных и уточняющих профессиональных титулов, что способствует дополнительному усилению доверия. В частности, конструкции, такие как «writer from Munich» или «editor-in-chief», добавляют контексту значимость и авторитетность. Эти элементы формируют у потребителя ощущение уверенности в том, что предоставленная информация достоверна и обладает реальной ценностью. Например, упоминание Альберта Остермайера, известного писателя, не только придает особый колорит высказыванию о Мюнхене, но и делает его частью субъективного, но авторитетного восприятия города, что способствует усилению воздействия рекламного сообщения.

3) Примеры *тактики шикарной жизни* встречаются в таких фразах, как «The Kunstareal (museum area) with its Pinakotheken, the Lenbachhaus (art gallery), the Königsplatz museums and a large number of other high-class art museums, exhibition venues and galleries, is second to none in the world», «You can marvel at luxury-class automobiles 365 days a year – with free admission» и «Rooms at the Mandarin Oriental München are cozy and beautiful and have the touch of what it takes to be a luxury hotel».

Данная тактика направлена на подчеркивание эксклюзивности, утонченности и элитарности предлагаемого туристического опыта. Используемые в рекламных сообщениях лексические средства способствуют формированию у потребителя ассоциаций с высоким статусом и престижным образом жизни, что влияет на восприятие предложений. Например, такие выражения, как «luxury-class», «high-class», «beautiful» и «cozy», акцентируют внимание на высоком уровне обслуживания и уникальной атмосфере, создавая представление о туристическом продукте как о привилегированном и недоступном для широкой аудитории опыте.

Дополнительно в рамках данной тактики активно используются гиперболы и эпитеты, усиливающие эффект уникальности и превосходства. Так, выражение «second to none» подчеркивает исключительный характер представленного опыта, создавая у аудитории впечатление, что предложенная услуга является непревзойденной по своей ценности и статусу. Гиперболизация в данном контексте служит инструментом усиления воздействия на потенциального клиента, формируя ощущение эксклюзивности и недоступности для массового рынка.

4) Примерами реализации *тактики давления* в туристическом дискурсе являются такие высказывания, как: «Find out which museum you can visit for just €1 on Sundays, where admission is free for children under 18, and which museums can be explored via app...», «All visitors to Munich should definitely take a closer look at the Hofbräuhaus» и «Are you visiting Munich for the first time or in the city on a short weekend break? Then you must not miss out on taking a tour of the Altstadt».

Данная тактика активно использует настойчивые и категоричные выражения, которые побуждают потребителя к действию и создают ощущение срочности. Применение модальных глаголов, таких как «should» и «must», а также усилительных наречий («definitely», «must not miss out») способствует формированию у аудитории убежденности в необходимости предпринять определенные действия. Эти лексические средства оказывают психологическое давление на потенциального клиента, подталкивая его к немедленному принятию решения и сводя вероятность отказа к минимуму.

5) Примерами *тактики выгодного предложения* являются такие высказывания, как: «Enjoy a 10% discount when you book a ticket for a München Tourismus guided tour», «Munich Card holders are entitled to discounts at more than 80 sights (e.g. top museums), while the Munich City Pass provides free admission to 45 top attractions» и «Over 70% of all cultural events in the city are free to attend».

Эта тактика фокусируется на материальной выгоде для потребителя, подчеркивая финансовые преимущества и возможности экономии. Использование количественных характеристик («10% discount», «more than 80 sights», «over 70%») создает у аудитории впечатление значительной экономической выгоды. Данные числовые показатели служат убедительными аргументами, подчеркивающими эксклюзивность предложения и стимулирующими целевую аудиторию к его принятию.

Лексико-стилистические средства, задействованные в рамках этой тактики, направлены на акцентирование выгодных условий. Ключевые слова, такие как «entitled», «free admission» и «discount», усиливают восприятие эксклюзивности и финансовой привлекательности предложения. В частности, слово «entitled» формирует у клиента ощущение обладания особыми привилегиями, а выражение «free admission» подчеркивает возможность посещения культурных мероприятий без дополнительных затрат, что повышает мотивацию к участию.

6) *Тактика апелляции к фоновым знаниям* представлена фразами, как «Tour of the Neues Rathaus (New Town Hall). Regards from Hogwarts!» и «Along the roughly one kilometre-long pedestrian street between Karlsplatz (Stachus) and Marienplatz, there is a lot to tell about the history of the city».

Данная тактика активно использует культурные и исторические ассоциации, способствуя созданию у потребителей эмоциональной связи с предлагаемым туристическим продуктом. Упоминание знаковых мест, таких как Karlsplatz, Marienplatz и Hogwarts, вызывает у потенциальных туристов воспоминания или ассоциации с личным опытом, а также с широко известными культурными символами и историческими объектами. Например, выражение «Regards from Hogwarts!» обращается к популярной культуре и феномену литературной вселенной Гарри Поттера, что способствует эмоциональному вовлечению и повышенному интересу к туру. Такой прием активизирует предшествующие знания аудитории и стимулирует желание увидеть нечто знакомое и значимое, что, в свою очередь, усиливает мотивацию к выбору данного туристического предложения.

7) Примеры *тактики обращения к чувствам* можно найти в таких выражениях, как «If you want to know more, you can book a tour and get to know the concept of the Almschule (farm school) – great for families!» и «The Munich Zoo has a lovely children's area. And it's situated in a pleasant wooded area to walk around and see the animals».

Эта тактика направлена на воздействие на эмоции, связанные с семейными ценностями, уютом и комфортом, способствуя созданию у потребителей ощущения тепла и заботы. Например, выражения «great for families» и «lovely children's area» подчеркивают фокус на потребностях людей, путешествующих с детьми, или тех, кто ценит безопасную и комфортную атмосферу для семейного отдыха.

Использование прилагательных, таких как «lovely» и «pleasant», играет важную роль в формировании у клиентов положительных ассоциаций с местом, которое обещает не только новые познания, но и уютную атмосферу, идеально подходящую для отдыха с детьми.

Лингвистически данная тактика реализуется через эмоционально насыщенные прилагательные и фразы, такие как «great», «lovely», «pleasant», которые создают в воображении потребителей образ безопасного и теплого пространства. Это помогает воспринимать предлагаемую услугу не как просто экскурсию или активность, а как возможность создать приятные воспоминания и провести время в окружении заботы и внимания. В результате, такие описания формируют у потребителя положительные эмоции и стимулируют мотивацию к выбору туристического продукта, особенно если он ориентирован на семейный отдых и комфортные условия для близких.

В заключение можно отметить, что туристический дискурс представляет собой сложную и многогранную систему речевых стратегий и тактик, направленных на создание привлекательного имиджа туристических продуктов и услуг. В анализируемой брошюре «Discover Munich: the official guide» страте-

гия позитива, а также использование тактик, связанных с эксклюзивностью, выгодой и эмоциями, эффективно воздействуют на целевую аудиторию, формируя у потенциальных клиентов образ Мюнхена как города с богатой историей, высококачественными услугами и уникальными возможностями для отдыха. Важнейшими лексическими средствами, которые усиливают воздействие, являются прилагательные и существительные с позитивной коннотацией, модальные глаголы, а также отсылки к культурным и историческим контекстам. Эти приемы направлены на создание доверия, повышение привлекательности и убеждение аудитории в ценности предложений. В дальнейшем исследование коммуникативных стратегий и тактик в туристическом дискурсе может быть расширено для более глубокого понимания их роли в формировании туристических предпочтений и поведения потребителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс, О. С. Речевое воздействие: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.
2. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
3. Ван Дейк Т. А. К определению дискурса. 1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 29.11 2024)
4. Гончарова, Л.М. Туристская реклама в СМИ: позитивно настраивающие тактики // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Материалы II Международной научной конференции (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 14–16 февраля 2008 г.) / Сост. М.Н. Володина. М., 2008. – С. 339–343.

УДК 811.1

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ «BREAD», «MILK», «TEA» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В. В. ЧЕХОВИЧ

(Представлено: Ю. О. НАЙВЕРТ)

Статья посвящена анализу фразеологических единиц с компонентами «bread», «milk» и «tea» с позиции лингвокультурологии. Исследование раскрывает семантическое разнообразие данных фразеологизмов, их символическое значение и роль в межкультурной коммуникации, подчеркивая уникальность и богатство британской культурной идентичности.

Фразеологизмы занимают особое место в любой языковой системе. Эти устойчивые, образные выражения, применяемые как самостоятельные слова, представляют собой важный элемент культуры и отражают уникальность традиций и истории народа [1, с. 18]. Большинство исконно английских фразеологизмов основано на традициях, обычаях, поверьях, а также исторических фактах и преданиях английского народа. Они прочно вошли в разговорную речь, обрели характерный английский оттенок, который отражает особенности английской культуры.

Анализ фразеологизмов с компонентом «еда» показал, что продукты питания являются важным источником возникновения как исконно английских, так и заимствованных фразеологизмов. И это не случайно. Ведь процесс потребления пищи занимает важное место в культурологической категории образа жизни человека. Еда охватывает все аспекты быта человека: от продуктов питания и труда до отдыха и досуга. Она не только удовлетворяет физиологические потребности, но и отражает традиции, социальные нормы и культурные особенности каждого народа. Питание связано с семейными обычаями, религиозными ритуалами и общественными мероприятиями, что делает его неотъемлемой частью культурной идентичности [2, с. 80].

В данной статье в центре внимания - фразеологизмы с компонентами «bread», «milk» и «tea». Выбор этих продуктов обусловлен их ключевой ролью в британской и европейской культуре.

Хлеб отражает основу человеческого существования и глубокую связь с бытом. В британской культуре хлеб связан с многовековыми традициями и занимает особое место в повседневной жизни и ритуалах. Традиционные изделия, такие как рождественский хлеб и горячие крестовые булочки, отражают не только значимость хлеба в быту, но и его ритуальное и символическое значение. Эти традиции сохраняются в Англии и по сей день, подчеркивая культурное наследие и уникальность народных обычаев [3, с.25].

Семантический анализ фразеологизмов с компонентом «bread» выявил широкое разнообразие культурных и национальных особенностей, отражающих различные символические значения [4, с.360]. Большинство из них обладает положительной коннотацией (табл. 1).

Таблица 1. – Символическое значение фразеологизмов с компонентом «bread» (■ – положительная коннотация, ■ – отрицательная коннотация)

средства к существованию, заработок	горе
гостеприимство	
достаток, богатство	
добро, добрые дела	лень, безделье
везение, выгодное положение	
минимальные потребности	

Например, в фразеологизме *daily bread* – «хлеб насущный, кусок хлеба» – хлеб символизирует основные средства к существованию и необходимость обеспечения себя и своей семьи ресурсами. Выражение *earn (or make) one's bread (by)* – «зарабатывать свой хлеб» – отражает идею заработка и пропитания. Фразеологизм *take the bread out of smb.'s mouth* – «вынуть хлеб изо рта кого-либо» – означает лишить кого-либо куска хлеба, средств к существованию.

В выражении *break bread with smb.* – «преломить хлеб с кем-либо, разделить трапезу с кем-либо» – хлеб выступает символом гостеприимства.

Фразеологизм *have one's bread buttered on both sides* – «намазывать хлеб маслом с обеих сторон» – обозначает избыточное благосостояние или получение преимуществ с двух сторон.

Также хлеб может символизировать добро, как в выражении *cast your bread upon the waters* – «отпускать хлеб по водам»), которое означает творить добро, не ожидая благодарности или вознаграждения.

В то же время, фразеологизм *eat the bread of affliction* – «есть горький хлеб унижения» – символизирует горечь и беды, а выражения *eat the bread of idleness* – «есть хлеб безделья» и *eat smb.'s bread* – «есть чужой хлеб» ассоциируются с ленью и бездельем.

Молоко ассоциируется с жизненной энергией, природной чистотой, символизируя здоровье и процветание. В британской культуре оно занимает значимое место благодаря традиции животноводства и широко используется в повседневной жизни, включая национальную кухню. Добавление молока в чай символизирует уют и гостеприимство, а также является важной частью британской чайной церемонии. Молоко ассоциируется со здоровьем и благополучием, что подчеркивает его значимость в британском образе жизни.

Семантический анализ фразеологических единиц с компонентом «milk» выявил разнообразие пересмысленных значений, включающих как положительную, так и отрицательную коннотацию (табл. 2).

Таблица 2. – Символические значения фразеологизмов с компонентом «milk» (■ – положительная коннотация, ■ – отрицательная коннотация)

изобилие	бесполезность, нецелесообразность
красота и здоровье	
доброта и милосердие	простота
чувство долга и ответственности	

Например, в фразеологизме *milk and honey* – «молоко и мед» – молоко символизирует изобилие и процветание, включая благополучие и счастье. Выражение олицетворяет не только материальное процветание, но и изобилие в более широком смысле.

Фразеологизм *milk and roses* – «молоко и розы» – описывает красоту, свежесть и здоровье, подчеркивая жизненную силу и естественную привлекательность.

В выражении *the milk of human kindness* – «молоко человеческой доброты» – молоко олицетворяет заботу и сострадание к другим людям, подчеркивая великодушие и милосердие.

Фразеологизм *bring smb. to his milk* – «привести кого-нибудь к его молоку» – символизирует пробуждение чувства долга и ответственности, побуждая к осознанию своих обязательств.

В выражении *cry over spilt milk* – «плакать из-за пролитого молока» – молоко выступает символом бесполезности сожалений, подчеркивая бесполезность таких действий.

В то время, как фразеологизм *milk and water* – «молоко и вода» – символизирует пустоту, бессодержательность и простоту, подчеркивая легкость и поверхностность описываемых ситуаций.

Чай, введенный в Англию в XVII веке, быстро приобрел популярность среди аристократии и со временем стал доступным для всех слоев населения. Сегодня он является неотъемлемой частью повседневной жизни британцев, обладая уникальными традициями и способствуя появлению устойчивых выражений в английском языке [5].

Анализ фразеологизмов с компонентом «tea» оказался самым интересным. Несмотря на то, что в количественном отношении фразеологизмы с этим компонентом уступают выше проанализированным, они имеют ярко выраженную национально-культурную специфику и многие из них не имеют аналогов в русском языке.

Например, выражения *afternoon (low) tea* – «послеобеденный чай» и *high tea* – «ранний ужин с чаем» отражают британские традиции чаепития. *Afternoon (low) tea* проходит за низким столиком и сопровождается легкими закусками, в то время как *high tea*, включающий полноценный ужин, проводится вечером за высоким обеденным столом [6].

В выражении *tea party* – «чаепитие» – чай ассоциируется с традиционным социальным собранием, будь то неформальная встреча или официальное мероприятие с определенными традициями.

Фразеологизм *husband's tea* – «чай мужа» – используется в шутовском ключе для обозначения слабого чая, который мужья якобы предпочитают или готовят.

Выражение *builder's tea* – «чай строителя» – отражает насыщенность напитка, предпочитаемого рабочими, крепкого, с добавлением молока и сахара.

Фразеологизмы с компонентом «tea» часто отражают культурные особенности и эмоциональные оттенки, присущие британскому обществу. Так выражение *would not do sth for all the tea in China* в буквальном переводе означает «ни за какой чай в Китае» и выражает крайнюю неохоту выполнить какое-либо действие даже за значительное вознаграждение, фразеологизм *a storm in a tea-cup* – «буря в чашке чая» – подчеркивает преувеличение незначительной проблемы.

В свою очередь, фразеологизм *tea and sympathy* («чай и сочувствие») символизирует гостеприимство и заботу, предлагая чай как способ утешения.

Выражение *not be sb's cup of tea* («не твоя чашка чая») используется для обозначения того, что что-то или кто-то не соответствует личным предпочтениям или интересам.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы: английские фразеологизмы с компонентами «bread», «milk» и «tea» отражают традиции, социальные нормы и культурное наследие британского общества. Эти компоненты символизируют значимые аспекты жизни: хлеб — средства к существованию, гостеприимство и достаток; молоко — доброту, изобилие, здоровье и процветание; чай — уют, гостеприимство и национальную идентичность. Семантический анализ выявил как положительные, так и отрицательные коннотации этих фразеологизмов, что позволяет глубже понять культурные особенности англоговорящих стран и способствует межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шутин, Л. Понятие и классификация фразеологизма английского языка / Л. Шутин, У. Фан // Евразийский Союз Ученых. – 2015. – № 11. – С. 18–19.
2. Князева, Н.И. Ценностные установки как часть национального сознания на примере английских фразеологизмов, содержащих связанные с питанием лексемы / Н.И. Князева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №13 (228). – С. 80-83.
3. Плисов, Е.В. Образ хлеба в русской, немецкой и английской картинах мира / Е.В. Плисов // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (28). – С. 20 – 31.
4. Марушкина, Н.С. Гастрономические фразеологические единицы как средство формирования концепта еда / Н.С. Марушкина // Преподаватель XXI век. – 2012. – № 2. – С. 359 – 362.
5. Zhang, A. The Status and Role of Tea in British Culture and Daily Life against the Background of British Empire Expansion from 1600 to 1900 / A. Zhang // Journal of Innovation and Social Science Research. – 2022. – №2. – С. 112-114.
6. Деловые приемы: умеете ли вы пить чай?: [электронный ресурс]. – Минск, 2015. – Режим доступа: <https://delo.by/articles/life/materialy/2015-12-02-tea>. – Дата доступа: 10.03.2025).

УДК 811.11-112

**ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА БУКТРЕЙЛЕРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТИКТОК-БУКТРЕЙЛЕРОВ)****К. Н. ШКЕТИК****(Представлено: Е. М. ЧЕБОТАРЁВА)**

Рассмотрены буктрейлеры как краткие аудиовизуальные версии книг. Выделены ключевые характеристики и основные задачи буктрейлеров, а также их роль в популяризации книг на платформе TikTok. Представлены виды буктрейлеров и параметры для анализа их вербальной части.

В цифровую эпоху традиционные методы продвижения книг сталкиваются с новыми вызовами. В связи с этим возникает необходимость поиска инновационных способов привлечения внимания аудитории к литературным произведениям. Одним из таких способов стал буктрейлер – короткий рекламный видеоролик, созданный для продвижения книги. В частности, TikTok, популярное приложение для создания коротких видео, стала новой платформой для создания и популяризации буктрейлеров.

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным развитием медийного пространства и возрастающей ролью буктрейлера как поликодового средства продажи книг, в связи с чем важность приобретает изучение жанровых особенностей буктрейлеров и анализ их вербальной и изобразительной составляющих, что может содействовать улучшению качества их производства.

Объектом исследования является жанровая специфика буктрейлеров.

Предметом исследования являются TikTok-буктрейлеры.

Цель исследования – проанализировать жанровую специфику буктрейлеров на примере материалов из социальной сети TikTok.

Буктрейлеры – это сокращенные аудиовизуальные версии объемных первоисточников. Из-за своей краткости они не дают исчерпывающего смыслового представления о книге, намеренно оставляя информацию неполной. Это делается для того, чтобы побудить читателя заполнить эти пробелы в своем воображении и тем самым мысленно предвосхитить и начать выстраивать сюжет основного произведения [1, с. 96].

Буктрейлеры могут представлять основу сюжета, передавать настроение книги и эмоции читателя после прочтения данной книги, а также доносить главную идею произведения. Данные видеоролики снимают и к современным книгам, и к книгам, которые стали литературной классикой.

Буктрейлеры имеют следующие характеристики:

- вторичный жанр относительно оригинальной книги;
- преобладание невербальных элементов, а именно аудиального и визуального ряда;
- фрагментность, то есть выделение создателем буктрейлера таких тем, которые значимы для выражения своих идей [2, с. 19].

TikTok стал одной из самых популярных платформ для создания и распространения буктрейлеров, которые привлекают внимание читателей и содействуют продвижению книги. Специфика буктрейлеров основывается на клиповом характере подачи информации (быстро сменяющихся кадрах), краткости текста и времени, открытости (сознательной незавершенности) и уникальности.

Максимальный потенциал для вирусного распространения в интернете имеют те буктрейлеры, которые по своей стилистике напоминают короткометражные фильмы. Обмен контентом между друзьями не только обеспечивает мгновенный рекламный эффект для признанных авторов и крупных издательств, но и открывает такие же перспективы для начинающих и независимых писателей. Так как буктрейлеры не требуют огромных бюджетов и могут быть легко сделаны с минимальными затратами, их создание и использование доступно практически каждому, чей компьютер поддерживает простые программы для видеомонтажа [3, с. 682].

Одной из главных задач буктрейлера является привлечение внимания к книге современного читателя, для которого визуальные элементы привычнее, чем вербальные. Сегодня профессиональные создатели таких рекламных видеопроductов могут иметь свой собственный стиль, например, определенной цветокоррекцией, звуковыми эффектами, специфическим монтажом и пр.

Основной акцент буктрейлера сосредоточен на раскрытии абстрактного содержания книги – чувств, атмосферы, тона, общего впечатления и т.д., его цель – передать эту абстрактную идею. Например, книга может затрагивать такие абстрактные темы, как свобода, мрак и т.п., и буктрейлер может выразить это двумя способами. В первом случае абстрактные темы выражаются напрямую, когда изображения, музыка и прочие элементы передают крайне обобщенное содержание. Например, если история посвящена разлуке, музыка будет грустной. Это импрессионистская форма, призванная создать у зрителя

ощущение или впечатление, что является ключевым для книги. Во втором случае абстрактные темы могут быть выражены в конкретной форме. Это может быть продемонстрировано через действия персонажа, чтобы проиллюстрировать специфику темы [4, с. 202].

И.В. Бугаева выделяет следующие виды буктрейлеров: видео-комментарий, видео-аннотация, видео-анонс, видео-эссе. Каждый субжанр имеет свои структурные особенности и коммуникативные задачи. Так, цель видео-комментария – привлечь внимание к автору произведения, именно автор произведения становится главным действующим лицом буктрейлера. Соответственно, в ролике приводятся фотографии автора, его биографические данные, цитаты и интересные факты про историю написания произведения. Видео-аннотации кратко пересказывают сюжет книги и передают основную идею произведения. В данном виде буктрейлера часто содержится краткая биография автора. Большую роль играет интрига, которая побуждает зрителей прочитать произведение. Сюжет изложен эмоционально, и кульминация завершается фразой, которая подчеркивает необходимость чтения для выяснения дальнейших событий. В субжанре видео-анонса главным является факт существования произведения, его завершение, выход в свет, презентация в издательстве и т.д. У такого буктрейлера главная функция – маркетинговая, рекламная. Это определяет и содержащуюся информацию, например, дата поступления в продажу, характеристика главных персонажей, обозначение жанра произведения (роман, детектив, фэнтези, приключения, фантастика, триллер). Видео-эссе является сложным субжанром буктрейлера, поскольку он требует от создателя глубокого понимания текста, истории создания, литературного значения и общественного восприятия. Центральной фигурой видео-эссе выступает создатель, выступающий в роли читателя и рефлексирующий над произведением. Автор выражает свое мнение о произведении, оценивая персонажей, затронутые проблемы и их воплощение в тексте. Нередко видео-эссе включает философские размышления на темы, такие как смысл бытия, нравственность, смерть, предательство, любовь и другие [2, с. 22].

Несмотря на то, что визуальная часть буктрейлеров задаёт тон и сразу притягивает внимание, вербальная составляющая играет не менее важную роль. Именно она помогает интерпретировать образы и часто служит связующим звеном между визуальными эпизодами.

Анализ вербальной части буктрейлера мы проводили по параметрам, предложенным Э.А. Зоидзе [5, с.128], которая предлагает учитывать:

- тип текста (звучащий или печатный);
- особенности лексики и синтаксиса;
- использование средств выразительности и аттрактивности (фонетических, графических, лексических и синтаксических);
- использование средств реализации диалогичности;
- наличие или отсутствие вербального призыва к покупке или выполнению иного действия.

Приведем примера анализа буктрейлера по предложенным аспектам. Обратимся к одному из роликов, посвященному новому роману *Katabasis* Р. Ф. Куанга.

Языковые особенности буктрейлера к роману *Katabasis* представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Языковые особенности буктрейлера к роману *Katabasis*

Тип текста в буктрейлере	Печатный
Лексика	прецедентные имена (<i>Cambridge, King Yama</i>); научно-магические термины (<i>Cartesian severance spell, Basic Transportative Pentagon, Ramanujan's Summation, Casimir Effect</i>); преобладание оценочных и эмоционально окрашенных прилагательных (<i>terrible gruesome accident, naughty girl</i>)
Синтаксис	развернутое повествовательное предложение с вложенными пояснениями (<i>It was a terrible... and so for reasons... Alice found it necessary...</i>)
Стилистические средства и маркеры аттрактивности	параллелизм (<i>without Professor Grimes she had no committee chair, and without a committee chair she could not...</i>); детализированные визуальные элементы (<i>Shirt untucked; papers flapping...</i>)
Диалогичность	прямые реплики (<i>What are you doing?</i>); местоимения (<i>I, you, she</i>)
Призыв к покупке / чтению	<i>Available wherever books are sold</i>

Как мы видим, буктрейлер обладает аттрактивностью благодаря не только визуальной, но и лингвистической составляющей. Изображение в буктрейлере обычно тесно связано с вербальным содержанием, так как они образуют смысловое и функциональное единство, которое оказывает определенный коммуникативный эффект и прагматическое воздействие на получателя.

Таким образом, в TikTok-буктрейлерах вербальная составляющая играет особую роль, так как она должна быть краткой, выразительной и запоминающейся, чтобы удержать внимание зрителя на протяжении всего ролика. В условиях ограниченного времени ролика (обычно 30 секунд – 1 минута) каждое

предложение должно быть максимально емким и точным, чтобы в краткий срок передать суть произведения. Это особенно важно, потому что TikTok ориентирован на молодежную аудиторию, которая привыкла к быстрому потреблению контента и может не уделить много внимания длинным речам или сложным пояснениям. Вербальная часть буктрейлеров на платформе TikTok выполняет сразу несколько функций: создает интригу, передает эмоциональный фон, привлекает аудиторию и побуждает к действию, например, к прочтению книги. Для создания эффективного буктрейлера важно найти баланс между визуальными приёмами и подобранной лексикой и синтаксисом, чтобы побудить зрителя к прочтению книги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grøn, R. Literary experience and the book trailer as intermedial paratext. *SoundEffects – An Interdisciplinary Journal of Sound and Sound Experience*. – 2014. – Vol. 4(1). – P. 90–107. – URL: <https://doi.org/10.7146/se.v4i1.20330> (date of access: 13.10.2025).
2. Project activity as an effective way to form communicative competencies in the lessons of Russian as a foreign language / I. Bugaeva // *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*. – 2023. – Vol. 11, №1. – P. 11–30.
3. Voigt, K. Becoming Trivial: The Book Trailer / K. Voigt // *Journal of Current Cultural Research*. – 2013. – Vol. 5. – P. 671–689.
4. Models of Digital Book Trailers and Applications of Digital Storytelling Approach for Educational Purposes / M. Dimova, S. Slavova-Petkova, D. Luchev // *Digital Presentation and Preservation of Cultural and Scientific Heritage*. – 2018. – Vol. 8. – P. 197–206.
5. Зоидзе, Э. А. Буктрейлер как жанр издательского дискурса / Э. А. Зоидзе // *Вестник МГПУ. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. – 2023. – №1(49). – С. 120–132.

УДК 821.111

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ЯБЛОКО» НА РУССКИЙ ЯЗЫК**В. С. ЯСЕНОВИЧ***(Представлено: канд. филол. наук, доц. Е. В. ЛУШНЕВСКАЯ)*

В данной статье рассматривается перевод фразеологизмов с компонентом «яблоко» с английского языка на русский язык. Анализируются способы перевода фразеологизмов, происхождение выражений, их использование в речи и соответствия в русском языке. Исследование подчеркивает культурные особенности и сложности, возникающие при переводе фразеологизмов.

Фразеологизм представляет собой устойчивое выражение, значение которого часто выходит за рамки буквального смысла. Фразеологизмы существуют для передачи культурных особенностей, эмоций и метафорического значения. Перевод фразеологизмов – сложная задача, требующая учета контекста, культурных аспектов и языковых особенностей. Чаще всего для перевода фразеологических единиц используется целостное преобразование. Это одна из лексических трансформаций классификации переводческих преобразований (по В.Н. Комиссарову) [1, с. 172].

Наше внимание привлекли фразеологизмы с компонентом «яблоко» в силу его многообразного символического значения. Яблоко издревле было символом знания, бессмертия, искушения, грехопадения. Компонент «яблоко» занимает особое место в английских фразеологизмах, отражая символику, связанную с плодородием, здоровьем и отношением к природе. При переводе фразеологизмов возможно использование различных подходов, таких как дословный перевод или подбор аналогов.

Присутствующее у каждого человека глазное яблоко всегда требует особенной заботы. В английском языке есть подобное выражение: «The apple of one's eye». Эта пословица символизирует нечто крайне ценное и дорогое для человека. Оно часто используется в отношении детей, любимых людей или чего-то, что вызывает глубокую привязанность и заботу. Исторически выражение восходит к библейским текстам, где оно символизировало защиту и особое отношение к чему-либо или кому-либо [2, с. 150]. В русском языке эквивалентом служит фразеологизм «Беречь как зеницу ока», который полностью передаёт смысл английского выражения. Следует отметить, что в обоих языках выражение связано с глазами, что указывает на сходство в метафорическом восприятии ценности и защиты. Сравнивая оба языка, можно увидеть, что культурный подход к подобным выражениям остаётся универсальным. Оба фразеологизма подчёркивают важность определённых личностей или объектов в жизни человека.

Что касается нашего здоровья, в английском языке есть такое выражение: «An apple a day keeps the doctor away», если переводить дословно, то получается «Яблоко в день удерживает врача на расстоянии». Эта пословица, возникшая в XIX веке, подчёркивает важность здорового питания для поддержания здоровья [3]. Хотя выражение носит метафорический характер, оно имеет прямую связь с реальностью: в диетологии фрукты, включая яблоки, считаются важной частью здорового рациона. В русском языке отсутствует прямой аналог этого фразеологизма, однако схожий смысл передаёт выражение «Лук – от семи недуг». Оно также акцентирует внимание на пользе природных продуктов для здоровья, хотя яблоки в этом контексте не упоминаются. Английская пословица предполагает системность как элемент здоровья, что находит отклик в современных принципах здорового образа жизни.

В английском языке можно встретить такой фразеологизм «To upset the apple cart» (букв.: «Опрокинуть повозку с яблоками»). Этот фразеологизм описывает ситуацию, в которой человек разрушает планы или вносит хаос в заранее установленные правила. Использование фразы связано с торговыми традициями XVI века, где перевёрнутая телега с яблоками означала экономический убыток или нарушение порядка [4]. Когда-то давно, когда ещё не было машин, яблоки собирали в повозки и отвозили на ярмарку на продажу. Повозки ставили ровно, чтобы круглые яблочки не скатывались, не портя тем самым своё качество и внешний вид. А тот, кто всё же ненароком опрокидывал товар, срывал планы торговцев на рассчитываемую прибыль [3]. Русский эквивалент «Поставить всё с ног на голову» также описывает ситуацию разрушения планов, однако не использует метафору с компонентом «яблоко». В отличие от английского, в русском языке акцент делается на нарушении порядка в целом, а не на конкретном примере с товаром. Анализ показывает, что английская версия более «наглядная» и визуализирует хаос через образ телеги с яблоками.

Многим известен фразеологизм: «The apple doesn't fall far from the tree», что в дословном переводе значит – «Яблоко не падает далеко от дерева». Данное выражение используется в английском языке для описания сходства между детьми и их родителями, особенно когда речь идёт о наследовании черт характера, привычек или образа жизни. Фраза может использоваться как в позитивном, так и в негативном

контексте. Например, ею можно подчеркнуть сходство талантов, моральных качеств или внешности, а также указать на наследование недостатков, таких как плохие привычки или поведение. Фразеологизм имеет метафорическое происхождение, основанное на наблюдении за природой. Яблоко, упавшее с дерева, обычно остаётся в непосредственной близости от него, что иллюстрирует идею наследственности. Выражение возникло в европейской культуре и было популяризировано в английском языке в XVII веке. Оно часто использовалось в литературе и народных пословицах, чтобы подчеркнуть преемственность между поколениями [1, с. 113]. Часто выражение используется с долей иронии, особенно когда подчёркивается унаследование негативных черт характера или поведения. В русской культуре образ яблока также символизирует природное и органичное продолжение, однако использование данного выражения может приобретать нотки иронии. Английский и русский эквиваленты практически идентичны по смыслу, структуре и употреблению. Это доказывает, что идея наследования черт от родителей универсальна и встречается в разных языках и культурах. Различия проявляются лишь в мелких культурных оттенках. Например, в английском выражении больше внимания уделяется естественной неизбежности процесса, в то время как в русском оно иногда приобретает более эмоциональный окрас. В дополнение к выражению «Яблоко от яблони недалеко падает» в русском языке можно встретить похожие пословицы, например: «От яблони – яблоко, а от ели – шишки», «Яблочко на сосне не бывает», «Яблоко от яблони недалеко катится» [6].

Дословный перевод фразеологизма «Apple of discord» звучит как «Яблоко раздора», что является эквивалентом этого выражения в русском языке. Это фразеологизм, обозначающий объект или причину спора. По легенде, это золотое яблоко стало причиной ссоры трёх богинь – Геры, Афины и Афродиты. Рассудить их был призван юноша Парис. Они пытались склонить его на свою сторону, обещая сделать его самым могущественным правителем (Гера), самым храбрым героем (Афина) или обладателем самой прекрасной женщины (Афродита). Он присудил это яблоко Афродите, которая за это помогла ему украсть Елену, жену спартанского царя Менелая. Это стало причиной Троянской войны. Поэтому выражение «яблоко раздора» превратилось в образное обозначение любой незначительной вещи или события, которое может привести к масштабным, непредсказуемым и, зачастую, разрушительным последствиям [7, с. 288].

В английском языке часто встречается фразеологизм «To compare apples and oranges» (букв.: «Сравнивать яблоки и апельсины»). Этот фразеологизм используется, чтобы подчеркнуть различие двух явлений, объектов или идей, которые не поддаются сравнению. Например, в разговоре о разных стилях управления проектами или методах обучения, можно услышать эту фразу, когда речь идёт о кардинально разных подходах, не имеющих общих критериев оценки. Выражение возникло в разговорной речи в США в XX веке и стало популярным благодаря своей яркой метафоре. Яблоки и апельсины – два фрукта, оба вкусные и полезные, но с совершенно разными вкусовыми, текстурными и даже визуальными характеристиками, что делает их несопоставимыми [5, с. 9]. В русском языке эквивалентом можно считать выражение «Путать божий дар с яичницей». Оно также акцентирует внимание на абсурдности сравнения несопоставимых вещей, но без использования фруктов в качестве образа. Следует отметить, что английский фразеологизм более универсален и широко применяется в самых разных контекстах, включая технические, образовательные и бытовые дискуссии. Русский аналог чаще воспринимается как разговорный и менее формальный.

Рассмотрим пословицу «One bad apple spoils the whole bunch». Если переводить дословно, то получается следующее: «Одно плохое яблоко портит всю корзину». Этот фразеологизм описывает ситуацию, когда один человек или элемент негативно влияет на всю группу. Например, если в коллективе есть сотрудник, который игнорирует правила или демонстрирует токсичное поведение, это может нарушить атмосферу команды и повлиять на её эффективность. Выражение возникло из наблюдений за реальными свойствами яблок, где одно гнилое яблоко может ускорить процесс порчи остальных в корзине. Пословица получила широкое распространение в английском языке и стала метафорой для негативного влияния одного на многих [3]. Есть аналог выражения в русском языке: «Одна ложка дёгтя бочку меда портит», а также выражение: «Паршивая овца всё стадо портит». Оно также передаёт идею вредного влияния одного на целую группу. Однако метафора, связанная с овцами, в русском языке является более эмоционально окрашенной и подчёркивает характер человека, а не только его действия. Важно заметить, что английский фразеологизм имеет более «мягкую» интерпретацию, так как сравнение с яблоком воспринимается как нейтральное и даже бытовое. В то время как в русском языке слово «паршивый» может иметь более негативную окраску.

Фразеологизмы с компонентом «яблоко» представляют собой уникальную часть языковой картины мира, где образы и метафоры служат мостом между культурами. Английский и русский языки демонстрируют как универсальность, так и различие в использовании метафорического языка.

Фразеологизмы – это не только средство общения, но и инструмент для выражения культурной идентичности. Внимание к деталям их перевода способствует не только точности лингвистического пе-

реноса, но и сохранению эмоционального и метафорического содержания. «Яблоко» как символ продолжает своё путешествие между языками и культурами, служа примером того, как образы могут соединять и одновременно подчеркивать уникальность народов.

Таким образом, исследование особенностей перевода фразеологизмов демонстрирует, что перевод фразеологизмов – это не просто процесс лексической трансформации, но и глубокая работа по адаптации смыслов и сохранению культурного наследия. Образы и метафоры, связанные с компонентом «яблоко», позволяют нам лучше понять не только языковые структуры, но и взаимоотношения между культурами, их историю и мировоззрение. В этом заключается сила языка: он не только описывает мир, но и связывает его разнообразие воедино.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
2. Заводова, Е.А. Особенности английских фитонимических фразеологизмов / Е.А. Заводова // Лингвокультурология. – 2016. – №10. – С. 149–153.
3. Пословицы о яблоке в английском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://easyspeak.ru/blog/sovety-i-sekrety/apple-day-i-apple-idiomy/>. – Дата доступа: 23.03.2025.
4. Парамонов, С. Десять английских идиом, которые поставили меня в тупик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/articles/806289/>. – Дата доступа: 23.03.2025.
5. Cambridge International Dictionary of Idioms / Umair Mirza. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 587 p.
6. Пословицы о яблоке в русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/>. – Дата доступа: 23.03.2025.
7. Парис // Мифы народов мира: Энцикл. в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – Т. 2: К–Я. – 1992. – 719 с.

УДК 821.111

ПРОБЛЕМАТИКА КНИГИ Г.Д. ТОРО «УОЛДЕН, ИЛИ ЖИЗНЬ В ЛЕСУ»

В. В. БАБИНСКИЙ

(Представлено: О. Ю. КЛОС)

В данной статье рассматривается произведение американского писателя Г.Д. Торо (Henry David Thoreau, 1817–1862) «Уолден, или Жизнь в лесу» (Walden; or, Life in the Woods, 1854). Анализируется проблематика данного произведения, его роль в творчестве Г.Д. Торо.

Генри Дэвид Торо – один из самых ярких и оригинальных голосов американской литературы эпохи романтизма. Он являлся представителем философского движения трансцендентализма, лидером которого был друг и наставник писателя Ральф Уолдо Эмерсон (Ralph Waldo Emerson, 1803–1882), поддерживавший творческие устремления автора.

Г.Д. Торо известен в первую очередь книгой «Уолден, или Жизнь в лесу», в которой он описывает опыт жизни на природе, основанный на эмерсоновской концепции «доверия к себе», а также выражает свои мысли о социуме и культуре того времени. «Уолден» – это прозаическое произведение, в котором Г.Д. Торо повествует о своих двух годах, двух месяцах и двух днях жизни в лесу на территории, принадлежавшей Р.У. Эмерсону. Автор передаёт своё время пребывания на природе с документальной точностью. Г.Д. Торо использует латинские названия различных представителей флоры и фауны, за которыми он наблюдал как искренне заинтересованный натуралист, сближая книгу с научными исследованиями на данную тему.

В своем произведении, автор, через призму индивидуалистического, свободолобного, антимилиитаристского мировоззрения, рассуждает о вмешательстве правительства в жизнь людей, рабстве, а также шедшей на момент написания книги войне США с Мексикой. Г.Д. Торо критикует обывательский образ жизни его сограждан и популярную литературу того периода.

«Уолден» обладает богатой проблематикой, характерной для произведений писателя. Книга является связующим звеном между ранними натуралистическими работами автора и более поздними работами, ярко выражающими общественные взгляды Г.Д. Торо. В проблематику «Уолдена» входят:

- бессмысленная жажда денег и вещей;
- материальное богатство и опрошение;
- ограниченность опыта предыдущих поколений;
- нарушение государством «высших законов»;
- формирование чувства индивидуализма и «доверия к себе».

Через описание жизни в лесу писатель пытается донести читателям свои мысли и чаяния о природе, обществе и человеке.

Первая и самая объёмная глава «Хозяйство» представляет собой манифест основных идей автора, а также вводит читателей в суть повествования. Писатель излагает основные принципы, которыми он руководствовался во время жизни в лесу, и призывает своего читателя стремиться к одухотворению, которое Г.Д. Торо находит более важным, чем мелочные фиксации его современников. «Нам редко встречается человек – большей частью одни сюртуки и брюки» [1, с. 25].

Бессмысленность тяги к накопительству писатель критикует, упоминая распродажу вещей недавно умершего диакона, на которой автор присутствовал. «...Большая часть вещей была хламом, который начал накапливаться ещё при жизни его отца...эти вещи не были сожжены; вместо очистительного костра для их уничтожения, устроили аукцион, что означает “увеличение”. Соседи сбежались посмотреть их, скупил их и бережно перенесли на свои чердаки и в чуланы, чтобы хранить вплоть до собственной смерти, и тогда их снова извлекают»¹ [1, с. 71]. «Много пыли подымает человек, когда умирает», – отмечает писатель, тем самым акцентируя внимание на то, как много времени люди тратят на вещи, которые не приносят в их жизнь особых изменений [1, с. 72].

Г.Д. Торо выступает в роли своеобразной путеводной звезды для людей, живущих лишь поверхностными, обывательскими интересами, не задумываясь о духовном восполнении. «На лишние деньги можно купить только лишнее. А из того, что необходимо душе, ничто за деньги не покупается»

¹ «...a great proportion was trumpery which had begun to accumulate in his father's day...these things were not burned; instead of a bonfire, or purifying destruction of them, there was an auction, or increasing of them. The neighbors eagerly collected to view them, bought them all, and carefully transported them to their garrets and dust holes, to lie there till their estates are settled, when they will start again» [2, p. 73–74].

[1, с. 317]. Эти слова выражают критику материалистического образа жизни, который приводит к духовному опустошению и лишают человека истинной радости.

Автор пишет, что за туманом пустых нужд и импульсов скрываются гораздо более важные, требующие внимания вещи. «Неужели главная цель в том, чтобы говорить побыстрее, а не в том, чтобы говорить разумно? Когда мы не спешим и способны размышлять, мы замечаем, что подлинной и абсолютной реальностью обладает одно лишь великое и достойное, а мелкие страхи и мелкие удовольствия – всего лишь тени реальности» [1, с. 98].

Однако, завязшим в теории Г.Д. Торо назвать нельзя. Например, он пишет о необходимых, по его мнению, реформах в образовании следующим образом: «Если бы я хотел, чтобы юноша усвоил науки и искусства, я не...послал бы его к профессору, который изучает что угодно, кроме жизни, чтобы он там глядел на мир в телескоп или в микроскоп, лишь бы только не собственными глазами...созерцал чудовищ, плавающих в капле уксуса, а в это время дал себя пожрать чудовищам, которые кишат вокруг него»² [1, с. 54]. Автор выражает свою разочарованность в системе образования, опускающей ценные практические уроки, которые могут пригодиться в жизни и помочь человеку развиваться как личности.

Лучший образ жизни автор видит в опрошении. Он считает, что стоит свести количество вещей до необходимого минимума, демонстрируя это своим незатейливым хозяйством у Уолденского пруда. Описывая наиболее идеальный образ жизни, Г.Д. Торо отсылает к древнегреческому философу Биасу: «Человеку следует быть одетым так просто, чтобы он мог найти себя в темноте; и жить так просто, чтобы быть готовым, если неприятель возьмёт его город, уйти оттуда, подобно древнему философу с пустыми руками и спокойной душой»³ [1, с. 27]. Писатель выражает мысль о том, что избыток материальных ценностей, чтимый обществом в качестве богатства, является препятствием на пути к простой, спокойной жизни.

Повествуя о своём быте, автор рассказывает о практическом применении ресурсов, а также попутно критикует недалёковидных фермеров, желающих получить больше нужного, а в итоге ставящих себя в проигрышное положение: «...если жить просто и есть только то, что сеешь, а сеять не больше, чем можешь съесть, и не стремиться обменять свой урожай на недостаточное количество более роскошных и дорогих вещей, то для этого довольно крохотного участка; что эту землю выгоднее вскопать лопатой, чем пахать на волах; что лучше время от времени переходить на новое место, чем удобрять старое; что все работы можно выполнить шутя, между делом, в летние дни, и, значит, не надо обременять себя волом, лошастью, коровой или свиньёй, как это сейчас принято»⁴ [1, с. 59]. Это давало писателю повод заключить, что он «был независимее любого фермера в Конкорде, ибо не был привязан к дому или ферме и мог свободно следовать своим склонностям...» [1, с. 59]. Для автора подобная свобода действий являлась показателем эффективности и полезности его метода.

Г.Д. Торо призывает ставить под сомнения устоявшиеся нормы и не становиться заложником устаревших методов и традиций, не имеющих, никакой практической ценности, и просто являющихся наследием, оставленным предыдущими поколениями, жившими без необходимого кругозора. «Никогда не поздно отказаться от предрассудков. Нельзя принимать на веру, без доказательств, никакой образ мыслей или действий, как бы древен он ни был...старика не могут дать молодым подлинно ценных советов; для этого их опыт был слишком ограничен, а жизнь сложилась слишком неудачно...»⁵ [1, с. 11]. Писатель, не видя пользы в методах и традициях предыдущих поколений, критикует их догматизм и выступает против их присутствия в умах молодежи.

Вредоносную силу устоев он также видел в несправедливых действиях американского государства. К моменту тюремного заключения автор не платил налоги уже несколько лет. Тем самым он выражал своё нежелание поддерживать рабство и войну США с Мексикой. За уклонение от уплаты налогов

² «If I wished a boy to know something about the arts and sciences, for instance, I would not...send him into the neighborhood of some professor, where any thing is professed and practised but the art of life; – to survey the world through a telescope or a microscope, and never with his natural eye...or to be devoured by the monsters that swarm all around him, while contemplating the monsters in a drop of vinegar» [2, p. 56].

³ «It is desirable that a man be clad so simply that he can lay his hands on himself in the dark, and that he live in all respects so compactly and preparedly, that, if an enemy take the town, he can, like the old philosopher, walk out the gate empty-handed without anxiety» [2, p. 28].

⁴ «... if one would live simply and eat only the crop which he raised, and raise no more than he ate, and not exchange it for an insufficient quantity of more luxurious and expensive things, he would need to cultivate only a few rods of ground, and that it would be cheaper to spade up that than to use oxen to plough it, and to select a fresh spot from time to time than to manure the old, and he could do all his necessary farm work as it were with his left hand at odd hours in the summer; and thus he would not be tied to an ox, or horse, or cow, or pig, as at present» [2, p. 61].

⁵ «It is never too late to give up our prejudices. No way of thinking or doing, however ancient, can be trusted without proof...Practically, the old have no very important advice to give the young, their own experience has been so partial, and their lives have been such miserable failures...» [2, p. 11].

он был отправлен в тюрьму, но отпущен под залог на следующий день. «...Куда бы ни отправился человек, люди гонятся за ним и стараются навязать ему свои гнусные порядки и принудить его вступить в их мрачное и нелепое сообщество» [1, с. 170], – пишет Г.Д. Торо, так расценивая практики, установленные правительством. «Никто никогда не причинял мне вреда, кроме официальных представителей штата» [1, с. 170], – добавляет писатель. То, что для властей являлось нарушением законодательства, для Г.Д. Торо было попыткой отгородить себя от запятнанного рабством и войной правительства.

Его нежелание быть вовлечённым в эту несправедливую систему следует из идей индивидуализма. Автор грезил об изменении общества к лучшему, начиная с глубоких внутренних трансформаций, каждого из его членов по отдельности. «Судьба человека определяется тем, что он сам о себе думает» [1, с. 10]. Подобное самоопределение является одним из ключевых элементов концепции «доверия к себе»

Его индивидуализм не переходит в эгоизм. Напротив, писатель, побуждая к культивации положительного в себе, призывает к гармонии и мирному сосуществованию с окружающими. «Лучшие свойства нашей природы, подобные нежному пушку на плодах, можно сохранить только самым бережным обращением. А мы отнюдь не бережны ни друг к другу, ни к самим себе»⁶ [1, с. 8–9].

Эклектичная проблематика произведения Г.Д. Торо имеет ту же задачу, что и его двухлетнее пребывание в лесу: донести идею о том, что можно подойти к жизни по-иному, будучи практичным и при этом духовно удовлетворённым. Идеи трансцендентализма, индивидуализма и «доверия к себе», воплощённые автором, в его эксперименте и книге, повествующей о нём, помогли писателю выразить его нетривиальную картину мира.

Г.Д. Торо верил в то, что изменения во взгляде на мир и поступках отдельных людей могут направить общество в нужное русло. Вполне закономерно, что автор так желавший индивидуальных изменений в каждом человеке ради общего блага, начал этот процесс с самого себя.

«Уолден» стал для писателя определённым водоразделом, переходом от раннего периода, полного эссе о природе, к поре, в которой ведущую роль сыграют социальные воззрения Г.Д. Торо. Через повествование о своей жизни на природе, наполненное красочными описаниями и философскими размышлениями, писатель делится с читателями своим взглядом на мир и личным опытом. Он, человек, переживший множество личных трагедий, стремится донести мысль о том, что для обретения внутреннего удовлетворения нужно перестать идти на поводу у далеко не идеальных устаревших традиций и мимолётных веяний. Г.Д. Торо направляет читателя на путь самообразования, самовоспитания и самостоятельного формирования личности, каким бы тернистым он не казался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Торо, Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу / Г. Д. Торо; [перевод с английского З. Е. Александровой]. – СПб.: Азбука, 2024. – 352 с.
2. Thoreau, H. D. Walden; or, Life in the Woods / H. D. Thoreau. – Boston: Ticknor and Fields, 1854. – 357 p.

⁶ «The finest qualities of our nature, like the bloom on fruits, can be preserved only by the most delicate handling. Yet we do not treat ourselves nor one another thus tenderly» [2, p. 9].

УДК 821.111

**СПЕЦИФИКА ВОПЛОЩЕНИЯ МУЖСКИХ ОБРАЗОВ
В РОМАНЕ Э. ГАСКЕЛ «СЕВЕР И ЮГ»****Д. М. ДОБРОВЛЯНИНА**
(Представлено: О. Ю. КЛОС)

В статье исследуются мужские персонажи в романе Элизабет Гаскелл (Elizabeth Cleghorn Gaskell, 1810–1865) «Север и Юг» (North and South, 1855). Анализируется, как автор раскрывает мужские образы через призму социально-экономических конфликтов, характерных для периода индустриализации. Особое внимание уделяется сложности и многогранности персонажей, которые играют ключевую роль в развитии сюжета. Подчеркивается, что писательница использует глубокий психологизм, диалоги и детализацию внутреннего мира героев, чтобы показать их эволюцию и взаимодействие с окружающей действительностью.

Роман Э. Гаскелл (Elizabeth Cleghorn Gaskell, 1810–1865) «Север и Юг» (North and South, 1855) представляет собой классический образец социального романа викторианской эпохи. В произведении детально исследуются ключевые социально-экономические противоречия между промышленно развитым Севером и традиционным аграрным Югом Англии в период индустриализации. Особое внимание уделяется сложной системе взаимоотношений между представителями различных социальных групп, анализу региональных различий в условиях стремительных экономических изменений, что делает текст ценным материалом для изучения английского общества XIX века.

Одним из первоначальных вариантов названия романа Э. Гаскелл «Север и Юг» был «Маргарет Хейл». Если бы писательница остановила свой выбор на этом варианте, то оно указывало бы на «...драму интеллектуального и эмоционального конфликта одинокого человека» [1, p. 90].

Сюжет романа строится вокруг жизни Маргарет Хейл, молодой женщины из южной Англии, которая вынуждена переехать в промышленный город Милтон (прототипом которого стал Манчестер), в котором она сталкивается с суровыми реалиями жизни рабочего класса, а также с Джоном Торнтоном – владельцем фабрики, чьи взгляды и принципы сначала вызывают у неё отторжение, но постепенно становятся предметом её размышлений и даже симпатии.

Викторианская эпоха принесла большое количество новых жестких норм и правил, таких как: контроль поведения межличностных отношений, подавление эмоций, желаний и чувств, провозглашение патриархата в семье. Роль мужчины в обществе и семье была связана с необходимостью быть сильным, решительным и ответственным, что отразилось в литературе того времени. Мужские персонажи в романах викторианской эпохи часто изображались как носители традиционных ценностей, но также как люди, сталкивающиеся с новыми вызовами индустриальной эпохи.

В романе Э. Гаскелл мужские персонажи выполняют не только сюжетообразующую функцию, но и воплощают ключевые социальные типы своей эпохи. Через систему образов – владельца фабрики Джона Торнтон, рабочего Николаса Хиггинса и бывшего священника г-на Хейла – автор создаёт многогранную картину классовых противоречий. Такая триада характерна для социальных романов викторианского периода, где каждый тип представляет определённый аспект индустриальных преобразований.

Роман охватывает события 1839–1842 годов, когда промышленная Англия столкнулась с кризисом после краткого периода процветания. Фабрики закрываются, тысячи рабочих теряют работу и оказываются на грани голода и вынуждены жить в невыносимых условиях. В романе уделено большое внимание судьбам этих рабочих, чьи жизни тесно переплетаются с судьбой владельца фабрики – Джона Торнтон. Например, Джон Ваучер, против своей воли втянутый в профсоюз и забастовку, оказывается без работы, не найдя другой выход, совершает самоубийство, оставив в бедности жену и детей.

Джон Торнтон – мужчина в возрасте около тридцати лет, владелец фабрики в Милтоне, ученик отца главной героини. Он умный, честный, справедливый, привлекательный. Не имеет благородного происхождения, бывает груб. Торнтон – типичный *self-made man* викторианской эпохи. В своей жизни он пережил много сложностей, но благодаря упорному труду и настойчивости смог создать собственное производство и добиться успеха. Эволюция Торнтон от жесткого фабриканта к личности, открытой диалогу, показана через контраст его реплик. Например, раннее заявление: «Дураки будут бастовать»⁷ [3, с. 274] – позже сменяется признанием: «Я говорил так, потому что не хотел понимать вас... Прошу прощения»⁸ [3, с. 401].

⁷ «The fools will strike» [2, p. 301].

⁸ «I spoke so because I did not choose to understand you... I beg your pardon» [2, p. 432].

Мистер Торнтон решает нанять личного учителя и начать изучать произведения Гомера и Платона, с целью расширить свой кругозор и приблизиться к идеалам аристократии. В викторианском обществе буржуазии жажда соответствовать стандартам высшего класса была очень сильной. Важное значение придавалось званию джентльмена, который являлся примером безупречного поведения.

Автор показывает характер главного героя не только через его поступки и действия, но и через оценку его другими: «Здесь его уважали за сильный характер, за умение управлять и властвовать. И уверенность придала величественное спокойствие голосу и манерам мистера Торнтона»⁹ [3, с. 302]. Отношение Торнтон к рабочим сочетает жёсткость и уважение к их автономии «они становятся такими же независимыми, каким чувствую себя я»¹⁰ [3, с. 275]. Эта двойственность отражает противоречия капиталистической этики викторианской эпохи.

С начала VII главы романа Э. Гаскелл освещает две основные темы и два параллельных сюжета: описывает жизнь крупного индустриального центра с его напряженными социальными противоречиями, показывает эту картину через образы Торнтон и рабочих на его заводе. Одновременно она показывает, как рождается и развивается чувство между Торнтоном и Маргарет Хейл, преодолевая трудности и начальные препятствия.

Один из ключевых аспектов сюжета в романе заключается в противоречии между главными персонажами – Джоном Торнтоном и Маргарет Хейл. Промышленник Джон Торнтон и девушка из среднего класса с аристократическими корнями Маргарет Хейл представляют коллизию в миропонимании. В начале произведения морально-нравственные принципы юга, основанные на патернализме, соответствуют взглядам героини, в то время как индивидуалистические идеалы буржуазно-либерального севера, отстаиваемые Джоном Торнтоном, вызывают у нее противоречия [4, с. 75].

Э. Гаскелл разрешает конфликт между старым и новым типами социального устройства через диалог между главными персонажами и их способность к эволюции характеров. Герои романа осознают необходимость общения друг с другом, обмена мнениями и идеями, чтобы найти компромиссное решение и понять позиции друг друга. Через взаимодействие и диалог персонажей происходит изменение их характеров и восприятия мира, что позволяет им принять новые социальные реалии и найти общий язык, преодолевая социальные различия и противоречия.

Образ Маргарет в романе ярко демонстрирует процесс эволюции взглядов главных персонажей. Автор направляет героиню с юга на север страны, используя классический мотив странствия, что способствует формированию ее личности. Маргарет не соответствует типичному образу кроткой женщины викторианской эпохи, известной как «ангел в доме». Ее внутренняя свобода и чувство собственного достоинства делают ее женским персонажем, обладающим равной силой с мужскими героями [5, с. 60].

Столкновение героев оказывается неизбежным, но подается оно автором не только как социально-нравственное противостояние, но и как конфликт мира мужских и женских ценностей, силы и слабости, жестокости и милосердия. Торнтон выступает поборником технической мощи промышленности, Маргарет защищает ее жертв – зависимых и слабых рабочих. Героиня внушает Торнтону идею социальной ответственности предпринимателей перед рабочим [6, с. 152].

В романе подчеркивается важность взаимопонимания мужского и женского миров и их ценностей для создания стабильного и гуманного общества. Основной конфликт, возникающий между главными персонажами, осложняется противостоянием между рабочими и промышленниками. Разрешение этого конфликта возможно благодаря посредничеству главной героини, которая пропагандирует идею взаимозависимости людей в обществе. Таким образом, Э. Гаскелл предвосхищает концепции классовой гармонии и коммуитарности.

Джон Торнтон – это яркий представитель викторианской эпохи, отражающий многие аспекты того времени. Во-первых, Торнтон – типичный предприниматель и фабрикант, который возглавляет крупное предприятие в городе Милтон. Он является символом индустриализации и изменений, которые принесла с собой эта эпоха. Его борьба за сохранение бизнеса и преодоление трудностей во многом отражает сложности и вызовы, с которыми сталкивались предприниматели в то время.

Во-вторых, Торнтон представляет собой фигуру сильного и властного мужчины, который отличается решительностью, целеустремленностью и стойкостью. Его характер и поведение отражают идеалы викторианской эпохи, где ценились крепкий характер и способность справляться с трудностями.

Наконец, через персонажа Торнтон автор романа также обращается к важным социальным и моральным вопросам того времени, таким как борьба за равноправие рабочих и конфликты между различными социальными классами. Таким образом, Джон Торнтон воплощает новый тип промышленника, чьи

⁹ «He was respected by everyone here for his strength of character and his power of command. And the confidence thus given heightened his natural independence into pride» [2, p. 339].

¹⁰ «They are independent beings, as I am» [2, p. 327].

взгляды отражают изменения в обществе. Его внутренние противоречия показывают сложность перехода от традиционных ценностей к капиталистическим отношениям.

Роман представляет собой сложное переплетение социальных, моральных и личных конфликтов, которые раскрываются через взаимодействие главных и второстепенных персонажей. Особое внимание в романе уделено образу отца Маргарет, г-на Хейла. Г-н Хейл – один из самых трагических и многогранных персонажей романа. Его образ символизирует кризис веры и идентичности, который был характерен для многих представителей викторианской эпохи. Г-н Хейл – бывший приходской священник, который переживает духовный упадок, связанный с его сомнениями в доктринах Церкви Англии. Его внутренние конфликты и мучительные размышления о вере и долге отражают более широкие социальные и религиозные изменения, происходившие в Англии середины XIX века.

«Его некогда густые черные волосы стали теперь седыми и падали на лоб тонкими прядями. Скулы явственно проступали под кожей – слишком сильно для прежней красоты. А ведь когда-то его лицо было округлым и симпатичным. Теперь оно утратило свою миловидность...»¹¹ [3, с. 24]. Этот портрет подчеркивает не только физические изменения, но и глубокую внутреннюю усталость и тревогу, которые преследуют г-на Хейла. Его лицо становится отражением его душевных страданий, которые он скрывает от окружающих. Г-н Хейл признается Маргарет: «Ах, Маргарет, я предан святой церкви... однако должен быть отлучен от нее»¹² [3, с. 20].

Этот монолог раскрывает глубину его духовного кризиса. Г-н Хейл больше не может мириться с лицемерием и догматизмом церкви, но его решение покинуть её вызывает у него чувство вины и потери. Этот конфликт между верой и сомнением становится центральным в его характере и влияет на его отношения с семьей, особенно с Маргарет.

После ухода из церкви г-н Хейл становится частным репетитором в Милтоне, где его главным учеником становится Джон Торнтон. Это решение символизирует его попытку найти новое место в жизни, но также подчеркивает его зависимость от других, особенно от Маргарет. После смерти жены г-н Хейл становится ещё более уязвимым и подавленным, и Маргарет вынуждена взять на себя роль главы семьи. Его смерть от сердечной недостаточности становится трагическим завершением его жизни, полной внутренних конфликтов и поисков.

Одним из ключевых второстепенных персонажей является Николас Хиггинс, рабочий-мельник, отец Бесси и Мэри. Это человек, измученный заботами, среднего возраста, с которым Маргарет сталкивается на улицах Милтона. Его характер и поступки отражают сложность жизни рабочего класса в эпоху индустриализации, а его эволюция на протяжении романа символизирует возможность преодоления социальных и личных противоречий. Николас Хиггинс – это типичный представитель рабочего класса Милтона, который борется за свои права и достоинство. Он не просто рабочий, но и отец, который заботится о своих дочерях. Его жизнь полна трудностей, и он часто вынужден идти на компромиссы, чтобы обеспечить свою семью. Однако, несмотря на все трудности, Хиггинс сохраняет чувство собственного достоинства и стремление к справедливости.

Он играет важную роль в развитии сюжета, особенно в контексте конфликта между рабочими и промышленниками. Являясь членом комитета забастовки рабочих-мельников, он часто спорит со своим обедневшим соседом Джоном Буше по поводу принудительной тактики профсоюза. Эти споры подчеркивают внутренние противоречия рабочего движения и сложность достижения единства среди рабочих. Хиггинс, хотя и склонен к агрессии и выпивке, не является пьяницей. Его агрессия часто вызвана отчаянием и чувством несправедливости, с которыми он сталкивается.

Отношения между Хиггинсом и Торнтоном являются важным элементом сюжета. В начале романа они находятся в состоянии конфликта, так как Торнтон представляет интересы промышленников, а Хиггинс – рабочих. Однако постепенно они начинают уважать друг друга. Хиггинс, движимый желанием помочь детям Буше, настойчиво ищет работу у Торнтона, что приводит к их сотрудничеству в проектах по строительству фабрики. Этот процесс символизирует возможность преодоления классовых противоречий через взаимопонимание и сотрудничество.

Торнтон, который изначально воспринимал Хиггинса как угрозу, начинает видеть в нём человека, способного на честный труд и ответственность. В свою очередь, Хиггинс начинает уважать Торнтон за его готовность идти на компромиссы и учитывать интересы рабочих. Их сотрудничество становится символом возможной гармонии между классами, которую пропагандирует Э. Гаскелл.

Второстепенные мужские персонажи дополняют картину эпохи, демонстрируя разные стратегии поведения в условиях социальных перемен. Они предоставляют различные точки зрения на происходя-

¹¹ «His black hair was now gray, and lay thinly over his forehead. His cheekbones projected sharply – too sharply for beauty, if his face, now so worn, had ever possessed that charm. Once, it had been round and smooth...» [2, p. 54].

¹² «Ah, Margaret! I am a member of the Holy Church... yet I must be cast out from it» [2, p. 51].

щие события и показывают сложность мужских ролей и опыта в условиях индустриализации и социальных перемен викторианской эпохи.

В романе мужские образы имеют особое значение для понимания исторического контекста и авторского замысла. Э. Гаскелл создает сложные, многогранные персонажи мужчин, которые не только являются важными движущими силами сюжета, но и отражают социальные и экономические вызовы своего времени. Автор исследует мужские судьбы в контексте индустриализации, описывая их борьбу за выживание, достоинство и место в обществе. Мужчины в романе представлены как личности, сталкивающиеся с внутренними и внешними конфликтами, вынужденные принимать трудные решения и искать компромиссы между личными убеждениями и социальными ожиданиями. Глубокий психологизм и функциональное использование диалогической речи в качестве средства характеристики персонажей определяют художественное своеобразие романа «Север и Юг».

ЛИТЕРАТУРА

1. Easson, A. Elizabeth Gaskell: Her Life and Work / A. Easson. – London : Routledge, 1979. – 292 p.
2. Gaskell, E. North and South / E. Gaskell. – London: Penguin Books, 1994. – 521 p.
3. Гаскелл, Э. Север и Юг / Э. Гаскелл: пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 544 с.
4. Фирстова, М.Ю. Конфликт мировоззрений и пути его разрешения в романе Элизабет Гаскелл «Север и юг» / М.Ю. Фирстова // Мировая литература в контексте культуры. – 2011. – № 6. – С. 74–78.
5. Савельева, А.В. Маргарет Хейл как носитель коллизийного миропонимания в романе «Север и юг» Элизабет Гаскелл / А.В. Савельева // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. – 2021. – № 1. – С. 59–64.
6. Фирстова, М.Ю. Роман Элизабет Гаскелл «Север и юг»; к вопросу о пересмотре канона английского реалистического романа / М.Ю. Фирстова, Б.М. Проскурнин // Зарубежная литература: проблемы изучения и преподавания: межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 4. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. – С. 61–71.

УДК 821.111

ОБРАЗ СВЯЩЕННИКА В РОМАНЕ О. ГОЛДСМИТА «ВЕКФИЛДСКИЙ СВЯЩЕННИК»

В. С. КИРИЛЛОВА

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н. В. НЕСТЕР)

В статье исследуется роль образа священника в литературе английского сентиментализма на примере романа «Векфилдский священник» (The Vicar of Wakefield, 1766) О. Голдсмита (Oliver Goldsmith, 1728–1774). Этот образ служит не только символом духовности и морали, но и отражает социальные и культурные реалии своего времени. Рассматриваются ключевые аспекты образа священника, его характерные черты, а также влияние на общество и личность.

В Англии во второй половине XVIII столетия происходят значительные перемены в экономике, философии, социальной и культурной жизни. В этот период также наблюдаются существенные изменения в английской литературе, главным направлением которой становится сентиментализм. В это время началось «Великое пробуждение» (Great Awakening) – движение, которое было направлено на возрождение христианства и укрепление моральных ценностей в обществе. Многие писатели начинают поднимать вопросы веры и духовности в своих произведениях. Тип героя-церковнослужителя – один из любимых образов той эпохи. С его помощью писатели решали вопросы моральных ценностей и роли религии в обществе.

Актуальность данной научной статьи заключается в ее способности соединять литературный анализ с социальными и культурными контекстами, что делает исследование образа священника в романе «Векфилдский священник» значимым и востребованным в современном научном дискурсе. Новизна работы заключается в комплексном подходе к исследованию образа священника, что открывает новые горизонты для дальнейших исследований в области литературоведения. Цель данной статьи заключается в детальном анализе образа священника в романе О. Голдсмита.

Роман «Векфилдский священник» был написан О. Голдсмитом в 1762 году, но опубликован только в 1766 году после тщательной доработки автором. «Векфилдский священник» – семейно-бытовой и социальный роман, в котором затрагиваются важные вопросы английской жизни XVIII века.

Знакомство с главным героем происходит еще в предуведомлении: «Герой этой повести совмещает в себе трех самых важных представителей человеческого рода: священника, земледельца и главу семьи. Он равно готов поучать и повиноваться»¹³ [1, с. 381]. Примроз – мужчина средних лет, его внешний вид не вызывает никаких особых впечатлений. Он носит простую одежду, соответствующую статусу священника. Отсутствие описаний внешности персонажа могло быть сознательным выбором О. Голдсмита с целью подчеркнуть абстрактность и универсальность сюжета. Прежде всего – это роман о нравственности, добродетели и человеческих ценностях.

Одной из главных черт образа главного героя является его доброта и человечность. Векфилдский священник олицетворяет эти качества через искреннюю заботу о прихожанах, готовность помочь нуждающимся и неизменное сострадание, которое делает его моральным авторитетом для жителей Векфилда. О. Голдсмит подчеркивает, что истинная вера проявляется не только в соблюдении церковных ритуалов, но и в повседневном отношении к людям, в мелких, но значимых поступках, наполненных душевной теплотой и вниманием к нуждам окружающих. Примроз представлен как простодушный человек с крепкими моральными устоями. Даже в условиях нищеты он сохраняет оптимизм, что подтверждается заголовками. Например, название четвертой главы: «Даже при скромном достатке возможно счастье, ибо оно заложено в нас самих и не зависит от внешних обстоятельств»¹⁴ [1, с. 394].

Первые удары судьбы и их последствия: потеря состояния, неудача в браке сына и многолетняя разлука с ним – не могут поколебать благодушие Примроза. Увлеченность своим родом деятельности – чтением проповедей, нравоучительными разговорами – наполняет жизнь церковнослужителя смыслом и делает его счастливее. Длинные рассуждения, прерывающие повествование, демонстрируют умение главного героя относиться ко многим вещам терпеливо, подчас с иронией, показывают уверенность священника в своей правоте, спокойствие, которое отнюдь нельзя принять за равнодушие. Любой случай, происшествие, описывается миролюбиво, с юмором.

¹³ «The hero of this piece unites in himself the three greatest characters upon earth: he is a priest, a husbandman, and the father of a family. He is drawn as ready to teach, and ready to obey» [2, p. 1].

¹⁴ «A proof that even the humblest fortune may grant happiness, which depends not on circumstance, but constitution» [2, p. 23].

Однако, несмотря на высокие моральные идеалы, священник сталкивается с жестокой реальностью. Он испытывает трудности в общении с прихожанами, которые часто не понимают его стремления к добродетели. Этот конфликт между идеалами священника и реальной жизнью служит важным элементом сюжета и подчеркивает сложность человеческой натуры.

Пока Примрозы проживали вдали от соблазнов широкого мира, они руководствовались принципами естественной морали. Однако, как только они переступали порог своего дома, они сталкивались с иной, общественной моралью, которая была разрушительна для «естественного» человека, ибо противоречила здравым потребностям человеческой души. Общество отдает все блага корыстным и злым людям [3, р. 313–314].

Таким образом, О. Голдсмит использует образ священника как инструмент социальной критики. Через его переживания и наблюдения автор показывает недостатки общества, такие как лицемерие, жадность и эгоизм. Священник становится свидетелем социальных несправедливостей, и его реакция на них заставляет читателя задуматься о моральных и этических вопросах.

В тюрьме Примроз, в которую его бросил за угрозы Торнхилл, даже в заключенных находит общую натуру, к которой можно взывать, умы, которые нужно воспитывать, симпатии, которые нужно возвращать к добродетели, души, которые нужно восстанавливать. Несмотря на то, что общество отвергает заключенных, главный герой уверен, что они также заслуживают прощения, и проповедует им, чтобы они начали исправляться: «Итак, счастливым вера дает надежду на вечное блаженство, несчастным – на прекращение страданий»¹⁵ [1, с. 516]. Тем самым Примроз является символом надежды и морального ориентирования для людей, которые ищут утешение и поддержку. Священник становится связующим звеном между духовным и материальным миром, показывая, что вера и доброта могут изменить жизни людей к лучшему.

Примроз, как священник и человек принципов, отличается уравновешенностью, мудростью и моральной серьезностью: «...ведь крут, сколько его ни черти, хоть десять миллионов раз, все равно никогда не сделается квадратом, точно так же и ложь, повторенная мириадами голосов, не станет от того истинной»¹⁶ [1, с. 505]. Эта цитата демонстрирует склонность главного героя говорить вежливо и непрямую, затрагивая социальные вопросы или предлагая моральные наставления. Его речь отражает мягкое и вдумчивое поведение. Автор наделяет его комическими чертами, которые делают характер более живым. Пастор Примроз не идеален, но он обладает способностью противостоять окружающему его миру.

В сентиментальном романе герои часто сталкиваются с противоречивыми эмоциями, общественными нормами и личным выбором. Хотя «настоящая любовь» может быть изображена как страстная и всепоглощающая, О. Голдсмит и священник выступают за более обоснованный подход. Они верят, что выполнение своих обязанностей необходимо, даже если для этого приходится жертвовать личными желаниями. Их позиция отражает баланс между идеализмом и реализмом, признавая, что любовь сама по себе не всегда может руководить решениями. Вместо этого долг служит руководящим принципом, обеспечивающим стабильность и порядок. Примером может служить судьба Оливии, дочери главного героя.

Примроз извлекает урок из событий, описанных в романе. У него, как ни у кого другого из персонажей романа, меняются убеждения: он переходит от убеждения, что Небеса защищают хорошего человека на земле, к осознанию того, что хороший человек не может ожидать награды здесь, на земле. О. Голдсмит обосновывает, что понимание его романа само по себе является опытом, который для читателей так же реален и значим, как и жизни персонажей для них самих [4, р. 482–490].

Следует отметить, что в Примрозе обладает чертами, напоминающими Дон Кихота. Душевная доброта, благородство и простосердечие этого персонажа возвышаются над подлостью Торнхила или скупостью Уилмота. К донкихотству Примроза относится идеализм и романтическое восприятие мира: главный герой романа О. Голдсмита увлечен интеллектуальными занятиями и благотворительностью, даже если это не всегда разумно. И священник также самоотверженно помогает бедным и стремится быть нравственным образцом для общества.

Примроза можно сравнить также с библейским Иовом. Оба сталкиваются с многочисленными испытаниями и невзгодами на протяжении своих историй. Они должны полагаться на огромную силу духа, чтобы выдержать эти испытания. Их непоколебимая вера и решимость – центральные темы в обоих повествованиях. Хотя роман О. Голдсмита не является аллегорией, как Книга Иова, в ней присутствуют духовные темы, связанные со страданиями и стойкостью. Данные произведения исследуют состояние человека, роль веры и способность переносить трудности.

¹⁵ «Thus, to the fortunate, religion holds out a continuance of bliss; to the wretched, a change from pain» [2, p. 220].

¹⁶ «...for as ten million of circles can never make a square, so the united voice of myriads cannot lend the smallest foundation to falsehood» [2, p. 202].

О. Голдсмит был связан с жизнью английского и ирландского крестьянства, что нашло отражение в его творчестве. Его сочувствие к несчастным, обнищавшим людям является отражением его демократических убеждений, которые выделяют автора среди английских писателей того времени. Сам роман О. Голдсмита, задумывался им как пасторальное произведение, направленное на защиту упадка сельской Англии и ее нравственности.

Таким образом, Векфилдский священник, созданный О. Голдсмитом, представляет собой сложный и многослойный образ, который отражает как высокие моральные идеалы, так и жестокую реальность своего времени. Через его характер и переживания автор поднимает важные вопросы о добре, зле и человеческой природе. Роман остается актуальным и сегодня, напоминая о необходимости сострадания и человечности в нашем обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голдсмит, О. Векфильдский священник / О. Голдсмит // Т. Смоллет. Путешествие Хамфри Клинкера; О. Голдсмит. Векфильдский священник. – М. : Худ. лит-ра, 1978. – С. 381–539.
2. Goldsmith, O. The Vicar of Wakefield. A Tale / O. Goldsmith. – New York: Hurd and Houghton, 1876. – 260 p.
3. Forster, J. The life and times of Oliver Goldsmith / J. Forster. – London: B. Tauchnitz, 1873. – Т. 2. – Р. 312–324.
4. Durant, D. The Vicar of Wakefield and the Sentimental Novel / D. Durant // Studies in English Literature, 1500–1900. – 1977. – Т. 17. – № 3. – Р. 477–491.

УДК 81-26

СОЗДАНИЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СЛОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА
ДЖ.К. РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР И КУБОК ОГНЯ»

А. С. КОРОЛЁВА

(Представлено: канд. филол наук А. А. СМУЛЬКЕВИЧ)

Статья исследует способы создания окказиональных слов переводчиком романа Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер и Кубок Огня». Актуальность статьи обусловлена тем, что в условиях глобализации перевод авторских неологизмов становится ключевым аспектом сохранения уникальности текста. Рассматриваются классификации неологизмов, трудности перевода и способы создания окказиональных слов, применяемые Дж.К. Роулинг. Анализ конкретных примеров помогает выявить механизмы передачи специфических значений и культурных коннотаций.

Произведения жанра фэнтези вызывают интерес не только у широкой аудитории, но и у исследователей языка и перевода. В «Поттериане» Дж.К. Роулинг особое внимание привлекают авторские неологизмы – это языковые новообразования, создающие уникальную атмосферу и обогащающие художественный мир произведения. Они формируют магическую реальность, передают культурные коннотации и усиливают выразительность текста.

Авторские неологизмы можно классифицировать по следующим группам [1, с. 132]:

- **магические термины** – слова, обозначающие элементы волшебного мира (например, *accio* – заклинание призыва);
- **существа и персонажи** – наименования уникальных существ без аналогов (например, *пухляк*);
- **объекты и артефакты** – обозначения предметов с особой функцией (например, *философский камень*).

В контексте анализа авторских неологизмов в произведениях Джоан Роулинг можно выделить несколько ключевых аспектов их использования и формирования [2].

Роулинг активно использует приёмы словослияния (*Hogwarts, Quidditch*), игры со значением (*Dumbledore* – ассоциация со староанглийским словом «шмель»), метафоры и культурные аллюзии (*School of Witchcraft and Wizardry*). Эти методы формируют многослойные неологизмы, требующие творческого подхода при переводе.

Традиционные способы передачи неологизмов – транскрибирование, транслитерация, калькирование – не всегда сохраняют индивидуальность автора. Поэтому переводчики нередко прибегают к приёму создания собственных окказиональных слов, описанному В. С. Виноградовым [3, с. 90]. Он предполагает формирование нового слова в языке перевода, которое отражает смысл оригинала и остаётся понятным читателю.

Создание окказиональных слов при переводе произведений Дж.К. Роулинг связано с необходимостью сохранить индивидуальный стиль и выразительность. Переводчик должен учитывать не только значение слова, но и его образную, культурную и символическую нагрузку.

Рассмотрим несколько примеров авторских неологизмов.

Пример 1.

Оригинал: «Buckbeak» [6, с. 22].

Перевод: «Клюв» [7, с. 24].

Данный неологизм переведён при помощи приёма «Создание собственных окказиональных слов» с элементами калькирования, так как Джоан Роулинг создала уникальное имя для персонажа, которое ранее нигде не использовалось. Имя «Buckbeak» состоит из двух частей: «buck» – самец оленя/самец и «beak» – клюв. Перевод данного неологизма как «Клюв» создает ассоциацию с птицей и ее характеристиками, что отражает самого персонажа. Неологизм «Buckbeak» образован при помощи создания новых слов. То есть «Buckbeak» как неологизм представляет собой комбинацию элементов, которые могут не иметь самостоятельного значения в русском языке. Данный неологизм относится к категории «Собственно неологизмы», так как это новое слово, созданное для обозначения конкретного персонажа в контексте произведения, а также «Существа и персонажи».

Пример 2.

Оригинал: «Errol» [6, с. 25]

Перевод: «Стрелка» (кличка совы) [7, с. 27].

Приведённый выше неологизм является примером способа «Создание собственных окказиональных слов», так как оригинальное имя «Errol» не имеет явного значения, однако его перевод «Стрелка» создает ассоциации с быстротой и меткостью. Данное имя подходит для персонажа, который является

совой. Данный неологизм образован при помощи способа «Игра со значением», так как перевод вышеуказанного неологизма основан на метафорическом значении, где «стрелка» ассоциируется с быстрым движением и точностью, что создаёт новый образ, который легко воспринимается читателями. Неологизм «Ettol» можно отнести к категориям «Собственно неологизмы», так как это новое название, созданное для обозначения конкретного персонажа.

Пример 3.

Оригинал: «Ton-Tongue Toffee» [6, с. 44].

Перевод: «Ириски «Гиперязычки»» [7, с. 47].

Перевод неологизма «Ton-Tongue Toffee» как «Ириски «Гиперязычки» при помощи приёма «Создания собственных окказиональных слов» осуществляется по нескольким ключевым причинам. Во-первых, слово «Гиперязычки» не существовало в русском языке до этого перевода и было создано специально для данного контекста, что делает его уникальным. Во-вторых, оно объединяет элементы «гипер» и «язычки», создавая новое значение, которое отражает оригинал. Данный неологизм образован при помощи создания новых слов, так как «Ton-Tongue Toffee» не существовало ранее, способа «Игра со значением», так как неологизм «Ton-Tongue» в оригинале ассоциируется с языком (tongue) и объёмом (ton). В переводе это обыгрывается через «гипер» и «язычки». Приведенный выше неологизм можно отнести к категории: «Собственно неологизмы», а также к категории «Объекты и артефакты».

Пример 4.

Оригинал: «Crookshanks» [6, с. 49].

Перевод: «Живоглот» [7, с. 53].

Приведённый выше неологизм переведён при помощи «Создания собственных окказиональных слов», так как «Живоглот» – это не существующее до перевода слово русского языка. Оно специально придумано переводчиком для передачи смысла и звучания английского имени «Crookshanks». Стоит отметить, что при переводе приведённого в пример неологизма на русский язык происходит и адаптация неологизма для русского читателя, так как «живая глотка» может вызывать ассоциации с «живой хищник». Данный неологизм образован при помощи двух способов. Во-первых, при помощи способа «Словослияние», так как «Crookshanks» состоит из слов «crooks» (жулик, мошенник) и «shanks» (ноги). Таким образом, само имя уже содержит в себе характеристику животного (кошки) как хитрого и немного странного. А во-вторых, при помощи способа «Игра со значением», потому что неологизм «Crookshanks» можно интерпретировать как «изогнутые штанишки» (crooked shanks), но в переводе акцент сделан на живом существе и его хищных качествах. Данный неологизм относится к категориям «Собственно неологизмы» и «Существа и персонажи».

Пример 5.

Оригинал: «Mad-Eye-Moody» [6, с. 79].

Перевод: «Грозный Глаз Грюм» [7, с. 83].

Неологизм «Mad-Eye-Moody» переведен как «Грозный Глаз Грюм», что делает его примером создания собственных окказиональных слов. Этот перевод не просто передает звучание оригинала, но и воссоздает характерные черты персонажа, который обладает уникальными и запоминающимися характеристиками. В данном случае можно выделить несколько способов образования этого неологизма. Во-первых, «Использование новых слов» – в переводе мы видим элементы «Грозный» и «Глаз», которые подчеркивают устрашающий вид персонажа и его острый взгляд, что создает нужный образ. Во-вторых, присутствует «Игра со значением»: оригинальное имя состоит из слов, которые формируют ассоциации с сумасшествием (Mad) и зрением (Eye), в результате чего перевод достаточно точно передает суть героя. Также можно говорить о словослиянии, поскольку в английском варианте имя персонажа объединяет несколько значений в одном слове. С точки зрения классификации, данный неологизм можно отнести как к собственным неологизмам, так и к магическим терминам, поскольку он насыщен особыми коннотациями в контексте волшебного мира. В дополнение к этому, его также можно отнести к категории существ и персонажей, так как он напрямую связан с характеристиками и индивидуальностью конкретного героя в художественном произведении.

Пример 6.

Оригинал: Omniculars [6, с. 85].

Перевод: Омниокли [6, с. 88].

Неологизм «Омниокли», является хорошим примером приема «Создания собственных окказиональных слов». Этот метод позволяет переводчику сохранить оригинальную уникальность слова и одновременно сделать его понятным для русскоязычного читателя. Слово «Омниокли» образовано при помощи способа «Словослияние». Важным аспектом является игра со значением: неологизм не только передает функциональность устройства, но и создает живой образ, что особенно важно в жанре фэнтези. Если говорить о классификации, этот неологизм можно отнести к собственным неологизмам, так как он создан новыми методами, а также к магическим объектам и артефактам, поскольку связан с волшебным миром.

Пример 7.

Оригинал: Hufflepuff [6, с. 45].

Перевод: Пуффендуй [6, с. 47].

Неологизм «Пуффендуй» является примером приема «Создание окказионального слова», потому что он был создан специально для переводческой задачи и не существовал в русском языке до этого. Этот прием используется, когда слову необходимо дать новое, уникальное значение, чтобы оно хорошо вписывалось в контекст. «Пуффендуй» не является существующим словом в русском языке; его придумали для того, чтобы передать название факультета из книги о Гарри Поттере. Данный неологизм образован при помощи «Игра со значением». Оно вызывает ассоциации с мягкостью и дружелюбием, что идеально подходит для описания факультета Пуффендуй, известного своей добротой, преданностью и трудолюбивостью, то есть название адекватно отражает положительные качества этого дома. Неологизм «Пуффендуй» можно классифицировать как **собственно неологизм**, потому что он был создан специально для этой серии книг и не используется в русском языке вне этого контекста. Он также относится к **магическим терминам**, так как относится к одному из факультетов в волшебном мире.

Использование окказиональных слов при переводе способствует сохранению индивидуального стиля автора и передаче смысловой глубины оригинала. Анализ примеров показывает, что приём создания собственных неологизмов наиболее эффективен при передаче лексики, насыщенной культурными и образными компонентами.

В ходе исследования выявлено, что большинство переводов, выполненных данным способом, основаны на комбинации приёмов «игра со значением» и «создание новых слов». Эти методы обеспечивают естественность звучания и точность передачи художественных образов.

Создание окказиональных слов в переводах произведений Дж.К. Роулинг можно рассматривать как значимый элемент межкультурного взаимодействия и обогащения языка. Такие неологизмы не только отражают особенности оригинального текста, но и способствуют развитию национальной переводческой традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Linguistic features of author's neologisms in J. K. Rowling's novel «HARRY POTTER and the philosopher's stone» [сайт]. – URL: <http://pnap.ap.edu.pl/index.php/pnap/article/download/1317/1260> (дата обращения: 15.10.2025).
2. Трудности перевода «волшебной» лексики на русский язык (на материале романов о Гарри Поттере Дж. Роулинг) [сайт]. – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/trudnosti-perevoda-volshebnj-leksiki-na-russkij-yazyk-na-materiale-romanov-o-garri-pottere-dzh-rouling.html> (дата обращения: 16.10.2025).
3. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
4. Rowling, J. K. Harry Potter and the Order of the Phoenix / J. K. Rowling. – Bloomsbury, 2018. – 802 p.
5. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и Орден Феникса / Дж. К. Роулинг. – РОСМЭН, 2016. – 827 с.
6. Rowling, J. K. Harry Potter and the Goblet of Fire / J. K. Rowling. – Bloomsbury, 2016. – 752 p.
7. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и Кубок огня / Дж. К. Роулинг. – РОСМЭН, 2019. – 667 с.

УДК 821.111

ФИЛОСОФСКИЕ УЧЕНИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

Ю. Г. КУЗЬМИЧ*(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н. В. НЕСТЕР)*

В статье исследуется взаимосвязь философских учений эпохи Просвещения и становления английской литературы первой трети XVIII века. Акцентирует роль Англии как колыбели просветительской мысли, где философские идеи сформировали идеологическую основу для литературных экспериментов.

XVIII век вошел в историю европейской культуры как эпоха Просвещения, или «век Разума»: «Век Разума был периодом в истории, когда философы придавали особое значение использованию разума как лучшего метода познания истины»¹⁷ (Перевод наш. – Ю.К.). Англия считается родиной этого просветительского движения. В ней раньше, чем в других странах, новые идеи стали оказывать влияние на социальную и политическую жизнь, а деятельность английского философа Джона Локка (*John Locke*, 1632–1704) и ученого Исаака Ньютона (*Isaac Newton*, 1642–1727) стала серьезным стимулом для формирования просветительской идеологии [2, с. 165–166].

Н.Т. Пахсарьян отмечает, что в XVIII веке в это понятие вкладывалось специфическое содержание: это наиболее совершенные качества разума, его пытливость, проникаемость, живая динамичность, устремленность к познанию. Просвещение предполагает прежде всего жажду свободного, самостоятельного и активного размышления над проблемами мира, общественного и природного бытия [3, с. 823].

Образованные люди XVIII века считали, что «человеческое поведение... возможно изучить с точки зрения разума, подобно тому, как Ньютон изучил законы Вселенной, и исправил ошибки, допущенные ранее. Они воспринимали себя участниками движения под названием «Просвещение», которое делало людей более рационально мыслящими, толерантными и более нравственными»¹⁸ (Перевод наш. – Ю.К.). Немецкий мыслитель Иммануил Кант (*Immanuel Kant*, 1724–1804) в 1784 г. в статье «Что такое Просвещение?» провозглашает важнейшим принципом Просвещения «умение пользоваться собственным умом», позволяющее человечеству «выйти из состояния несовишеннолетия», в котором оно до сих пор находится по «собственной вине» [3, с. 823].

Отправной точкой эпохи Просвещения является дата из английской истории – 1688 г., когда в стране произошла смена власти, получившая наименование «Славной революции». Финалом же Просвещения стала Французская революция 1789 г., когда была сделана решительная попытка воплотить просветительские идеи в реальную жизнь [2, с. 166].

Следует отметить, что философия Просвещения не отмечена созданием фундаментальных учений и новых традиций. Движение философской мысли направлено в ней не «вглубь», а «вширь», и ориентировано не столько на создание новых систем, сколько на пропаганду и распространение уже сформировавшихся идей [5, с. 109]. Тем не менее, фундамент Просвещения был заложен гораздо раньше, и заметную роль в этом процессе сыграли такие западноевропейские мыслители, как Фрэнсис Бэкон (*Francis Bacon*, 1561–1626), Рене Декарт (*René Descartes*, 1596–1650), Томас Гоббс (*Thomas Hobbes*, 1588–1679) и Бенедикт Спиноза (*Benedictus de Spinoza*, 1632–1677) [2, с. 166].

Ф. Бэкон разработал экспериментальный метод научного исследования, который нередко называют «методом Бэкона», который основан на том, что исследователь должен получать знание из окружающего мира с помощью наблюдения, эксперимента и проверки гипотез. Учение Бэкона стало первым шагом на пути к эпохе Просвещения именно из-за своей эмпирической направленности. Его идеи получили развитие в трудах Дж. Локка, Дж. Беркли (*J. Berkeley*, 1685–1753), Д. Юма (*D. Hume*, 1711–1776), К. Гельвеция (*C. Helvétius*, 1715–1771), П. Гольбаха (*Holbach*, 1723–1789), Д. Дидро (*Denis Diderot*, 1713–1784) [2, с. 166].

Р. Декарт также предвосхитил некоторые положения просветительской доктрины. Он был блестящим ученым, совершившим значительные открытия в математике и физике. Идеи Б. Спинозы

¹⁷ «Age of Reason was a period in history when philosophers emphasized the use of reason as the best method of learning truth» [1, p. 141].

¹⁸ «human behavior... could be studied rationally, like Newton's universe, and their faults corrected. They saw themselves as participants in a movement – the Enlightenment – that was making men and women more understanding, more tolerant, and more virtuous» [4, p. 739].

и Т. Гоббса были почти неизвестны их современникам, но оказали значительное воздействие на следующее поколение философов [2, с. 167].

Важнейшими достижениями социально-философской мысли, которые оказали влияние и на литературу того времени были:

1) «теория врожденных идей» Р. Декарта, сущность которой в том, что человеческий разум наделен врожденными идеями, которые дают человеку возможность правильно понимать мир [2, с. 167].

2) учение о «чувственном опыте» Дж. Локка, основанное на отрицании существования «врожденных идей». Дж. Локк утверждает, что человек при рождении не имеет никакого знания, его разум подобен чистой доске (*tabula rasa*), и все свои идеи он получает в процессе жизни, то есть единственным источником познания считается чувственный опыт [6, с. 33].

3) теория «естественного человека» Дж. Локка, в которой он утверждал, что все люди от природы были равны и независимы. По своему усмотрению они вольны были распоряжаться своей собственностью, и никто не мог наносить ущерб жизни и здоровью друг друга. В соответствии с теорией Дж. Локка, в «естественном состоянии» люди пребывали до тех пор, пока не становились членами политического или гражданского общества [7, с. 32].

4) учение об «общественном договоре». В нем Дж. Локк разработал теорию происхождения государственной власти. Другие просветители лишь повторяли, либо развивали отдельные положения его теории. В соответствии с данной теорией, гражданское общество создавалось ради сохранения собственности людей (жизни, здоровья, свобод, а также «внешних благ» – денег, земли, домов, домашней утвари и т.д.), а государство возникло в результате общественного договора ради достижения мира, безопасности и блага всех людей [7, с. 31–33].

5) учение о «естественных правах человека» Дж. Локка. Сущность учения в том, что право на достойную жизнь, свободу и собственность должны рассматриваться как неотъемлемые, естественные права человека. Дж. Локк провозгласил в своем учении, что сама «природа вложила в человека стремление к счастью», и эта идея легла в основу произведений реалистов Просвещения, преобразовавшись в воинствующе-демократический принцип естественного «права на счастье» – права, принадлежащего каждому независимо от случайностей рождения [8, с. 60; 6, с. 34].

6) учение о «воспитании» Дж. Локка, согласно которому главная задача воспитания – подготовить человека к разумной практической деятельности в обществе. Во главу угла своей программы воспитания Дж. Локк ставит и знание людей, и знание жизни, которым нельзя научиться по книгам. Дж. Локк считал, что «уменье правильно судить о людях и разумно вести с ними дела полезнее, чем уметь говорить по-гречески и по-латыни». Поэтому важную роль он отводил воспитателю. «Воспитатель, – по определению Локка, – должен обладать хорошим знанием света, знанием обычаев, нравов, ... и недостатков своего времени, в особенности страны, в которой он живет. Он должен уметь показать их своему воспитаннику ... должен научить его разбираться в людях ... на основании тех признаков, которые лучше всего показывают, что те представляют собой в действительности» [6, с. 33–34].

Дж. Локк указывал на влияние среды на подрастающее поколение и подчеркивал силу примера в воспитательном процессе. Дети руководствуются в большинстве своем примером. Они лучше понимают «то, что видят, чем то, что слышат». И можно сколько угодно твердить им о благовоспитанности, но если у них перед глазами иные примеры, то проку от нотаций воспитателей не будет никакого [7, с. 162].

7) учение о «человеке и человеческом разуме» Дж. Локка. В данном учении отстаивается принцип соответствия ясности мысли ясности самого слога. Именно «здоровые человеческие чувства» и «опирающийся на них рассудок» и составляют главный предмет изображения в литературе. «Опыт о человеческом разуме» (*An Essay Concerning Human Understanding*, 1690) и «Мысли о воспитании» (*Some Thoughts Concerning Education*, 1693) и другие труды Дж. Локка предопределили чуть ли не на целое столетие взгляды писателей-просветителей на человеческую природу, на возможности, заложенные в человеке, и условия их развития, на человеческое сознание и его отношение к миру [6, с. 33].

8) учение о «всеобщей гармонии бытия» Антони Эшли Купера, графа Шефтсбери (*Anthony Ashley Cooper, 3rd Earl of Shaftesbury*, 1671-1713). Он считал, что несмотря на отдельные несовершенства бытия, в мире господствует гармония; чтобы узреть ее, необходимо лишь отвлечься от частных и приучиться созерцать жизнь с достаточно отдаленной дистанции. Эта всеобщая гармония бытия, по мнению Шефтсбери, основана на единстве частного интереса и добродетели. Порок представляет собой случайное отклонение от этого общего принципа. Что касается нормального человека, то в нем от природы заложено «естественное нравственное чувство», бескорыстно влекущее его к добру, истине и красоте. Единство добра, истины и красоты составляло один из главных пунктов просветительской эстетики Шефтсбери [6, с. 35].

9) учение о «происхождении понятий красоты и добродетели» шотландца Фрэнсиса Хетчесона (*Francis Hutcheson*, 1694-1746), в котором он доказывал, что человеку от природы присущи три важнейших духовных начала – нравственное чувство, чувство красоты и гармонии и чувство чести и стыда – и что на этой естественной основе и строятся истинные понятия добродетели и красоты [6, с. 35].

В целом, все эти учения в большей или меньшей степени оказали влияние на литературу того времени. Литература становилась своеобразным испытательным полигоном для различных философских идей и теорий. Многие просветители использовали художественную форму, чтобы донести свои идеи до современников. Литература в век Просвещения, по мнению Т.М. Лабутиной и М.А. Ковалева, сыграла важнейшую роль в деле формирования общественного мнения в большинстве европейских стран, в том числе Англии. Именно в XVIII веке появился жанр философской повести, в котором философская теория подчиняла себе все остальные элементы жанра [4, с. 6; 2, с. 174]. В литературе XVIII века усиливается также дидактическое начало, т.к. художественные произведения XVIII века ставят своей целью просвещать и воспитывать своего читателя. Кроме того, возрастает роль публицистических жанров, таких как очерк и эссе.

Как отмечает В.Н. Ганин, в начале столетия возрастает популярность документальных жанров (мемуары, дневники, переписка). Во многом такой рост интереса был связан с одним из главных положений просветительской идеологии: на формирование человека значительное воздействие оказывает среда. Увлечение документалистикой сказалось и на художественной литературе. Авторы ранних просветительских романов нередко выдавали свои произведения за отчет о реальных событиях и придавали им форму дневников, писем (Д. Дефо). Этот факт привел к усилению реалистических тенденций в литературе первой половины XVIII века. В связи с этим многие исследователи выделяют просветительский реализм в особое направление в западноевропейской литературе [2, с. 174].

Таким образом, XVIII век вошел в историю европейской культуры как эпоха Просвещения, или «век Разума», когда философы придавали особое значение использованию разума как лучшего метода познания истины. Англия является родиной просветительского движения. Фундамент Просвещения был заложен такими западноевропейскими мыслителями, как Ф. Бэкон, Р. Декарт, Т. Гоббс и Б. Спиноза. В этот период достижениями социально-философской мысли, оказавшими влияние на литературу, были различные учения и теории философов и просветителей, среди которых самым влиятельным является Дж. Локк.

Просветители использовали художественную форму, чтобы донести свои идеи до современников. Литература в век Просвещения сыграла важнейшую роль в деле формирования общественного мнения в большинстве европейских стран, в том числе Англии, путем просвещения и воспитания своего читателя. Появляются документальные жанры (мемуары, дневники, переписка) и особое направление в западноевропейской литературе под названием просветительский реализм.

ЛИТЕРАТУРА

1. The World Book Encyclopedia. – Chicago: World Book, Inc., 1994. – V. 1. – 1004 p.
2. Ганин, В.Н. История зарубежной литературы XVII–XVIII веков: учебник для вузов / Под ред. В.Н. Ганина. – М. : Юрайт, 2023. – 415 с.
3. Пахсарьян, Н.Т. Просвещение / Н.Т. Пахсарьян // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – С. 823–826.
4. Chambers, M. The western experience / M. Chambers. – 5th ed. – New York: McGraw – Hill, Inc., 1991. – 1331 p.
5. Философия: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.С. Стёпин [и др.]; под общ. ред. Я.С. Яскевич. – Мн.: РИВШ, 2006. – 624 с.
6. Елистратова, А.А. Английская литература/ А.А. Елистратова // История всемирной литературы в 9-ти томах / Г.П. Бердников. – М.: Наука, 1998. – Т.5. – Гл.1. – С. 32–86.
7. Лабутина, Т.Л., Ильин, Д.В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль / Т.Л. Лабутина, Д.В. Ильин. – СПб. : Алетейя, 2012. – 304 с.
8. Лаптенко, А.С. Философия: учеб. пособие / А.С. Лаптенко. – Мн. : РИВШ, 2022. – 324 с.

УДК 821.111

**ЭВОЛЮЦИЯ ХАРАКТЕРА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ
РОМАНА Д. ДЕФО «РАДОСТИ И ГОРЕСТИ ЗНАМЕНИТОЙ МОЛЛЬ ФЛЕНДЕРС»
ПОД ВЛИЯНИЕМ ЗАКОНОВ ОБЩЕСТВА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ**

Ю. Г. КУЗЬМИЧ

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н. В. НЕСТЕР)

Рассматривается роман английского писателя и просветителя Д. Дефо (Daniel Defoe, 1660 – 1731) «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс» (The Fortunes and Misfortunes of the Famous Moll Flanders, 1722). Анализируется процесс формирования и изменения характера главной героини под влиянием конкретных обстоятельств. При этом акцент делается на биографических сведениях о ней и на делении ее жизни на два основных этапа, в которых наиболее ярко проявляются отдельные черты характера.

В формировании характеров людей – как мужчин, так и женщин – во все времена важное, даже определяющее значение имели законы общества определенной эпохи (включая общественное мнение) и обстоятельства, в которых оказывался конкретный человек. Не стал исключением и XVIII век, который вошел в европейскую культуру как эпоха Просвещения. Англия считается родиной этого просветительского движения. Характер Молль Флендерс – главной героини романа Д. Дефо (Daniel Defoe, 1660 – 1731), одно из названий которого «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс» (The Fortunes and Misfortunes of the Famous Moll Flanders, 1722), – формировался исходя из вышеназванных факторов. Для того, чтобы проследить эволюцию характера Молль, целесообразно разделить ее жизнь на два этапа и выделить наиболее важные жизненные обстоятельства, оказавшие влияние на этот процесс. Первый этап связан у главной героини с Англией и жизнью в Виргинии.

Прежде всего следует отметить, что на жизнь и характер Молль оказал тот факт, что она родилась в тюрьме, потом ее мать отправили в ссылку и девочка некоторое время воспитывалась родственницей матери. Затем до трех лет Молль «скиталась с шайкой людей, известных под названием цыган или египтян»¹⁹ [1, с. 12]. Но в Колчестере спряталась и не захотела идти с ними дальше, о чем заявила местным властям и те сжалились над ней и взяли на свое попечение. Уже на раннем этапе жизни прослеживаются такие черты ее характера, как самостоятельность, умение принимать решения и смелость (не каждый ребенок в три года способен найти способ, чтобы избежать общения с теми людьми, которые ему не нравятся и с которыми он чувствует себя некомфортно).

Вторым обстоятельством, оказавшим влияние на формирование характера главной героини, стал счастливый случай попадания на воспитание к заботливой женщине, которая ухаживала за такими детьми как Молль, «пока они не достигали того возраста, когда могли поступить в услужение или зарабатывать хлеб самостоятельно»²⁰ [1, с. 12]. У нее Молль получила светское воспитание. Эта женщина отвечала всем требованиям, предъявляемым к воспитателю, которые описывал английский философ и просветитель Дж. Локк (John Locke, 1632 – 1704) в трактате «Мысли о воспитании» (Some Thoughts Concerning Education, 1693): она своим примером благовоспитанности максимально подготовила девочку к жизни в обществе, объяснив нравы и обычаи Англии и обучив практической, востребованной в городе трудовой деятельности. Вся эта атмосфера способствовала тому, что у Молль, несмотря на ее молодость, выработалось «непреодолимое отвращение к черной работе»²¹ [1, с. 13]: она не представляла себя посудомойкой при кухарке или человеком на побегушках, а мечтала работать на себя и зарабатывать столько, чтобы не нужно было кому-то прислуживать. В этом девочка видела смысл выражения «быть барыней», чем и привлекла к себе внимание богатых и влиятельных особ. Поэтому можно говорить о том, что у Молль сформировались светские манеры, собственное понимание определенных понятий, чувство прекрасного и стойкое неприятие своего положения в обществе.

Немаловажным жизненным обстоятельством для Молль было знакомство с женой мэра и его двумя дочерьми. Дамы часто говорили ей, что она хорошенькая, и будет красавицей. Слыша такие слова, она чувствовала гордость, которая не оказывала еще на нее дурного действия. В десять лет она была «очень серьезной и чинной»²² [1, с. 17]. Однажды Молль месяц довелось погостить у одной богатой да-

¹⁹ «had wandered among a crew of those people they call gipsies, or Egyptians» [2, p. 2].

²⁰ «till they were at a certain age, in which it might be supposed they might go to service, or get their own bread» [2, p. 2].

²¹ «a thorough aversion to going to service» [2, p. 2].

²² «mighty grave, very mannerly» [2, p. 5].

мы, после чего девушка уже не чувствовала себя комфортно в доме своей воспитательницы. Такая черта характера, как тяга к комфорту, уюту и барской жизни стала проявляться у Молль все отчетливее.

Когда девушке исполнилось четырнадцать лет и три месяца, то не стало ее старушки-воспитательницы. Из-за риска остаться без крыши над головой она пересмотрела отношение к жизни: ей уже не хотелось быть барыней, и она согласна была быть служанкой и исполнять любую работу. Но снова счастливый случай помог юной Молль: дама, у которой девочка гостила месяц, взяла ее к себе жить. Там Молль прожила до семнадцати с половиной лет, научилась танцам, французскому языку, музыке, пению. Она жила в семье с хорошей репутацией, и сама слыла девушкой «рассудительной, скромной и добродетельной»²³ [1, с. 20], какой и была на самом деле. Молль еще не имела повода «направлять свои мысли в другую сторону и познать искушение порока»²⁴ [1, с. 21].

Пятым обстоятельством на пути формирования характера героини является попадание из-за своего тщеславия в «пагубную ловушку, в которую попадают все женщины»²⁵ [1, с. 21]. У хозяйки дома, где жила Бетти (так называли девушку в этой семье), было два сына. Когда старший признался ей в любви, Молль «загордилась до последней степени»²⁶ [1, с. 23] и совсем забыла о добродетели. На данном этапе жизни Молль была еще слишком наивна, она считала, что нет «другой любви, кроме той, что ведет к браку»²⁷ [1, с. 25]. Она действительно очень сильно любила этого человека и полгода тайно с ним встречалась. Отношение семьи к Молль переменялось, когда Роберт (младший из двух братьев) перестал скрывать свою симпатию к ней. В результате она могла оказаться на улице. Эта ситуация заставила Молль серьезно смотреть на вещи, стать более рассудительной. Путем настойчивости и упорства и, конечно же, искренней любви со стороны Роберта, ему удалось добиться согласия своей матери на брак с Молль. В браке с Робертом девушка прожила пять лет, но без любви, и родила ему двоих детей, а после его смерти детей у нее забрали на воспитание родители мужа, а она с небольшим состоянием вынуждена была уехать. Так случился еще один поворот в жизни повзрослевшей женщины, который внес новые коррективы в ее характер.

Молль поселилась в доме торговца полотном, так как была знакома с его сестрой. После всего пережитого она твердо решила, что согласится только на выгодный брак. В этот период Молль придерживалась следующего правила: «женщине никогда не следует быть содержанкой, если у нее достаточно денег, чтобы содержать себя»²⁸ [1, с. 57]. Поэтому можно сказать, что именно тщеславие и деньги удерживали ее на честном пути. Но все-таки она снова попала в ловушку под названием «любовь». Молль вышла замуж за купца, но брак ее оказался неудачным (муж промотал все деньги и их преследовали кредиторы), и вскоре осталась одна, и к тому же без возможности снова выйти замуж. Развод в то время был почти неизвестен. Его можно было добиться только через церковный суд, и то только тогда, когда решение этого суда сопровождалось специальным парламентским актом [3, с. 331]. У нее не было друзей, у которых можно было попросить совета и помощи в сложившейся ситуации.

Из-за страха потерять последние средства к существованию, Молль порвала все свои знакомства, сменила имя на миссис Флендерс и переехала в Минт. Снова обстоятельства заставили ее проверять себя на прочность и стойкость в этой жизни, снова они подвергали еще молодую женщину новым испытаниям, в результате которых характер ее претерпевал изменения. Жизнь в Минте ей не понравилась, она испытывала ужас к этому месту и ее жителям, безвыходность положения которых омрачало положение ее самой, поэтому вскоре решила отсюда уехать. После пребывания в этом городе, она стала более рассудительной, стала серьезно размышлять о сложившемся положении и о том, по какому пути двигаться в дальнейшем.

Полгода Молль жила у одной вдовы, пока та снова не вышла замуж. Затем Молль помогла соседке проучить одного молодого капитана и выйти за него замуж. Та в свою очередь помогла найти мужа и Молль, выдав ее за свою богатую кузину. Вести эту «тонкую игру»²⁹ [1, с. 73] Молль побудило щекотливое положение, в котором она оказалась – отсутствие богатого приданого в те времена лишало молодую, даже красивую и хорошо сложенную женщину шанса хорошо выйти замуж. Для девушек высшего и среднего классов мужей часто выбирали по принципу открытой торговой сделки [3, с. 330]. Необходимость устроиться в жизни – главная причина, по которой Молль вынуждена была искать себе мужа таким образом. При этом она часто шутила с поклонником о своей бедности для того, чтобы впоследствии он не обвинил ее во лжи. Можно сказать, что обстоятельства жизни, которые были до этого момента на пути Молль, научили ее быть изворотливой, умной, расчетливой и научили утаивать свою жизнь

²³ «sober, modest, and virtuous» [2, p. 7].

²⁴ «to think of anything else, or to know what a temptation to wickedness meant» [2, p. 7].

²⁵ «unhappy snare to all woman» [2, p. 8].

²⁶ «vanity was elevated to the last degree» [2, p. 9].

²⁷ «there was no kind of love but that which tended to matrimony» [2, p. 10].

²⁸ «a woman should never be kept for a mistress that had money to make herself a wife» [2, p. 28].

²⁹ «a subtle game» [2, p. 39].

с выгодой для себя. И то, как она блестяще выпуталась из ситуации, когда изображала из себя богатую женщину и нашла таким образом себе мужа, – главное тому доказательство.

Восьмым обстоятельством на пути формирования характера Молль был переезд по причине не очень хорошего материального положения с третьим мужем в Виргинию, где у него жили мать и сестра, и были плантации, приносящие доход. Муж Молль, она сама и его мать дружно жили в одном доме и Молль считала себя «счастливейшим существом на свете»³⁰ [1, с. 80]. Согласно учению Дж.Локка о «естественных правах человека», стремление к счастью – естественное желание, которое испытывает человек и которое было также не чуждо Молль [5, с. 60; 4, с. 34]. Молль родила в этом браке двоих детей и была беременна третьим, пока снова случай не перевернул всю ее жизнь, снова проверяя на прочность. Из рассказов свекрови Молль поняла, что та – ее мать, а значит она все это время жила с родным братом. С этого момента Молль стала «несчастнейшей женщиной на свете»³¹ [1, с. 83], которая не могла ни рассказать все, ни хранить все в тайне. Даже в таком противоестественном и ужасном положении Молль обладала способностью рассуждать здраво, оценивать ситуацию и предвидеть последствия, к которым может привести тот или иной ее шаг. Этому научила ее жизнь. Поэтому решила ничего никому не рассказывать и еще три года прожила в таком положении. В данной ситуации в Молль преобладали «здоровые человеческие чувства» и «опирающийся на них рассудок». Именно про них и писал в своем учении о «человеке и человеческом разуме» Дж. Локк, и именно они нашли свое отражение в литературе. Отстаивается также принцип соответствия ясности мысли ясности самого слога [4, с. 33].

Ее «мало трогала преступность таковых отношений»³² [1, с. 83], но в них она ощущала противоестественность, и муж со временем стал ей неприятен. Молль не могла больше хранить тайну и не хотела продолжать с родным братом супружеские отношения. Мать же предлагала ей восстановить отношения с мужем и ничего ему не рассказывать, но Молль ее не послушала и при случае все рассказала мужу. Тот два раза пытался покончить с собой. В конце концов он дал согласие на отъезд жены в Англию, чем и закончилось восьмилетнее пребывание Молль в чужой стране. Можно сказать, что на данном этапе в Молль не угасала тяга к жизни, вера в светлое будущее, стремление заново построить свою жизнь и не цепляться за прошлое. За эти годы она научилась действовать, чтобы наладить свою жизнь, а не сидеть сложа руки и жалеть себя. Она научилась смотреть вперед при любых обстоятельствах, всегда твердо знала, чего хочет в жизни. Нищета – это то, что пугало ее больше всего на свете и она предпринимала все, что было в ее силах, чтобы избежать этого. Так, Б. И. Пуришев в качестве отличительной черты героев романов Д. Дефо отмечает их оптимистический взгляд на жизнь, несмотря на множество бедствий и испытаний. И Молль Флендерс – яркое тому подтверждение [6, с. 24 – 25].

Второй этап жизни Молль связан с возвращением на родину, последующем прибытием в Виргинию и снова возвращением в Англию.

Этот этап жизни Молль Флендерс открывает возвращение ее на родину и счастливый случай знакомства с богатым, влиятельным, благородным, но женатым мужчиной, с которым она познакомилась в Бате. Молль была еще молода и нрав у нее остался таким же веселым, как и был ранее, а в месте нового проживания репутация у нее была безупречной. В течение двух лет Молль с новым другом непринужденно жили, будто муж и жена, но не позволяя себе того порочного, что может случиться между мужчиной и женщиной. Но в одну прекрасную ночь по инициативе Молль это совершилось, и она забеременела. Вскоре родила красивого мальчика и переехала по предложению любовника в Хаммерсмит, находящийся недалеко от его места жительства. Она считала, что достигла благополучия и мечтала стать законной женой, но это было невозможно. В положении любовницы Молль прожила шесть лет, а после очередной болезни любовника в нем проснулись угрызения совести, поэтому он решил с ней расстаться. Этот разрыв был потрясением для молодой женщины, хотя она понимала, что положение любовницы «редко бывает прочным»³³ [1, с. 109]. К этому времени она стала уже достаточно предусмотрительной и откладывала все это время себе деньги. Более того, она уже смотрела на мир без иллюзий. Но при этом она вела себя скромно и уважительно по отношению к мужчине, с которым встречалась, делала все, чтобы их отношения длились как можно дольше. Но личные интересы и личное благополучие всегда были превыше всего. Она точно знала, что ей в жизни нужно, но не всегда знала, как достигнуть своей цели честным путем. Иногда она испытывала тайные угрызения совести по поводу своего образа жизни, но страх нищеты и голода был сильнее и не позволял совести взять над собой верх.

Знакомство с одной женщиной из северных графств в доме, где Молль снимала квартиру также сыграло немаловажную роль в её жизни. Оно сформировало новые черты характера. С этой женщиной Молль уехала в Ланкашир, предварительно с помощью банковского клерка уладив финансовые дела

³⁰ «the happiest creature alive» [2, p. 43].

³¹ «the most unhappy of all women in the world» [2, p. 44].

³² «was not much touched with the crime of it» [2, p. 45].

³³ «do not often last long» [2, p. 61].

и дав надежду молодому мужчине на брак с ней в случае его развода с законной женой. Она надеялась найти в новых краях более выгодную партию для замужества, где и вышла замуж за человека по имени Джеймс, который по своему нраву и поведению очень ей подходил. Но вскоре выяснилось, что он не был богат, и истратил последние деньги, да еще залез в долги, чтобы понравиться Молль. При этом все узнали, что и Молль бедна, и были разочарованы. Всего этот брак длился семь месяцев. Эти обстоятельства раскрыли в Молль негативные черты характера: показная роскошь и богатство настолько вскружили ей голову, что она, практически не мучаясь угрызениями совести, вышла замуж за одного человека, подав надежду на брак другому. Такое чувство как совесть и честность по отношению к мужчине стали ей в этот период жизни совсем чужды. Но узнав, что такое настоящая любовь, она проявила и положительные качества – готова была пойти с Джеймсом хоть на край света. Так в одной женщине сочеталось хорошее и плохое, предательство по отношению к одному мужчине и готовность на все ради другого. Тем не менее, холодный расчет и предусмотрительность не покидали Молль ни при каких обстоятельствах: она не рассказала Джеймсу про свое прошлое, про клерка, про имеющийся в наличии денежный чек, и даже не назвала своего настоящего имени.

Когда уехал ее муж, Молль, будучи беременной, приехала в Лондон. Хотя беременность для молодой женщины была совсем некстати, Молль не пыталась вызвать выкидыш. Она понимала, что право на жизнь имеют все, даже ее нерожденный на тот момент ребенок. В этом ее поведении можно проследить отсылку к учению Дж. Локка о «естественных правах человека».

В этой щекотливой ситуации ей помогла женщина, которая по профессии была повивальной бабкой. Все называли ее пестунья. Она также занималась некоторыми незаконными делами и помогла Молль родить и пристроить ребенка в хорошие руки. Но поскольку материнские чувства у Молль были все же сильны, она очень переживала за мальчика, но больше ничего при тогдашнем положении дел не смогла придумать. Бракоразводный процесс клерка хоть и не был простым, но к этому времени завершился удачно для Молль, и вскоре они поженились. Если Молль «чувствовала когда-нибудь крупную искреннюю раскаяния в гнусной жизни последних двадцати четырех лет, то именно в ту минуту»³⁴ [1, с. 167]. Угрызения совести по отношению к клерку угнетали ее, поэтому она решила, что будет его страстно любить и своими поступками постарается загладить свои грехи перед ним. Молль поняла, что ей нравится добродетельная и скромная жизнь, а не распутная и веселая. Она родила клерку двоих детей, хорошо заботилась о семье и испытывала искреннюю благодарность за все то, что имела. Данный факт соотносится с тезисом шотландского философа и просветителя Ф. Хетчесона (*Francis Hutcheson*, 1694 – 1746) о «происхождении понятий красоты и добродетели», смысл которого в том, что человеку от природы свойственно чувство чести и стыда [4, с. 35].

Но когда умер клерк, она снова оказалась в положении, которое должно было со временем привести ее к нищете. Три года Молль прожила в ужасном состоянии, ожидая крайнюю нужду, которая и толкала ее к гибели духовной и телесной. Она пыталась любыми способами облегчить свое положение и вступила на преступный путь: украла в аптеке узелок у одной пришедшей туда служанки. Как говорится «пора нужды – пора страшных искушений»³⁵ [1, с. 175]. Сначала Молль хотела отнести украденное назад, но пугавшая ее угроза голода ожесточила ее сердце. Она стала равнодушной ко всему.

Подобных ситуаций у Молль было еще очень много. При этом она никогда не забывала посылать деньги пестунье на содержание ребенка от ланкаширского мужа. Когда пестунья стала процентщицей, Молль обратилась к ней по поводу сбыта краденых вещей, не сказав, что они краденые. Та предложила переехать к ней, и там Молль нашла работу – занималась рукоделием и стала зарабатывать этим на жизнь. Несмотря на наличие работы, Молль через некоторое время снова встала на преступный путь, обучилась воровству у профессиональной воровки и стала «законченной воровкой, совершенно бесчувственной к укорам совести»³⁶ [1, с. 186]; стала смелой и богатой. Нищета привела Молль на путь порока, а корыстолюбие удержало на нем. Со временем Молль и не думала отказываться от такого образа жизни, так как «корыстолюбие росло с каждой удачей»³⁷ [1, с. 191]. Непрерывные удачи и твердая решимость продолжать заставили ее забыть об осторожности и однажды она попалась при воровстве. Ее отправили в Ньюгейтскую тюрьму и до вынесения приговора у нее было время подумать о своей жизни. Сначала Молль раскаивалась, но раскаяние ее было ненастоящим, основанном лишь на страхе наказания за содеянное. В Ньюгейте Молль позабыла о прежних манерах, привычках, обусловленных воспитанием, стала вести себя и чувствовать так же, как и другие заключенные. Можно сказать, что она привыкла к тому месту. В этот период проявилось много противоположных качеств характера Молль, а именно: озлоб-

³⁴ «had a grain of true repentance for an abominable life of twenty-four years past, it was then» [2, p. 97].

³⁵ «a time of distress is a time of dreadful temptation» [2, p. 102].

³⁶ «a complete thief, hardened to a pitch above all the reflections of conscience» [2, p. 109].

³⁷ «the avarice had such success» [2, p. 111].

ленность и жестокость, равнодушие, а позже способность осознать неправильность своей жизни, способность думать о возвышенных вещах, а не только о материальном благополучии.

В эту же тюрьму привезли и ее ланкаширского мужа, ему грозил суд. После встречи с ним Молль снова изменилась: возвратилось ее «омерзение к этому гнусному месту и образу жизни ее обитателей»³⁸ [1, с. 258]. Когда ей вынесли окончательный приговор и надеяться было не на что, тогда только ее раскаяние о поступках прошлого было по-настоящему искренним, непритворным. Она рассказала вкратце священнику, присланному пестуньей, о пятидесяти годах своей жизни, ничего не утаивая. Тот же добился у главного судьи отсрочки в исполнении наказания, а потом и вовсе оно было заменено на ссылку. Так Молль была спасена от гибели, после чего уговорила ланкаширского мужа также согласиться на ссылку и уехать вместе с ней в Виргинию. Они уехали в Америку и там начали новую жизнь (благодаря помощи встречающихся на пути хороших людей и, конечно же, начального капитала), разбогатели, а затем снова вернулись в Англию.

Если говорить о тех качествах характера, которые сложились у Молль при данных обстоятельствах, то можно отметить, что раскаяние о прошлых грехах часто посещало Молль. Она была искренне рада, что жизнь менялась к лучшему. В конце концов Молль из преступницы превратилась в состоятельную и добродетельную даму. Но никогда и ни при каких обстоятельствах Молль не посвящала в свои тайны до конца даже самых близких людей (исключение составляет лишь священник, которому она в тюрьме рассказала вкратце историю своей жизни). Умение хранить тайны и рассказывать людям ровно столько, сколько она сама считает нужным – было главной чертой характера, которая была неизменной на протяжении всей ее жизни. Так, С.Д. Артамонов отмечает, что общество враждебно к личности и «чтобы выжить, нужно бороться, и слава победителю, слава сильному! В этой борьбе за место в жизни отходят на второй план нравственные принципы» [7, с. 297].

Таким образом, для первого этапа жизни главной героини, начинающегося с рождения в Англии и заканчивающегося возвращением в Англию после пребывания некоторого времени в Виргинии, характерно девять важных жизненных обстоятельств, которые сформировали такие черты характера как самостоятельность, смелость, собственное понимание определенных вещей, чувство прекрасного и стойкое принятие своего положения в обществе, а также тяга к комфорту, уюту и барской жизни. Молль серьезнее стала смотреть на вещи, стала более рассудительной, стала размышлять о сложившемся положении и о том, по какому пути двигаться в дальнейшем с выгодой для себя.

На втором этапе своей жизни Молль уже смотрела на мир без иллюзий. Она точно знала, что ей в жизни нужно, но не всегда знала, как достигнуть своей цели честным путем. Иногда она испытывала тайные угрызения совести по поводу своего образа жизни, но страх нищеты и голода был сильнее и не позволял совести взять над собой верх. Холодный расчет и предусмотрительность не покидали Молль ни при каких обстоятельствах, хотя она научилась думать и о возвышенных вещах. До конца не посвящать в свои тайны даже близких людей – главный жизненный принцип этой женщины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дефо, Д. Молль Флендерс : [Роман: пер. с англ.] / Д. Дефо. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд., 1992. – 672 с.
2. Defoe, D. The Fortunes and Misfortunes of the Famous Moll Flanders: also the Fortunate Mistress or the Lady Roxana / D. Defoe. – London : George Routledge and Sons, Limited, 1995. – 428 p.
3. Тревельян, Дж.М. Социальная история Англии / Дж.М. Тревельян. – М. : Изд-во иностранной лит-ры, 1959. – 608 с.
4. Елистратова, А.А. Английская литература/ А.А. Елистратова // История всемирной литературы в 9-ти томах / Г.П. Бердников. – М.: Наука, 1998. – Т.5. – Гл.1. – С. 32–86.
5. Лаптенюк, А.С. Философия: учеб. пособие / А.С. Лаптенюк. – Мн. : РИВШ, 2022. – 324 с.
6. Пуришев, Б.И. Краткий очерк развития английской и американской просветительской литературы XVIII века / Б.И. Пуришев // Зарубежная литература XVIII века : Хрестоматия : Учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» : В 2 т. Т.1. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Выш. шк., 1988. – С. 18–37.
7. Артамонов, С.Д. Дефо (1660–1731) / С.Д. Артамонов // История зарубежной литературы XVII–XVIII вв. Учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». – М.: Просвещение, 1978. – С. 290–297.

³⁸ «abhorrence of the place, and of the way of living in it» [2, p. 154].

УДК 80.4:82.0

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ НАВЫКОВ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПРИ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСТОРИКО-КОНТЕКСТУАЛЬНОГО МЕТОДА

Е. Г. ЛЕЩЕНКО*(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н. В. НЕСТЕР)*

Рассматривается историко-контекстуальный метод анализа художественного текста, разработанный А.А. Гугниным (1941 – 2021). Предлагается адаптация данного метода для иностранных студентов с начальным уровнем владения русским языком. Анализируются предлагаемые в методике РКИ системы упражнений и заданий для формирования навыков интерпретации. На примере рассказа Л.Н. Толстого «Косточка» предлагается поэтапная модель работы в рамках изучающего чтения с акцентом на уровне «текста как такового» для параллельного развития языковых компетенций и формирования навыков литературоведческого анализа.

Историко-контекстуальный метод, разработанный А.А. Гугниным, представляет собой системный подход к анализу художественного произведения, позволяющий учесть всю совокупность его имплицитных смыслов. Интеграция данного подхода в практику преподавания РКИ является перспективным направлением для формирования интерпретационных навыков у иностранных студентов, вместе с тем его эффективность напрямую зависит от корректного подбора и организации системы упражнений, адаптированной к уровню языковой подготовки учащихся и методологическим положениям метода.

Суть историко-контекстуального метода А.А. Гугнина заключается в системном анализе художественного произведения, совмещающем «погружение в глубины текста с движением "вширь" – к его контекстам» [1, с. 211]. Под интерпретацией исследователь понимает процесс диалога с текстом, в ходе которого учитывается как авторский замысел, так и актуальное прочтение. Для иноязычной аудитории такое понимание интерпретации текста создаёт основу для формирования важнейшего навыка видения текста как системы взаимосвязанных смыслов. Диалогическая природа согласуется с задачами коммуникативного подхода, направленного на овладение языком как средством реального общения. Практической реализацией метода является многоуровневый анализ, в ходе которого происходит рассмотрение «текста как такового», в контексте творчества писателя, а также в широком культурно-историческом контексте национальной, европейской и мировой литератур [1, с. 201–210], что требует специально выстроенной системы заданий.

Основой для формирования интерпретационных навыков служит система упражнений, применяемая в соответствии с этапами работы с текстом и уровнями его анализа. В методике РКИ сложился комплексный подход к разработке таких заданий. Как подчеркивает Н.В. Кулибина, система упражнений должна вести ученика от общего понимания содержания к детальному анализу и, наконец, к личностной интерпретации [2, с. 7]. Индуктивный путь, являющийся одним из эффективных способов организации познавательной деятельности, позволяет качественно организовать работу с иностранными студентами при интерпретации произведения. Помимо этого, в соответствии с личностно-деятельностным подходом, система заданий должна вовлекать в учебный процесс эмоции, чувства и ощущения учащихся, тем самым стимулируя их речевую активность, что в полной мере соответствует дидактическим принципам, описанным А.Н. Щукиным в своём пособии для преподавателей РКИ и лежащим в основе адаптации метода А.А. Гугнина для иностранной аудитории, – принципам доступности, наглядности, активности и учёта родной культуры учащихся [5, с. 57]. Таким образом, выбор системы упражнений становится связующим звеном между теоретическими положениями метода и практическими задачами конкретного занятия.

В качестве практической реализации предлагаемой методики рассмотрим модель использования системы упражнений на примере рассказа Л.Н. Толстого «Косточка». Данный рассказ соответствует требованиям, предъявляемым к выбору текстов для базового уровня владения русским языком (А2) [4]. Рассказ «Косточка» входит в цикл произведений для детей и отличается краткостью, понятным сюжетом, актуальной морально-этической проблематики и доступными лексико-грамматическими конструкциями. Предлагаемая модель реализует адаптированный вариант использования историко-контекстуального метода с интерпретацией текста в рамках соответствующего уровню изучающего чтения преимущественно на уровне «текста как такового» с минимальным привлечением контекста творчества писателя.

На предтекстовом этапе, целью которого является подготовка к интерпретации, а задачами – стимулирование и снятия возможных языковых и культурологических трудностей. Для их реализации могут быть предложены упражнения на прогнозирование на основе иллюстраций к рассказу с вопросами

«Кто изображен на картинке?», «Как вы думаете, это семья?», «Какое настроение у мальчика?». Затем лексические упражнения, направленные на введение и отработку ключевой лексики (слива, косточка, побледнеть, признаться, обман) с привлечением ассоциативных рядов и подбора синонимов. Завершает этот этап постановка проблемного вопроса «Всегда ли нужно говорить правду?», который становится смысловым стержнем всей последующей работы, организуя таким образом подход, ориентированный на процесс постепенного формирования смысла.

Текстовый этап, направленный на формирование навыков анализа «текста как такового» и организацию диалога с ним, подразумевает использование аналитических упражнений. В рамках изучающего чтения могут предлагаться следующие упражнения: чтение текста по частям с последующей проверкой понимания вопросами: «Что сделал Ваня?», «Почему он это сделал?», «Что почувствовал отец?»; упражнения на выявление художественных деталей, чтобы заложить основы литературоведческого анализа: «Найдите в тексте слова, которые описывают чувства Вани», «Почему он «побледнел»?», «Что это говорит о его состоянии?». Для формирования навыка установки причинно-следственных связей эффективно заполнение таблицы «Причина – Событие – Следствие». Наконец, привлечение контекста творчества писателя реализуется через краткое сообщение о том, что Л.Н. Толстой очень любил детей и писал для них поучительные истории, после чего предлагается задание на сравнение: «Вспомните или найдите другие короткие рассказы Л.Н. Толстого («Филиппок», «Старый дед и внучек»). Что общего в них по смыслу?».

Целью послетекстового этапа является развитие навыков личностной интерпретации и выход в речевую деятельность. На данном этапе максимально реализуется потенциал коммуникативного подхода. Наиболее эффективной формой работы здесь является ролевая игра или дискуссия, например, в форме «Суда над Ваней», в ходе которого студенты делятся на группы защиты, обвинения и судей, что стимулирует спонтанную речь и заставляет учащихся занять определенную позицию, углубляя интерпретацию. Творческие задания, такие как «Напишите короткий монолог отца» или «Придумайте альтернативный конец рассказа», направлены на саморефлексию и развивают способности к самоанализу. В конце может быть предложено сравнительно-культурологическое задание («Есть ли похожие истории в вашей культуре?»), реализующее принцип учёта родной культуры и превращающее анализ текста в настоящий диалог культур.

Таким образом, предложенная модель системы упражнений, выстроенная в соответствии с историко-контекстуальным методом А.А. Гугнина и принципами современных методических подходов, демонстрирует высокую эффективность его использования для формирования интерпретационных навыков у иностранных студентов. Принципы историко-контекстуального метода последовательно реализуются через поэтапную работу с текстом: предтекстовые задания подготавливают и настраивают на диалог; непосредственно работа с текстом включает упражнения, формирующие аппарат анализа, в то время как творческие и дискуссионные задания послетекстового этапа позволяют создать условия, в которых студент становится активным участником процесса осмысления и интерпретации текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гугнин, А.А. Художественный текст: анализ или интерпретация / А.А. Гугнин // Проблемы истории литературы / [Сб. ст.; ред. А.А. Гугнина]. – Новополюк: ПГУ, 2003. – № 5. – С. 200–227.
2. Кулибина, Н.В. Зачем, что и как читать на уроке. Методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Н.В. Кулибина. – СПб.: Златоуст, 2015. – 224 с.
3. Основные методические системы обучения иностранным языкам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infourok.ru/osnovnye-metodicheskie-sistemy-obucheniya-inostrannym-yazykam-6242931.html>. – Дата доступа: 11.10.2025.
4. Уровни РКИ. Базовый уровень (A2) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urya.ru/docs/53-urovni-rki-bazovyi-uroven-a2.html>. – Дата доступа: 29.09.2025.
5. Щукин, А.Н. Методика преподавания иностранных языков: учебник для студ. учреждений высш. образования / А.Н. Щукин, Г.М. Фролова. – М.: Академия, 2015. – 288 с.

УДК 821.111

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА С ОБЩЕСТВОМ И ПРИРОДОЙ
В МАЛОЙ ПРОЗЕ Э.М. ФОРСТЕРА****А. А. НАУМИК****(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н. В. НЕСТЕР)**

Статья посвящена исследованию взаимоотношений человека, социума и природной среды в малой прозе английского писателя Э.М. Форстера (Edward Morgan Forster, 1879–1970). На материале рассказов, вошедших в сборник «Машина останавливается» (*The Machine Stops*, 2013), анализируется фило-софско-этическая проблематика, связанная с противостоянием технократического прогресса и органической связи с природой.

В современном мире вопросы взаимодействия человека с обществом и природой становятся все более актуальными. Эта тема пронизывает многие аспекты человеческой жизни и требует глубокого осмысления, особенно в контексте литературы, отражающей сложные отношения между этими сферами. Э.М. Форстер в своих произведениях исследует эти взаимосвязи, поднимая важные социальные и экологические проблемы.

В данной работе рассматриваются рассказы Э.М. Форстера, вошедшие в сборник «Машина останавливается» (*The Machine Stops*, 2013), такие как «Паника» (*The Story of a Panic*, 1904), «Дружок для младшего священника» (*The Curate's Friend*, 1907), «Небесный омнибус» (*The Celestial Omnibus*, 1908) и «Иное царство» (*The Other Kingdom*, 1909).

Рассказ «Паника» представляет собой яркий пример литературного мастерства Э.М. Форстера, в котором переплетаются личные переживания героев с образами природы. Главным героем является четырнадцатилетний Юстас. В рассказе описание паники, пережитой от встречи с лесным богом Паном, является основной сюжетной линией. Главным его событием является явление Пана Юстасу: «Паника», по мнению зарубежного исследователя У. Стоуна, повествует о «вхождении бога в человека» [1, с. 271].

Действие рассказа разворачивается на природе, на фоне итальянских гор и долин. Люди, которыми окружен Юстас, не готовы к встрече с духом «великого Пана» и с самим собой: ограниченный сноб Титлер, сентиментальный Лейленд, священник Сэндбэч представляются героями с «недоразвитым» сердцем. Все они склонны подавлять естественные чувства и оценивать пейзажи с позиций коммерции. Результатом дискуссии среди путешественников становится заявление: «Пан мертв!»³⁹ [2, с. 11]. В ответ природа замерла, наступившее молчание прерывает лишь свистулька Юстаса.

После встречи с Паном, единственным человеком, не испытавшим «страх» и «панику», оказался Юстас. Группа туристов не выдержала испытание красотой природы. Юстас с восторгом говорит о ночи: «Сперва он говорил о ночи, о планетах и звездах над своей головой, о роях светлячков под ним, о невидимом море за светлячками, о гигантских скалах, покрытых ракушками и анемонами, что дремали в невидимом море. Он говорил о реках и водопадах, о зреющих кистях винограда, о дымящемся конусе Везувия и подземных каналах, по которым поднимается дым, о каскадах розовых лепестков, запутавшихся у него в волосах»⁴⁰ [2, с. 30].

По пути в отель Юстас целует незнакомую крестьянку, по возвращению стремится завязать дружбу с официантом Дженнаро: «Юстас подпрыгнул, чтобы встретить его, прыгнул прямо к нему на руки и обнял его за шею»⁴¹ [2, с. 23]. И Юстас, и Дженнаро достигают понимания и духовной близости. Окружающие шокированы поведением Юстаса, они готовы объявить его сумасшедшим. Когда Юстаса обманом заставляют вернуться в дом, он шепчет: «Я видел все, а теперь я не вижу ничего»⁴² [2, с. 36]. Более того, его пугает собственная комната: «Не в мою комнату, – он умолял, – Она очень маленькая. – А еще оттуда ничего не видно! Ни цветов, ни листьев, ни неба, одни только каменные стены»⁴³ [2, с. 28–29]. Помещение представляется Юстасу комнатой без «вида». Интересно, что в творчестве Э.М. Форстера образ «вида», закрепленный в названии романа «Комната с видом», становится символом раскрепощенного сознания человека (view –

³⁹ «Pan is dead» [3, p. 13].

⁴⁰ «He spoke first of night and the stars and planets above his head, of the swarms of fireflies below him, of the invisible sea below the fireflies, of the great rocks covered with anemones and shells that were slumbering in the invisible sea. He spoke of the rivers and waterfalls, of the ripening bunches of grapes, of the smoking cone of Vesuvius and the hidden fire-channels that made the smoke, of the myriads of lizards who were lying curled up in the crannies of the sultry earth, of the showers of white rose-leaves that were tangled in his hair» [3, p. 26].

⁴¹ «Eustace sprang to meet him, and leapt right up into his arms, and put his own arms round his neck» [3, p. 21–22].

⁴² «I nearly saw everything, and now I can see nothing at all» [3, p. 30].

⁴³ «I hate my bedroom. I could not stop in it, it is too small. I can't see anything – no flowers, no leaves, no sky: only a stone wall» [3, p. 25].

vision = вид – видение), преодолевающего ограниченность своего мышления, подобно тому, как чудесный вид из комнаты расширяет и облагораживает ее пространство. Для Юстаса боязнь пространства без «вида» соотносится с невозможностью нахождения в окружении недалеких людей.

Э.М. Форстер уделяет много внимания описанию природы в произведении. Так, например, раскидистые каштановые деревья представляются читателю в образе «многопалой зеленой руки, лежащей ладонью вверх, которая словно конвульсивно сомкнулась, чтобы всех удержать»⁴⁴ [2, с. 8]. В каком-то смысле автор персонифицирует явления природы и наделяет их жизнью: «Здесь очаровательные южные каштаны просто тростинки в сравнении с нашими северными крепышами. Но они самым приятным образом одевали контуры холмов и ложинок, и их покров прерывался лишь двумя прогалинами, на одной из которых устроились мы»⁴⁵ [2, с. 10].

В итоге Юстас совершает побег из отеля, и «далеко-далеко ... все еще были слышны крики и смех убегающего мальчика»⁴⁶ [1, с. 40]. Ничто не может сдержать его порыва и умерить безумную радость от общения с природой. Именно в эти мгновения перед ним открывается смысл и величие жизни.

Подобное Юстасу путешествие совершает и героиня рассказа «Иное царство» Вероника Бомон. Нелепая и трогательная девушка из Ирландии без денег и связей восстала против условностей и предрассудков английского общества, обратилась в лес и спаслась. Стоит отметить, что имя лесного бога Пана также имеет место в данном рассказе. Превращение главной героини в дерево выражает действие, подобное протесту Юстаса – «Она сбежала от вас абсолютно, до скончания веков, пока существуют ветви, чтобы укрывать людей от солнца»⁴⁷ [2, с. 118].

Главный конфликт рассказа Э.М. Форстера состоит в несовместимости характеров и взглядов на жизнь Харкурта Водерса и Вероники Бомон. Харкурт Водерс – преуспевающий бизнесмен и владелец поместья. Он самовлюблен и эгоистичен. Его эгоизм – форма проявления социальной психологии. Мировосприятие и поведение Харкурта определяются присущим ему чувством собственности. Истинную радость ему может доставить лишь то, что принадлежит ему безраздельно. Красота природы ему недоступна. Он неспособен понять и свою невесту, хотя по-своему любит ее. Харкурт уверен лишь в том, что женитьба на бесприданнице Веронике со временем окупится для него сполна. В качестве свадебного подарка он преподносит ей рощу. Этот богатый и неожиданный подарок на первых порах приносит радость непосредственной, импульсивной и наивной главной героине: «Я могу там ходить, могу работать, могу там жить. Мой собственный лес! Мой навсегда»⁴⁸ [2, с. 85].

Ее восприятие жизни основано на присущем ей чувстве красоты. Ее радуют прекрасные деревья, но ей глубоко чужд ажиотаж рационализации и стремление к наживе, руководящие всеми действиями Харкурта, который рассматривает свою землю как источник прибыли. Между рощей и домом он хочет проложить асфальтовую дорогу, он задумывает огородить рощу забором с тем, чтобы никто не мог проникнуть в нее со стороны. Все это глубоко печалит Веронику и отчуждает ее от Харкурта. С ее образом связаны представления о красоте и свободе. С образом Харкурта – мир собственности, враждебная свобода, и машинная цивилизация, убивающей красоту.

В основу построения рассказа «Небесный омнибус» положен характерный для Э.М. Форстера принцип противопоставления: будничность обстановки и врывающаяся в нее волшебная сказка, обыденность и фантастика. Мальчик, живущий в доме номер двадцать восемь по Букингем-парк-роуд, расположенном в скучном пригороде на правом берегу Темзы, покупает билет на омнибус и, поднявшись в облака, путешествует по радуге. Все происходит внезапно и необъяснимо просто. С помощью воображения, способного преобразить повседневную действительность, мальчик постигает чудеса жизни: «Поезд мелодично свистел, проносясь мимо скошенных лугов – великолепных лугов, вобравших всю красоту Сурбитона и, подобно альпийским долинам, щеголявших роскошным убранством из елей, белых берез и первоцветов»⁴⁹ [2, с. 53].

Следуя указателю, прикрепленному к дорожному столбу, мальчик видит объявление о регулярном движении омнибусов и дощечку с указанием маршрута: «На небо»⁵⁰ [2, с. 51]. Мальчику кажется, что все это шутка, обман, волшебная сказка, сон, от которого внезапно присыпается среди ночи. Но путешествие состоялось. Сидя на козлах рядом с кучером Томасом Брауном, мальчик поднимается сквозь туман к небесам. Стоит отметить, что имя кучера в произведении прямо отсылает нас к Сэру Томасу Брауну –

⁴⁴ «...a many-fingered green hand, palm upwards, which was clutching convulsively to keep us in its grasp» [3, p. 1].

⁴⁵ «Those sweet chestnuts of the South are puny striplings compared with our robust Northerners. But they clothed the contours of the hills and valleys in a most pleasing way, their veil being only broken by two clearings, in one of which we were sitting» [3, p. 12].

⁴⁶ «...far down the valley towards the sea, there still resounded the shouts and the laughter of the escaping boy» [3, p. 33].

⁴⁷ «She has escaped you absolutely, for ever and ever, as long as there are branches to shade men from the sun» [3, p. 85].

⁴⁸ «I can walk there, work there, live there. A wood of my own! Mine forever» [3, p. 63].

⁴⁹ «Train shrieked musically down through the cutting – that wonderful cutting which has drawn to itself the whole beauty out of Surbiton, and clad itself, like any Alpine valley, with the glory of the fir and the silver birch and the primrose» [3, p. 42].

⁵⁰ «To Heaven» [3, p. 41].

британскому медику, одному из крупнейших мастеров английской прозы эпохи барокко, автору литературных «опытов» на оккультно-религиозные и естественнонаучные темы.

Фавн из рассказа Э.М. Форстера «Дружок для младшего священника» и лесной дух Пан из «Паники» олицетворяют глубокую связь человека с природой, выступая в роли посредников между миром людей и миром дикой природы. Фавн, с его таинственным характером, символизирует естественную гармонию и свободу, в то время как Пан, с его более мрачными чертами, напоминает о первобытных страхах и инстинктах, скрытых в каждом из нас. Оба персонажа служат напоминанием о том, что природа не только прекрасна, но и непредсказуема, подчеркивая важность уважения к её силам и тайнам.

В рассказе «Дружок для младшего священника» мифическое существо Фавн является священнику во время пикника, и священник бросает вызов своим самодовольным тоном: «Бедная лесная тварь! ... Куда тебе понять! Тщетно тебя журить. Не в твоих малых силах постичь жизнь на стезе самоотречения»⁵¹ [2, с. 126]. Тогда Фавн испытывает способность самого викария к самоотречению тем, что заставляет его девушку влюбиться в его друга.

В произведении взаимодействие человека с обществом и природой проявляется через сложные отношения между персонажами, а также через символику, связанную с мифологическим существом – Фавном. Фавн в произведении олицетворяет природу, её дикие и необузданные аспекты. Он является представителем мира, который не подчиняется строгим социальным нормам и правилам. Фавн привносит элемент магии и загадки, что контрастирует с рациональным и ограниченным миром общества.

Священник же является отражением общества. Главный герой произведения, представляющий собой социальный порядок и моральные устои, сталкивается с вызовами, которые ставит перед ним Фавн. Он символизирует традиционные ценности и ожидания общества, которые часто оказываются в конфликте с инстинктивными желаниями и потребностями человека. Можно наблюдать некое напряжение между личной свободой и общественными нормами.

Взаимодействие между Фавном и священником демонстрирует сложность отношений человека с природой и обществом. Священник, пытаясь следовать моральным убеждениям, оказывается в ловушке социальных ожиданий, в то время как Фавн представляет более свободное и спонтанное существование. Этот конфликт приводит к глубоким размышлениям о том, как важно находить баланс между следованием социальным нормам и поиском личной идентичности.

Фавн может рассматриваться как искушение для священника. Поэтому в произведении «Дружок для младшего священника» мы можем отследить темы искушения и освобождения. В этом контексте природа становится не только фоном, но и активным участником внутренней борьбы персонажа. Э.М. Форстер показывает, что взаимодействие с природой может привести к освобождению от социальных оков, но также и к риску потерять контроль над собой. Таким образом, писатель мастерски иллюстрирует взаимодействие человека с обществом и природой через конфликт между мифологическим Фавном и священником, подчеркивая важность поиска гармонии между этими двумя мирами для достижения истинного понимания себя и своего места в мире.

В произведениях Э.М. Форстера взаимодействие человека с обществом и природой представляет собой сложный и многогранный процесс, отражающий как внутренние конфликты персонажей, так и социальные реалии их времени. Автор изображает, как общественные нормы и ожидания влияют на личные выборы, а также как природа становится не только фоном для событий, но и активным участником в жизни героев. Через призму своих произведений Э.М. Форстер поднимает важные вопросы о гармонии между человеком и окружающим миром, о необходимости осознания своей роли в социуме и ответственности за него.

Автор акцентирует внимание на том, что истинное взаимодействие возможно только при условии уважения к природе и другим людям. Его герои часто сталкиваются с необходимостью делать выбор между следованием социальным канонам и поиском внутренней свободы, что подчеркивает универсальность и актуальность его тем. В конечном итоге, творчество Эдварда Моргана Форстера призывает читателя к размышлениям о том, как можно создать более гармоничное общество, в котором человек будет находить свое место как в мире людей, так и в мире природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Stone, W. *The Cave and the Mountain. A Study of E.M. Forster* / W. Stone. – Stanford (Calif), Stanford Univ. Press; London : Oxford Univ. Press, 1966. – 436 p.
2. Форстер, Э.М. *Машина останавливается*: [пер. с англ.] / Э.М. Форстер. – М. : Астрель, 2013. – 317 с.
3. Forster, E.M. *Collected Short Stories* / E.M. Forster. – L. : Penguin Books, 2002. – 222 p.

⁵¹ «Poor woodland creature! How could you understand? It was idle of me to chide you. It is not in your nature to comprehend a life of self-denial» [3, p. 90].

УДК 821.111

**ЛИЧНОСТНАЯ ЗРЕЛОСТЬ И МЕЖЛИЧНОСТНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ
В КОНТЕКСТЕ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»
(НА МАТЕРИАЛЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ Э.М. ФОРСТЕРА)**

А. А. НАУМИК

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н. В. НЕСТЕР)

В данном исследовании осуществляется комплексный анализ проблемы межличностной зависимости и личностной зрелости через призму оппозиции «свой – чужой» в рассказах Э.М. Форстера «Паника» (The Story of a Panic, 1904), «Дружок для младшего священника» (The Curate's Friend, 1907), «Небесный омнибус» (The Celestial Omnibus, 1908), «Иное царство» (The Other Kingdom, 1909) и «Машина останавливается» (The Machine Stops, 1909).

Оппозиция «свой – чужой» присуща человеческому сознанию во все эпохи и имеет фундаментальное значение как для раскрытия содержания культуры в целом, так и для познания внутреннего мира человека, в частности. Различение «своего» и «чужого» сводится к проблеме положения человека в окружающем мире. Человек не просто приспосабливается к среде, как это свойственно всему живому, но и сам создает свою собственную реальность. «Свое» возникает на пересечении замкнутости и коммуникации [1, с. 15]. Границы между «своим» и «чужим» носят динамичный и проницаемый характер, а познание «чужого» становится возможным в условиях пограничного опыта, предполагающего выход за пределы привычных когнитивных схем.

Выбор указанных текстов обусловлен их репрезентативностью для исследования механизмов взаимодействия персонажей с инаковостью по двум аспектам: внешнем (межличностная зависимость) и внутреннем (личностная зрелость) [2], [3].

В рассказе «Паника» данная проблематика раскрывается через трансформацию идентичности персонажа. Протагонист Юстас, изначально репрезентирующий «свое», проходит путь принятия «чужого» (иррационального начала). Как отмечает Э.М. Форстер, закрытые привилегированные учебные заведения формируют у англичан «недоразвитое сердце», что, однако, не равнозначно эмоциональной черствости. В эссе «Заметки об английском характере» подчеркивается, что чувства в данном случае оказываются подавленными, не находящими выхода. В связи с этим «воспитание чувств» становится ключевой темой творчества Э.М. Форстера, направленного на преодоление этой психологической деформации.

Рассказ «Дружок для младшего священника» раскрывает конфликт между «своим» (религиозный догматизм) и «чужим» (мифологическая стихийность) через образы священника и Фавна. Младший священник, носитель «неразвитого сердца», демонстрирует неприятие инаковости, тогда как Фавн воплощает вытесненное «чужое» – природное начало. Их взаимодействие отражает кризис идентичности: попытка главного героя подавить «чужое» приводит к разрушению «своего», что символизирует тупик непримиримой оппозиции. Э.М. Форстер показывает, что отрицание инаковости ведет к психологической дезинтеграции личности.

В рассказе «Небесный омнибус» Э.М. Форстер продолжает разработку ключевой для своего творчества проблемы «неразвитого сердца», рассматривая ее через призму психологической защиты и столкновения с «чужим». Центральный конфликт разворачивается между мистером Бонзом, воплощающим рационально-ограниченное восприятие действительности, и мальчиком, чье сознание открыто для трансцендентного и эмоционально-чувственного опыта. Фигура мальчика в рассказе олицетворяет «развитое сердце» – способность к поэтическому, мифологическому восприятию мира. Его вера в «небесный омнибус» (символ выхода за границы обыденного) вступает в конфликт с догматизмом Бонза, что приводит последнего к экзистенциальному кризису. Этот конфликт иллюстрирует форстеровскую идею о необходимости встречи с «чужим» для преодоления ментальной ограниченности. Однако, в отличие от героя «Паники», Бонз не способен к трансформации – его защитные механизмы (сарказм, агрессивное отрицание) лишь укрепляют его изоляцию.

В рассказе «Иное царство» Э.М. Форстер отражает трагическую невозможность гармоничного синтеза «своего» и «чужого» при условии доминирования одного над другим. История Харкурта и Вероники становится аллегорией неудачной попытки межличностного диалога, где одна сторона стремится не к пониманию, а к подчинению инаковости.

В рассказе «Машина останавливается» автор создает антиутопический мир, где главная героиня Вашти воплощает крайнюю степень зависимости от технологизированного «своего» пространства. Ее отношения с сыном Куно, представляющим «чужое» (естественное, эмоциональное начало), демонстрируют патологический страх перед инаковостью. Вследствие чего, Вашти проявляет признаки эмоциональной ригидности и когнитивной закрытости, характерные для «неразвитого сердца».

Несмотря на то, что оппозиция «свой – чужой» носит универсальный характер, она имеет и персонализированное наполнение. Так, для каждого из героев романа содержание этой дихотомии будет индивидуальным, определяющим их поведение и оценки. В результате анализа личностной зрелости и межличностной зависимости в контексте «своего» и «чужого» в малой прозе Э.М. Форстера были получены следующие результаты:

1. Герои, относящиеся к категории «свой» (вписываются в общество), по нашим наблюдениям, обладают выраженной межличностной зависимостью и не обладают личностной зрелостью.

2. Герои, относящиеся к категории «чужие» (не вписываются в общество), не обладают межличностной зависимостью и обладают личностной зрелостью.

Полученные результаты подтверждают основную идею Э.М. Форстера о «развитом» и «неразвитом сердце». Способность принимать «чужое» (внешнюю инаковость и внутренние подавленные аспекты личности) – необходимое условие личностной зрелости и отсутствие межличностной зависимости.

Исследование позволило проанализировать влияние личностной зрелости на межличностные отношения и раскрыть, как дихотомия «свой» – «чужой» в произведениях Э.М. Форстера отражает эти психологические феномены. В результате были получены не только теоретические выводы о взаимосвязи литературных образов и психологических закономерностей, но и подтверждена значимость художественных текстов как инструмента для изучения человеческой психологии.

Таким образом, данное исследование вносит вклад в понимание механизмов личностного развития и межличностных отношений, демонстрируя продуктивность интеграции литературоведческого и психологического подходов. Полученные результаты открывают перспективы для дальнейшего изучения творчества Э.М. Форстера через призму психологии, а также для применения литературного материала в психологической практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Половцев, Д.О. Проблема инаковости в творчестве Э.М. Форстера: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Д.О. Половцев. – Минск: БГУ, 2008. – 154 с.
2. Форстер, Э.М. Машина останавливается: [пер. с англ.] / Э.М. Форстер. – М.: Астрель, 2013. – 317 с.
3. Forster, E.M. Collected Short Stories / E.M. Forster. – L.: Penguin Books, 2002. – 222 p.

УДК 821.111

ТЕМА ЛЮБВИ В СБОРНИКЕ В. ИРВИНГА «БРЕЙСБРИДЖ-ХОЛЛ, ИЛИ ЮМОРИСТЫ»

К. М. ТИХОНОВА

(Представлено: О. Ю. КЛОС)

В статье исследуется тема любви в литературе американского романтизма на примере сборника новелл В. Ирвинга (*Washington Irving, 1783–1859*) «Брейсбридж-холл, или Юмористы» (*Bracebridge Hall, 1822*). Анализируется, как автор изображает жизнь английского поместья, предлагая разнообразные и часто ироничные взгляды на любовь – от романтических идеалов и ухаживаний до прагматичных браков и комичных недоразумений в отношениях.

Вашингтон Ирвинг (*Washington Irving, 1783–1859*) – американский прозаик, историк и биограф, который считается зачинателем американского романтизма. Он был первым американским писателем, который получил признание Европы как представитель национальной американской литературы. «Брейсбридж-холл» (*Bracebridge Hall, 1822*) был опубликован, как и «Книга эскизов» (*The Sketch Book, 1819*) под псевдонимом Джеффри Крайон (*Geoffrey Crayon*) [1].

Сборник «Брейсбридж-холл» состоит из 50 произведений с авторским вступлением. В центре повествования – жизнь обычных жителей патриархального английского поместья и их истории. В сборнике представлена хорошо известная повесть «Полный джентльмен» (*The Stout Gentleman*) и истории, основанные на английском, французском и испанском фольклоре. Рассказы чередуются остроумными зарисовками из сельской жизни английской знати. Среди них «Дольф Хейлигер» (*Dolph Heyliger*) – история жителя Нью-Йорка, который сталкивается с домом с привидениями, и ее знаменитое продолжение «Загадочный корабль» (*The Storm-Ship*), американская версия легенды о летучем голландце.

Влияние В. Ирвинга на американскую литературу, в частности, на жанр новеллы, было огромным и признано многими американскими писателями и критиками. В России американский романтик также пользовался большой популярностью, и первые переводы его произведений на русский язык появились уже в 1825 году.

Сборник «Брейсбридж-холл, или Юмористы» является малоизученным произведением в российском и белорусском литературоведении. Исследование темы любви в данном сборнике В. Ирвинга заключается в необходимости определить, каким образом писатель трактовал такое важное для культуры понятие, как любовь. Изучение его произведений может дать возможность лучше понять их значимость для современного общества и по-новому взглянуть на их актуальность.

В период американского романтизма, который начался в литературе США в 20-х гг. XIX в., помимо тем колониальной истории, Войны за независимость, освоения континента, тема любви стала одной из центральных в литературе. Романтики стремились выразить свои чувства и эмоции через искусство, и любовь стала ключевой темой их работ.

Воспевая любовь, романтики возродили древнее представление о ней как об универсальной космической силе, объединяющей в единое целое человека и природу, идеал и действительность, духовность и чувственность. По их мнению, в чувственной любви проявляется мировая любовь, а в мировой любви раскрывается действительный смысл любви к женщине. Тем самым чувственная любовь со всеми ее страстями и переживаниями реабилитировалась, а порой даже приобретала мистическое значение как разгадка тайны мироздания и смысла жизни [2].

Одним из наиболее известных произведений американского романтизма, где звучит тема любви, является роман Н. Готорна (*Nathaniel Hawthorne, 1804–1864*) «Алая буква» (*The Scarlet Letter, 1850*). История сильной духом героини, обвиненной в прелюбодеянии и любви к священнику, связана с осмыслением писателем природы греховности и вины. Романтические отношения между влюбленными развиваются на фоне напряженной и тревожной атмосферы пуританской Новой Англии, что делает произведение волнующим и глубоким. Еще одним ярким примером является стихотворение Э.А. По (*Edgar Allan Poe, 1809–1849*) «Аннабель Ли» (*Annabel Lee, 1849*), в котором лирический герой описывает глубокую и незабываемую любовь к девушке по имени Аннабель Ли. Смерть любимой женщины – это один из ключевых мотивов в творчестве Э.А. По, который прослеживается и в поэзии, и в прозе. В знаменитой пенталогии о Натти Бампо Дж.Ф. Купер (*James Fenimore Cooper, 1789–1851*) затрагивает тему любви, создавая убедительные образы влюбленных, которым приходится столкнуться со множеством испытаний [3].

«Брейсбридж-холл» В. Ирвинга – сборник разножанровых произведений (новелл и эссе), объединенных общей фабулой. Она строится вокруг романтических отношений младшего представителя Брейсбриджей и его свадьбы. Главная любовная линия повествует о сквайре Гае и его чувствах к Джулии.

Начиная с прибытия гостей, повествование переходит от персонажа к персонажу, рассказывая их личные истории и отношение к свадьбе. Наряду с рассказами гостей свадьбы с тщательным вниманием к деталям нарисована яркая картина исторического поместья Брейсбридж.

В сборнике рассказов «Брейсбридж-холл» можно выделить несколько ключевых образов влюбленных, которые играют важную роль в повествовании и раскрывают тему любви:

1. Образы Гая и Джулии: в рассказе о свадьбе представлены образы молодой влюбленной пары, которая демонстрирует искренние чувства, преданность и радость любви.

Свой рассказ о влюбленных В. Ирвинг начинает с рассказа «Влюбленные» (*The Lovers*). Персонажи Гая и Джулии представлены как образы молодых людей, переживающих эмоции первой влюбленности, их искренность и преданность друг другу дарят особенный романтический оттенок рассказу.

По описанию внешности влюбленных можно понять, что они испытывают нежные и искренние чувства друг к другу: «Поэтому с момента моего прибытия в поместье я получал огромное удовольствие, наблюдая за прекрасной Джулией и ее возлюбленным. У нее очаровательное, смущенное выражение лица бесхитростной девушки и неопытной в кокетстве; в то время как капитан смотрит на нее с той смесью нежности и ликования, с какой молодой влюбленный склонен рассматривать столь прекрасную добычу»⁵² (Перевод наш. – К.Т.).

На протяжении всего сборника автор рассказывает об отношениях молодоженов. Их сюжетная линия и взаимодействие позволяют погрузиться в атмосферу взаимной привязанности и сопереживания. В рассказе «Проблемы влюбленных» (*Lover's Troubles*) В. Ирвинг описывает переживания Гая о предстоящей свадьбе. Они долго не могли выбрать дату из-за старых предубеждений: «Несмотря на все прелести цветущего мая, я нахожу, что существует древнее предубеждение против него как месяца бракосочетания. Старая поговорка гласит: "Жениться в мае – значит всю жизнь маяться". Так вот, поскольку леди Лилликрафт очень склонна верить в удачные и неудачные времена года и действительно очень щепетильна во всем, что касается нежной страсти, эта старая поговорка, похоже, прочно засела у нее в голове»⁵³ (Перевод наш. – К.Т.).

В. Ирвинг с особой теплотой и душевностью описывает молодую пару в день свадьбы в одноименном рассказе: «Невеста выглядела необыкновенно красивой. Я не знаю зрелища более очаровательного и трогательного, чем юная и робкая невеста в девственно белых одеждах, которую, дрожа, ведут к алтарю. Когда я вижу, как прелестная девушка, в нежности своих лет, покидает дом своих отцов и дом своего детства; и с искренним доверием и сладкой самоотдачей, которые принадлежат женщине, отказывается от всего мира ради мужчины по своему выбору»⁵⁴ (Перевод наш. – К.Т.).

В этой истории автор высказывает свои мысли о том, что свадьба – это не только праздник и радостное событие, но и символический акт ухода из родного дома и вступления в новую семью. Для молодоженов это значимое событие, которое означает окончание одного этапа жизни и начало другого. Несмотря на грустное начало свадьба закончилась веселыми танцами и песнями, после которых молодожены отправились в медовый месяц. На этом завершается любовная линия Гая и Джулии.

2. Генерал и Леди Лилликрафт, переживающие кратковременное любовное увлечение.

Любовная линия Генерала и Леди Лилликрафт начинается в рассказе «Любовные симптомы» (*Love-Symptoms*). Мастер Саймон начал замечать, как генерал стал относиться к Леди Лилликрафт и определил несколько любовных симптомов: «Я действительно заметил растущее внимание и любезность ветерана по отношению к ее светлости; он очень смягчается в ее обществе, сидит рядом с ней за столом и развлекает ее длинными историями. Я даже видел, как он преподнес ей пышно распустившуюся розу из апельсина; ветеран регулярно сопровождает ее, когда она выезжает на прогулку, верхом на лошади...»⁵⁵

⁵² «I have therefore derived much pleasure, since my arrival at the Hall, from observing the fair Julia and her lover. She has all the delightful, blushing consciousness of an artless girl, inexperienced in coquetry, who has made her first conquest; while the captain regards her with that mixture of fondness and exultation, with which a youthful lover is apt to contemplate so beauteous a prize» [4, p. 31].

⁵³ «With all the charms of the flowery month of May, there is, I find, an ancient prejudice against it as a marrying month. An old proverb says, "To wed in May is to wed poverty." Now, as Lady Lillycraft is very much given to believe in lucky and unlucky times and seasons, and indeed is very superstitious on all points relating to the tender passion, this old proverb seems to have taken great hold upon her mind. Indeed, an own cousin of hers, who married on a May-day, lost her husband by a fall from his horse, after they had lived happily together for twenty years» [4, p. 92].

⁵⁴ «The bride looked uncommonly beautiful; I know no sight more charming and touching than that of a young and timid bride, in her robes of virgin white, led up trembling to the altar. When I thus behold a lovely girl, in the tenderness of her years, forsaking the house of her fathers, and the home of her childhood; and, with the implicit confiding, and the sweet self-abandonment, which belong to women, giving up all the world for the man of her choice» [4, p. 364].

⁵⁵ «I have, in-deed, noticed a growing attention and courtesy in the veteran towards her ladyship; he softens very much in her company, sits by her at table, and entertains her with long stories about Seringapatam, and pleasant anecdotes of the Mul-

(Перевод наш. – К.Т.). Однако, к свадьбе Гая и Джулии от былых любовных чувств не осталось и следа. На этом и закончилась любовная история Генерала и Леди Лилликрафт.

3. Особый интерес в контексте исследуемой темы представляет новелла «Аннет Деларбр» (*Annette Delarbre*). Она сюжетно не связана с рассказом о поместье Брейсбридж, но органично дополняет его. История самозабвенной любви Аннет – девушки из Нижней Нормандии, маленького городка Гонфлер, раскрывает тему любви в другом ключе.

Повествование в новелле ведется от лица случайного прохожего. Впервые рассказчик увидел Аннет на городском празднике, и был удивлен ее видом: «Любуясь этим веселым зрелищем, я был внезапно поражен видом прелестной девушки, пробиравшейся сквозь толпу; казалось, будто она даже не замечает окружающего ее оживления. Она была стройна и изящна; на ее щеках, однако, не цвел румянец, обязательный для крестьянок Нормандии; в ее голубых глазах можно было прочесть необычно грустное выражение» [5, с. 257].

Рассказчика заинтересовала личность Аннет, и рядом стоящий священник начал рассказывать ее историю. Аннет была единственной дочерью в семье, поэтому она росла в окружении заботы и ласки. Она была живой и впечатлительной девушкой, с врожденной добротой сердца. Своего будущего возлюбленного, Эжена Лафорга, Аннет повстречала еще в детстве: «Уже в детстве ее чувствительность нашла выражение в привязанности, которую она питала к товарищу своих игр Эжену Лафоргу. Их детская любовь была миниатюрной копией зрелой страсти: здесь были свои капризы, ревность, ссоры и примирения. Эта любовь сделалась серьезнее, когда Аннет пошел пятнадцатый, а Эжену девятнадцатый год, но как раз в это время его внезапно взяли на военную службу» [5, с. 258].

Эжен также испытывал нежные чувства к Аннет. Даже когда он был на службе, когда он был в плену или ранен, он всегда держал рядом с собой талисман из ее волос, вспоминая, что на родине его ждет любимая Аннет.

После возвращения Эжена Аннет осознала свою власть над ним. Привыкшая к поклонению «деревенская львица» затеяла игру с влюбленным и пылким юношей. Как истинная кокетка она вызывала в нем ревность, танцуя с его соперниками, капризничала, что привело к ссоре и расставанию влюбленных. Оскорбленный Эжен отправился в дальнее плавание.

С этого момента начинается трагическая история о том, как Аннет почувствовала раскаяние о содеянном. Каждый день она молилась о скорейшем возвращении возлюбленного и ждала вести о том, что их корабль прибыл домой, и в однажды корабль все-таки приплыл. Но на берегу она услышала ужасные новости о смерти Эжена: «Внезапный удар после мимолетного призрака счастья был слишком тяжким испытанием для ее надломленного здоровья. Домой ее принесли без сознания. Некоторое время опасались за ее жизнь; прошли месяцы, прежде чем к ней возвратилась бодрость. Но рассудок к ней не возвратился и до сих пор обо всем касающемся судьбы Эжена она не может говорить здраво»⁵⁶ [5, с. 264].

Так В. Ирвинг показывает эволюцию образа Аннет: от счастливой и влюбленной девушки до девушки, которая потеряла способность контролировать эмоции и действия. Изображая состояния, которые испытывает главная героиня, автор показывает, что иногда любовь толкает на великие свершения, а может открыть в душе самые темные стороны и причинить невыносимую боль. Однако рассказ не заканчивается трагически. Эжен не погиб, а Аннет смогла выздороветь благодаря любви и поддержке близких людей.

Их история заканчивается венчанием и счастливой жизнью на ферме в Пон л'Эвен. Жизни влюбленных соединены навсегда благодаря чуду любви. Таким образом, В. Ирвинг показывает, что несчастная любовь может стать источником боли и страдания, более того – привести человека к серьезным психическим расстройствам. Но любовь – это мощное средство, способное исцелять душевные раны и помогать в выздоровлении. Она может вывести человека из любого трагического состояния. Зная личную трагедию писателя (его юная возлюбленная Матильда Хоффман скорпостижно скончалась в 1809 г.), в этой новелле можно усмотреть художественное осмысление пережитого опыта потери невесты. Из писем писателя, который впоследствии так и не связал себя узами брака, известно, что в течение многих лет воспоминания об утраченной любви приносили ему страдания.

Таким образом В. Ирвинг исследует разнообразные аспекты и глубину чувств влюбленных персонажей, создавая пронзительные и незабываемые образы, отражающие всю многогранность и сложность чувств в любовных отношениях. В целом, «Брейсбридж Холл, или Юмористы» предлагает нюансиро-

ligatawney club. I have even seen him present her with a full-blown rose from the hot-house, the veteran has regularly escorted her since, when she rides» [4, p. 89].

⁵⁶ «The sudden revulsion of feelings after such a transient gleam of happiness, was too much for her harassed frame. She was carried home senseless. Her life was for some time despaired of, and it was months before she recovered her health; but she never had perfectly recovered her mind: it still remained unsettled with respect to her lover's fate» [4, p. 258].

ванное и многогранное исследование темы любви. В. Ирвинг остроумно высмеивает человеческие слабости и романтические идеалы, одновременно выражая интерес к английским традициям и истории. Данный сборник рассказов остается важным вкладом в американскую литературу. Рассказы В. Ирвинга раскрывают различные грани отношений, от нежных и романтических чувств до жесткой реальности прагматизма и эгоизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стулов, Ю.В. Ирвинг, Вашингтон / Ю.В. Стулов // 100 писателей США. – Минск: Выш. шк., 2019. – С. 100–104.
2. Шестаков, В.П. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство / В.П. Шестаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lit.lib.ru/s/shestakow_w_p/text_0010.shtml#13. – Дата доступа: 10.04.2024.
3. Соловьева, Н.А. Американский романтизм / Н.А. Соловьева // История зарубежной литературы XIX века. – М. : Высш. шк., 1991. – С. 15–18.
4. Irving, W. Bracebridge Hall / W. Irving // Bracebridge Hall, Tales of a Traveller, The Alhambra / W. Irving. – New York : Library of America, 1991. – P. 1–378.
5. Ирвинг, В. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: из «Книги эскизов»; из книги «Брейсбридж-холл»; из книги «Рассказы путешественника» / В. Ирвинг; Пер. с англ.; Вступ. ст. Стенли Т. Уильямса; Коммент. С. Валова. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Литература, 2002. – С. 245–316.

УДК 373; 379.8

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИГРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК СРЕДСТВА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М. А. МАРКОВИЧ*(Представлено: канд. техн. наук, доц. А. С. КИРИЕНКО)*

В статье рассмотрена проблема низкой учебной мотивации и познавательной активности учащихся на уроках «Трудового обучения. Технический труд». Обоснована актуальность применения игровых методик, как средства повышения эффективности технологического образования. Представлены результаты разработки и апробации авторской игровой механики на основе настольного обучающего игрового устройства. Проведенный педагогический эксперимент подтвердил, что использование игрового подхода способствует росту интереса к предмету и улучшению усвоения конструкторско-технологических знаний.

Введение. Современное технологическое образование в Республике Беларусь, в рамках предмета «Трудовое обучение. Технический труд», сталкивается с вызовами, связанными со снижением вовлеченности и познавательной активности учащихся. Традиционные методы обучения зачастую не способны сформировать устойчивый интерес и развить ключевые компетенции, такие как критическое мышление и креативность. [1 - 2]

Актуальность проблемы усугубляется перенасыщенностью современного информационного пространства. Учащиеся ежедневно получают огромные объемы информации из телевидения, интернета и других источников, что затрудняет процесс самостоятельного отбора и оценки знаний. Кроме того, наблюдается общая тенденция пассивности обучаемых, которые в большей степени ориентированы на потребление, а не на созидательную деятельность.

В этом контексте игровые методики представляются эффективным инструментом модернизации образовательного процесса. Игра, как естественная форма деятельности, создает положительный эмоциональный настрой и позволяет в увлекательной форме осваивать и повторять учебный материал.

Целью данного исследования стала разработка и внедрение в образовательный процесс специализированной игровой механики для развития конструкторско-технологических знаний школьников.

Постановка задачи

В рамках исследования ставились следующие задачи исследования:

1. Провести анализ учебного предмета «Трудовое обучение. Технический труд» в контексте требований образовательного стандарта.
2. Определить роль и место дидактических игр и игровых механик в системе трудового обучения.
3. Разработать игровую механику с учетом возрастных, групповых и индивидуальных психолого-педагогических особенностей учащихся.
4. Разработать и провести экспериментальный урок с использованием авторской игровой механики и настольного обучающего игрового устройства.
5. Обработать результаты педагогического эксперимента и оценить эффективность предложенной методики.

Гипотеза исследования заключалась в предположении того, что систематическое использование в педагогической практике специально разработанной игровой механики на основе настольного обучающего устройства будет способствовать повышению мотивации учащихся, их познавательной активности и, как следствие, более глубокому усвоению конструкторско-технологических знаний. [2]

Основная часть. Теоретической основой исследования выступили работы, раскрывающие психолого-педагогический потенциал дидактической игры. Дидактическая игра является мощным средством развития интереса к учебному предмету. В процессе игры у учащихся вырабатывается привычка самостоятельно мыслить, концентрировать внимание, проявлять инициативу. Игровая механика в образовании преследует двойную цель: обучающую (которую ставит педагог) и игровую (ради которой действует ученик). Их гармоничное сочетание обеспечивает усвоение программного материала.

Ключевым элементом подготовки к игре является четкое изложение ее сюжета, распределение ролей и постановка познавательной задачи. Учитель выступает в роли фасилитатора, создающего условия для самоутверждения и саморазвития каждого ученика. Успех в игровой деятельности укрепляет веру учащихся в собственные силы и стимулирует желание дальнейшего познания.

Игровые действия составляют основу любой игры. Чем они разнообразнее, тем интереснее процесс для учащихся и тем успешнее решаются познавательные задачи. Игровые механики способствуют:

1. Развитию мышления, памяти, внимания и наблюдательности.
2. Активизации познавательной деятельности.
3. Возможности проявить свои способности и применить имеющиеся знания.
4. Снятию психологического утомления и созданию атмосферы радости на уроке.
5. Формированию навыков самодисциплины и организаторских способностей.
6. Созданию условий для проявления способностей и применения знаний на практике. Снятию психологического утомления и формирование положительной атмосферы на уроке.

Методы исследований

Разработанная методика основывалась на соблюдении трех ключевых условий:

1. Соответствие учебным целям: Игра была напрямую интегрирована в тему урока.
2. Доступность: Содержание и правила соответствовали возрастным возможностям учащихся.
3. Умеренность: Использование игры было дозированным и методически обоснованным.

На основе проведенного проведенных теоретических исследований в области применения игровых образовательных технологий и методик была создана авторская игровая механика, центральным элементом которой стало настольное обучающее игровое устройство. Оно было разработано для отработки практических навыков и решения технологических задач в формате соревновательной деятельности.

Для проверки гипотезы был проведен педагогический эксперимент в школьных условиях. Учащиеся были разделены на контрольную (обучение по традиционной методике) и экспериментальную (с использованием игрового устройства) группы. Эффективность методики оценивалась по уровню учебной мотивации, активности на уроке и качеству выполнения практических заданий. [3]

Результаты и их обсуждение

Анализ результатов педагогического эксперимента показал устойчивую положительную динамику в экспериментальной группе по сравнению с контрольной.

1. Мотивационный компонент: Учащиеся экспериментальной группы демонстрировали значительно более высокую вовлеченность в работу на уроке. Наблюдался повышенный интерес к содержанию заданий и стремление к достижению игровых целей, связанных с учебными.

2. Когнитивный компонент: Результаты выполнения практических работ и тестовых заданий показали, что учащиеся экспериментальной группы лучше усвоили алгоритмы технологических операций и конструкторские принципы. Игровая ситуация способствовала более глубокому осмыслению материала.

3. Поведенческий компонент: В экспериментальной группе была зафиксирована более высокая познавательная активность: учащиеся чаще задавали уточняющие вопросы, проявляли инициативу в командной работе и демонстрировали самостоятельность в поиске решений.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась. Внедрение разработанной игровой механики не только повысило привлекательность урока, но и оказало непосредственное влияние на качество образовательных результатов. [4]

Выводы. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о высокой эффективности разработанной игровой методики. Ее внедрение в преподавание предмета «Трудовое обучение. Технический труд» позволяет решить актуальную проблему низкой мотивации учащихся и способствует более качественному усвоению конструкторско-технологических знаний. Использование настольного обучающего устройства, интегрированного в учебный процесс в соответствии с дидактическими принципами, является перспективным направлением модернизации технологического образования и формирования у школьников компетенций, востребованных в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ состояния технологического образования в учреждениях общего среднего образования Республики Беларусь. – Мн.: НИО, 2020.
2. Образовательный стандарт общего среднего образования Республики Беларусь. – Мн.: НИО, 2023.
3. Петрович, А. Д. Решение педагогических задач в технологических дисциплинах с помощью настольных игр / А. Д. Петрович, М. А. Маркович // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета / Полоцкий государственный университет ; ред. кол. : Д. Н. Лазовский (пред.) [и др.] . - Новополоцк : ПГУ, 2020. - Вып. 33 (103): Образование, педагогика. – С. 249-250.

4. Петрович, А. Д. Моделирование процесса создания изделий из древесины с применением игровых конструкций / А. Д. Петрович, М. А. Маркович // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета / Полоцкий государственный университет ; ред. кол. : Д. Н. Лазовский (пред.) [и др.] . - Новополоцк : ПГУ, 2020. - Вып. 33 (103): Образование, педагогика. – С. 251-252.
5. Петрович, А. Д. Анализ использования игр в образовательном процессе / А. Д. Петрович, М. А. Маркович // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета / Полоцкий государственный университет ; ред. кол.: О. А. Романов (пред.) [и др.]. - Новополоцк : ПГУ, 2021. - Вып. 38 (108): Образование, педагогика. – С. 246-247.

УДК 373; 379.8

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ВНЕДРЕНИЮ ИГРОВОЙ МЕХАНИКИ НА УРОКАХ ТЕХНИЧЕСКОГО ТРУДА ДЛЯ УЧАЩИХСЯ 7-Х КЛАССОВ

М. А. МАРКОВИЧ

(Представлено: канд. техн. наук, доц. А. С. КИРИЕНКО)

В статье представлены результаты педагогического эксперимента по внедрению игровой механики с использованием настольного обучающего игрового устройства в учебный процесс по предмету «Трудовое обучение. Технический труд» на тему «Мебельная фурнитура». Целью исследования была оценка влияния игровой механики на повышение интереса учащихся и усвоение учебного материала. Результаты анкетирования и наблюдений свидетельствуют о повышении мотивации и учебной активности в экспериментальной группе.

Введение. Современные образовательные реалии характеризуются высокой конкуренцией с интерактивными развлечениями, что делает традиционные методы обучения недостаточно эффективными для удержания внимания и мотивации учащихся. Это в полной мере относится к предмету «Трудовое обучение. Технический труд», где необходимо формировать не только знания, но и практические навыки. В этой связи актуальным является поиск и внедрение педагогических инструментов, способных трансформировать учебный процесс в увлекательную и продуктивную деятельность.

Одним из таких инструментов выступают игровые механики, которые позволяют учащимся стать активными участниками образовательного процесса. Целью данного педагогического эксперимента стало повышение интереса обучаемых к предмету, улучшение усвоения учебного материала и развитие необходимых практических навыков через внедрение специализированного настольного обучающего игрового устройства. [1 – 2]

Основная часть. Базой для проведения педагогического эксперимента стала база прохождения научной и педагогической практики ГУО «Базовая школа №10 г. Новополоцка». В исследовании участвовали учащиеся 7-х классов (экспериментальная группа 34 обучаемых) и 8-х классов (контрольная группа 28 обучаемых), уже изучившие тему «Мебельная фурнитура» в традиционной форме. Для экспериментальной группы был разработан и проведен бинарный урок с использованием авторского настольного обучающего игрового устройства (в формате игровых карт), адаптированного под содержание учебной программы.

Организация эксперимента строго регламентировалась и состояла из трех основных этапов, отраженных в технологической схеме (Табл. 1).

Таблица 1. – Технологическая схема реализации сегмента урока с использованием настольного обучающего игрового устройства

Этап подготовки		- общее описание - содержание инструктажа - подготовка материального обеспечения
	Ввод в игру	- постановка проблемы, целей - условия, инструктаж - регламент, правила - распределение и формирование групп - консультации
Этап проведения	Работа над заданием	Работа с источниками, тренинг, мозговой штурм, работа с игровой механикой с применением настольного обучающего игрового устройства
	Межгрупповая дискуссия	Выступление обучаемых у которых получилось собрать свою модель Показ результатов (проверяет учитель)
Этап анализа и обобщения		- Остановка и прекращение эксперимента - Анализ, рефлексия - Оценка учителя - Самооценка обучаемого - Выводы и обобщения - Рекомендации - Проведение педагогического опроса методом анкетирования для выявления значимости внедрения настольного обучающего игрового устройства.

Особое внимание уделялось созданию условий для самостоятельной познавательной деятельности учащихся. Игровая механика была построена по принципу постепенного усложнения задач, что позволяло учитывать индивидуальные особенности обучающихся.

Методы исследований

Для оценки эффективности предложенной методики использовался комплекс диагностических методов, включающий:

- педагогическое наблюдение;
- анализ результатов выполнения практических заданий;
- анкетирование учащихся;
- статистическая обработка данных. [3]

Результаты и их обсуждение

Результаты исследования выявили статистически значимые различия между экспериментальной и контрольной группами по следующим показателям (Табл.2):

Таблица 2. – Сравнительные показатели эффективности обучения

Критерий оценки	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Уровень учебной мотивации	87%	45%
Качество усвоения материала	8,7/10	6,9/10
Активность на уроке	Высокая	Средняя
Самостоятельность	92%	65%

1. Учебная мотивация. В экспериментальной группе отмечалось повышение уровня внутренней мотивации к изучению предмета. По данным анкетирования, 87% учащихся выразили желание продолжить обучение с использованием игровых технологий, в то время как в контрольной группе этот показатель составил лишь 45%.

2. Качество усвоения материала. Анализ выполненных практических заданий показал, что учащиеся экспериментальной группы демонстрировали более глубокое понимание функциональных особенностей мебельной фурнитуры и принципов ее применения. Средний балл за выполнение итогового задания в экспериментальной группе составил 8,7 из 10 возможных, в контрольной - 6,9.

3. Познавательная активность. В процессе педагогического наблюдения было зафиксировано, что учащиеся экспериментальной группы проявляли значительно большую самостоятельность при решении поставленных задач, чаще задавали уточняющие вопросы и демонстрировали готовность к исследовательской деятельности.

Полученные данные позволяют утверждать, что использование настольного обучающего игрового устройства способствует созданию благоприятных условий для формирования предметных компетенций и развития познавательного интереса учащихся. [4]

Выводы. Проведенное исследование подтвердило эффективность интеграции игровых технологий в процесс преподавания предмета «Трудовое обучение. Технический труд». Разработанная методика использования настольного обучающего игрового устройства показала свою результативность в повышении учебной мотивации и качества усвоения материала.

Основные преимущества предложенного подхода включают:

- усиление практической направленности обучения;
- создание условий для дифференциации учебного процесса;
- развитие метапредметных компетенций;
- формирование положительного отношения к предмету.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке серии настольных обучающих игр для различных разделов предмета «Трудовое обучение. Технический труд», а также в адаптации предложенной методики для других учебных дисциплин технологического цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрович, А. Д. Решение педагогических задач в технологических дисциплинах с помощью настольных игр / А. Д. Петрович, М. А. Маркович // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета / Полоцкий государственный университет ; ред. кол. : Д. Н. Лазовский (пред.) [и др.] . - Новополоцк : ПГУ, 2020. - Вып. 33 (103): Образование, педагогика. – С. 249-250.
2. Геймификация в образовании: методики и практики / Под ред. А.А. Вербицкого. - М.: Юрайт, 2021. - 312 с.

3. Маркович, М.А. Методика использования игровых образовательных технологий на примере настольной игры для совершенствования технологического образования учащихся: дис. / М.А. Маркович. – Новополоцк, 2025. – 58 с.
4. Петрович, А. Д. Анализ использования игр в образовательном процессе / А. Д. Петрович, М. А. Маркович // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета / Полоцкий государственный университет ; ред. кол.: О. А. Романов (пред.) [и др.]. - Новополоцк : ПГУ, 2021. - Вып. 38 (108): Образование, педагогика. – С. 246-247.

УДК 159.923

**ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПОВЫШЕНИЮ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ
К ЗАНЯТИЯМ НА ОСНОВЕ ИХ ПРОФИЛЯ ФАКУЛЬТЕТА****А. С. ПОДЛЕЩУК, А. С. ДЕМЬЯНОВА****(Представлено: И. А. МАРИНА)**

Статья посвящена разработке практических рекомендаций по повышению мотивации студентов к занятиям физической культурой на основе анализа результатов сдачи нормативов ГФОК. Выявлены устойчивые корреляции между профилем обучения и уровнем физической подготовленности. Полученные данные свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к организации учебного процесса. Предложены адресные меры по оптимизации физического воспитания с учетом выявленных профильно-специфичных проблем.

Введение. В современных социально-экономических условиях физическая культура приобретает особое значение как фактор укрепления здоровья населения и формирования гармонично развитой личности. Она способствует развитию не только физических качеств человека, но и оказывает положительное влияние на его психологическое состояние, повышая устойчивость к стрессам и способствуя развитию волевых и моральных качеств. В Республике Беларусь важнейшим инструментом популяризации физической культуры и спорта является Государственный физкультурно-оздоровительный комплекс (ГФОК) «Готов к труду и обороне». Целью данной программы является ориентация населения на приоритет здорового образа жизни через систему мотивации и стимулирования регулярных занятий [1].

Ключевыми задачами программы ГФОК выступают: повышение заинтересованности руководителей организаций в физическом воспитании работников и учащихся; разработка и внедрение эффективных мер стимулирования граждан к систематическим занятиям; а также развитие необходимой для этого материально-технической базы. Однако успешная реализация этих задач невозможна без формирования осознанной внутренней мотивации у каждого человека, который должен самостоятельно прийти к пониманию роли физической культуры в своей жизни.

В каждодневно изменяющемся мире физическая культура принимает огромное значение, ведь она делает человека выносливым, готовым к работе, сильным не только физически, но и духовно, что меньше подвергает его стрессам – неотъемлемой части нашего мира. Физическая культура дает человеку чувство физического совершенства, укрепляет организм, формирует волевой дух, а также укрепляет моральные качества. Все это имеет колоссальное значение в процессе формирования личности и позволяет человеку находить все новые подходы к рутине в работе, помогая в достижении установленных на своем пути целей [2].

В контексте высшего образования вопрос мотивации студентов к занятиям физической культурой требует особого внимания, поскольку именно в этот период закладываются основы будущего профессионального долголетия и здорового образа жизни. В связи с этим представляется актуальной разработка практических рекомендаций по повышению мотивации студентов к занятиям на основе их профильной принадлежности, что позволит повысить эффективность физического воспитания в вузе и будет способствовать достижению стратегических целей комплекса ГФОК.

Цель. Целью работы является разработка адресных практических рекомендаций по повышению мотивации студентов к занятиям физической культурой на основе анализа зависимости между профилем факультета и результатами сдачи нормативов.

Задачи исследования. Провести сравнительный анализ общего уровня физической подготовленности студентов различных факультетов; выявить профильно-специфичные сильные и слабые стороны в физической подготовке на основе успешности выполнения отдельных нормативов; определить связь между характером академической нагрузки и развитостью определенных физических качеств; разработать практические рекомендации по повышению мотивации и оптимизации процесса физического воспитания для каждой выделенной группы студентов.

Методы исследования. Основным методом исследования является анализ количественных данных, полученных в результате сдачи нормативов ГФОК. Анализ проводился по восьми нормативам, всесторонне оценивающим основные физические качества: прыжок в длину с места; наклон вперед из положения стоя; сгибание и разгибание рук в упоре лежа; подтягивание на перекладине; поднимание туловища из положения лежа за 60 секунд; челночный бег 4×9 метров; бег на 30 метров; бег на 1500 и 3000 метров. Оценка результатов осуществлялась методом среднего арифметического, где по каждому нормативу для факультета вычислялся средний балл как сумма результатов всех студентов, поделенная на их количество, а общий средний балл факультета рассчитывался как среднее значение от суммы средних баллов по всем нормативам, что позволило получить интегральную оценку физической подготовленности студентов

каждого факультета и провести сравнительный анализ, а также применяется теоретический анализ для интерпретации полученных данных и формирования выводов.

Результаты и их обсуждение. Настоящий аналитический обзор подготовлен на основании обработки результатов сдачи нормативов Государственного физкультурно-оздоровительного комплекса (ГФОК) Республики Беларусь за 2022 год, в котором принимали участие студенты Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой в возрасте 18–20 года в количестве 300 человек. В исследовании были задействованы обучающиеся разных факультетов университета, а именно: гуманитарный факультет (ГФ), инженерно-строительный факультет (ИСФ), юридический факультет (ЮФ), факультет информационных технологий (ФИТ), факультет компьютерных наук и электроники (ФКНЭ), а также финансово-экономический факультет (ФЭФ).

Проведенный анализ позволяет выявить не только общий уровень физической подготовленности студенческого контингента, но и установить корреляцию между профилем получаемого образования и результативностью в отдельных видах физической активности.

Наиболее подготовленными в целом оказались студенты ГФ, продемонстрировавшие лидерство с общим баллом 6,984. Необходимо отметить, что в структуре ГФ присутствуют академические группы, имеющие непосредственное отношение к сфере физической культуры (например, 21-ФС, 20-ФС), которые традиционно показывают стабильно высокие результаты, что закономерно влияет на общие показатели факультета. Отличительной чертой студентов ГФ является равномерно высокий результат по различным нормативам. Особенно выделяются показатели, требующие выносливости и скоростно-силовых способностей: в беге на 1500/3000 метров они показали наивысший средний балл – 8,306, а в челночном беге 4х9 м – 8,150. Столь высокие результаты в циклических видах нагрузки, сопряженных с преодолением дистанции, позволяют сделать вывод о хорошем функциональном состоянии сердечно-сосудистой и дыхательной систем. Кроме того, они показали лучший результат в прыжке в длину с места (7,500 балла) и одно из первых мест в поднимании туловища за 60 секунд (7,700 балла), что свидетельствует о развитии мышц брюшного пресса и прыгучести.

Студенты ИСФ, чей общий балл составил 6,488, также показали результаты выше среднего, однако их профиль физических качеств имеет свою специфику. Подобно гуманитариям, они демонстрируют отличную выносливость, показав второй результат в беге на 1500/3000 метров (8,192 балла). При этом их результаты в силовых нормативах, таких как сгибание-разгибание рук в упоре (6,400 балла) и подтягивание (6,188 балла), являются стабильно хорошими, хотя и несколько уступают лидерам. Можно предположить, что для будущей профессиональной деятельности, потенциально связанной с физическим трудом, студенты ИСФ интуитивно или осознанно развивают силовую компоненту.

Напротив, у студентов факультетов, чья академическая деятельность носит выраженный статический и интеллектуально-напряженный характер, наблюдается системное отставание. Так, учащиеся ФИТ с общим баллом 5,448 и ФКНЭ с общим баллом 5,203 демонстрируют схожую картину. Для них характерны низкие, а в некоторых случаях минимальные, результаты в нормативах, требующих развития абсолютной и относительной силы. В частности, на ФКНЭ зафиксирован один из самых низких показателей по подтягиванию – 4,125 балла и сгибанию-разгибанию рук в упоре – 4,917 балла. Аналогичная ситуация наблюдается и на ФИТ, где балл за подтягивание составляет 4,333. При этом их показатели в беге на 30 метров (ФИТ – 7,075, ФКНЭ – 6,135) и челночном беге (ФИТ – 6,658, ФКНЭ – 6,270) находятся на среднем уровне, что указывает на сохранение скоростных качеств при общем дефиците силы и выносливости.

Явным аутсайдером в силовых нормативах является ФЭФ, чьи результаты по подтягиванию (3,444 балла) и сгибанию-разгибанию рук в упоре (4,410 балла) являются самыми низкими среди всех факультетов.

Студенты ЮФ, имея общий балл 5,423, демонстрируют относительно неплохую гибкость (наклон вперед – 6,950 балла), но при этом показывают низкие результаты в беговых дисциплинах, требующих выносливости (челночный бег – 5,281, бег 1500/3000 м – 5,913) и скорости (бег 30 м – 5,188).

Особого внимания заслуживает норматив «Бег 1500/3000 м», который наиболее объективно отражает состояние общей выносливости. Здесь наблюдается резкий контраст между факультетами. Если ГФ и ИСФ показывают результаты выше 8 баллов, то у ФКНЭ он падает до 6,774, у ФЭФ – до 6,393, а у ФИТ – до 5,160.

Полученные данные позволяют четко идентифицировать проблемные зоны для каждого факультета. Для ФКНЭ, ФИТ и ФЭФ это – общий низкий уровень силовой подготовленности и выносливости. Для ЮФ – недостаточное развитие скоростных качеств и выносливости при сохранении удовлетворительной гибкости. В то же время, факультеты-лидеры (ГФ и ИСФ) демонстрируют сбалансированное развитие всех физических качеств.

Выводы и рекомендации. Полученные данные позволяют четко идентифицировать проблемные зоны для каждого факультета. Для ФКНЭ, ФИТ и ФЭФ это – общий низкий уровень силовой подготовленности и выносливости. Для ЮФ – недостаточное развитие скоростных качеств и выносливости при сохранении удовлетворительной гибкости. В то же время, факультеты-лидеры (ГФ и ИСФ) демонстрируют сбалансированное развитие всех физических качеств.

На основании проведенного анализа результатов сдачи нормативов по физической подготовке студентов представляется целесообразным разработать комплекс адресных предложений по оптимизации учебного процесса для различных факультетов. Учет выявленной специфики позволит повысить эффективность физического воспитания в вузе.

Для студентов экономических, юридических и технических направлений (ФЭФ, ЮФ, ФИТ, ФКНЭ), характеризующихся значительным разбросом результатов и наличием существенного количества слабо подготовленных студентов, необходима реализация дифференцированного подхода в рамках учебных программ. Это предполагает формирование внутри учебных групп подгрупп с различным уровнем нагрузки и сложности предлагаемых упражнений. Для повышения мотивации и регулярной физической активности данной категории обучающихся рекомендуется расширить спектр элективных дисциплин по физической культуре за счет внедрения современных и популярных видов активности, таких как функциональный тренинг, элементы единоборств, игровые виды спорта в облегченной форме. Одновременно с этим важным представляется проведение регулярных мотивационных мероприятий немедленно соревновательного характера, например, «Дней здоровья» или тематических квестов с элементами сдачи нормативов, что позволит вовлечь в процесс студентов с разной исходной подготовкой.

Для групп, чья будущая профессиональная деятельность связана с физическим трудом или активностью, как, например, строительные специальности (ИСФ), учебный процесс по физической культуре должен иметь выраженную профессионально-прикладную направленность. Целесообразно включить в программу модули, направленные на развитие конкретных физических качеств, востребованных в профессии: силовой и статической выносливости, мышц спины и плечевого пояса, а также упражнения, моделирующие элементы трудовой деятельности. Такой подход не только повысит общую физическую подготовленность, но и продемонстрирует студентам прямую связь между занятиями физкультурой и их будущей профессиональной эффективностью.

Для факультетов спортивного профиля (ГФ), демонстрирующих стабильно высокие результаты, задача оптимизации заключается в дальнейшем совершенствовании и поддержании достигнутого уровня. Этому может способствовать углубление специализированных модулей, ориентированных на развитие скоростно-силовых качеств и специальной выносливости. Кроме того, позитивным эффектом может обладать привлечение наиболее подготовленных студентов-спортсменов к наставнической деятельности и проведению физкультурно-массовых мероприятий для студентов других направлений подготовки, что будет способствовать передаче опыта и укреплению межкафедрских связей.

На общеуниверситетском уровне оптимизация учебного процесса предполагает активное внедрение механизмов стимулирования и поощрения. Эффективной может стать система, при которой улучшение нормативных показателей или активное участие в спортивной жизни вуза поощряется дополнительными баллами в рамках кумулятивного рейтинга или внеучебной деятельности. Современные цифровые технологии, такие как специализированные мобильные приложения для мониторинга физической активности, позволяют студентам самостоятельно отслеживать свой прогресс, а преподавателям - осуществлять более объективный и непрерывный контроль.

Важным условием успешной реализации данных предложений является совершенствование профессиональной компетенции преподавательского состава. Повышение квалификации преподавателей физической культуры должно быть направлено на освоение методик работы с разноуровневыми группами, технологий мотивации и основ построения индивидуальных программ. Параллельно с этим целесообразно обогатить теоретический раздел дисциплины «Физическая культура» модулями, раскрывающими основы здорового образа жизни, рационального питания и психологии спорта, что способствует формированию у студентов целостного представления о факторах, определяющих физическое состояние человека.

Таким образом, предложенный комплекс мер, основанный на данных проведенного анализа, направлен на создание гибкой, адресной и мотивационной среды в системе физического воспитания вуза, что позволит повысить общий уровень подготовленности студентов и сократить разрыв между группами с различными исходными возможностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Государственном физкультурно-оздоровительном комплексе Республики Беларусь «Готов к труду и обороне» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22339764>. – Дата доступа: 09.10.2025.
2. Степичева Н. В., Бровашова О. Ю. Физкультурно-оздоровительная работа в формировании физического здоровья студентов // Инновационные преобразования в сфере ФКСиТ. Научные труды XX Международной научно-практической конференции. Министерство спорта РФ; Научно-методический совет по физической культуре Юга РФ; ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». 2017. С. 210-212.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Анисимова Я. И.</i> Карательные операции нацистов в отношении мирного населения на оккупированной территории Беларуси в период с июня 1941 – по май 1942 гг.	3
<i>Анисимова Я. И.</i> Нацистские карательные операции на территории Беларуси в период с июня 1942 по январь 1943 года: особенности и методы	7
<i>Анисимова Я. И.</i> Карательные операции нацистов на территории Беларуси в период с февраля 1943-1944 гг.: тактика, масштабы и последствия	12
<i>Владимиров Н. А.</i> Статистическая характеристика еврейского населения восточной Витебщины в 1920–1939 гг.	16
<i>Владимиров Н. А.</i> Численность еврейского населения восточной Витебщины в 1862–1939 гг.: историография и современное состояние проблемы	20
<i>Владимиров Н. А.</i> «Ключ царства небесного» как отражение религиозно-полемического кризиса конца XVI – начала XVII вв.	24
<i>Караваяев А. В.</i> Политика ликвидации безграмотности в Полоцком округе (1924–1930 гг.): по материалам газеты «Полоцкий пахарь»	28
<i>Караваяев А. В.</i> Создание и деятельность Полоцкого окружного общества краеведения с 1925 по 1930 гг.	32
<i>Карташов И. И.</i> Празднование 1100-летия города Полоцка	37
<i>Карташов И. И.</i> Празднование 1125-летия города Полоцка	40
<i>Селивончик К. М.</i> Становление и развитие партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.)	42
<i>Селивончик К. М.</i> Потери партизан при освобождении территории Беларуси за сентябрь 1943 – май 1944 гг.	47
<i>Филиппова К. В.</i> История создания католического монашеского ордена Доминиканцев в XIII в.	52
<i>Францкевич П. Г.</i> Особенности южного вектора внешней политики Речи Посполитой в 1621–1648 гг.	55
<i>Францкевич П. Г.</i> Южный вектор внешней политики Речи Посполитой в 1648–1670-х гг.	58
<i>Францкевич П. Г.</i> Речь Посполитая в Великой Турецкой войне 1683–1699 гг.	62
<i>Чудов М. А.</i> Город Ветка в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям местных жителей и архивным документам)	66
<i>Чудов М. А.</i> Партизанское движение на Ветковщине в годы Великой Отечественной войны	68
<i>Шевяко В. А.</i> Памятники археологии на территории Шумилинского района	71
<i>Шевяко В. А.</i> История изучения археологических объектов на территории Шумилинского района в 1933–1985 гг.	75
<i>Шкетин М. Е.</i> Оборона Гродно летом 1941 года в воспоминаниях участников событий	78

ПЕДАГОГИКА, МЕТОДИКА, ПСИХОЛОГИЯ. ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ, ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

<i>Атросенко Е. С.</i> Сущность и понятие экстенсивного чтения	82
<i>Врублевский Ю. И.</i> Патриотическое воспитание средствами декоративно-прикладного творчества на уроках трудового обучения	84
<i>Врублевский Ю. И.</i> Роль учителя в формировании патриотизма школьников	87
<i>Матюшевский И. С.</i> Анализ возможностей интеграции искусственного интеллекта в систему технологического образования	90
<i>Матюшевский И. С.</i> Практические модели и методы интеграции искусственного интеллекта в технологическое образование Республики Беларусь	93
<i>Матюшонок П. Ю.</i> Особенности патриотического воспитания детей старшего дошкольного возраста	97
<i>Матюшонок П. Ю.</i> Особенности патриотического воспитания детей старшего дошкольного возраста в контексте игровой деятельности	99
<i>Матюшонок П. Ю.</i> От игры к любви к Родине: виртуальные игры в патриотическом воспитании детей старшего дошкольного возраста	102
<i>Палий А. Г.</i> Сущностные характеристики читательской грамотности как объекта отечественного и международного мониторинга	104

<i>Астраух К. А.</i> Просоциальное поведение: различия между группами подростков с девиантным и нормативным поведением	108
<i>Волков Г. Г.</i> Индивидуально-психологические особенности людей с инвалидностью, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата и без нарушений.....	113
<i>Волков Г. Г.</i> Взаимосвязь восприятия временных перспектив и индивидуально-психологических характеристик людей с инвалидностью, с нарушением опорно-двигательного аппарата.....	117
<i>Гугнина Я. А.</i> Расстройство пищевого поведения: сущность, причины и последствия.....	120
<i>Гугнина Я. А.</i> Оценка эффективности тренинговых занятий по профилактике нарушений пищевого поведения у студентов	122
<i>Дальчанина А. В.</i> Самоотношение и профессиональная идентичность у студентов гуманитарных и технических специальностей.....	124
<i>Жук М. И.</i> Развитие психофизических качеств у детей среднего дошкольного возраста посредством подвижных игр.....	127
<i>Зорин Е. С.</i> Количество времени, проводимое в приложении TikTok, как индикатор зависимости: количественный взгляд на проблему	131
<i>Зорин Е. С.</i> Взаимосвязь количества времени, проведенного в приложении TikTok, с компонентами воспринимаемого стресса у личности юношеского возраста.....	133
<i>Иванова М. В.</i> Суицидальное поведение подростков: Обзор теоретических подходов	137
<i>Иванова М. В.</i> Взаимосвязь суицидального риска и субъективного одиночества у подростков.....	140
<i>Озерова В. В.</i> Самооценка и учебная мотивация обучающихся.....	143
<i>Павловская Е. Е.</i> Взаимосвязь психологического благополучия и представлений о внешнем облике у современных девушек.....	146
<i>Романовская В.М.</i> Теоретические аспекты изучения психологического и субъективного благополучия	149
<i>Тихонова Е. Р.</i> Выраженность личностных свойств и состояний у детей младшего школьного возраста с разным детским опытом домашнего насилия	152
<i>Тихонова Е. Р.</i> Выраженность личностных свойств и состояний у подростков с разным детским опытом домашнего насилия.....	155
<i>Трашкова В. В.</i> Пол и социальный статус как предикторы ответственности и жизненных ценностей у молодых людей.....	159
<i>Мучанко Е. С.</i> Эстетика силы: историография становление атлетизма во Франции.....	162
<i>Подлещук А. С., Демьянова А. С.</i> Мотивация студентов к занятиям физической культурой в зависимости от профиля факультета	166
<i>Подлещук А. С., Демьянова А. С.</i> Основные и второстепенные факторы, влияющие на мотивацию студентов к занятиям физической культурой.....	169
<i>Царькова Д. С., Иванько Ю. А.</i> Исследование показателей физического развития студентов спортивных специальностей	171
<i>Царькова Д. С., Иванько Ю. А.</i> Оценка уровня работоспособности сердечно-сосудистой системы студентов при физической нагрузке.....	175

ЛИНГВИСТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Анацко А. В.</i> Неологизмы цифровой эпохи: язык Интернета и IT-индустрии	178
<i>Бедунько М. П.</i> Эвфимизмы в английском языке: функции и роль в коммуникации.....	182
<i>Денисова Д. Н.</i> Паремия как лингвистическое явление.....	185
<i>Денисова Д. Н.</i> Когнитивно-семантические особенности отражения понятия «возраст» в английских паремиях	189
<i>Дубовик М. А.</i> Структурно-семантические особенности рекламной коммуникации в сфере киберспорта.....	192
<i>Дубяго О. В.</i> Выявление функционального потенциала метафоры в TED-лекциях экологической направленности	196
<i>Дубяго О. В.</i> Функции метафор в зависимости от позиции в тексте (на материале TED-лекций экологической направленности)	200
<i>Дубяго О. В.</i> Характеристика медийного экологического дискурса.....	204
<i>Жизневская А. Э.</i> Анализ средств языковой репрезентации концепта «еда» в романе Маргарет Этвуд «Лакомый кусочек	208
<i>Жизневская А. Э.</i> Концепт в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом понимании	211
<i>Жизневская А. Э.</i> Художественный концепт и особенности его метафорической репрезентации	215

Казиева В. Р. Семантико-прагматический анализ никнеймов	220
Кириллова В. С. Фразеологизмы как объект лингвистического исследования	224
Кириллова В. С. Когнитивно-семантический анализ английских фразеологизмов, выражающих эмоциональное состояние человека	228
Лясович И. Р. Неологизмы как лингвистическое явление	232
Лясович И. Р. Особенности классификации неологизмов в английском языке	234
Лясович И. Р. Словообразовательные модели неологизмов в современном английском языке	237
Радос Р. Х. Стратегия позитива и способы ее реализации в англоязычном туристическом дискурсе (на материале туристической англоязычной брошюры “Discover Munich: the Official Guide»)	240
Чехович В. В. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентами «bread», «milk», «tea» в английском языке	244
Шкетик К. Н. Жанровая специфика буктрейлера (на материале TikTok-буктрейлеров)	247
Ясенович В. С. Особенности перевода фразеологизмов с компонентом «яблоко» на русский язык	250
Бабинский В. В. Проблематика книги Г.Д. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу»	253
Добровлянина Д. М. Специфика воплощения мужских образов в романе Э. Гаскел «Север и Юг»	256
Кириллова В. С. Образ священника в романе О. Голдсмита «Векфилдский священник»	260
Королёва А. С. Создание окказиональных слов при переводе романа Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер и Кубок огня»	263
Кузьмич Ю. Г. Философские учения эпохи Просвещения как основа развития английской литературы первой трети XVIII века	266
Кузьмич Ю. Г. Эволюция характера главной героини романа Д. Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс» под влиянием законов общества и обстоятельств	269
Лещенко Е. Г. Формирование интерпретационных навыков иностранных студентов при анализе художественного текста с использованием историко-контекстуального метода	274
Наумик А. А. Взаимодействие человека с обществом и природой в малой прозе Э.М. Форстера	276
Наумик А. А. Личностная зрелость и межличностная зависимость в контексте «своего» и «чужого» (на материале малой прозы Э.М. Форстера)	279
Тихонова К. М. Тема любви в сборнике В. Ирвинга «Брейсбридж-холл, или Юмористы»	281
Маркович М. А. Анализ использования игровых образовательных технологий как средства повышения эффективности технологического образования	285
Маркович М. А. Результаты педагогического эксперимента по внедрению игровой механики на уроках технического труда для учащихся 7-х классов	288
Подлещук А. С., Демьянова А. С. Практические рекомендации по повышению мотивации студентов к занятиям на основе их профиля факультета	291